М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

РУССКАЯ ФАБРИКА

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ

(ПЕРЕПЕЧАТАНО С 3-го ИЗДАНИЯ
С ПРИМЕЧАНИЯМИ РЕДАКЦИИ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

Редактор С. Басист Техн. редактор Р. Шапиро

Сдано в производство 3/11 1934 г. Подписано к печати 25/X 1934 г.
Формат 62x94 1/16. 27 1/2 п. л. + 1 вклейка (схема). 39879 зн. в п. л. ОГИЗ С-1-14 № 1315.
Уполномоч. Главлита Б—37639. Тираж 10.000 экз. Заказ 1246

Набрано в типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" Москва, Валовая, 28.
Отпечатано в типографии Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18.

Книга М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика» вышла первым изданием в 1898 г.

Автор на основе большого архивного и не тронутого ранее печатного материала дал картину развития русской фабрики от крепостной мануфактуры XVII в. до машинной индустрии 90-х годов.

Но книга Туган-Барановского, как неоднократно отмечал Ленин (см. примечания к «Развитию капитализма в России»), — не марксистская книга. Ее автор в то время принадлежал к группе так называемых «легальных марксистов»; Ленин характеризовал легальный марксизм как «отражение марксизма в буржуазной литературе», и этим определяется его идеологическая сущность. «Гг. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п... были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»[1].

В дальнейшем Туган-Барановский эволюционировал в направлении к откровенному буржуазному либерализму, а в 1917 г. докатился до полной контрреволюции.

Туган-Барановский в своей книге доказывает неизбежность и необходимость развития русского капитализма, но он игнорирует в этом процессе его социальные противоречия, классовую борьбу пролетариата, ведущие к крушению капитализма.

Нельзя не отметить, что и фактический материал, сообщаемый автором, как отмечал в свое время В. И. Ленин, требует критического подхода.

Но, будучи одним из важнейших источников по конкретной истории развития промышленности России XVIII—XIX вв., «Русская фабрика» Тугана является полезным пособием для советского читателя, интересующегося и изучающего этот пред-

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 57, изд. 3-е.

мет. Надо, памятуя слова Ленина, «не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ей, но относясь к ней критически и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания» [1]. Между тем книга стала библиографической редкостью. Эти соображения и вызвали переиздание труда Туган-Барановского.

---

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 500, примечание, изд. 3-е.

ФАБРИКА

в XVIII веке

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Со времени выхода второго издания «Русской фабрики» прошло почти семь лет; многое за это время изменилось — изменились в некоторых существенных пунктах и взгляды автора. Тем не менее, те выводы, к которым я прихожу в этой книге относительно характера и общего значения нашего промышленного развития, я считаю правильными и теперь; думаю, что последующие факты вполне подтвердили мои выводы. Только в некоторых деталях я сделал бы теперь значительные изменения, если бы писал эту книгу вновь. Однако, я предпочел не делать этих изменений и ограничиться лишь небольшими поправками в немногих местах книги, — поправками редакционного характера, — чтобы не нарушать цельности первоначального текста книги. Кроме того, я выкинул некоторые полемические характеристики, которых не могу более поддерживать. Но все эти поправки в общей сложности составляют менее одной страницы. Таким образом, перед читателем текст второго издания «Русской фабрики» — исторический очерк развития нашей фабричной промышленности, доведенный до конца XIX в.

Автор

Село Позники
20 августа 1907 г.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Читатель не найдет в этой книге истории различных отраслей нашей фабрично-заводской промышленности — их возникновения, постепенного роста, изменения техники производства и пр. Я не только не гнался за фактической полнотой такого рода, но и вообще не хотел писать фактической истории. О многих фактах, приводимых в каждой книге, так или иначе касающихся нашей промышленности, я совсем не упоминаю; напротив, на других фактах, редко или совсем не приводимых в подобных книгах, я останавливаюсь иногда очень подробно.

Моя задача заключалась в достаточно отчетливом, но без излишних деталей, изображении постепенного изменения внутреннего строя русской фабрики под влиянием изменения общественно-экономической среды. Мне хотелось показать, каким образом первоначальная купеческая фабрика, возникшая на почве экономических условий петровской России, превратилась в течение XVIII в. в дворянскую фабрику, основанную на принудительном труде; как эта последняя постепенно отмирала в николаевскую эпоху и замещалась новейшей капиталистической фабрикой, отчасти выросшей из кустарной избы; как изменялся в различные эпохи состав фабрикантского класса и слагался класс фабричных рабочих. Я старался обрисовать взаимные отношения крупной и мелкой промышленности в крепостной России, когда русская фабрика еще почти не знала машины, и в наше время — время господства машины. Признавая, что «не сознание людей определяет их общественное бытие, а это последнее определяет формы их сознания», я рассматривал фабричное законодательство и господствующие в обществе взгляды и воззрения на вопросы фабричного строя как выражение данного соотношения общественных сил. Касаясь законодательной деятельности государства, я поставил себе задачей не столько критику тех или иных мероприятий с точки зрения их целесообразности, сколько выяснение действительных причин, вызвавших их к жизни. Вообще эта книга преследует лишь чисто научную цель — объяснения реально существующих фактов.

Такова была моя цель; другой вопрос, насколько она была достигнута. Оговорюсь, во избежание недоразумений, что настоящая книга

отнюдь не претендует на изображение развития всей нашей крупной промышленности в ее целом; горнозаводской промышленности я совсем почти не касался; история горных заводов так отлична во многих отношениях от истории фабрики (укажу хотя бы на отсутствие серьезной конкуренции кустарной промышленности с горными заводами), что я считал возможным совсем обойти этот вопрос в предлагаемой вниманию читателя книге.

Далее, я ограничил свое исследование собственно Россией и, как общее правило, совсем не затрагивал истории польской промышленности. По очень многим вопросам мне пришлось еще более сузить область исследования; так как моя цель заключалась в выяснении типических черт развития русской фабрики, то я считал себя вправе ограничиться изучением этого развития в центральном промышленном районе России, тем более, что такое ограничение нередко требовалось и свойством материала, которым я располагал.

Наконец, я должен обратить внимание читателя на то, что выпускаемая книга — только первый том задуманного мною труда. В этом первом томе я хочу обрисовать в общих чертах историю русской фабрики. Современное состояние фабрики и фабричного рабочего, географическое размещение нашей фабричной промышленности, условия конкуренции фабрики с кустарем (значение связи кустаря с землей), продолжительность работы в разных отраслях труда, работа женщин и детей, экономическое положение современного фабричного рабочего и многое другое, — все это должно войти во второй том. Там же я предполагаю теоретически разобрать вопрос о значении фабрики в строе русской жизни вообще и подробно остановиться на вопросе о «судьбах нашего капитализма». Первый том имеет своим предметом лишь историю, правда, доводимую до самого новейшего времени *.

17 марта 1898 г.
С.-Петербург.

---

* В 1-м издании этот абзац заканчивается кроме того следующей фразой: «Только в истории воззрения я заканчиваю 70-ми годами, потому что рассмотрение позднейшей литературы по фабричному вопросу не может быть отделено от характеристики современного положения фабрики». Предисловие заканчивается принесением благодарности разным лицам за помощь в работе. — *Ред.*

ВВЕДЕНИЕ

ФАБРИКА В XVIII ВЕКЕ

Важность торгового капитала в экономическом и общественном строе Московской Руси. — Торговый капитализм и петровские фабрики. — Фабриканты из купеческого класса. — Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра. — Невозможность капиталистической фабрики в петровскую эпоху. — Трудность доставать рабочие руки. — Закрепощение фабричного рабочего. — Последствия этого. — Сокращение привилегий фабрикантов по мере роста дворянского влияния. — Лишение фабрикантов права покупки крестьян к фабрикам. — Изменение сословного состава фабрикантского класса. — Противоположность интересов дворянства и купечества в екатерининской комиссии. — Враждебное отношение к купцам-фабрикантам дворянства и среднего купечества. — Домогательства купечества. — Отношение к фабрикантам правительства. — Усиление враждебного фабрикантам течения при Екатерине. — Защита дворянством свободы крестьянских промыслов. — Быстрый рост фабричной и кустарной промышленности во второй половине XVIII века. — Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарем в это время.

Один тонкий наблюдатель русской жизни конца XVIII и начала XIX века следующим образом определил коренную особенность русского промышленного строя той эпохи и его основное отличие от западноевропейского: «Небрежность, с которой работают (русские) ремесленники, — говорит он, — отчасти зависит от крайне странного устройства, не наблюдающегося, быть может, в таком же роде ни в какой другой стране. Русские ремесленники, за исключением больших городов, ничего не принимают на заказ, но все изготовляют для продажи: башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другие предметы одеяния, шубы, постели, одеяла, столы, стулья, — короче, всевозможные предметы. Все эти вещи ремесленники поставляют за определенную плату купцам, которые их и продают в своих магазинах. Внутри России очень редко можно что-нибудь сделать на заказ; в случае какой-нибудь надобности, нужно итти в лавки или магазины, помещающиеся, обыкновенно, в одном месте. Но зато в этих лавках можно купить все, что угодно; и к тому же — на треть дешевле, чем у ремесленников, берущих работу на заказ»[1].

[1] *Heinrich Storch*, Historisch-Statistische Gemälde des Russischen Reichs, 1799, III, 178—179.

Шторх был, в свое время, лучшим знатоком экономической жизни России и не менее знаком с хозяйственным строем Западной Европы. Поэтому его наблюдение весьма характерно. Очевидно, в организации русского мелкого производства была особенность, не встречавшаяся на Западе и потому бросавшаяся в глаза западноевропейцу. Этой особенностью являлась выдающаяся роль в нашем мелком производстве торговца, купца. Я не буду останавливаться на огромном значении торгового капитала как в экономическом, так и в политическом и общественном строе допетровской России. Этот вопрос достаточно разъяснен нашими историками — Соловьевым, Костомаровым, Ключевским и др. Корсак в своей превосходной книге: «О формах промышленности в Западной Европе и России» отметил этот факт и дал ему вполне верное объяснение и оценку. При редкости населения и ничтожном количестве городов в Московской Руси торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев — деревенским кустарем) и потребителем. Торговец не мог не быть крупной фигурой в общественной и экономической жизни России старого времени. Уже в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком. Ничего не может быть ошибочнее представления о Московской Руси как о государстве исключительно земледельческом, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле [1].

Можно было бы привести сколько угодно цитат из иностранных писателей XVI и XVII веков, выражавших удивление перед энергичной торговой жизнью Москвы. Ограничусь отзывами двух путешественников, сочинения которых являются главным иностранным источником для изучения русской торговли времен Алексея Михайловича — де Родеса и Кильбургера. Де Родес, посетивший Москву в 1653 г., пишет: «Достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг, в чем удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь, от высшего до низшего, только и думают, только и стараются, как бы чем-либо нажиться... В этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных вместе взятых» [2]. То же говорит и Кильбургер: «Все жители Москвы, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; в Москве более лавок, чем в Амстердаме или даже целом ином государстве... Более всего замечательно и похвально в Москве то, что для каждого рода товаров, от самых лучших до худших, есть особые улицы и рынки. Торгующие шелком имеют свои особые ряды, равно как и продающие пряные коренья, лак, шапочники, оловянщики, медники, скорняки, сапожники и пр.» [3].

[1] Об этом подробно говорит Костомаров: «По свидетельству иностранцев, русские чрезвычайно любили торговлю. Европейцы, бывавшие у нас послами, удивлялись, что в России все важные лица без изъятия... занимаются торговлей». *Костомаров*, Очерки торговли Московского государства, Спб. 1862 г., стр. 136.

[2] *Де Родес*, Размышления о русской торговле в 1653 г., пер. И. Бабста, «Магазин землеведения и путешествий», 1858 г., т. V, стр. 234.

[3] *И. Ф. Кильбургер*, Краткое известие о русской торговле, пер. Языкова, Спб. 1820 г., стр. 10, 188.

Крупные торговцы (гостиная и суконная сотни и особенно «гости») являлись одним из самых влиятельных общественных элементов Московской Руси. Особенно усилилось политическое значение представителей крупного торгового капитала в эпоху Алексея Михайловича. «Новоторговый устав», изданный, как указано в самом Уставе, «по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и черных слобод торговых людей»[1], был ярким выражением влияния купеческого капитала на законодательную деятельность Московского государства.

Гости были весьма крупными капиталистами для своего времени. По словам Котошихина, торговые обороты гостей достигали 20—100 тысяч рублей в год[2]. Если принять в соображение ценность денег тогда и теперь, то эти обороты следует признать миллионными; отсюда можно заключить о степени концентрации торгового капитала в Москве задолго до петровской эпохи. Каким экономическим и политическим влиянием пользовались гости, можно судить по следующей характеристике их, данной современником: «Гости неограниченно управляют торговлей во всем государстве. Это — корыстолюбивое и вредное сословие... Во всех больших городах определяют они по одному, по два и по три человека из живущих там лучших купцов, которым под видом царских факторов дают привилегии гостей. По корыстолюбию своему стесняют они везде, большей частью, торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо, почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения, опасаться надобно, чтобы народ не сломил шеи всем гостям... Они беспрестанно стараются... чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы»[3].

Итак, в торговле крупный капитал играл очень большую роль уже в Московской Руси. Напротив, в промышленности неограниченно царило мелкое производство. Если не считать некоторых единичных попыток устройства фабрик и заводов в XVI и XVII веке* иностранцами и изредка богатыми боярами при поддержке правительства, то можно сказать, что допетровская Русь совсем не знала фабричного производства. Торговый капитализм у нас, как и в других странах, предшествовал промышленному капитализму.

Наш старинный капиталистический класс — купечество — не обнаруживал никакой наклонности захватить в свои руки производство. Купец предпочитал скупать, владея рынком, продукты труда мелкого производителя и держать последнего в полной зависимости от себя, не обращая его в наемного рабочего. И эта характерная особенность допетровского капитализма ярко выразилась в том, что московское купечество в XVI и XVII веках упорно добивалось возможно более широкой свободы привоза иностранных товаров. «Новоторговый устав» проникнут духом свободной торговли. Капиталист-торговец не стремился сделаться промышленником и предпочитал свободно покупать товар на самом дешевом рынке.

---

[1] П.С.З., изд. 1-е, т. I, стр. 408.

[2] «О России в царствование Алексея Михайловича», соч. Григория Котошихина, изд. 3-е, Спб. 1884 г., стр. 157.

[3] *Кильбургер*, стр. 156. Так же отзывается о гостях и де Родес, стр. 248.

* В 1-м издании было «при поддержке правительства», здесь опущено.—*Ред.*

«При Петре, при непосредственном участии правительства, в России возникает крупное производство. У нас любят говорить об «искусственном» происхождении нашей фабричной промышленности.» По мнению Корсака, самым естественным в положении Петра была «организация тех местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых и прежде имели довольно обширный сбыт. Те же ссуды, те же жертвы правительства, которые оно делало для обогащения отдельных лиц... оно могло бы обратить на целые села, деревни и города... Вместо того, чтобы простых ремесленников... делать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сделать их самих фабричными предпринимателями... и вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, не лучше ли было бы отдавать их целым местностям, которые были заняты тем же промыслом; следовало бы обратиться к живым народным силам и дать им возможность к дальнейшему развитию, а не давить их монополией... Искусственно воздвигнутые фабрики не находили рабочих... Новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни»[1].

Эта мысль — что Петр направил развитие нашей промышленности по ложному пути, придал ей «искусственный» характер насаждением крупного производства — стала общим местом в нашей литературе. Обыкновенно, история русской промышленности изображается в следующем виде. До Петра у нас господствовало мелкое производство, и не было элементов для капиталистического хозяйства. Со времени Петра правительство, жертвуя интересами мелкой промышленности, «искусственными» мерами насаждает у нас капитализм, всячески поддерживая и поощряя капиталистические предприятия, хотя они и не соответствуют нашим экономическим условиям. Если бы правительство держалось иной торгово-промышленной политики, то и результаты нашего экономического развития были бы совершенно иные, к выгоде огромного большинства нашего народа. На Петра падает вина первого шага по тому гибельному пути, которым с тех пор неизменно шествует русское правительство, поощряя капитализм.

Итак, одним из главных пунктов обвинения против нашего капитализма является его «искусственность»*. После Корсака аргумент этот повторялся сотни раз (об «искусственности» нашего капитализма говорит, между прочим, и г. Милюков в своих «Очерках по истории русской культуры»), но от этого он отнюдь не сделался сильнее. Однако, его неизменно выдвигают при всяком удобном и неудобном случае: очевидно, на кого-то он действует, кому-то кажется убедительным.

Разберем же смысл этого аргумента. Противоположение естественного порядка искусственному ведет свое начало в экономических построениях с XVIII века, от физиократов. Физиократы верили, что существует естественный порядок вещей, совершенный во всех отношениях; этот естественный порядок будет достигнут, когда государство откажется

---

[1] *Корсак*, О формах промышленности, М. 1861 г., стр. 128, 129.

* Отсюда до слов «Во всяком случае не подлежит сомнению» (стр. 12) в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

от руководительства частной жизнью граждан и предоставит им полную свободу в частной деятельности. Отсюда знаменитая формула: «Laissez faire, laissez passer». Буржуазная экономическая наука первой половины нашего века, отстаивавшая формулу «laissez faire», часто рассуждала об «искусственности» и «естественности». Все эти рассуждения прикрывали собою стремление освободить капитализм от средневековых уз, стеснявших его развитие. Защитники «естественности» были вместе с тем горячими сторонниками капитализма, его апологетами и дифирамбистами. Об этих господах Маркс заметил очень метко и справедливо: «Экономисты рассуждают весьма своеобразно. У них есть два рода учреждений: искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии — естественные... Когда экономисты говорят, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — естественны, то этим они дают понять, что это такие отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются согласно естественным законам. Эти отношения, по их мнению, суть независимые от влияния времени законы природы. Это — вечные законы, которые всегда будут управлять обществом. Иными словами, раньше была история, теперь же ее нет».

У нас, благодаря иной общественной обстановке, о «естественности» и «искусственности» разговаривают не друзья, а именно «враги» капитализма. Для наших самобытных экономистов так же, как для экономистов Запада, есть два рода учреждений: естественные и искусственные. Естественные учреждения, это — остатки нашего ancien régime — община, артель, кустарные промыслы; искусственные учреждения — категории буржуазного строя, капитализм. Роли переменились. То, что отсталые экономисты Запада называли искусственным, отсталые экономисты Востока называют естественным, и обратно.

И те и другие одинаково неправы. Отношения капиталистического производства столь же естественны, как и отношения крепостного производства; отношения капиталистического производства столь же искусственны, как и крепостные отношения производства.

Все дело в том, что отсталые экономисты не могут понять очень простой вещи: разделение общественных учреждений на естественные и искусственные ровно ничего не выражает, и спор о «естественности» и «искусственности» есть спор совершенно праздный. На Западе, впрочем, это уже давно поняли, и таких экономистов, о каких говорит Маркс, там больше не существует. А вот у нас никак понять не могут...

К сожалению, приходится признать, что наша экономическая наука в некоторых отношениях пошла назад со времени Чернышевского. Его ученики умели только повторять слова учителя, ничему новому не научились и очень многое из старого успели основательнейшим образом забыть. Забыта, между прочим, и превосходная статья Чернышевского в «Современнике» за 1860 год: «Капитал и труд». В этой статье современные отсталые экономисты могли бы найти для себя много поучительного.

Статья посвящена доказательству нелепости разделения общественных явлений на естественные и искусственные. «Почитатель Бастиа, —

говорит Чернышевский, — который особенно много разыгрывал вариаций на слово «искусственность», г. Горлов, забыл, что искусственным образом не производится в общественной жизни ровно ничего, а все создается естественным образом. Дело не в том, чтобы сказать: «это естественно», а в том, чтобы разобрать, ко вреду или пользе общества это служит. Ведь и протекционная система — явление совершенно естественное в известных обстоятельствах... (Обыкновенно, называют естественным экономическим порядком такой, который входит в общество сам собою, незаметно, без помощи законодательной власти, и держится точно так же. Определение прекрасное — только жаль, что ни одно важное экономическое учреждение не подходит под него. Например, введение свободной торговли вместо протекционной системы, конечно, представляет, по мнению всех отсталых экономистов, возвращение к естественному порядку от искусственного. Каким же образом оно происходит?» И Чернышевский доказывает, что для этого требуется вмешательство государственной власти, т. е. что это есть явление искусственное.)

Спрашивается, далеко ли ушли отсталые экономисты нашего времени (ученики Чернышевского) от отсталых экономистов 60-х годов? И не обнаружили ли ученики самого постыдного забвения слов учителя?

Когда экономист 60-х годов Горлов защищал естественный порядок, — это имело смысл. Взгляды Горлова опирались на своеобразное теологически-натуралистическое мировоззрение, унаследованное от XVIII в. По словам Горлова, «естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляет целым миром; следовательно, по натуре своей они не могут быть бедственны и разрушительны, и рассмотрение их всегда может сделаться достойным предметом весьма важной науки». Но для тех, кто не верит в провиденциальный смысл формулы laissez faire, решительно непонятно, почему «естественные учреждения» предпочтительнее «искусственных».

В чем же заключается смысл глубокомысленных рассуждений об искусственном происхождении нашего капитализма? Не подлежит ни малейшему сомнению, что без деятельной поддержки правительства наша промышленность не могла бы развиваться. Но разве это доказывает, что в России капиталистическое производство встречало менее благоприятные условия для своего развития, чем в других странах? Повидимому, в этом и заключается сила рассматриваемого аргумента. На Западе капитализм развивался «естественно», сам собою, у нас же он — чужеземное растение, отвергаемое русской почвой и поддерживаемое лишь «искусственными» мерами правительства. Так, повидимому, думают наши отсталые экономисты.

(Они забывают при этом самую малость: то, что не существует ни одной страны в мире, — на Западе или на Востоке, все равно, — где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства. С этой точки зрения капитализм развился «искусственно» повсюду, где он процветает: в Англии, Франции, Германии, Соединенных штатах и т. д. Остается одно из двух: или признать, что капитализм во всем мире есть явление «искусственное», или оставить праздный разговор об искусственности и естественности.) Впрочем, иные из наших «врагов капи-

тализма» не отступят перед первой альтернативой. Утверждал же г. Л. Оболенский несколько лет тому назад, что вообще капитализм в мировой истории есть нечто вроде несчастной случайности. Впрочем, с г. Оболенского и требовать нечего...

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства. До Петра у нас почти не существовало крупных промышленных предприятий, а после него насчитывалось уже 233 казенных и частных фабрик и заводов [1]. Как я говорил, несмотря на развитие торговли в Московском государстве, производство в допетровской Руси оставалось мелким. Мелкий производитель был в полной зависимости от торговца, но торговец отнюдь не обнаруживал наклонности делаться самостоятельным предпринимателем и обращать своего поставщика-кустаря в наемного рабочего, работающего в мастерской хозяина. Превращение кустарного производства в фабричное было невозможно по той простой причине, что, при примитивности техники производства, грубости и дешевизне изготовляемых изделий, мелкое производство оказывалось более выгодным. Кильбургер говорит, что крупные железные заводы, устроенные в Московском государстве иностранцами, не могли конкурировать с кустарями в выделке гвоздей и других железных изделий [2]. Что же касается тех товаров, которые не выделывались кустарями, как, например, тонкие сукна, полотна, шелковые материи и пр., то устройству для изготовления их особых заведений препятствовали две причины: отсутствие подготовленных, искусных рабочих и трудность сбыта таких товаров, так как иностранные товары ввозились с небольшой пошлиной и по своим достоинствам стояли вне туземной конкуренции. Поэтому в Московской Руси, несмотря на развитие торговли, промышленность имела примитивный характер и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступил новый фактор — государство.

Известны энергичные усилия Петра завести в России фабричное производство, известны и средства, которые употреблял Петр для этой цели. Те заводы и фабрики, которые Петр признавал особенно нужными, — горные и оружейные заводы, суконные, полотняные и парусные фабрики — устраивались самой казной и затем передавались частным лицам. В других случаях казна ссужала значительные капиталы без процентов, снабжала инструментами и рабочими частных лиц, устраивавших фабрики на свой собственный страх и риск; из-за границы выписывались искусные мастера, фабриканты получали значительные привилегии: как они сами, так и их дети и мастера освобождались от всякой государственной службы, были подсудны особому суду, избавлялись на некоторое время от податей и внутренних пошлин, получали право беспошлинного привоза из-за границы нужных им инструментов и материалов, дома их освобождались от постоя и пр.

Сбыт изготовленных изделий обеспечивался главным образом приобретением их казной. Самые крупные заводы и фабрики — оружейные, пушечные, литейные заводы, суконные, парусополотняные, писчебумаж-

[1] *Кириллов*, Цветущее состояние Всероссийского государства, 1831 г., т. II, стр. 133.

[2] *Кильбургер*, стр. 169.

ные фабрики — поставляли свои изделия, исключительно или главным образом, в казну. В тех случаях, когда товар не требовался казной, сбыт фабричных изделий обеспечивался высокой привозной пошлиной, а иногда прямым запрещением ввоза иностранных товаров того же рода или даже монополией производства, предоставленной отдельным фабрикантам. Так, компания подканцлера Шафирова и Толстого получила в 1717 г. полную монополию изготовления шелковых материй, бархата, парчи, штофа и пр. [1]. В 1718 г. был запрещен ввоз из-за границы каразеи (род шерстяной материи). Тарифом 1724 г. все товары, производство которых в России к этому времени достигло уже значительного развития, были обложены высокой пошлиной, — в 50—75% своей ценности. Этой пошлиной например были обложены скатерти, салфетки, полотна, парусина, шелковые ткани, иглы, железо не в деле; писчая бумага, кожаный товар, чулки, шерстяные ткани (кроме сукна) обложены были более умеренной покровительственной пошлиной в 25%.

Из числа фабрик и заводов, возникших при Петре, были и очень крупные. Казенные горные заводы в особенности отличались огромными размерами. Об этом можно судить по тому, что к девяти пермским заводам было приписано 25 тысяч крестьян мужского пола. На сестрорецком оружейном заводе работало 683 человека. К казенному оружейному заводу в Туле было приписано 508 крестьянских дворов. На казенной парусной фабрике в Москве было 1 162 рабочих [2]. Но и на частных фабриках производство велось в крупных размерах. На московской суконной фабрике компанейщиков купеческих людей Щеголина «с товарищи» в 1729 г. работало 730 рабочих на 130 станах; на казанской суконной фабрике Микляева работало 742 человека; московская полотняная фабрика Тамеса с компанией имела 443 стана и 841 раб.; ярославская фабрика Тамеса и Затрапезного — 172 стана и 180 раб.; на московской ленточной и позументной фабрике Милютина было 280 раб. [3]; на шелковых мануфактурах компании Евреинова в 1728 г. работало до 1 500 мужчин и женщин [4].

Таким образом, Петру несомненно удалось вызвать у нас крупное производство. Но следует ли отсюда, что случайные личные воззрения Петра и его преемников играли решающую роль в истории нашей промышленности? Можно ли согласиться с Корсаком, что Петр мог выбрать другой путь — покровительства кустарной промышленности, и тогда наше экономическое развитие пошло бы совершенно иначе?

Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить об экономическом положении России до Петра. В допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм.

---

[1] П. С. З., т. V, 3089, 3162.

[2] *Кириллов*, Цветущее состояние Всероссийского государства, т. I, стр. 22, 95.

[3] Все эти данные взяты из «Ведомости о фабриках и мануфактурах», 1729 г., Дела комиссии о коммерции, № 502, Арх. д-та таможн. сбор.

[4] *Чулков*, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. III, стр. 221. Шторх говорит, что на некоторых петровских фабриках работало до трех тысяч рабочих («Historisch-Statistische Gemälde», III, 32). Это может быть верно только по отношению к казенным горным заводам; частные фабрики не достигали таких размеров.

Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в допетровской Руси, была вызвана не правительственными мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли перед мелкой. *Этот-то торговый капитал и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра.*

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к именным спискам петровских фабрикантов. Нередко думают, что петровские фабрики устраивались главным образом иностранцами [1].

Однако, на самом деле значительно большая часть фабрикантов петровской эпохи были людьми чисто русскими и принадлежали к торговому сословию. Первыми суконными фабрикантами были купцы Сериков и Дубровский, фабрика которых возникла еще в 1698 г. Крупнейшая суконная фабрика — «Большой суконный двор» — в Москве принадлежала русской купеческой компании Щеголина с товарищами — гостиной сотни Иваном Культыгиным, Болотиным, Пушниковым, Твердышевым, Сериковым и др. Другая крупная суконная фабрика в Казани принадлежала также купеческой компании казанца гостиной сотни Микляева. Компания Шафирова, Толстого и Апраксина, монополизировавшая производство шелковых материй в России, продержалась только несколько лет: с 1721 г. вельможные члены компании пригласили в свою среду 8 человек из купечества, а в 1724 г. шелковые мануфактуры окончательно перешли в руки купеческих компанейщиков, вернувших Апраксину и Толстому внесенный ими капитал. Таким образом в Москве возникло пять шелковых фабрик, из которых четыре принадлежали купцам: Евреинову, Старцову, Павлову, Мыльникову и одна — армянину Францову. Игольный завод, единственный во всей России, принадлежал также купеческой компании Томилина и Рюминых.

Первая частная полотняная фабрика в России принадлежала компании русских торговых людей: Андрею Турке (или Турчанинову) и Цымбальщикову с товарищами. Этой компании правительство передало в 1711 г. полотняные, скатертные и салфеточные заводы в Новонемецкой слободе, которые раньше были в ведении Посольского приказа.

Одним из крупнейших петровских фабрикантов был ярославец гостиной сотни Затрапезный. Ему принадлежали, кроме полотняной, также писчебумажная, коломяночная и масленая фабрики. Крупным полотняным и писчебумажным фабрикантом был также купец Афанасий Гончаров.

Из менее крупных фабрикантов можно упомянуть о купцах Волкове (коломяночная фабрика), Филатове (полотняная фабрика), Корнилове (писчебумажная фабрика), Скобельникове (кожевенный завод), Павлове и Никифорове (платочная фабрика), Панфилове (платочная фабрика), Бабушкине с компанией (суконная фабрика), Собольникове (суконная фабрика), Никите Ворогине (каразейная фабрика), Кузнецове (каразейная фабрика), Кириллове (трубочная фабрика) и пр.

Из числа иностранцев, кроме Тамеса, Тиммермана и Вестова (последний, впрочем, был московским купцом; он стоял во главе компании,

[1] Это говорил например *В. Лешков*, Русский народ и государство, 1858 г., стр. 373.

имевшей сахарный завод), мы не встречаем в петровское время крупных фабрикантов. Но и Тамес был только главой обширной компании русских торговцев (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышева, Попова, Неврева, Затрапезного и др.). Сам Тамес внес только десятую часть всего компанейского капитала.

Суконные фабрики иноземцев Фибиха, Пранга и Литхена были небольшими заведениями. Первая работала на пятнадцати, вторая — на десяти станах, третья была еще меньше. Точно так же чулочная фабрика Монбриона не была повидимому крупной.

Фабрикантов из разночинцев мы встречаем в петровское время также немного. Крупным шелковым фабрикантом был Милютин — бывший царский истопник. Но этот истопник был вместе с тем большим капиталистом, так как фабрику он «завел своим коштом», без всякого пособия казны. Одна шелковая фабрика принадлежала ямщику Суханову, небольшая шпалерная и коломяночная фабрика в Новгороде принадлежала бывшему мастеру казенной коломяночной фабрики Шаблыкину. Мастеру Исаеву принадлежал в С.-Петербурге кожевенный завод, мастер Лахов стоял во главе компанейского кожевенного завода в Воронеже, бывший царский служитель Родион Ворогин (повидимому, крупный капиталист) имел несколько небольших фабрик в Москве (чулочную, каразейную и ленточную).

Еще реже мы встречаем среди петровских фабрикантов дворян. Компания Шафирова, Апраксина и Толстого просуществовала, как сказано, недолго. Воронежская казенная суконная фабрика была передана дворянам Веневитиновым, но в компанию с ними вошли и люди из местного купечества. Мы знаем о парусных и иных заводах князя Меншикова, скипидарных заводах ландрата Савелова и купеческих сыновей Томилиных, суконной фабрике камермейстера Дубровского, суконной фабрике тайного советника Макарова и еще о двух-трех небольших дворянских фабриках, — и это почти все. Иностранцам и дворянам принадлежала ничтожная доля петровских фабрик; фабрикантов из разночинцев было также немного; в большинстве же случаев фабрикантами явились старинные московские капиталисты — купцы [1].

Итак, личный состав петровских фабрикантов доказывает, что крупная промышленность развилась в соответствующей среде, которая была создана всей предшествовавшей историей Московского государства — именно, в среде крупных торговцев. Эта среда не была делом рук Петра, но если бы ее не существовало, то и возникновение у нас крупного производства в мало-мальски широких размерах было бы невозможным. И это по той простой причине, что возникавшие фабрики, несмотря на пособия правительства, требовали крупных денежных затрат со стороны частных лиц, стоявших во главе этих фабрик. Мы имеем по этому вопросу кое-какие отрывочные данные. Не нужно преувеличивать размеров непосредственной денежной помощи казны вновь устраивавшимся частным фабрикам. В особой ведомости, специально составленной в 1727 г. Мануфактурной конторой, упоминается только о восьми

[1] Все приведенные данные заимствованы из «Ведомости о фабриках и мануфактурах», 1729 г., Арх. д-та тамож. сбор.

пособиях фабрикантам из средств государственного казначейства, причем сумма этих пособий определена в 89 672 руб.[1].

Эта ведомость не полна, так как в ней не упоминается о некоторых денежных пособиях фабрикантам, несомненно имевших место. Всего таких неупомянутых пособий я мог насчитать на сумму в 6 040 руб.

Отсюда видно, что большая часть денежных пособий казны фабрикантам указана в этой ведомости. Следовательно, эти пособия играли весьма небольшую роль. Ими воспользовался, быть может, десяток-другой частных фабрик, а всего их было учреждено в петровское время, вероятно, гораздо более сотни. Иными словами, значительно большая часть петровских фабрик, устраивавшихся частными лицами, обходилась без денежной помощи со стороны казны. Между тем устройство фабрики требовало крупных денежных затрат. По некоторым фабрикам мы имеем точные сведения относительно этого пункта. Так, например, на шелковые мануфактуры компании Шафирова, перешедшие затем к купеческой компании, был затрачен тремя учредителями, Апраксиным, Толстым и Шафировым (кроме денег, полученных из казны), капитал в 57 838 руб., да, кроме того, лица из купечества, приглашенные в компанию, внесли 23 500 руб. Таким образом, на эти мануфактуры всего затрачено частных капиталов 81 338 руб., да казна внесла деньгами (кроме построек материалов и пр.) 36 672 руб.[2]. Если перевести эти суммы на современные деньги, то мы увидим (принимая в соображение изменение ценности денег), что устройство шелковых мануфактур компании Шафирова потребовало, на наши деньги, более миллиона рублей.

На устройство полотняной мануфактуры Тамеса затрачен денежный капитал в 46 700 руб. (кроме 5 тыс. руб., полученных в ссуду от казны). Из этих денег только 4 500 руб. были внесены самим Тамесом, а остальные — компанейцами из купечества, причем самый большой взнос был сделан Микляевым, вложившим в дело 12 тыс. руб.[3]. Этот самый Микляев получил впоследствии суконную фабрику в Казани, — очевидно, это был крупный капиталист.

На устройство игольного завода компания Томилина и Рюминых затратила денежный капитал в 33 тыс. руб.[4].

Наконец, по словам Шторха[5], на полотняную фабрику Гончарова был затрачен капитал в 142 тыс. руб.

По этим немногим примерам можно видеть, что даже в том случае, когда фабриканты получали денежные и иные пособия от казны (фабричные строения, материалы, мастеровых и пр.), приходилось припла-

---

[1] «Выписка о мануфактурах и заводах», 1727 г. Дела комиссии о коммерции, № 501, Арх. д-та тамож. сбор. В этой ведомости не упоминается о 20 тыс. руб., выданных правительством Тиммерману при назначении его директором московской парусной фабрики. Но повидимому фабрика эта не перешла в частное владение, а осталась казенной, почему и денежная затрата казны не была пособием частному фабриканту.

[2] Эти данные взяты из «Ведомости о фабриках и мануфактурах», 1729 г. Арх. д-та тамож. сбор.

[3] «Выписка о мануфактурах и заводах», 1727 г. Д. К. о К., № 501 Арх. д-та тамож. сбор.

[4] Дело о заведении купецкими людьми Томилиным и Рюминым игольного завода, 1726 г. Дело коммерцколлегии № 824, Арх. д-та тамож. сбор.

[5] *Storch.* Historisch-Statistische Gemälde, III, 232.

чивать крупные суммы на ведение фабричного дела. А так как большая часть фабрик устраивалась без всякого содействия казны («заведена своим коштом» — обычная отметка в ведомостях о петровских фабриках), то фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени — преимущественно купцы. Лишь благодаря существованию в тогдашней России капиталистического класса Петр достиг своей цели — насаждения у нас крупного производства. Но капиталистический класс был создан не Петром, а всей предшествовавшей экономической эволюцией Московского государства.

Итак, хотя без мер, принятых Петром, крупное производство не имело никаких шансов развиться в тогдашней России[1], эти меры имели успех лишь вследствие подготовленности русской экономической почвы к новым формам промышленности. Этого мало. Нетрудно доказать, что

[1] Это место в 1-м издании настоящей работы было признано многими критиками находящимся в противоречии с моим утверждением, что развитие крупного производства в России было естественным и необходимым следствием экономического и социального положения России. В своем ответе («Начало», 1899, 1—2) я предлагал своим критикам указать мне, в чем заключается логическая неправильность такого силлогизма:

1-я посылка. Экономические и социальные условия России естественно и необходимо привели к мерам, принятым Петром.

2-я посылка. Меры, принятые Петром, вызвали крупное производство в России.

Заключение. Возникновение крупного производства при Петре было естественным и необходимым результатом экономических и социальных условий России.

Один из критиков, уличавших меня в противоречиях, повидимому, признал правильность этого силлогизма (я имею в виду г. Мякотина). Зато г. Милюков в предисловии к 4-му изданию первой части своих «Очерков по истории русской культуры» поднимает перчатку и берется доказать несостоятельность моего силлогизма. А именно, по мнению г. Милюкова, я виновен в quaternio terminorum — употреблении одного из терминов силлогизма в различных смыслах. Оказывается, что в первой посылке я утверждаю, что «экономические и социальные условия России, в силу своей неполной подготовленности (к крупному производству), привели к мерам Петра», в выводе же я говорю «о подготовленности России к крупному производству». Нужно ли прибавлять, что толкование г. Милюкова доказывает лишь его непонимание той историко-философской теории, из которой я исхожу? В первой посылке я отнюдь не утверждаю того, что приписывает мне г. Милюков, а говорю как раз обратное: экономические и социальные условия России привели к мерам Петра, в силу полной *подготовленности* к последним России. Стремление г. Милюкова находить противоречие там, где никакого противоречия нет, основывается, однако, не на его неспособности к логическому мышлению, а на недостаточном знакомстве с теорией материалистического понимания истории. Г-н Милюков никак не может отрешиться от мысли, что по этой теории все определяется только экономическими причинами без всякого посредства правовых, политических, этических, интеллектуальных и иных моментов. Поэтому он и вкладывает в мои посылки такой смысл, которого они не заключают. Но если г. Милюков усвоит, что материалистическое понимание истории отнюдь не отрицает важной роли в общественной эволюции государственных мероприятий и не противопоставляет этих мероприятий экономической эволюции, а лишь признает эту последнюю основой, на которой возникают мероприятия государства, без которых общественно-экономическая эволюция была бы немыслима, то он поймет, что в «четверении» терминов виноват не я, а он сам, и что никакого противоречия мой силлогизм в себе не заключает. (Это примечание в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

промышленная политика Петра совершенно не была случайна, но диктовалась экономическою необходимостью. Промышленное переустройство России по западноевропейскому образцу было так же необходимо, как и переустройство ее армии на европейский лад. Для того, чтобы успешно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порох, оружие, солдатское сукно, полотно, — вообще, принадлежности воинского обмундирования и многое другое [1].

Петр не мог оставаться в зависимости от иностранцев, с которыми он вел войну, в таких нужных ему предметах, как принадлежности военного снаряжения. Корсак говорит, что Петру следовало бы обратиться к «народной промышленности» вместо устройства крупных монопольных фабрик. Но «народная промышленность» не изготовляла предметов, нужных Петру; необходимо было завести новые роды производств, и завести немедленно, для удовлетворения насущной, безотлагательной потребности. Вряд ли можно серьезно говорить, что для Петра был открыт и другой путь — организации и развития кустарного производства. Эта задача оказывается не под силу и нашему времени — каким же образом могла с нею справиться тогдашняя полудикая варварская Россия? Единственное средство избавиться от необходимости покупать воинские принадлежности у иностранцев заключалось в производстве этих принадлежностей у себя дома; а так как дома нужные товары не выделывались, то оставалось устраивать для их изготовления казенные мастерские, фабрики и заводы. Но у казны средств было крайне мало; при таком положении что оставалось Петру, как не поощрять всеми силами частную предприимчивость частных заводчиков и фабрикантов, которые на свой капитал заводили производства, до такой степени необходимые правительству?

Могут заметить, что Петр устраивал и поддерживал не только те фабрики, на которых выделывались товары, требуемые казной, как солдатские сукна, полотно, писчая бумага и пр., но также и всякие другие фабрики, например, шелковые, чулочные и ленточные, производившие предметы роскоши, в которых казна не нуждалась. Но и в этом отношении политика Петра была единственно возможной политикой, по условиям времени и места. Никто не будет спорить, что развитие промышленности и поднятие производительности народного труда были необходимы для тогдашней России. Но легко понять, что новые отрасли промышленности могли возникнуть только в форме крупных промышленных заведений. Мелкий производитель — кустарь — не обладал ни капиталом, ни знанием, необходимыми для этого дела. Правда, купец,

---

[1] Еще Герман дает следующее объяснение торгово-промышленной политики Петра, которое с тех пор повторялось всеми, писавшими об этом вопросе: «Петру Великому нужна была регулярная армия, артиллерия, флот; зависимость от ганзеатических городов, Голландии и Англии в солдатских суконах, огнестрельном оружии, порохе, в постройке и снаряжении судов его стесняла, и он решился завести в своем государстве все фабрики и мануфактуры, необходимые для армии, артиллерии и флота». *C. Herman*, Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie, «Mémoires de l'Académie des Sciences», 1822, t. VIII, p. 438. Ранее Германа в 1788 г. таким же образом объяснял политику Петра Шерер (*Scherer*, L'histoire raisonnée du commerce de la Russie, Paris 1788 t. II, p. 41—42).

устраивавший фабрику, был почти так же невежествен, как и кустарь, но зато, обладая капиталом, он мог выписать иноземных мастеров, приносивших с собой технические знания, которых всего более нехватало России. Вообще можно признать правилом, что в малокультурных странах, какой, несомненно, являлась петровская Русь, перенесение или насаждение новых отраслей промышленности возможно только в форме крупного производства. Не мог же Петр устраивать для кустарей технические школы, промышленные музеи и пр. Сколько лет ему пришлось бы ждать возникновения новых производств в России, если бы он захотел итти путем, указываемым Корсаком?

Только поощрением крупных промышленных предприятий Петр мог способствовать поднятию производительности народного труда, а это не могло не быть целью политики Петра, так как созданная им империя еще в большей мере, чем Московская Русь, страдала хроническим недостатком финансовых средств, в которых она испытывала величайшую нужду для военных целей.

Разумеется, я отнюдь не хочу сказать, что все меры Петра для поднятия нашей промышленности были безупречны и достигали цели: введенная им регламентация промышленности как крупной, так и мелкой, была в высшей степени стеснительна и нередко прямо разоряла население. Так например многочисленные указы Петра о запрещении крестьянам выделывать узкий холст повели только к расстройству кустарного ткачества, без всякой пользы кому бы то ни было. «В прежнее время у города (Архангельска) холстом большой торг был, много тысяч крестьян кормились и немалая пошлина в казну собиралась, а когда указ состоялся, чтобы не ткать узких холстов, но ткать холсты на широкие берда, то крестьянству прибыла немалая тягость, а в казну убыток, потому что у иных крестьян и в избах столько места нет, где такой широкий стан поставить... Разорились от этого все крестьяне северные» [1].

Так же неблагоприятно повлияли петровские указы на кустарное ткачество Псковской губ. «Петр I нанес льняной промышленности значительные удары; при нем в 1702 г. лен во всей России был отдан в монополию английскому консулу Карлу Гутфелю. Потом, желая создать С.-Петербургский порт, Петр запретил псковичам отправлять произведения своей области в Ригу, Ревель и Нарву, исключая Псковской и Великолуцкой провинций. Вообще, до времен Екатерины льняная промышленность подвергалась большим стеснениям, особенно от монополий» [2].

Но как бы мы ни оценивали целесообразность и практичность тех или иных отдельных мероприятий Петра, не может быть сомнения, что возникновение у нас крупного производства при Петре было естественным и необходимым результатом экономических и социальных условий тогдашней России.

Петровские фабрики в таком же смысле могут быть названы «искусственным» созданием Петра, как и все прочие петровские реформы:

[1] *Соловьев*, История России, изд. 3-е, т. XVII, стр. 291.

[2] «Памятная книжка Псковской губернии на 1863 г.», Льняная промышленность Псковской губ., стр. 4.

преобразование внутреннего административного устройства государства, новая организация армии, распространение начал европейской культуры в высших классах общества и вообще европеизация России. Как признают наши историки, все эти реформы были в связи с экономическим положением* тогдашней России; этим же самым определялось и все направление промышленной политики Петра [1].

Эта политика повела к возникновению у нас крупного производства. Тем не менее Петр не может считаться насадителем капиталистического производства в России по той простой причине, что вызванная им крупная промышленность не была капиталистической. Социальное и экономическое положение тогдашней России было таково, что капиталистическое (т. е. основанное на наемном труде) производство у нас было невозможно. Для последнего нехватало в России самого важного условия — класса свободных рабочих. Вся масса сельского населения была несвободна: часть была крепостными государства, часть — помещиков. Городское население было немногочисленно и в значительной степени слагалось из тех же крепостных.

В допетровской Руси крепостными владели служилые люди [2]. Между тем, первые петровские фабриканты выходили почти исключительно из рядов купечества, разночинцев или иностранцев. Сама жизнь поставила вопрос: каким же образом фабрики будут получать нужные им рабочие руки? При учреждении фабрики владельцу давалась обыкновенно привилегия, которой ему разрешалось свободно нанимать русских и иноземных мастеров и учеников, «платя им за труды достойную плату». «Если фабрикант получал уже устроенную фабрику от казны, то ему нередко передавались вместе с фабричными строениями и фабричные мастеровые. Так например компания Турчанинова и Цымбальщикова получила в 1711 г. от казны полотняные заводы вместе с мастеровыми. Точно так же казенных мастеровых получила и компания Щеголина, к которой перешла в 1720 г. казенная суконная фабрика в Москве [3]; казенные мастеровые были даны далее Ивану Тиммерману, назначенному в 1720 г. директором парусной фабрики [4]. Запрезный получил для своих фабрик в Ярославле мастеровых с упраздненных казенных заводов [5]. При учреждении коломяночной фабрики Волкова ему было

---

* В 1-м издании «были названы экономической несостоятельностью». — *Ред.*

[1] Естественность и необходимость важнейших петровских реформ вполне доказаны г. Милюковым в его превосходной книге: «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века», Спб. 1892 г. Нельзя не пожалеть, что его новейшая работа («Очерки по истории русской культуры») стоит во всех отношениях ниже первой и обнаруживает значительную философскую неподготовленность автора к обсуждению общих вопросов исторического развития. Примечание о Милюкове в 1-м издании оканчивается словами «Спб. 1892». —*(Ред.)*

[2] Только при преемниках Петра владение крепостными становится исключительной привилегией дворянства (об этом см. *В. Семевский*. Крестьяне в царствование Екатерины II, Спб. 1881, гл. I). Тем не менее, уже по Уложению Алексея Михайловича право владения населенными имениями было ограничено, за немногими исключениями, служилым классом.

[3] П. С. З., т. IV, 2324; VI, 3526.

[4] П. С. З., т. VI, 3590.

[5] *Чулков*, т. VI, кн. III, стр. 241.

дано 5 станов и 58 мастеровых с упраздненной казенной фабрики в С.-Петербурге [1].

Иногда для снабжения фабрики рабочими руками к фабрикам приписывались целые села; так например Тамес получил к своим полотняным фабрикам село Кохму, в Шуйском уезде, с 641 крестьянским двором [2]. Но в большинстве случаев фабриканты должны были сами приискивать себе рабочих путем найма. Это было в высшей степени трудно. На фабрику приходилось набирать всякий сброд. Как например в привилегии игольным компанейщикам Томилину с товарищами указывается брать для работы и для обучения на фабрики «из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню». Шелковый фабрикант Милютин в своем донесении изъясняет, что он набирает учеников из «убогих людей». Из именного высочайшего указа 7 января 1736 г. видно, что фабриканты, за недостатком рабочих, набирали учеников из солдатских детей [3]. Но главным контингентом фабричных рабочих были беглые крепостные и казенные люди. Работа беглых имела такое значение для фабрикантов, что правительство Петра, несмотря на то, что именно в это время состоялось окончательное прикрепление населения, должно было допустить очевидное нарушение закона. Указом 18 июля 1721 г.* Петр воспретил возвращать с фабрик законным владельцам мастеров и учеников, «чьи бы они ни были, хотя и беглые явятся... понеже интересенты фабрик объявляют, что затем в фабриках их чинится остановка» [4].

Но, несмотря на такую снисходительность правительства к фабрикантам, рабочих рук на фабриках все-таки недоставало. Из каких элементов восполнялся этот недостаток, видно из того, что указом 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняные фабрики Андрея Турчанинова с товарищами «для пряжки льну баб и девок, которые, будучи на Москве из приказов, также и из других губерний, по делам за вины свои наказаны». Указом 1721 г. эта мера сделана общей: женщины, виновные в разных проступках, отсылались, по усмотрению Мануфактур и Бергколлегии, для работы на компанейских фабриках на некоторый срок или даже пожизненно. Последующими указами велено отдавать на фабрики бродяг и нищих (указы 7 января 1736 г., 29 марта 1753 г., 26 марта 1762 г.), публичных женщин (сенатский указ, сентября 1771 г. [5]. Как видно из указа 26 марта 1762 г., между с.-петербургскими и окрестными фабриками в этом году были распределены забранные полицией праздношатающиеся и способные к работе солдатские, матросские и других служилых людей жены.

Но все эти меры не могли снабдить фабрики рабочими руками в требуемом количестве. В течение всей первой половины XVIII века не прекращаются жалобы фабрикантов на недостаток рабочих. Так

---

[1] «Ведомость о фабриках и мануфактурах», 1729 г. Арх. д-та тамож. сбор.
[2] Дело по именному высочайшему указу о собрании в Коммерцколлегии сведений об иглах и пр., Арх. д-та тамож. сбор.
[3] П. С. З., т. VI, 4006; V, 3176; IX, 6858.
* В 1-м издании «1722 г.» — *Ред.*
[4] П. С. З., т. VI, 405[illegible].
[5] П. С. З., т. V, 331[illegible]; VI, 3808; XV, 11485; XIX, 13664.

например в 1744 г. московские суконные фабриканты — Болотин, Еремеев, Третьяков и Сериков — представители Мануфактурколлегии, что они крайне нуждаются в рабочих и потому не могут своевременно поставлять сукна в казну. Особенный недостаток чувствовался в малолетних рабочих 10—15 лет. На то же жаловались Мануфактурколлегии шелковые и иные фабриканты, указывая, что главным препятствием к развитию фабрики является невозможность находить рабочих[1].

Таким образом, контингент фабричных рабочих слагался из самых разнообразных общественных элементов: беглые крепостные, бродяги, нищие, даже преступники, — из этой среды приходилось набирать рабочих. Не нужно притом забывать, что петровские фабрики были, по терминологии Маркса *, мануфактурами — работа на них производилась руками. Производительность труда на мануфактурах зависит главным образом от ловкости и искусства рабочего: состав рабочего персонала на мануфактурах имеет особенное значение. Западноевропейские мануфактуры возникли на развалинах ремесла; они получили прекрасных, обученных рабочих из бывших ремесленников, в которых цеховая организация развила почти артистическое отношение к своей работе[2]. Наши мануфактуры возникли при совершенно иных условиях. Не только обученных, искусных рабочих получить было неоткуда, но даже и необученных рабочих доставать было крайне трудно.

При таких условиях работа вольнонаемными рабочими оказывалась почти невозможной. Принудительный, крепостной труд был единственным выходом из такого положения. Малая производительность труда должна была возмещаться для фабриканта усиленной эксплоатацией рабочего, — главным образом, уменьшением расходов на содержание последнего. Интересы фабрикантов требовали прикрепления рабочего также и по следующей причине: рабочий, проработавший некоторое время на фабрике, обучался своему делу, становился искусным рабочим: на таких рабочих спрос был очень велик — фабриканты переманивали их друг от друга, и каждая фабрика подвергалась опасности лишиться своих обученных рабочих. Чтобы обеспечить себя рабочими, фабриканты обыкновенно выговаривали себе право в течение известного времени пользоваться трудом обученных ими рабочих; так например в привилегии Тамесу ему указывается, что поступающие на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менее 10 лет (7 лет в качестве учеников и не менее 3 лет в качестве подмастерьев), и только тогда они могут

[1] *Соловьев*, История России, изд. 3-е, т. XXI, стр. 301. Даже при Елизавете Петровне вольнонаемных рабочих было так мало, что правительственные учреждения должны были иногда силой отбирать для себя рабочих у промышленников. К таким мерам прибегал например нижегородский магистрат (*Соловьев*, XXIII, стр. 25).

* В 1-м издании вместо «по терминологии Маркса» было «собственно». — *Ред.*

[2] Очень важно не упускать из виду различия между петровскими фабриками (мануфактурами) и новейшими фабриками в строгом смысле слова. Рабочие на английских бумагопрядильнях набирались в конце XVIII и начале XIX века также из всякого сброда, причем в обширных размерах практиковалась прямая закупка детей пауперов, но эти рабочие работали на машинах и почти не нуждались в предварительном обучении и профессиональной ловкости.

перейти на другие фабрики (именной указ 10 марта 1720 г.); ученики на игольном заводе Томилина должны были оставаться на заводе до совершеннолетия; ученики суконной фабрики Щеголина не имели права уйти с фабрики до истечения семилетнего срока; семилетний срок учения был повидимому общим правилом. Регламентом Мануфактурколлегии (§ 12) за «подзывание работных людей с одной фабрики на другие» до истечения урочного срока работы был назначен огромный штраф — 100 руб. за каждого рабочего; этот штраф уплачивался виновным фабрикантом, рабочий же возвращался на фабрику своего хозяина и подвергался телесному наказанию.

Все эти ограничения свободы перехода рабочего с одной фабрики на другую указывают, как трудно было фабриканту набрать и сохранить необходимый рабочий персонал.

Иными словами, петровские фабрики не могли держаться вольнонаемным трудом. Этим и объясняется знаменитый петровский указ 18 января 1721 г., которым на «купецких людей» было распространено в высшей степени важное право покупать к фабрикам и заводам населённые деревни, «под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно» [1].

Благодаря этому указу петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду. Отношения труда к капиталу в нашем крупном производстве вылились в совершенно другие формы, чем на Западе. Вместо капиталистической промышленности, развивавшейся в это время на Западе, у нас возникло крупное производство, основанное на принудительном труде. Корсак называет приведенный петровский указ «одною из самых несчастных мер Петра» [2]. Г-н Семевский, повидимому, также считает этот указ ошибкой Петра («правительство при Петре Великом, — говорит этот автор, — додумалось до того, чтобы фабричные работы исполнялись таким же крепостным трудом, как сельские в имениях частных землевладельцев») [3]. Само собой разумеется, эта мера отнюдь не свидетельствует о «беспредельной заботливости об участи рабочих», которая отличала, по мнению г. Нисселовича, правительство Петра [4]. Тем не менее, переход петровских фабрик от вольнонаемного к крепостному труду вызывался, как я старался показать, экономической необходимостью [5].

[1] П. С. З., т. V, 3711.

[2] *Корсак*, О формах промышленности, стр. 130.

[3] «Крестьяне в царствование Екатерины II», стр. 393.

[4] *К. Нисселович*, История фабрично-заводского законодательства Российской империи, Спб., 1883 г., I, стр. 45. Эту «беспредельную заботливость» г. Нисселович усматривает в том, что в привилегиях разных фабрик говорится о найме мастеров «с платежом за труды их достойной платы». Но последнее было только формой выражения; в действительности же правительство Петра для улучшения положения рабочих на фабриках не сделало ровно ничего, а для ухудшения его — очень много.

[5] Эта мысль вполне точно выражена Струве: «Разные способы прикрепления рабочих к фабрикам и заводам, практиковавшиеся русским правительством в XVIII веке, наглядно свидетельствуют о невозможности создать в обществе, основанном на натуральном хозяйстве, известную организацию производства, иначе как опираясь на личную зависимость» («Критические заметки», Спб. 1904, стр. 83).

В стране с таким первобытным хозяйством, как тогдашняя Россия, крупное производство не могло основываться на свободном труде. Крепостной труд был гораздо выгоднее для фабриканта. А так как правительство Петра, если и проявляло к кому-либо «беспредельную заботливость», то уже никак не к рабочим, а разве к фабрикантам, то вполне естественно, что оно распространило и на фабрикантов право, которое раньше было привилегией дворянства, — право пользования принудительным трудом.)

Таким образом, благодаря указу 18 января, вопрос о снабжении фабрик рабочими руками был решен в направлении, определявшемся общими социальными условиями петровской России. Вместо капиталистического производства с вольнонаемными рабочими* у нас водворилось крупное производство с принудительным трудом.

Но разрешение фабрикантам пользоваться принудительным трудом еще не изменяло юридического положения всех тех рабочих, которые работали на фабриках по вольному найму. Фабрики продолжали служить приютом для беглых, которые юридически ничем не были связаны с фабрикантами. Убедившись в выгодах принудительного труда, фабриканты стали стремиться к закрепощению и всех остальных свободных рабочих. Это им удалось достигнуть не ранее 1736 г. В этом году, по прошению крупнейших фабрикантов того времени — Затрапезного, Щеголина с товарищами, Микляевой, Гончарова, Подсевальщикова, Тамеса с товарищами — был издан высочайший указ, по которому все те мастеровые, которые во время издания указа будут находиться на фабриках и будут обучены мастерству, должны «вечно» со всеми своими семействами оставаться на фабриках у настоящих владельцев. За этих мастеров фабриканты должны были заплатить по известной таксе прежним владельцам: помещикам, дворцовому, синодальному ведомству, казне. Мастеровые, владельцы которых неизвестны, отдавались фабрикантам без всякой платы, а все беглые чернорабочие, которые окажутся на фабриках, должны были быть возвращены законным владельцам[1].

Вместе с тем, фабрикантам предоставлено было право наказывать «домашним порядком» вечноотданных им мастеровых, «которые явятся непотребные и ни к какому учению не прилежные», а также и отправлять их в Коммерцколлегию «для ссылки в дальние города или

* В 1-м издании «с вольнонаемными рабочими» отсутствует. *Ред.*

[1] Благодаря этому указу, в число «вечноотданных» мастеровых попадали даже купцы. См. любопытное «Дело по прошению балахнинского посадского человека Герасима Федотова Половинкина», 18 июня 1765 г. Половинкин был записан в балахнинское купечество, платил всегда безнедоимочно подушные и прочие подати и сборы. В 1734 г. он по паспорту отлучился в Москву, где занимался разной столярной работой. В том же году он поступил по договору для той же столярной работы на шелковую фабрику Милютина; этой работой он занимался 5 лет, ежегодно выправляя свой паспорт. Затем оставил работу у Милютина, но в 1763 г. его случайно увидел мастер фабрики наследников Милютина, признал беглым, и Мануфактурколлегия определила: отдать Половинкина на ту фабрику вечно. Половинкин подал жалобу в Сенат. Чем кончилось дело — неизвестно («Дела Балахнинского городового магистрата» № 537). Список с этого дела получен мною от В. Г. Короленко; пользуюсь случаем выразить ему за это свою глубокую благодарность.

на Камчатку на работу, чтоб другим был страх». В случае бегства мастеровых с фабрики, воеводы должны были их ловить и по учинении наказания отсылать обратно на фабрику[1].

Таким образом, состоялось окончательно прикрепление мастеровых к фабрикам, и наша фабрика приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания[2].

Переход русских фабрик от вольнонаемного к крепостному труду был возможен лишь вследствие низкой производительности труда, благодаря чему принудительная работа оказывалась более выгодной для фабриканта. С другой стороны, крепостные отношения делали невозможным поднятие производительности труда. Пока работа на фабриках имела принудительный характер, она должна была оставаться малоуспешной. В этом и заключалась основная причина медленности развития нашей фабричной промышленности в течение всего XVIII века.

Товары, изготовлявшиеся на наших фабриках, отличались крайней дороговизной и низким качеством; об этом можно судить, между прочим, по любопытным показаниям московских торговцев в 1727 г. По высочайшему указу от них были отобраны отзывы, «которые из русских компанейщиков и заводчиков товаров доброй работы против вывозных». Ответы оказались весьма неблагоприятны для наших фабрикантов. Так например староста суровского ряда Калмыков заявил от имени суровских торговцев, что шелковые товары и бархаты «против заморских работою не придут, а ценою продаются из фабрик выше заморских». Если бы правительство разрешило свободный привоз заморских шелковых материй, то купечество было бы, по заявлению Калмыкова, много довольно. Староста москательного ряда заявил, что «русский купорос, краска баканн, вохра против заморских ничто добротою не будет и весьма плоше и заморского ценою вдвое дороже»; повторяется просьба о свободном привозе заморских товаров. О ленточных и полотняных товарах купечество заявило, что они «работою против заморских весьма плохи, а ценою продаются свыше заморских». Такие же жалобы на неудовлетворительное качество и высокую цену русских фабричных товаров мы встречаем и в заявлениях торговцев игольного ряда. Почти все торговцы высказывались в пользу облегчения ввоза заграничных товаров[3].

Эти отзывы московского купечества интересны также и тем, что они характеризуют отношение массы русских торговцев того времени к вновь образовавшемуся классу фабрикантов. Как мы видим, москов-

---

[1] П. С. З., т. IX, 6858.

[2] Как известно фабричные рабочие энергично протестовали против своего закрепощения, но ничего не могли поделать. О волнениях фабричных рабочих в XVIII веке см. *Семевский*, Крестьяне при Екатерине II, Посессионные крестьяне, гл. II, и *Соловьев*, История России, изд. 3-е, т. XXIII. Соловьев рассказывает о возмущении в 1752 г. фабричных крестьян, приписанных к парусной и бумажной фабрике Гончарова в Малоярославецком уезде, причем крестьяне разбили присланную воинскую команду, отняли пушки, и только вновь присланные три полка, употребивши в действие артиллерию, привели крестьян к покорности (стр. 118).

[3] Дело об отобрании от торговцев сведений о зделних мануфактурах, 1727 г., Дело Коммерцколлегии № 500, Арх. д-та тамож. сбор.

ское купечество относилось к фабрикантам недоброжелательно; фабриканты пользовались разными привилегиями, монополизировали внутренний рынок и, кроме того, стремились захватить в свои руки и розничную торговлю своими произведениями. Это последнее обстоятельство вызывало особенные жалобы купечества. Правительство колебалось. 3 февраля 1722 г. именным указом фабрикантам запрещалась розничная продажа, «понеже в рядах многие лавки запустели» благодаря тому, что «интересенты фабрик, сделанные свои фабрики, с фабрических дворов продают врозь, а иные в рядах и в собственных своих лавках». Но уже 18 июля того же года вышел новый указ, которым фабрикантам опять разрешается розничная торговля, так как «интересенты и компанейщики от всех мануфактур» объявили, что в случае запрещения розничной торговли «не можно иметь надежды, чтобы оные начатые мануфактуры могли приходить в лучшее состояние».

В этой борьбе массы купечества с фабрикантами можно видеть продолжение старинной борьбы крупного и мелкого купечества в Московском государстве. Крупное купечество, благодаря мерам Петра, завело фабрики и продолжало утеснять свою братию.

Благодаря господству крепостного труда на русских фабриках, промышленная техника в течение всего XVIII века не делала на них никаких успехов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к той отрасли промышленности, которая пользовалась особенным поощрением правительства, а именно: к суконной (в суконном производстве принудительный труд господствовал вплоть до XIX века). Целым рядом мер правительство стремилось поднять технику суконного производства, но безуспешно. Из указа 1740 г. мы узнаем, что «сукна мундирные, которые на российских фабриках делаются и на полки употребляются, весьма худы и в носке непрочны... Генерал-фельдмаршал Миних прислал один мундирный из российских сукон кафтан, который во время одной кампании так износился, что и надеть больше невозможно было»[1]. Жалоба на плохие сукна повторяется и в известных «Работных регулах на суконные и каразейные фабрики», изданных при Анне Леопольдовне и не получивших поэтому законной силы в последующие царствования. Эти правила были выработаны комиссией, которой было велено о «доныне деланных на российских фабриках плохих сукнах, и отчего оное происходит, обстоятельно исследовать и винных фабрикантов без упущения штрафовать». Комиссия нашла, что важнейшая причина плохого состояния суконного производства заключалась в крайне неудовлетворительном положении рабочих на фабриках. Фабричные строения не ремонтировались, потолки протекали, «валящийся сквозь щели неплотных потолков песок и сор людям работу в руках марает и портит; а полы иные не досками, ниже кирпичами или камнем, не выстланы, а которые выстланы, то гнилы». В фабриках нехватает света, «ткачи насилу денного света имеют, дабы тканье свое точно высмотреть, наименьше же сукну самовредительные субтильные худобы открывать». Рабочие так плохо одеты, «что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют». О продолжительности работы на суконных фабриках можно су-

[1] П. С. З., т. VI, 3892, 4057; т. XI, 8220.

дить по тому, что «Работные регулы», имевшие в виду улучшить положение рабочих на фабриках, устанавливали рабочий день около 14 часов в сутки.

Эти «регулы», как сказано, не получили законной силы и никакого практического значения не имели. Жалобы на удовлетворительность солдатского сукна все продолжались. Так например в 1745 г. Сенатом усмотрено, что «сукна весьма плохи, а иные недовалены и шишковаты, за что Мануфактурколлегия (за слабое смотрение)... великому штрафу подлежит»[1]. Тем не менее, сукна оставались плохи, и вплоть до двадцатых годов XIX столетия русские суконные фабрики производили исключительно низшие сорта сукон, и то дурного качества[2].

Эпоха после Петра, как известно, характеризуется чрезвычайным возрастанием политического влияния дворянства. По словам проф. Ключевского, «в древней Руси дворянство не правило, а только служило, и служило как в центре, так и в провинции; в первой половине XVIII в. оно делало центральные правительства, продолжало служить в центре и едва начинало править провинцией; во второй половине века, в последний раз сделав правительство, дворянство перестало обязательно служить в центре и окончательно стало править в провинции»[3]. Новая дворянская эра не могла не отразиться и на привилегиях фабрикантов. Самой существенной из этих привилегий было право приобретать к фабрикам населенные имения. Тем же указом Анны Иоанновны, которым мастеровые были прикреплены к фабрикам, было ограничено это право, а именно была разрешена фабрикантам покупка крестьян только без земли. Фабриканты, естественно, были недовольны, и в 1744 г., по просьбе фабриканта Афанасия Гребенщикова, было вновь разрешено покупать к фабрикам населенные деревни.

Но успех фабрикантов был непродолжительным. Дворянство рассматривало владение крепостными как свою исключительную привилегию, как бы выражение своего политического главенства. В царствование Елизаветы Петровны право фабрикантов на крепостной труд подвергается существенному ограничению. Сенатским указом 1752 г. был определен максимум рабочих (в зависимости от числа станков и других орудий производства), которых фабриканты имели право прикупать к фабрике. Фабрикантам было разрешено прикупать не более 12—42 душ мужского пола (смотря по роду изделий) к каждому стану. Указ этот был мотивирован тем, «что многие заводчики и фабриканты, заводы и фабрики производят не столько покупными, как вольными людьми, из чего следует и впредь следовать может немалая подлому народу от найма оных к фабрикам и заводам польза». Наконец Петр III 29 марта 1762 г. совсем запретил покупку к фабрикам и заводам крестьян как

[1] П. С. З., т. XI, 8440; т. XII, 9168.

[2] См. например Дело о некоторых распоряжениях по улучшению разных отраслей мануфактурной промышленности, 7 мая 1830 г., Арх. д-та торг. и ман. «Со времени Петра I по истечении первого десятилетия нынешнего века суконделие едва сделало несколько шагов вперед, и размножение, но не улучшение оного относилось более к удовлетворению умножившейся потребности армии и флота, нежели к народному потреблению».

[3] *Ключевский*, Курс лекций по русской истории, 1884—1885 гг., ч. II, стр. 249—250.

с землей, так и без земли. В том же году 8 августа это запрещение было подтверждено и Екатериной[1].

Результатом всех этих законодательных мер явилось значительное изменение сословного состава фабрикантского класса. Я говорил выше, что среди петровских фабрикантов дворяне почти отсутствовали. Но если мы обратимся к фабрикантам екатерининского времени, то среди них мы найдем уже много дворян. Так, в ведомостях Мануфактур-коллегии и конторы за 1773 г. приведено 328 фабрик; в числе их дворянам принадлежало 66, иностранцам 46 фабрик. Но одна общая цифра дворянских фабрик говорит еще очень мало. Дворянские фабрики были вообще очень крупными, и потому в общей сумме фабричных оборотов участие дворян выражается более значительной цифрой. По данным Мануфактурколлегии и конторы, на 305 фабриках, о которых имеются соответствующие сведения, было сработано в год товара на 3 548 тыс. руб., а на 57 дворянских — на 1041 тыс. руб., т. е. обороты дворянских фабрик немногим не достигали $1/3$ оборотов всех фабрик. В особенности много дворянских фабрик было среди суконных фабрик: по названной ведомости, из 40 суконных фабрик дворянам принадлежали 19[2]. Переход фабрик от купечества к дворянству еще усилился в последней четверти XVIII века. Запрещение покупки крестьян к фабрикам и заводам было в очевидных интересах дворянства, так как дворянство сохраняло за собою право пользоваться в фабричных работах крепостным трудом, а купечество, при заведении новых фабрик, лишалось упомянутого права. Поэтому в важнейшей отрасли фабричной промышленности того времени — суконной — число дворянских фабрик так возросло, что к началу XIX века значительно большая часть суконных фабрик очутилась в руках дворянства. По крайней мере, в числе 98 суконных фабрикантов, которые поставляли в казну сукно в 1809 г., мы встречаем только 12 купцов. 19 фабрик принадлежали титулованному дворянству (князьям Барятинскому, Юсупову, Шаховскому, Хованскому, Урусову, Щербатову, Прозоровскому и др., графам Разумовскому, Безбородко, Салтыкову и др.), 55 — нетитулованным дворянам, остальные иностранцам и разночинцам[3].

Противоположность интересов дворянства и купечества очень резко обнаружилась в екатерининской комиссии по составлению нового уложения. В своих наказах депутаты-дворяне нередко указывали на злоупотребления фабрикантов из купечества своими привилегиями. Так например в наказе луховского дворянства заявляется, что «фабриканты, кои

---

[1] П. С. З., т. XII, 9004; т. XIII, 9954; т. XV, 11490; т. XVI, 11638.

[2] Приведенные данные взяты из ведомости, помещенной у *Чулкова* VI, кн. III, стр. 591—697. Но в эту ведомость не включены мелкие дворянские фабрики, на которых работа производилась крепостными, а таких фабрик было очень много, особенно суконных и полотняных. Так например по «Генеральным соображениям по Тверской губернии 1783/84 гг.», во всех уездах этой губернии было множество мелких дворянских полотняных фабрик *В. Покровский,* Историко-статистическое описание Тверской губернии, Тверь 1879, т. I, стр. 132.

[3] Дело по высочайше конфирмованному докладу о дозволении вольной продажи солдатского сукна, 21 окт. 1809 г., Связка 58, 2 эксп. М. В. Д. Арх. д-та торг. и ман.

содержат в разных уездах фабрики, накупили великие деревни и пользуются, яко сущие дворяне, не принадлежащими им преимуществами». Ввиду этого луховское дворянство просило повелеть продать деревни при фабриках, а фабрикантам-купцам предоставить пользоваться вольнонаемными рабочими[1]. Еще более решительных мер против купцов-фабрикантов требует крапивенское дворянство. «Содержатели из купечества разных фабрик и заводов многочисленно имеют за собой во владении крестьян... живут они единственно в увеселительных своих роскошах и лености, а остальные свои деньги уповательно давно уже с крестьян работою и доходами получили»; поэтому, если только купцы-фабриканты не будут делать товаров «добротою против вывозных», то все деревни следует у фабрикантов отнять и причислить к дворцовым[2]. О том же просило и клинское дворянство. Ярославское дворянство указывало, что фабриканты из купечества притесняют крестьян, отчего часто и «бунты происходили»; фабриканты должны производить работу вольнонаемными людьми, отчего будет выгода и дворянству, так как их крепостные получат выгодный заработок. Дворянства тульское, кашинское, вяземское, шуйское и др. просили о сохранении в силе запрещения покупки к фабрикам деревень и крестьян; фабричные работы должны исполняться на купеческих фабриках вольнонаемными[3].

В других дворянских наказах встречаются жалобы на разные привилегии фабрикантов, в особенности на то, что фабриканты по своим фабричным делам подведомственны не общему суду, а особому суду Мануфактурколлегии. Именно благодаря этому дворянам было трудно получать с фабрик своих беглых крепостных, на что указывается в наказах серпейского дворянства, мещевского, малоярославецкого, пронского, воронежского, ряжского, керенского, шатского, белевского и пр.[4].

Наказы купечества естественно носят совершенно иной характер. Почти во всех этих наказах повторяется просьба о разрешении покупать крепостных, хотя бы в самом ограниченном числе, для домашних услуг. Во многих наказах заявляется о необходимости разрешить покупку к фабрикам крестьян. Нередко высказывается также мысль, что заводами и фабриками должно владеть одно купечество[5].

---

[1] «Сборник Ист. о-ва», т. VIII, стр. 483.

[2] Там же, стр. 562.

[3] «Сборник Ист. о-ва», т. IV, стр. 300, 395, 413, 465; т. XIV, стр. 452. В наказе шуйского дворянства встречается совсем необычайная просьба, чтобы дворянству было запрещено иметь фабрики. Воронежское дворянство просит даже совсем запретить устраивать в Воронежской губернии железные и стеклянные заводы, «кои никакой обществу полезности не делают, и единственно есть вредительны истреблением лесов». Керенское дворянство просило об отобрании у фабрикантов из купцов вотчин, «потому что, кои не имеют вотчин, у тех фабрики и заводы в цветущем состоянии, а кто имеют вотчины, те только единственно содержат оные для славы и о размножении фабрик и заводов совсем не радеют». Точно так же путивльское дворянство просило отобрать у Глушковской суконной фабрики (самой крупной частной фабрики в конце XVIII века) неправильно забранные вотчины («Сборник Ист. о-ва» т. LXVIII, стр. 357, 439, 586).

[4] «Сборник Ист. о-ва», т. VIII, стр. 513, 518; т. VI, стр. 324, 387; т. LXVIII стр. 362, 378, 395, 439, 457, 613.

[5] Так например жители Костромы просят запретить дворянам иметь фабрики и вести торговлю; костромские фабриканты заявляют, что «без собствен-

Но наряду с просьбами купечества о предоставлении фабрик и заводов в исключительное владение купцов, в тех же наказах звучит и совершенно иная нота — вражда к крупным фабрикантам и недовольство их исключительными привилегиями. Так например, жители Москвы жалуются «на немалое отягощение от увольнения от всех служб и гражданских тягостей фабрикантов и заводчиков и компанейщиков»; просят о том, чтобы всем городским жителям состоять на одном праве и нести равные тягости. Жители г. Костромы, вслед за просьбой о запрещении дворянству заводить фабрики, а иметь бы их только одному купечеству, прибавляют: «Точию от гражданских служб и податей тех заводчиков и фабрикантов не исключать, а быть им во всем с купечеством наряду». Жители г. Ярославля жалуются, что не только фабриканты избавлены от всяких городских повинностей, но даже и их рабочие, «которые домами своими живут, полицейских тягостей и постоев не содержат. И затем их отбывательством все тягости остаются на оставшихся купцов и самых средних и маломощных людей, почему купечество приходит в упадок. А понеже оные фабрикеры как есть первые капиталом люди, почему следует им без дальнейшего отягощения обще с купцами быть наряду во всех службах и платежах... а за прошедшие годы, что за них плачено, то-б повелено было возвратить».

Об уничтожении привилегий фабрикантов просят в своих наказах купечества городов: Юрьева-Польского, Романова, Зарайска, Нерехты и др. Купечество г. Нерехты заявляет, что хотя в России «мануфактур и фабрик обстоит число немалое, но теми мануфактурами пользуются одни купцы-капиталисты, а среднестатейное купечество совсем оного права не имеет» вследствие трудности выхлопотать разрешение на устройство фабрики.

Таким образом, крупные фабриканты из купечества не пользовались симпатией ни дворянства, ни своей братии купцов. В наказе высшего правительственного учреждения, ведавшего фабрики, — Мануфактур-коллегии — прямо заявлялось, что «содержатели великих фабрик ненавистны сделались обществу»[1]. О враждебности дворянства к крупным фабрикантам говорит и Герман[2]. Вражда мелкого купечества была не опасна фабрикантам, но враждебное отношение дворянства, которое скоро

ных крестьян привесть фабрики в лучшее состояние невозможно. К тому же,— прибавляют они, — за размножением полотняных фабрик, и вольных людей недостает». О том же просят и жители г. Нерехты и Гжатской пристани — «понеже без крепостных людей никаким образом заводов и фабрик содержать не можно». Углицкие фабриканты заявляют, что «всех фабрик к распространению имеется крайнее препятствие и нужда оттого, что деревень к оным покупать запрещено... Вольные люди таких трудов и попечений понести не могут, как свои крепостные, и они же при найме требуют больших весьма цен». Любимское купечество просило запретить дворянам иметь фабрики; эта же просьба повторялась в наказах тульского купечества, алексинского, жителей городов Рузы, Зарайска, Буя и др., «Сборник Ист. о-ва», т. XCIII, стр. 102,174, 230, 378, 573.

[1] «Сборник Ист. о-ва», т. XCIII, стр. 132, 170, 340, 392, 404, 432, 522; т. XLIII, стр. 207.

[2] «Mémoires de l'Académie des Sciences», VIII, 1822 г., *C. T. Hermann*, Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie, p. 448.

поняло выгоды фабричного производства и старалось заводить фабрики в собственных деревнях, пользуясь своими крепостными, делало невозможным восстановление того привилегированного положения, которое занимали фабриканты в петровское время.)

На умножение дворянских фабрик указывал в заседаниях комиссии и депутат Коммерцколлегии Меженинов. По его словам, лет двадцать тому назад дворяне, узнав, что парусные заводы приносят большую прибыль, стали устраивать их сами и до такой степени увеличили выделку парусных полотен, что их и девать стало некуда. То же самое повторилось, по словам Меженинова, и с суконными фабриками, которых дворяне понастроили слишком много, в прямой убыток старинным суконным фабрикам. Из этого Меженинов делал вывод, что «не надлежит позволить дворянам устраивать фабрики и заводы». Но разумеется такое мнение не могло встретить сочувствия ни в тогдашнем обществе, слагавшемся почти исключительно из дворянства, ни в дворянских депутатах комиссии. Главный боец за права дворянства в этой комиссии, представитель ярославского дворянства, князь Щербатов, по поводу сходного мнения, произнес следующую красноречивую тираду: «Сохрани меня боже и подумать, чтобы в такое время, когда милость и правосудие царствуют на престоле, дворянство, вместо приобретения каких-либо прав, могло что-либо из оных утратить»[1].

Вообще вопрос о правах купечества вызвал очень оживленные и продолжительные прения в комиссии. Согласно полученным ими наказам, купеческие депутаты просили для купечества права приобретать крепостных и свободно заводить фабрики, причем некоторые домогались даже совершенного запрещения дворянству устраивать фабрики. Так например депутат рыбнослободского купечества Алексей Попов заявил, что купцам не следует запрещать покупать крестьян к заводам и фабрикам. Дворянству же, по его мнению, не следует торговать: входить в фабричные заведения и разные торговые промыслы не свойственно дворянам. К заявлению Попова присоединились 69 городских депутатов. Депутат г. Серпейска, Глинков, просил «разрешить заводить фабрики одним купцам» и позволить покупку к фабрикам крепостных. С этим мнением согласились 10 городских депутатов. Депутат г. Тихвина Солодовников просил, чтобы «производить торговлю, заводить фабрики и заводы было предоставлено одному только купечеству». Подобные же заявления делали и многие другие городские депутаты[2].

Дворянские депутаты проявляли необыкновенный либерализм по отношению к вопросам фабричного труда. Почти все они настаивали на том, что фабричные работы могут с успехом производиться вольнонаемными людьми. По словам Щербатова, лучшие фабрики в России — те, при которых нет приписных деревень; но истинные стремления Щербатова, как и вообще дворянства, лучше всего выразились в следующем требовании: «Купцы должны употреблять вольных людей или приписан-

[1] «Сборник Ист. о-ва», т. VIII, стр. 51, 59. Депутаты от крестьян также высказывались в пользу ограничения права дворянства заводить фабрики. Вообще фабрики не пользовались сочувствием крестьян.

[2] «Сборник Ист. о-ва», т. VIII, стр. 41, 94 и др.

ных (ранее) к фабрикам, а дворяне вольных и *своих по усмотрению*»[1]. Иными словами, так как тот же Щербатов настаивал, чтобы впредь крестьяне не приписывались к фабрикам, купечеству предоставлялось пользоваться восхваляемыми преимуществами свободного труда, но за собой дворянство сохраняло право отказываться от этих преимуществ и попрежнему вести дело крепостными.

Любопытно, что иные дворяне-депутаты заходили так далеко, что требовали совершенного запрещения купечеству устраивать фабрики. Так, кашинский депутат Кожин заявил, что купцам неудобно иметь фабрики, так как фабрики «служат препятствием к правильному ведению коммерческого дела». Единственными фабрикантами, по его мнению, должны быть не состоящие на государственной службе дворяне[2].

Итак, общественное мнение государственного сословия в половине XVIII века было настроено крайне недоброжелательно к фабрикантам из купечества и их исключительным привилегиям. Соответственно этому и торгово-промышленная политика правительства изменилась. Известно, что Петр, желая как можно скорее развить у нас новые отрасли промышленности, не останавливался перед пожертвованием интересам всего населения выгодам тех или иных крупных фабрикантов. Изданный в конце его царствования тариф имел строго покровительственный, отчасти даже запретительный характер. Но уже вскоре после смерти Петра возникла агитация против этого тарифа. Иностранные купцы — английские, голландские и гамбургские, — торговавшие в Петербурге, жаловались на стеснение этим тарифом иностранной торговли. Я приводил выше отзывы московского купечества, решительно высказавшегося за понижение пошлин. Запретительный тариф был убыточен также и для казны, так как при крайне слабом таможенном надзоре нельзя было бороться с контрабандой; казна лишилась доходов, которые поступали

---

[1] Что касается до числа крестьян, купленных к фабрикам за время 1721—1762 гг., когда такие покупки были запрещены, то оно не было велико. По ведомости Мануфактурколлегии, за это время было куплено к фабрикам 21 005 душ м. п., из числа которых 8 332 были заняты на фабриках, а прочие оставались на сельских работах. «Сборник Ист. о-ва», т. X, стр. 368.

[2] В 1-м издании после слов примечания «при сельских работах» напечатано следующее: «По отдельным родам промышленности эти рабочие распределялись следующим образом:

	Куплено	В фабричной работе состояло
К суконным фабрикам	2 000 д.	1 341
В том числе Медведниковым куплено 527 д., Мещаниновым—469 д.		
К шелковым	3 630 д.	1 217
В том числе Земским куплено 1 392 д., Милютиным — 711 д., Икон иковым 369 д.		
К полотняным	11 738 д.	3 939
В том числе Лу[illegible]ниным куплено 1 295 д., купцами Рюмиными — 1 361 д., Угрюмовы —1 484 д., с тником Нахимовым — 1 383 д., ассесором Гончаровым — 3 612 д.,		
К игольной ф[illegible]брике Рюминых	969 д.	511
К прочим фабрикам	2 063 д.	1 271

Сравнительно незначительное число рабочих, купленных к суконным фабрикам, объясняется тем, что число рабочих, *приписанных* к суконным фабрикам правительством, было особенно велико. Эти сведения заимствованы из ведомости Мануфактурколлегии и Конторы, помещенной в «Сборнике Ист. о-ва» т. X, стр. 368. *Ред.*

[1] «Сборник Ист. о-ва», т. IV, стр. 192.

частью таможенным чиновникам, прославившимся своим взяточничеством (известна поговорка того времени: «Таможня — золотое дно»), частью купцам, торговавшим контрабандным товаром. Неудивительно поэтому, что правительство стало склоняться в пользу свободной торговли[1]. Тарифом 1731 г. пошлины были сильно понижены: на товары, которые работались в России, была назначена пошлина в 20% с цены, а с тех, «которые хотя и делаются, но немного, или вовсе не делаются, но государству не нужны», пошлина назначена в 10%. Большая часть товаров отнесена к последней категории[2]. Этот тариф оставался в силе до последних лет царствования Елизаветы Петровны. В 1753 г. был установлен добавочный сбор со всех вывозимых и ввозимых товаров в 13% ad valorem, для возмещения внутренних пошлин, уничтоженных в этом году. Тариф 1757 г. еще более возвысил пошлины. Но при повышении пошлин правительство руководилось не экономическими, а фискальными соображениями — стремлением увеличить государственные доходы.

Что касается внутренней политики преемников Петра по отношению к фабрикам, то она первое время шла по петровской колее. Правительство поощряло устройство новых фабрик предоставлением фабрикантам разных привилегий, денежных ссуд (нередко беспроцентных) приписной к фабрикам казенных крестьян и мастеровых. Попрежнему казенные фабрики передавались частным лицам, с обязательством ставить в казну известное количество выделываемых товаров, или же без всякого обязательства. Но уже при Елизавете некоторые привилегии фабрикантов подвергаются сокращению. Так, весьма важной привилегией была полная свобода от податей за мастеровых, состоящих при фабрике. Указами 1742, 1743 и 1747 гг. мастеровые, прикрепленные к фабрикам, были обложены подушною податью, наравне с прочими крестьянами, но от платы оброчных денег были избавлены[3]. Точно так же в 1754 г. фабричные мастеровые лишились прежней свободы от рекрутской повинности.

Одной из излюбленных мер поощрения фабрикантов при Елизавете было предоставление отдельным фабрикантам монополии производства на известное число лет[4]. К таким мерам, вызывавшим общее недоволь-

---

[1] *К. Ладыженский*, История русского таможенного тарифа, гл. V. У Чулкова приводится любопытное мнение Остермана, поданное в Верховный тайный совет, в котором доказывается необходимость понижения пошлин. *Чулков*, т. VI, кн. III, стр. 231—238.

[2] *Ладыженский*, стр. 77.

[3] Хотя подушную подать платили обыкновенно сами мастеровые за себя, а не их владельцы, но очевидно она должна была, при ничтожности получавшейся мастеровыми заработной платы, перелагаться на владельца.

[4] Так например в 1753 г. было запрещено на 10 лет устройство в империи ситцевых фабрик по просьбе учредителей первой ситцевой фабрики в С.-Петербурге, Чемберлена и Козенса (П. С. З., т. XIV, 11630). В этом же году получил привилегию и купец Федоров, устроивший в Москве фабрику сусального золота и серебра; производство изделий этого рода было запрещено в России под угрозой отобрания их в казну (П. С. З., т. XIII, 10144). В 1755 г. шпалерному фабриканту Ботлеру было предоставлено на 10 лет исключительное право производства известного сорта шпалер. В 1760 г. привилегия Ботлера была продолжена еще на 10 лет, причем просьба бумажного фабриканта Ольхина об устройстве шпалерной фабрики была отклонена (П. С. З., т. XIV, 10376; XV, 11080). В 1752 г. фабриканты пуховых

ство и задерживавшим развитие новых отраслей промышленности, в интересах пионеров, правительство прибегало потому, что не видело другого способа перенести новые производства в страну. Привилегии такого рода получали нередко иностранцы, соглашавшиеся на устройство фабрик лишь под условием монополии.

Но, конечно, такие монополии не могли не вызывать раздражения среди дворянства и купечества и настраивали общество против привилегированных фабрикантов. В конце царствования Елизаветы Петровны в правительственных сферах начинает проявляться совершенно противоположное течение — стремление к освобождению промышленности от гнета крупных фабрикантов. (Как видно из сенатского указа 1758 г., запрещение производства пестряди и шляп повело к разорению многих мелких ремесленников, которые изготовляли в собственных небольших мастерских эти товары; ввиду этого сенат разъяснил, что запрещается только устройство крупных промышленных заселений, но не мелкое самостоятельное производство, почему «как набойки, так и шляпы, добротою против солдатских и ниже, всякому, кто пожелает, делать без запрещения, а в заведении для того фабрик не дозволять»[1].

Этот указ, покровительствовавший мелкому, по всей вероятности, кустарному производству, показывает, что правительство склонялось к новому направлению промышленной политики. Полное развитие это направление получило при Екатерине II. Как известно, Екатерина неоднократно указывала устно и письменно на вред монополий и на преимущества мелкой промышленности перед крупной. В «Наказе» Екатерина заявляет, что «земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять должно». Машины, по ее словам, не всегда бывают полезны, так как могут сокращать рукоделия и уменьшить число рабочих. Мелкая промышленность имеет преимущество перед крупной, между прочим, и потому, что земледелец, занимаясь у себя дома разными промыслами, не остается праздным зимой, без всякой пользы для себя и для государства[2].)

Эти же самые мысли, но в еще более категорической форме, повторяются и в наказе Мануфактурколлегии своему депутату, вицепрезиденту Сукину: «Великие мануфактурные заведения вместо того, что долженствовали служить к общему рукоделий распространению и обогащению

шляп в Москве Черников и Сафьяников получили такую же привилегию для Моск. губ. (П. С. З., т. XII, 9467). Даже в 1762 г. граф Ягужинский, собственник фабрик шелковых чулок, исхлопотал запрещение устраивать новые чулочные фабрики в России в течение пяти лет. В некоторых случаях крупные и влиятельные фабриканты домогались даже уничтожения ранее устроенных фабрик, конкурировавших с их собственными. Так, например, при Елизавете барон Сиверс подал прошение в Сенат об уничтожении бумажной фабрики Ольхина на том основании, что его собственная фабрика делает бумагу лучшего качества и может удовольствовать своими изделиями всю С.-Петербургскую губернию. Сенат в 1754 г. запретил Ольхину распространять его «бесполезную» фабрику (*Соловьев*, XXIII, изд. 3-е, стр. 288).

[1] П. С. З., т. XV, 10910.

[2] Об этом см. «Наказ» и рукописные заметки Екатерины о мануфактурах, цитир. у *Ладыженского*, стр. 107—108. Любопытно, что уже Екатерина высказала главный аргумент, который и доныне постоянно выдвигается защитниками кустарной промышленности.

государства, заключили все рукоделие в стенах своих, а случившиеся злоупотребления и бывшая монополия лишили многих пропитания... Со времени умножения фабрик города в упадок приходить начали... Содержатели великих фабрик ненавистны сделались обществу». Затем Мануфактурколлегия задается в своем наказе вопросом — какой же характер должна иметь промышленность, чтобы удовлетворять интересам всех классов населения, — и дает на это такой ответ: «Если поселяне должны будут земель своих не покидать, но всемерно оные обрабатывать, а к сему прибавятся им рукоделия, их состоянию приличные, как-то: пряжа шерсти, льна и пеньки, ткание из того сукон и полотен, кузнечная деревенская работа и т. п., то, кажется, довольными им быть надлежит... Если равным образом и мещане должны будут получать пропитание одними мещанскому званию приличными промыслами... то они станут учиться и работать на фабриках... Многие фабрики исправляются уже теперь одними наемными людьми.

А когда исправляются многие, то могут и все»[1].

Таким образом, программа Мануфактурколлегии в комиссии заключалась в поощрении кустарной промышленности, уничтожении фабричных монополий и переводе фабрик с принудительного к свободному труду. Эта программа была вместе с тем и программой дворянства, в чем заключалась ее сила. Я говорил, что купечество столкнулось с дворянством в вопросе о том, кто должен владеть фабриками и кто может пользоваться принудительным трудом. Но главным предметом жалоб купечества были не дворяне, а крестьяне. Почти все купеческие наказы полны жалоб на торговлю крестьян и развитие мелкого крестьянского производства. Так, например, купечество г. Воротынска заявляет, что «крестьянство уездные, ездя по уезду, покупают пеньку, имеют в своих домах трепальные места и терезя, избирают пеньки и переделывают в домах своих... Не повелено ли будет тем торгующим пенькою крестьянам покупать и обделывать запретить?» То же самое повторяется и в наказе жителей г. Перемышля. Жители г. Костромы жалуются на то, что крестьяне скупают по деревням большими партиями холст и отправляют его для продажи в портовые города. По словам жителей г. Боровска, «иные крестьяне имеют у себя солодовни, также масленые и кожевенные заводы». В наказе жителей Норской слободы находим следующее любопытное указание на столкновения купцов и кустарей: «Жительствующие при самой нашей слободе, в селе Норском, и прочих деревнях... многие крестьяне из покупного же железа куют при своих домах гвозди и, по многому числу у своей братии скупая, отвозят в С.-Петербург и Москву... Мы, тому нашему промыслу видев от крестьянского тем же гвоздяным товаром торгу подрыв... с немалым числом накупленного гвоздяного и прочего товара крестьян, везущих уже в Петербург, через посланного из Ярославля подъячего с командой арестовали и к следствию в тое канцелярию отослали». Но из канцелярии крестьянам возвратили отобранный у них товар, что, по словам наказа, ободрило их к «незаконной» торговле гвоздями. Козельское купечество также жалуется на распространение у крестьян «трепальных

[1] «Сборник Ист. о-ва», т. XLIII, стр. 209.

домов». По словам наказа шуйского купечества, «в селах и деревнях заводы немалые заведены, а именно: юфотные, сальные, скорняжные, выбойчатые, свечные и платочные, с которых заводов товары свои продают в тех селах и деревнях, а другие под неизвестными именами отвозят к портам в Малую Россию, в Сибирь... Крестьяне отваживаются покупать кожу сырую и сало розницею и, собирая перекупкою в большие стаи, в продаже возвышают цену». Ввиду этого шуйское купечество просило «запрещенные торги пресечь, заводы уничтожить». Купечество г. Романова даже прямо заявило в своем наказе, что крестьяне «совсем сами делаются купцами, а купцов лишением торгов доводят, чтобы их не было»[1].

В самой комиссии купеческие и городские депутаты требовали решительных мер для ограничения крестьянской торговли и промыслов. Некоторые депутаты приводили при этом интересные данные о развитии кустарной промышленности[2].

Энергичными защитниками свободы крестьянских промыслов и торговли выступили дворяне. Так например депутат переяславского дворянства Реткин в пространной речи доказывал необходимость ограждения крестьянских промыслов от посягательства купцов. К мнению Реткина присоединились 22 депутата из дворян. Даже в некоторых дворянских наказах упоминается о желательности большей свободы крестьянских промыслов и торговли. Так например в наказах ярославского дворянства мы находим просьбу, чтобы крестьянам не препятствовали продавать свои изделия на сельских базарах и покупать нужные им вещи. Точно так же шуйское дворянство просит разрешить крестьянам свободно продавать свои изделия: холсты, сукна и пр.[3]. Такое сочувственное отношение дворянства к развитию крестьянских промыслов вполне понятно. Главное богатство дворянства заключалось в их крепостных крестьянах; во многих губерниях центральной России, где земля была плоха, а промыслы сильно развиты, большая часть крестьян была на оброке (в Ярославской губернии оброчные составляли 78% всех крепостных, в Нижегородской губ. — 82%, в Костромской губ. — 85%[4]. А так как размер оброка определялся зажиточностью крестьян, то есте-

---

[1] Кроме перечисленных, жалобы на крестьянский торг и просьбы об его прекращении и уничтожении крестьянских промыслов встречаются в наказах тульского купечества, углицкого, буйского, серпуховского, любимского, жителей городов Вереи, Кадуя, Судиславля, Рузы, Можайска, Юрьева-Польского и мн. др. Обо всем этом см. «Сборник Ист. о-ва», т. XCII, стр. 102, 153, 161, 183, 300, 358, 399 и др.

[2] Так например по заявлению депутата гор. Оренбурга Кочетова, «в разных уездах многие крестьяне, особенно же татары, завели в деревнях кожевенные, мыльные и салотопленные заводы и некоторые из них бумажные и полотняные фабрики, изделия которых они окрашивают в китайку. Приезжая с этими товарами в разные города Оренбургской губернии, продают их местным жителям и через то делают купечеству подрыв». («Сборник Ист. о-ва», т. VIII, стр. 291).

[3] «Сборник Ист. о-ва», т. IV, стр. 126. В том же смысле высказались депутаты: суздальского дворянства — граф Толстой, ярославского — князь Щербатов, казанского, псковского, ливенского, ростовского и др. («Сборник Ист. о-ва», т. IV, стр. 100, 122, 125, 309, 392; т. VIII, стр. 218, 231, 243).

[4] *Семевский,* Крестьяне в царствование Екатерины, II, стр. 19—21.

ственно, что дворяне были непосредственно заинтересованы в том, чтобы крестьянские промыслы развивались.

Изменение промышленной политики нашего правительства при Екатерине обыкновенно объясняют влиянием учения физиократов, якобы усвоенного Екатериной от ее французских друзей[1]. Г-н Нисселович дает объяснение, более приятное для нашего национального самолюбия. По его словам, «Екатерина пошла навстречу всеобщим желаниям русского народа, понявшего, помимо всякого влияния извне, по собственному опыту, все неудобства прежней системы»[2]. Что касается влияния физиократов на политику Екатерины, то достаточно вспомнить, что именно при Екатерине крепостное право достигло высшего развития. Между тем, учение физиократов требовало прежде всего свободы труда. При чем же тут физиократы? Нельзя также согласиться и с г. Нисселовичем, что Екатерина пошла навстречу «всеобщим желаниям русского народа». Фабриканты например вовсе не желали уменьшения своих привилегий; купечество и городское население не только не сочувствовало развитию крестьянских промыслов, но всячески домогалось их уничтожения: «недозволенные торги пресечь, заводы (крестьянские) уничтожить» — вот о чем просило торговое сословие. Тем не менее, правительство высказалось против монополий крупных фабрикантов и в пользу развития крестьянских промыслов.

Я приводил выше выдержки из екатерининского «Наказа» и наказа Мануфактурколлегии. Правительственные сферы официально признали, что мелкая крестьянская промышленность заслуживает большего поощрения, чем крупная. Чем же объясняется такая измена традициям нашей промышленной политики, направленной со времен Петра на поддержание крупного производства? Не чем иным, как усилением влияния *дворянства*. *Дворянские* интересы требовали развития крестьянских промыслов; *дворянские* наказы просили о запрещении фабрикантам покупать к фабрикам крестьян; *дворянские* депутаты отстаивали свободу крестьянского торга. Учение физиократов пришлось очень кстати и оказало влияние постольку, поскольку оно соответствовало интересам господствующего класса[3].

Практическим выражением нового течения явился целый ряд законодательных актов, стремившихся освободить промышленность и внутреннюю торговлю от всяких стеснений; система покровительства крупным

---

[1] См. например *Иванов* История управления мануфактурной промышленностью в России («Журнал м-ва внутр. дел», 1844); «Труды комиссии по пересмотру уставов фабричного и ремесленного», ч. II, стр. 12; *Корсак*, стр. 133; *Ладыженский*, стр. 100—108; *S. Ordega*, Die Gewerbepolitik Russlands, Tübingen 1885, стр. 139.

[2] Нисселович, стр. 87.

[3] Не нужно упускать из виду, что крупные фабрики XVIII века (многие из которых принадлежали дворянству) почти не конкурировали с кустарным производством, так как кустари не производили тех товаров, которые выделывались на этих фабриках (солдатское сукно, тонкое полотно, парусина, дорогие шелковые товары, писчая бумага и пр.). Кустари были опасны городским ремесленникам и купцам, имевшим в городах небольшие мастерские и заводы — сальные, мыльные, кожевенные, гвоздарные и др.

(В 1-м издании в конце примечания кроме того «и занимавшиеся скупкой крестьянских товаров». — *Ред.*).

фабрикам путем монополий и исключительных привилегий была оставлена. В 1762 г. было отменено запрещение делания набоек и, по истечении срока привилегии ситцевой фабрики Чемберлена, устройство ситцевых фабрик было объявлено свободным. В следующем году было уничтожено несколько других фабричных монополий. В 1769 г. была предоставлена всем свобода заводить в своих домах станы для тканья разных материй, с платежом определенных сборов, причем было изъявлено высочайшее удовольствие «о том, что многие городские и уездные жители начинают в домах своих вне фабрик ткать на станках такие товары, которые всегда из других государств прежде выписываемы были». Рублевым сбором со стана (или, где работы не производились ткачеством, 1% с капитала) были обложены и фабрики, но все эти сборы были уничтожены манифестом 17 марта 1775 г., по которому устройство всякого рода промышленных заведений было объявлено совершенно свободным для всех[1].

Уничтожение Мануфактурколлегии в 1779 г. прекратило и исключительное положение фабрикантов в отношении подсудности. Привилегии фабрикантам были ограничены, но никаких положительных мер к развитию кустарного производства правительство не предприняло, несмотря на все свои изъявления сочувствия мелкой крестьянской промышленности. Дело ограничилось тем, что легальные стеснения развития крестьянских промыслов были устранены[2].

Это освобождение промышленности от чрезмерной правительственной опеки было прежде всего выгодно самим фабрикантам. Наше крупное производство вплоть до Екатерины развивалось крайне медленно, и только с этого времени развитие пошло быстрее. При вступлении на престол Екатерины (в 1762 г.) считалось 984 фабрик и заводов (не считая горных), в год ее смерти — 3 161[3]. В 1773 г. производи-

[1] П. С. З., т. XVIII, 1337; т. XX, 14275.

[2] Впрочем, если центральная власть и выражала сочувствие крестьянским промыслам, то местные городские органы держали руку купечества. См. Дело о крестьянине Григорье Егорове Харузине с крашеной пряжей, 7 мая 1768 года. Крестьянин села Козина Харузин, занимавшийся красильным мастерством, набирал в г. Балахне пряжу и холсты для крашения. Дело возникло по случаю того, что несколько местных посадских напали на него в городе, избили, отобрали крашеную пряжу и представили в полицию за незаконный промысел. Это так устрашило козинских крестьян, что они «за самонужнейшими домовыми потребностями ездить весьма опасны», почему казначей духовных вотчин Нижегородской губ. (село Козино было духовной вотчиной) обратился с просьбой в городовой магистрат о разрешении крестьянам приезжать в г. Балахну «для взятья и отвозу крашеных холстов и пряжи». Магистрат высказался против этого разрешения. Дела балахинского городового магистрата № 590 (список с этого дела доставлен мне В. Г. Короленко).

[3] Цифру частных фабрик в XVIII веке установить очень трудно. В известном сочинении Семенова «Изучение российской внешней торговли и промышленности» показано для 1761 г. 201 фабрика, для 1776—478 фабрик (т. III, прил. № 4). Эти цифры перепечатаны в «Военно-статистическом сборнике» и других статистических изданиях. Между тем, не может быть сомнения, что цифры Семенова совершенно ошибочны и в несколько раз ниже действительных. В «Материалах для истории и статистики мануфактурной промышленности России» («Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», 1865 г., т. II), составленных на основании подлин-

лось на русских фабриках, по далеко не полному расчету, товаров на 3 548 тыс. руб.; при этом суконные и каразейные фабрики выделывали товаров на 1 178 тыс. руб., полотняные — на 777 тыс. руб., шелковые — на 461 тыс. руб., писчебумажные — на 101 тыс. руб. (*Чулков*, т. VI, кн. III).

(Таким образом, за 34 года царствования Екатерины прибавилось более двух тысяч новых фабрик и заводов — более чем вдвое против того числа, которое Екатерина застала при вступлении на престол.) Успехи фабричной промышленности во второй половине XVIII века объясняются тем, что к этому времени у нас уже успел образоваться контингент обученных фабричных рабочих. Первые фабрики явились как бы техническими школами для русского рабочего; как я говорил, на них поступал всякий сброд, не привыкший ни к какому, тем более к фабричному, делу: иноземных мастеров держать было трудно, так как они требовали больших денег и редко уживались с русскими порядками [1]. К тому же и из иноземцев, как видно из петровских указов, нередко приезжали лица, совсем незнакомые с тем производством, которым они должны были руководить. Еще при Анне Иоанновне обученных рабочих было так мало, что например в 1736 г., при устройстве купцом Еремеевым суконной фабрики в Москве, высочайше повелено было другим суконным фабрикантам, Щеголину, Полуярославцеву и Микляевой, отдать на 1 год на новую фабрику по 2 мастера — «одного лучшей статьи, одного средней статьи» — с каждой фабрики [2]. (С течением времени число обученных рабочих, выучившихся своему делу на самой фабрике, возросло, и устройство фабрик стало менее затруднительно. Цифра вольнонаемных рабочих на русских фабриках быстро росла в течение второй половины XVIII века *.

Уже одно увеличение городского населения с 328 тыс. (в 1724 г.) до 1 301 тыс. (1769 г. [3]) должно было облегчить наем рабочих на городские фабрики. Но наибольшее значение в этом отношении имело распространение в центральных промышленных губерниях в помещичьих имениях оброчной системы, вместо барщинной, и развитие благодаря

ных архивных ведомостей прошлого столетия, число фабрик в год воцарения Екатерины определено в 984, а в год вступления Павла — в 3 129. Приводимые в тексте цифры взяты из «Очерка истории мануфактур в России» В-ра Б-шева (В. Бурнашева), Спб. 1833, стр. 16 и 26, составленного также по архивному материалу. Цифры Бурнашева заслуживают большего доверия, чем цифры «Материалов», так как в последнем источнике при перечислении фабрик по отдельным производствам встречаются грубые опечатки или ошибки. Так например для 1796 г. кожевенных заводов показано 84 вместо 848 (по Бурнашеву), парусных и полотняных заводов — 41 вместо 412, и т. д. В общем итоге для 1762 г. сделана грубая опечатка: показано 94 фабрики вместо 984.

[1] Так например на суконной фабрике Щеголина иноземные мастера пробыли только несколько лет. См. «Ведомость о фабриках и мануфактурах 1729 г.», Арх. д-та тамож. сбор.

[2] П. С. З., т. IX, 7060.

* В 1-м издании в конце абзаца — «и к началу XIX, как увидим ниже, значительно превосходила цифру несвободных», опущенное в 3-м издании — *Ред.*

[3] *Милюков*, Очерки по истории русской культуры, Спб. 1896 г., ч. I, стр. 79.

этому отхода крестьян из деревни на дальние заработки. Оброчный крестьянин нанимался по вольному найму на фабричные работы, как и свободный человек. Эти оброчные крестьяне и явились главным контингентом вольнонаемных фабричных рабочих. Фабрикант получил возможность доставать рабочие руки без покупки крестьян и без вербовки на фабрику разного сброда.

Распространенность дальнего отхода в русской деревне центрального района уже в конце XVIII века не подлежит сомнению. На это указывают и иностранные писатели, посещавшие Россию, и русские источники. По словам Зольтау, «в некоторых местностях России мужчины оставляют земледелие почти исключительно женщинам, а сами уходят на разные заработки... Летом из всевозможных мест крестьяне стекаются в города, чтобы заниматься мелкой торговлей, плотничеством, каменной работой и пр.»[1]. Автор обширного трехтомного труда о русской торговле, земледелии и промышленности, Фрибе, сравнивает правильное перемещение крестьянского населения летом в города, а зимой в деревню, с осенним и весенним полетом птиц[2].

Впрочем, у нас имеются точные статистические данные относительно распространения отхожих промыслов в некоторых губерниях. Так например в Ярославской губернии было взято паспортов:

в 1778 г.	53 656
„ 1788 „	70 144
„ 1798 „	73 663
„ 1802 „	69 539

Мужчин в Ярославской губернии по пятой ревизии (1796 г.) было 385 008. Таким образом, в конце XVIII века около 20% всего мужского населения Ярославской губ. уходило на заработки на сторону — иначе говоря, более 1/3 *взрослого* мужского населения занималось неземледельческими отхожими промыслами[3].

В Московской губернии отхожие промыслы были менее развиты, но все же значительны.

Число паспортов, взятых сельскими жителями Московской губ.[4]

1799 год.	48 932
1803 „	52 922

Так как по пятой ревизии в селах Московской губ. числилось 434 441 мужчин, то уходило по паспортам немного более 10% мужчин.

Мы не имеем общей цифры отхода по Костромской губернии, а лишь по некоторым уездам.

---

[1] *D. W. Soltau,* Briefe über Russland und dessen Bewohner, Berlin 1811, S. 23.

[2] *Wilhelm Friebe,* Über Russlands Handel, landwirtschaftliche Kultur etc., Gotha und S.-Petersburg 1797, B. II, S. 277.

[3] Эти данные взяты из рукописного «Топографического описания Ярославской губернии в 1802 г.», таблицы № 1, 2 и 3, Арх. Имп. вольно-экономического общества, № 407.

[4] «Таблицы по Московской губернии за 1805 г.», Арх. И. в.-э. о-ва, № 468.

Число паспортов

Нерехотский [1]		Галицкий [2]		Кологривский [3]		Солигалицкий [4]	
Годы	Уезд	Годы	Уезд	Годы	Уезд	Годы	Уезд
1790	2 273	1786	3 777	1786	2 275	—	—
1800	3 392	1796	2 972	1796	2 056	1790	2 428
1804	3 077	1805	4 314	1804	2 547	1800	4 006

Мужское население по пятой ревизии

60 853	37 575	24 948	18 510

В Солигалицком уезде уходило на сторону более 20% мужского населения, в Кологривском и Галицком около 10%, в Нерехотском около 5%.

О распространении оброчной системы в конце XVIII века приведены данные в книге г. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II». В нечерноземной полосе оброчных крестьян было 55% всех крепостных крестьян. В некоторых губерниях (Ярославской, Костромской, Нижегородской) оброчная система значительно преобладала над барщинной. Напротив, в черноземных великорусских губерниях барщинная система преобладала — оброчных было только 26%. Это различие объяснялось в значительной степени большим развитием неземледельческих промыслов в губерниях первого рода [5].

Нельзя сказать, чтобы рост русских фабрик во вторую половину XVIII века был вызван таможенной политикой Екатерины. При ней было издано три тарифа: в 1766, 1782 и 1793 гг. Два первых тарифа имели умеренно-покровительственный характер. Большинство ввозных

---

[1] «Описание Костромской губ., Нерехотского у., 1805 г.», таблицы Арх. И. в.-э. о-ва.

[2] «Хозяйственное описание г. Галича и его уезда 1806 г.», таблицы Арх. И. в.-э. о-ва, № 451.

[3] «Экономическое описание Костромской губ., городов Кологрива и Ветлуги», 1805 г., таблицы Арх. И. в.-э. о-ва, № 492.

[4] «Хозяйственное описание о Солигалицком у.», Арх. И. в.-э. о-ва, № 452.

[5] *Семевский*, стр. 44—52. Весьма любопытно, что кн. Щербатов, защищавший крестьянские торги в комиссии, впоследствии изменил свое мнение и признавал вредным распространение крестьянских промыслов. «Сие, кажется, есть коренное зло в России, что во многих ее областях великое число крестьян, оставляя земледелие, ударились в другие промыслы! Прежде все крестьяне принадлежали к хлебопашеству, были сыты, но бедны». Теперь же «крестьяне для удовлетворения податьми государя и помещиков, оставляя земледелие, стали ходить на другие работы, и, действительно, они стали богатее деньгами, но земледелие упало» («Статистика в рассуждении России», 1776—1777 г., «Чтения Имп. о-ва истории и древностей», 1859, кн. 3, стр. 21). «По мере размножения сластолюбия, приумножились все мастерства, рукоделия и промыслы, и самые хотя нужные строения в губернских и других городах... отвлекли от земледелия многие тысячи человек. Если мы возьмем в пример одну Москву и рассмотрим разных мастеровых, живших и приходящих в оную, то ясно увидим, как число их приумножилось. Двадцать лет тому не прошло, весь Каретный ряд помещался за Петровскими воротами по Земляной город по Большой улице; а ныне не токмо уже многие лавки распростерлись внутрь Белого города... но и в других улицах множество есть таких сараев для продажи карет... Строения были редки, а ныне нет почти улицы, где бы строение не производилось. Все сии промыслы требуют людей» («Чтения Имп. о-ва истории и древностей», 1860 г., кн. 1, стр. 82).

товаров (большая часть тканей, железных изделий и др.) были обложены пошлиной в 20—30%; на очень немногие товары пошлина имела запретительный характер; еще меньше товаров было совсем запрещено к привозу. Тарифом 1782 г. пошлины были в общем повышены, но незначительно[1]. Эти два тарифа не находились в резком противоречии с общим направлением промышленной политики Екатерины — с ее симпатиями к свободной торговле.

Только тариф 1793 г. имел строго покровительственный и даже запретительный характер. Но издание этого тарифа было вызвано соображениями совсем особого рода. Как известно, при Екатерине Россия перешла к бумажно-денежному обращению, которое с тех пор успело так прочно водвориться в нашем отечестве, что стало как бы одной из наших национальных особенностей. Вексельный курс сделался предметом особого внимания русского правительства, так как высотой курса определялся размер заграничных платежей нашего государственного казначейства. Но одним из главнейших факторов вексельного курса является состояние платежного баланса страны. По этой причине русское правительство со времени введения у нас бумажных денег стало усиленно заботиться об улучшении нашего платежного баланса. Неблагоприятный платежный баланс очень невыгодно отзывался (через посредство вексельного курса) на государственных финансах, и вот по этой-то причине правительство Екатерины в 1793 г. признало нужным принять меры к сокращению привоза в Россию иностранных товаров, так как сокращение привоза товаров из-за границы гораздо легче достижимо, нем расширение вывоза туземных произведений за границу[2].

Таким образом, фабричная промышленность в течение почти всего царствования Екатерины не пользовалась покровительством высоких таможенных пошлин и, тем не менее, развивалась успешнее, чем раньше. Из этого ясно, что нельзя видеть важнейшую причину развития у нас фабричного производства только в мерах правительства или, еще уже, в нашей таможенной политике, а именно этим грешат почти все наши экономисты — как протекционисты, так и фритредеры. В течение XVIII века наше крупное производство сделало более всего успехов в то время, когда правительство официально заявляло о своем несочувствии этой форме промышленности и менее чем когда-либо поддерживало ее «искусственными» средствами.

---

[1] По словам г. Ладыженского, «тариф 1782 г. был чрезвычайно умерен... Тариф этот вполне соответствовал идеям физиократизма и свободной торговли, которые... достигли почти полного применения в 1782 г.» (*Ладыженский*, История русского таможенного тарифа, стр. 140). Это совершенно неверно. Тарифом 1782 г. пошлины по важнейшим товарам (шерстяные изделия, железные, полотняные, писчебумажные) не только не были понижены, но даже повышены (правда, незначительно) сравнительно с 1766 г. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить подлинные пошлины по «Книге тарифов» (т. 46, Полн. собр. зак., изд. VI).

[2] Вопрос о причинах упадка курса и средствах поднятия его занимает видное место в официальной литературе того времени. В таможенном департаменте имеется целый ряд записок разных лиц по этому предмету; большая часть этих записок относится к девяностым годам прошлого столетия. См. об этом также у *Ладыженского* стр. 127—136, 150, 153 и у *Семенова*, III, стр. 43—50.

Впрочем, не следует думать, что правительство Екатерины не принимало никаких мер в пользу крупной промышленности. Иностранные капиталисты и рабочие* попрежнему усиленно привлекались в Россию, причем им предоставлялись разные льготы. Особенно важной привилегией иностранных капиталистов, устраивавших в России фабрики и заводы, было право покупать к ним крепостных людей и крестьян, дарованное манифестом 1763 г.[1], в то время как указом предшествовавшего года русские капиталисты этого права были лишены. Точно так же казна нередко оказывала денежные ссуды фабрикантам; в некоторых случаях правительство на свой счет пробовало устраивать различные фабрики, но фабрики этого рода, — кроме тех, которые поставляли свои товары в казну (как например огромная Екатеринославская суконная фабрика), — существовали обыкновенно недолго, и Екатерина скоро убедилась в невыгодности таких предприятий[2]. Фабрикам, изготовлявшим такие товары, которые раньше не выделывались в России, обеспечивалась на известное число лет свобода от пошлин и налогов. Но, повторяю, развитие фабричной промышленности при Екатерине гораздо меньше основывалось на непосредственной поддержке правительства, чем в предыдущие царствования. При Петре и его ближайших преемниках устройство фабрики рассматривалось почти как государственная служба; государство признавало поэтому своим долгом всеми возможными средствами поощрять и награждать фабрикантов, исполнявших дело первенствующей государственной важности. При Екатерине отношение правительства к фабрикантам изменилось; в них перестали видеть служилых людей, хотя правительство продолжало в них нуждаться и потому не могло не покровительствовать им.

Остановимся теперь на одном любопытном пункте. Жалобы купечества в екатерининской комиссии на развитие крестьянской торговли и промыслов свидетельствуют о росте кустарного производства во второй половине XVIII века. Действительно, есть полное основание думать, что в екатерининское время не только наша фабричная промышленность сделала некоторые успехи, но в еще большей мере развилась крестьянская промышленность. Иностранных писателей, посещавших Россию в конце XVIII или начале XIX века, поражала необыкновенная распространенность всевозможного рода промыслов в русской деревне. Так например по словам Петри, «нигде не наблюдается такого крайного смешения городских и сельских промыслов, как в России. В России крестьянин занимается не только земледелием, но по большей части также и другими промыслами: очень часто земледелие играет даже в крестьянском хозяйстве второстепенную роль, а промыслы — главную, так что встречаются целые села, состоящие из одних ремесленников»[3].

---

* В 1-м издании вместо «капиталисты и рабочие» напечатано «ремесленники». *Ред.*

[1] П. С. З., т. XVI, 11880.

[2] *Storch*, Statistische Gemälde, III, 35—42.

[3] *Iohann Petri*, Russlands blühendste Handelstädte, Leipzig 1811, S. 3. То же говорит и *Schäffer*, автор книги «Beschreibung des Russischen Reichs», Berlin 1812.

На то же указывает и Фрибе, по словам которого русский крестьянин чрезвычайно склонен к промышленной деятельности[1].

Крестьянская промышленность в это время была направлена главным образом на обработку тех продуктов, которые производились самими крестьянами. Особенное значение имело прядение и ткачество льна. Но Петру не удалось заставить крестьян ткать широкие полотна — попрежнему кустари ткали крайне узкий холст, более похожий на ленту[2]. Это полотно нередко красилось — и уже в таком виде, через посредство скупщиков, державших кустарей в полном подчинении, поступало на рынок. Самая техника прядения и тканья сделала очень мало успехов со времени Петра I. Самопрялка все еще не была в употреблении среди крестьян. Это констатируется всеми «ответами», полученными Вольно-экономическим обществом, разославшим в 1766 г. через губернаторов в разные губернии ряд вопросов, касавшихся экономического положения населения[3]. Самое лучшее полотно, по словам Шторха, изготовлялось в Архангельской губернии, в селе Лыскове на Волге, в менонитских колониях в Вишенке и других местах.

В лесных губерниях были развиты разнообразные промыслы, связанные с обработкой дерева или древесных продуктов: плетение рогож, сит, решет, лаптей, делание колес, дуг, саней, дровней, деревянной посуды, гонка смолы и дегтя[4]. Скорняжное, кожевенное, сыромятное производства были распространенными крестьянскими промыслами. Обработка железа давала занятие целым селам в Нижегородской и других соседних губерниях. В селе Работницком на Волге все жители были кузнецами, в Безводном на Волге — тянули проволоку; но особенно выделялось уже в то время промыслами Павлово, в котором было до «3 тыс. крестьян, которые вместе составляли как бы одну фабрику, хотя каждый работал на себя. Они выделывают висячие замки, ножницы, ножи, сабли, ружья, топоры и пр.»[5]. Павловские изделия были распространены по всей России и вывозились даже за границу, особенно в Персию.

Большая часть гвоздей, употреблявшихся в России, изготовлялась кустарями в приволжских губерниях. Иногда в деревнях развивалась даже обработка драгоценных металлов — изготовление изделий из золота и серебра. Так, в селе Сидоровском, Нерехотского у., было несколько десятков золотых дел мастеров, золотильщиков, серебряников и чеканщиков[6].

---

[1] *Friebe* Über Russlands Handel etc. Продукты кустарной промышленности характеризуются Фрибе теми же чертами, которые составляют их отличительную особенность и теперь, — дешевизной и плохим качеством. «Из шести тульских замков нередко оказывался годным только один» (II, 407).

[2] *Abel Burya*, Observations d'un voyageur sur la Russie, Berlin 1786, p. 23; *Storch*, Statistische Gemälde, III, S. 69—72.

[3] См. «Труды И. в.-э. о-ва», 1767 г., часть VII. Ответы Переяславльской провинции, Переяславля-Залесского, Оренбургской провинции, 1768 г., часть VIII. Ответы Слободско-украинской провинции, 1774 г., часть XXVI. Ответы по Кашинскому уезду и др.

[4] См. например «Экономическое описание Костромской губернии города Кологрива и Ветлуги», 1805, Арх. И. в.-э. о-ва, № 492.

[5] *Storch* III, S. 88.

[6] «Описание Костромской губернии Нерехотского уезда», 1805 г., стр. 156. Арх. И. в.-э. о-ва.

По берегам судоходных рек (Волги, Камы, Оки и др.) было сильно развито судостроение и составляло исключительный промысел многих деревень. Все суда, ходившие по этим рекам, строились крестьянами [1].

Крестьяне сами выделывали для себя грубое сукно, которое нередко поступало и в продажу. Некоторые деревни исключительно занимались изготовлением шляп, другие — сапог, третьи — мебели и т. д. Так, уже в это время села Кимры и Медведицкое Кашинского уезда были населены почти исключительно сапожниками и башмачниками. Сапожный и башмачный промыслы вообще были особенно развиты в Кашинском уезде [2].

Одним из важнейших центров кустарной промышленности была Московская губерния, в некоторых уездах которой крестьяне, по словам Шторха, были почти исключительно ремесленниками (кустарями) или промышленниками. В деревнях одного Московского уезда считалось более 300 ткацких станов для тканья шелковых и бумажных материй, несколько сот станов для тканья лент и пр. Кустарное шелковое ткачество, возникшее не раньше половины XVIII века, к концу этого века достигло уже такого развития, что коломенские шелковые фабриканты не могли делать легкой шелковой тафты и платков из-за конкуренции кустарей [3].

В Гжельской волости и окрестных селениях почти все жители занимались изготовлением глиняной и фарфоровой посуды [4].

О развитии кустарного ткачества холста в Тверской губернии можно судить по тому, что в 80-х годах прошлого столетия Тверская губерния вывозила на продажу до 10 млн. арш. крестьянского холста, а в 1879 г., по расчету г. Покровского, та же губерния отпускала холста только в полтора раза более — 16 млн. арш.; при этом труд ткача и пряхи, судя по ценам холста прежде и теперь, вознаграждался столетие тому назад почти вдвое лучше [5].

Эти успехи кустарного производства во второй половине XVIII века находились в известной связи с увеличением числа фабрик и фабричных рабочих.

Фабрика в XVIII веке была почти единственной школой промышленного искусства, новых приемов производства и технических усовершенствований. В прошлом столетии все важнейшие новые отрасли промышленности возникали первоначально в виде крупных фабрик, в которых иноземные мастера научали русских рабочих. Но, как было указано выше, фабрики эти были, в сущности, только мануфактурами,— работа на них производилась почти исключительно руками, при самом ничтожном употреблении машин. При таких условиях некоторые новые производства могли с таким же успехом, как и на фабриках, исполняться

---

[1] «Труды И. в.-э. о-ва», 1783 г., часть XXXIII. О побочных крестьянских работах, стр. 126.

[2] Там же, 1774 г., часть XXVI. Ответы по Кашинскому уезду.

[3] *Корсак*, 135.

[4] *С. Чернов*, Статистическое описание Московской губ., 1811 г., стр. 72.

[5] *В. Покровский*, «Историко-статистическое описание Тверской губернии». Тверь 1879, I, стр. 131.

самими крестьянами в их собственных избах. Крестьянам нехватало только технического знания, и вот фабрики сыграли огромную роль в развитии крестьянской промышленности, являясь распространителями этих знаний, практической школой для кустарей. По мере расширения на фабриках вольнонаемного труда, все большее число рабочих знакомилось с усовершенствованными приемами производства, а так как большинство из этих рабочих были крестьянами, на время уходившими из деревни для заработков, то естественно, что, возвращаясь домой, они разносили по всем деревенским закоулкам новые технические навыки и приемы. Фабричные рабочие, обыкновенно, были пионерами в деле заведения новых отраслей крестьянского производства. Они устраивали собственные небольшие мастерские, стараясь эксплоатировать в свою пользу приобретенное техническое искусство; но соседи быстро перенимали несложные приемы производства, возникал новый промысел, от которого начинала кормиться вся деревня.

Я не буду останавливаться над фактическим доказательством возможности такого взаимодействия между фабрикой и кустарной избой, так как об этом вопросе мне еще придется обстоятельно говорить ниже. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что конец XVIII века характеризуется развитием промышленности в обеих формах: как фабричной, так и кустарной. Антагонизм этих двух форм производства в эту эпоху обнаруживался еще очень слабо. Только изредка мы узнаем о конкуренции кустаря с фабрикой, причем кустарь берет всегда верх. Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарной избой всецело объясняется тем, что важнейшие и крупнейшие фабрики (суконные, полотняные, парусные, фабрики тяжелых шелковых материй, писчебумажные, стеклянные и другие) производили товары, почти не выделывавшиеся кустарями; поэтому и случаев столкновения фабрики с кустарем не представлялось. Даже если на фабриках и в кустарных заведениях выделывались товары одного ряда (например на ситцепечатных фабриках и у кустарей-набойщиков), качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что исключало конкуренцию между ними. Фабрика XVIII века выделывала, главным образом, или товары, поставляемые в казну (например сукно, полотно, писчая бумага), или предметы потребления высших классов населения. Кустари же изготовляли грубые товары, расходившиеся преимущественно среди простого народа. По этой причине фабрика и кустарная изба мирно уживались в XVIII веке друг с другом, почти не конкурируя между собой, причем, как я сказал, фабрика являлась технической школой для кустаря.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Возникновение у нас хлопчатобумажного производства. — Его необыкновенно быстрый рост. — Причины этого. — Капиталистический характер нашего хлопчатобумажного производства и его связь с бумагопрядильным производством Англии. — Слабость правительственной поддержки. — Промышленный кризис конца 30-х годов. — Кризис полотноткацкого производства 30—40-х годов. — Размеры этого кризиса. — Освобождение суконной промышленности от подчинения государству. — Рост числа фабричных рабочих и концентрация производства до 40-х годов; изменение направления развития после этого времени. — Железоделательная промышленность и ее застой. — Связь с крепостным правом.

Из предшествовавшего очерка промышленного развития России в XVIII веке читатель мог видеть, что русская промышленность не стояла неподвижно и со времени Петра сделала несомненные успехи. Но успехи эти были невелики; промышленность развивалась количественно, но техника производства совсем не прогрессировала, и главным потребителем продуктов крупного производства оставалось государство. Важнейшей отраслью фабричной промышленности в конце царствования Екатерины, как и при Петре, было суконное производство, работавшее почти исключительно для казны. Точно так же горные заводы, железные, медные и др. преимущественно удовлетворяли спрос государства (многие из этих заводов и принадлежали казне). Большинство фабрик и заводов в XVIII веке основалось при прямой или косвенной помощи правительства; рабочие руки отчасти доставлялись также правительством. Хотя в конце XVIII столетия правительственная опека над частной фабрикой ослабевает, тем не менее, частная фабрика продолжает пользоваться поддержкой казны в форме денежных ссуд и разного рода льгот и привилегий. Как я старался показать, это ослабление правительственной опеки над промышленностью не только не задержало количественного роста последней, но скорее его усилило. В царствование Екатерины число фабрик зна-

чительно увеличивается, и вместе с тем развивается крестьянская промышленность. Петровские фабрики испытывали крайние затруднения в приискании рабочих рук. Мануфактурное производство требовало искусных рабочих, а таковых в России, вследствие ее промышленной отсталости, в это время не было. Но затруднения такого рода ослабевали по мере роста фабрик и распространения вольнонаемного труда. Рабочие обучались новым способам производства, промышленное искусство распространялось в народе; выгодами такого распространения пользовались как крупное, так и мелкое производство. Вновь возникавшие фабрики получили возможность находить рабочих, а крестьяне обучались новым промыслам, которые по своему техническому характеру с успехом могли быть усвоены мелким деревенским производителем.

Таким образом, наша промышленность понемногу освобождалась от непосредственной зависимости от государства. Фабрика, которая вначале была таким же чуждым (хотя и необходимым) * элементом нашего хозяйственного строя, как были чужды московскому политическому строю новые административные формы, созданные Петром, постепенно органически срастается с этим строем. Будучи обязана своим возникновением непосредственному воздействию государственной власти, крупная промышленность сама делается одним из факторов, направляющих государственную политику. Но, повторяю, в XVIII веке наша крупная промышленность еще едва вышла из пеленок; только в XIX веке она стала социальным фактором первой важности.

Если мы сравним развитие русской промышленности в XVIII веке и первой половине настоящего столетия, то легко заметим между этими двумя эпохами следующее основное различие. В XVIII веке развивались преимущественно те отрасли промышленности, которые удовлетворяли спрос государства (суконное, парусно-полотняное, писчебумажное, горнозаводское производство). Напротив, в дореформенной России XIX века доминирующим фактом является поразительно быстрый рост производства, которое было вполне независимо от спроса государства, а именно хлопчатобумажного.

Хлопчатобумажная промышленность появилась у нас еще в XVIII веке. Мне придется ниже говорить об истории возникновения ситцепечатного и бумаготкацкого производств в селе Иванове. Но до начала XIX века обработка хлопка у нас, как и в других странах Европы, имела ничтожное значение. Зато в XIX веке наша хлопчатобумажная промышленность стала расти чрезвычайно быстро. Вот соответствующие данные для первой половины этого века.

Средний ежегодный ввоз в Россию
(в десятках тысяч пудов [1])

Годы	Хлопка-сырца	Бумажной пряжи	Годы	Хлопка-сырца	Бумажной пряжи
1812—1815	5	12	1836—1840	32	59
1816—1820	5	19	1841—1845	53	59
1821—1825	7	23	1846—1850	112	35
1826—1830	10	43	1851—1855	167	12
1831—1835	15	56	1856—1860	262	21

* В 1-м издании слова «(хотя и необходимыми)» отсутствуют.—*Ред.*

[1] Составлено по «Tableaux Statist. du Comm. Extér. de la Russie».

За 50 лет количество перерабатываемого в России хлопка возросло более чем в 50 раз*. Раньше всего у нас развилась завершительная операция хлопчатобумажного производства — ситцепечатание (ручная набойка), затем бумажное ткачество и только значительно позже — бумагопряденье. Такая последовательность развития различных отраслей хлопчатобумажной промышленности не заключает в себе ничего странного. Набойка по холсту была распространена у нас задолго до начала ситцепечатания, и переход к набойке по миткалю, ввозимому из-за границы, не представлял никаких трудностей. Ткачество миткаля было почти совершенно незнакомо Московской Руси; но так как ручное ткачество бумажной пряжи представляет собой операцию очень простую, которую можно свободно изучить в несколько месяцев, то неудивительно, что, по мере развития ситцепечатания, стало распространяться и бумаготкацкое производство. Бумагопряденье появилось у нас всего позже потому, что в конце XVIII и начале XIX века (когда бумажные ткани стали входить у нас в общее употребление) ручное пряденье было совершенно невыгодно, вследствие крайней дешевизны английской машинной пряжи. Чтобы конкурировать с английской пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами, которые так сильно увеличили производительность труда английского прядильщика. Но устройство бумагопрядильной фабрики требовало огромных затрат капитала; прядильные машины приходилось вывозить из-за границы, а это было тем затруднительнее, что вывоз машин из Англии до 1842 г. был запрещен. По этой причине, вплоть до 40-х годов, наше бумаготкацкое производство пользовалось преимущественно заграничной (главным образом английской) пряжей.

Ввоз иностранной пряжи в Россию растет до начала 40-х годов; с этого времени ввоз начинает падать. Из приведенных цифр видно, что быстрое расширение бумаготкацкой промышленности во второй половине 20-х годов основывалось, главным образом, на увеличении ввоза иностранной пряжи. Напротив, после 40-х годов рост нашей

---

* Приведенная таблица в 1-м издании напечатана после слов «(главным образом английской) пряжей» (конец этого абзаца). Вместо нее в 1-м издании напечатана следующая таблица:

Средний годовой ввоз в Россию хлопка-сырца и бумажной пряжи (в десятках тысяч пудов)

Годы	Количество	Увеличение в %
1812—1815	17	—
1816—1820	24	41
1821—1825	30	25
1826—1830	53	77
1831—1835	71	34
1836—1840	91	28
1841—1845	112	23
1846—1850	147	31
1851—1855	179	22
1856—1860	283	58

В этой таблице в графе «количество» суммирован ввоз хлопка и пряжи, которые даются в таблице, напечатанной здесь, отдельно. Таблица интересна тем, что в особой графе дается динамика импорта. В связи с этим в 1-м издании текст после таблицы изложен так: За 50 лет количество перерабатываемого в России хлопка и бумажной пряжи возросло более, чем в 16 раз. — *Ред.*

бумаготкацкой промышленности сопровождается еще более быстрым ростом бумагопрядильного производства в самой России, благодаря чему ввоз иностранной пряжи падает.

Чем же обусловливались успехи нашей хлопчатобумажной промышленности? Я говорил во «Введении», какую крупную роль сыграло государство в появлении у нас крупного производства. Хотя обычное объяснение этого появления далеко недостаточно, так как оно игнорирует основной факт — торговый капитализм в допетровской Руси, — тем не менее нельзя не признать, что без специальных мер, принятых Петром по соображениям общегосударственного значения, крупное производство у нас в то время не могло бы развиться. Печать «государственности» лежит на всей крупной промышленности прошлого века. Государство нуждалось в этой промышленности и усердно ее поддерживало всеми способами; и, тем не менее, наиболее поощряемые отрасли промышленности (например суконная) развивались весьма туго.

Хлопчатобумажная промышленность выросла в России при совершенно иных условиях. В половине XVIII века ситцепечатное производство было монополизировано крупными фабрикантами Чемберленом и Козенсом, англичанами, имевшими фабрику в Петербурге. Правительство не только не принимало мер к распространению новой отрасли промышленности, но даже задерживало монополией ее развитие. Тем не менее, эта промышленность быстро росла. Главные успехи ее начинаются в XIX веке. Успехи эти являются разительным контрастом с застоем или даже упадком других отраслей производства (о чем я буду говорить ниже). И этот рост, по крайней мере в области ткачества, был достигнут без всякой непосредственной поддержки правительства. К бумаготкацким фабрикам не приписывались крестьяне, им не давалось казенных строений и земельных участков, они почти не пользовались ссудами от правительства[1]. Правительство не признавало нужным заботиться о развитии хлопчатобумажной промышленности так усиленно, как оно заботилось о развитии суконного, чугуноплавильного, парусного и кожевенного производства, по той простой причине, что в бумажных тканях военное министерство не нуждалось. И, тем не менее, рост именно этой отрасли промышленности далеко оставил за собой рост всех других отраслей, специально опекаемых государством.

Основная причина развития хлопчатобумажной промышленности в XIX веке не только в России, но и во всех других цивилизованных странах, заключалась в том, что, благодаря применению машин к прядению и ткачеству хлопка, бумажные ткани сделались самым дешевым предметом одежды. Чем беднее в стране масса населения, тем большим распространением в ней должны пользоваться бумажные материи. Это достаточно известно. Но вот на что в русской литературе до сих

---

[1] В официальной «Ведомости о ссудах из мануфактурного капитала» (предназначенного для ссуд фабрикам и заводам) за 1804—1810 гг. значатся только три ссуды на устройство фабрик бумажных материй, причем весь капитал, выданный в ссуду для этой цели, достигал только 1 300 руб. Дело о зависимых от казны фабриках, 3 ноября 1811 г., № 42, Арх. д-та торг. и ман.

пор было обращено слишком мало внимания. Во всех книгах, так или иначе затрагивающих вопрос о поразительном развитии нашего бумажного ткачества во второй четверти этого века, развитие это приводится в связь только с одной причиной — изданием в 1822 г. нового тарифа, составленного в духе крайнего протекционизма. Между тем, важнейшим фактором роста нашей бумаготкацкой промышленности в рассматриваемое время, как и раньше, был не тариф, а нечто совсем иное. Обратимся к ценам бумажной пряжи за этот период.

Продажные цены пуда английской бумажной пряжи в г. Шуе, № 18—30[1].

Годы		Годы	
1822	106—112 руб. асс.	1834	84—100 руб. асс.
1823	110—118 „ „	1835	92—113 „ „
1824	112—125 „ „	1836	87— 9 „ „
1825	102 118 „ „	1837	73—69 „ „
1826	105—110 „ „	1838	72 81 „ „
1827	85— 90 „ „	1839	72 76 „ „
1828	75— 85 „ „	1840	62 71 „ „
1829	73— 84 „ „	1841	62—71 „ „
1830	73— 8› „ „	1842	68—70 „ „
1831	74— 80 „ „	1843	63—68 „ „
1832	73— 82 „ „	1844	64 69 „ „
1833	80— 87 „ „	1845	63—68 „ „

Мы видим, что в 1827 г. цена бумажной пряжи в Шуе сразу упала почти на 20% и впоследствии уже не поднималась до прежней высоты. Точно так же значительное понижение цены пряжи мы замечаем в 1837 и 1840 гг. Чем же оно было вызвано? Обратимся к ценам хлопчатобумажных фабрикатов на английском рынке. К сожалению, у меня нет под рукой цен пряжи, но так как пряжа является главной составной частью ценности бумажной ткани, то я и приведу цены бумажной ткани в Манчестере.

Средняя ежегодная цена бумажной ткани Reed Printing Cloth[2]

Годы		Годы	
18 2	14 шилл, 6 пенс.	1836	10 шилл. — пенс.
1823	14 „ — „	1837	7 „ 9 „
1824	14 „ 6 „	1839	8 „ 7½ „
18 5	16 „ 3 „	1840	7 „ 3 „
1826	10 „ 6 „	1842	6 „ ½ „
1827	10 „ — „	1843	6 „ 6½ „
1835	10 „ 2 „	1844	6 „ 3 „

Таким образом в Англии цена бумажных фабрикатов сильно понизилась в 1826, 1837 и 1840—1842 гг., т. е. приблизительно в те же годы, как и в России. Дело в том, что 1825, 1836 и 1839—1840 годы были годами промышленных кризисов; а кризисы всегда были в Англии стимулами технического прогресса. После каждого кризиса фабриканты вводили усовершенствованные машины для удешевления производства;

[1] По конторским книгам крупнейшей фирмы того времени, торговавшей английской пряжей, бр. Киселевых, «Памятная книжка Влад. губ. на 1862 г.», Очерк торговли хлопчатобумажной пряжей в г. Шуе, Лядова.

[2] «Journal of the Statistical Society of London», 1861. Neild, An Account of the Prices of Printing Cloth, 1837, p. 445.

по этой причине кризисы в Англии не только кратковременно понижали цены фабрикатов, но и вызывали падение обычной, нормальной цены последних.

Вот в этом-то удешевлении пряжи, следовавшем за английскими промышленными кризисами, следует искать основную причину быстрого роста нашего бумаготкацкого производства в 20, 30 и 40-х годах. Несмотря на тариф 1822 г., цена пряжи в России быстро падала, параллельно этому падали цены миткаля и ситца, — спрос на бумажные ткани возрастал, и производство их расширялось. Основным фактором всего этого процесса являлся технический прогресс бумагопрядильного производства в Англии. Очень интересно, что цена английской пряжи в Шуе сильно понизилась в 40-х годах, — интересно потому, что как раз в в 1841 г. пошлина на привозную бумажную пряжу у нас была сильно повышена; но, несмотря на повышение пошлины, английская пряжа в первую половину 40-х годов стояла в Шуе на 15—20% ниже, чем в предшествовавшее пятилетие. А так как в 40-х годах русская пряжа очень энергично вытесняла английскую, то необходимо заключить, что и русская пряжа понизилась в цене и, без сомнения, понизилась по той же причине — вследствие улучшения техники производства, выписки из Англии улучшенных прядильных машин (вывоз которых, как сказано выше, был дозволен в 1842 г.).

Английский кризис конца 30-х и начала 40-х годов очень сильно отразился на русской хлопчатобумажной промышленности. В одном донесении министру финансов 10 декабря 1838 г. мы читаем, что «непомерное понижение в 1837 г. цен на бумажную пряжу и трудность сбыта оной, по причине большого привоза из Англии и Бухарии, значительной выпрядки домашних мануфактур и уменьшения, по случаю упадка внутренней торговли, качества наших артикулов — имели последствием не только закрытие 18 бумагопрядильных заведений в Московской, Калужской и некоторых других губерниях, но и несостоятельность многих владельцев сих заведений... прочие бумагопрядильни, действующие менее нежели в 4 тыс. веретен, никак не избежат той же участи»[1]. В донесении 26 ноября 1840 г. указывается, что «число торговых несостоятельностей увеличивается ежедневно. Отсрочки следуют за отсрочками и влекут за собою добровольные сделки... Если не примут вскоре меры к отвращению этого зла, то нет надежды на восстановление в Москве кредита». Из прошения, поданного московскими фабрикантами министру финансов 6 ноября 1840 г., видно, что русское бумагопрядильное производство переживало в это время несомненный кризис, который всей своей тяжестью обрушился на мелкие бумагопрядильни. Крупные заведения устояли, и потому последствием кризиса была (как и в Западной Европе) концентрация производства. А так как в бумагопрядении крупное производство обладает несомненными и огромными техническими преимуществами перед мелким (по словам Самойлова, главным преимуществом Англии перед Россией в области бумагопряденья было то, что в Англии бумагопрядильни отличались более крупными разме-

[1] Дело по донесению чиновника Самойлова о записке некоторых содержателей бумагопрядильных заведений о нынешнем положении их заведений в России, 14 декабря 1838 г., Арх. д-та торг. и ман.

рами, — бумагопрядильни в 25 тыс. веретен не считались там в 40-х годах крупными, а в России бумагопрядильни, работавшие на 10 тыс., 12 и 15 тыс. веретен, принадлежали к первостепенным заведениям), — то несомненно, что кризис конца 30-х годов должен был поднять наше бумагопряденье в техническом отношении. В этом и заключалась причина понижения цен пряжи и развития нашего бумагопрядильного и ткацкого производств в сороковых годах [1].

Итак, развитие нашей хлопчатобумажной промышленности объясняется прежде всего общими мировыми условиями промышленной эволюции. Россия была захвачена в круг капиталистического развития Англии и воспользовалась техническими успехами последней. Но, разумеется, это было возможно только благодаря существованию в России покровительственного тарифа: без него Англия ввозила бы в Россию не пряжу, а миткаль или ситец, и вместо производства бумажных материй у нас в еще больших размерах распространилось бы потребление этих материй, которые доставлялись бы Англией. Нельзя объяснить рост нашего бумаготкацкого производства одним влиянием тарифа 1822 г.; тем не менее, не подлежит сомнению, что без высоких пошлин эта промышленность не могла бы развиваться. Английское бумажное ткачество стояло в техническом отношении так высоко, что с ним не могло выдержать конкуренции даже индусское ткачество, хотя индусский ткач был артистом своего дела, а бумаготкацкое производство в Индии было старинною отраслью промышленности, к которой население привыкло за многие сотни лет. Тем невозможнее была конкуренция с английскими фабриками для русских бумажных изделий, производство которых было делом еще совершенно новым для русского населения.

Как сказано, бумаготкацкое производство развилось у нас гораздо раньше бумагопрядения, и притом развилось без непосредственной помощи государства (кроме, разумеется, поддержки в виде таможенных пошлин). Что касается до бумагопрядильного производства, то оно появляется в России в начале этого столетия. В 1808 г. купцом Пантелеевым была устроена первая частная бумагопрядильная фабрика в Москве. Фабрика эта получила прядильные машины с образцовой прядильной и ткацкой правительственной фабрики — Александровской мануфактуры, которая была устроена * со специальной целью распространить в России употребление прядильных и ткацких машин [2]. Континентальная система,

---

[1] Тем же кризисом было вызвано и повышение пошлины на ввозную пряжу в 1841 г. Московские бумагопрядильные фабриканты просили об этом министра финансов в 1840 г., мотивируя свою просьбу понижением цен пряжи и «безвыгодностью производства». Просьба их была удовлетворена, но цена пряжи упала еще больше, — мелкие бумагопрядильни погибли, а крупные расширили производство (см. то же «Дело по донесению чиновника Самойлова»).

* В 1-м издании — «в 1799 г.». — *Ред.*

[2] Александровская мануфактура играла очень видную роль в истории нашей промышленности. На этой мануфактуре впервые было введено в России машинное прядение хлопка и льна. Она выделывала в огромных размерах льняные и пеньковые полотна на продажу. В 1828 г. на мануфактуре было 4 тыс. рабочих при трех паровых машинах силою в 170 лошадей. См. «О санктпетербургских фабриках», «Журнал мануфактур и торговли» № 5, 1828.

затруднившая подвоз английской пряжи, вызвала устройство еще нескольких бумагопрядильных фабрик (в 1812 г. в Москве их было 11) [1]. Эти фабрики очень пострадали от разорения 1812 г. и прекратили производство. Вплоть до 20-х годов бумажная пряжа изготовлялась у нас только на Александровской мануфактуре. С конца 20-х годов начинают основываться частные бумагопрядильни, но только с 40-х годов бумагопрядильное производство в России устанавливается вполне прочно, получивши возможность пользоваться прядильными машинами, выписываемыми непосредственно из Англии (раньше на наших бумагопрядильнях употреблялись бельгийские и французские прядильные машины, далеко уступавшие по своим достоинствам английским).

О развитии в России бумагопрядильного производства можно судить по тому, что к началу 50-х годов Россия занимала по числу бумагопрядильных веретен (1 100 тыс.) пятое место и уступала только Англии (20 977 тыс.), Франции (4 200 тыс.). Соединенным штатам (2 500 тыс.) и Австрии (1 400 тыс.) [2] и стояла впереди Германии, хотя германское бумаготкацкое производство значительно превосходило русское. Различие это всецело объяснялось различием тарифной политики: в Австрии и России бумажная пряжа была обложена высокой пошлиной (после 1842 г. ввозная пошлина на пряжу в России достигла 50% ценности товара), между тем как германский тариф по отношению к бумажной пряже был крайне умеренным *.

Быстрый рост хлопчатобумажной промышленности у нас, как и в других странах, вызвал тяжелый кризис в области обработки льна и пеньки. Этот старинный крестьянский промысел достиг значительного развития еще в Московской Руси; русский холст в XVII столетии в большом количестве вывозился за границу. В XVIII веке вывоз льняных и пеньковых фабричных изделий — парусных и фламских полотен, равендуков — возрастал. В XIX веке положение изменилось — вывоз начал падать. Так, в 1758—1762 гг. средний годовой вывоз за границу фламских и парусных полотен и равендуков равнялся 77 тыс. кусков, в 1793—1795 гг. —

---

[1] См. «Дело по отношению московского гражд. губернатора и по просьбе тамошних фабрикантов Пантелеева и Александрова» 16 марта 1811 г., «Дело по просьбам московских и других фабрикантов 4 апреля 1812 г.» (Арх. д-та торг. и ман.). Бумагопрядильные фабриканты немедленно обратились к правительству с просьбой о запрещении или наложении высокой пошлины на иностранную пряжу, но домогательства их были отклонены. В 1812 г. московские фабриканты просили даже «о запрещении ввоза всех иностранных изделий».

(В I издании в конце «L'appetit vient en mangeant» — аппетит приходит с едой. — *Ред.*).

[2] *Tengoborsky*, Etudes sur les forces productives de la Russie, Paris, 1852, III, 47.

* Данные изложены в I-м издании в виде таблицы:

	Количество веретен		Количество веретен
Англия	20 977	Россия	1 100
Франция	4 200	Германский таможенный союз	750
Соединенные штаты	2 500	Швейцария	700
Австрия	1 400	Бельгия	500 — *Ред.*

251 тыс., в 1814—1823 гг. — 203 тыс., в 1834—1843 гг. — 195 тыс., а в 1844—1846 гг. — 121 тыс.[1].

О значении заграничного рынка для русских полотняных и парусных фабрик начала этого века можно судить по тому, что, по официальным расчетам (конечно, очень неточным), около 1/3 всего количества фабричных полотен предназначалось для экспорта[2]. Поэтому падение заграничного экспорта не могло не быть тяжелым ударом для наших полотняных фабрик; причины этого падения коренились, главным образом, в области техники: наше полотняное производство в техническом отношении совсем не прогрессировало, на Западе же техника льняного прядения и ткачества быстро шла вперед, и в то же время бумажная ткань своей дешевизной вытесняла полотно. Всего более пострадали при этом крупные фабрики, работавшие для экспорта**, число которых за время 1804—1861 гг. понизилось с 285 до 100.

Между тем за 1762—1804 гг. число полотняных фабрик возросло с 135 до 285[3]. Таким образом, число полотняных фабрик изменяется так же, как и экспорт русского полотна за границу; до начала XIX века число фабрик растет, затем начинает падать. Объясняется это тем, что, как указано, экспорт за границу играл очень большую роль в нашем крупном полотняном производстве первой половины этого века. Полотняные фабрики были единственными фабриками в России, изделия которых, вследствие дешевизны сырого материала, завоевали в конце прошлого века заграничный рынок. Еще в 1818 г. Арсеньев называл полотняные фабрики «многочисленнейшими и прибыльнейшими в России»[4]. Особенно развилось у нас фабричное производство парусных полотен. Это производство концентрировалось главным образом в Калужской губернии и Серпуховском уезде Московской губ., парусное полотно экспортировалось преимущественно в Америку, и одна русская фирма (Брюз-

---

[1] *Небольсин*, Статистическое обозрение внешней торговли России, Спб. 1850, II, 410.

* В I-м издании таблица:

Средний годовой вывоз за границу фламских, парусных полотен и равендуков

Годы	Тысяч кусков	Годы	Тысяч кусков
1758—1762	77	1814—1823	203
1793—1795	251	1824—1833	196
1800—1813	212	1834—1843	195
		1844—1846	121 — *Ред.*

[2] См. «Историко-статистический обзор промышленности России», Спб. 1886 г., т. II. Пряжа и тканье из льна и пеньки, стр. 12.

* В I-м издании таблица:

Число полотняных фабрик		Число полотняных фабрик	
1762	135	1830	190
1804	285	1841	188
1825	196	1845	156
		1861	100 — *Ред.*

[3] Цифра 1762 г. взята из «Материалов для истории и статистики мануфактурной промышленности в России» («Сборник сведений и материалов по ведомству м-ва фин.» 1865 г., т. II); цифра 1804 г.—из «Отчета министра в. д.» за соответствующий год (приведена у Семенова); цифра 1861 г. — из «Отчетов д-та мануфактур и внутренней торговли» (Арх. д-та торг. и ман.).

[4] *К. Арсеньев*, Начертание статистики Российского государства, Спб. 1818 г., ч. I, 142.

гиных) приобрела такую репутацию на заграничном рынке, что клеймо ее нередко подделывалось английскими фабрикантами.

Более $^2/_3$ всего парусноткацкого производства Калужской губернии предназначалось для экспорта. Ткачество парусных полотен было исключительно фабричным производством. Начиная с 30-х годов, цены на парусные полотна на заграничных рынках стали быстро падать, еще более они упали в 40-х годах. Под влиянием этого число парусных фабрик в Калужской губернии сократилось с 17 (1832 г.) до 4 (1849 г.), число станков на них — с 3 500 до 696, а размер производства — с 50 тыс. кусков до 2 тыс. Так же пострадало и парусноткацкое производство Серпуховского уезда. В начале 30-х годов на серпуховских фабриках выделывалось около 25 тыс. кусков ежегодно, а в 1849 г. — только 6 тыс. кусков [1].

Не в такой степени, как парусные фабрики, но все-таки сильно пострадали и полотняные фабрики, изготовлявшие льняные полотна. Цены льняных изделий понижались в течение всей второй четверти этого века [2]. Правда, не менее сильно понизилась за то же время и цена бумажных тканей. Но последнее сопровождалось прогрессом техники — удешевлением производства. Производство же полотна в техническом отношении у нас не прогрессировало, — как пряжа, так и полотно продолжали изготовляться руками, — а потому понижение цены фабриката приводило к убыточности производства и сокращению последнего.

В начале этого столетия полотняное ткачество было преобладающей промышленностью во многих уездах Владимирской губ. — например в Шуйском, Суздальском, Муромском. В Суздальском уезде крупные полотняные фабрики возникли вскоре после окончания войны 1812 г.; полотно с этих фабрик сбывалось преимущественно на внутренние рынки, главным образом, в Сибирь и Малороссию. К концу 30-х годов сбыт полотна стал затруднителен, и в 1851 г. из шести крупных полотняных фабрик в городе Суздале остались только две, и те сильно сократили производство. Причина уменьшения сбыта заключалась в распространении бумажных тканей. Украина и Сибирь, покупавшие раньше льняную пестрядь и тики, стали покупать ткани из хлопчатой бумаги.

[1] О причинах упадка парусно-полотняного производства см. «Состояние фабрик и заводов в Калужской губернии, «Журнал мануфактур и торговли» № 1, 1830 г.; «О пеньковом производстве в Калужской, Орловской и смежных губерниях», «Журнал мануфактур и торговли», 1858 г., ч. 3; «О козельской промышленности, обрабатывающей сырые материалы», «Калужские губернские ведомости» № 6, 1871 г. Калужские фабриканты особенно жаловались на конкуренцию Александровской мануфактуры, экспортировавшей в значительных размерах парусное полотно. Вопрос о мерах помощи парусно-полотняному производству неоднократно рассматривался министерством финансов, причем выяснилось, что основная причина упадка нашего парусного экспорта заключалась в прогрессе техники ткацкого и прядильного производств на Западе, в то время как наши фабрики «со времен их основания при Петре Великом все еще употребляют прежние способы». См. Дело по просьбе полотнопарусных фабрикантов Калужской губ. 21 июля 1837; Дело по отчету московского гражданского губернатора об упадке парусно-полотняных фабрик в г. Серпухове, 18 марта 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] «Исследование о состоянии льняной промышленности в России», Спб. 1847 г., изд. м-ва госуд. имущ., стр. 91.

В Суздальском уезде вместо полотняной фабрикации распространились ткачество и набивки миткаля[1]. То же самое констатировалось и в Муромском, и Шуйском уездах — полотняное ткачество замещалось бумажным[2]. Но так как во Владимирской губернии бумаготкацкое производство развивалось очень быстро, а по характеру производства полотняные фабрики легко могли быть приспособлены к ткачеству бумажных материй, то фабриканты переходили к новому роду производства и не несли больших потерь[3].

Напротив, в Ярославской и Костромской губерниях, где в больших количествах выделывалось полотно для заграничного сбыта (фламские полотна и равендук), кризис имел более тяжелый характер. Бумаготкацкое производство слабо развивалось в тех уездах этих губерний, где раньше процветало полотняное ткачество. Это последнее производство было старинным промыслом крестьян, а фабричное ткачество полотна прочно водворилось в этих местах еще со времени Петра I. Фабриканты упорно держались привычного производства, но крайнее понижение цены всех родов полотна, вывозившегося за границу (в 1823 г. кусок фламского полотна продавался за 52 руб., равендука — за 25 руб.; в сороковых годах полотно продавалось за 25 руб., равендук — за 17 руб.[4], принудило большую часть фабрик Костромской и Ярославской губерний прекратить производство. В Костромской губернии в конце 20-х годов выделывалось до 70 тыс. кусков фламского полотна, в конце 40-х годов — только 20 тыс. кусков[5].

Кризис полотняного производства был тяжелее всего для фабрикантов-помещиков, изготовлявших тонкие полотна трудом собственных крепостных. Ввиду этого правительство проявило в данном случае особенную заботливость; в 40-х годах была образована особая комиссия из представителей министерств государственных имуществ и финансов для расследования дела и изыскания средств помочь падающему производству. Комиссия выяснила, что основная причина кризиса заключалась в технической отсталости нашего полотняного производства и в развитии ткачества бумажных материй, но, само собою разумеется, никаких практических мер помочь горю не придумала[6].

Экономисты 60-х годов фритредерского направления любили противопоставлять успехам хлопчатобумажной промышленности упадок нашего

---

[1] *Несытов*, Обозрение промышленности города Суздаля и его уезда. Вестник Императорского русского географического общества, 1853 г., часть 8. *Комлев*, Исторический взгляд на промышленность г. Суздаля, «Владимирские губернские ведомости, № 15, 1867.

[2] Отчет владимирского губернского механика Несытова, «Журнал мануфактур и торговли», 1853 г., ч. 2.

[3] «Очерк XXV-летнего развития мануфактурной промышленности Владимирской губернии», стр. 13.

[4] «Исследование о состоянии льняной промышленности в России», Спб. 1847 г., стр. 92.

[5] Так же пало полотняное ткачество и в Тверской губ., см. «Состояние мануфактурного производства в Тверской губернии в 1845 г.», Тверь 1846 г., стр. 13.

[6] Результатом работ комиссии явилось цитированное выше «Исследование о состоянии льняной промышленности в России» и «Исследование о состоянии пеньковой промышленности в России».

полотняного производства. Полотняное производство как основанное на обработке туземного материала признавалось ими «естественно» развивавшимся, а хлопчатобумажная промышленность — «искусственно» вызванным производством. Но если придерживаться ничего не выражающего разделения хозяйственных явлений на «естественные» и «искусственные», то нельзя не признать, что именно развитие хлопчатобумажной промышленности и упадок полотняного производства было вполне естественным и необходимым результатом хозяйственного положения России того времени. Наша промышленность должна была все более и более основываться на внутреннем рынке, так как в техническом отношении Россия слишком отставала от Западной Европы, чтобы с нею конкурировать. В связи с этим, только те отрасли промышленности могли широко развиваться, которые изготовляли дешевые изделия, доступные по цене такому бедному населению, как масса русского крестьянства. Бумажная ткань дешевле полотняной благодаря, главным образом, физическим свойствам хлопкового волокна, делающим его более пригодным для машинной обработки, чем льняное волокно, почему бумажные ткани должны были вытеснять полотняные из народного употребления. Если бы у нас не существовало покровительственной системы, полотняное производство пострадало бы еще больше, так как английский миткаль и ситцы, по своей большой дешевизне, являлись еще более опасными конкурентами полотна, чем наши отечественные хлопчатобумажные фабрикаты.

Перейдем к другим отраслям текстильной промышленности и прежде всего к суконному производству. С самого своего возникновения суконное производство было излюбленным детищем русского правительства; правительство делало все возможное для его поддержания и развития, и тем не менее оно развивалось в течение XVIII столетия очень туго. Даже в начале этого столетия русские фабрики не могли удовлетворить потребности армии в сукнах, несмотря на все усилия правительства расширить суконное производство в России [1]. Сукна выделывались крайне низкого качества и в недостаточном количестве *, так что приходилось покупать иногда мундирное сукно за границей, чаще всего в Англии [2]. Дальнейшие успехи нашего суконного производства в техническом отношении были невелики, но количественно оно развивалось, и в 1822 г. в первый раз предложения фабрикантов превысили заявленную казною потребность в армейских сукнах [3].

Рост суконного производства вызвал и изменение правительственной политики по отношению к суконным фабрикам. В прошлом веке правительство видело в суконных фабриках учреждение государственной важности, почему, с одной стороны, всячески старалось поддержать и развить их, с другой — принимало понудительные меры к тому, чтобы фабрики удовлетворяли своим обязанностям по отношению к государству —

[1] Высочайшие конфирмованные доклады о снабжении армии сукном, Спб. 1808.

* В I-м издании вместо этого «в количестве, недостаточном для потребностей армии и флота». — *Ред.*

[2] *В. Пельчинский*, Мануфактурная Россия, «Журнал мануфактур и торговли» № 10, 1827 г.

[3] «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», Спб. 1862 г., т. I, 153.

доставляли требуемое количество сукна. Указами 25 ноября 1790 г. и 20 ноября 1791 г. был установлен следующий порядок снабжения войск сукнами. Все суконные фабрики разделены на два разряда: 1) получившие при своем учреждении какое-либо пособие от казны, а также имевшие купленных к фабрике крестьян, 2) не получившие никакого пособия от казны и не имевшие покупных крестьян на фабрикантском праве. Между фабриками первого рода (обязанные фабрики) разверстывалось все количество сукна, требуемого казною, фабрики второго рода могли продавать сукно совершенно свободно и в частные руки[1]. Но обязанные суконные фабрики поставляли сукно крайне неисправно, и за большинством их числились огромные недоимки, накоплявшиеся из года в год. Ввиду этого правительство было принуждено в 1797 г. запретить не только обязанным, но и вольным фабрикантам продажу мундирного сукна в частные руки. В 1808 г. правительство подтвердило это запрещение и даже усилило строгость взыскания за непозволенную продажу сукна. Не только продавец, но и покупатель должен был платить штраф за каждый аршин проданного сукна (которое конфисковалось в пользу казны). Предписывалось окрашивать грубые сукна в определенные цвета, употребляемые в войсках, под угрозой секвестрации фабрики. Обязанные фабрики не имели права делать иных сукон, кроме солдатских.

Нечего и говорить, до какой степени подобные меры были стеснительны для суконного производства, продукты которого правительство хотело монополизировать исключительно в свою пользу. Пока эта отрасль промышленности не получила свободы, до тех пор она и не могла развиваться, несмотря на все поощрения правительства. Поощрения же эти (кроме мер тарифной политики) выражались, главным образом, в щедрой раздаче казенных денег в ссуду для устройства новых суконных фабрик. В 1809 г. для таких ссуд был назначен особый капитал в 2 млн. руб. Всем, желавшим устроить новую суконную фабрику или расширить существующую, правительство предлагало определенную денежную ссуду на каждый стан. Охотников получать ссуды от казны находилось немало, но суконное производство продолжало оставаться в застое, и казна терпела недостаток в сукнах.

Ввиду полной безуспешности таких мер[2] правительство должно было от них отказаться, и уже в 1809 г. суконным фабрикантам была предоставлена с некоторыми ограничениями свобода продажи сукна в частные руки. Но только в 1816 г. обязанные суконные фабрики были избавлены от обязательства ставить сукно в казну и сравнены по своим правам с вольными фабриками. Только с этого времени суконное производство получило возможность развиваться. Государственное происхождение этой отрасли промышленности было главнейшей причиной медленности ее роста.

Освободившиеся от правительственной регламентации суконные фа-

---

[1] П. С. З., т. XXIII, 16924 и 16998.

[2] На это указывается во всеподданнейшем докладе м-ра внутр. дел. См. «Дело по высочайше конфирмованному докладу о дозволении вольной продажи солдатских сукон», 21 октября 1809 г., Св. № 58, 2 экс. М. В. Д., Арх. д-та торг. и ман.

брики стали быстро увеличиваться в числе. Как я говорил, в 1822 г. (т. е. до введения в действие запретительного тарифа) предложение солдатских сукон превысило спрос. За время 1814—1850 гг. число суконных фабрик возросло с 235 до 492 *.

Во всеподданнейшей записке министра финансов в 1823 г.** заявлялось, что наше сукноделие весьма медленно развивалось до 1816 г.; с этого же года «производство солдатских сукон столь умножилось во всей России, что, при заключении торгов на снабжение армии и флота суконами на 1823 г., министерство финансов имело в виду 2—3 миллиона аршин сверх требованной пропорции»[1].

Как бы то ни было, нельзя сомневаться, что в количественном отношении наше суконное производство, освободившись от правительственной опеки, стало быстро прогрессировать.

Развитие это совершалось притом не за счет потребностей казны. Спрос на солдатские сукна увеличивался медленно и в 30—40-х годах колебался около 4 млн. аршин. Весь этот спрос удовлетворялся старинными фабриками, поставлявшими и ранее сукно в казну. Новые фабрики работали исключительно для вольной продажи; сумма производства этих новых фабрик в 50-х годах превышала в три-четыре раза производство фабрик солдатского сукна. Таким образом, суконная промышленность, не достигавшая государственного спроса в XVIII веке, в первой половине XIX века значительно переросла этот спрос; суконное производство потеряло государственный характер — появились новые потребители, сравнительно с которыми государство отошло совершенно на задний план.

Что касается технического прогресса, то он был в суконном производстве невелик. Жалобы на низкое качество сукна слышатся в течение всей дореформенной эпохи. Так, в официальном «Описании первой публичной выставки российских мануфактурных изделий» за 1829 г. в котором мы находим настоящий гимн успехам хлопчатобумажной промышленности, отзывы о суконном производстве совершенно иного, даже минорного тона: «Невозможно ожидать, чтобы наши фабриканты столь же хорошо вырабатывали сукна, как в Англии, Франции и Голландии... Недостаток механических и химических сведений и хороших машин много препятствует успехам по сей части» (стр. 121). Точно так же в «Обозрении

---

* В 1-м издании вместо этого: «Вот цифры роста нашего фабричного суконного производства в позднейшее время.

Годы	Число фабрик
1804	155
1814	235
1825	324
1850	492

Эти цифры повидимому свидетельствуют о быстром росте суконных фабрик в течение всей первой половины XIX века. Но нужно иметь в виду, что самая ранняя цифра — 1804 г. — большого доверия не заслуживает, без всякого сомнения сильно отстает от действительности. Можно быть уверенным, что рост числа суконных фабрик в период 1804—1814 гг., в действительности, был далеко не так велик, как следует из приведенных данных. По крайней мере во всеподданнейшей записке...» и т. д. — *Ред.*

** В 1-м издании «в 1828 г.». Очевидно, в 1-м издании ошибка. — *Ред.*

[1] Дело о состоянии мануфактурной промышленности в начале 1823 г., 24 марта 1823 г., Арх. д-та торг. и ман.

выставки различных мануфактурных изделий» в 1849 г. пространно говорится не об успехах, а о причинах технической отсталости нашего суконного производства и низкого качества сукон (см. стр. 98 и след. [1]).

Общее представление о развитии фабричной промышленности в дореформенной России можно получить из нижеследующих данных:

Фабрики и заводы Российской империи (без Царства Польского и Финляндии)

Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабр. рабочих	Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабр. рабочих
1815	4 189	172 882	41	1840	6 863	435 788	63
1816	4 484	187 061	42	1841	6 831	429 638	63
1817	4 385	187 337	43	1842	6 939	455 827	66
1818	4 457	178 419	40	1843	6 813	466 579	68
1819	4 531	176 635	39	1844	7 399	469 211	63
1820	4 578	179 610	39	1845	8 302	507 577	61
1825	5 261	210 568	40	1846	8 333	508 607	61
1826	5 128	206 480	40	1847	9 029	532 056	59
1827	5 122	209 547	41	1848	8 928	483 542	54
1828	5 244	225 414	43	1849	9 172	495 364	54
1829	5 260	231 624	44	1850	9 848	501 639	51
1830	5 450	253 893	47	1851	10 126	465 016	46
1831	5 599	264 358	47	1852	10 388	470 914	45
1832	5 636	272 490	48	1853	10 087	481 018	47
1833	5 664	273 969	48	1854	9 948	459 637	46
1836	6 332	324 203	51	1856	11 556	518 661	45
1837	6 450	376 838	58	1857	10 856	513 324	47
1838	6 855	412 931	60	1858	12 259	548 921	45
1839	6 894	454 980	66	1861	14 148	522 500	37

Легко заметить, что число фабричных рабочих почти до конца 40-х годов (1847 г.) быстро растет, затем начинает с колебаниями падать. Размер фабрики (среднее число рабочих на одну фабрику) возрастает до начала 40-х годов (1843 г.), затем следует также падение. До 40-х годов фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился, и фабрики стали раздробляться.

Объяснение всего этого следует искать в росте мелкой, кустарной промышленности, о чем я буду подробно говорить в одной из следующих глав. Сороковые годы были временем наиболее энергичного развития кустарной промышленности. Кустарь стал по всем пунктам бить фабриканта, — вот почему число рабочих на фабриках стало сокращаться и сами фабриканты мельчать.

Остановимся теперь на производстве, являющемся лучшим показателем технического прогресса страны вообще — добыче железа, важнейшего материала машин, орудий и инструментов. В конце XVIII века,

---

[1] На то же указывали и экономисты 40—50-х годов — Гагемейстер, Горлов, Тенгоборский и др.

[2] От 1815—1820 гг. — по «Статистическим ведомостям о состоянии российских мануфактур» за соответствующие годы, от 1825—1861 гг. — по официальным рукописным «Отчетам департамента мануфактур и внутренней торговли» (Арх. д-та торг. и ман.). Приведенные цифры относятся ко всем фабрикам и заводам, кроме горных, винокуренных и пивоваренных. Свеклосахарные заводы и табачные фабрики сюда включены.

по расчетам Шторха, в России выплавлялось около 8 млн. пуд. чугуна[1]*. В течение всей первой половины XIX века* чугуноплавильное производство оставалось в России почти стационарным и вплоть до 40-х годов не достигало 11 млн. пудов. Затем оно стало слабо возрастать и к концу 50-х годов достигло 16 млн. пудов[2].

Если принять в соображение рост населения, то следует заключить, что в течение всей первой половины XIX века Россия не только не шла вперед в добыче железа, но даже регрессировала, и через 50 лет стояла ниже, чем в конце прошлого столетия. Поразительный застой нашего чугуноплавительного дела особенно бросается в глаза, если сопоставить его с развитием этой отрасли промышленности в других странах, особенно в Англии, которая в конце прошлого века выплавляла столько же чугуна, сколько Россия (8 млн. пудов), а в 1859 г. довела свою выплавку до 234 млн. пудов[3].

Еще в 30-х годах Россия выплавила около 12% общей мировой добычи чугуна (90 млн. пуд.) и стояла впереди Бельгии, Пруссии и Соединенных штатов. В 1859 г. на долю России приходилось лишь около 4% мировой выплавки чугуна (460 млн. пуд.)[4].

В половине прошлого столетия железо было одним из главнейших

---

[1] *Storch*, Historisch-Statistische Gemälde, II, 507.

* В 1-м издании от слов «в течение всей первой половины»... до слов «16 млн. пудов», напечатано: О выплавке чугуна в последующее время можно судить по нижеследующим цифрам:

Выплавка чугуна в России

В среднем ежегодно Годы	(в млн. пудов)
1826–1830	10,2
1831–1835	10,5
1836–1840	10,9
1841–1845	11,2
1846–1850	12,3
1851–1855	13,9
1856–1860	16,6 — *Ред.*

[2] *Ладыженский*, стр. 309.

[3] *Чевкин и Озерский*, Обзор горной промышленности России. Спб. 1851 г., стр. 9. *В. Полетика*, О железной промышленности в России, Спб. 1864 г., стр. 49.

(В 1-м издании данные об Англии изложены так:

Выплавка чугуна в Англии

Годы		Годы	(в млн. пудов)
1796	8	1836	75
1806	16	1846	140
1826	37	1859	234

Далее следует: «В конце прошлого века Россия выплавляла чугуна почти столько же, сколько и Англия. Через 60 лет Англия превосходила Россию по выплавке чугуна почти в 15 раз». — *Ред.*

[4] *Полетика*, стр. 49.

(После этого в 1-м издании приведена следующая таблица:

Выплавка чугуна в 1859 г.
(в млн. пудов)

Англия	234
Франция	53
Соединенные штаты	52
Пруссия	24
Австрия	20
Бельгия	19
Россия	19 — *Ред.*).

предметов нашего отпуска*. В 1760 г. было вывезено железа из России за границу 820 тыс. пудов, в 1793—1795 гг. ежегодный вывоз достигал уже 2 966 тыс. пудов. С этого времени вывоз железа начинает быстро падать (особенно со времени 40-х годов) и спускается к 1851—1860 гг. до 747 тыс. пудов ежегодно.

От чего же зависело такое печальное положение нашей железоделательной промышленности? Во всяком случае, не от недостатка правительственной помощи и опеки. Железо было одним из наиболее необходимых продуктов для государства. Поэтому правительство не жалело средств для развития этой отрасли промышленности. Нечего и говорить, что привоз чугуна и железа был запрещен. Даже по самому либеральному русскому тарифу 1819 г. пошлина на железо и чугун была назначена в таком высоком размере, что была равносильна запрещению. По расчету В. Безобразова, частные горные заводы Уральского округа получили не менее 15 млн. деньгами в ссуду от правительства. Кроме того, к этим заводам были приписаны огромные площади казенной земли и лесов, сотни тысяч крестьян, — все это без малейшей платы владельцев заводов. Почему же добыча железа в России не только не возрастала, но сравнительно с населением даже падала?

А именно: вследствие избытка правительственной опеки и поддержки. Вплоть до реформы 1861 г. горнозаводская промышленность всецело основывалась на *принудительном труде*. Главным центром чугуноплавильного производства был Уральский горный округ — Пермская и смежные с ней губернии. На уральских горных заводах выплавлялось около $^4/_5$ всего русского железа. Главным контингентом рабочих на этих заводах были крестьяне и мастеровые, приписанные к заводам. Поссессионных заводов в Уральском горном округе было в 1844 г. 37, и к ним было приписано 178 тыс. крестьян[1]. На казенных заводах работы производились также не по вольному найму, а состоящими при заводах мастеровыми и крестьянами, которые набирались, в случае недостатка рабочих, из рекрутов и лиц, ссылаемых на каторжные работы.

Закрепощение за горными заводами сотен тысяч лиц было вызвано желанием правительства поддержать эти заводы и обеспечить им рабочие руки. И, действительно, благодаря этой мере наша железоделательная промышленность быстро развилась, и в конце XVIII века Россия не уступала в этом отношении Англии. Но та же самая причина, которая содействовала росту горнозаводской промышленности в XVIII в., в XIX в. явилась самым большим тормозом ее развития. Писатели 50 и 60-х годов,

* От слов «В 1760 г.» в 1-м издании заменяется следующим: «Но в XIX столетии вывоз русского железа за границу правильно падает.

Вывоз железа из России

В среднем ежегодно (в тыс. пудов) Годы	
1760	820
1793—1795	2 966
1800—1804	2 120
1821—1830	1 300
1831—1840	1 362
1841—1850	788
1851—1860	747 — *Ред.*

[1] *Чевкин и Озерский*, Обзор горной промышленности, Приложение.

занимавшиеся вопросом о причинах застоя нашей железоделательной промышленности, приходили к одному заключению: что этот застой вызывался технической отсталостью чугуноплавильного дела, неупотреблением новых, улучшенных приемов плавления чугуна и железа, благодаря которым железоделательная промышленность в Западной Европе сделала такие быстрые успехи[1].

Этим техническим застоем вызывалась неподвижность цен на железо в России, в то время как например в Англии цена железа быстро падала. Так, пуд железа в С.-Петербурге в 1824—1826 гг. стоил 1 р. 26 к. сер., а в 1848—1850 гг. — 1 р. 27 к.[2]. В Англии же за это время цена железа понизилась на 60%[3].

За четверть столетия русское железо совсем не понизилось в цене, а английское упало, как сказано, на 60%. Понятно, что при таких условиях вывоз русского железа за границу должен был сократиться, а внутри страны сбыт железа не возрастал.

От чего же зависела техническая отсталость русской железоделательной промышленности? Не может быть сомнения, что основной причиной этой отсталости была *система принудительного труда*. Это прекрасно сознавали многие современники. Заблоцкий-Десятовский в своей известной записке 1841 г. «О крепостном состоянии в России» объясняет влиянием крепостного права «дороговизну нашего железа в сравнении например с английским»[4]. Пока рабочий на железных заводах работал из-под палки, до тех пор и производительность его труда не могла прогрессировать. Никакие льготы не могли заменить основного условия промышленного прогресса — свободы труда[5].

---

[1] В этом смысле высказывались Чевкин и Озерский, Полетика, Тенгоборский и др.

[2] *Tengoborsky*, III, 188.

[3] *S. Tevons*, Investigations in Currency and Finance, London 1884, p. 146—147, Tables of Prices.

(В 1-м издании таблица:

Годы	Цена железа в С.-Петербурге (в рублях и коп. серебром за пуд)	Цена железа в Лондоне (принимая за 100 цену 1782 г.)
1824—1826	1 . 26	103
1830-1832	1 . 37	63
1836—1838	1 . 35	79
1842—1844	1 . 23	46
1845—1847	1 . 32	60
1848—1850	1 . 27	41 —*Ред.*)

[4] *Заблоцкий-Десятовский*, Граф П. Д. Киселев и его время, Спб. 1882, II, 245.

[5] Другой причиной технической отсталости нашей железной промышленности было монопольное положение уральских заводов. Для иностранного железа русский рынок был закрыт, а внутри страны конкуренция была совершенно ничтожна, по незначительному числу заводов. По расчетам П. Мельникова, в половине 40-х годов уральские заводчики, при всей примитивности своих приемов производства, выручали весьма крупные барыши. Так, средняя стоимость выделки пуда резного железа была приблизительно 2 р. 40 к., а продавалось оно на Нижегородской ярмарке за 3 р. 45 к. (44% прибыли), шинного железа — 2 р. 36 к., продавалось за 3 р. 47 к. (46% прибыли), листового — 3 р. 97 к., продавалось за 7 р. 51 к. (89% прибыли). В этот расчет не включена стоимость доставки железа до Нижнего; но так как железо сплавлялось водой, то, по словам Мельникова, эта стоимость была ничтожна. Для чего же было уральским заводам улучшать приемы производства при таком положении дела? *П. Мельников*, Нижегородская ярмарка в 1843—1845 гг., Нижний-Новгород 1846, стр. 43.

Трудно поверить, до какой степени строго регламентирован был весь производственный механизм на уральских поссесионных заводах. Рабочий был, по замечанию В. Безобразова, в состоянии почти полного рабства[1]. С самого детства рабочий поступал на попечение заводского начальства, бравшего на себя полное содержание рабочей семьи и зато требовавшего постоянной работы, исполнявшейся, естественно, крайне плохо. Весь процесс выплавки железа, начиная с рубки леса для домашних печей, перевозки материалов, добычи руды и кончая литьем железных и чугунных изделий, исполнялся рабочим под угрозой суровых наказаний, без всякой надежды на улучшение своего материального положения.

Отнюдь не простая случайность, что в той отрасли производства, которая так быстро развивалась в дореформенной России — в хлопчатобумажной — крепостной труд (как увидим ниже) почти отсутствовал. Именно благодаря свободе труда, бумаготкацкое и ситцепечатное производства сделали в крепостной России, среди общего застоя, такие быстрые успехи.

Господство крепостного труда в нашей горнозаводской промышленности находилось в непосредственной связи с усиленными заботами о ней правительства. Признавая чугуноплавильное производство необходимым для государства, правительство щедро наделяло заводчиков даровыми рабочими руками, и в результате получился полный застой в производстве. То же самое мы видели и в суконном производстве. Пока правительство особенно усердно «поощряло» эту отрасль промышленности, она почти не прогрессировала в техническом отношении, и, только освободившись от правительственной опеки, начав работать не на государство, а на частных потребителей, суконное производство начало делать в России успехи, причем, как увидим ниже, успехи эти были прямо пропорциональны распространению в сукноделии свободного труда.

Итак, изучение развития промышленности в дореформенной России приводит нас к следующим выводам.

В первой половине XVIII века важнейшим потребителем продуктов фабричного производства было государство; этим определялся и весь строй тогдашней крупной промышленности. Крупное производство возникло при непосредственной поддержке правительства и первое время не могло обойтись без такой поддержки. Социальные условия того времени делали необходимым закрепощение рабочих за фабриками и заводами, так как свободных рабочих, по вольному найму, неоткуда было взять. Принудительный труд был выгоднее свободного вследствие низкого уровня техники. Поэтому те отрасли промышленности, в которых исключительно или преимущественно употреблялся труд несвободных рабочих, достигли в XVIII веке значительного развития и к концу века могли не только удовлетворять потребностям внутреннего рынка, но даже работать для заграничного сбыта. Обработанные изделия в это время играли значительно большую роль в нашем отпуске, чем когда-либо впоследствии.

---

[1] *В. Безобразов*, Отчет о всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г., стр. 211.

	Общая ежегодная ценность русского экспорта (по европейской торговле)[1]	В том числе обработанных и полуобработанных изделий	В числе их железа	Полотна и холста
		В миллионах рублей золотом		
1790—1792 гг.	26,0	8,4	3,3	2,4

Таким образом, около 1/3 отпуска приходилось на продукты русской обрабатывающей промышленности. Отпуск железа по ценности равнялся почти 13% всего русского экспорта.

В XIX веке положение меняется. Промышленность решительно перерастает государственный спрос. Возникает новая отрасль производства — хлопчатобумажная (без всякой поддержки правительства, кроме таможенного покровительства) — и необыкновенно быстро завладевает внутренним русским рынком, вытесняя продукты старинной полотняной промышленности. В Западной Европе происходит глубокое изменение техники производства, и машина заменяет ручной труд. Крепостной труд, не совместимый с новыми техническими условиями, становится решительным тормозом промышленности. Те отрасли производства, в которых крепостной труд продолжает господствовать, перестают развиваться. Европа быстро перегоняет нас в техническом отношении; вывоз обработанных изделий из России абсолютно сокращается, а относительно нисходит до совершенно ничтожной величины.

	Ежегодная ценность русского вывоза (по европейской торговле [2])	В том числе обработанных и полуобработанных изделий	В числе их железа	Полотна и холста
		В миллионах рублей серебром		
1848—1850 гг.	80,8	7,4	0,8	1,4

Продукты обрабатывающей промышленности составляют около 9% общей ценности русского экспорта в 1848—1850 гг. Крепостное право стало действовать угнетающим образом на общее *экономическое* и, в частности, промышленное развитие страны и было отменено.

[1] *Семенов*, т. III, стр. 220 и приложение № 1.
[2] По Семенову, т. III, стр. 220 и приложение № 1.

ГЛАВА II

ФАБРИКА С НАЕМНЫМ ТРУДОМ

Разрешение императором Павлом покупки к фабрикам крестьян. — Ничтожные последствия этой меры. — Значение вольнонаемного труда в различных отраслях фабричного производства дореформенной России. — Преобладание свободного труда в новых фабриках и принудительного труда в старых. — Окончательное запрещение покупки к фабрикам крестьян. — Развитие новой, капиталистической фабрики. — Относительное сокращение числа дворянских фабрик. — Состав фабричных рабочих. — Кабальные рабочие. — Фабричная работа питомцев воспитательного дома. — Изменение состава фабрикантского класса. — Новый капиталист — крестьянский выходец. — Фабриканты и кустари. — Крепостные фабриканты. — Отношение правительства к развитию капитализма в крестьянской среде.

Я говорил во «Введении», что благодаря усилению политического влияния дворянства самая существенная привилегия фабрикантов из купечества — право покупать к фабрикам крестьян — была уничтожена Петром III и Екатериной. При Екатерине II влияние дворянства достигло апогея. Обстоятельства, при которых император Павел вступил на престол, были таковы, что новый государь должен был относиться с недоверием к тем общественным элементам, которые возвели на престол его мать. Реакция против дворянского преобладания выразилась в целом ряде мер нового царствования. Так, император Павел сделал шаги к восстановлению обязательной службы дворянства, официально называл тунеядцами неслуживших дворян, ввел для дворян телесные наказания, от которых дворяне были освобождены Екатериной, установил законом число барщинных дней крепостных крестьян. Дворянство ожидало полного возвращения к доекатерининским порядкам и, по словам г. Романовича-Славатинского, «переносило с глухим, сдержанным ропотом нарушения его свободы и вольностей»[1].

Неудивительно, что и в области привилегий фабрикантов царствование Павла явилось возвращением к старому. В 1798 г. было разрешено как дворянам, так и купечеству покупать к фабрикам и заводам крестьян, причем количество прикупаемых крестьян не должно было

[1] *Романович-Славатинский*, Дворянство в России, Спб. 1870, стр. 200.

превосходить определенного елизаветинским указом 1752 г. Купечество вновь получило возможность пользоваться на фабриках принудительным трудом. Это право имело очень большое значение в начале и середине XVIII века, и, как мы видели, купечество усиленно домогалось его в екатерининской комиссии; благодаря лишению купечества права покупки крестьян самые важные фабрики — суконные — почти целиком перешли в руки землевладельческого класса — дворянства.

В XIX веке хозяйственное положение России было уже иное. То, что составляло необходимое условие фабричного производства в начале XVIII столетия, важное преимущество в половине его, — потеряло свое прежнее значение в начале XIX столетия. Как я говорил, капиталистическое производство было невозможно в петровской России вследствие отсутствия первого условия такового — свободного рабочего. Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но, силою вещей, создалась крепостная фабрика. По мере роста городского населения, распространения отхожих промыслов, вытеснения в промышленном районе барщинной системы оброчной пользование свободным трудом на фабриках возрастало. В начале XIX века количество вольнонаемных рабочих на фабриках равнялось приблизительно 48% всех рабочих:

	Число фабрик	На них рабочих	В том числе вольнонаемных
1804 год [1]	2 423	95 202	45 625

По отдельным родам производства вольнонаемные и обязательные рабочие распределялись следующим образом [2]:

	Число фабрик	Всех рабочих	В том числе вольнонаемных	Среднее число рабочих на 1 фабрику
Суконные и шерстяные фабрики	155	28 689	2 788	185
Полотняные	285	23 711	14 327	83
Ситцевые и миткальные	199	6 566	5 436	33
Шелковые	328	8 953	6 625	27
Писчей бумаги	64	6 957	1 533	109
Стальные, игольные и железные	26	4 121	1 144	159
Кожевенные	850	6 304	6 115	7
Канатные	58	1 520	1 295	26
Стеклян. и хрустальные	114	3 937	1 685	35

Мы видим, что в начале XIX века некоторые отрасли производства основывались почти исключительно на принудительном труде, в других же решительно преобладал свободный труд. К числу первых принадлежали суконные фабрики, писчей бумаги, железные, игольные и стальные заводы; к числу последних — ситцевые и миткалевые фабрики, шелковые, кожевенные и канатные заводы. Полотняные фабрики и стеклянные заводы занимали среднее место — процент несвободных рабочих на них близок к 50. Вместе с тем легко заметить, что фабрики первой группы принадлежали к числу крупных; среднее число рабочих на одну фабрику превосходило 100; фабрики второй группы — мелкие —

[1] *Семенов*, т. III, стр. 262.

[2] *Е. Зябловский*, Статистическое описание Российской империи, Спб. 1808 г., часть V, стр. 9—73.

число рабочих на одну фабрику колеблется от 7 до 33; и наконец фабрики третьей группы в этом отношении занимают промежуточное место.

Итак, принудительный труд в начале XIX века в некоторых производствах господствовал, в других же играл совершенно ничтожную роль. От чего это зависело?

Я сказал, что фабрики с преобладанием принудительного труда принадлежали к числу крупных, а с преобладанием свободного труда — к мелким. В этом отразилось различие условий, вызвавших к жизни фабрики того или другого рода. Наша фабричная промышленность, как я говорил в предшествовавшей главе, имела, так сказать, два корня: с одной стороны, она была вызвана правительством для удовлетворения нужд государства, а с другой — она постепенно развилась в народной среде, удовлетворяя потребностям широких классов населения. Фабрики, возникшие под непосредственным влиянием государства, основались на принудительном труде. При их устройстве владельцы нередко получали значительные пособия от казны: постройки, земли и рабочие руки. Так как фабрики этого рода не имели непосредственной связи с мелкою крестьянскою промышленностью, а устраивались крупными капиталистами — купцами и дворянами, то естественно, что и размеры их были крупные. Такой характер имели старинные фабрики XVIII века: суконные, писчебумажные, железные, отчасти полотняные. Принудительный труд в них продолжал преобладать и в начале XIX века, хотя условия производства и рабочего рынка изменились.

Напротив, ситцевое, бумаготкацкое, канатное и кожевенное производства развивались при совершенно иных условиях. Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Они непосредственно сливались с крестьянскою промышленностью; производство на фабриках этого рода было более мелким, дворянство их почти не устраивало, и по этой причине они не пользовались крепостным трудом. Шелкоткацкое производство первоначально возникло в виде крупных фабрик, но уже в XVIII веке оно начинает распространяться в крестьянской среде и переходит в руки мелких капиталистов; вместе с тем увеличивается и число вольнонаемных рабочих на шелковых фабриках.

Но именно фабрики с вольнонаемными рабочими быстро развивались в XIX веке. Поэтому восстановление императором Павлом права покупки к фабрикам крестьян далеко не имело такого значения, какое имел в свое время знаменитый петровский указ, впервые узаконивший этот своеобразный порядок снабжения фабрик рабочими руками. Общие экономические и социальные условия нового времени благоприятствовали развитию не крепостного, но капиталистического производства, основанного на свободном, а не на принудительном труде. Поэтому и указ Павла не оказал никакого влияния на строй нашей фабрики. Купечество пользовалось предоставленным ему правом прикупать крестьян к фабрикам не столько для снабжения фабрик рабочими, сколько, в обход закона, для приобретения дворовых и поместий.

Непродолжительное царствование Павла сменилось новой дворянской эпохой: на престол вступил «екатеринин внук». Восстановление дворянских прав было одним из первых актов царствования Але-

ксандра I[1]. Вместе с тем уже в 1802 г. указом 3 июля право покупки крестьян к фабрикам было ограничено условием, чтобы при этом крестьяне не были переселяемы на другое место. В 1808 г. правительство Александра, нуждаясь в сукне, которого нехватало для потребностей войска, сделало попытку расширить область применения принудительного труда, выработало особые правила, на основании которых покупка крестьян к суконным фабрикам была разрешена и на свод, с переселением их на другое место; но крестьяне через 20 лет получали свободу. Этими правилами, однако, никто не пожелал воспользоваться. В 1816 г. указом 6 ноября покупка крестьян к фабрикам и заводам вновь — и на этот раз уже окончательно — была запрещена [2].

Известно, что со времени Александра I правительство начинает стремиться к ликвидации крепостного права, тщательно остерегаясь в то же время нарушить интересы помещиков. В начале XIX века в наше общество проникла новая идея, что крепостное право не только тяжело для крепостных, но и невыгодно для помещиков. Идея эта выразилась и в задачах, поставленных в 1812 г. Вольно-экономическим обществом. Общество объявило конкурс на две задачи: «Что выгоднее для хозяина — обрабатывать землю частными людьми или собственными крестьянами?», и другую задачу — как отделить в помещичьих имениях земледельцев от фабричных рабочих?

Мысль о невыгодности крепостного права была навеяна знаменитым сочинением* Адама Смита, которое быстро приобрело популярность в русском обществе и правительственных сферах. По приказанию министра финансов графа Васильева, сочинение Смита было переведено на русский язык; в официальном издании министерства внутренних дел: «Санктпетербургском журнале» — учение Смита неоднократно излагалось, причем Смит назывался «великим человеком, постигнувшим великие истины» [3]. Но в области земледелия крепостной труд упорно держался, и все попытки правительства побудить помещиков добровольно освободить своих крестьян кончились полной неудачей: на основании закона о свободных хлебопашцах 1803 г. в царствование Александра I было освобожденного только 33 782 д. м. п., а в царствование Николая I — на основании того же закона — 66 109 д. м. п. и, кроме того, на основании закона 1842 г. об обязанных крестьянах — 24 708 д. м. п. [4], т. е. в общей сложности менее 1% крепостного населения России. Очевидно, в области земледелия помещики находили для себя более выгодным крепостной труд. Крепостное право могло быть ликвидировано только непосредственным актом государственной власти.

---

[1] *Романович-Славатинский*, стр. 236.

[2] П. С. З., XXVII, 20352; XXX, 23132 и 23679; XXXIII, 26504.

* В 1-м издании вместо «знаменитым сочинением» напечатано «книгой». — *Ред.*

[3] «Санктпетербургский журнал», 1804 г., август, стр. 133. Адм. Мордвинов в своих речах в Государственном совете называл Адама Смита «писателем знаменитым в наши времена по изложению истинных начал государственного хозяйства» и ссылался на его мнение как на высший научный авторитет, «Чтения О-ва истории и древностей российских», 1854, кн. 4, Мнение адмирала Мордвинова о новых налогах.

[4] *Семевский*, Крестьянский вопрос в России, I. 266; II 569.

Как же обстояло дело в фабричной промышленности? Я говорил, что уже в начале XIX века около половины всех фабричных рабочих работали по вольному найму. К сожалению, цифровых данных о распределении фабричных рабочих на вольнонаемных и несвободных после 1825 г. не имеется. В 1825 г. всех фабрик было 5 261, рабочих на них — 210 568, в том числе вольнонаемных — 114 515. По отдельным производствам вольнонаемные рабочие распределялись следующим образом:

Род производства	Число фабрик	Число всех рабочих	В том числе вольнонаемных
Суконное	324	63 603	11 705
Бумажных материй . .	484	47 021	44 535
Полотняное	196	26 832	18 720
Шелковое	184	10 404	8 481
Писчебумажное	87	8 272	2 019
Стальное, игольное, чугунное	170	22 440	4 970
Канатное	98	2 503	2 303
Кожевенное	1.784	8 001	7 460

Сравнительно с 1804 г. общее число рабочих на фабриках возросло более чем вдвое, но распределение рабочих изменилось не очень значительно: в 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всех рабочих, а в 1825 г. — 54%. В тех родах промышленности, в которых раньше преобладал крепостной труд (суконные, писчебумажные, стальные и железные фабрики), он остался преобладающим и в 1825 г.

Я сказал, что цифровых данных о числе вольнонаемных рабочих на фабриках после 1825 г. нет (по крайней мере, с этого года соответствующие цифры не помещались в ведомостях о числе фабрик и рабочих, прилагавшихся к ежегодным отчетам департамента мануфактур и внутренней торговли). Тем не менее, нет никакого сомнения, что относительное число несвободных рабочих на фабриках быстро падало в течение 30, 40 и 50-х годов. Это видно, во-первых, из того, что за это время особенно развилась та отрасль промышленности, в которой вольнонаемный труд преобладал с самого ее возникновения, — хлопчатобумажная. Число рабочих на бумаготкацких, бумагопрядильных и ситценабивных фабриках в 1836 г. было уже 105.878 (при общей цифре фабричных рабочих 324.203). В 1804 г. на хлопчатобумажных фабриках было занято 7% всего числа фабричных рабочих, в 1825 г. — 21%, в 1836 г. — 32%.

Вместе с ростом хлопчатобумажной промышленности должно было возрасти и число вольнонаемных рабочих. Затем, в суконном производстве, в котором крепостной труд имел наибольшее применение, в 30-х и 40-х годах особенно усилилась выработка тонких и средних сукон, для которых употреблялся преимущественно свободный труд. В 40-х годах для вольной продажи изготовлялось около 9 млн. арш. сукна, а для казны — около 4 млн. арш. Крепостной же труд применялся почти исключительно на фабриках, работавших солдатские сукна. Фабрики, работавшие сукна для вольной продажи, принадлежали преимущественно купцам и уже потому не могли пользоваться принудительным трудом.

Сокращение числа фабрик, работавших крепостными, непосредственно доказывается падением относительной численности дворянских фабрик. Так, для 1832 г. я насчитал 862 дворянские фабрики[1]; всех фабрик значилось по списку 5.599. Дворянские фабрики, следовательно, составляли не более 15% общего числа. В конце 40-х годов, по словам Гакстгаузена, только 500 фабрик принадлежало дворянам[2], всего же фабрик в это время было около 10 тыс. — процент дворянских фабрик понизился до 5. Правда, дворянские фабрики вообще отличались более крупными размерами, но все же из сравнительно ничтожного числа их в конце 40-х годов следует заключить, что в это время крепостной труд на фабриках решительно отступил на задний план перед вольнонаемным. На это определенно указывает и Гакстгаузен. «В настоящее время, — говорит этот компетентный автор, — на большинстве фабрик употребляются не собственные крепостные, но рабочие, добровольно нанимающиеся за определенную плату»[3].

Наконец, нам, несомненно, известно, что в 40-х годах целый ряд фабрик разного рода перешел от принудительного к свободному труду, ввиду того, что работа по вольному найму оказалась выгоднее обязательной. Об этом я буду подробнее говорить ниже, здесь же ограничусь просто ссылкой на этот факт.

Ввиду сказанного, несмотря на отсутствие цифровых данных, можно положительно утверждать, что работа по вольному найму быстро распространилась на фабриках дореформенной России, хотя приискивать рабочих попрежнему было не легко. Даже в конце 30-х годов фабриканты (бумагопрядильщики) заявляли правительству, что они не могут сокращать производство в случае кризиса по той причине, что каждый фабрикант употребляет долгое время на приучение своих рабочих к фабричной работе, и распустить их — «значило бы прекратить производство навсегда»[4].

Фабричные рабочие вербовались в первой половине этого века, как и теперь, главным образом, из крестьян. Так, по одному расчету конца 30-х годов, на московских фабриках работало не более 4—5 тысяч постоянных московских жителей — преимущественно мещан; все же остальные фабричные рабочие (которых на московских фабриках считалось более 40 тысяч) приходили из деревень[5]. На фабриках работали по вольному найму как государственные крестьяне, так и помещичьи; характерно, что, несмотря на многие неудобства найма помещичьих крестьян, которые могли быть потребованы обратно помещиками, фабриканты предпочитали их государственным крестьянам. Я. Гарелин, автор многих сочинений по фабричному вопросу, бывший одним из крупнейших ивановских фабрикантов, довольно наивно замечал

---

[1] Сосчитано по «списку фабрикантов и заводчиков Российской империи в 1832 г.». Спб. 1833 г.

[2] *Haxthausen*, Studien über die inneren Zustände Russlands, Berlin 1852 г., III, 593.

[3] *Ibid.*, I, 190.

[4] Дело по донесению чиновника Самойлова и пр. 14 декабря 1838 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[5] О состоянии рабочих в России, «Журнал мануфактур и торговли» № 12, 1837 г.

по этому поводу, что «лучшими работниками на фабриках считаются помещичьи крестьяне по их трудолюбию и необходимости заработать более для своих домашних нужд»[1].

Иными словами, рабочие из помещичьих крестьян были более покорными и покладистыми, чем рабочие из государственных крестьян, а это имело большое значение для фабрикантов, так как тот же Гарелин признает, хотя и «с грустью», что «мало существует симпатий между фабрикантами и рабочими».

Предпочтение рабочих из помещичьих крестьян вольным иногда основывалось на том, что помещичьих крестьян фабриканты держали в полной зависимости от себя, уплачивая оброк за них помещику. Это были так называемые кабальные рабочие. Помещики иногда прямо отдавали на посторонние фабрики своих крепостных за определенную плату в свою собственную пользу. Само собою разумеется, эти рабочие работали очень плохо, но кабальный труд обходился так дешево, что в том случае, когда от рабочего не требовалось особенного искусства, фабриканты, за отсутствием свободных рабочих, охотно к нему прибегали.

«Самый дурной род работников, — читаем у экономиста 40-х годов Бутовского, — составляли крестьяне, отдаваемые внаймы помещиками на чужие фабрики и заводы. Сколько ни умеренна иногда плата, взимаемая за подобную ссуду, одна только крайность может побудить предпринимателя к употреблению столь нерадивых и часто развращенных работников. От них нельзя ожидать никакого старания, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побеги, воровство, плутовские шашни; мы слышали, что подобные работники, на которых не действуют ни увещания, ни угрозы, часто гуртом оставляли заведения и останавливали работы в самые дорогие минуты»[2].

Об отдаче крепостных крестьян в работники говорит и Николай Тургенев: «Одно из самых возмутительных злоупотреблений замечается в белорусских провинциях (Витебской, Могилевской), где крестьяне так несчастны, что вызвали сострадание даже русских крепостных. В этих провинциях помещики отдавали своих крепостных сотнями и тысячами подрядчикам, которые исполняли землекопные работы во всех концах империи. Эти бедные люди употребляются, главным образом, на постройку больших дорог и каналов. Помещик берет обязательство поставить такое-то количество людей по условленной плате, а подрядчик обязуется кормить их во время работы. Правительственные инженеры, наблюдающие за работами, не требуют от подрядчика в пользу этих несчастных ничего сверх того, что требуется для поддержания их жизни. Что же касается денег, которые получает за них помещик, то правительство не вмешивается в это. Эти несчастные провели дороги в окрестностях Царского Села»[3].

По словам г. Погожева, отдача на фабрики таких «кабальных» рабочих широко практиковалась в Можайском уезде, причем помещик

---

[1] *Я. Гарелин*, Вознесенский посад, «Владимирские губернские ведомости» № 15, 1861 г.

[2] *А. Бутовский*, Опыт о народном богатстве, Спб. 1847 г., стр. 482.

[3] *N. Tourgueneff*, La Russie et les Russes, Paris 1847, II, p. 137—138.

получал за каждого отдаваемого им рабочего по 25 руб. в год. На суконных фабриках Пушкина-Орфана, кн. Гагарина и других работало много кабальных рабочих из окрестных помещичьих деревень. По показанию некоего Щедрина, бывшего владельца бумагопрядильни в Клинском уезде, в дореформенное время первоначально все рабочие на его фабрике были кабальными крестьянами Можайского уезда, и только впоследствии они были заменены местными клинскими рабочими[1]. Г-н Погожев делает интересное указание, что на Вознесенской мануфактуре в Дмитровском уезде, которая еще в 40-х годах имела несколько тысяч рабочих и до настоящего времени остается одной из крупнейших бумагопрядилен Московской губ., до сих пор сохранились семь каменных корпусов, которые носят название «кабальных спален». Каждый корпус называется по фамилии того помещика, которому принадлежали кабальные рабочие, помещавшиеся в этом корпусе[2]; указание это интересно потому, что оно уясняет нам причину крупных волнений на этой фабрике в 1844 г., усмиренных лишь с помощью вооруженной силы.

Об этих волнениях упоминает министр финансов в своем отношении 5 апреля 1849 г. гр. Закревскому, но в очень неясных выражениях: «Учреждение порядка на счет невыдачи фабричным рабочим всей заработной платы, с оставлением части для вручения семейным начальникам или обществам, едва ли удобоисполнимо. Опытом на некоторых московских фабриках дознано в недавнем еще времени, что фабричные из помещичьих крестьян сопротивляются целыми массами подобным распоряжениям, и что усмирение их, как например в 1844 г. на Вознесенской бумагопрядильне в Дмитровском уезде, требовало вмешательства полицейской и военной силы»[3]. Приводя в связь с этими словами указание г. Погожева на «кабальные спальни» при Вознесенской бумагопрядильне, можно заключить, что в данном случае сопротивлялись тому, чтобы плата поступала не им, а помещику; если же министр финансов говорит о «семейных начальниках и обществах», то это объясняется, вероятно, следующим: как сейчас увидим, закабаление рабочих было в это время запрещено законом, и помещики, желая закабалить рабочего за фабрикантом, должны были прибегать к окольным путям, например требовать плату не на свое имя, а на имя сельского общества или семьи рабочего.

Ивановские фабриканты закабаляли за собой рабочих другим способом — уплачивая помещику Шереметеву оброк за своих недоимщиков-односельчан. Оброк в селе Иванове достигал значительной суммы: от 75 до 87 руб. ассигнациями в год с тягла (со всеми добавочными расходами)[4]. При этом одному крестьянину приходилось иногда платить по нескольким тяглам.

---

[1] «Сб. ст. свед. по Москов. губ.», сан. отд., т. III, вып. VI, Можайский уезд.
[2] «Сб. ст. свед. по Московской губ.», сан. отд., т. I, вып. VII: Дмитровский уезд, стр. 94.
[3] Дело по предлож. московского генерал-губернатора гр. Закревского о недозволении учреждать вновь фабрики и заводы в Москве, 22 октября 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).
[4] *Я. Гарелин,* Город Иваново-Вознесенск, часть 1, стр. 210.

Во всяком случае, употребление на русских фабриках 40-х годов кабальных рабочих не может подлежать сомнению. Между тем, отдача помещиком своих крепостных в наем недворянам была запрещена законом. Так как сделки такого рода могли прикрывать собой приобретение крепостных лицами, не имевшими на то права, то отдача крепостных в наем разночинцам была запрещена указами 10 апреля 1823 г. и 28 августа 1824 г.[1]. Повидимому, закабаление крестьян фабрикантами и заводчиками особенно распространилось в начале 20-х годов.

Ввиду этого, комитет министров, высочайше утвержденным положением 16 июня 1825 г., признал нужным совершенно воспретить помещикам отдачу крепостных на заводские работы, с заключением условия от имени помещика; в случае нарушения этого закона помещиком, крепостной, отданный в работу, получал свободу[2]. Но, как видно из предыдущего, помещики легко обходили закон.

По словам Гакстгаузена, в 40-х годах практиковалась отдача в кабалу на фабрику преимущественно детей, на семилетний срок, в качестве учеников[3]. Нередко фабриканты доставали нужных им детей и из воспитательного дома, подобно тому, как их английские собратья получали малолетних рабочих из приходских домов для бедных. Известны возмутительные жестокости, которые при этом практиковались в Англии. Фабриканты посылали в дома для бедных своих агентов, которые набирали живой товар, не справляясь с желаниями детей, и доставляли их по назначению, где с ними обращались хуже, чем с домашним животным. В других случаях агенты приходских домов, стремившихся поскорее избавиться от расходов по содержанию своих питомцев, вывозили детей целыми партиями в крупные промышленные центры и там распродавали их фабрикантам. В газетах нередко помещались объявления, что там-то можно получить на таких-то условиях столько-то маленьких «белых рабов»[4].

Каким образом практиковалась отдача питомцев воспитательного дома в России, как их содержали на фабриках и пр., — этого мы не знаем. Об ужасах английских фабричных порядков первых десятилетий этого века нам известно потому, что ужасы эти вызывали негодование значительной части английского общества, и литература того времени служила ярким выражением этого негодования. Русское общество имело более грубые нервы, а литература, под игом цензуры, должна была тщательно обходить всякие щекотливые вопросы. Поэтому и в данном случае, как и во многих других, нам известно очень немного.

Воспитанники воспитательного дома отдавались на фабрики до совершеннолетия, с возраста около 12 лет, причем фабрикант обязывался содержать их на свой счет и по истечении известного срока по их поступлении давать им определенную (впрочем, очень ничтожную — 1 рубль

---

[1] П. С. З. XXXVIII, 29416, и XXXIX, 30040.
[2] П. С. З. XI, 30385.
[3] *Haxthausen*, III, 579.
[4] См. крайне интересную книгу: *Alfred*, The History of the Factory Movement, London 1857. Главным образом, по этой книге составлена статья *Л. Давыдовой*, Ричард Остлер, король фабричных детей, «Мир божий», 1895 г., март.

в месяц) плату. По достижении совершеннолетия воспитанники получали от фабриканта пару платья и 100 руб. денег[1]. Какое значение для фабриканта имела возможность получения даровых (или почти даровых) работников из воспитательного дома, видно из того, что иногда при самом учреждении фабрики заранее выговаривалось условие, что на фабрику будут определяться питомцы воспитательного дома[2].

До сих пор мы говорили о фабричных рабочих. Из каких же общественных элементов слагался в дореформенной России класс фабрикантов? Мы видели, что в течение XVIII века замечалось постепенное изменение состава этого класса; первыми фабрикантами были старинные капиталисты Московской Руси — купцы. Затем, по мере роста капиталистического влияния дворянства и ограничения привилегий фабрикантов из купеческого звания (причем наибольшее значение имело запрещение покупки к фабрикам крестьян), фабрики стали переходить в руки дворянства. В начале XIX века самые важные фабрики — суконные — принадлежали почти исключительно дворянам. Таким образом, к этому времени класс фабрикантов слагался из двух общественных элементов: торгового сословия и землевладельцев — купечества и дворянства. В последующее время к этим элементам предпринимательского класса присоединяется еще третий — выходцы из среды крестьянства.

Я неоднократно указывал, что самой характерной чертой промышленной истории рассматриваемой эпохи было появление и необыкновенно быстрое развитие новой отрасли производства — хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность развилась без непосредственной поддержки правительства и притом при совершенно иных условиях, чем особо покровительствуемые производства, как например суконное и чугуноплавильное. Благодаря простоте технических приемов набойки ситцев и ткачества бумажных материй, а вместе с тем и легкости сбыта, по дешевизне товара, хлопчатобумажная промышленность быстро распространилась в крестьянском населении. Важнейшим центром ее был Шуйский уезд и, в особенности, село Иваново. Это село, как и все его жители, принадлежало графу Шереметеву. В 1825 г. в Иванове считалось 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик. Некоторые из них были огромных размеров. Так, например, в 1817 г. на фабрике Грачевой было 900 станов и 103 набивных стола, на фабрике Ямановского — 1 тыс. станов и 110 набивных столов (рабочих около 1 500 чел.), у Гарелина — 1 021 стан и 85 набивных столов (рабочих 1 407 чел.)[3]. Все эти фабрики принадлежали или крепостным или бывшим крепостным графа Шереметева.

В конце XVIII века главным промыслом населения Иванова была набойка бумажных и полотняных материй. Прибыльность этого промысла особенно возросла после московского пожара 1812 г., во время которого погибли почти все московские фабрики. Временное устранение такого

---

[1] Дело об определении на фабрику Баннистера питомцев воспитательного дома, 27 августа 1817 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело о предполагаемой к учреждению в г. Ямбурге ситцевой Фабрики, 2 апреля 1814 (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] «Статистическое обозрение состояния Владимирской губ. в 1817 г.». «Владимирские губернские ведомости» № 13, 1857.

опасного конкурента, как Москва, необыкновенно способствовало оживлению ивановской промышленности. В это время фабрикация бумажных тканей давала такие барыши, что промышленники наживали, по некоторым показаниям, «упятеренный рубль на рубль»[1] — 500% прибыли. Особенно выиграли от такого положения вещей набойщики, среди которых многие работали не на фабрикантов, а за свой собственный счет, при помощи своей семьи. По словам Гарелина, спрос на набойщиков в селе Иванове после московского пожара до такой степени усилился, что они без труда зарабатывали до 100 руб. ассигнациями в месяц. Около этого времени и совершился переход многих кустарей-набойщиков в крупные фабриканты.

Скопить небольшой капитал для открытия собственной фабрики для набойщика-кустаря в это время было делом нетрудным. Миткаль можно было всегда получить в кредит. Капитал оборачивался необыкновенно быстро. За несколько дней набойщик успевал набить миткаль и придать ему окончательную отделку, а в первый базарный день в селе Иванове он мог без труда продать изготовленный ситец купцам, приезжавшим для закупки товара. Таким путем кустарь, при некоторой изворотливости и предприимчивости, мог сделаться сначала мелким, затем и крупным капиталистом[2].

Такое счастливое время для набойщиков продолжалось, правда, недолго, и уже с 20-х годов плата за набойку и цена готового ситца падают под влиянием быстрого увеличения числа набойщиков, а затем и введения ситцепечатных машин. Переход из кустарей в фабриканты сделался затруднительным. Но достаточно было непродолжительного процветания набоечного промысла, чтобы образовались небольшие капиталы, которые потом беспрепятственно могли расти и расти[3]. Около этого времени было положено основание огромному состоянию Морозовых. Основатель этой фирмы, Савва Морозов, был простым ткачом и крепостным крестьянином помещика Рюмина. В 1797 г. он устроил небольшую фабрику шелковых лент, затем более крупную — нанки и шелковых материй — в местечке Зуево. В 1820 г. он выкупился на волю со всей своей семьей (за 17 тыс. руб.), записался в купечество и стал одним из крупнейших фабрикантов России[4].

Как сказано, все ивановские фабриканты (многие из которых были миллионерами) вышли из крестьян. Большинство их, как и шуйских фабрикантов, первоначально были мелкими самостоятельными произво-

---

[1] «Мануфактурный очерк местечка Ново-Зуева», «Журнал мануфактур и торговли», 1854, часть I, стр. 203.

[2] *Я. Гарелин*, Город Иваново-Вознесенск, стр. 204—205. «Это время для набойщика было золотым, и только ленивый да разгульный не составили себе капитала исключительно набивным мастерством».

[3] Английская бумаготкацкая промышленность переживала совершенно такую же эпоху в конце XVIII века. В это время, под влиянием удешевления пряжи, спрос на ткани чрезвычайно возрос, заработная плата ткачей увеличилась в несколько раз, и многим из них удалось выбиться в фабриканты. Но затем последовал упадок заработной платы, и ткачам пришлось оставить всякие мечты о превращении в капиталистов.

[4] «Мануфактурный очерк местечка Ново-Зуева», «Журнал мануфактур и торговли», 1854, ч. I, также «Мануфактура и фабрика торгового дома Савва Морозов с сыновьями», Москва 1870 г.

дителями — кустарями или фабричными рабочими[1]. Село Иваново представляло собою в начале этого века оригинальную картину. Самые богатые фабриканты, имевшие более 1 тыс. человек рабочих, юридически были такими же бесправными людьми, как и последние голыши из их рабочих. Все они были крепостными Шереметева. Но фактически крупные фабриканты не только свободно владели движимым и недвижимым имуществом (хотя последнее и записывалось на имя помещика), но даже имели своих собственных крепостных. Так, например, Ивану Гарелину, как видно из его духовного завещания, принадлежало сельцо Спасское со всеми жившими в нем крестьянами. Точно так же имел крепостных крестьян и другой ивановский капиталист — Грачев.

У многих фабрикантов были крепостные дворовые люди. Само собою разумеется, что юридически все эти крепостные принадлежали единственному владельцу Иванова — Шереметеву, но так как вотчинная контора Шереметева признавала имущественные сделки подведомственных ей крепостных, причем в пользу графа поступал известный процент стоимости приобретенного или проданного имущества, то крепостные капиталисты могли свободно приобретать земли и даже крестьян в свое полное пользование и владение[2].

Нечего и говорить, что такие капиталисты — крепостные помещика — стремились выкупиться на волю. Но владелец села Иванова соглашался на это крайне неохотно; до реформы 19 февраля выкупились на волю в Иванове всего около 50 крестьянских семейств, причем средняя выкупная плата за семейство достигла 20 тыс. руб.[3]. Выкупившиеся крестьяне, — как видно из высокой стоимости выкупа, — крупные капиталисты, записывались в купечество.

Таким же путем крупные фабрики возникали из мелкой крестьянской промышленности и в других местах. Московские земские статистики констатируют для московского района, что «большинство ныне существующих фабрик средней величины возникли из кустарных изб; владельцы кисейных, гардинных и одеяльных фабрик Волоколамского уезда (оборот некоторых достигает нескольких сот тысяч рублей) — и до настоящего времени крестьяне; предки их работали за станами, деды заводили светелку... а отцы основывали небольшую фабрику. Громадные механические заведения Горской волости, Коломенского уезда, также ведут свое начало от кустарной избы... Шерстяная фабрика Егорова в Клинском уезде в 30-х годах настоящего столетия представляла собой

---

[1] «Большая часть фабрикантов села Иванова и вообще Шуйского уезда возвысилась в капиталах своих от счастливого перехода из набойщиков в фабриканты-капиталисты». «Колеристы и набойщики Владимирской губернии». П. Несытова. «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 г.», стр. 51. — «Большая часть значительных фабрик, принадлежащих теперь к Вознесенскому посаду, основана людьми, начинавшими свои дела с мелочного производства в Иванове». «Село Иваново», Власьева. «Вестник промышленности», 1859 г., т. III.

[2] *Я. Гарелин,* Город Иваново-Вознесенск, ч. II, стр. 110, 211. По словам Гакстгаузена, некоторые крепостные Шереметева в 40-х годах имели по 600, 700 крепостных. *Haxthausen,* II, 72. Об этом же упоминает и *Николай Тургенев,* La Russie et les Russes, II, 128.

[3] *Гарелин,* стр. 114.

небольшую светелку, в которой владелец ее работал за станком наравне с другими ткачами». Основатель одной из крупнейших шелковых фабрик — Кондрашев — был крепостным Бибикова, работавшим на шелковой фабрике Лазарева в Москве. Он скоро сделался крупным фабрикантом, но, несмотря на это, оставался крепостным вплоть до 1861 г.[1].

Подобные крепостные фабриканты были характерной особенностью рассматриваемой эпохи. В селе Вачи, Муромского уезда, фабрика стальных изделий была устроена в 1831 г. крепостным крестьянином князя Голицына — Кондратовым[2]. Шереметеву, владельцу села Иванова, принадлежали также и замечательные промышленные села в Нижегородской губернии — Павлово и Ворсма. Уже в 40-х годах в этих селах появились мелкие фабриканты из крестьянской среды. Энгельгард, бывший в Павлове в 1830 г., говорит, что в этом селе многие богатые мастера имеют особые мастерские, в которых работы производятся наемными людьми. Такие мастера живут в каменных домах[3]. В 40-х годах академик Кеппен сообщает, что местный фабрикант Завьялов употребляет на своей фабрике перочинных ножей машины, приводимые в движение лошадьми[4].

В начале 50-х годов в Павлове насчитывалось уже несколько более или менее крупных мастеров-фабрикантов, из которых особенно выделялись Завьялов, Калякин и Горшков, державшие, по словам Мельникова, в своих руках всю павловскую промышленность[5].

В начале 50-х годов в Горбатовском уезде насчитывалось уже более 30 более или менее крупных стальнослесарных заведений, на которых изготовлялись столовые и перочинные ножи, кинжалы, бритвы, ножницы и замки[6]. Все эти заведения возникли из крестьянских кустарных мастерских. По характеру отношений богатых и бедных крестьян друг к другу Павлово совершенно напоминало Иваново. Масса рабочего люда находилась в совершенной зависимости от богатых фабрикантов. «Явление то же самое, как и в ткацких местностях Шуйских и Ивановских», — замечает по этому поводу Мельников[7].

В Костромской губернии основатели всех бумаготкацких фабрик, действовавших в конце 50-х годов, были, за весьма немногими исключениями, помещичьими крестьянами, начавшими дело с небольших кустарных заведений[8].

---

[1] В «Сборнике стат. свед. по Московской губернии», т. VII, вып. III, стр. 27—28, подобных примеров приведено очень много.

[2] «Владимирские губернские ведомости», 1853 г., № 42. Фабричное заведение стальных изделий в Муромском уезде.

[3] *Engelhard*, Bemerkungen auf einer Reise von St.-Petersburg nach dem Ural, 1830 г., стр. 176—178.

[4] *Köppen*, Kurzer Bericht über eine Reise von S.-Petersburg nach Kasan. S.-Petersburg, 1847, S. 6.

[5] *П. Мельников*, Павловская промышленность, «Москвитянин», 1851 г., ч. IV, стр. 104.

[6] «Нижегородская губерния в хозяйственно-статистическом отношении, «Журнал министерства внутренних дел», 1857, часть XXVIII, стр. 44.

[7] «Москвитянин», 1851, ч. IV, стр. 104.

[8] «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба», *Кривоблоцкий*, Костромская губерния, Спб. 1861 г., стр. 328.

В селе Висенем, Арзамасского уезда, принадлежавшем кн. Салтыкову, население занималось преимущественно изготовлением сапог; в нем также замечались огромные различия в имущественном положении отдельных хозяев. Около 15 крестьян производили торговые обороты, каждый в 20—50 тыс. руб. в год, другие же были совершенными бедняками [1].

Факт возникновения крестьянских фабрик констатируется и Гакстгаузеном: «Значительная часть современных русских фабрик устроена крестьянами, которые не умеют ни читать, ни писать и достигли своего теперешнего положения только собственными силами. Некоторые из самых крупных и богатых фабрикантов России относятся к этой категории, например ситцевый фабрикант Гучков в Москве и табачный фабрикант Жуков в Петербурге» [2].

Таким образом, в XIX веке к дворянским и купеческим фабрикам стали присоединяться еще крестьянские. Этот факт очень важен, так как он характеризует новую эпоху в развитии нашей крупной промышленности. Крестьянская фабрика была органическим продуктом народной жизни и никоим образом не может быть названа «искусственным» явлением подобно крупным фабрикам прошлого века. Появление на промышленной арене нового типа фабрики знаменовало собой то, что условия русской промышленности созрели уже до промышленного, а не только торгового капитализма. Крепостная фабрика, по ходу промышленной эволюции, отживала свое время; ее место заступала новая капиталистическая фабрика, основанная на свободном договоре предпринимателя-капиталиста с рабочими.

Я говорил во «Введении», что в XVIII веке купечество домогалось ограничения крестьянской торговли и промышленности. Особенно ярко выразились эти домогательства в купеческих и городских наказах и прениях в екатерининской комиссии по составлению Нового уложения. Уже один этот факт доказывает развитие крестьянской промышленности во второй половине прошлого века. В XIX веке в крестьянской среде появляются крупные капиталисты-фабриканты. Правительство не имело никакого интереса задерживать развитие капиталистического производства среди крестьянства, так как, с одной стороны, рост промышленности увеличивал платежную способность населения, а с другой, — дворянские интересы, дававшие тон всей нашей внутренней политике, требовали того же. Крестьянские фабрики почти не конкурировали с дворянскими: в дворянских руках оставались фабрики и заводы, работавшие преимущественно или в значительной степени на казну, каковы фабрики солдатских сукон, солдатского и парусного полотна, писчебумажные, горные заводы. Крестьянские фабрики выделывали почти исключительно дешевый товар, расходившийся в массе населения: ситцы, кумачи, платки, дешевые шелковые и шерстяные ткани, мелкие стальные и железные изделия, кожевенные изделия и пр. Нередко крестьянские фабрики устраивались в помещичьих селах (самые замечательные промышленные села принадлежали дворянам). Как и в про-

[1] *Haxthausen*, Studien über die innern Zustände Russlands, I, 328.
[2] *Haxthausen*, I, 185.

шлом столетии, дворянство в александровскую и николаевскую эпоху не только не сочувствовало притязаниям купечества монополизировать крупную торговлю и промышленность в свою пользу, но по собственным интересам должно было отстаивать свободу развития крестьянского промышленного и торгового капитала, — свободу, от которой оно только выигрывало. Я указывал, какой оброк платили ивановские крестьяне Шереметеву; в селе Павлове крестьяне платили также крупный оброк; вместе с подушною податью он равнялся в начале 30-х годов 46 руб. с души м. п.[1]; в промышленном селе Великом, Ярославского уезда, принадлежавшем помещикам Яковлевым, крестьяне платили в 50-х годах оброка 10 руб. сер. с души м. п.[2].

По этим причинам правительство не обнаруживало никакой склонности задерживать развитие крупного производства в крестьянской среде и заботилось только об одном — о своевременном обложении налогом возникавших крестьянских капиталов наравне с купеческим капиталом. В 1812 г. крестьянам была дозволена как оптовая, так и розничная торговля, а также содержание фабрик и заводов, но не иначе, как по взятии особых свидетельств, плата за которые была назначена такая же, как и за соответствующие гильдейские свидетельства купечества.

Таким образом, первая половина XIX века характеризуется ростом у нас промышленного капитализма и преобразованием прежней крепостной фабрики в фабрику капиталистическую.

[1] *Engelhard*, IV, 178.

[2] «Das Dorf Welikoye», «Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands», XV, 1856.

ГЛАВА III

ВОТЧИННАЯ И ПОСЕССИОННАЯ ФАБРИКА

Вотчинная фабрика. — Уменьшение числа фабрик с принудительным трудом в 30-х и 40-х годах. — Рабочие из дворовых и крепостных крестьян. — Отношения правительства к вотчинным фабрикам. — Посессионная фабрика. — Элементы, из которых образовался класс посессионных фабричных рабочих. — Положение рабочих на различных посессионных фабриках. — Мероприятия правительства по отношению к посессионным фабрикам. — Проект министерства внутренних дел 1811 г. — «Положения» важнейших посессионных фабрик. — Изменение взглядов правительства на желательность сохранения посессионных фабрик. — Неудобства посессионного владения. — Упадок посессионной фабрики. — Законодательные меры. — Ликвидация посессионного фабричного владения. — Положение бывших фабричных крестьян при переходе в свободное состояние.

Русская фабрика, возникшая под непосредственным влиянием правительства, первоначально основалась на принудительном труде. Я уже говорил, что даже в начале XIX века число несвободных рабочих на фабриках превосходило число вольнонаемных. По данным 1804 г. из 95 202 всех рабочих на фабриках вольнонаемных было 45 625, т. е. меньше половины. Что же такое представляла собою фабрика, пользовавшаяся принудительным трудом?

Прежде всего нужно заметить, что фабрики этого рода распадались на две совершенно особые группы — вотчинные и посессионные. Первые принадлежали только дворянам; так как крепостное право предоставляло помещику свободу распоряжаться трудом своих крепостных, то, понятно, помещик мог применять крепостных и на фабричные работы. Посессионными фабриками назывались такие, которые получили от правительства пособие землей, строениями, рабочими людьми или были устроены на счет денежных сумм, отпущенных казной в пособие без возврата, или же получили дозволение на покупку крестьян, если владельцы их по званию своему не имели на это права [1]. Как

[1] Ст. 7 «Устава о промышленности», изд. 1842 г. Самый термин «*посессионные*» фабрики вошел в употребление в нашем официальном языке только в начале XIX в., хотя фабрики этого рода возникли со времени петровского указа 1721 г. По этому указу была разрешена покупка крестьян

будет выяснено ниже, юридическое положение фабричных на посессионных фабриках было совершенно иным, чем на вотчинных.

Вотчинные фабрики появились в большом числе во второй половине XVIII века, когда дворянство поняло выгоду фабричной промышленности и стало устраивать фабрики в своих поместьях. Я приводил выше жалобы купечества в екатерининской комиссии на то, что дворяне устраивали фабрики, на которых работы производились крепостными. В первой четверти XIX века число таких фабрик было очень велико.

Число рабочих на фабриках в 1825 г.[1]

Главнейшие роды производства	Всех рабочих	В том числе: Помещичьих (крепостных)	В том числе: Приписных и покупных (посессионных)
Суконное	63 603	38 583	13 315
Бумажных материй	47 021	247	2 2 9
Полотняное	26 8 2	1 483	6 629
Шелковое	10 204	658	1 065
Писчей бумаги	8 272	3 350	2 903
Стальное, игольное, чугунное	22 440	14 820	2 650
Канатное	2 503	167	33
Кожевенное	8 001	539	2
На всех фабриках	210 568	66 725	29 328

Мы видим, что весьма значительная часть фабричных рабочих была крепостными фабрикантов. Число крепостных рабочих было особенно

к фабрикам и заводам «как шляхетству, так и купецким людям», и наше законодательство вначале строго различало крестьян, купленных дворянами на фабрикантском праве, от купленных на дворянском праве. Мотивом же для дворян покупать крестьян на фабрикантском праве (а не в полную крепостную собственность) являлось то, что такие крестьяне вместе с фабрикой могли быть перепродаваемы не только дворянам, но и купцам. В XIX веке различие между крестьянами, купленными дворянами на фабрикантском праве, и крепостными сглаживается, и посессионными фабричными признаются, кроме приписных, только те покупные крестьяне, которые были куплены не дворянами. Само собою разумеется, что посессионные фабричные при переходе фабрики к дворянину оставались посессионными и не делались его крепостными.

Г-н Нисселович в своей книге «История фабрично-заводского законодательства Российской империи» (ч. II, стр. 52), говоря о посессионных фабриках, совершенно неправильно отождествляет их с обязанными фабриками. Обязанными фабриками назывались те из посессионных, которые обязаны были поставлять в казну известное количество своих изделий. Большая часть посессионных фабрик никогда не принадлежала к числу обязанных. В начале XIX века только суконные посессионные фабрики были обязаны поставкой своих товаров в казну. Это обязательство было с них снято в 1816 г.

[1] Отчет д-та мануфактур и внутренней торговли за 1826 г. (Арх. д-та торг. и ман.). Нечего и говорить, что эти цифры очень неточны и имеют лишь приблизительный характер. Число посессионных рабочих было показываемо меньше действительного также и по той причине, что рабочие этой категории нередко причислялись владельцами к крепостным; так например, в «Ведомости» 1820 г. по Казанской губ. совсем не показано посессионных крестьян при суконных фабриках, а только крепостные, между тем как при одной суконной фабрике Осокина в Казани было более 1 000 посессионных рабочих. В «Отчете» за 1825 г. показаны только фабрики и заводы, подведомственные департаменту, т. е. горные заводы, а также винокуренные и пивоваренные не показаны.

велико на суконных фабриках, где крепостных было значительно более половины всех рабочих. Как я говорил выше, суконные фабрики, самые старинные в России, были по преимуществу дворянскими фабриками. Число мелких полотняных фабрик в дворянских имениях также было очень велико, но эти фабрики, по большей части, не попадали в официальные отчеты, и по этой причине на полотняных фабриках значится сравнительно немного крепостных. На стальных и чугунных заводах, как и на суконных фабриках, крепостные превышают половину всех рабочих. На фабриках писчей бумаги крепостные составляли менее половины всех рабочих, а на хлопчатобумажных, шелковых, канатных, кожевенных фабриках и заводах крепостных рабочих было очень мало: это были купеческие и крестьянские фабрики.

Что же такое представляли собой вотчинные фабрики? К сожалению, об этих фабриках мы знаем очень немногое. В 1803 г. правительство собирало подробные сведения о посессионных фабриках, числе рабочих на них, заработной плате, времени работы и пр. При этом случайно были доставлены и сведения по некоторым вотчинным фабрикам с крепостными рабочими. Из этих случайных данных видно, что на некоторых вотчинных фабриках рабочие работали без всякой платы — «брат на брата», т. е. разделялись на две смены, каждая из которых поочередно работала на фабрике, в то время как другая оставалась дома. В этом случае, следовательно, фабричная работа исполнялась так же, как и всякая другая барщина. Таким образом были распределены рабочие, например, на суконной фабрике кн. Барятинского в Рязанской губернии, Пронской округи; на фабрике работало 292 мужчин и 264 женщины, причем рабочие увольнялись на два месяца в году от фабричных работ для сенокоса и уборки хлеба. Так же была организована работа и на суконной фабрике Скопинского уезда, оберпровиантмейстера Окулова[1]; но в большинстве случаев крепостные фабричные получали заработную плату иногда только деньгами, иногда же деньгами и предметами потребления; нечего и говорить, что заработная плата крепостных рабочих была значительно ниже, чем вольнонаемных рабочих.

В своей известной записке «О крепостном состоянии в России» Заблоцкий-Десятовский приводит пример суконной фабрики, устроенной в Нижегородской губернии помещиком П., на которой работали «месячники» — крестьяне без всякой платы. Устроив в своем имении фабрику, помещик уничтожил большую часть крестьянской запашки. «Мужики не привыкли к работе, — замечает Заблоцкий, — дело отправляется худо, их наказывают, не выполнившего урок секут и сажают в воскресенье на работу. По отзывам соседей, все эти люди точно вышедшие

[1] См. Дело о присылке содержателями фабрик и заводов, имеющих приписных и покупных людей, сведений о числе состоящих по пятой ревизии душ и о платеже им заработанных денег. 1803 г. (Арх. д-та торг. и ман.). Этого крайне интересного дела я не мог найти в означенном архиве (повидимому, оно затеряно), почему все ссылки на него сделаны мною по списку, доставленному мне В. И. Семевским, которому я приношу за это мою искреннюю благодарность. О вотчинных фабриках см. также *А. Погожев*, «Вотчинные фабрики и их фабричные, «Вестник Европы», 1889, июль.

(В 1-м издании в конце примечания: «Названные в тексте фабрики были быть может не вотчинными, но посессионными». — *Ред.*).

из тюрьмы. Многие из них находятся в бегах»[1]. На других вотчинных фабриках, которые перечисляет Заблоцкий, рабочие получали плату.

При исследовании фабричной промышленности Московской губернии земские статистики обратили внимание, между прочим, и на бывшие раньше вотчинные фабрики. По словам проф. Эрисмана, существование в крепостную эпоху таких фабрик сказывается и в настоящее время во многих местностях России образованием безземельного фабричного пролетариата. Типичной вотчинной фабрикой Московского уезда г. Эрисман считает устроенную помещиком Волковым в 1828 г. при сельце Горенках. Волков купил для фабрики заброшенный дворец Разумовских и перевел туда крепостных как взрослых, так и малолетних, из своих деревень в семи окрестных губерниях; часть этих подневольных поселенцев была помещена в самом фабричном здании, а остальным был отведен для поселения небольшой участок земли при фабрике[2].

Точно так же Воскресенская бумагопрядильная и ткацкая фабрика была основана в 1840 г. помещиком Скуратовым, который вывез для работы на этой фабрике крестьян из других губерний. Таково же происхождение деревни близ Моуринской суконной фабрики и вблизи фабрики Лысенковых в Рузском уезде. Эти деревни возникли из поселений крепостных рабочих, переселенных владельцем для работы на фабрике.

В Можайском уезде в 20-х годах была устроена кн. Гагариным бумагопрядильная, на которой работало более 1 тыс. человек крепостных из 12—15 окрестных деревень. В том же уезде была основана в 40-х годах гр. Уваровым суконная фабрика с 1 тыс. человек крепостных рабочих. Крупная суконная фабрика кн. Хованского в сельце Ваулино работала также крепостными.

В Рузском уезде было довольно много вотчинных суконных фабрик (Белавина, кн. Хованского, Воейковой и др.). На фабрике Воейковой работало до 300 крепостных, «над которыми помещица тиранствовала с таким изуверством и жестокостью», что старый рабочий, рассказывавший об этом земскому статистику г. Погожеву, «даже теперь не мог вспомнить без ужаса и содрогания об этой барыне, за малейший проступок подвергавшей нещадной порке по 10—15 рабочих ежедневно»[3].

В Богородском, Дмитровском, Серпуховском и др. уездах Московской губернии земские статистики также констатировали существование в прежнее время вотчинных фабрик с крепостными рабочими[4].

Писатель 30-х годов, Шелехов, рассказывает о вотчинной фабрике, работавшей холстинку и кисею близ г. Клина. Рабочие на этой фабрике прокармливались хлебом с собственных полей помещика. В Зуб-

[1] *Заблоцкий-Десятовский*, Граф П. Д. Киселев и его время, Спб., 1882 год. IV, 294.

[2] «Сборник стат. свед. по Московской губ.», Санитарный отдел, т. III, выпуск IV, Московский уезд, 1882 г., стр. 106.

[3] «Сборн. стат. свед. по Моск. губ.». Санитарный отд., т. III, вып. VI, Можайский и Рузский уезды, стр. 11 (также 6—8,9 и др.).

[4] В статье г. *Погожева*, Вотчинные фабрики («Вестник Европы», 1889 г., июль) содержится сводка всех данных этого рода, собранных московскими земскими статистиками.

цовском уезде Шелехов называет вотчинную фабрику, на которой ткачество производилось барщинными крестьянами «брат на брата»[1].

Понятно, крестьяне с крайней неохотой соглашались работать на помещичьих фабриках, особенно в том случае, когда они не получали никакой платы. Развитие нашей фабричной промышленности в 30-х и 40-х годах повело к тому, что и в помещичьих имениях число вотчинных фабрик стало увеличиваться (мелких, не попадавших в официальные списки), хотя в это время принудительный труд на фабрике быстро вытеснялся вольнонаемным[2]. По словам Гакстгаузена, во второй четверти этого века дворянство стало усиленно заботиться об устройстве фабрик. Рабочими на этих фабриках сначала были дворовые, но они работали плохо; затем помещики стали брать на фабрики крестьян, которые были излишни для земледельческих работ, а под конец нередко и отрывать крестьян от земледелия, так как фабричное дело оказалось гораздо выгоднее земледелия.

Но, по словам того же Гакстгаузена, помещики не замедлили убедиться, что русский крестьянин работает на фабрике очень плохо, если трудится из-под палки, но может быть превосходным работником по вольному найму, почему в конце 40-х годов работа крепостными на фабриках стала практиковаться уже значительно реже[3]. Это подтвер-

---

[1] *Д. Шелехов,* О пользе и средствах улучшения в русском сельском хозяйстве, «Библиотека для чтения», 1838 г., кн. 4. В этой статье перечисляются и несколько других вотчинных фабрик.

[2] Одной из причин распространения фабрик в помещичьих имениях был сильный упадок цен на хлеба и другие сельскохозяйственные произведения, обнаружившийся в начале 20-х годов. Понижение цен вызвало в 20-х и начале 30-х годов тяжелый кризис нашего крупного сельского хозяйства, подобный переживаемому нами в настоящее время. В конце 20-х годов Академия наук назначила особую премию для конкурсного сочинения на следующую тему: «Известно, что ходячая цена земледельческих произведений в России, постоянно возвышавшаяся с половины XVII столетия, в продолжение последних лет понизилась. Определить... какие причины сего явления». Премию получило сочинение А. Фомина «О понижении цен на земледельческие произведения России» (Спб. 1829). Интересен ответ Фомина, не потерявший своего значения и поныне: «Не есть ли настоящее излишество хлеба следствие несправедливого распределения народного дохода?. Основательны ли жалобы на дешевизну наших земледельческих произведений, когда они для многочисленного класса жителей дороги, т. е. превышают доход потребителей... Пища и домашний быт земледельца и сельского и даже иного городского ремесленника не подтверждают ли сего? Одни жалуются, что хлеб девать некуда, а другие, напротив, что они не имеют его в достаточном количестве... От лености ли или неспособности сих людей происходит такая бедность, или от того, что произведения их работы, часть их дохода отдается другим без получения от них соответствующих ценностей в других видах, и таким образом происходит у одних чрезмерное накопление, у других недостаток» (стр. 16). Это падение цен продуктов земледелия вызвало стремление дворянства устраивать у себя фабрики. «Повсеместный упадок цен на хлеба и на все без исключения произведения сельской промышленности, — говорится в одном официальном представлении в Мануфактурный совет 24 августа 1829 г., — заставил все почти сословия народа обращаться на промышленность рукодельную — искать занятия и способов жизни на станах мануфактурных и покидать истощенные поля и неблагодарное орало» (Дело об отношениях фабрикантов к их работникам, 24 августа 1829 г. Арх. д-та торг. и ман.).

[3] *Haxthausen,* I, 116.

ждает и Бутовский[1]. «Опыты, сделанные некоторыми помещиками, — пишет он, — заменить барщину фабричным и заводским трудом почти всегда мало удавались: содержание, выдаваемое помещиком-фабрикантом барщинному крестьянину, вместо свободных дней, обходилось ему дорого, но всего более подобные заведения терпели ущерб от труда вялого и неудовлетворительного».

На обращение дворовых и фабричных указывает и Шелехов.

«В наше время, — говорит он, — наступила новая эпоха помещичьего быта, а именно — эпоха промышленная». Он советует обращать дворовых в фабричных «с безобидною платою за труд» и приводит примеры дворянских фабрик — бумагопрядильной и ткацкой, основанных одной помещицей, причем около 400 дворовых были обращены в фабричные[2].

О крепостных рабочих на вотчинных фабриках говорит также Николай Тургенев в своей известной книге «La Russie et les Russes». По его словам, возвышение цен на армейское сукно вызвало распространение в помещичьих имениях суконных фабрик. «В последние годы появилось новое несчастие для бедного русского мужика — суконные и другие фабрики... Помещики помещали сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин, в жалкие лачуги и силой заставляли работать... Я вспоминаю, с каким ужасом говорили крестьяне об этих заведениях; они говорили: «В этой деревне есть фабрика» с таким выражением, как если бы они хотели сказать: «В этой деревне чума»[3].

Вполне естественно, что, как общее правило, положение крепостных рабочих на фабриках было гораздо хуже, чем вольнонаемных; крестьяне очень тяготились фабричной работой и всячески старались от нее уклониться.

Интересна попытка улучшить положение крепостных фабричных рабочих, принадлежавшая известному московскому генерал-губернатору 30-х годов, князю Голицыну. В начале 30-х годов крестьяне помещика Груздева в Рузском уезде отказались работать на бумагопрядильной фабрике своего владельца и подали жалобу начальству на притеснения Груздева и, в особенности, на принуждение их работать на фабрике, к чему они, по их словам, не привыкли. Кн. Голицын признал нужным выработать особые правила, которыми должны были бы руководствоваться помещики при учреждении в своих имениях фабрик. Проект Голицына поступил на рассмотрение министерств финансов и внутренних дел. Московский губернский предводитель дворянства, мнение которого было спрошено, заявил, что так как помещики имеют право применять своих крепостных на всякие работы, то «явное и непосредственное прикосновение к сим правам и обязанностям может обратиться к тому, что выведет многих из границ послушания».

Дело поступило в комитет министров. Комитет признал неудобным непосредственное вмешательство правительства в отношения помещика к крепостным и остановился на следующем (высочайше утверждено

---

[1] *Бутовский*, Опыт о народном богатстве, Спб. 1847 г., стр. 481.

[2] *Шелехов*, О дворовых людях, «Библиотека для чтения», 1842 г., т. LII.

[3] *N. Tourgueneff*, II, 143—144.

23 декабря 1834 г.): «Поручить губернским предводителям дворянства, дабы они сами и через уездных предводителей обращали особое и постоянное внимание на состояние помещичьих людей и в особенности крестьян, употребляемых на фабриках и заводах, наблюдая: 1) чтобы при учреждении новых фабрик и заводов помещики, по возможности, избегали обращения пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам...; 2) чтобы на фабриках и заводах наблюдать общее правило: не требовать работы более трех дней в неделю, или же чтобы работали брат на брата так, чтобы половину месяца оставались всегда на своем собственном хозяйстве; там же, где работающие не имеют своего земледелия, полагаема была, вместо сего, соразмерная трудам задельная плата; 3) чтобы помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей на их фабриках, не принуждая их к работам в воскресные дни, двунадесятые и храмовые праздники» [1].

Эти правила, имевшие необязательный характер, так как предводители дворянства должны были «внушать» их дворянам, а не требовать по ним исполнения, были единственным законодательным актом, направленным к регулированию отношений помещиков к рабочим на крепостных фабриках. Правительство не признавало возможным ограничить власть помещика над его крепостными и поэтому совершенно воздерживалось от какого бы то ни было вмешательства в порядок работы на вотчинных фабриках.

Перейдем теперь к другой группе фабрик, пользовавшихся также принудительным трудом, именно к посессионным. Известно, как образовался особый класс посессионных крестьян [2]. Указом Петра была разрешена покупка крестьян к фабрикам и заводам, но с тем условием, чтобы прикупаемые крестьяне уже навсегда состояли при фабрике или заводе, к которым они были куплены. Кроме того, правительство само прикрепляло к частным фабрикам и заводам крестьян. Эти посессионные крестьяне назывались приписными. Группа приписных крестьян сложилась из самых разнообразных элементов. Во-первых, к частным фабрикам и заводам нередко прикреплялись по особым указам казенные крестьяне. Во-вторых, правительство приписывало к казенным заводам солдат, бродяг, преступников и др., и когда эти заводы передавались частным лицам (что нередко имело место), то вместе с ними переходили к частным владельцам и прикрепленные рабочие; в-третьих, по указу 1736 г. все (кроме чернорабочих) работавшие на фабриках в момент издания указа были навсегда прикреплены к фабрикам («вечно отданные мастеровые»); в-четвертых, бродяги и нищие иногда приписывались правительством к частным фабрикам; в-пятых, люди разного звания иногда добровольно приписывались к фабрикам (были и такие) [3].

Из этих разнообразных элементов (я перечислил только важнейшие группы) сложился класс посессионных фабричных крестьян. Можно

---

[1] Дело о составлении правил для фабрик в помещичьих имениях, 19 июля 1833 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] См. об этом *В. Семевский*, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, отдел «Посессионные крестьяне».

[3] См. Дело о зависимых от казны фабриках, 3 ноября 1810 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

думать, что значительная часть этих крестьян не порывала связи с земледелием. К сожалению, общих данных о числе фабричных крестьян, безземельных и имевших особые наделы не имеется. При суконных фабриках по шестой ревизии числилось посессионных крестьян с землею 15 729, а безземельных 2 198[1]. Мы знаем, что и на многих других фабриках (шелковых, полотняных, стеклянных и пр.) посессионные мастеровые нередко земледелием не занимались, но все-таки, повидимому, в большинстве случаев фабричные крестьяне имели хотя и небольшие наделы — по большей части приусадебные участки земли, огороды, луга, сенокосы, леса. Пахотные земли принадлежали им в более редких случаях.

Общее число посессионных фабричных крестьян установить трудно. В 1797 г. сенат поручил Мануфактурколлегии собрать сведения о посессионных фабриках. Эти сведения собирались несколько лет. Собирание их было закончено только в 1807 г.: оказалось, что при 127 посессионных фабриках и заводах (кроме горных), которые доставили требуемые сведения, числилось по пятой ревизии 34 066 покупных и приписных крестьян м. п., а от 28 фабрик отзывов не было получено[2]. Но, повидимому, в действительности посессионных фабричных крестьян было гораздо больше, так как в официальных «Ведомостях о мануфактурах в России» за 1813 г. посессионных рабочих показано 35 581[3]; эта последняя цифра не могла быть выше действительной, а только ниже, и хотя на многих фабриках работали не одни мужчины, но и женщины, все же следует думать, что посессионных фабричных крестьян м. п. было много больше 35 тыс., так как далеко не все посессионные фабричные крестьяне работали на фабриках[4].

Что же такое были посессионные фабричные крестьяне? Чем отличались они от крепостных?

Существенное отличие заключалось в следующем. По терминологии того времени, они были «крепки фабрике», а не владельцу. Власть фабриканта над ними была ограничена, и правительство оставляло за собой право регулировать взаимные отношения владельца посессионной фабрики к рабочим. Посессионная фабрика признавалась вместе

---

[1] Дело о положении по предмету взимания рекрут с состоящих при фабриках и заводах приписных, 30 апреля 1817 г. (Арх. д-та торг. и ман.). В отчете м-ра внутр. дел за 1803 г. безземельных посессионных крестьян при суконных фабриках показано больше — 2 459, а с землею меньше — 14 189. (Вероятно, опечатка. В 1-м издании тоже 14 189. — *Ред.*) (Эти данные относятся к пятой ревизии). Отчет м-ра внутр. дел за 1803 г., Спб. 1804 г. Табель о обязанных суконных фабриках.

[2] Дело о зависимых от казны фабриках (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] См. «Ведомость о мануфактурах в России» за 1813 и 1814 гг. Спб.

[4] Согласно елизаветинскому закону 1752 г., на шелковых фабриках только $^1/_4$ купленных крестьян должна была работать на самой фабрике, а $^3/_4$ заниматься полевыми работами, а на прочих фабриках в фабричную работу могла употребляться только $^1/_3$ крестьян; закон этот не соблюдался, но все же число фабричных крестьян, не работавших на фабрике, должно было быть значительным. Сверх того, не нужно забывать, что на фабриках не могли работать маленькие дети. Поэтому, если число посессионных рабочих на фабриках превосходило 35 тыс., то общее число посессионных фабричных крестьян м. п. должно было значительно превышать эту цифру.

со всеми находящимися при ней рабочими нераздельным целым; владелец не имел права раздроблять фабрику, продавать крестьян отдельно от фабрики или переводить их на другую, изменять характер производства или сокращать его. Со времени учреждения департамента мануфактур и внутренней торговли никакие имущественные акты на посессионные фабрики не могли совершаться без утверждения этого департамента. Состоящих при фабрике рабочих владелец имел право употреблять только на фабричные работы, выдавая им «достаточную» заработную плату; размер этой платы, продолжительность рабочего дня, высота уроков (при поштучной работе) могли быть устанавливаемы фабрикантом, но правительство признавало за рабочими право обжаловать постановления фабриканта, и в таком случае дело решалось правительственной властью, а именно — министерством финансов (с 1819 г., — до этого времени министерством внутренних дел) по департаменту мануфактур и внутренней торговли, в ведении которого были посессионные фабрики. Правительство могло, по своему усмотрению, устанавливать весь внутренний распорядок фабричных работ, определять все отношения рабочих к владельцу.

За неисполнение содержателем посессионной фабрики его обязанностей (например, в случае прекращения фабричного производства) фабрика могла отбираться в казну. Точно так же за притеснение рабочих, за неправильное употребление их — например, вместо фабричной работы, в домашние услуги — фабриканту грозило освобождение рабочих[1].

С другой стороны, фабрикант имел разнообразные средства заставить рабочих повиноваться себе. Достаточно сказать, что, помимо так называемых «домашних наказаний», фабрикант мог, в некоторых случаях, отправить непослушного рабочего в Сибирь, но только с разрешения высшего правительственного органа, ведавшего посессионные фабрики.

Таково было, в общих чертах, юридическое положение посессионных крестьян. Каким же образом сложились, в действительности, взаимные отношения хозяев и рабочих на этих своеобразных фабриках, остатке XVIII века, упорно державшемся и в XIX веке, несмотря на полное несоответствие хозяйственным условиям нового времени?

Более всего посессионных фабрик было в Московской губернии (почти $^1/_4$ всего числа), затем в соседних промышленных губерниях — Ярославской, Владимирской, Костромской, Калужской. По числу рабочих впереди стояли суконные фабрики. В 1813 г. на них числилось 14 679 посессионных рабочих — немногим меньше половины всех значившихся по спискам посессионных фабричных рабочих. В том же году на полотняных фабриках было 7 522 посессионных рабочих, на чугунных, стальных и железных заводах (кроме горных) — 6 610, на писчебумажных — 2 107, на шелковых — 1 908[2]. Число посессионных рабочих на стеклянных

[1] Закон 30 июня 1803 г. П. С. З., XXVII, 20826. Если рабочие были из числа казенных мастеровых, прикрепленных к фабрике по указу 1736 г. с уплатой денег, то при освобождении их фабриканту уплачивалась такая же сумма денег; в других же случаях рабочие освобождались без всякого вознаграждения.

[2] «Ведомость о мануфактурах в России» за 1815 и 1814 гг., Спб. 1816 г.

и фарфоровых заводах, ситцепечатных, позументных, минеральных и других фабриках было невелико.

Некоторые посессионные фабрики были огромных размеров. При Глушковской суконной фабрике графини Потемкиной (в Курской губернии) состояло (по пятой ревизии) 9 121 душ м. п. На полотняной и писчебумажной фабриках Яковлева в Ярославле (Большая ярославская мануфактура) работало в начале этого века 1 625 мужчин и 2 250 женщин, главным образом, приписных. На полотняной и писчебумажной фабриках Гончарова (в Медынском уезде) работало 962 посессионных фабричных [1]. На суконной фабрике Осокина было около 1 000 рабочих.

Рабочий день на огромном большинстве посессионных фабрик продолжался 12 часов. Менее продолжительный рабочий день мы встречаем на одной суконной фабрике, одной шелковой, трех полотняных, пяти писчебумажных и двух стеклянных [2].

Более 12 часов рабочий день продолжался на пяти суконных фабриках, семи полотняных и одной стеклянной [3].

Почти на всех фабриках, доставивших требуемые сведения, рабочие получали денежную плату; только на трех суконных фабриках, семи полотняных, одной бумажной, одном кожевенном и одном минеральном заводе рабочие не получали денежной платы [4]. Фабрики последнего рода

---

[1] «Дело о присылке содержателями фабрик и заводов, имеющих приписных и покупных людей, сведений о числе состоящих по пятой ревизии душ», 1803 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] А именно на суконной фабрике кн. Барятинского близ Москвы рабочий день зимой продолжался 11 часов, а летом — от восхода до захода солнца; на шелковой фабрике Дудышкина — 9 час.; на полотняных фабриках: Крапивникова (Владимирской губ.) — 8—12 час., Тимирязевой (Калужской губ.) — 9 час., Грязнова (в г. Кинешме) — 10 час.; на бумажных фабриках: Туронтаевского (в Вологодск. губ.) летом 10—12 час., зимой — 6 час. Хлебникова (в Красном Селе) — 4—12 час., Попова (в г. Угличе) 10—12 час., Панаева (в Туринском у.) — 8—12 час., Ртищевой (Калужск. губ.)—11 час.; на стеклянных заводах: Гусевском (Владимирской губ.), Мальцевой—11—12 час., на заводе Фомы Мальцева летом—12 час., зимой—10 час.

[3] Суконные фабрики: Калинина в Москве — 14 час., Кознова — 15 час. Кузнецова (Рязанск. губ.) — зимой 17 час. с перерывами, летом 19 час. с перерывами, Окулова (Рязанск. губ.) — 14 час., Толубеевой (Орловской губ. — 13 ч., полотняные: Ашастина (Костр. губ.) — с утра до 10 часов вечера, Стригалева (Костр. губ.) — 18 час. с перерывами, Лугинина (Тульской губ.) — 14 час, Щепочкина (Калужской губ.)—6—15 час., ткачи 14—15 час., Таланова (Костр. губ.) — 14 час., Светозарова (Тверской губ.) — 13 — 14 час. Большая ярославская мануфактура — 10 — 14 час., стеклянный завод Баташова (Касимовского у.) — 15 час. и более.

[4] Суконные фабрики: Перемышлева (17 м. п. посессион.) Рязанск. губ. — «поденной им денежной платы или жалованья не производится, а содержатся на моем пропитании, платьи и обуви»; Окулова, Рязанской губ. (88 посессионных или крепостных?) — «за работу им платы более никакой не производится, как дается на каждую мужск. и женск. пола душу довольно положенная земля, мужским по 1½ дес., женским по 1 дес. в одном поле. Работают они в неделю 3 дня на означенной фабрике, а 3 дня на себя в своих домах»; кн. Барятинского в Рязанской губ. (802 м. п. посессионных или крепостных?) — «за работу жалованья никому не производится, потому что крестьяне употребляются в фабричной работе брат на брата, т. е. одна половина при фабрике, а другая в доме»; полотняные фабрики: В. и Н. Стригалевых, Костр. губ. (7 м. п. посесс.) — рабочие на полном содержании владельца; Самбурова (17 м. п. посесс.) — на содержании владельца; Б. Стри-

были или не большие, или же на них работа производилась «брат на брата», т. е. крестьяне полгода работали на владельца, полгода на себя. На других фабриках плата производилась рабочим и в том случае, когда они работали только полгода на владельца, — такой порядок практиковался на трех суконных фабриках и пяти полотняных. Но обыкновенно работа на фабриках шла круглый год, за исключением праздников и воскресных дней (работали около 260 дней в году), и только на немногих фабриках рабочие увольнялись на один или два летних месяца для полевых работ.

Ночная работа, как общее правило, не практиковалась на посессионных фабриках. Женщины, в большинстве случаев, принимали участие в фабричной работе точно так же, как и малолетние. Только на писчебумажных и стеклянных фабриках работали преимущественно взрослые мужчины.

Повидимому, рабочие по большей части имели свои собственные дома с огородами и сенокосами (если фабрика была не в городе). Иногда на стороне (на городских фабриках).

Как я сказал, посессионные рабочие были прикреплены к фабрике, но не были крепостными фабриканта. Правительство сохраняло за собой право регулировать весь фабричный распорядок и все частности отношений хозяев к рабочим. Высота заработной платы, продолжительность рабочего дня, размер уроков, условия фабричной работы и многое другое подлежало контролю правительственной власти. Правда, фактически этот контроль осуществлялся очень неполно, и в огромном большинстве случаев правительство совершенно не вмешивалось в отношения фабрикантов к посессионным рабочим и даже не знало точного числа посессионных фабрик; но все же, юридически, посессионный рабочий не был таким бесправным существом, как крепостной; в некоторых отношениях положение посессионного рабочего представляло известные выгоды (правда, более номинального свойства) даже перед положением вольнонаемного.

Вольнонаемный рабочий предоставлен только самому себе, его положение на фабрике определяется экономическими силами, устанавливающими цену рабочих рук, как и всякого другого товара, игрой спроса и предложения. Расширяется производство — спрос на рабочие руки растет, заработная плата повышается, и рабочему на фабрике живется полегче; наступает затишье в сбыте товаров — производство сокращается, и рабочий выбрасывается из фабрики на улицу. Посессионному рабо-

---

галева, Костр. губ. (39 м. п. посесс.) — на содержании владельца; Масловых, Тульской губ. (512 м. п. посесс.) — «купленным нами крестьянам никакой платы не производится и работает из количества годных половина»; Большаковых в г. Боровске (16 м. п. посесс.) — на содержании владельца; Светозарова, Тверской губ. (70 м. п. посесс.) — «своим крепостным, как мужск., так и женск. пола, особенного платежа не производится, поелику они, находясь жительством при доме моем, как пропитание, так и обувь и одежду имеют от меня собственно». Также на полном содержании владельца рабочие состояли на полотняной фабрике Серикова в г. Туле (6 м. п. посесс.), на бумажной фабрике Большакова, Боровск. у. (10 м. п.), кожевенном заводе Кожевникова, Костр. губ. (10 м. п.), минеральном заводе Свешникова в г. Ярославле (10 м. п.).

чему ничего подобного не грозило. Каково бы ни было состояние рынка, он получал один и тот же заработок на фабрике. Фабрикант мог, разумеется, сокращать производство, но он обязан был давать занятие своим рабочим и выплачивать им заработную плату, хотя бы, по состоянию рынка, ему выгоднее было распустить рабочих. Высота заработной платы не определялась условиями рабочего рынка; правительство признавало за рабочими право требовать от фабриканта такой заработной платы, которая обеспечивала бы их существование.

Нечего и говорить, что в огромном большинстве случаев все эти «права» были мертвой буквой; мы видели, что на некоторых фабриках (преимущественно небольших) рабочие совсем не получали денежной платы. Но зато на крупных фабриках рабочие иногда с успехом отстаивали свои интересы*.

Я старался показать во «Введении», что возникновение посессионных фабрик в прошлом веке отнюдь не было делом случая или ошибочной политики правительства Петра и его ближайших преемников. В петровской России фабричная промышленность могла основаться только на принудительном труде, а так как господствующий класс — дворянство — очень ревниво оберегал свои прерогативы, то результатом компромисса между необходимостью принудительного труда и невозможностью распространения на фабрикантов из купечества права владения крепостными явился новый социальный институт — прикрепление крестьян к фабрике или заводу. Уже в конце прошлого века положение изменилось. Число фабрикантов-недворян сильно увеличилось. Фабриканты-дворяне не нуждались в посессионных рабочих для обеспечения своих фабрик принудительным трудом. С другой стороны, фабриканты из купцов были мало заинтересованы в сохранении за собой права покупки крестьян, ибо, благодаря увеличению числа вольнонаемных рабочих**, явилась возможность нанимать рабочих, а труд вольнонаемного рабочего был гораздо производительнее работы из-под палки. Поэтому посессионная фабрика, бывшая раньше естественной и необходимой формой крупного фабричного производства, в XIX веке стала пережитком прошлого, потерявшим raison d'être. Из стимула промышленного развития она сделалась тормозом его.

В первые годы царствования Александра I отношения правительства к посессионным фабрикам еще не установились. Следуя екатерининским традициям, правительство в 1802 г. существенно ограничивает право покупки крестьян к фабрикам и заводам, но не решается совершенно его отменить. В 1808 г. издаются новые правила покупки крестьян купцами и разночинцами к суконным фабрикам. Как я говорил выше, самое существенное в этих правилах было то, что покупаемые крестьяне прикреплялись к фабрике не навсегда, а только на определенный срок (не более как на 20 лет), а затем становились вольными[1]. В следующем году эти правила были распространены и на другие фаб-

* Здесь в 3-м издании большой пропуск в несколько страниц, которые перенесены в особую главу IV (см. ниже, примечание к главе IV). — *Ред.*

** В 1-м издании слова «благодаря увеличению числа вольнонаемных рабочих» отсутствуют. — *Ред.*

[1] П. С. З., XXX, 23132.

рики. Но так как на таких условиях никто не изъявлял желания покупать крестьян, то в 1811 г. министр внутренних дел (в ведении которого были фабрики мануфактуры) представил в Государственный совет новый проект «Положения, на основании коего лица, дворянского достоинства не имеющие, могут к суконным фабрикам приобретать деревни».

В объяснительной записке к этому проекту министр внутренних дел Козодавлев говорит, что фабрики, имеющие вольнонаемных рабочих, не могут выдержать конкуренции дворянских вотчинных фабрик и «должны упасть непременно». Ввиду этого, он считает необходимым дозволить и недворянам приобретать навсегда крестьян к суконным фабрикам как особенно важным для государства. Проект Козодавлева интересен тем, что в нем видна попытка точнее определить законом взаимные отношения фабрикантов и посессионных рабочих. Работа на фабриках по будням должна продолжаться 12 часов в сутки, кроме субботы, когда фабричные работают только 6 часов. В воскресные и праздничные дни работа прекращается. Жены и дети фабричных не могут быть принуждаемы к работам. Фабричные должны получать такую же плату, как и вольнонаемные рабочие на окрестных фабриках. Только 1/3 фабричных крестьян должна находиться в фабричной работе, а остальные — заниматься земледелием [1].

Этот проект не был утвержден, и через несколько лет (в 1816 г.) покупка крестьян к фабрикам и заводам была совершенно запрещена. Так как приписка казенных крестьян к фабрикам частных владельцев перестала практиковаться еще ранее, то с этого времени, следовательно, число посессионных фабричных рабочих могло увеличиться только путем естественного размножения *.

Как мы увидим в следующей главе, отношения между содержателями посессионных фабрик и их рабочими были далеко не дружелюбны. Постоянные жалобы посессионных фабричных настоятельно требовали каких-либо мер к улучшению их положения. Пока фабрики находились в заведывании министерства внутренних дел (до 1819 г.), правительственная политика по отношению к посессионным фабричным характеризовалась стремлением установить ясные и определенные правила, регулирующие возможно полнее весь строй фабричной жизни и все отношения фабриканта к рабочим. С этой целью на некоторых более крупных посессионных фабриках были введены особые «Положения», о которых мне еще придется говорить в следующей главе.

Первое из таких «Положений» в этом веке — Положение Купавинской шелковой фабрики — было высочайше утверждено 11 декабря 1803 г. при передаче фабрики, принадлежавшей раньше казне, князю Юсупову. Положение устанавливает размер заработной платы, причем плата должна была быть увеличиваема через каждые 10 лет, соответ-

---

[1] Дело по письму министра внутренних дел государственному секретарю о проекте положения касательно приобретения недворянами к суконным фабрикам деревень, 21 января 1811 г., (Арх. д-та торг. и ман.). Извлечения из этого проекта напечатаны в книге *Нисселовича*, История фабрично-заводского законодательства Российской империи, II. 78.

* В 1-м издании: «число посессионных фабрик и фабричных не могло увеличиваться». — *Ред.*

ственно повышению цены хлеба и других предметов продовольствия рабочих. Фабричная работа должна была продолжаться 12 часов в сутки. Содержатель фабрики не имел права сокращать или приостанавливать производство, и если рабочие по его вине оставались без работы, то он должен был платить им по определенному расчету за каждый прогульный день. Малолетним, а также больным и престарелым рабочим, не способным к работе, содержатель обязывался производить «пристойное богадельное содержание» [1].

Я только что говорил о проекте Козодавлева 1811 г., не принятом Государственным советом. Этот проект должен был урегулировать отношения содержателей фабрик к рабочим на всех вновь учреждаемых посессионных суконных фабриках; но, как сказано, проект не получил силы закона. Тем не менее, министерство внутренних дел продолжало держаться взгляда, что государственное регулирование положения рабочих на посессионных фабриках является лучшим средством предотвратить неудовольствие и волнения рабочих. В 1818 г. департамент мануфактур и внутренней торговли представил обширный доклад по этому вопросу министру внутренних дел Козодавлеву. Департамент докладывал, что «неудовольствие фабричных людей на содержателей фабрик существует на многих посессионных фабриках», указывая при этом на жалобы рабочих Кознова, Лазарева, Яковлева и Осокина. «Все сии и многие другие, сим подобные дела по министерству внутренних дел, — заключал департамент, — главнейше получили начало свое оттого, что со стороны правительства поныне еще не сделано никакого дополнительного постановления, как в рассуждении взаимных соотношений и обязанностей владельцев посессионных фабрик и мастеровых, так и насчет производимой задельной платы. Поныне назначение задельной платы зависит от произвола хозяина фабрики, который, не быв обязан давать по сему предмету отчет правительству, естественно, действует более в свою пользу... Сие делает мастеровых к работе небрежными, штрафы и наказания, за то на них возлагаемые, приводят их в необходимость вопиять о такой несправедливости перед правительством... почему и настоит крайняя и необходимая нужда в сочинении для всех посессионных фабрик общего Положения... и чем скорее намерение таковое будет приведено в исполнение, тем скорее будут пресечены существующие на фабриках раздоры».

Козодавлев вполне согласился с мнением департамента и 4 мая того же года представил комитету министров о необходимости командировать для этой цели на различные посессионные фабрики начальника отделения департамента мануфактур и внутренней торговли Бурнашева. В представлении министра внутренних дел буквально повторяются цитированные соображения департамента, и издание Положения для всех посессионных фабрик признается единственным средством предупредить неудовольствие рабочих [2].

Бурнашев объехал фабрики Яковлевых, Осокина и Лазарева и со-

[1] П. С. З., XXVII, 21076.

[2] Дело о поручении коллежскому советнику Бурнашеву собрать сведения на посессионных фабриках Лазарева, Кознова, Яковлева, Осокина и других. Апреля 30, 1818 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

ставил для них Положения. Все три Положения, имевшие обязательную силу как для фабриканта, так и для рабочих, точно определяли заработную плату за каждый год труда; плата не подлежала понижению в течение 5 лет, по прошествии же этого времени должна была вновь устанавливаться министерством внутренних дел применительно к новым ценам предметов потребления рабочего. Расценка труда была заимствована из ранее существовавших плат на каждой фабрике, но в общем была несколько повышена; престарелым и малолетним было определено содержание хлебом и деньгами. Продолжительность рабочего дня на трех фабриках установлена различная: на Ярославской мануфактуре — 14 часов, а у Осокина и Лазарева — 12 часов. Число праздничных дней на всех фабриках определено одинаковое — 100 дней в году; за прогульные дни по вине фабриканта рабочие получали такую же плату, как и за рабочие дни.

Ярославское Положение, кроме того, требует содержания при фабрике больницы и доктора. По Положению Фряновской фабрики Лазарева, из среды рабочих выбираются особые старосты для надзора за правильностью расчетов с фабричными (см. ниже, стр. 122). Положение фабрики Осокина определяло штрафы за дурное качество работы и за неявку к работе. Все три Положения были утверждены сенатом.

Подобные Положения министерство внутренних дел предлагало мало-помалу ввести и на других фабриках. Но в 1819 г. департамент мануфактур внутренней торговли, заведывавший фабриками, был передан в министерство финансов, которое держалось совершенно иных взглядов на задачи фабричного законодательства.

В 1823 г. беспорядки на шелковой посессионной фабрике Красильникова побудили ярославского губернатора составить для этой фабрики Положение. Но министерство финансов не признало это нужным и не утвердило Положения[1]. В 1826 г., по поводу истечения срока действия Положения фабрики Осокина относительно заработной платы (заработная плата, как выше указано, подлежала пересмотру через каждые 5 лет), департамент мануфактур и внутренней торговли в докладе министру финансов Канкрину высказался вообще относительно полезности таких Положений. Со времени 1818 г. взгляды департамента диаметрально изменились. По словам доклада (декабрь 1826 г.), Положения введены правительством «на некоторых только многолюдных посессионных фабриках потому единственно, что не было других средств прекратить взаимные претензии содержателей на крестьян фабричных и сих последних на содержателей... Но дробность предметов, входящих в состав Положения, и непостоянство цен на съестные припасы делают означенные Положения непродолжительными; назначаемая по оным задельная плата либо превышает настоящую цену, какую бы содержатель должен давать за изделия, либо для мастеровых делается недостаточной... К сим невыгодам нельзя не присовокупить и того, что таковые Положения, предписывая

[1] См. Дело по отношению ярославского гражданского губернатора о составлении Положения для шелковой фабрики купца Красильникова, 5 марта 1823 года (Архив д-та торг. и ман.).

содержателям посессионных фабрик правила управления мастеровыми, дают повод сим последним считать себя независимыми, так что владелец в каждом предприятии своем встречает упорство в крестьянах». В частности, о Положении фабрики Осокина департамент высказался еще резче: «Положение сие не только не полезно, но даже и вредно для мануфактуры, ибо через оное дается фабричным повод думать, что, кроме изложенного в Положении, никаким уже содействием не обязаны они фабриканту, отчего власть фабриканта теряет в их глазах всякий вес... Все выгоды его на стороне фабричных; фабриканту же остаются одни убытки» [1].

Ввиду этого департамент решительно высказался против возобновления Положения для фабрики Осокина и полагал совершенно его отменить «как распоряжение, оказавшееся на опыте несообразным цели и намерениям правительства, и предоставить Осокину распоряжаться на фабрике своей на том основании, какое было прежде введения сего Положения».

Доклад департамента был внесен на рассмотрение совета министра финансов; совет хотя и согласился с мнением департамента, что «Положение не только не споспешествует благостоянию фабрики Осокина, но даже и препятствует оному», тем не менее не счел удобным отменить его, так как «Положение сие существует 5 лет, фабричные к нему привыкли, и изменение его может, по известной буйности фабричных Осокина, послужить к вящшим беспорядкам».

С мнением совета согласился и Канкрин; для фабрики Осокина было выработано и утверждено в 1834 г. новое Положение, с сокращением заработной платы; но так как по новому Положению рабочие должны были получать плату ассигнациями без вычета лажа, то фактически их заработок остался прежним.

Выше указано, что по Положениям фабрик Яковлевых и Лазарева заработная плата должна была пересматриваться через каждые 5 лет, а по Положению Купавинской фабрики — через каждые 10 лет. Но так как министерство финансов не разделяло взглядов министерства внутренних дел на полезность таких Положений, то и правило о периодическом пересмотре заработной платы фактически не соблюдалось, и все три названные фабрики так и не получили новых Положений, хотя вопрос об их составлении возбуждался неоднократно. Волнение рабочих на Купавинской и Фряновской фабриках в 30-х годах побудили кн. Голицына назначить особые комиссии для выработки новых Положений для этих фабрик, но Канкрин не утвердил их. Еще раньше, в 1824 г., был составлен проект нового Положения и для Ярославской мануфактуры (под влиянием всеподданнейшей жалобы рабочих), но не получил утверждения министра финансов.

В царствование Николая I убеждение в неприспособленности посессионных фабрик к новым условиям промышленности быстро распространилось в правительственных сферах. Еще в 1804 г. Шторх заметил, что «при самом поверхностном взгляде бросается в глаза, как мало со-

[1] Дело о Положении Казанской суконной фабрики прапорщика Осокина, часть III (Арх. д-та торг. и ман.).

ответствуют такие фабрики требованиям промышленности»[1]. Но пока промышленность наша развивалась слабо, несостоятельность посессионных фабрик была не настолько очевидна.

Одним из условий посессионного владения фабрикой было, как известно, лишение владельца фабрики права сокращать или изменять по своему усмотрению род производства. Это требование не было особенно стеснительным для фабриканта в XVIII веке, пока промышленность удовлетворяла из года в год одному и тому же постоянному и неизменному спросу. Но когда в начале XIX века в России стали возникать новые отрасли производства — например хлопчатобумажная, — вытеснявшие старинные производства; когда стали изменять сорт и качество продуктов, изготовляемых на фабриках (например выделывать на фабриках тонкие сукна, а не только толстые солдатские, как прежде); когда техника производства стала прогрессировать (вводились новые машины и пр.), — тогда посессионное владение фабрикой стало крайне неудобным для фабриканта. Фабрикант должен был изготовлять в одном и том же количестве из года в год одни и те же продукты, хотя бы эти продукты и не спрашивались рынком; он обязан был давать раз навсегда определенную работу своим рабочим и оплачивать ее, каков бы ни был сбыт его товаров; он не мог ввести новых машин, как бы они ни были выгодны, так как не в его власти было сократить число рабочих рук на фабрике, а рабочие, кроме того, не обязаны были обучаться новым приемам работы. На это жаловался, например, в 1833 г. фабрикант Осокин чиновнику министерства финансов, командированному для разбора его споров с рабочими; по словам Осокина, введение прядильных и трепальных машин, употреблявшихся в то время на московских суконных фабриках, чрезвычайно удешевило бы производство; тем не менее, хотя у него имелись 33 машины, готовых к употреблению, он может пускать из них в действие не более 7, так как, если бы употреблялось для работы большее число машин, то многие мастеровые остались бы совсем без дела, а плату они продолжали бы получать прежнюю[2].

Поэтому интересы самих фабрикантов требовали преобразования устаревшего социального института посессионных фабрик. Не решаясь приступить к коренной реформе посессионных отношений, правительство шаг за шагом изменяло этот институт и приспособляло его к новым условиям производства. Многим фабрикам правительство разрешило оставить прежнее производство и перейти к новому[3]. Но для такой

---

[1] *Storch*, Russland unter Alexander dem Ersten, V B., 1804, Manufactur und Fabrikindustrie, S. 61.

[2] Дело о Положении казанской суконной фабрики Осокина, часть III, Рапорт чиновника Афросимова министру финансов в 1833 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] Так, например, в 1814 г. надворной советнице Белавиной было разрешено обратить шелковую посессионную фабрику в полотняную, в 1816 г. купцу Кирьякову позволено обратить ситцевую фабрику в шелковую, в 1819 г. графу Потемкину разрешено купить Фряновскую шелковую фабрику, с обращением на ней половины станов на суконное производство (эта покупка не состоялась), а кн. Юсупову разрешено то же самое для Купавинской фабрики; в 1826 г. купцу Куманину разрешено часть станов на своей

перемены производства требовалось каждый раз особое разрешение правительства, причем дело решалось комитетом министров и тянулось очень долго. Более важное значение имел закон 20 декабря 1824 г., который существенно изменил характер прикрепления крестьян к фабрике. Этим законом было разрешено увольнение фабричных крестьян в другие звания, в случае просьбы об этом фабриканта, но только в каждом отдельном случае с особого разрешения комитета министров[1]. Закон этот был вызван просьбами некоторых посессионных фабрикантов дать свободу их рабочим. Очевидно, право на принудительный труд перестало иметь в глазах фабрикантов такую ценность, как прежде.

Значение закона 1824 г. заключалось в том, что со времени его издания фабричные крестьяне перестали быть нераздельным целым с фабрикой. В 1831 г. министру финансов предоставлено было входить в сенат с представлениями об увольнении посессионных фабричных для записки в купечество или мещанство[2]. Наконец, в 1835 г. владельцам посессионных фабрик было дано очень важное право отпускать по паспортам своих посессионных крестьян и мастеровых. При этом должны были соблюдать следующие условия: 1) чтобы от такого увольнения не уменьшались действия фабрик; 2) чтобы оброк с уходящих фабричных поступал не в пользу владельца, но в пользу общественных мирских доходов, о которых 3) владелец должен давать отчеты местному начальству в случае жалобы фабричных[3].

Закон 1835 г. был издан вследствие прошений нескольких фабрикантов о разрешении им распустить по паспортам рабочих. Это неоднократно разрешалось и раньше, но только по особым указам сената[4]. Так как отпускаемые рабочие не платили никакого оброка содержателю фабрики, то удаление их с фабрики доказывало полнейшую ненужность их для фабричных работ. Очевидно, право пользоваться принудительным трудом уже сделалось к этому времени для посессионного вла-

---

полотняной фабрике обратить на бумажное ткачество и суконделие. См. Дело по письму кн. Юсупова о дозволении ему обратить половинное число станов Купавинской шелковой фабрики его на суконделие, 25 июля 1818 г.; Дело о дозволении коммерции-советнику Куманину учредить отделку разных сукон и бумажных материй при полотняной фабрике, 12 июля 1818 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[1] П. С. З., XXXIX, 30166.

[2] Там же, II изд., т. VI, 4687.

[3] Там же, II изд., т. X, 7816.

[4] Так например в 1823 г. Лазарев обратился с просьбой к министру финансов о разрешении ему распустить рабочих по паспортам без оброка ввиду убыточности шелкового производства. Просьба Лазарева была удовлетворена сенатом. См. Дело по прошению коллежского советника Ив. Лазарева о дозволении распустить по паспортам мастеровых Фряновской шелковой фабрики, 27 января 1823 г. (Арх. д-та торг. и ман.). В других случаях рабочие увольнялись с платежом оброка без всякого разрешения начальства. Так например рабочие полотняной и бумажных фабрик Церевитиновых (в Медынском у., Калужской губ.), в конце 20-х годов, отпускались владельцем с платежом оброка от 5 до 50 руб. См. Дело по жалобе мастеровых людей Шанских фабрик купцов Церевитиновых на своих содержателей, 20 апреля 1822 г., часть III (Арх. д-та торг. и ман.).

дельца тяжелой обязанностью давать содержание обязанным рабочим, и владельцы предпочитали отказаться от этого права вместе с сопутствующими ему обязательствами.

Хотя закон 1835 г. и разрешал владельцу посессионной фабрики отпускать по паспортам ненужных ему рабочих, но лишь с тем условием, чтобы производство фабрики не было сокращаемо. Закон этот нисколько не изменял взаимных отношений владельца к его посессионным рабочим, остающимся на фабрике. Между тем, в 30-х годах вольнонаемный труд стал быстро распространяться на фабриках, и фабриканты не замедлили убедиться, что свободные отношения не только заманчивы для работника, но выгодны и для хозяина. На большинстве посессионных фабрик работали не только посессионные, но и вольнонаемные рабочие. Заработная плата посессионных рабочих была, как общее правило, значительно ниже, чем вольных, но зато и труд их был менее производителен [1]. Между тем, как будет указано ниже, одним из важных поводов к волнениям посессионных рабочих было требование, чтобы им выдавали плату одинаковую с вольнонаемными. И хотя эти волнения, в большинстве случаев, не имели успеха, тем не менее они причиняли большие убытки хозяевам и крайне затрудняли фабричное производство. Хозяин посессионной фабрики видел постоянную враждебность своих рабочих, которых он не мог уволить, — враждебность, при первом удобном случае приводящую к открытому сопротивлению и буйству. Поэтому-то *право* пользования принудительным трудом обратилось для хозяев в настоящее *бремя*, от которого они искали средств избавиться.

В конце 30-х годов в министерство финансов начинают поступать жалобы многих владельцев посессионных фабрик (особенно из Московской губернии, где промышленность была наиболее развита) на стеснительность условий посессионного владения. К этому времени и в правительственных сферах окончательно укрепилась мысль о необходимости так или иначе ликвидировать посессионное фабричное владение. В 1839 г. Канкрин вошел в Государственный совет с проектом правил постепенной ликвидации посессионного владения фабриками. Государственный совет, рассмотрев этот проект, нашел, что «установленные законом правила о посессионных заведениях не соответствуют настоящему положению мануфактурной промышленности и сопряжены с различными неудобствами, из коих главнейшие: 1) обязанность не уменьшать действия фабрик и не изменять рода изделий; 2) воспрещение переводить посессионных крестьян на другую фабрику; 3) ограничение занятий одними фабричными работами и неопределенность отношений

---

[1] Так например на Купавинской фабрике вольные ткачи вырабатывали в месяц около трех половинок «масловых» сукон и около семи половинок «мизерицких» и русских сукон; посессионные же ткачи на той же фабрике вырабатывали «масловых» только две половинки, а «мизерицких» и русских четыре, редко пять половинок в месяц. Естественно, что и заработок вольных ткачей был гораздо выше, чем посессионных, хотя задельную плату они получали одинаковую. См. Дело по всеподданнейшей просьбе князя Юсупова о взятии его фабрики в казну, часть II (Арх. д-та торг. и ман.).

посессионных людей к фабрикантам; 4) условие со стороны новых покупщиков содержать заведения на том основании и в том же виде, как находились они у прежних владельцев; 5) строгость узаконений насчет фабрикантов, приведенных в невозможность или не желающих содержать фабрику; 6) краткость определенного для продажи фабрики 6-месячного срока, препятствующая выгодному переходу заведения из одних рук в другие».

Вместе с тем Государственный совет нашел, что «уважений, по которым казна жертвовала своим достоянием в пользу частных фабрикантов и допустила косвенное изъятие из коренного закона о праве владения крепостными людьми, теперь уже решительно не существует... и что ныне, когда и в простом народе распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, удобнее и едва не выгоднее для фабриканта иметь сих людей по найму, нежели держать собственных и приписных»[1].

По всем этим соображениям Государственный совет признал, что в мерах законодательных следует держаться того правила, чтобы постепенно притти, наконец, к решительному уничтожению в государстве заведений посессионных»[2], и выработал особые правила увольнения посессионных и фабричных в свободное состояние и перехода посессионных фабрик в полную собственность владельцев; правила эти получили высочайшее утверждение 18 июня 1840 г.

Закон 18 июня 1840 г. имеет выдающееся значение в истории фабричного посессионного права. Он должен был облегчить постепенную ликвидацию посессионного владения, и, как увидим ниже, в значительной степени достиг своей цели. Тем не менее, как это ни странно, закон этот совсем не был опубликован, — его нет ни в Своде законов, издания 1842 г., ни в Полном собрании законов, — по всей вероятности, ввиду известной «буйности» посессионных фабричных, правительство признало неудобным его оглашение[3].

---

[1] Отчет департамента мануфактур и внутр. торговли за 1858 г. (Архив д-та торг. и ман.).

[2] Дело об увольнении в свободное состояние посессионных людей купцов Хлебниковых 12 октября 1844 г. Представление министра финансов в Государственный совет (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] В виду этого приведу текст закона 18 июня:

«Государственный Совет, в высочайше утвержденном 18 июня 1840 г. мнении, постановил:

1. Относительно посессионных фабрик, оставляемых в действии:

«Если фабрикант, имеющий при заведении своем посессионных людей, приписанных к оному от казны, либо добровольно в прежнее время приписавшихся или купленных им на посессионном праве, пожелает по собственным видам или расчетам удалить таковых людей с фабрики, частью ли только именно ему ненужных или излишних, либо всех вообще, с заменой оных вольнонаемными или купленными на крепостном помещичьем праве, когда фабрикант по состоянию своему имеет оное, то сие ему дозволяется с тем: а) чтобы увольняемые были обращены в свободное сословие, с предоставлением им самим по воле вступать в городское звание или в государственные крестьяне, независимо от того, состоит ли фабрика в городе или находится в селении; б) чтобы при увольнении по частям не были раздробляемы семейства и в числе сих последних не находилось таких, в

По этому закону увольнение фабричных предоставлялось усмотрению фабриканта (в случае, если фабрика находится в действии); фабрикант получает вознаграждение от казны — 36 руб. сер. с ревизской души мужского пола за увольняемых рабочих, если они были приобретены им покупкой или приписаны с уплатой денег в казну; если же рабочие были приписаны без всякой платы, то и при освобождении их владелец не получал никакого денежного вознаграждения. Увольняемым рабочим предоставлено на выбор — приписаться в городские сословия или в государственные крестьяне.

В случае желания поступить в государственные крестьяне, фабричные должны были согласиться на переселение. Переселяемым фабричным крестьянам владелец должен был предоставить на обзаведение по 50 руб. ассигн. на душу мужского пола и по 20 руб. ассиг. на

которых или вовсе нет работников, или хотя и есть, но не могущие по продолжительной болезни, телесным недостаткам или преклонности лет доставить семействам пропитание. Изъятие из сего правила может быть допускаемо только в случае собственного согласия увольняемых; в) чтобы их средствами, предоставляемы были в их пользу; г) чтобы за увольняемых посессионных людей, от казны приписанных к фабрикам с платежом, а равно за купленных фабрикантом на посессионном праве, производимо было из казны, в вознаграждение фабриканта, по 36 руб. сер. за ревизскую мужского пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя известной суммы вследствие обоюдного согласия; д) чтобы о таковом увольнении фабрикант каждый раз доводил предварительно до сведения начальника губернии для надлежащего с его стороны наблюдения и уведомления министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ, по принадлежности, от которых зависеть будет распорядиться как по предмету исключения увольняемых из посессий и приписки их к городам или причисления в сословие государственных крестьян, так и насчет самого переселения в казенные имения.

2. Относительно фабрик, прекращающих свои действия и уничтожаемых: «Если фабрикант, к какому бы он званию ни принадлежал, по обстоятельствам, то в сем случае поступать на следующем основании: а) фабричные строения, земли, леса, мельницы и другие угодия, данные фабриканту от казны, отбираются от него безвозмездно; но те из сих посессий, равно машины, инструменты и пр., кои приобретены собственным иждивением фабриканта, оставляются в свободном его распоряжении, с правом казны все те собственные земли, на которых водворены посессионные люди, приобресть покупкой по добровольной цене, а в случае несоразмерного требования владельца — по узаконенной оценке. Но когда и сия последняя признается для казны невыгодной, в таком случае люди переселяются на казенные земли или дается желающим дозволение записаться в мещане, и затем земли и заведения предоставляются фабриканту, который и располагает ими на праве полной собственности; б) посессионные люди все без изъятия, водворены ли они при самой фабрике, или отдельно от оной на особых землях, если они только к ней причислены, обращаются в свободные сословия на тех же основаниях, как выше постановлено о фабриках, остающихся в действии; в) как в числе посессионных людей находятся и такие, кои вовсе не занимаются фабричными работами, а упражняются в хлебопашестве и других промыслах, то с таковыми людьми, равно как и с теми, у владельцев коих фабрики более не существуют, ныне же поступать на основании предыдущего пункта». (Текст этого закона приводился в представлениях министра финансов в Государственный совет об увольнении посессионных крестьян разных фабрик в 40-х в 50-х годах. См., например, Дело об увольнении посессионных людей купцов Хлебниковых, 12 октября 1844 г.) (Арх. д-т торг. и ман.)

душу женского пола, без различия возрастов и, кроме того, на перевозку по 20 руб. ассигн. на душу обоего пола [1].

Таким образом, увольнение рабочих, приписанных к фабрике без всякой платы, могло потребовать от владельца значительных денежных затрат на пособие переселяемым фабричным и, во всяком случае, не давало ему никакой денежной выгоды.

Если же за увольняемых рабочих владелец и получал плату, то очень небольшую, которая могла и не покрыть суммы, выдаваемой владельцем при переселении фабричных. Поэтому единственным побудительным мотивом к увольнению рабочих могла быть невыгодность посессионного владения — неприспособленность посессионной фабрики, основанной на принудительном труде, к новым условиям хозяйства [2].

Закон 18 июня 1840 г. не обязывал фабрикантов переходить от принудительного к вольнонаемному труду, но давал им на это право. Как же воспользовались фабриканты этим правом? Мы видели, что в XVIII веке купцы упорно домогались права покупать к фабрикам крестьян. Еще в 1811 г. правительство признавало расширение этого права важным стимулом развития фабричной промышленности. Но в 30-х и 40-х годах экономические условия России глубоко изменились. Промышленность сделала быстрые успехи, и принудительный труд, без которого она не могла существовать в прошлом веке, сделался для нее излишним. И лучшим доказательством наступления в 40-х годах новой промышленной эпохи для России является успех закона 1840 г.

Мне известны 42 посессионные фабрики, рабочие которых получили

---

[1] Закон 16 декабря 1840 г., П. С. З., II изд., т. XVI 14058 б.

[2] Непосредственным поводом к изданию закона 18 июня 1840 г. явились просьбы фабрикантов об освобождении их рабочих. Приведем одну из таких просьб купца Колокольцева, владельца шелковой фабрики в Москве. В этой просьбе очень ясно указаны неудобства посессионного владения, вызвавшие переход многих посессионных фабрик от принудительного к свободному труду. При фабрике было 63 души мужского пола. «Приобретение сих людей, — пишет Колокольцев в прошении министру финансов в 1839 г. — сделано родителем моим, подобно тому, как и многими другими, по затруднительности в то время иметь опытных и постоянных мастеровых, и потому что самое ткачество и другие фабричные работы, по несовершенству ткацкой машины и других производств, требовало большого числа рук. Впоследствии же, в течение 35 лет, при общем распространении у нас фабричной промышленности, образовалось достаточное количество вольнонаемных мастеровых для всех родов фабрикации, а ткацкое производство... поставлено в зависимость более от машин, нежели от мастеровых. Отчего произошло, что владение посессионными фабричными... обратилось, вместо бывшего прежде пособия, в большее неудобство сравнительно с вольными фабриками, не стесняемыми ни числом рабочих, ни поведением их, ни искусством, ибо от воли хозяина зависит, занимать ли работой то или иное число рук, содержать из них, по вольной цене, одних лучших и, при несообразности их поведения, удалять их из заведения... Ввиду этого Колокольцев просит уволить в свободное состояние его посессионных рабочих без всякого для себя вознаграждения, хотя отец приобрел этих рабочих за 15 тыс. руб. Крестьяне были уволены 27 марта 1840 г. согласно просьбе владельца. (Дело по просьбе купца второй гильдии Колокольцева о дозволении крестьянам, состоящим при посессионной его фабрике, приписаться в податное состояние, 6 июня 1839 г.) (Арх. д-та торг. и ман.).

свободу на основании этого закона. Всего получило свободу, таким образом, более 15 тыс. душ мужского пола [1].

На 16 фабриках [2] рабочие были уволены потому, что фабричное производство совсем прекратилось, а на остальных 26 — вследствие прошений владельцев, находивших более выгодным для себя работу вольнонаемными [3].

Но законом 1840 г. воспользовалось, наверное, значительно более 42 фабрик, так как дела по многим фабрикам утрачены [4]. По словам г. Вешнякова, за время 1840—1850 гг. было освобождено, на основании закона 1840 г., около 20 тыс. душ мужского пола посессионных фабричных крестьян [5]. Но, кроме того, фабричные многих владельцев, подавших в конце 40-х и 50-х годов просьбы об увольнении крестьян, приписанных к фабрике в свободное состояние, не получили свободы на основании закона 1840 г. только потому, что дела об освобождении их затянулись до общей крестьянской реформы, 19 февраля 1861 г.[6].

---

[1] Точная цифра освобожденных рабочих не может быть установлена, так как по фабрике Осокина в Казани и Баташева мы не имеем точных данных о числе уволенных рабочих.

[2] Это были фабрики, по большей части, небольшие: 2 суконных — князя Салтыкова в г. Москве (бывший Большой суконный двор) и Толубеева в г. Орле; 7 полотняных — Богданова, Зюзиных и Губина в Калужской губернии, Грязнова и Угличанинова в Костромской губернии, Большакова в г. Боровске, Кожевникова в Ярославской губернии; 3 стеклянных Кетцлера в С.-Петербургской губернии, Чешихина в Смоленской губернии и Баташева, шелковая фабрика князя Гагарина в Московской губернии, пороховой завод Беренсовых в Богородском уезде, бумажная фабрика Мартьяновой в Вологодской губернии, фабрика Титова во Владимирской губернии.

[3] А именно, на четырех суконных: Осокина в г. Казани, Купавинской Бабкиных, Рыбникова в Богородском уезде, графини Толстой в Воронежском уезде; семи писчебумажных: Торубаева в Трубчевском уезде, Иванова в Вологодском уезде, Куманина в Переяславском уезде, Церевитиновых в Медынском уезде; трех фабриках Поповых в Углицком уезде; семи полотняных: Хлебниковых в Перемышльском уезде, Куманина в г. Переяславле, Брюзгиных в Козельском уезде, Гончаровых в Медынском уезде, Темерина в Переяславском уезде, Ярославской большой мануфактуре в г. Ярославле, Масловых в г. Алексине; четырех миткалевых и плисовых: Гусятникова в Зарайском уезде, Темерина в Нерехотском уезде, Носовых в г. Шуе, Пантелеева в Московском уезде; одной шелковой Фряновской фабрике Ефимовых в Богородском уезде; одной стеклянной Орловых в Мосальском уезде; одной игольной Полторацкого в Пронском уезде и фабрике Зеленцовых в Пермской губернии.

[4] Так, например, я не мог найти дела об увольнении рабочих такой крупной фабрики, как фабрика Осокина в г. Казани, хотя из других дел видно, что осокинские суконщики получили в 1849 г. свободу, которой они страстно добивались в течение многих десятков лет.

[5] Вешняков, — Русская промышленность и ее нужды, «Вестник Европы» 1870 г., октябрь. Эта статья является единственным известным мне печатным источником, где вскользь упоминается о законе 1840 г. По словам г. Вешнякова, этим законом воспользовались 103 фабрики.

[6] По этой причине не получили свободы до 19 февраля фабричные крестьяне Лугиных (суконная фабрика в Александровском уезде), Бистром (парусная фабрика в Медынском уезде), Гарденина (суконная фабрика в Тамбовском уезде), Вигеля (в Воронежском уезде), Кознова (в Егорьевском уезде), князя Салтыкова (в Спасском уезде) и др. Все названные фабриканты подавали прошения об увольнении их крестьян.

Если мы припомним, что посессионные рабочие увольнялись и до 1840 г., то не будет преувеличением сказать, что более половины всех посессионных фабрик по желанию самих владельцев перешли от принудительного к вольнонаемному труду потому, что экономическая эволюция, вызвавшая к жизни в XVIII веке институт посессионных фабричных, сделала его в XIX веке излишним. Мотивы, побуждавшие фабрикантов просить об освобождении их рабочих, лучше всего выражаются в прошениях, подававшихся ими по этому поводу министру финансов. Приведем некоторые из этих прошений.

«По совершенной невыгодности производить работы посредством посессионных фабричных, — пишут, например, министру финансов 31 июля 1846 г. купцы Ефимовы, владельцы Фряновской шелковой фабрики, — коих содержание сравнительно с вольнонаемными обходится слишком дорого и падает на цену изделий, желаем мы их уволить от фабрики» [1]. Купцы Хлебниковы, имевшие парусно-полотняную фабрику в Перемышльском у., заявляют в своем прошении от 12 октября 1844 г., что «как духом времени изменилось фабричное производство, введен на оных механизм, заменяющий ручные работы..., то и производство на фабриках работ посессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянно важные убытки, да и самые при них посессионные люди сделались уже излишними и обременительными для владельца. А потому, — добавляют Хлебниковы, — мы, предлагая парусно-полотняную нашу фабрику устроить более на коммерческих правах и выделывать изделия машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанных к фабрике крестьян предоставить в казну» [2].

Фабрикант Куманин (две фабрики — полотняная и писчебумажная во Владимирской губ.) заявляет в прошении 29 ноября 1843 г.: «По причинам изменившегося хода мануфактурной промышленности, нахожу важные неудобства и постоянные убытки продолжать производство работ на фабриках посессионными людьми» и просит их уволить в свободное состояние [3].

Купцы Поповы (писчебумажные фабрики в Ярославской губ.) также

---

[1] Дело об увольнении в свободное состояние людей Фряновской фабрики купцов Ефимовых, 1 июля 1845 г. Прошение Ефимовых министру финансов (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело об увольнении посессионных людей купцов Хлебниковых, 12 октября 1844 г. Почти так же мотивирует свое решение уволить посессионных рабочих и Торубаев (владелец писчебумажной фабрики в Трубчевск. у.). «Писчебумажные ручные фабрики, по умножающемуся числу машинных, приходят в упадок; устройство же машин на фабриках, где есть приписные фабричные люди, сопряжено с невыгодами, ибо фабричные тогда не будут иметь достаточно занятий... Обстоятельство это вынуждает меня всех фабричных людей представить в распоряжение правительства». Дело об увольнении в свободное состояние посессионных людей Торубаева и Понырко, 5 января 1844 г. (Арх. д-та торг. и ман.). На введение машин как на побудительный мотив к освобождению рабочих указывает и Полторацкий, владелец игольной фабрики в Пронском уезде. Дело по просьбе отставного поручика Полторацкого об увольнении в свободное состояние фабричных людей при его фабрике, 13 июня 1849 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] Дело по просьбе дворянина Куманина об обращении посессионных его людей в свободное состояние, 2 декабря 1843 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

находят, что «при настоящем положении фабричных и торговых дел встречаются разные неудобства в содержании посессионных крестьян и в производстве посредством их фабричных работ» [1]. То же самое заявляет дворянин Темерин (миткалевая и полотняная фабрики во Владимирской и Костромской губ. [2]), Пантелеев [3] (плисовая фабрика Московского у.) и др.

Итак, введение новых машин, изменение общего хода промышленных и торговых дел, невыгодность работать посессионными людьми, — вот на что указывают фабриканты в просьбах об освобождении рабочих. Нередко при этом приводится и другой мотив — неповиновение посессионных фабричных и их постоянные жалобы на владельцев. Так, купеческая дочь Гусятникова (миткалевая фабрика в Зарайском у.) просит министра финансов 29 января 1847 г. освободить рабочих, ибо это «единственное средство привести в тихое положение фабричных людей и избавить владельца от тяжкой обязанности утруждать местное начальство жалобами о приведении их в повиновение» [4]. По заявлению купца Губина (миткалевая фабрика Малоярославецкого у.) «вследствие поступков самовольно отлучившегося крестьянина Кулакова, клонящихся к возмущению всех фабричных, он не надеется водворить между крестьянами совершенное спокойствие и даже страшится быть в имении, а потому, будучи не в силах управлять фабрикой, вошел к министру финансов с прошением о принятии крестьян его в казенное ведомство» [5]. На жалобы рабочих и их неповиновение указывают в своем прошении министру финансов и купчиха Маслова (парусинополотняная фабрика в г. Алексине [6]), Кознов (суконная фабрика в Егорьевском у. [7]) и др. Невыгодность посессионного владения лучше всего иллюстрируется тем,

[1] Дело по просьбе почетных граждан Поповых о принятии в казну состоящих при их писчебумажных фабриках посессионных людей, 4 марта 1847 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] «С изменением в настоящее время хода фабричной промышленности, стесняюсь в дальнейшем содержании фабрики на праве посессионном, обременительном для владельца». Дело по просьбе дворянина Темерина об увольнении в свободное состояние посессионных его людей, 23 февраля 1849 г. Прошение владельца на имя министра финансов (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] «По изменившемуся ходу мануфактурной промышленности, находя постоянные убытки продолжать действие находящимся при фабрике посессионными людьми, желаю продолжать действие фабрики посредством машин и содержать ее на коммерческом праве». Дело об увольнении в свободное состояние посессионных людей Пантелеева, 7 февраля 1850 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[4] Дело по просьбе купеческой дочери Гусятниковой об обращении в свободное состояние посессионных ее людей, 29 января 1847 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[5] Дело по отношению калужского гражд. губернатора о притеснениях фабричных крестьян Губина управляющим его фабрики, 20 февраля 1843 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[6] Дело по отношению министра внутренних дел об увольнении в свободное состояние посессионных людей купчихи Масловой, 20 марта 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[7] Кознов заявляет в прошении министру финансов в 1858 г.: «Не благоугодно ли будет вашему высокопревосходительству, для прекращения дальнейшего со стороны фабричных неповиновения, взять моих фабричных в казну». Дело о неповиновении фабричных посессионной суконной фабрики Кознова, 20 февраля 1858 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

что в 40-х годах фабрика с прикрепленными рабочими имела значительно меньшую ценность, чем фабрика без всяких обязательных рабочих. Так, освобождение посессионных фабричных Купавинской фабрики Бабкиных состоялось по той причине, что по смерти владельцев наследники хотели продать фабрику, но это оказалось невозможным, «по неохотности капиталистов брать на себя тягость посессионных обязанностей», и наследники освободили всех рабочих, хотя им и не следовало никакого вознаграждения от казны (купавинские фабричные были приписные) [1].

Итак, посессионные фабрики переходили от принудительного к свободному труду исключительно вследствие выгодности такого перехода для фабрикантов. Что же делалось с освобождаемыми фабричными? Законом 1840 г. им было предоставлено на выбор: поступать в городские сословия или государственные крестьяне. Мы имеем по 39 фабрикам данные о дальнейшей участи рабочих после освобождения; при этих фабриках состояло 14 441 посессионных людей мужского пола. Из числа последних только 6 329 чел. пожелали поступить в государственные крестьяне, прочие же поступили в городские сословия (мещане и очень немногие в купцы). Из фабричных, поступивших в государственные крестьяне, 1 447 душ мужского пола были переселены в Западную Сибирь или губернии Европейской России, а 4 882 — были наделены землей (от 3 до 4 дес. на душу), выкупленной от их прежних владельцев.

Несмотря на то, что от посессионных фабричных, изъявлявших желание поступить в государственные крестьяне, требовалось согласие на переселение, фабричные в некоторых случаях упорно противились переселению. Так, например, посессионные фабричные купчихи Масловой изъявили желание поступить в государственные крестьяне и получили свободу 2 июля 1848 г. Но когда их захотели переселить в Томскую губернию, они решительно отказались от этого и более 7 лет оставались в имении Масловой, подавая просьбы об оставлении их на месте министру финансов, губернатору и, наконец, государю. Дело кончилось тем, что их переселили при помощи военной силы по этапу [2]. Поступающие в мещане, по закону, должны были продать свои дома и выселиться с земли владельца. Но в тех случаях, когда земля была отведена фабрике казной без платежа денег, фабричные, перешедшие в мещане, сохраняли за собой свои усадебные участки, а иногда и другие земли. Так, например, купавинские фабричные (944 д. м. п.) получили в свою пользу не только дома и усадебные земли, но и огороды и сенокосы. Фабричные Беренсовых (556 д. м. п.) также получили без всякого платежа всю землю, которой они раньше владели.

Фабричные Яковлевых (1 432 д. м. п.) [3] и Осокина получили без

---

[1] Дело об увольнении в свободное состояние крестьян, состоящих при Купавинской фабрике Бабкиных, 14 января 1847 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело по отношению министра внутренних дел об увольнении в свободное состояние посессионных людей купчихи Масловой, 20 марта 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] Освобождение рабочих Большой ярославской мануфактуры в 1843 г. не улучшило их положения. По донесению чиновника министерства финансов Серова от 1 мая 1843 г., свобода произвела потрясающее действие на

всякого платежа в свою собственность дома, приусадебные участки и огороды. Если земля была приобретена владельцем за плату, то фабричные, увольняемые в мещане, иногда оставались в своих домах и получали подусадебную землю путем выкупа у владельца. Таким образом были наделены землей фабричные Церевитиных (274 д. м. п.) и, повидимому, Угличанинова (335 д. м. п.). В других случаях фабричные, получившие свободу, переселились на близлежащие пригородные земли, причем им отводилась даром земля для построек, выдавалось денежное пособие и ссуда. Таким образом были переселены фабричные Рыбниковых (78 д. м. п.) в Купавинскую слободу (у г. Богородска), Гончарова (682 д. м. п.) в г. Медынь, кн. Гагарина (133 д. м. п.) в г. Богородск [1].

Переселение это совершалось иногда с большими затруднениями. Так, посессионные люди кн. Гагарина, на запрос начальства, в 1842 г. заявили, что они не желают ни поступать в государственные крестьяне, так как отвыкли от хлебопашества и издавна занимаются фабричными работами, ни записываться в мещане, чтобы не переселяться с своего местожительства. Все увещания местного начальства не привели ни к чему. Рабочие твердо стояли на том, что ни в мещане, ни в государственные крестьяне они не желают поступать. Ввиду этого фабричные рабочие, по положению комитета министров, в 1844 г. были причислены, без их согласия, в мещане г. Богородска, причем был назначен восьмимесячный срок для выселения их из имения кн. Гагарина. Но рабочие продолжали упорствовать [2].

рабочих. «Они совершенно обезумели при слове «свобода» и, не имея куска хлеба, сделали заговор, чтобы не работать на мануфактуре и тем заставить управляющего платить им, что они потребуют; самые благонамеренные люди боятся работать, чтобы не заслужить упреков безумной толпы; многие начали уже искать работы по уездам, да почти все нищенствуют по городу и окрестным деревням». Но «заговор» рабочих не привел ни к чему, так как фабрика сократила производство и в 1845 г. рабочие в своей жалобе заявляли ярославскому губернатору, что «со времени увольнения их от мануфактуры Яковлевых, по уменьшению производства на оной против прежнего, почти все они лишились, кроме самого малого числа, с малолетства, привычных, прежних работ... и доведены до крайности по неимению работ на мануфактуре и неотысканию таковых на стороне около Ярославля». Так-то воля обманула ожидания яковлевских рабочих, и им пришлось жалеть о прежней неволе! См. Дело о бывших посессионных людях Ярославской мануфактуры Яковлевых, 4 июля 1842 г., в четырех частях (Арх. д-та торг. и ман.).

[1] Фряновские фабричные (728 д. м. п.) неоднократно просили министра финансов о выдаче им ссуды для выкупа участка земли, на котором были построены их дома в селе Фрянове, но министерство финансов предполагало переселить их в г. Богородск, выдавши им пособие и ссуду для постройки домов; состоялось ли их переселение — из дела не видно. См. Дело об увольнении в свободное состояние людей Фряновской фабрики (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] В прошении на имя министра финансов 3 марта 1844 г. они пишут: «Ныне по неизвестным нам обстоятельствам приехавшие в село наше какие-то чиновники, какого ведомства — не знаем, объявили нам, что будто мы поступили в мещане г. Богородска и посему должны оставить свое местожительство, и понуждали к оному подпиской», но рабочие подписки не дали. Дело по просьбе гофмейстера князя Гагарина, 10 декабря 1839 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

Тогда в село была поставлена экзекуция, команда казаков, в домах упорствующих фабричных были сломаны трубы, выставлены рамы и сняты двери, а сами фабричные «подвергнуты полицейскому наказанию». «После сего», по донесению московского губернатора 19 июля 1845 г., «и самые упорные из крестьян убедились, что дальнейшее сопротивление распоряжениям правительства невозможно», и согласились переселиться. Но, как видно из дальнейших отношений московского губернатора министру финансов, крестьяне имели основание держаться своего насиженного места. Несмотря на денежные пособия и отвод земельных участков для постройки домов в г. Богородске, только 10 семейств выстроили себе дома, «а остальные разошлись по соседним фабрикам, не устроивши себя к оседлой жизни, по бедному своему положению».

В указанных случаях посессионные фабричные, перешедшие в мещане, получали подусадебные земли или на месте своего прежнего жительства, или в других местах; но в других случаях фабричные, поступая в городские сословия, продавали с публичного торга свои дома и не получали подусадебной земли. Нечего и говорить, что при таких условиях свобода для многих фабричных была равносильна разорению, и от прекращения посессионных отношений гораздо больше выигрывали фабриканты, чем рабочие [1].

[1] Тем не менее нам известен только один случай, когда фабричные не соглашались на освобождение из опасения лишиться земли и домов. Это относится к фряновским рабочим, которые в начале столетия неоднократно домогались и просили свободы. Когда в 1846 г. владелец купец Ефимов собрал мастеровых и объявил им, что он намерен их освободить, а землю оставить за собой, то рабочие отказались дать подписку в своем согласии на увольнение, «боясь быть доведенными до совершенного разорения». См. Дело об увольнении людей Фряновской фабрики, ч. I (Арх. д-та торг. и ман.).

*ГЛАВА IV**

ВОЛНЕНИЯ ПОСЕССИОННЫХ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Волнения рабочих на разных фабриках. — Большая Ярославская мануфактура. — Частичные успехи рабочих. — Фабрика Осокина. — Упорство рабочих. — Жестокие наказания рабочих. — Волнения на Фряновской и Купавинской фабриках. — Красносельская фабрика. — Попытка устройства производительной ассоциации. — Другие примеры волнений. — Отношение к ним центральных и местных властей.

Волнения среди посессионных фабричных рабочих представляют собой одну из любопытнейших страниц социальной истории России первой половины этого века. Волнения крепостных крестьян описывались неоднократно. Что касается волнений фабричных рабочих (имевших, как мы убедимся ниже, несравненно более упорный характер, чем крестьянские волнения), то о них имелись до сих пор только скудные отрывочные данные — главным образом в работах гг. Семевского и Нисселовича. В настоящей главе я сгруппировал все известные мне случаи волнений посессионных фабричных в XIX веке, сведения о которых имеются в делах архива бывшего департамента торговли и мануфактур.

Одним из самых частых поводов к волнениям посессионных рабочих были неудовольствия на фабрикантов по случаю низкой заработной платы. Из 27 фабрик, на которых мне известны случаи волнений, низкая заработная плата была главным или одним из главных поводов к волнениям на 16 фабриках[1]. Во многих случаях неудовольствие

---

* Содержание главы IV выделено из главы III 1-го издания. Сюда вошли страницы 119—140 из 1-го издания со слов «Одним из самых частых поводов» и до слов «...восстанию против правительственной власти». Абзац первый этой новой главы написан вновь, в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

[1] На шести суконных фабриках: Я. Гарденина в Тамбовской губернии — в 1811 г. — рабочие жалуются на неплатеж платы; Осокина в Казани — в течение нескольких десятков лет, начиная с 1796 г., рабочие волнуются по случаю низкой заработной платы; на Большом суконном дворе в Москве кн. Долго-

посессионных рабочих вызывалось тем, что вольнонаемные рабочие, работавшие на тех же фабриках, получали большую плату (обыкновенно, вдвое больше, иногда на одну треть).

Почти во всех случаях жалобы на малую заработную плату сопровождаются жалобами и на разного рода штрафы и вычеты, к которым фабриканты прибегали по самым разнообразным поводам. Иногда фабриканты принуждали при этом рабочих брать предметы потребления из фабричных лавок (например, на Михневской суконной фабрике Соколова, на Фряновской шелковой фабрике Рогожиных).

На восьми фабриках рабочие жалуются на чрезмерную продолжительность или трудность работы. На суконной фабрике Я. Гарденина одним из поводов к волнению было принуждение к работе престарелых фабричных; рабочие суконных фабрик Осокина, Кознова и Титова жаловались на работу в праздничные дни и слишком большие уроки; на суконной фабрике Вигеля главным предметом жалоб рабочих была слишком продолжительная работа малолетних, которые поступали на фабрику с 10 лет, получали крайне ничтожную плату и работали, по показанию самого приказчика фабрики, «по понедельникам с 1 часа пополуночи, а в прочие дни в 2 и 3 часа, а кончали в 9 часов пополудни». На завтрак, обед и «полудник» им полагалось зимой 3 часа, летом 4 часа. Таким образом, десятилетние дети на этой фабрике работали зимой 15 — 17 часов! летом 14 — 16 часов! Трудно привести примеры такой продолжительной детской работы даже из английской фабричной жизни.

Точно так же на чрезмерные уроки жаловались рабочие полотняной фабрики Угличанинова; рабочие фабрики Яковлева (Большая ярославская мануфактура) указывали в своих жалобах на крайнюю продолжительность рабочего дня (до 16 часов в сутки); праздничная работа была предметом жалоб рабочих на Фряновской шелковой фабрике.

На четырех фабриках (Вигеля, Красильникова, Купавинской и Фряновской) одним из поводов к волнениям была невыдача содержания престарелым рабочим.

рукова — в 1797 г. и следующих годах рабочие жалуются на низкую плату; Титова в Воронежской губернии в 1821 г. — то же; Михневской суконной фабрике Соколова вблизи Москвы в 1835 г. — то же; Вигеля в Воронеже в 1857 г. — то же. На пяти парусных и полотняных фабриках: Большой ярославской мануфактуре Яковлевых в г. Ярославле (полотняная и писчебумажная фабрика) волнения и жалобы на низкую заработную плату продолжаются, начиная с 1798 вплоть до 20-х годов нынешнего столетия; Угличанинова в г. Ярославле (Малая ярославская мануфактура) в 1817 г. — волнения по случаю низкой платы; Церевитиновых (бумажная и полотняная фабрика) в Калужской губ. — то же в 1821 г. и след.; Носова в Шуйском уезде — то же в 1823 г.; Бровкиных в Тульской губ. — то же в 1837 г. На трех шелковых фабриках: Фряновской — Лазарева, затем Рогожиных в Московской губ. — с 1771 г. и до 40-х годов этого столетия рабочие жалуются и волнуются вследствие низкой заработной платы; Купавинской кн. Юсупова, затем Бабкиных — волнения по той же причине продолжаются с 1834 по 1843 г.; Красильникова в г. Ярославле — то же в 1815 г. На писчебумажных фабриках: Красносельской, помещицы Полторацкой в С.-Петербургской губ. — жалобы на вычеты из заработной платы в 1816 и следующих годах; Гончарова в Медынском уезде, Калужской губ. — волнения по случаю низкой платы в 1814 г.

Жестокое обращение фабрикантов, побои, истязания вызывали жалобы рабочих на шести фабриках (Осокина, Кознова, Фряновской Лазарева, Угличанинова, Носова и парусинной фабрике Докучевой в гор. Рязани).

На трех фабриках рабочие жалуются на неправильную отдачу фабричных в рекруты вместо крепостных владельца (фабрики Осокина, Лазарева, Гончарова). Рабочие Гончарова жаловались также и на то, что их владелец продал несколько семей фабричных, обучив их музыке, соседним помещикам.

На фабриках Я. Гарденина и Бровкиных неудовольствия рабочих вызывались тем, что владелец отнял у них пахотную землю при фабрике и обрабатывал ее в свою пользу; на Купавинской фабрике Бабкиных, где рабочие не занимались хлебопашеством, одним из поводов к жалобам фабричных было лишение их выпаса.

Частым поводом к жалобам было принуждение фабричных заниматься не фабричной, а какой-либо иной работой (в поле, во дворе хозяина и пр.). На это жалуются рабочие восьми фабрик — Осокина, суконной фабрики Кривошеиной в Воронежской губ. (1806 г.), Титова (миткалевая фабрика в Калужской губ.), Губина (1843 г.), полотняной — Толмачевой в Тамбовской губ. (1808 г.), полотняной — Масловых в Тульской губ., Докучаевой, суконной — Онуфрия Гарденина в Тамбовской губ. (1816 г.).

Из более редких поводов к волнениям и жалобам можно указать на принуждение рабочих жить в фабричных казармах, а не на вольных квартирах (суконная фабрика Долгорукова в Москве), запрещение выдавать в замужество вдов и дочерей фабричных за посторонних (фабрика Осокина), неудовлетворительное помещение (фабрика Красильникова), невыдачу паспортов для отлучек за пределы губернии (фабрика Церевитиновых), растление фабричных девушек (фабрика Носова), самовольное изменение производства (фабрика Бровкиных — парусное производство было заменено миткалевым).

Почти всегда столкновения посессионных фабричных с хозяевами осложнялись и тем, что рабочие признавали себя свободными людьми и не соглашались подчиняться хозяину. Главным образом, на этой почве велась упорная борьба в течение нескольких десятков лет между рабочими казанской суконной фабрики Осокина и их владельцем.

Таким образом, поводы к волнениям были весьма разнообразны. Какой же характер имели эти волнения? Остановимся на некоторых из них, более важных по своим результатам или по числу рабочих, принимавших в них участие.

Фабрика Яковлевых в г. Ярославле — Большая ярославская мануфактура — была основана еще при Петре I Затрапезным и в начале XIX века была самой крупной полотняной фабрикой России. На ней выделывалось тонкое полотно, поступавшее даже к императорскому двору; кроме полотна, на фабрике выделывалась также и писчая бумага. В 1801 г. ценность всех товаров, изготовляемых на фабриках, превысила 1 миллион рублей [1]. При фабрике состояло 1 319 мужчин и 1 599 женщин.

[1] Дело о Ярославской большой мануфактуре Яковлевых 21 февраля 1811 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

Фабричными работами в 1817 г. было занято посессионных 1 048 мужчин и 1 323 женщины (кроме вольнонаемных). Главным поводом к жалобам рабочих была низкая заработная плата. В 1803 г. рабочие подали несколько жалоб в этом смысле в Ярославское губернское правление.

Губернское правление ответило поверенным рабочих, чтобы они «с должным повиновением пребывали спокойными, ожидая от содержателей немедленного рассмотрения показуемого ими», и потребовало, чтобы поверенные рабочих, Алексеев и Езопов, дали подписку в этом. Поверенные отказались дать подписку и были наказаны плетьми. В следующем году рабочие посылали двух своих поверенных, Москвина и Маркелова, в С.-Петербург для подачи самому Александру I просьбы о прибавке заработной платы. И эти поверенные арестовываются и наказываются плетьми, причем «для внушения повиновения прочим рабочим людям» им производится наказание на фабрике публично, в присутствии отряда солдат.

Несмотря на это, рабочие отправляют новых поверенных для подачи жалобы государю. Дело доходит до сената, который ставит резолюцию: объявить мастеровым-просителям, «чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребывали в положении своем спокойными и в должном у содержателей мануфактуры повиновении, в противном же случае подвергнут себя неослабному по законам наказанию».

Это не мешает рабочим в 1806 г. опять подать просьбу Александру I с жалобой на жестокие наказания их поверенных и низкую заработную плату. Но и эта просьба имела успех не более предыдущих. Поверенные рабочие были наказаны розгами и отправлены обратно в Ярославль.

После этого в течение 11 лет рабочие остаются спокойными; в 1817 г. они возобновляют прежние жалобы. В этом году их поверенный подал просьбы министру внутренних дел Козодавлеву и министру юстиции Трощинскому о понуждении содержателя фабрики повысить заработную плату. Для рассмотрения дела назначается комиссия из частного пристава г. Ярославля, городского головы и одного местного фабриканта. Комиссия находит, что недовольство фабричных происходит «не столько от нужды, сколько от подстрекательства к неповиновению и своевольству просителей фабричных». По показанию комиссии, рабочие устраивают «в работное время сходбища и возмущения», тем не менее, комиссия признала, что следует повысить плату поденным рабочим, но вместе с тем удалить с фабрики вредных людей, возмущающих остальных.

Ярославский губернатор потребовал от рабочих подписку в повиновении владельцу. Рабочие отказались ее дать, несмотря на все меры понуждения губернатора.

В следующем году рабочие подают просьбу министру юстиции кн. Лобанову-Ростовскому о том, чтобы их признали свободными, так как владелец продолжал их притеснять.

Министр внутренних дел Козодавлев командирует для расследования положения рабочих на фабрике Яковлева чиновника министерства Бурнашева. Бурнашев признает, что претензии мастеровых Ярославской

большой мануфактуры и жалобы их на недостаточность заработной платы совершенно ложны и неосновательны. Главная причина волнения — «пьянство и распутство мастеровых, усилившееся среди мастеровых в высокой степени... Праздность, в которой люди сии пребывают [1], ведет их к своевольным мыслям, — от сего бывают у них беспрестанные сходки, совещания, на которых сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хождения по делам».

Для успокоения рабочих министерство решило выработать и ввести на фабриках особое «Положение», о котором мы говорили в предыдущей главе; в этом Положении была точно установлена плата, которую следует получать рабочим, число рабочих часов и пр. Поштучная плата оставлена прежней, но поденная плата была немного повышена. Для престарелых и увечных назначена небольшая денежная пенсия. Рабочий день установлен в 14 часов.

Но введение на фабрике Положения не успокоило рабочих. Они продолжают подавать жалобы министру внутренних дел, особенно на то, что владелец не выдает содержания престарелым и малолетним.

Наконец, в 1823 г. двое поверенных мастеровых, Русинов и Журавлев, подают лично просьбу Александру I во время его путешествия по России на «притеснения фабриканта и недостаточность рабочей платы». Граф Аракчеев препровождает эту просьбу министру финансов Канкрину с приказанием государя, чтобы для рассмотрения дела были вытребованы в С.-Петербург депутаты рабочих.

Канкрин входит со всеподданнейшим докладом, в котором указывает, что им получены дополнительные сведения от ярославского губернатора, решительно заявляющего, что «мастеровые гг. Яковлевых состоят на положении весьма выгодном и что жалобы их на скудную плату совершенно несправедливы и показывают склонность их к буйству и неповиновению. По случаю сего, — прибавляет Канкрин, — долгом считаю испросить вашего императорского величества разрешения, должно ли и теперь требовать депутатов от мастеровых Ярославской мануфактуры, или не повелите ли ваше величество без них привести к окончанию рассмотрение Положения».

Государь не соглашается с этим, — депутаты должны быть вызваны, чтобы узнать требования мастеровых.

Канкрин должен был уступить. Депутаты рабочих были вытребованы. В то же время ярославский губернатор послал доклад Канкрину, в котором сообщает о «вредном» действии на рабочих известия о вызове депутатов; это побудило губернатора немедленно принять строжайшие полицейские меры (какие именно — об этом губернатор умалчивает) для «восстановления порядка». Рабочие выбрали своими депутатами тех самых рабочих, которые подавали просьбу государю, — Русинова и Журавлева.

В следующем году депутаты рабочих прибыли в С.-Петербург и были опрошены в особом заседании под председательством директора департамента мануфактур и внутренней торговли. Председатель сделал все возможное, чтобы побудить рабочих отказаться от их показаний,

[1] Работа на мануфактуре продолжалась до 16 часов в сутки.

но они стояли крепко на своем и доказывали, что заработная плата слишком низка и должна быть повышена.

Ответы их были сообщены государю, и Канкрин уведомил владельца фабрики, что необходимо возвысить плату на 10%. Владелец согласился на повышение в 7%. Было составлено новое Положение, по которому рабочий день был сокращен с 14 до 13 часов (летом) и в 12 час. зимой, но вместе с тем фабричной конторе было предоставлено право «самых неисправных и буйных, а также главных зачинщиков внутренних беспорядков и учредителей скопищ представлять во всякое время в рекруты».

Таким образом, упорная борьба рабочих, в конце концов, привела к некоторому результату — рабочая плата была повышена, а рабочий день сокращен [1].

На другой крупной посессионной фабрике — Осокина в г. Казани — столкновения рабочих с хозяином были хроническим явлением еще в прошлом веке [2]. При этой фабрике по пятой ревизии значилось 1 414 душ мужского пола, из которых работало на фабрике 984 (женщины не работали).

В 1796 г. рабочие подавали ревизовавшему Казанскую губернию сенатору Маврину жалобу на низкую заработную плату, и Маврин признал справедливость заявлений рабочих, вследствие чего плата была увеличена. В 1798 г. рабочие подавали жалобу императору Павлу на жестокости владельца и малую плату. Жалоба была признана неосновательной. В 1800 г. рабочие подали жалобу о том же министру юстиции. Жалоба поступила на рассмотрение Мануфактурколлегии, которая предписала сообщить мастеровым, что за дальнейшие столь же неосновательные жалобы с ними будет поступлено по всей строгости законов, и виновные будут сосланы в Сибирь на работы. Вместе с тем, от рабочих была потребована подписка в том, что они будут повиноваться хозяину. Почти все рабочие отказались дать такую подписку.

Столкновения рабочих с фабричной администрацией не прекращались. В 1806 г., по просьбе владельца, его власть над рабочими была значительно расширена, — указом сената разрешено как владельцу фабрики, так и управляющему, назначенному владельцем, наказывать фабричных за уклонение от работы и другие вины. Осокин старался заставить работать на фабрике и женщин, но рабочие упорно противились этому и с полным успехом — женщины не принимали никакого участия в фабричной работе.

В 1817 г. рабочие подали просьбу великому князю Михаилу Павловичу. Повторяя свои прежние жалобы на владельца, они в то же

---

[1] Все эти данные взяты из трех дел: Дело по отношению ярославского гражданского губернатора с изложением от рабочих людей жалобы на содержателей их, Яковлевых, 18 января 1804 г.; Дело по указу правительствующего сената, чтобы мастеровые Ярославской большой мануфактуры производимой за работу платой были довольны, 3 марта 1806 г.; Дело по жалобе мастеровых людей Большой ярославской мануфактуры на владельцев оной, Яковлевых, в произвождении им малой заработной платы, 16 марта 1817 г., четыре части (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] О жалобах рабочих Осокина в XVIII столетии, как и вообще о волнениях прошлого века, см. г. *Семевский*, Крестьяне при Екатерине II.

время просили даровать им свободу, ссылаясь на то, что они происходят от свободных людей и не были куплены содержателем фабрики. Просьба была признана неосновательной, наряжено следствие, и от рабочих вновь потребовали подписку в повиновении фабриканту. Но рабочие подписки не дали и тайно отправили поверенных, Соколова и Ефремова, в Петербург для подачи жалобы самому государю. Оба поверенные были арестованы и отправлены обратно в Казань в кандалах. По дороге Ефремов, «претерпевши в пути неограниченное мучение, не могши снести сего, умер», а Соколов был заключен в тюремный замок.

Министр внутренних дел командировал в Казань для расследования дела того же Бурнашева, который составил Положение для фабрики Яковлева. Бурнашев донес, что нельзя рассчитывать на успокоение рабочих, «доколе фабричные не будут обращены к повиновению своему владельцу, доколе они не оставят ложного мнения, в уме их поселившегося, о свободе, и доколе не истреблен будет в них дух своевольства».

Вместе с тем Бурнашев составил Положение и для фабрики Осокина. Этим Положением заработная плата была повышена, но были повышены и уроки. Рабочий день был уменьшен с 14 до 12 часов. Рабочие остались, однако, недовольны и в 1818 г. вновь подали жалобу министру внутренних дел на «бесчеловечное над ними Осокина обращение, употребления нас в другую работу, малое за работу довольствие». Приведем несколько мест этой красноречивой жалобы: «Осокин усугубил над нами свои жестокости и через побойства многим причинил насильственную смерть... Горестные восклицания о бесчеловечном мучении все отринуты от разных лиц под разными видами — то неужели после сего никто не хочет обратить внимание на неистовства и жестокости и неужели никого нет, кто бы в точности исполнить мог права, законом установленные!.. Мы терпим неограниченную во всем нужду и жестокое обращение с лишком 23 года, с коего времени жалобы наши простираются в разные места, и в столь долгое время по установленным правилам не можем получить той цели, каковая предположена в указах 1801 г. августа 18, а за оным 1803 г. июня 30 и 1817 г. апреля 4... В зимнее время мы производим работу в промерзших местах, и в жестокие морозы, по неимению у многих теплого одеяния, не только нельзя производить работу, но и рук обогреть негде». Положение, составленное Бурнашевым, рабочие называли «бессмысленным, превратным и ни с чем не сообразным», так как «при самом бдительном прилежании... нет способностей и средств урок выполнить». «Прибытие Бурнашева, — заканчивают рабочие, — состояло в том единственно, чтобы нас обессилить, а Осокину дать способ к произведению над нами бесчеловечного мучения».

Ввиду всего этого рабочие просили министра даровать им свободу, а до освобождения учредить над фабрикой Осокина опеку.

В 1819 г. Казанскую губернию ревизовали сенаторы Кушников и гр. Санти. Сенаторы пытались уверить рабочих в неосновательности их мнения, что они люди свободные, но рабочие говорили, что «государь людей не продает». Когда же сенаторы начали доказывать, что «воля государя была отдать предков их даром или за деньги... то ра-

бочие отзывались тем, что уже с того времени деньги, заплаченные за них, давно заработаны» [1].

Более 100 фабричных с женами и детьми явились в дом, где остановились сенаторы, с жалобами на Осокина.

Вместе с тем рабочие отказывались работать на фабрике, и значительная часть их (около 200) совсем не являлась на фабрику.

В 1820 г. рабочие явились большой толпой к губернатору с жалобами на Осокина. Подписку, требуемую губернатором, в том, что они будут повиноваться содержателю фабрики, рабочие наотрез отказались дать, «ибо они Осокину никогда не принадлежали и не принадлежат».

Все это побудило начальство прибегнуть к «мерам строгости». На фабрику была поставлена воинская команда. 4 октября 1820 г. сенат утвердил Положение, составленное Бурнашевым, и предписал губернатору немедленно обнаружить возмутителей рабочих, внушающих им «ложные мечтания о свободе», и отправить их навсегда на Иркутскую суконную фабрику. Губернатор лично прибыл на фабрику и прочел им сенатский указ, но рабочие «с грубостью объявили, что хотя они все то, о чем им было внушаемо, а равно и относящиеся к сему документы и поняли совершенно, но все оное почитают за обман, повторяя прежние свои отзывы о непринадлежности Осокину, и добавляя, что одному только именному указу, самим государем императором подписанному, могут они дать вероятие».

Губернатор приказал десять человек фабричных взять под стражу и восемь из них немедленно отправил на Иркутскую фабрику. Вслед затем были сосланы еще трое фабричных, а прочие подвергнуты «полицейским наказаниям».

Несмотря на это, рабочие не только отказались дать подписку в повиновении, но даже заключили между собой тайным образом письменное соглашение, которым обязывались ни в коем случае не уступать требованиям начальства. Это вызвало особое судебное расследование, и 14 декабря 1823 г. 10 рабочих были приговорены казанской палатой уголовного суда к наказанию плетьми, а 11-го рабочего, некого Михайлу Мясникова, суд приговорил к двухнедельному аресту, ввиду того, что означенный рабочий не принимал участия в соглашении, а только передал своему отцу бумагу, на которой было написано это соглашение. Приговор казанского суда поступил на рассмотрение сената, а затем комитета министров, которому было сообщено высочайшее повеление от 25 ноября 1824 г., изменившее приговор в следующем смысле: приговор относительно 10 первых рабочих был утвержден, но что касается Михайлы Мясникова, то он должен был присутствовать при наказании плетьми его товарищей, причем ему должно было быть объявлено, что если он выдаст лицо, составившее соглашение, то будет избавлен от наказания, если же нет, то будет наказан тяжелее других. Приговор был приведен в исполнение; Михайло Мясников присутствовал при наказании плетьми его товарищей, причем его отец был засечен до смерти, но товарищей своих он не выдал...

[1] По словам сенаторов, главное домогательство рабочих заключалось в том, чтобы их плата была сравнена с платой вольнонаемных, и притом плата производилась бы не с изделия, а поденная.

18 июля 1829 г. поверенный рабочих Бабин подал императору Николаю I жалобу на Осокина. В феврале 1832 г. трое поверенных рабочих — Попов, Чудин и Сметанов — от имени всех остальных прислали новую жалобу государю на угнетение и жестокости Осокина, а также и на неудовлетворение их просьб казанским губернатором. В Казань был командирован чиновник министерства финансов Афросимов, который нашел, что жалобы фабричных, «имеющие главным основанием мнимую свою вольность, суть без всякого основания и происходят не от чего иного, как от буйной их нравственности».

В 1834 г. рядовой из фабричных Осокина, Сапожников, во время высочайшего смотра войскам в Нижнем-Новгороде, лично подал жалобу императору Николаю на притеснение мастеровых Осокиным и неправильную отдачу его самого в рекруты. Для расследования дела была назначена особая комиссия из представителей министерства финансов, внутренних дел и корпуса жандармов. Комиссия прежде всего постаралась убедить рабочих, что они по закону прикреплены к фабрике Осокина. «Но такое истолкование и вразумление фабричных мастеровых не только не имело желаемого успеха... но по укоренившемуся в них духу своевольства они решительно объявили членам комиссии, что не перестанут отыскивать избавления от рабства г-на Осокина до тех пор, пока не получат удовлетворения». Подписку в повиновении владельцу дали 32 фабричных, а прочие отказались.

Рабочие показывали комиссии, что Осокин засек до смерти трех фабричных, одного в 1814 г., двух — в 1826 г., 55 рабочих, со времени седьмой ревизии, были сосланы в Сибирь на поселение, 14 — на Иркутскую суконную фабрику и 76 отданы в рекруты.

Наконец, в 1836 г., во время пребывания императора Николая I в Казани, рабочие всей толпой отправились к месту, где проезжал государь, и подали ему новую просьбу, повторявшую прежние жалобы на Осокина. Для усмирения рабочих были приняты крайне строгие меры: большинство из них были жестоко наказаны розгами, а 51 человек удалены с фабрики, из числа которых годные были отданы на военную службу, а прочие сосланы в Сибирь.

Вместе с тем министр финансов разрешил Осокину употреблять на фабричные работы женщин и детей мастеровых.

Но, несмотря на строгость наказания, несмотря на то, что значительная часть рабочих была удалена с фабрики, прочие отказались дать подписку в повиновении фабриканту. Когда полицеймейстер прибыл на фабрику для объявления приказа министра финансов — обязать работать на фабрике женщин и детей, то, «при объявлении мастеровым, только 64 человека дали подписку, а прочие, при всех его убеждениях, отказались». Губернатор лично явился убеждать мастеровых, «но люди сии, закосневши в упорстве... оказали себя и против его убеждений непреклонными, не оказывая, впрочем, сопротивления в исполнении изъясненных распоряжений»[1].

[1] О волнении на фабрике Осокина см. Дело по жалобе мастеровых суконной фабрики Осокина в чинимых им притеснениях, 16 декабря 1803 г.; Дело по представлению казанского гражданского губернатора о расстроенном положении Осокиных фабрики, 9 февраля 1808 г. и Дело о Положении

В конце концов непоколебимое «упорство» казанских суконщиков не осталось без результата: в 1849 г. они получили свободу, за которую так отчаянно боролись.

Такой же хронический характер имели беспорядки рабочих и на Фряновской посессионной шелковой фабрике (в селе Фрянове, Богородского уезда).

При этой фабрике по пятой ревизии числилось 533 д. м. п.; в работе участвовали женщины и дети. Начиная с 1771 г., рабочие подавали жалобы в разные присутственные места на содержателя фабрики Лазарева, на недостаточность заработной платы, а также и на то, что их неправильно прикрепили к фабрике, так как они — люди казенные.

Попытка подать жалобу императрице Екатерине II повела к строгому наказанию рабочих, наиболее виновные из которых были биты плетьми и сосланы в Сибирь.

Несмотря на это, в 1800 г. рабочие опять подали просьбу императору Павлу во время пребывания его в Москве. В ожидании ответа, рабочие отказались работать на фабрике, «сами собою отлучились от фабрики и от домов своих и, скитаясь толпами в развращенном виде по разным местам, позволяли себе многие неустройства». За непокорство и буйный дух многих неоднократно подвергали наказанию плетьми, но рабочие обнаруживали такое упорство, что богородский земский суд официально высказал о них 2 сентября 1802 г. следующее мнение: «Фряновские мастеровые, закоснев в буйствах, к повиновению впредь владельцу признаются безнадежными».

Тем не менее, требования рабочих увеличения им платы не были, повидимому, неосновательны, так как в том же 1802 г. Мануфактур-коллегия, «усмотрев, что у Лазарева производится фабричным его мастеровым людям плата недостаточная в сравнении с такою же на фабриках Купавинской, Кирьякова, Секериной и Колосовой, положила предписать Лазареву, чтобы он сделал соразмерную его мастеровым прибавку».

Это обстоятельство, в связи с беспрерывными волнениями рабочих, побудило Лазарева в 1809 г. обратиться к министру внутренних дел с просьбой о приобретении фабрики в казну. «Вместо того, чтобы быть обеспеченному в правах моих, — писал он, — и в оборотах к выгоде моей и поддержанию в блистательном существовании столь отличной в государстве мануфактуры, вовлечен я в апелляционные тяжбы с крепостными людьми, к фабрике принадлежащими, которые, не прерывая буйств своих, простерли дерзость свою до того, что осмелились утруждать правительствующий сенат нелепою просьбою, чтобы поступлено было со мною по силе указа 1803 г.».

Комитет министров отказал Лазареву в его просьбе. В 1815 г. рабочие опять подали жалобу министру юстиции на притеснения владельца. В этой жалобе указывалось, что Лазарев не выполнил постановления Мануфактурколлегии об увеличении заработной платы; рабочие рассчитали, что Лазарев не доплатил им, сравнительно с платой на Купавинской фабрике, 538 тыс. руб., которые они и просили

Казанской суконной фабрики Осокина, четыре части, 22 марта 1818 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

взыскать в их пользу с Лазарева. Кроме того, они просили, чтобы за порядками на фабрике и за платежом им денег смотрели шесть человек, выбранных ими самими из своей среды, а фабрика была отобрана от Лазарева и передана в казну.

Министр внутренних дел командировал во Фряново для составления Положения все того же Бурнашева, который не замедлил усмотреть, что фабрика очень терпит «от господствующего между фабричными духа своеволия и безначалия». Пока составлялось Положение, рабочие вновь подали просьбу на высочайшее имя.

Это подействовало. По приказанию Александра I, просьба фряновских рабочих была рассмотрена комитетом министров. Указом 2 марта 1820 г. сенат признал просьбу рабочих о возмещении им недоплаченных Лазаревым денег справедливой, но так как фабричных книг за целый ряд лет совсем не имелось, то Лазарев был присужден к уплате рабочим не 538 тыс. руб., как они просили, а только 33 769 руб. Составленное Бурнашевым Положение было утверждено сенатом; § 15 Положения вполне удовлетворял просьбе фабричных о выборных[1].

Вслед за введением нового Положения 43 фабричных, наиболее замеченных в буйстве, были, по просьбе Лазарева, удалены с фабрики и переведены на Екатеринославскую казенную суконную фабрику.

Потерявши своих вожаков, фряновские рабочие некоторое время оставались спокойными. Но уже в 1823 г. вновь начинаются жалобы рабочих на владельца, отославшего всех выборных старост как возмутителей на казенную Екатеринославскую суконную фабрику. Вместе с тем, рабочие подали жалобу государю на министра финансов, жалуясь на то, что министр финансов не удовлетворяет их просьб и всегда стоит на стороне Лазарева. На эту жалобу не последовало ответа. Затем фабрика перешла к купцам Рогожиным. В 1837 г. рабочие подают жалобу московскому генерал-губернатору князю Голицыну, министру финансов и в земский суд на то, что Рогожины не позволяют им выбирать старост и дают слишком низкую плату (на фабрике работало до 800 человек вольнонаемных, получавших вдвое большую плату). Так как кн. Голицын относился вообще очень внимательно к жалобам рабочих, то на этот раз просьбы рабочих оказали быстрое действие. Кн. Голицын предписал Рогожиным не препятствовать мастеровым выбрать старост и в то же время назначил комиссию для составления нового Положения для фабрики. Комиссия признала необходимость повысить плату рабочих на 20—30% и более (смотря по роду труда), но так как в это время министерство финансов уже изменило свой взгляд на полезность

[1] Фабричные выбирают из своей среды шесть старост для подписывания и свидетельствования книг по задельной плате. «Должность старосты заключается в следующем: 1) он обязан наблюдать, чтобы контора при выдаче мастеровым задельных денег не производила несправедливых вычетов; 2) каждый день должен быть при фабрике дневальный староста, который и обязан 3) своеручно свидетельствовать на ярлыке, что вписанные в них количества материалов суть те самые, кои мастеровым, действительно, выданы, и что выдача мастеровому задельной платы произведена исправно, и несправедливых вычетов за хлеб, дрова и пр. не сделано; 4) в выборе старосты должно участвовать все общество» (§ 15 Положения Фряновской фабрики, утвержденного в 1820 г. сенатом).

таких Положений, то составленное комиссией Положение не было утверждено. Тем не менее, заработная плата рабочим, повидимому, была несколько повышена [1].

На другой крупной шелковой фабрике Богородского уезда, в селе Купавне, — которая до 1803 г. была казенной, в этом году передана кн. Юсупову, а затем перешла к купцам Бабкиным, — были крупные волнения рабочих в 30-х годах. При этой фабрике по седьмой ревизии числилось 680 д. м. п. В 1834 г. был, как известно, сильный неурожай, и цена хлеба чрезвычайно поднялась. В августе этого года рабочие подали жалобу министру финансов. Предметом жалобы была, главным образом, недостаточность заработной платы. Рабочие просили, чтобы их плата была сравнена с платою вольных рабочих.

Вскоре после подачи жалобы на фабрике произошли крупные беспорядки. Многие рабочие бросили работу, и толпа мастеровых явилась к фабричной конторе, требуя немедленной выдачи хлеба, который, обыкновенно, выдавался позже, и вместе с тем «с дерзостью спрашивая, почему Бабкины их имеют и чтобы показали им указ на право владения». Один рабочий был арестован и отправлен в г. Богородск, но товарищи по дороге его освободили.

Прибыла полиция и хотела арестовать трех рабочих, но безуспешно, «так как прочие фабричные, собравшись большой толпой, решительно и с азартом кричали, что людей сих не дадут», и в заключение самовольно сменили голову и выбрали нового.

Ввиду этого, по распоряжению кн. Голицына, в Купавну были отправлены две роты солдат и 30 казаков. Пять рабочих были наказаны плетьми, а с прочих была потребована губернатором, лично прибывшим в Купавну, подписка в повиновении Бабкиным.

Рабочие, хотя и не сопротивлялись солдатам, подписки не дали [2].

Министерство финансов и кн. Голицын отнеслись к этим волнениям очень различно. Департамент мануфактур и внутренней торговли увидел в волнениях рабочих только «склонность к безначалию, которая была искони отличительной чертой посессионных фабричных, но у купавинских мастеровых вышла уже из пределов терпимости со времени их поступления во владение купцов Бабкиных, коих они всемерно хотят принудить к повышению заработной платы». Между тем, следственная

---

[1] См. Дело по прошению содержателя Фряновской шелковой фабрики, Лазарева, о покупке у него оной в казну. 15 сентября 1809 г.; Дело о притеснениях содержателя шелковой фабрики, дворянина Лазарева, мастеровым чинам, 9 февраля 1815 г.; Дело по прошению коллежского советника Ив. Лазарева о дозволении распустить по паспортам мастеровых Фряновской шелковой фабрики, 27 января 1823 г.; Дело по просьбе фабричных мастеровых купцов Рогожиных Фряновской шелковой фабрики о притеснениях, делаемых им фабрикантом, 10 апреля 1837 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Вот как описывают сами рабочие в прошении министру финансов 28 ноября 1834 г. жестокое наказание своих товарищей. «Когда троих наказали, а потом хотели наказывать еще двоих, то заплечный мастер, видя, что все понятые и собравшийся народ единогласно кричали, что напрасно кровь проливают, и к тому же указ не читали, бросил плети и не стал наказывать и прямо сказал капитан-исправнику: «сам наказывай», а солдаты также преклонили ружья, а капитан-исправник приказал наказывать сотскому сторонней деревни».

комиссия, назначенная кн. Голицыным, выяснила, что плата посессионным рабочим на фабрике Бабкиных гораздо ниже, чем на соседних фабриках, почему и «сумма, вырабатываемая фабричными, действительно слишком недостаточна». Точно так же, по мнению комиссии, пенсия престарелым и малолетним сиротам «недостаточна для одного пропитания».

Ввиду этого кн. Голицын признал нужным уменьшить наказание мастеровым, виновным в неповиновении властям, и, вместе с тем, обратился с просьбой к министру финансов «постановить правила, в которых бы права и обязанности, как мастеровых, так и владельцев, определены были со всею точностью и с соблюдением взаимных выгод, ибо сим единственным средством может быть устранен всякий повод к угнетениям как владельцами мастеровых, так и сих последних к беспорядкам».

Для выработки Положения была назначена комиссия, в которую вошли чиновники министерства финансов и лица по назначению кн. Голицына. Рабочие продолжали волноваться, подали целый ряд жалоб Канкрину, кн. Голицыну и одно прошение на высочайшее имя. Главный повод к жалобам рабочих, выражаясь их словами, заключался «более в том единственно, что вольным людям Бабкины полагают платы вдвое, нежели своим фабричным». Члены в комиссии от кн. Голицына так энергично выступили в защиту рабочих, что Бабкины обратились к Канкрину с жалобой на московского генерал-губернатора, говоря, что его чиновники часто посещают фабрику, расспрашивая рабочих о разных вещах, и вызывают этим волнения среди фабричных. «Рабочие делают против нас ослушания, портят нарочно наши товары и машины, выходят совершенно из повиновения законной власти, уклоняются от работ... ходят толпами, сбирают деньги и, бегая от фабрики, нанимают поверенных, пишут беспрестанно на нас ложные просьбы, твердя одно, что скоро они все сделаются вольными».

Но, несмотря на такого сильного заступника, как московский генерал-губернатор (настаивавшего на утверждении Положения, выработанного его чиновниками, по которому плата посессионным рабочим Купавинской фабрики была сравнена с платой вольнонаемных), рабочие не достигли своей цели. Канкрин не признал возможным утвердить новое Положение для Купавинской фабрики, и все осталось по-старому. В начале 40-х годов рабочие лично подавали несколько просьб министру финансов, повторяя свои прежние жалобы, но без всякого для себя результата [1].

Я говорил о жалобах рабочих Большой ярославской мануфактуры на низкую плату. Рабочие Малой ярославской мануфактуры, принадлежавшей купцу Угличанинову, имели еще более поводов к жалобам, так как у них плата была еще ниже, чем на фабрике Яковлевых. В 1817 г. они подали ярославскому губернатору просьбу об увеличении платы, причем жаловались также и на жестокости владельца. Губер-

[1] См. Дело об отдаче кн. Юсупову в потомственное содержание Купавинской шелковой фабрики, 9 сентября 1803 г.; Дело по всеподданнейшей просьбе кн. Юсупова о взятии в казну Купавинской фабрики и передаче колл. сов. Лиону, а напоследок купцам Бабкиным, 11 ноября 1831 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

натор приказал Угличанинову увеличить плату, и, действительно, плата была увеличена, но ненадолго. При помощи вычетов и штрафов фабрикант вернул плату к прежнему уровню, и рабочие снова начали подавать жалобы. Весьма любопытно, что местная и центральная власть относилась к этим жалобам очень различно. Ярославское губернское правление в 1824 г. признало просьбы фабричных основательными и предписало, «чтобы фабричная задельная плата производилась не в меньшем отнюдь количестве против платимой на Яковлевской фабрике... и как всех вообще дровами и свечами, так и малолетних и престарелых, к работе уже не способных, хлебом и денежными пособиями довольствовать по примеру той фабрики». Между тем, департамент мануфактур и торговли нашел, что распоряжение ярославского губернского правления, настаивавшего, чтобы рабочие Угличанинова получали такую же плату, как и на фабрике Яковлева, «ни с чем не сообразно», и потому полагал «полезнейшим предписать гражданскому губернатору, не приводя в исполнение постановления губернского правления, употребить неослабное наблюдение, чтобы Угличанинов старался о благосостоянии мастеровых». С этим мнением согласился и Канкрин, и дальнейшие жалобы рабочих Угличанинова не имели никакого результата [1].

Довольно крупные беспорядки произошли в 1811 г. на суконной фабрике Якова Гарденина в селе Бондарях, Тамбовского уезда. Рабочие принесли жалобу тамбовскому губернатору, что содержатель фабрики совсем перестал им давать плату за работу и отобрал в свою пользу пашенную землю. Губернатор командировал на фабрику земского исправника и других чиновников, которые донесли ему, что рабочие совсем «отреклись от работы» и после увещания «с грубостью объявили, что работать на фабрике не будут». Исправник попробовал прибегнуть к мерам строгости — арестовать главных буянов, но фабричные ударили в набат и, «стекшись во множестве, окружили квартиру чиновников и дом Гарденина, угрожая первых убить и отбить ворота у последнего». Чиновники губернатора с большим трудом спаслись от раздраженной толпы и поспешно выехали из села. Губернатор отправил в село воинскую команду и назначил следственную комиссию, по мнению которой главнейшей причиной беспорядков было то, что рабочие Якова Гарденина, видя, что на соседней фабрике Онуфрия Гарденина фабричное производство прекратилось, «возомнили, что и они могут удалиться от работы».

Конец этого волнения, по донесению губернатора министру внутренних дел, был таков: «Четверо из главных зачинщиков наказаны

[1] См. Дело о притеснениях, чинимых фабрикантом Угличаниновым мастеровым людям, две части, 1817 г. (Арх. д-та торг. и ман.). Неодинаковое отношение центральной и местной власти к жалобам рабочих было явлением весьма частым; я говорил выше, что кн. Голицын обнаруживал большое внимание к этим жалобам. Точно так же о предшественнике его, гр. Тормасове, Бурнашев, командированный в 1818 г. министром внутренних дел для осмотра фабрики, пишет в своем донесении министру от 3 июня 1818 г.: «Гр. Тормасов, к сожалению, всегда благосклонно принимает вздорные просьбы фабричных и, обещая им всякое покровительство, неумышленно поощряет их к своевольству». Дело о притеснениях Лазарева мастеровым чинам, 9 февраля 1815 г.

кнутом, трое плетьми. Все прочие затем раскаялись в своем заблуждении, вступили в фабричные работы и дали подписку впредь повиноваться неуклонно, почему и оставлены без наказания, дабы чрез дальнейшую строгость не ожесточить их снова. Сим действием удержаны от подобных беспорядков крестьяне и прочих фабрикантов, коих до трех тысяч душ обоего пола выжидали только, чем кончится мятеж первых» [1].

Приведем еще один из многих случаев фабричных волнений, которые были усмирены только с помощью военной силы. В 1837 г. фабричные крестьяне при полотняной и миткалевой фабрике Бровкиных Алексинского уезда, Тульской губ., от имени всего общества в 337 д. м. п., подали жалобу Канкрину на разные притеснения хозяина и, главным образом, на неплатеж денег за работу. По произведенному расследованию выяснилось, что на фабрике Бровкиных работают 111 мужч., из которых только 44 получают плату; прочие же, вместо платы, пользуются землей, которую обрабатывают на себя. Несмотря на все меры владельца и местных властей, крестьяне решительно отказались работать на фабрике без платы. Несколько человек из них было арестовано, другие наказаны розгами. Тем не менее, рабочие стояли на своем.

Тогда в село была послана воинская команда, и 8 человек возмутителей, «в страх другим», были наказаны плетьми в самом селении, а затем сосланы в Сибирь. Прочие наказаны «полицейским исправлением розгами». В село была поставлена экзекуция — команда солдат, которая в один месяц совершенно разорила село. Крестьяне были усмирены и принялись за работу, причем уездный суд обязал Бровкиных подпиской, чтобы они «употребляли на фабричные работы из крестьян только половинное число» [2].

Приведем довольно исключительный пример посессионной фабрики, которой управляли сами рабочие, почти без всякого контроля содержателя. Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга была прежде казенной, но затем была передана гр. Сиверсу, от которого переходила к другим владельцам и в начале этого века принадлежала Хлебникову. У рабочих на этой фабрике возникали беспрестанные столкновения с фабрикантами еще в прошлом веке [3]. В 1803 г. им удалось заключить с Хлебниковым крайне любопытный договор, утвержденный в софийском уездном суде. По этому договору между фабрикантами и мастеровыми установились следующие отношения. Рабочие получают в свою пользу $^1/_5$ часть цены всей продаваемой бумаги. Сверх того, они получают от хозяина даром дрова. Мастеровые обязываются сами за свой счет производить необходимый ремонт фабричных зданий и машин, кроме «знатных в машинах перемен». Цена продаваемой бумаги должна определяться раз в год представителями хозяина и мастеровых. Хозяин обязуется исправно поставлять тряпье (причем, если тряпье не будет доставлено, то мастеровые получают от владельца определенную плату за каждый прогульный день), а рабочие обязуются выделывать из до-

[1] Дело о возникшем непослушании между фабричными городового секретаря Якова Гарденина, 26 июня 1811 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело по жалобе крестьян посессионной фабрики Бровкиных на притеснения от владельцев, 3 декабря 1837 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] Об этом см. *Семевский,* Крестьяне при Екатерине II, стр. 423—429.

ставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги и притом хорошего качества (в противном случае, бумага не принимается фабричной конторой).

Мастеровые обязаны были подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведывал мастер, выбранный самими рабочими (на фабрике числилось по пятой (?) ревизии 181 д. м. п.). Распределение суммы, следуемой рабочим, производилось их собственными выборными. Продолжительность рабочего дня на фабрике устанавливалась всем обществом.

От Хлебникова фабрика перешла к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих и обратно, причем главным поводом к раздорам был названный договор.

Полторацкая жаловалась министру внутренних дел, что «мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собой общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги. В сутки они не работают более четырех часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству». Ввиду этого Полторацкая просила о совершенном уничтожении договора 1803 г., или же об утверждении нового Положения для фабрики.

С другой стороны, рабочие жаловались на то, что Полторацкая не исполняет договора, не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и пр.

Министр внутренних дел командировал для осмотра фабрики особого чиновника, который не замедлил обнаружить многие «неправильности» рабочих. Так, по донесению этого чиновника, некоего Прилуцкого, им «примечено, что в сей фабрике иные мальчики и до 15 лет не ходят на работу». Женщины совсем на ней не работали. Рабочий день, по показаниям самих рабочих, не превышал 10 часов в сутки.

Ввиду этих «неправильностей», сенат в 1813 г. утвердил новое Положение Красносельской фабрики, которое сохраняло в силе договор 1803 г. с тем изменением, что 1) мастер и подмастерье должны не выбираться рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа должна продолжаться не менее 12 час. в сутки; 3) дети должны работать на фабрике с 12-летнего возраста. Прочие пункты изменения были несущественны.

Новое Положение вызвало целый ряд жалоб рабочих. В 1814 и 1816 гг. рабочие подали жалобу Александру I, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100 тыс. руб. с тем, чтобы они сами заведывали фабрикой и платили бы в казну по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги.

Иными словами, рабочие мечтали не более, не менее, как об устройстве собственной кооперативной фабрики, — и это в крепостной России!

Само собою разумеется, что просьба рабочих об отдаче им фабрики в полное пользование не была уважена, но жалобы на несправедливые вычеты оказали действие. По приказанию императора, вопрос поступил на рассмотрение комитета министров, который в заседании 23 января

1817 г. признал, что Полторацкая, действительно, делала значительные вычеты из платы рабочих, и постановил, чтобы содержательница фабрики вернула рабочим всю недоплаченную им сумму. Вместе с тем комитет не согласился с предложением министра внутренних дел — обязать мастеровых подпиской о неподаче жалоб, «считая сие излишним, ибо несправедливо было бы заграждать мастеровым путь к жалобам, в случае какого-либо им притеснения».

Решение комитета министров было утверждено Александром I, который приказал, чтобы министр внутренних дел донес ему лично о выполнении постановления комитета министров — о возврате рабочим неуплаченной Полторацкой суммы 5715 руб. 17 коп.; эти деньги были получены рабочими в мае того же года.

Естественно, что решение комитета министров не понравилось Полторацкой, которая вслед затем подала несколько просьб министру внутренних дел о покупке ее фабрики в казну, отказываясь вести дело при том духе «независимости», который укоренился среди рабочих. В конце концов, столкновения владелицы фабрики с рабочими привели к расстройству фабрики и приостановке производства. В 1825 г. Красносельская фабрика была приобретена удельным ведомством; фабричное производство было прекращено, а мастеровые были признаны удельными [1].

Из изложенного видно, что неповиновение рабочих владельцам было обычным явлением на посессионных фабриках. Это повлияло и на наше уголовное законодательство. Жалоба владельца полотняной и суконной фабрики Кознова на рабочего Кулемина повела в 1833 г. к распространению на владельцев фабричных имений права ссылать в Сибирь тех фабричных крестьян, которые окажутся «порочными и развращенного поведения» [2]. В Уложение о наказаниях 1845 г. была включена статья, приравнивающая к восстанию против правительственной власти неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему фабрикой или заводом, оказанное целой артелью или толпою [3].

Не подлежит* сомнению, что ликвидация фабричного посессионного права совершилась под непосредственным влиянием рабочих волнений; эти волнения были таким же выражением новых общественных

---

[1] См. Дело по жалобе приписных к бывшей генерал-аудитора-лейтенанта Хлебникова (так в обоих изданиях, очевидно пропущено слово «фабрике» — *Ред.)* мастеровых на чинимые им нынешней помещицей Полторацкой притеснения, 1 декабря 1805 г.; Дело по жалобе Красносельской бумажной Хлебникова фабрики мастерового Ладыгина, 22 мая 1805 г.; Дело о неповиновении мастеровых Красносельской бумажной фабрики Полторацкой, 19 июня 1811 г.; Дело о желании статской советницы Полторацкой продать в казенное ведомство принадлежащую ей Красносельскую бумажную фабрику, 29 марта 1817 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 7 октября 1833 г. П.С.З., II изд., т. VIII, 6475.

[3] Ст. 1791 Уложения о наказаниях, изд. 1845 г. Виновные по этой статье наказывались от тюремного заключения до наказания плетьми и ссылки в Сибирь на каторжные работы.

* Отсюда до конца главы в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

отношений, как и распространение новых способов производства, сделавшее работу свободными рабочими более выгодной, с чисто капиталистической точки зрения, чем работа принудительным трудом. И рабочие волнения на посессионных фабриках, и переход к новым формам производства были только различными формами выражения одного и того же эволюционного процесса.

Весьма поучительно отношение к этим волнениям министерства внутренних дел и министерства финансов. Весьма нередко местная губернская власть, бывшая в дореформенное время под доминирующим влиянием дворянства, относилась с известным вниманием к жалобам рабочих. Дворянство всегда смотрело с известным недоброжелательством на успехи торгово-промышленного сословия. Напротив, министерство финансов всегда горячо отстаивало интересы фабрикантов. Выше уже было приведено несколько случаев столкновения органов министерства внутренних дел с министерством финансов по поводу волнений рабочих. Так, московский генерал-губернатор, князь Голицын, нередко горячо вступался за интересы рабочих и должен был вести из-за них упорную борьбу с министерством финансов. Такое же положение занимал по отношению к департаменту мануфактур и внутренней торговли и предшественник Голицина — Тормасов. В одном конфиденциальном письме Бурнашева министру внутренних дел от 3 июля 1818 г. Тормасов характеризуется как постоянный защитник рабочих против хозяев, всегда готовый обнадеживать первых в их жалобах на последних. В столкновениях фряновских рабочих с Лазаревым Тормасов, действительно, стоял на стороне рабочих и даже превысил свою власть, приказавши Лазареву в 1815 г. платить своим рабочим такую же плату, которую получали купавинские рабочие. В то же время Тормасов собственной властью сменил управляющего фабрикой Лазарева, Казакевича, на жестокости которого жаловались рабочие. Лазарев подавал в департамент мануфактур и внутренней торговли жалобы на незаконные действия генерал-губернатора. Голицын также неоднократно выступал защитником фряновских рабочих. Так, в отношении министру финансов от 24 июня 1820 г. Голицын указывал на необходимость увеличения заработков фряновских рабочих и признавал полезным предоставить выборным рабочим право назначать штрафы за дурную работу. Те же выборные, по мысли Голицына, должны были наблюдать и за отдачей рабочих в рекруты.

Если бы предложения Голицына были исполнены, то рабочие, в лице своих выборных, получили бы власть, до известной степени независимую от фабриканта. Министр финансов Гурьев энергично воспротивился этим предложениям, которые поступили на рассмотрение комитета министров, согласившегося с министром финансов. Предложения Голицына были отклонены.

Столкновения Голицына с министерством финансов по поводу рабочих были вообще нередки. Так, например, в половине 30-х годов произошли волнения посессионных рабочих на суконной фабрике Соколова (в Московской губернии). Соколов пожаловался в департамент мануфактур и внутренней торговли, который распорядился отправить в Сибирь зачинщика волнений Ушаткина, а жалобы рабочих оставить

без последствий. Министр финансов Канкрин одобрил это решение. Напротив, Голицын вступился за рабочих. В докладе министру внутренних дел от 22 декабря 1836 г. он выражает мнение, что Ушаткин ни в чем не виновен, так как жалобу на своего владельца он подал по просьбе всех своих товарищей. Ввиду этого Голицын полагал, что Ушаткин не должен быть ссылаем в Сибирь, тем более, что его ссылка раздражила бы рабочих. Действия департамента мануфактур и внутренней торговли признавались Голицыным поспешными и необдуманными. Дело дошло до сената, одобрившего действия департамента.

Весьма характерно, что даже такой крайний реакционер, как московский генерал-губернатор конца 40-х годов, гр. Закревский, весьма сурово относился к фабрикантам и выступал иногда в роли защитника рабочих. Так, Закревский пишет в отношении министру финансов Вронченко от 27 апреля 1849 г.: «Владельцы посессионных фабрик купцы ни по образованию, ни по нравственным качествам своим не представляют ручательства в неупотреблении во зло посессионного владения; отсюда беспрерывные жалобы фабричных на притеснения хозяев фабрик» [1].

Это различие отношения к рабочим волнениям министерства внутренних дел и министерства финансов объясняется следующим. Министерство внутренних дел, во-первых, ближе стояло к интересам дворянства, по преимуществу, аграрного класса, для которого интересы фабрикантов были чужими интересами; во-вторых, министерство внутренних дел руководствовалось полицейскими и общеполитическими соображениями: стремлением устранить поводы к нарушению государственного порядка, а рабочие волнения являлись таким нарушением порядка. Как мы увидим ниже, вплоть до новейшего времени полицейские и политические соображения играют первенствующую роль в создании нашего фабричного законодательства, почему министерству внутренних дел принадлежала инициатива многих важнейших законодательных актов, направленных к защите интересов рабочих. Напротив, министерство финансов, как орган представляющий интересы промышленности, отожествляло эти интересы с интересами крупных предпринимателей и выступало защитником фабрикантов в их столкновениях с рабочими.

---

[1] Дело по предложению гр. Закревского о недозволении учреждать вновь фабрики в Москве, 22 октября 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

ГЛАВА V

ДОРЕФОРМЕННОЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Проект 1811 года — учреждения особого сословия фабричных мастеровых. — Жалобы фабрикантов на оставление крепостными работ. — Проект 1832 г. князя Голицына. — Сочувственное отношение Голицына к рабочим. — Оппозиция проекту московских и петербургских фабрикантов. — Закон 1835 г. — Меры министерства финансов к улучшению положения фабричных рабочих. — Оппозиция фабрикантов. — Полный неуспех этих мер. — Первый закон, ограничивавший работу малолетних, 1845 г. — Его странная судьба. — Проект князя Щербатова. — Проект графа Закревского. — Правила Закревского для фабричной работы в Москве. — Отношения к этим правилам мануфактурного совета и министерства финансов. — Дальнейшая судьба этих правил.

Вольнонаемные рабочие уже в начале XIX века составляли около половины всех фабричных рабочих, а во второй четверти этого века число их должно было сильно увеличиться. Несмотря на это, юридическое положение вольнонаемных рабочих, вплоть до 30-х годов, оставалось крайне неопределенным. Как мы видели, в прошлом столетии фабрика была местом пристанища по преимуществу беглых крестьян и разного сброда, не находившего себе другого заработка. В XIX веке крестьяне попрежнему составляли главный контингент фабричных рабочих, — летом они возвращались в деревню, а зимой работали на фабрике. Хотя в это время приискание рабочих для фабрик и не представляло таких непреодолимых трудностей, как в XVIII столетии, тем не менее одним из существенных тормозов развития нашей фабрики было отсутствие подготовленного рабочего персонала.

Известно, что уже с начала этого столетия наше правительство начинает стремиться к уничтожению крепостного права. Учитель великих князей Константина и Николая Павловичей, известный экономист Шторх, прямо заявлял в своем известном курсе политической экономии, что «если, несмотря на все поощрения промышленности в течение полутора столетий, она до сих пор сделала так мало успехов, то виной является преимущественно рабство. Вот основная причина, за-

держивающая рост русской промышленности... В промышленности превосходство свободного рабочего над рабом еще более очевидно, чем в земледелии» [1].

Признавая необходимость распространения вольнонаемной работы на фабриках, правительство попыталось в 1811 г. помочь затруднениям фабрикантов в приискании свободных рабочих путем создания особого сословия фабричных рабочих. С этой целью министерство внутренних дел выработало интересный проект: «Положение об учреждении особого состояния свободных мастеров», который рассматривался в Государственном совете, но не получил силы закона.

Проект этот интересен тем, что он характеризует отношение правительства к вопросу о вольнонаемных фабричных рабочих. Сословие свободных мастеров должно составиться, согласно проекту, из свободных людей, обучившихся какому-либо мастерству (§ 1 проекта), причем чернорабочие не могут входить в состав этого сословия. Свободные мастеровые пользуются некоторыми привилегиями: дома их освобождаются от налогов, городских повинностей и пр. (§§ 10—12), но вместе с тем они находятся в полной зависимости от фабрикантов; им выдаются паспорта лишь по предъявлении от тех фабрикантов, у которых они работали раньше, особых аттестатов, свидетельствующих об их искусстве и поведении на фабрике (§§ 15—17) [2].

Этот пункт достаточно характерен. Проект, как сказано, не имел успеха, и вопрос об отношениях рабочих к фабрикантам оставался, говоря канцелярским языком, «неупорядоченным». Эта «неупорядоченность» была крайне неудобна для фабрикантов. Главным предметом жалоб фабрикантов было то, что крепостные крестьяне, нанимавшиеся на известный срок на фабрики, сплошь и рядом покидали работу до срока под предлогом приказания своего помещика вернуться в деревню. С.-Петербургская мануфактурная выставка 1829 г., на которую собралось много фабрикантов, дала повод московским и владимирским фабрикантам обратиться с жалобой по этому поводу к министру финансов. Министр запросил мануфактурный совет, который признал, что, пока помещикам не будет запрещено требовать до истечения срока паспорта своих крестьян обратно в деревню, «до тех пор все меры, предпринимаемые к отвращению сего неудобства, будут недействительны».

Тем не менее, так как ограничение власти помещика затрагивало интересы дворянского сословия, правительство действовало с крайней осторожностью и не принимало решительных мер для удовлетворения желания фабрикантов. Фабриканты продолжали жаловаться на самовольные отлучки рабочих [3]. Из сообщения московского генерал-губер-

---

[1] *H. Storch*, Cours d'Economie Politique, St. - Pétersbourg, 1815, t. IV, p. 307, 319.

[2] Дело по письму министра внутренних дел государственному секретарю о проекте положения касательно приобретения недворянами к суконным фабрикам деревень, 21 января 1811 г. (Архив д-та торг. и ман.). Этот проект приведен у *Нисселовича*; История фабрично-заводского законодательства, II, 80—81.

[3] См., например, прошение шуйского градского головы Балашова в мануфактурный совет. Дело об отношениях фабрикантов к их работникам, 24 августа 1829 г., часть I (Архив д-та торг. и ман.).

натора князя Голицына от 1832 г. видно, что на московских фабриках как хозяева, так и рабочие «подавали беспрестанные жалобы друг на друга местному начальству». Так как рабочие работали на фабриках без письменных условий, то местные власти были поставлены в крайнее затруднение при разборе этих жалоб. Ввиду этого князь Голицын предложил московскому отделению мануфактурного совета обсудить выработанный им проект мер для прекращения взаимных жалоб хозяев и рабочих.

Этот проект представляет большой интерес. В нем ярко отразилось то отношение к рабочему вопросу министерства внутренних дел, о котором я только что говорил*. В проекте князя Голицина хотя и удовлетворяется желание фабрикантов, чтобы помещик не имел права требовать к себе крепостного, работающего на фабрике, до истечения срока паспорта (§ 1), но вместе с тем предъявляется целый ряд требований к фабрикантам, которые должны были очень не понравиться последним. Так, владельцам фабрик поставляется в непременную обязанность завести особые книги для записывания как условий найма рабочих, так и всех расчетов с последними; рабочие должны получать особые «рядные листы» — выписки из книги (§ 2). Смысл этого требования разъясняется следующим параграфом. «Меры, постановленные в предыдущих статьях, тем более нужны, что частые жалобы рабочих на хозяев и обратно большей частью происходят от беспорядка в ведении счетов на заведениях и *несправедливостей самих хозяев*. А у аккуратных и честных хозяев и ныне рабочие весьма редко входят к начальству с жалобами» (§ 4). В случае несоблюдения фабрикантом § 2, полиция рассчитывает рабочего и удовлетворяет его *по его собственным показаниям* (§ 3). В каждом заведении должно быть вывешено на стене печатное или письменное объявление, «каким обязанностям подвергается рабочий при вступлении на фабрику» (§ 5). «Прекращение перехода рабочих от одного хозяина к другому, без расчета, предоставляется предусмотрительности самих хозяев, которые имеют для того все средства» (§ 6). Весь проект состоял из семи параграфов (§ 7 имеет чисто формальный характер и не представляет интереса[1]).

---

* В 1-м издание вместо этой фразы: «Князь Голицын, вельможа и крупный землевладелец, был представителем богатого барства, которое не гналось за промышленными предприятиями и относилось совершенно равнодушно к притязаниям фабрикантов». — *Ред.*

[1] Дело об отношениях фабрикантов к их работникам, часть I. Пожалуй, иной читатель увидит в проекте Голицына подтверждение теории некоторых русских экономистов о влиянии «дружелюбия» на фабричное законодательство. Такому читателю я позволю себе напомнить следующее: князь Голицын, вельможа и представитель богатого барства, насколько мне известно, не был фабрикантом, и потому с его стороны не требовалось большого самоотречения для составления подобных проектов; если бы такой проект исходил от фабрикантов, тогда действительно можно было бы заговорить о «дружелюбии». Но фабриканты (у нас, как и в Западной Европе) не только не занимались сочинительством подобного рода, но, в большинстве случаев, очень упорно боролись против всякой законодательной регламентации фабричной работы. Проект Голицына интересен, в особенности тем, что указывает на известную аналогичность развития фабричного законодательства у нас и на Западе. И в Англии одним из самых влиятельных вождей партии 10-часового рабочего дня был крупный землевладелец,

Таков был проект князя Голицына — проект, нужно признаться, довольно необыкновенный. Голицын препроводил его в московское отделение мануфактурного совета для обсуждения.

Как и следовало ожидать, большинство членов отделения из представителей купечества энергично высказалось против всех параграфов проекта, кроме первого. Особенно возражали против §§ 3, 4 и 5. Так, относительно § 4 четверо представителей купечества, Куманин, Урусов, Веретенников и Бесс, «объяснили, что по известности им лиц, имеющих мануфактурные заведения, не было им даже случая узнать, чтобы мастеровые приносили жалобы на неверный расчет». По поводу § 5 те же члены находили, что «государство и промышленность более приобретают пользы, когда фабриканты будут более трудиться для самого дела. Достигнувший желаемых успехов по делам своим сам, произвольно, введет лучший порядок, не по нужде». Вообще же, все отделение в совокупности пришло к заключению, что «исполнение предположенных мер... не принесет фабрикантам той пользы, которую имело в виду начальство, и затруднит мелкие фабрики, которые составляют значительную промышленность».

Более резкому осуждению подвергся проект Голицына со стороны членов с.-петербургского мануфактурного совета. Так, член совета Метлев признал § 4 «прямо оскорбительным для почтенного сословия хозяев мануфактур».

Таким образом, купечество и фабриканты, в лице своих представителей (мануфактурного совета и московского отделения совета), выступили против проекта князя Голицына. Судьба этого проекта очень поучительна. Мануфактурный совет, по предложению министра финансов, пересмотрел этот проект, исправил его в желательном для фабрикантов смысле, и в этом виде проект был представлен в Государственный совет и высочайше утвержден 24 мая 1835 г.

Таким образом возникло «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму». Положение это было первым нашим фабричным законом, регулировавшим отношения хозяев к их вольнонаемным рабочим. Оно состоит из 10 статей. Всем лицам податного состояния предоставлено право наниматься на фабрику по получении узаконенного паспорта, на срок не свыше срока паспорта (ст. 1). До истечения договорного срока рабочий не имеет права оставлять работу или требовать прибавки задельной платы; точно так же начальство, выдавшее паспорт, или владелец не имеют права требовать обратно рабочего до истечения срока договора (ст. 2). Хозяину же предоставляется право отпустить рабочего

аристократ лорд Эшли (впоследствии граф Шефтсбюри). Все фабричные законы в Англии прошли в парламенте только благодаря поддержке консерваторов — земледельческого класса, при резкой оппозиции либералов — буржуазии. Само собою разумеется, что у нас не наблюдалось ничего подобного борьбе английских политических партий, но классовые интересы действовали и у нас, и потому вполне понятно, что наша земельная аристократия, поскольку она не принимала участия в промышленных предприятиях, обнаруживала склонность вступаться за интересы рабочих в той сфере, которая стояла вне ее собственных интересов. К крепостному праву отношение нашего дворянства было иное.

и до срока договора «по причине невыполнения им обязанностей или дурного поведения», причем хозяин должен объявить рабочему об увольнении за две недели (ст. 3). Хозяевам предоставлено на их усмотрение заключать при найме рабочего письменные условия или выдавать им особые расчетные листы. Во всяком случае, они обязаны иметь особую книгу для записывания расчетов с рабочими (ст. 5). Правила о порядке, который должен быть соблюдаем на фабрике, должны быть вывешены в ней (ст. 6). При разборе споров между хозяевами фабрик и рабочими принимаются в основание означенные правила для фабрик, расчетные листы и книги (ст. 7) [1].

Это положение первоначально было введено в действие только в С.-Петербурге и Москве, но затем его действие было распространено на большинство промышленных губерний России. Если сравнить его с первоначальным проектом Голицына, то легко заметить, что интересы фабрикантов получили решительный перевес. По закону 1835 г., рабочий лишается права оставлять хозяина до срока договора, даже если хозяин и не исполняет своих обязанностей по отношению к рабочему, а хозяину предоставляется во всякое время удалить рабочего не только за неисполнение обязанностей, но даже и за «дурное поведение». От хозяина требуется, чтобы он имел расчетную книгу, но выдача расчетных листов или заключение письменных условий с рабочими для него не обязательны. Требование расчетной книги так же, как и требование вывешивания правил о порядке работ на фабрике, очевидно, должны были остаться мертвой буквой, так как за несоблюдение этих статей закона хозяину не грозило никакое наказание и в законе не указывалось, чем должны руководствоваться власти при разборе жалоб рабочих на хозяев, если у последних не имеется расчетных книг и правил. Зато закон 1835 г. совершенно обеспечил фабриканта от преждевременного ухода рабочего по вызову его владельца или власти, выдавшей паспорт, — и, таким образом, главное требование фабриканта было вполне удовлетворено.

Таков был первый шаг нашего правительства в области фабричного законодательства. Мы видим, что этот шаг был вызван взаимными жалобами фабрикантов и рабочих друг на друга. Жалобы и недовольство рабочих не прекращались и после издания закона 1835 г., — что и понятно, ибо закон этот отнюдь не устранил поводов к жалобам. Ввиду этого, министр финансов Канкрин, в конце 1835 г., представил всеподданнейшую записку Николаю Павловичу по вопросу о мерах к улучшению состояния рабочих на фабриках. Эта записка начиналась следующими словами: «Ваше императорское величество неоднократно изволили отзываться, сколь желательно дать лучшее направление нравственному образованию рабочего класса людей на фабриках и оградить их, вместе с тем, от своевольного иногда обращения хозяев, не ослабляя, впрочем, власти их, необходимой для порядка и благоустройства заведений». С этой целью Канкрин предлагает в своей записке предложить московскому отделению мануфактурного совета внушить московским фабрикантам, чтобы они приняли меры к улучшению условий работы на фабри-

[1] П.С.З., II изд., т. X, 8157.

ках[1]. Никаких определенных требований к фабрикантам не предъявлялось, но Канкрин до такой степени опасался вызвать неудовольствие фабрикантов, что в своей записке он с особенным ударением говорит о том, что «внушения сии члены московского отделения мануфактурного совета обязаны производить с кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить в работниках преждевременных притязаний и духа неповиновения и ропота». Записка заканчивается следующими, довольно-таки наивными словами: «Министр финансов остается в приятной уверенности, что все фабриканты, зная волю своего государя и чувствуя сами благодетельную цель сих распоряжений, употребят все усилия соответствовать сим высочайшим предположениям»[2].

На этой записке император Николай сделал собственноручную надпись: «Прекрасная мысль; стоит повсеместного введения». Как же исполнили фабриканты «волю своего государя»? Оправдалась ли уверенность министра финансов?

Записка Канкрина поступила прежде всего на обсуждение московского отделения мануфактурного совета. Отделение решительно высказалось против того пункта записки, по которому фабрикантам предлагается не оставлять рабочих ночевать на фабриках. По словам отделения, на всех московских фабриках, кроме очень немногих, рабочие ночуют в самих рабочих помещениях, и, по мнению отделения, это только полезно для рабочих, так как «наблюдение за чистотою воздуха в мастерских комнатах, где каждый рабочий отделен от другого станом, столом или другим каким-либо снарядом, гораздо легче, чем в особых казармах, где воздух от массы людей неминуемо должен портиться[3].

---

[1] Вот что должно было «внушить» московское отделение мануфактурного совета:

«1) чтобы содержатели фабрик в Москве пеклись о чистоте воздуха в мастерских и рабочих палатах, не дозволяли в оных оставаться рабочим по ночам и имели бы для сего отдельные покои;

2) чтобы мужчины и женщины имели для ночлега отдельные и не слишком тесные помещения;

3) чтобы на заведениях, где рабочих до 50 человек, был особый покой с двумя кроватями и нужным прибором, до 100 человек—с четырьмя и т. д.;

4) чтобы малолетние дети не подвергаемы были изнурению слишком продолжительной дневной работой, чтобы их хозяева, по мере удобности, пеклись об учении, состоянию их свойственном;

5) чтобы фабриканты имели попечение, дабы артели работников получали свежую и добротную пищу;

6) чтобы хозяева старались удерживать рабочих от неумеренного употребления спиртных напитков, изыскивая притом способы, чтобы заработанные ими деньги доходили до семейств сих рабочих, наблюдая равномерно за нравственностью между рабочими на самых фабриках, и особенно там, где занимаются многие жены нижних воинских чинов». Дело о мерах к постепенному улучшению состояния рабочих на фабриках, 5 сентября 1835 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело о мерах к постепенному улучшению состояния рабочих на фабриках, 5 сентября 1835 г. Арх. д-та торг. и ман. (В 1-м издании «22 июля». — *Ред.*)

[3] В 30-х годах в английской литературе часто цитировалось как доказательство ужасного положения рабочих на фабриках показание одного рабочего, что их постели на фабрике никогда не остывали — работа шла круглые сутки, и пока работала одна смена, другая спала в тех же об-

Тем не менее, московское отделение, во исполнение высочайшей воли, выбрало трех своих членов для обозрения фабрик... и этим ограничило свою деятельность. Через 4 года председатель отделения запрашивает министра финансов, «следует ли отделению привести в исполнение предпринятые им прежде меры, или все сие оставить в настоящем положении». Все осталось по-старому. Наконец, уже в 1844 г., новый председатель отделения, барон Мейендорф, сообщает министру финансов (уже не Канкрину, а его преемнику, Вронченко), что «в результате двухлетних его усилий не более 20 самых благонамеренных в Москве фабрикантов последовали внушениям отделения, приняв, по возможности, к исполнению высочайшую волю. Действия мои в сем деле всегда были самые осторожные. При личном обозрении фабрик первою обязанностью вменяю себе внушать фабричным повиновение хозяевам». Меры, принятые Мейендорфом, удостоились полного одобрения Вронченко, еще раз рекомендовавшего «действовать с крайней осторожностью, в предупреждение как неудовольствия фабрикантов, так и притязаний рабочих, которые по необразованности и неразумению могут придать положительному вмешательству ложный толк».

В нашей экономической литературе, обыкновенно, начинают историю фабричного законодательства, регулирующего работу на фабриках и продолжительность рабочего дня, с закона 1882 г. Однако, первый закон о малолетних рабочих вышел гораздо ранее — еще в николаевскую эпоху, — в 1845 гг. Правда, когда в 1840 г. английский посол обратился к русскому правительству с официальным запросом — какие существуют в России постановления относительно занятий на фабриках детей, наше правительство отвечало на этот запрос следующей уклончивой фразой: «Как в России производство фабричное еще не приняло весьма большого развития, то на наших заведениях еще не очень много работающих детей, и в положительных законах о мере работы и других обстоятельств еще не было настоятельной надобности»[1].

Однако, необходимость в таких законах почувствовалась очень скоро. В 1844 г. на огромной Вознесенской бумагопрядильне в Дмитровском уезде, недалеко от Москвы, произошли очень крупные волнения рабочих, потребовавшие вмешательства вооруженной силы. Волнения эти вызвали особое правительственное расследование, обнаружившее, что все московские фабрики широко пользовались детским трудом. На 23 московских бумагопрядильнях работало 2 100 детей; работа на всех этих фабриках шла круглые сутки — днем и ночью, причем ночью работали как взрослые, так и дети. Обнаруженные факты крайнего злоупотребления детской работой повели к изданию 7 августа 1845 г. высочайше утвержденного положения комитета министров, запретившего ночную работу на фабриках малолетним до 12-летнего возраста[2].

Судьба этого закона была очень странная. Никаких карательных мер за нарушение его определено не было, правила надзора за исполнением

стелях. Насколько хуже положение русского рабочего, который совсем не имел, да и теперь часто не имеет постели!

[1] Дело о мерах к постепенному улучшению состояния рабочих на фабриках, 5 сентября 1835 г. Арх. д-та торг. и ман.

[2] П.С.З., XX, 19262.

его также не были указаны. Не удивительно поэтому, что закон никакого практического значения не имел; но странно, что он совсем не попал в «Свод законов» и был необыкновенно скоро совершенно забыт; правительственные комиссии 60-х годов и последующие, разрабатывавшие вопрос о запрещении ночной работы малолетних, и не вспоминают об этом законе, как будто бы его совсем не было. Также не нашел я указания на этот закон в книгах и статьях, посвященных истории нашего фабричного законодательства. Его нет в «Систематическом указателе русских фабричных законов», изданном в 1886 г. комиссией, учрежденной московским генерал-губернатором. Повидимому, хотя закон этот не был отменен последующими законоположениями, он никогда не соблюдался на практике и был совершенно неизвестен правительственной власти в период выработки новейшего фабричного законодательства. Закон этот остался погребенным в «Полном собрании законов Российской империи», пока я не извлек его из мрака забвения в первом издании настоящей работы.

В том же 1845* году были изданы другие постановления, близко касавшиеся фабричных рабочих и имевшие вполне реальное практическое значение. Я имею в виду некоторые статьи «Уложения о наказаниях» 1845 г. (мне уже случалось о них упоминать), значительно усиливших наказание за рабочие волнения. По ст. 1791 нового Уложения, в «случае явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, оказанного целой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаниям, определенным за восстание против властей, правительством установленных» (т. е. от ареста до каторжной работы). Ст. 1792 того же Уложения впервые установила у нас наказание за стачки рабочих (зачинщики — аресту от трех недель до трех месяцев, прочие — от семи дней до трех недель).

Комиссия, составившая проект нового «Уложения о наказаниях», делает относительно статьи 1792 (по проекту ст. 1731) следующее лаконическое, но весьма выразительное, замечание: «Постановление сей статьи заимствовано из законодательства иностранного. Необходимость или, по крайней мере, пользу оного, кажется, не нужно доказывать. Взыскание здесь полагается довольно умеренное, потому что умышленное или приводимое в действие принуждение хозяев не соединено с буйством»[1]. Когда же следует буйство, то рабочие подвергаются наказанию по предыдущей статье, т. е. вплоть до каторжных работ.

Введение этих двух статей в «Уложение о наказаниях» весьма характерно: уже из одного факта крайней строгости наказания по ст. 1791 можно было бы с уверенностью заключить, что рабочие волнения были нередким явлением в николаевской России и внушали большие опасения правящим сферам. И, действительно, как мы видели, 30-е и 40-е годы отличаются частыми волнениями фабричных рабочих, возникавшими, главным образом, на почве принудительных отношений рабочих к хозяевам посессионных и вотчинных фабрик. Правительство Николая I

* В 1-м издании абзац этот начинается так: «Во всяком случае, закон 1845 г. имеет только принципиальное значение: на практике действие его равнялось нулю. Но в этом же году и т. д.». — *Ред.*

[1] Проект нового «Уложения о наказаниях», стр. 1127.

привыкло видеть в фабричных рабочих крайне неблагонадежную в политическом смысле общественную группу, которую можно держать в порядке лишь мерами строгости.

Я говорил выше о жалобах рабочих, подавших повод Голицыну составить свой проект. В конце сороковых годов жалобы стали особенно часты. Поводы к ним, по словам мануфактурного совета, были следующие: 1) платеж со стороны некоторых фабрикантов рабочим не деньгами, но фабричными изделиями; 2) негодность харчей; 3) штрафы и разные произвольные вычеты из заработной платы (за станы, снаряды, свечи, ретирадные места, чистку мостовой и пр.) [1]. Под влиянием этих жалоб, московский генерал-губернатор, князь Щербатов, составил в 1847 г. проект расчетной тетради по найму рабочих и письменного условия, которое рабочие обязательно должны были заключать с хозяином. Хотя по этому проекту почти за всякое действие рабочего, неприятное хозяину, грозило «наказание в полиции», тем не менее мануфактурный совет, на рассмотрение которого поступил проект, высказался против него: требование письменных условий определенной формы совет признавал крайне стеснительным для фабрикантов.

Между тем наступил знаменательный 1848 год. Хотя Россия осталась совершенно незатронутой революционным движением, тем не менее правительственные сферы стали относиться с крайней подозрительностью ко всему, что так или иначе казалось опасным в политическом отношении.

Уже с 30-х годов в наших правительственных сферах появляется мысль, что фабричные рабочие являются элементом, внушающим опасения с политической точки зрения; отсюда, естественно, получался вывод, что увеличение числа фабрик, особенно в столицах, отнюдь не желательно. Министерство финансов, было, однако, другого мнения. «В Западной Европе, — читаем во всеподданнейшей записке Канкрина императору Николаю, от 1 ноября 1834 г., — в рабочих вкоренился и усиливается дух неудовольствия, отчасти и наклонность к внезапным порывам... Так, мы видим, что Лион, принеся толикие пожертвования для монархии, в последнее время совсем переменился и сделался городом совсем беспокойным... Мы видели в Англии известные возмущения в Бирмингаме и других фабричных городах, особливо при том сосредоточии в немногих руках сельской собственности, существующем в сем государстве. Наконец, от сего же происходит примечаемый во многих местах дух коалиции рабочих... У нас, однако, положение дела в сем отношении совсем другое, ибо работники на городских фабриках почти исключительно состоят из приходящих крестьян или имеют у себя дома хлебопашество... и при остановке работ возвращаются домой... Обстоятельство сие доказывает, что умножение у нас фабрик гораздо выгоднее и безопаснее, нежели в других государствах, что хозяева фабрики, с одной стороны, не могут иметь столько влияния на своих рабочих, а с другой стороны, сии последние не составляют опасного целого; первые же по собственному интересу привязаны везде к существую-

[1] Дело по отношению московского военного генерал-губернатора об определении правил об отношениях между фабричными рабочими и подрядчиками, 23 декабря 1847 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

щему порядку. Посему нет причины противодействовать у нас сосредоточию фабрик»[1].

Но взгляды министерства финансов разделялись далеко не всеми. В 1848 г., когда правительство Николая I было встревожено революционным движением за границей, вопрос о политической опасности скопления фабричных рабочих в Москве выдвинулся на первый план. Московский генерал-губернатор гр. Закревский представил по этому вопросу обширную записку государю. «Большая часть московских фабрик, — говорит Закревский в этой записке, — устроена самовольно, без надлежащего дозволения со стороны начальства... Кроме 36 тысяч фабричных, в Москве считается временных цеховых, вольноотпущенников и дворовых 37 тысяч человек. Все эти люди состоят в знакомстве, приязни и даже родстве с фабричными людьми. Для охранения тишины и благоденствия, коими в настоящее время наслаждается одна Россия, правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие». Ввиду этого Закревский, ссылаясь на одну старинную статью закона[2], полагал нужным совершенно запретить устройство в Москве новых фабрик и заводов, а уже существующим заведениям не дозволять расширения производства — увеличения числа станов, печей и рабочих.

Записка Закревского удостоилась высочайшего одобрения, и Николай сделал на ней собственноручную надпись: «Весьма важно, сообразить в комитете министров». Таким образом, по совершенно особым мотивам, наше правительство было готово отступить от своей традиционной политики: поддержания крупного производства и перейти к мерам не «умножения», а «сокращения» числа фабрик. Проект Закревского, естественно, вызвал крайнее смятение среди московских фабрикантов. Министерство финансов энергично выступило на защиту фабрикантов, приводя прежний аргумент, что наши фабричные рабочие, благодаря своей связи с деревней, не составляют особого рабочего класса, и потому увеличение числа их в Москве не угрожает опасностью государственному строю[3]. Проект Закревского послужил поводом к изданию 28 июня 1849 г. закона, долженствовавшего затруднить устройство в Москве новых фабрик, но оставшегося, подобно предшествовавшим, мертвой буквой[4].

Не менее радикально Закревский действовал и в рабочем вопросе. В 1849 г. он выработал новый проект правил для фабричных рабочих.

---

[1] Дело по высочайшему повелению о мерах к усилению мануфактурной промышленности в городах, 1 января 1835 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Эта статья, кстати сказать, и до сих пор сохранилась в нашем «Уставе о промышленности» и имеет силу закона, хотя фактически совершенно игнорируется. Согласно этой статье, «устраивать вновь в столицах и губерниях столичных заведения, предполагающие в действии своем великое число рук или употребление в знатном количестве дров, запрещается». Устав о промышленности (1893 г.) I, ст. 73.

[3] См. Дело по предложению московского генерал-губернатора графа Закревского о недозволении учреждать вновь фабрики и заводы в Москве, 22 октября 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[4] П. С. З., II изд., т. XXIV, 23358.

Наиболее существенны в проекте Закревского следующие пункты. Хозяевам фабрик разрешается принимать рабочих не иначе, как по особым билетам, выдаваемым местным начальством или вотчинными правлениями (ст. 1). В билетах должно быть указано, кто будет получать плату, — сам рабочий или же глава семейства, волостное или вотчинное начальство (ст. 2). Плата рабочим должна производиться деньгами, а не товаром (ст. 5). В случае каких-либо непослушаний, рабочие должны быть отсылаемы для наказания при полиции (ст. 7). Вход фабричным рабочим в трактиры, рестораны и харчевни запрещается (ст. 9). Полиция должна смотреть за немедленным удалением из города всех рабочих, отпускаемых в деревню (ст. 10).

Самым важным в этом проекте было то, что рабочий мог поступать на фабрику только с особого разрешения начальства или помещика, а платеж заработанных им денег мог производиться не самому рабочему, а главе семейства или лицам, выдавшим такое разрешение.

Мануфактурный совет высказался против проекта Закревского еще резче, чем против проекта его предшественников. Все предположения Закревского совет признал излишними «и даже вредными». Ст. 1 проекта, по мнению совета, поведет к тому, что «теперь работник ищет хозяина, а тогда хозяин будет искать работника». Против ст. 5 совет возражает: «Возникает вопрос, добровольно или с принуждением принимают рабочие товар вместо денег? Если добровольно, то нет причины препятствовать частной сделке, если же недобровольно, то никто не запрещает рабочим приносить жалобу, куда следует». Очень скептически отнесся совет и к стремлению Закревского поднять нравственность рабочих полицейскими мерами. «В вопросе об улучшении нравственности народной нельзя ожидать успеха от нескольких параграфов полицейского постановления. Этим предметом уже занимались правительства других государств, но, к сожалению, большая часть усилий оставалась не только бесплодными, но... более служила к стеснению рабочего класса людей, нежели к улучшению их нравственности». В конце же совет высказывается совершенно в духе западноевропейской буржуазии, что «ограждение обоюдных прав фабриканта и его работников зависит не столько от постановлений, сколько от личных интересов каждой стороны; полицейское же посредничество едва ли может иметь желаемый успех» [1].

Министерство финансов приняло сторону совета и признало проект Закревского неудовлетворительным, в особенности по двум первым пунктам, ссылаясь на то, что рабочие сопротивляются уплате заработанных ими денег третьим лицам. Дело затянулось, и проект Закревского не получил законодательного утверждения.

Оппозиция мануфактурного совета — органа, представлявшего интересы фабрикантов, — и на этот раз оказалась достаточно сильна, чтобы затормозить исполнение проектов московского генерал-губернатора. Изложенная нами история проектов Голицына, Щербатова и Закревского очень характерна. Наше фабричное законодательство создавалось не

---

[1] Дело по предложению московского военного генерал-губернатора и пр., 22 октября 1848 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

совсем так, как в Западной Европе (при развитии его у нас особенно видную роль играли политические и полицейские соображения), но в одном отношении замечается полное сходство: в упорной оппозиции большинства фабрикантов всякому вмешательству правительства в фабричные порядки. Эта оппозиция в России была даже успешнее, чем, например, в Англии — классической стране господства буржуазии, так как в английском парламенте уже в 1847 г. прошел закон о 10-часовом рабочем дне, а в дореформенной России законодательства, регулирующего труд на фабриках, можно сказать, не существовало (закон 1845 г. остался, по отсутствию надзора, мертвой буквой).

Я сказал, что в конце 40-х годов, под влиянием политических мотивов (опасность скопления в столицах фабричных рабочих), в высших правительственных сферах появилось течение, крайне неблагоприятное для наших фабрик вообще. Самым влиятельным представителем этого течения был вышеназванный московский генерал-губернатор граф Закревский. Потерпев неудачу в своих законодательных проектах, направленных к регулированию условий фабричного труда, Закревский собственной властью установил правила для рабочих в Москве и образец расчетной тетради. На этих правилах нельзя не остановиться, — до такой степени они типичны по своему бюрократически-полицейскому характеру, совершенно игнорирующему человеческую личность рабочих и, вместе с тем, мало считающемуся с интересами хозяев.

Прежде всего, правила эти строжайшим образом регулируют всю жизнь рабочего. Рабочие в праздничные дни не имеют права отлучаться из своих квартир (если они помещаются в фабричном здании) позже известного часа (пункт «г»). Им запрещается принимать у себя на квартире знакомых и родных «ни для ночлега, ни в какое время, которое превосходит краткость обыкновенного свидания» (пункт «е»). Точно так же рабочим запрещено «хранение чужого имущества, денег и пр.» (пункт «ж»). Далее, рабочим не дозволяется «курить сигары и папиросы ни во время работ, ни в застольных помещениях и на дворе фабрики»; не дозволяется «заводить кулачные бои и всякого рода вредные для других игры и шутки, игру в орлянку и в карты на деньги» и даже не дозволяется «употребление бранных и неприличных слов, под опасением взыскания, в пользу доказчика, пятидесяти копеек серебром и наказания исправительного со стороны полиции» (пункт «з»). По воскресеньям и праздничным дням рабочие должны ходить в церковь, под опасением штрафа, в пользу доказчика, 5 коп. серебром (пункт «и»).

Вместе с тем, правила Закревского стесняли и фабрикантов. Хозяину запрещалось нанимать рабочих, даже поденных, иначе, как по паспортам. Хозяевам запрещалось выдавать вперед денег рабочим более 10 руб. сер. (пункт «а») (очевидно из опасения, чтобы рабочий не был в неоплатном долгу у фабриканта). Хозяин обязывался отпускать свежие харчи, хорошего качества — «в противном случае фабричные и мастеровые имеют право принести жалобу местному начальству, которое подвергает хозяина ответственности, по своему усмотрению» (пункт «о»). Хозяевам запрещалось делать вычеты из рабочей платы на некоторые расходы и работы по содержанию фабрики (пункт «р»). Запрещалась также выдача платы не деньгами, а товаром. Хозяева обязаны были

выдавать нанимаемым рабочим расчетные тетради установленного Закревским образца, в которых были напечатаны утвержденные им правила [1].

Как ни чужды нашему времени правила Закревского, они отнюдь не представляли собой курьеза, имеющего лишь исторический интерес. Еще в 80-х годах некоторые из этих правил признавались имеющими силу на иных московских фабриках. Проф. Янжул, в своем отчете фабричного инспектора за 1882—1883 гг., отмечает, например, что правило об обязательном посещении рабочими воскресной и праздничной церковной службы, под угрозой штрафа в пользу доносчика, вывешено на стенах многих фабрик [2].

Для повсеместного распространения этих правил Закревский представил их в министерство финансов; отсюда они поступили на рассмотрение мануфактурного совета — органа петербургских фабрикантов. Совет энергично высказался против многих пунктов этих правил; требование найма поденных рабочих по паспортам совет находил стеснительным и неисполнимым.

Далее, по мнению совета, «по необразованности рабочего класса, невозможно удержать рабочих от произнесения бранных слов, без всякого, впрочем, намерения браниться, и если бы за каждое такое слово с них взыскивался штраф, то у иных вышла бы на это вся задельная плата; следственно, статью эту невозможно было бы приводить в исполнение... Во-вторых, совет не может согласиться на установление взысканий в пользу доказчика, находя, что это может поселить дух ябеды между рабочими».

Точно так же совет представил возражения и против взысканий с рабочих за нехождение в церковь, а также против другой курьезной статьи Закревского — «Совет не усматривает основания воспрещать рабочим принимать на сбережение вещи своих родных или знакомых... почему совет полагает статью сию исключить».

Представляя интересы фабрикантов, совет высказался и против запрещения платы рабочим товаром, а не деньгами, равно как и против ограничения 10 руб. сер. денег, вперед выдаваемых фабрикантом рабочему. Точно так же совет признал нужным изменить статью закона по которой хозяину предоставляется право уволить рабочего до срока договора, с предупреждением рабочего за две недели до увольнения. Вместо этого совет предлагал предоставить хозяевам право увольнять рабочих «по причине невыполнения ими своих обязанностей или за дурное поведение», до срока договора без всякого предупреждения [3].

Переработанные в таком смысле правила Закревского несколько теряли свой чрезмерно полицейский характер и в то же время не затрагивали интересов фабрикантов, представителем которых являлся мануфактурный совет. Совет министра финансов одобрил исправления мануфактурного совета. Сам Закревский, когда ему были сообщены замечания мануфактурного совета, соглашался с теми изменениями,

[1] Обо всем этом см. «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра Уставов фабричного и ремесленного», Спб. 1863, часть II, приложение VIII.
[2] «Фабричный быт Московской губ.», 1884 г., стр. 89.
[3] «Труды комиссии по пересмотру». Уст. Фабр. II, прил. IX.

которые имели в виду ограждение интересов хозяев, — с предоставлением хозяевам права немедленного увольнения рабочих до срока договора без всякого предупреждения, с изменением редакции статей относительно неплатежа рабочим товаром и невыдачи им вперед заработной платы в размере более 10 руб. сер. Зато он категорически отказался от изменения в своем проекте статей чисто полицейского характера — особенно относительно найма рабочих лишь по предъявлении паспорта.

Переработанные министерством финансов правила Закревского поступили в 1854 г. на рассмотрение Государственного совета, но, ввиду военного времени, утверждены не были. Этой неудачной попыткой законодательного регулирования отношений фабрикантов к рабочим и заканчивается николаевская эпоха.

*ГЛАВА VI**

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Заработная плата на посессионных текстильных фабриках в Московской, Ярославской и Владимирской губерниях в 1803 г. — Фряновская фабрика. — Купавинская фабрика. — Большая ярославская мануфактура. — Плата рабочим на владимирских хлопчатобумажных фабриках в 50-х годах. — Повышение заработной платы во всех отраслях труда, кроме хлопчатобумажного производства. — Мнение Гакстгаузена о заработной плате в России. — Причины высокого уровня платы фабричных рабочих в николаевской России.

Я уже касался в III главе положения рабочего класса на посессионных фабриках. Теперь нам нужно остановиться более подробно на заработной плате фабричного рабочего в дореформенной России.

Дать сколько-нибудь полное статистическое выражение изменений заработной платы в какой-либо стране за длинный период времени — очень не легко. Главная трудность статистики такого рода (помимо скудости статистического материала) заключается в крайнем разнообразии рабочей платы за разные роды труда и за один и тот же род труда в разных местностях. Даже на близлежащих фабриках плата рабочим, исполняющим, казалось бы, одну и ту же работу, бывает весьма различна. При сравнении платы за разные периоды легко принять за повышение или понижение средней платы то различие, которое всецело объясняется различием фабрик, взятых для сравнения.

К этому присоединяется скудость и ненадежность материала для статистической обработки. Цифры заработной платы, сообщаемые фабрикантами, естественно, внушают недоверие. Еще меньше можно доверять средним цифрам заработной платы в разных официальных изданиях, в виду крайнего произвола при выводе таких средних. Поэтому, несмотря на то, что я собрал огромный материал по истории заработной платы в России в XIX веке (который я, быть может, выпущу отдельным изданием), я мог воспользоваться для целей сравнительного изучения

* В 3-м изд. эта глава ошибочно занумерована «V» — *Ред.*

только ничтожной долей этого материала, приводимой в нижеследующем изложении*; мне пришлось совершенно отказаться от мысли исследовать изменение заработной платы во многих отраслях труда и на более или менее широкой площади русской территории. Я решил ограничиться изучением заработной платы только в текстильной промышленности и притом только по трем губерниям центрального промышленного района: Московской, Владимирской и Ярославской. Эти губернии являются главным сосредоточием нашей фабричной промышленности; относительно их имеется в моем распоряжении по данному вопросу материал, хотя и не обширный, но, по крайней мере, надежный и сравнимый**.

Я упоминал о том, что в 1803 г. Мануфактурколлегия решила предпринять обследование посессионных фабрик, причем в циркуляре, разосланном фабрикантам по этому поводу, в числе многих других пунктов был и пункт относительно заработной платы. Ответы были получены от 107 владельцев посессионных фабрик. Сообщаемые в этих ответах цифры заработной платы исходят от фабрикантов, поэтому они, без сомнения, преувеличены: в них следует видеть не столько действительную плату рабочим, сколько максимальную норму, выше которой заработная плата не подымалась. Но именно в этом последнем смысле эти данные и интересны. В приводимой таблице сгруппированы цифры заработной платы посессионных рабочих на всех текстильных фабриках Московской, Ярославской и Владимирской губерний, относительно которых я мог найти требуемые сведения в упомянутых ответах фабрикантов.

При беглом взгляде на прилагаемую таблицу бросается в глаза различие платы. На одних фабриках плата за все роды труда значительно выше, чем на других. Так, очень низкой платой отличается суконная фабрика князя Барятинского, — напротив, фабрика Москвина (шелковая) и особенно Ефима и Дмитрия Грачевых выделяется высокой платой. Это различие платы отчасти объясняется тем, что в таблице показана только денежная плата, а в большинстве фабрик к денежной плате присоединялась еще натуральная. Так, например, на фабрике князя Барятинского, как на многих других, рабочие имели свои дома, неспособные к работе получали содержание от владельца, все подати платились владельцем. На Большой ярославской мануфактуре отпускалась ржаная и пшеничная мука по ценам значительно низшим против рыночных, выдавалось содержание старикам и детям, отпускались в рассрочку дрова по покупной цене и пр.

На фабриках с высшей платой натуральные прибавки к денежной плате были меньше. Но, главным образом, высокая заработная плата на фабриках Грачевых зависела от того, что вообще плата на хлопчатобумажных фабриках была гораздо выше, чем на всех других; об этом мне еще придется говорить ниже. Высокая плата на фабрике Москвина вызывалась тем, что на этой фабрике посессионным рабочим давалась

---

* В 1-м издании со слов «несмотря на то» до «в нижеследующем изложении» отсутствует — *Ред.*

** В 1-м издании: «по занимающему нас вопросу довольно обширный, разнообразный, во многих случаях вполне надежный статистический материал». — *Ред.*

Средняя месячная заработная плата на посессионных фабриках в 1803 г.
(в рублях и копейках ассигнациями)

РОДЫ ТРУДА	Суконное производство, Московская г., Ки. Барятинского Р.	К.	Калинина Р.	К.	Ки. Долгорукова Р.	К.	РОДЫ ТРУДА	Шелковое производство, Московская губ., Дудышкина Р.	К.	Колосовых Р.	К.	Москвина Р.	К.	Лазарева Р.	К.	Ярославская г., Угличанинова Р.	К.	Колосовых Р.	К.	Красильникова Р.	К.	РОДЫ ТРУДА	Полотн. произв., Яросл. г., Б. Яросл. мануфак. т. Р.	К.	Угличанинова Р.	К.	РОДЫ ТРУДА	Ситцевое произв., Дм. Грачева, Московск. г. Р.	К.	Еф. Грачева, Владимир. г. Р.	К.
Суконн. мастер	—	—	7	—	—	—	Главный мастер	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	Скат. и салф. м.	8	90	—	—	Набойщики	10	—	10	—
Ткачи	3	—	4	—	6	60	Ученик	—	—	—	—	—	—	4	50	—	—	—	—	—	—	Подмастерье	3	50	—	—	Подмастерье	8	—	8	—
Ткачихи	—	—	2	60	—	—	Рисов. маст.	—	—	10	—	6	50	—	—	—	—	5	—	—	—	Полотн. мастер	7	50	—	—	Ученики	6	—	6	—
Сновальщики	—	—	3	50	—	—	Подмастерье	—	—	—	—	4	50	4	50	—	—	—	—	—	—	Подмастерье	4	—	—	—	Штрифовальщ.	3	—	4	—
Пряхи	—	—	2	67	—	—	Красильн. маст.	4	—	—	—	6	50	—	—	4	—	—	—	—	—	Рисов. маст.	6	50	—	—	Ткачи	10	—	10	—
Красильщики	2	50	—	—	—	—	Красильщик	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	Подмастерье	4	—	—	—	Разматывальщ.	6	—	—	—
Скребальщики	2	60	4	—	—	—	Подмастерье	—	—	—	—	4	50	—	—	—	—	—	—	—	—	Ученики	1	65	—	—	Мотальщицы	3	—	3	—
Прессовщики	2	50	—	—	—	—	Ученик	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	Малолетние	1	44	—	—	Подм. ткачи	—	—	8	—
Кардошники	2	60	4	—	—	—	Наборный маст.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	Гравиров. маст.	6	50	—	—	Ученики	—	—	6	—
Ка	—	—	3	50	—	—	Ученик	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	Ткачи	4	15	—	—	Столяры	—	—	4	—
							Маст. при маш.	—	—	—	—	—	—	3	75	—	—	—	—	—	—	Ткачихи	2	52	—	—	Белильщики	—	—	4	—
							Мельничн. маст.	—	—	5	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сновальщики	—	—	3	80	Красильщики	—	—	4	—
							Подмастерье	—	—	—	—	4	50	—	—	—	—	—	—	—	—	Катальщики	—	—	2	85					
							Надсмотрщик	3	—	—	—	4	50	—	—	—	—	—	—	—	—	Столяры	—	—	4	—					
							Прядильн. масс.	3	50	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	Кузнецы	—	—	4	—					
							Ткачи	3	75	—	—	7	80	5	6	5	83	5	70	—	—	Мотальщики	—	—	1	90					
							Переборщики	—	—	—	—	3	90	3	38	—	—	2	50	—	—	Шпульники	1	62	1	30					
							Сновальщики	—	—	—	—	—	—	3	50	—	—	6	—	—	—	Белильщицы	—	—	4	90					
							Кардошники	—	—	—	—	—	—	3	25							Переборщицы	2	84	—	—					
							Мотальщицы	1	38	2	—	3	33	1	30	1	61	1	75	1	38									
							Тростильщицы	3	50	1	38	1	83	1	30	—	—	—	—	—	—									
							Шпульники	2	90	—	—	1	38	—	—															
							Узольщики	—	—	4	—	1	38	2	25	3	45	—	—	3	50									
							Бердовщики	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—									
							Столяры	3	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—									
							Вертящ. маш.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—									
							Вязальщики	2	—	—	—	—	—	3	75	—	—	3	25	—	—									
							Разборщ. шел.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—									
							Разборщ. основ	—	—	—	—	—	—	3	25	—	—	—	—	—	—									
							Караульщики	3	50	3	50	4	50	—	—	—	—	—	—	—	—									

Эта таблица составлена на основании данных о заработной плате, содержащихся в неоднократно цитированном „Деле о присылке содержателями фабрик и заводов, имеющих приписных и покупных людей" и пр. 1803 г. (Арх. д-та торг. и ман.). При переводе поденной платы в месячную я умножал дневную плату на 23, так как таким образом выводили месячную плату из поденной сами фабриканты, доставлявшие сведения.

такая же плата, как и вольнонаемным, получавшим, обыкновенно, значительно большую плату.

Но в общем, как видит читатель, плата была очень низка. В Московской губернии ткачи на суконных фабриках вырабатывали в месяц от 3 руб. до 6 руб. 60 коп. — в среднем около 4 р. 50 к. На шелковых фабриках заработок ткачей был значительнее: от 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к. В Ярославской губ. шелковые ткачи вырабатывали около 6 р. в месяц. Заработок полотняных ткачей на Ярославской большой мануфактуре составлял в среднем 4 р. 15 к. в месяц. На ситцевых фабриках Дмитрия и Ефима Грачевых бумажные ткачи получали гораздо больше, — до 10 руб. в месяц. Такую же плату получали на этих фабриках и набойщики. Другие рабочие, в большинстве случаев, оплачивались гораздо хуже ткачей. Так, сновальщики на суконой фабрике Калинина и шелковой Лазарева получали только 3 р. 50 к. в месяц, на фабрике Угличанинова полотняные сновальщики вырабатывали 3 р. 80 к. в месяц. Гораздо большую плату получали сновальщики на шелковой фабрике Колосовых — до 6 руб. в месяц.

Кардошники, скребальщики, катальщики получали приблизительно столько же, столько и сновальщики. Заработок столяров, кузнецов, слесарей, состоявших при фабриках, колебался между 3 и 4 руб. в месяц.

Плата женщинам была гораздо ниже мужской. Труд ткачих и прях оплачивался еще не так низко: ткачихи получали на суконной фабрике Калинина 2 р. 60 к., пряхи — 2 р. 67 к.; но за более простой труд — мотанье, витье основ, трощенье шелка — плата женщинам была совершенно ничтожна и, обыкновенно, не достигала и 2 руб. в месяц.

Еще ниже оплачивался труд малолетних, исполнявших те же работы (взрослые женщины получали за мотанье, трощенье и тому подобную работу, обыкновенно, 7 коп. в день, дети — 5—6 коп.).

Чтобы оценить значение приведенных цифр, надо превратить денежную плату в реальную. Приведенная плата выражена в ассигнациях; о реальной ценности ассигнационного рубля в начале этого столетия можно составить некоторое представление по цене хлеба. Средняя цена пуда ржаной муки в Москве за 5 лет от 1799 до 1803 г. была 66 коп.[1]. За 5 лет: 1890—1894 гг. пуд обыкновенной ржаной муки в Москве продавался за 93 коп.[2]*. Таким образом, цена хлеба в Москве поднялась за 90 л. на 41% **. Средний заработок посессионного фабричного рабочего в начале этого века можно определить, примерно, в 4 рубля в месяц; принимая в соображение повышение цены на хлеб, это составит на современные деньги 5 р. 64 к. в месяц *** — заработная плата крайне ничтожная. Правда, доход посессионного рабочего не ограничивался его денежной платой; рабочий получал от владельца, кроме того, разные натуральные пособия: даровое помещение, дрова, иногда

[1] «Хлебопекарный промысел в Москве». Изд. моск. городск. управы. Москва 1894 г. Прилож. 4.

[2] «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства», 1897 г. Спб., том II, стр. 151.

* В 1-м издании «обдирной» вместо «обыкновенной» и 1 рубль 03 коп. вместо 93 коп. — *Ред.*

** В 1-м издании — 60%. — *Ред.*

*** В 1-м издании «6 руб. 40 коп.». — *Ред.*

рабочие пользовались сенокосами, неспособные к труду и малолетние содержались владельцем и пр.

Но на основании имеющихся в моем распоряжении данных следует думать, что все такие натуральные пособия по своей ценности далеко не достигали размера денежной платы, получавшейся рабочим; денежная плата оставалась главной составной частью дохода рабочего.

А так как все приведенные данные исходят от фабрикантов, которые прямо были заинтересованы в том, чтобы представить положение рабочих в лучшем свете, чем оно действительно было, то можно принять, со значительной вероятностью, что действительный заработок рабочих не превышал приведенных цифр денежной платы.

Как я сказал, этот заработок оказывается в большинстве случаев очень низким. Только на ситцевых и бумаготкацких фабриках заработок был значительно выше и то лишь для набойщиков и ткачей. Кузнецы, белильщики, красильщики получают на этих фабриках обычную плату — 4 руб. в месяц. Ткачи и набойщики вырабатывали гораздо больше. Это объясняется, без сомнения, тем, что в начале XIX века во Владимирской и Московской губерниях быстро развивается ситцепечатное и бумаготкацкое производства, — спрос на набойщиков и миткалевых ткачей был очень велик, почему и плата им должна была значительно подняться над средним уровнем.

О плате вольным рабочим в начале этого века данные скуднее. В своих ответах Мануфактурколлегии некоторые фабриканты приводят плату вольнонаемных: так, на фабрике Дудышкина посессионные ткачи вырабатывали 3 р. 75 к., а вольные — 7 р. 33 к. в месяц. На фабрике Москвина вольные ткачи получали такую же плату, что и посессионные — 7 р. 80 к. в месяц. На фабрике Красильникова плата вольнонаемным и посессионным была одинакова. На полотняной фабрике Водовозова (в Вязниковском у., Владимирской губ.) работали только вольнонаемные, получавшие: ткачи — 6 р. в месяц, белильщики — 4 р. 58 к. На полотняной фабрике Грибанова (Ярославский у.) рабочие (кроме ткачей) получали, по его заявлению, от 5 р. 83 к. до 10 руб. в месяц.

Заработок вольного ткача был не ниже 6 руб. и, вероятно, нередко достигал 10 руб. При переводе на современные деньги это составляло от 8 р. 46 к. до 14 р. 10 к.

Как же изменялась плата фабричных рабочих во времени: повышалась она или понижалась? Ответить на этот вопрос, как я говорил выше, нелегко. К счастью, мы имеем по этому предмету, хотя и не обширный, но весьма ценный статистический материал; а именно: мы можем проследить изменение заработной платы на некоторых крупных посессионных фабриках с начала века до 40-х годов по *выпискам из подлинных конторских книг фабрик и показаниям самих рабочих.* Кроме того, мы располагаем кое-какими отрывочными данными о заработной плате и вольных рабочих.

Фряновская и Купавинская шелковые фабрики (при селах Фрянове и Купавне, Богородского уезда) принадлежали к весьма крупным. На Фряновской фабрике по пятой ревизии числилось 533 душ мужского пола, а на Купавинской — по седьмой ревизии — 680 душ мужского

пола. По обеим фабрикам мы имеем весьма детальные сведения о положении рабочих за целый ряд лет.

Фряновская фабрика в начале этого столетия принадлежала дворянину Лазареву. Рабочие жили в своих избах; при каждом дворе были небольшие огороды (на каждый огород приходилось в среднем 144 кв. саж.). Кроме того, рабочие имели выгон; пахотной земли у них не было, так же, как и сенокосов; земледелием из них никто не занимался. Дрова и лес на постройку изб они получали от владельца. Единственным источником дохода для них являлась фабричная работа.

В вышеприведенной таблице указаны платы фряновским рабочим. Кроме этих плат, владелец оказывал следующие пособия своим рабочим: 1) престарелые и неспособные к работе получали денежное содержание от 75 коп. до 3 руб. на человека; 2) в начале этого столетия для покупки дров на каждую избу выдавалось 3 руб. в год, впоследствии дрова и лес отпускались натурой; 3) хлеб отпускался фабричной конторой рабочим по покупной цене владельца; 4) все подати платились содержателем фабрики без вычетов из заработной платы.

Как я говорил в главе IV, рабочие Фряновской фабрики беспрерывно жаловались на Лазарева высшей власти. Главным поводом к жалобам была низкая заработная плата. Эти жалобы оказывали известное действие и некоторые требования рабочих были удовлетворены хозяином. Что касается заработной платы, то она подверглась в течение первого двадцатилетия этого века значительным переменам, как видно из нижеследующих цифр.

Средняя месячная заработная плата на Фряновской фабрике

	1802 г. р. к.	1818 г. р. к.	1820 г. р. к.	Увеличение срав. с 1802 г. (в проц.)
Ткачи	5 06	14 00	15 50	206
Переборщики	3 38	8 42	9 92	193
Шпульники	—	3 25	3 33	—
Мотальщицы и тростильщицы (до 15 лет)	1 08	3 09	3 53	227
(старше 15 лет)	1 50	3 53	4 42	195
Узольщики	2 25	4 50	5 00	122
Разборщики основ.*	3 25	5 00	6 25	92 *

По всем отраслям труда по обработке шелка наблюдается огромное повышение денежной платы. Приведенные цифры за 1818 и 1820 гг. основаны на выписках из конторских книг фабрики, и им можно вполне

---

* В 1-м издании таблица продолжается следующей категорией рабочих:

Бердовщики	3 00	15 00	15 00	400
Барантщики	—	5 00	5 00	—
Токари	—	8 00	8 33	—
Работники в красильне	—	5 00	5 00	—
Сандальщики	—	5 00	5 00	—
Столярные мастера	—	7 00	7 00	—
Обручники	—	4 50	5 75	—
Работники в столярной	—	4 00	4 00	—
Печные мастера	—	6 00	6 00	—
Работники у печного мастера	—	5 50	5 50	—
Слесари	—	7 00	7 00	—
Кузнецы	—	5 50	5 50	—
Караульные	—	4 00	5 00	—

доверять, так как сами рабочие в прошении, поданном в 1818 г. Александру I, заявили, что против правильности цифр заработной платы в конторских книгах у них «спора нет». Плата ткачам и переборщикам была очень различна, смотря по роду материй. Приведенные цифры заработка ткачей и переборщиков получены мною путем суммирования заработка каждого ткача и переборщика в отдельности и деления полученной суммы на число ткачей и переборщиков. Таким образом эти цифры выражают собой *действительный* средний заработок этих рабочих, а не фиктивный, который мог бы быть получен путем вывода арифметической средней из плат ткачей и переборщиков, не принимая в соображение числа рабочих, получающих ту или иную плату.

Итак, на Фряновской фабрике два первых десятилетия этого века принесли с собой огромное увеличение денежной заработной платы. Как же изменилась реальная плата? Обратимся к ценам хлеба.

Годы	Средняя цена пуда ржаной муки в Москве р. к.	Увеличение (в проц.)
1799—1803 . . .	0 66	139
1816—1820 . . .	1 58	—

Денежная плата большинства рабочих возрасла гораздо больше, чем цена хлеба. (На Фряновской фабрике в 1818 г. работало 801 мужчин и женщин, причем ткачей было 187, переборщиков 90, мотальщиц и тростильщиц 388; разборщиков основ и узольщиков, плата которых повысилась менее цены хлеба, было: первых — 4, а вторых — 15.)

Итак, следует признать важный факт повышения в течение двух первых десятилетий этого века * *реальной* заработной платы на Фряновской фабрике, по крайней мере, на 25%.

Во второй половине 30-х годов положение рабочих на Фряновской фабрике было обследовано особой правительственной комиссией, в виду жалоб рабочих на разные притеснения новыми их владельцами, купцами Рогожиными, купившими фабрику у Лазарева. Комиссия эта составила по подлинным конторским книгам следующую любопытную таблицу, относящуюся к 1836 году.

Дворы, получающие в год	Число дворов	На них рабочих: мужч.	женщ.	Получено ими в 1836 г. (в рублях)
до 300 р.	104	124	185	22 337
„ 400 „	49	82	117	16 876
„ 500 „	33	89	75	14 978
„ 600 „	23	61	64	12 458
„ 700 „	24	69	58	15 333
„ 800 „	14	44	36	10 511
„ 900 „	8	30	23	6 835
„ 1000 „	6	25	20	5 670
выше 1000 р.	9	27	26	13 734
Итого . .	270	551	604	118 732

* В 1-м издании слова «в течение двух первых десятилетий этого века» отсутствуют. — *Ред.*

На эту таблицу можно безусловно полагаться, так как она была проверена в канцелярии московского генерал-губернатора, настаивавшего на необходимости повысить плату фрянским рабочим. Высокая сумма доходов некоторых дворов, по объяснению генерал-губернатора, зависела от того, что в число рабочих включены все посессионные служащие на фабрике, в том числе и приказчики, конторщики, надсмотрщики и другие, получавшие крупное жалованье.

Но если даже откинуть такие дворы, все-таки следует признать, что в среднем фряновские рабочие вырабатывали около 400 руб. на двор, имея избы, огороды, лес на постройку домов и отопление и получая хлеб от владельца по покупной цене. Пуд ржаной муки в Москве в 1836 г. стоил 1 р. 12 к., в 1837—1839 гг. — 1 р. 38 к. Таким образом, цена хлеба сравнительно с 1816—1820 гг. понизилась, а так как денежная плата фряновских рабочих во всяком случае не сократилась (номинально все это время оставалось в силе прежнее «Положение» 1820 г., но рабочие домогались прибавки к плате), то, следовательно, реальная плата возросла.

Правительственная комиссия выработала проект нового Положения, по которому плата рабочим была возвышена на 20—30%. Московский генерал-губернатор не согласился с этим проектом, признавая эту прибавку слишком незначительной. По этой причине нового Положения для Фряновской фабрики составлено не было, и размер платы не был установлен правительством.

В одном отношении московского генерал-губернатора министру финансов содержатся любопытные данные относительно платы вольным рабочим на Фряновской фабрике. По словам кн. Голицына, «касательно держания большого числа вольного народа следует заметить, что поныне одним из главных поводов к неудовольствиям приписных мастеровых было то обстоятельство, что сим приписным платилось гораздо менее, нежели работающим с ними вместе вольным людям. Так, например приписные ткачи кругом заработали в год около 185 руб. каждый, а сидящие с ними вместе и работающие те же самые изделия вольные ткачи заработали кругом около 350 руб. каждый. Приписным набойщикам было положено от 8 до 22 руб. в месяц жалованья, а вольным идет, большею частью, 420—600 руб. в год... не меньше как 58 человек получали по 480 руб. годового жалованья».

Таким образом, заработная плата вольным рабочим на шелковых фабриках в конце 30-х годов была очень высока [1].

Перейдем теперь к другой крупной посессионной фабрике Богородского уезда — Купавинской. Основанная купцом Земским, она перешла затем к казне, передавшей ее в 1803 г. князю Юсупову.

На этой фабрике рабочие имели свои избы с огородами. Хлебопашеством они не занимались. Дрова и лес на постройку изб и ото-

[1] Все данные о заработной плате фряновских рабочих после 1803 г. взяты из двух дел: Дело о притеснениях содержателем шелковой фабрики дворянином Лазаревым мастеровым чинам, 9 февраля 1815 г., и Дело по просьбе фабричных мастеровых Фряновской шелковой фабрики купцов Рогожиных о притеснениях, делаемых им фабрикантами, 10 апреля 1837 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

пление получали от владельца даром. Хлеб получали по покупной цене владельца. Рабочие имели право пользоваться сенокосом на лугах при фабрике, а также выгонами для своего скота. В отличие от Фряновской фабрики, подушная подать платилась самими фабричными и вычиталась из их заработной платы. Престарелые получали содержание от владельца.

По Положению 1802 г., мужчины получали на фабрике плату от 4 р. 17 к. до 6 р. 70 к. в месяц (причем ткачи получали средним числом 6 р. 70 к.), а женщины — от 1 р. 50 к. до 1 р. 85 к. в месяц. К 1817 г. заработная плата на Купавинской фабрике сильно увеличилась.

Месячная плата

	р. к.
Ткачи	15 42
Переборщики	11 66
Размотчицы	5 00
Строгальщицы	5 00
Чистильщицы	5 00

Плата ткачей такая же, как и установленная Положением 1820 г. для Фряновской фабрики. Плата переборщиков и женщин на Купавинской фабрике была выше. В общем же в первые два десятилетия этого века заработная плата на Купавинской фабрике изменялась приблизительно так же, как и на Фряновской, т. е. денежная плата возвысилась, примерно, в три раза, а реальная — на 25%.

В 1833 г. Юсупов продал Купавинскую фабрику купцам Бабкиным. Бабкины переменили производство на фабрике и обратили ее из шелковой в суконную. Благодаря этому, непосредственное сравнение плат на Купавинской фабрике до и после 1833 г. невозможно.

И на Купавинской, как и на Фряновской фабрике, вольные рабочие получали гораздо большую плату, чем посессионные. По показанию самих Бабкиных, вольным рабочим платилось вдвое против посессионных. Это и вызвало неудовольствие посессионных рабочих. В прошении министру финансов 5 августа 1834 г. рабочие особенно настаивают на несправедливости такого различия. «Месячный народ, — пишут рабочие, — как то: кузнецы, слесаря, токари, столяра и пр., получают от 10 руб. до 15 руб., а по вольной цене — по 40 руб., равенщики при машинах в месяц по 8 руб., а по вольной цене — 25 руб., на чесальных машинах мальчики 15 и 16 лет — по 7 руб., а по вольной цене — по 17 руб., при сновальне девки получают по 3 р. 50 к., а по вольной цене — по 8 руб.».

По сведениям, доставленным в начале 40-х годов фабричною конторою, купавинские посессионные рабочие получали следующую плату:

Средняя месячная плата рабочим Купавинской фабрики

	1834 г.	1848 г.
Ткачи (сукон)	23 р. — к.	26 р. — к.
Сновальщики	13 р. 50 к.	24 р. 25 к.
Равенщики	11 р. — к.	—
Присучальщики	4 р. — к.	—
Шипальщики	8 р. — к.	9 р. — к.
При суконовальных машинах чернорабочие	11 р. 50 к.	18 р. — к.

	1834 г.	1843 г.
При паровой машине	—	17 р. 50 к.
Рабочие при трепальных машинах	10 р. — к.	15 р. — к.
При них мальчики	7 р. — к.	8 р. 50 к.
При чесальных машинах мальчики	7 р. — к.	8 р. 50 к.
Присучальщики (дети)	3 р. 50 к.	5 р. 50 к.
Сортировщики шерсти	7 р. 50 к.	15 р. — к.
Слесаря	11 р. 50 к.	16 р. — к.
Кузнецы	11 р. — к.	20 р. 50 к.
Бердочники	12 р. — к.	15 р. — к.
Столяры	12 р. 50 к.	20 р. — к.
Истопники	11 р. — к.	17 р. — к.
Сторожа	9 р. 50 к.	10 р. — к.
При чистке аппаратов (мальчики)	7 р. — к.	10 р. — к.
Вдовам, сиротам и увечным *	от 75 к. до 3 р.	от 75 к. до 4 р.

Если сравнить эти данные с цитированным показанием рабочих, то оказывается, что в большинстве случаев рабочие показывают ту же плату, которая значится и по конторским книгам фабрики. Так, кузнецы, столяры, слесаря получают от 10 до 15 руб. и по показанию рабочих и по конторским книгам [1]. То же следует сказать и о заработной плате чесальщиков. Плата равенщиков показывается рабочими более низкой, но это объясняется тем, что равенщики получали неодинаковую плату, и рабочие, естественно, привели самую низкую.

В виду такого совпадения показаний рабочих с цифрами заработной платы по конторским книгам фабрики, следует признать последние выражающими действительное положение дела.

Мы видим, что в половине 30-х годов заработная плата Купавинской фабрики была, в среднем, значительно выше, чем на Фряновской фабрике. Плата ткачам, столярам была выше на Купавинской фабрике процентов на пятьдесят. В 1842 г. плата еще повысилась почти по всем родам труда. Заработок ткачей достиг 26 руб. в месяц; средний заработок обученного рабочего (skilled labour) колеблется, примерно, от 15 до 20 руб. в месяц. Низшие роды труда (например, труд сторожа) оплачивались 10 руб. в месяц. Правда, одновременно с этим поднялась и цена хлеба.

Цена пуда ржаной муки в Москве

1831 — 1835 гг.	1 р. 93 к.
1838 — 1842	2 р. 31 к.

---

* В 1-м издании в таблице есть еще:

		Р. К.
Декатировщики	—	17 50
По отдельному корпусу в разн. работ.	—	14 50
При них малолетние	—	6 00
При накладке сукон (мальчики)	—	14 50
Стригачам мастерам	—	40 00
„ подмастерьям	—	22 00
„ рабочим	—	13 50
Красильным чернорабочим	—	17 50

[1] В таблице я привожу среднюю плату, и потому цифры заработной платы оказываются иными, чем по показанию рабочих. Но в подлиннике они тождественны.

Хлеб вздорожал в цене почти на 20%. Плата ткачей выросла слабее (на 13%), но плата сновальщиков, рабочих при машинах, сортировщиков, слесарей, кузнецов, столяров увеличилась в гораздо большей пропорции: в среднем значительно более, чем на 50%. В общем же следует признать, что на Купавинской фабрике реальная заработная плата повышалась в течение всех первых четырех десятилетий этого века.

Однако, вернемся назад — к положению купавинских рабочих в половине 30-х годов, когда на этой фабрике произошли известные волнения, вызванные, главным образом, вздорожанием хлеба в 1834 г. Для обследования положения рабочих была назначена и для Купавинской фабрики особая правительственная комиссия. Чиновник от московского генерал-губернатора в этой комиссии Соловьев составил табель заработных плат для Купавинской фабрики, которая не была утверждена вследствие отрицательного отношения министерства финансов ко всякому регулированию платы посессионных рабочих. Тем не менее табель Соловьева весьма любопытна тем, что она может дать представление о плате вольным рабочим на суконных фабриках в половине 30-х годов, так как Соловьев признавал необходимым (как сам объяснял в донесении генерал-губернатору) уравнять плату посессионным и вольным рабочим.

Табель месячных заработных плат для Купавинской фабрики, составленная Соловьевым [1]

Валка сукон

Мастер	60 — 70 р.
Рабочие	21 — 35 „
Сушильщ. и развешивальщики	20 „

Крашение сукон

Мастер	60 — 70 р.
Рабочие	24 „
Мытельщики	20 „
Нагонный мастер	34 „
Ворсовщики	24 „

Стрижка сукон

Мастер	50 р.
Рабочие	20 — 22 „
Стригачи	24 — 29 „
Вязальщики	21 „
Бердовщики	35 „

Прессовка сукон

Мастер	40 р.
Рабочие	25 — 30 „

Декатировка сукон

Мастер	34 р.
Рабочие	20 „

Кузница

Кузнецы	25 — 45 р.

Слесарня

Мастер	35 — 40 р.
Рабочие	18 — 25 „

Токария

Мастер	45 р.
Рабочие	20 — 25 „
Сторожа при кладовых	25 „
Сторожа при фабрике	20 „

Соловьев был членом комитета снабжения войск сукнами, следовательно, близко знал суконное дело, и для составления этой табели объездил все соседние суконные фабрики. Так как табель эта составлялась для определенной практической цели и должна была установить действительную заработную плату на Бабкинской фабрике, то она пред-

[1] За тканье и прядение шерсти в табели Соловьева приведена только задельная плата, причем месячная выработка рабочего не указана, почему я и не мог определить платы ткачей, сновальщиков и вообще всех издельных рабочих.

ставляет очень большой интерес, как показатель действительной платы вольнонаемным рабочим на московских суконных фабриках в рассматриваемую эпоху. Высокая плата рабочим по этой табели нас не должна удивлять, так как она сходится с показаниями рабочих. Мы видели, что, по показаниям рабочих, вольнонаемные кузнецы, столяры, слесаря и др. получали в месяц по 40 руб. Соловьев назначает им плату от 20 до 45 руб. Даже мальчики при чесальных машинах, по словам рабочих, получали, по вольной цене, 17 руб. в месяц — не удивительно, что у Соловьева плата за самый простой чернорабочий труд определяется не меньше 20 руб. в месяц.

Показания рабочих подтверждались и хозяевами фабрики. По словам Бабкиных, вольные ткачи зарабатывали у них около 35 руб. в месяц, прядильщики 30—35 руб. в месяц, равенщики 15—24 руб.

У меня есть данные о заработной плате на крупной посессионной суконной фабрике Рыбникова (в селе Чудино):

Месячная плата рабочим на фабрике Рыбникова

С 1837 г. по 1842 г.

Ткачи	30 — 50 р.	Мюльщики	35 — 40 р.
Прядильщики	35 — 40 „	Прядильщики кромки	40 „
Щипальщики	12 — 15 „	Сновальщики	18 — 25 „
Трепальщики	12 — 18 „	Катушечницы	9 „
Настилальщики	9 „	Сторожа	18 „
Присучальщики	8 „		

Данные эти доставлены фабричною конторою по требованию богородского земского суда и, быть может, несколько преувеличены. Но вообще на фабрике Рыбникова плата посессионным рабочим была очень высока. Посессионные рабочие, по показанию владельца, получали на ней такую же плату, как и вольнонаемные. Правительственная комиссия, составлявшая положение Купавинской фабрики, приводит следующую табель заработной платы в 1834 г. на Чудинской фабрике (которая в то время принадлежала купцу Тулубову):

Ткачи	22 — 30 руб.	Поденщики	от 75 к. до 1 р. в день
Равенщики	24 „	Красильщики	24 руб.
Присучальщики	8 „	Чистильщики карб.	9 „
Щипальщики	11 „	Стригачи	26 „
Мотальщики	10 — 12 „	Трепальщики	15 — 25 „
Сновальщики	21 „	Сукновалы	20 — 25 „
При них мальчики	9 „	Сторожа	21 „
Чистильщики сукон	11 — 13 „		

Мы видим, что купавинские рабочие были совершенно правы, утверждая, что заработная плата взрослого вольного рабочего на фабриках превышала 20 руб. в месяц. Вольнонаемный ткач на суконной фабрике зарабатывал не менее 30 руб. в месяц. Даже посессионные ткачи на Купавинской фабрике вырабатывали в 1834 г. 23 руб., а в 1843 г. — 26 руб.

Если мы сравним эту плату с заработком ткачей на суконных фабриках Московской губернии в начале века, мы должны будем признать

огромное повышение платы. И в суконном, как и в шелковом, и даже еще более чем в шелковом, производстве, первая половина этого века была временем почти непрерывного роста заработной платы как денежной, так и реальной[1].

Перейдем теперь к полотняному производству. Крупнейшей полотняной фабрикой в России в начале этого века была Ярославская большая мануфактура Яковлева. На ней работало в 1817 г. 2371 посессионных рабочих, мужчин и женщин. На этой фабрике к денежной плате присоединялись разнообразные натуральные пособия рабочим со стороны владельца. Так, каждый рабочий получал в месяц 1 п. 20 ф. ржаной муки и по пяти фунтов пшеничной муки, с вычетом из денежной платы по 30 коп. за пуд ржаной муки и по 50 коп. за пуд пшеничной муки, в то время, как сами владельцы покупали муку по цене, в несколько раз высшей. Точно так же рабочие получали по определенной цене и дрова, причем в 1817 г. цена эта далеко не достигала покупной. Престарелые получали пенсии и содержание от владельца, малолетним хлеб отпускался даром. Рабочие имели свои дома и огороды, все повинности уплачивали за них владельцы.

О денежной ценности натуральных прибавок к денежной плате можно судить по тому, что в 1819 г. владелец фабрики Яковлев подал просьбу в департамент мануфактур и внутренней торговли об избавлении его от обязанности отпускать по вышеназванной цене муку, а также и дрова фабричным, с одновременным повышением денежной платы рабочим на 50%. При этом он представил расчет, по которому рабочим за 1813—1818 гг. выдавалось в среднем ежегодно деньгами 108 599 руб., а уступка на цене муки и дров ежегодно достигала 53 607 руб. Следовательно, мы имеем полное основание признать, что действительная плата рабочим Ярославской большой мануфактуры, по крайней мере, на 50% превышала денежную, ибо не мог же фабрикант просить о вещи, для него убыточной.

Месячная плата рабочим на Большой ярославской мануфактуре

Ткачи вырабатывали средн. числом	8 р. 20 к.	— 13 р. 40 к.
Переборщики „ „ „	5 р. 70 к.	— 8 р. 95 к.
Ткачихи „ „ „	5 р. 30 к.	— 7 р. 50 к.

Красильщики пряжи.

Мастера	12 р. 50 к.
Помощник вырабат. средн. числом	10 р. 25 к.
Работник „ „ „	7 р. 31 к.
Женщины (витье пряжи)	3 р. 23 к. — 7 р. 70 к.

[1] Все, касающееся Купавинской фабрики, а также Чудинской Рыбникова, взято мною из двух дел: Дело по всеподданнейшей просьбе князя Юсупова о взятии в казну Купавинской фабрики, о передаче оной коммерции советнику Лиону, а напоследок купцам Бабкиным, 11 ноября 1831 года; Дело об отдаче действительному тайному советнику князю Юсупову в потомственное содержание Купавинской шелковой фабрики, 9 сентября 1803 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

Так как число ткачей, получавших высшую плату, повидимому, было не велико, то средний заработок полотняного ткача Яковлевской фабрики в 1817 г. можно принять в 15 руб. в месяц (10 руб. денежная плата и 50% уступка в цене хлеба и дров). Средний заработок ткачихи был не менее 10 руб. (полагая денежную плату в 6—7 руб. и 50% прибавки). Если мы сравним эту плату с платой на той же фабрике в 1803 г., мы заметим огромное возрастание как денежной, так и реальной платы. В 1803 г. ткач зарабатывал на Ярославской большой мануфактуре средним числом 4 р. 15 к. в месяц, а ткачиха 2 р. 52 к. в месяц; правда, сюда следует прибавить уступку в цене муки, но в 1803 г., благодаря более низким ценам хлеба (ржаная мука покупалась владельцами по 50 к., а пшеничная — по 87 к.), уступка эта выражалась ничтожной прибавкой к денежной плате, а дрова в 1803 г. уступались рабочим по покупной цене.

При опросе рабочих Яковлевской мануфактуры чиновником департамента мануфактур и внутренней торговли Бурнашевым (об этом я говорил выше в главе IV), почти все рабочие показали, что свой заработок они признают недостаточным и требуют не меньше 150 руб. в год (т. е. 12 р. 50 к. в месяц). Я уже упоминал, что волнения рабочих, в конце концов, привели к повышению заработной платы на 7%.

На других полотняных посессионных фабриках рабочая плата мало отличалась от платы на Большой ярославской мануфактуре. На Малой ярославской мануфактуре, полотняной фабрике в городе Ярославле, принадлежавшей купцу Угличанинову, рабочие имели дома, подати за них платились владельцами, мука отпускалась рабочим на тех же условиях, как и на фабрике Яковлева, но денежная плата была ниже.

Месячная плата на Малой ярославской мануфактуре
В 1817 г.

Ткачи	7 р. 50 к. — 12 р. 50 к.
Ткачихи	4 р. 17 к. — 5 р. 83 к.
Сновальщики	5 р. 83 к. — 10 р. 83 к.
Женщины (витье пряжи)	2 р. 50 к. — 3 р. 33 к.
Столяры, Бердники, Кузнецы	6 р. — к. — 8 р. — к.

На полотняной фабрике Куманина в Переяславском уезде, Владимирской губернии, рабочие имели не только избы, огороды, но также и свои покосы. Дрова отпускались хозяином даром. Все подати платил хозяин. Денежная плата была не выше, чем на Яковлевской фабрике.

Месячная плата на полотняной фабрике Куманина
В 1820 г.

Мастер	15 р. — к.	Сновальщики	10 р. — к.
Подмастерье	12 „ 20 „	Нитовщики (малолетние)	4 „ — „
Котельщик	7 „ — „	Браковщики	14 „ — „
Ткачи	7 „ 16 „	Бердовщики	12 „ — „
Женщины (размот. пряжи)	5 „ — „		

На полотняной фабрике Щербакова, в Ярославском уезде, посессионные ткачи вырабатывали в месяц около 12 р. 50 к., вольные ткачи получали на фабрике Горбунова в городе Романове, Ярославской губер-

нии, более 20 рублей в месяц. В Москве, около 1820 г., плата вольнонаемным рабочим, по показанию московского комитета снабжения войск сукнами, была не менее 300—400 руб. в год для взрослых мужчин, а для женщин и несовершеннолетних 150—200 руб. в год. Следовательно, в 20-х годах месячная плата вольнонаемного фабричного рабочего в Москве, примерно, достигала 25—30 руб. и более, а женщин — 12—15 руб. и более[1].

Относительно заработной платы в хлопчатобумажном производстве у меня нет таких же надежных данных, как вышеприведенные, допускающие поверку показаниями рабочих. Приходится довольствоваться отрывочными цифрами заработной платы, приводимыми в литературе. Прилагаемая таблица может познакомить с рабочей платой на хлопчатобумажных фабриках Владимирской губернии в 50-х годах.

Из этой таблицы видно, что месячный заработок ткача на механических станах в 1856 г. был около 11 руб. серебром, а на ручных станах около 7 руб. серебром. Плата набойщику почти достигала 10 руб., прядильщикам — 15 руб. и более. Столяры, кузнецы, слесаря вырабатывали 10—12 руб. и более, чернорабочие — около 5 руб. Заработная плата детей-шпульщиков, шрифтовальщиков была ничтожна: едва превышала 1 руб. Женщины вырабатывали, по данным Я. Гарелина, от 5 р. 50 к. до 9 руб.; на бумагопрядильне Борисовского почти все платы значительно ниже, — это объясняется, вероятно, тем, что в 1854 г. (год Крымской войны), к которому относятся приводимые данные, был сильный застой в хлопчатобумажной промышленности; во второй половине 50-х годов заработная плата фабричных рабочих сравнительно с 1854 г. значительно поднялась.

Сопоставим эти платы с ценами хлеба.

Средняя цена пуда ржаной муки в Москве[2]

1852 — 1856 гг. . . . . 47 коп.

В первой половине 90-х годов (1890—1894 гг.) ржаная мука обыкновенная продавалась в Москве по 93 коп.*[3]. Таким образом, цена хлеба со времени 50-х годов поднялась почти вдвое.** Можно признать, что на современные деньги механический ткач в Иванове в 1856 г. получал около 22 руб., ручной — 14 руб., набойщик — 20 руб., прядильщик — 30 руб.*** и т. д. Как увидим ниже, в наше время рабочая плата значительно ниже.

---

[1] Данные о заработной плате рабочим на полотняных фабриках взяты из двух дел: Дело по жалобам мастеровых людей Большой ярославской мануфактуры на владельцев оной Яковлевых в произвождении ими малой заработной платы, 16 марта 1817 г.; Дело о притеснениях, чинимых фабрикантом Угличаниновым мастеровым людям, 22 июня 1817 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] «Хлебопекарный промысел в Москве».

[3] «Влияние низких хлебных цен на разные стороны народного хозяйства». С.-Петербург, 1897 г., т. II, стр. 151.

* В 1-м издании «обдирная» по 1 р. 03 к.

** В 1-м издании «на 120%». — *Ред.*

*** В 1-м издании вместо этих цифр соответственно: 25 руб., 16 руб. 22 руб., 33 руб. — *Ред.*

Вообще не подлежит сомнению, что вторая четверть этого века в России характеризовалась сравнительно высокой заработной платой фабричных рабочих. В обширной статье в «Журнале мануфактур и торговли» за 1837 г. (№ 12) «О состоянии рабочих в России» приводятся очень высокие цифры заработной платы; так, по словам автора статьи, «хороший ткач шелковых материй может приобресть в Москве по 3, 4 и более рублей в день (ассигнациями). Порядочный прядильщик получает по 40 и 45 руб. в месяц; печатник и набойщик от 400 до 500 руб. в год; наконец, красильщик и белильщик получают, средним числом от 20 до 25 руб. в месяц. Детям и женщинам платят то в положенные сроки, то за работу. Многие приобретают по 150, 200 и 250 руб. в год». Эти данные, вероятно, значительно преувеличены. Но если даже, в действительности, средний шелковый ткач получал вдвое меньше, чем утверждается в цитируемой статье, все же заработок его был весьма значителен.

Много данных о заработной плате фабричных рабочих в России в 40-х годах сгруппировано в известном труде Гакстгаузена, наблюдателя, в большинстве случаев, очень точного и потому заслуживающего доверия. По его словам, рабочие на Большой ярославской мануфактуре в 40-х годах (после своего освобождения) зарабатывали: ткачи — от 1 р. 30 к. до 2 р. (ассигн.) в день, ткачихи от 60 до 80 к. в день. На шелковой фабрике Оловянишникова в Ярославле ткач легких материй вырабатывал от 1 р. 20 к. до 1 р. 40 к. в день; ткач тяжелых материй вырабатывал еще больше. В селе Великом, Ярославской губернии, ткачиха вырабатывала около одного рубля в день. В Нижегородской губернии, Арзамасском уезде, на кожевенном заводе Щетинина взрослый рабочий получал в год 160—170 руб. серебром, т. е. более 500 руб. ассигнациями. Гакстгаузен принимает, что заработок среднего фабричного рабочего в России можно считать 1 рубль ассигнациями в день; заработок прядильщика достигал 1 р. 50 к. в день, ткача и набойщика — 2 руб.

Сравнение заработной платы фабричных рабочих в России и Германии оказывается, по словам Гакстгаузена, крайне неблагоприятным для Германии. Так, ткачиха в селе Великом зарабатывала вдвое против обычного заработка ткачих в Билефельде. Гакстгаузен в нескольких местах своей книги даже утверждает, что «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, в общем, выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее»[1].

В «Исследовании о состоянии льняной промышленности в России», изданном министерством государственных имуществ в 1847 г., также приводятся, в нескольких случаях, платы рабочим на полотняных фабриках. Плата эта оказывается очень высокой. Так, на фабрике Кузьмина в Москве, по словам исследования, ткачи тонких скатертей получали в день по 3 руб. ассигн., ткачи полотенец — по 2 руб. Пряха в селе

[1] *Haxthausen*, Studien über die inneren Zustände Russlands, I — стр. 13—170, 171, 326, III — 584, 586 и др.

Средняя месячная заработная плата в рублях и копейках серебром на 12 фабриках Иваново-Вознесенска в 1856 г.

(Вычислено по данным, сообщенным местным исследователем Бабуриным, „Владимирск. губерн. ведомости", 1865 г., №№ 42—47)

Роды труда	Фабрика: Ситценабив. Н. Гарелина 578 рабочих		Бумагопряд. Н. Гарелина 560 рабочих		Ситценабивн. и бумаготкац. Я. Гарелина 1530 рабоч.		Ситцевая П. Зубкова 554 рабочих		Ситцевая и бумаготкацк. Кокушкина 289 рабочих		Ситцевая Удина 177 рабочих		Ситцевая Буркова 151 рабочий		Ситцевая Меншикова 101 рабочий		Ситцевая Борисова 77 рабочих		Ситцевая и бумаготкацк. Шодчина 272 рабочих		Ситцевая Дураневского 90 рабочих		Ситцевая Кувшаева 91 рабочий		Средняя плата	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р	К.	Р.	К.
Приказчики	54	17	—	—	62	50	54	17	25	—	29	17	20	83	—	—	22	92	62	50	43	75	29	17	40	42
Пристава	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	16	67	16	67	—	—	15	8
Машинисты	83	33	—	—	—	—	125	—	29	17	20	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	64	53
Колеристы	208	33	—	—	145	83	416	66	83	33	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	66	170	17
Граверы	30	—	—	—	21	67	34	17	15	42	37	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27	75
Конторщики	33	33	—	—	—	—	31	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32	25	32	28
Рисовальщики	2	17	—	—	33	33	41	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	67	35	42
Слесари	13	33	12	50	—	—	14	58	10	42	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	17
Кубовщики	14	58	—	—	—	—	16	66	—	—	13	33	13	33	—	—	12	50	15	—	—	—	—	—	14	17
Резчики	11	25	—	—	10	42	11	67	10	42	10	42	10	42	—	—	11	25	11	25	—	—	10	42	10	83
Кузнецы	10	42	—	—	—	—	10	42	6	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	17
Набойщики	10	83	—	—	10	42	10	42	8	33	9	58	9	17	—	—	8	33	8	75	10	42	10	—	9	67
Штрифовальщики	—	88	—	—	1	4	1	4	—	88	1	4	—	96	—	—	—	92	1	4	1	4	1	4	—	93
Заарщики	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	12	50	10	—	12	50	10	83	14	17	—	—	11	67	12	83
Раклисты	16	67	—	—	—	—	—	—	12	92	—	—	—	—	13	33	13	33	—	—	—	—	—	—	14	—
Столяры	11	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Чернорабочие	5	42	—	—	4	58	5	—	4	58	5	—	4	17	4	79	4	58	4	58	7	92	5	83	5	17
Прядильщики	—	—	14	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	58
Ткачи (на мех. ст.)	—	—	—	—	10	83	—	—	11	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Ткачи (на ручн. ст.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	67	—	—	—	—	6	67
Сновальщики	—	—	—	—	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	83	—	—	—	—	6	4
Клеедьщики	—	—	5	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	33	—	—	—	—	7	8
Щпульн и цевошники	—	—	1	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	25	—	—	—	—	1	16
Мытильщики	—	—	—	—	8	33	—	—	17	29	6	25	6	67	—	—	—	—	—	—	—	—	7	8	7	8
Накатчики	—	—	—	—	—	—	18	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18	75
Красовары	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	75	—	—	—	—	18	75	—	—	25	—	—	—	19	17
Перротинщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	67
Надсмотрщики	—	—	—	—	—	—	18	75	—	—	—	—	14	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	46

Средняя месячная заработная плата на бумагопрядильнях в Шуйском уезде в 1858 г.

(По сообщению Я. Гарелина. „Владимирские губернские ведомости", 1858 г., № 39)

Роды труда	Серебр. Руб.	Коп.
Прядильщики (взр. муж.)	20	—
Помощники их (18 лет).	7	50
Присучальщики (16 лет)	5	50
Ставильщики (14 лет) . .	3	50
Забурашники (15 лет) . .	5	—
Точильщики (взр. муж.).	7	—
Трепальщики (взр. муж.)	7	—
Чесальщики (взр. муж.).	14	—
Ленточницы (женщины).	5	50
Банкоброшницы (женщ.)	6	—
Мотальщицы (женщины)	9	—

Средняя месячная заработная плата в 1854 г. на бумагопрядильне Борисовского в Переяславле-Залесском

(По сообщению владимирск. губернского механика Н. Несытова, „Журн. ман. и торг.", 1858 г., т. II)

Роды труда	Серебр. Руб.	Коп.
Трепальщики	6	—
Чесальщики	7	—
Банкоброшницы	3	50
Ленточницы	3	50
Ставильщики (дети) . .	2	50
Присучальщики	5	—
Присучальщики дети . .	3	—
Прядильщики	12	50
Щипальщики	6	—
Щипальщики дети . . .	2	50
Мотальщицы	4	50
Валешники	12	50
Валешники женщины . .	4	—
Машинисты	13	—
Кочегары	6	50
Тазовщики	7	—
Пашечники	12	—
Обертывальщики (дети) .	4	—
Паковщики	6	—
Слесаря	12	50
Токаря	12	50
Паяльщики	13	—
Кузнецы	14	—
Молотобойцы	7	—
Столяры	11	—
Маляры	15	—
Кровельщики	15	—
Печники	1 2	50
Чернорабочие	7	—
Сторожа	5	—

Великом вырабатывала 42—50 коп. в день. Хорошие ткачи тонких полотен в селе Никольском, Ярославской губ., средним числом получали около 1 р. 50 к. в день (летом, зимою несколько меньше)[1].

Я считаю показания Гакстгаузена относительно платы русского рабочего преувеличенными. По моим данным, заработная плата была значительно ниже; но если даже и не согласиться с мнением Гакстгаузена, что русский рабочий получал в 40-х годах значительно больше германского, все же следует признать факт сравнительной высоты заработной платы в николаевской России.

Правда, из этой платы следует вычесть оброк, уплачивавшийся помещичьими крестьянами помещику. Но, во-первых, это относится только к помещичьим крестьянам, а не к государственным, а во-вторых, хотя оброки помещичьих крестьян в николаевскую эпоху и были очень высоки (оброк в центре ситценабивной промышленности — селе Иванове — был около 80 руб. ассигн. с тягла, — но такой высокий оброк, без сомнения, был исключением, как и само село Иваново), и на уплату оброка шла довольно значительная доля заработной платы, но вряд ли более $^1/_{10}$, зато в пореформенную эпоху оброки были заменены гнетом податей, быть может, еще более тяжелым.

Итак, в конце концов, нельзя не признать, что заработная плата фабричного рабочего в России в 40-х годах была высока, сравнительно как с предыдущим, так (об этом я буду говорить ниже) и с последующим временем.

Правда, в хлопчатобумажной промышленности рабочая плата с начала века скорее понизилась, а не повысилась. Бумажный ткач (посессионный) зарабатывал на фабрике Грачева в 1806 г.* 10 руб. в месяц (ассигн.), при цене муки 66 коп. пуд, а в 1856 г. вольнонаемный ручной ткач получал меньше 7 руб. (сер.), при цене муки 47 коп. (сер.). Следовательно, реальная плата *вольного* ручного ткача в 1856 г. была ниже, чем в 1803 г. плата посессионного. Но это зависело от исключительно высокого уровня заработной платы в хлопчатобумажном производстве в первые годы этого века. Движение заработной платы набойщиков и бумажных ткачей представляет почти непрерывное падение.

Лучший знаток промышленной истории Владимирской губернии, Я. Гарелин, доставил в 1873 г. в Валуевскую комиссию следующие данные об изменении заработной платы на бумажных фабриках в селе Иванове, приводимые в таблице[2].

Месячная заработная плата в селе Иванове и окрестностях
(В рублях и копейках серебром)

	Около 1810 г.	Около 1830 г.	Около 1850 г.	Около 1860 г.
Набойщики	12—20	8 - 15	6—12	5—8
Ткачи ручные	6	4,50	3,50—4,00	3—3,50
Ткачи механические . .	—	—	12—16	10—13

[1] «Исследование о состоянии льняной промышленности в России», стр. 64,
* В 1-м издании — в 1803 г. — *Ред.*
[2] «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства в России». Спб. 1873, прил. I, отдел II, стр. 227.

Месячная заработная плата в селе Иванове и окрестностях
(В рублях и копейках серебром)

	Около 1810 г.	Около 1830 г.	Около 1850 г.	Около 1860 г.
Мытельщики	3 — 4	5	7,00 — 7,30	7,50 — 9
Закотельщики	2 — 3	3,25	3,50 — 4,00	4,50 — 4,75
Рабочие на цилиндр. маш.	—	3,75	4,60	5 — 6,50
Рабочие на галандрах .	2 — 2,50	3,15	3,50	3,75 — 4,15
Чернорабочие	1,50 — 2,00	3,15 — 3,50	3,50 — 4,20	3,75 — 4,50
Мальчики	1,00 — 1,25	1,25 — 2,00	1,80	2 — 2,50
Женщины (сшивалки, переборщицы и проч.). .	1,50 — 1,75	1,75 — 2,50	2,25 — 2,75	2,50 — 3
Цена пуда ржаной муки	0,14 — 0,19	0,28 — 0,33	0,50 — 0,60	0,60 — 0,65

Заработная плата набойщиков и ткачей, как денежная, так и еще более реальная, быстро падает. Денежная плата всех других рабочих повышается, но слабее, чем повышается цена хлеба, — иначе говоря, реальная заработная плата их также падает. Дело в том, что в начале века заработная плата в Иванове, как центре ситцепечатного производства, развившегося с поразительной быстротой, была гораздо выше среднего уровня (не нужно забывать, что все цены в таблице Гарелина выражены в рублях *серебром*, а не в ассигнациях); этим и объясняется падение реальной платы в Иванове по мере притока рабочих из других местностей.

Противоположность изменения заработной платы в хлопчатобумажной промышленности и других отраслях труда объясняется очень просто. Хлопчатобумажное ткачество и набойка ситцев были сравнительно новым делом в России начала века. Огромное падение цены английской пряжи, вызванное введением прядильной машины, не сопровождалось первое время пропорциональным понижением цены готовой ткани в России. Поэтому бумажное ткачество и набойка миткалей сделались чрезвычайно выгодной операцией, доступной к тому же не только крупным предпринимателям-фабрикантам, но, — благодаря несложности производства, не требовавшего дорогих инструментов и машин, и мелким предпринимателям, — даже одиночным производителям-кустарям. Пока новое производство было мало распространено и составляло почти монополию первых пионеров (например, села Иванова во Владимирской губ.), заработок набойщиков и бумажных ткачей был чрезвычайно велик, так как каждый ткач или набойщик имел полную возможность заняться этим делом за свой собственный счет и, понятно, не стал бы работать на фабриканта за низкую плату; с другой стороны, фабриканты, получая «упятеренный рубль на рубль» (500% барыша в год), могли давать высокую плату своим рабочим.

По этой причине заработная плата хлопчатобумажных ткачей и набойщиков в начале этого столетия в несколько раз превышала плату других рабочих. Но такое различие платы не могло удержаться долгое время. Чем энергичнее развивалась хлопчатобумажная промышленность, чем большие толпы рабочих она привлекала, тем более теряла она монопольный характер. Прибыль хлопчатобумажных фабрикантов понижалась, и вместе понижалась заработная плата набойщиков и ткачей. Разница между заработной платой в хлопчатобумажной и других от-

раслях промышленности должна была сглаживаться. По мере падения заработка набойщиков и бумажных ткачей, рос заработок рабочих на суконных, шелковых, полотняных и других фабриках, так как возможность заняться более выгодным бумажным ткачеством, прилив рабочих на хлопчатобумажные фабрики, развитие кустарного ткачества не могли не уменьшать предложения рабочих рук во всех других отраслях труда. Таким образом, одновременно заработок хлопчатобумажных рабочих падал, а всех других — возрастал.

В 40-х и 50-х годах разница между заработной платой на хлопчатобумажных и других фабриках совершенно сгладилась. Рабочие на хлопчатобумажных фабриках стали получать не больше, чем все другие.

Таким образом, падение платы набойщиков и бумажных ткачей отнюдь не колеблет нашего общего вывода о повышении заработной платы во вторую четверть этого века. Николаевская эпоха была временем сравнительно высокой рабочей платы, — и это вполне понятно. С одной стороны, быстрый рост фабричной промышленности создавал огромный спрос на рабочие руки, с другой — предложение рабочих рук уменьшалось, во-первых, закрепощенностью населения, а во-вторых, развитием кустарной промышленности, дававшей занятие крестьянину у себя дома и избавлявшей его от фабрики. Этим и объясняется поражавший Гакстгаузена факт высокой заработной платы фабричного рабочего в крепостной России.

ГЛАВА VII *

ФАБРИКА И КУСТАРНАЯ ИЗБА

Связь между фабричной и кустарной промышленностью. — Возникновение кустарной промышленности под влиянием фабрики. — Кустарная набойка и ткачество в селе Иванове. — Превращение фабрики в фабричную контору. — Рост «самостоятельного» кустарного производства. — Значение в этом отношении фабрики. — «Самостоятельные» ткачи-кустари в Иванове. — Базарная торговля миткалем. — Жалобы фабрикантов на «недобросовестность» домашних ткачей. — Попытки фабрикантов задержать развитие домашнего ткачества. — Отношение министерства финансов к кустарной промышленности. — Закон 1846 г. относительно раздачи работы на-дом. — Развитие кустарного ткачества в николаевскую эпоху. — Распадение полотняных фабрик. — Жалобы полотняных фабрик на конкуренцию кустарей. — Распадение суконных и шелковых фабрик. — Кустарная обработка пеньки. — Роль фабрики в развитии кустарных промыслов по обработке металлов. — Наблюдаемое во многих промыслах раздробление производства. — Развитие кустарных промыслов Московской губернии. — Роль крепостного права в развитии кустарных промыслов. — Эволюция отдельных отраслей промышленности — бумаготкацкой и ситцепечатной. — Общая характеристика состояния кустарного производства и его внутреннего строя в николаевскую эпоху.

Отношения фабрики и кустарной промышленности в XVIII веке, как я уже упоминал, никоим образом не укладываются в обычную схему борьбы крупного и мелкого производства. Крупное производство, промышленный капитал не только не действовали угнетающим образом на мелкую промышленность, но, наоборот, энергично помогали ее развитию. В настоящее время я должен более обстоятельно остановиться на этом пункте. Каким образом возникло кустарное производство: изготовление крестьянами разного рода изделий для рынка? Обыкновенно думают, что кустарная промышленность произошла из семейного или домашнего производства: из изготовления предметов для нужд самой семьи. Специализация занятий и разделение труда приводят к выделению из среды сельской общины некоторых крестьян, специально занимающихся тем или иным промыслом, сначала по заказам односельчан,

* В 3-м издании ошибочно «VI» — *Ред.*

а затем и для рынка. Таким образом возникает крестьянское производство для рынка — кустарная промышленность.

«Кустарная промышленность в России — говорит, например, г. В. В.,— выросла из домашнего производства сельского населения; на всех ступенях превращения домашнего производства в кустарное главнейшими промышленными деятелями были крестьяне же» [1].

В западноевропейской литературе мы встречаемся с таким же мнением. Брюхер в своей замечательной книге «Die Entstehung der Volkswirtschaft» принимает, что Hausindustrie восточноевропейских стран возникла из домашнего производства (Hausfleiss); то же повторяет вслед за Бюхером и Зомбарт в статье «Hausindustrie» словаря Конрада.

И действительно, ближайшее изучение истории наших кустарных промыслов показывает, что многие из них, несомненно, возникли из домашнего производства. Старинные промыслы московского государства, о которых я говорил раньше, возникли именно так. Их происхождение теряется в дали времен. Правда, крестьянская промышленность московского государства далеко не была тем, о чем мечтают наши поклонники патриархальной старины. Как я указывал, кустарные промыслы, ведущие свое начало, действительно, от домашнего производства, уже в XVII и XVIII веках оказываются в большей или меньшей степени подчиненными торговому капиталу. Потребитель был, как стеной, отгорожен скупщиком от производителя-кустаря. Во всяком случае, старинные крестьянские промыслы, которые существовали в России с незапамятных времен, несомненно, не были продуктом капитализма. Поэтому противопоставление таких промыслов капиталистическим формам промышленности имеет свой raison d'être, хотя подчинение их торговому капиталу началось гораздо раньше, чем у нас обыкновенно думают. Вообще, всякая крестьянская промышленность только до тех пор может сохранять характер самостоятельного производства, пока она работает на близкий рынок или по заказам потребителя; но как только мелкий производитель начинает работать на отдельный рынок, он неизбежно подчиняется посреднику-капиталисту, как более сильному экономическому элементу; власть над рынком всегда сопровождается и властью над производителем. Западноевропейская наука не проводит принципиального различия между двумя формами Hausindustrie — покупной системой (Kaufsystem) и наемной системой (Lohnsystem). Продает ли мелкий производитель свой товар купцу за определенную плату, или делает этот товар по заказу купца из материала заказчика, — суть дела не меняется. И в том и в другом случае истинным руководителем предприятия является не производитель, а купец или предприниматель, в руки которого попадает продукт. Поэтому наша кустарная промышленность имела в большей или меньшей степени капиталистический характер уже в допетровской Руси, была домашней системой капиталистического производства. К сожалению, детальное выяснение взаимных отношений кустарей и скупщиков в XVII и XVIII веках невозможно по скудности исторического материала.

Итак, ко многим крестьянским промыслам вполне применима обыч-

[1] «Очерки кустарной промышленности», Спб., 1886 г., стр. 49.

ная схема их развития. Это те промыслы, время возникновения которых крестьяне определяют словом: «искобине» (искаженное: «искони бе»). К числу таких промыслов относятся, например, плетенье лаптей, валянье войлоков, ткачество грубого холста и сукна, бондарный промысел, изготовление деревянных изделий, скорняжничество, шубничество и пр. и пр. Все эти промыслы возникли из домашнего производства. Они были завоеваны капитализмом, но созданы не им.

Но все ли крестьянские промыслы развились таким же образом? Московские статистики, исследовавшие кустарную промышленность Московской губернии, обратили внимание на тот факт, что большая часть крестьянских промыслов сравнительно недавнего происхождения: большинство их возникло или в конце прошлого, или в начале нынешнего столетия. То же самое подтверждается и для других промышленных губерний: Владимирской, Ярославской, Костромской и пр. Целый ряд промыслов в губерниях московской группы ведет свое начало с «французского» — 1812 года. Каково же происхождение этих более новых промыслов? Находятся ли они в генетической связи с домашним производством?

Самым распространенным ткацким промыслом в центральном районе России является бумажное ткачество. Хлопчатая бумага — иноземный продукт, в России никогда не добывавшийся; ситцы начали выделываться в России в более или менее значительных размерах в конце XVIII века; вначале они были дороги (бумажная пряжа по цене почти равнялась шелковой) и употреблялись только высшими классами общества. То же следует сказать и о шелкоткацком промысле. И этот промысел возникает в центральной России (преимущественно в Московской губернии) только в XVIII веке, и шелковые ткани отнюдь не были предметом крестьянского потребления. Если мы возьмем список различных промыслов, зарегистрированных земскими статистиками, то во многих случаях уже по самому характеру промысла вполне очевидно, что промысел этот не возник из домашнего производства. Возьмем например, патронный промысел (клеение гильз для папирос), дающий занятие в Московской губернии 8 тыс. работниц. Ведь нельзя же думать, что крестьяне первоначально выделывали папиросные гильзы для собственного употребления, а затем стали пускать их в продажу. То же можно сказать и о шитье лайковых перчаток (этим промыслом занято в Московской губернии более трех тысяч работниц). Когда же крестьяне носили лайковые перчатки? Или, например, позументное ткачество: выделка офицерских и солдатских погон, серебряных галунов и пр. Разве это предметы крестьянского потребления? И не очевидно ли, что все эти промыслы никоим образом не могли возникнуть из домашнего производства и развитие их никак не может быть уложено в обычную схему?

Все эти промыслы (и многие другие), как я постараюсь показать, представляют собой законное детище фабрики и крупной мастерской. У нас, обыкновенно, представляют историю кустарной промышленности в следующем виде: первоначально — домашнее производство для нужд семьи; затем (после переходной стадии ремесла) самостоятельная кустарная промышленность; еще далее — подчинение кустаря скупщику

и превращение кустарной промышленности в капиталистическую систему домашней промышленности и, наконец, в отдалении, фабрика как конечный пункт развития. Эта схема более или менее общепринята, и спор идет только о последнем пункте, т. е. о времени и самой возможности превращения мелкого крестьянского производства в фабричное. Но я надеюсь показать, что развитие очень многих и важных кустарных промыслов гораздо сложнее; что история этих промыслов начинается не с самостоятельного производства; что так называемое самостоятельное крестьянское производство являлось во многих случаях результатом длинной эволюции, в основании которой лежало крупное производство.

Возьмем, напр., ту отрасль промышленности, которая энергичнее всего развивалась в дореформенной России и которая и в настоящее время является одним из главных источников кустарных заработков в центральном промышленном районе России — хлопчатобумажную промышленность. Возникает она в форме крупных фабрик, устроенных иностранными капиталистами в конце XVIII века. Крупные фабрики преобладают; затем наблюдается, с точки зрения обычной теории, странное явление. Фабрика порождает кустаря: быстро развивается кустарная набойка (особенно в Шуйском уезде), и фабрика не только не поглощает кустарной промышленности, но, напротив, поглощается ею. Вокруг каждой крупной фабрики, как грибы после дождя, выскакивают мелкие кустарные заведения, с таким успехом конкурирующие с фабрикой, что последней приходится плохо. На бумаготкацких фабриках XVIII века ткачество производилось в самом фабричном здании. Но так как процесс ручного ткачества очень прост, то фабриканты не замедлили убедиться в выгодности отдавать пряжу для тканья крестьянам на-дом. Уже в конце XVIII века мы встречаем бумажных фабрикантов, раздающих пряжу по домам [1].

В XIX веке этот обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытесняет фабричное [2]. Во Владимирской губернии раздача бумажной пряжи по домам распространилась, — по словам одного полуофициального источника, — во втором десятилетии этого века. Воз-

---

[1] «Около 56 семейств (в г. Ямбурге) находят себе занятие в обработке хлопчатой бумаги (пряжи)... Владелец фабрики отпускает им бумагу (пряжу) по весу на-дом, где они имеют небольшие ткацкие станы, изготовляемые в самом же городе, и платит им за работу с аршина. В самой фабрике производится только тканье покрывал, требующих больших ткацких станков». *Freiherr von Campenhausen,* Nachricht von der Stadt Jamburg, St. Petersburg 1796, S. 20.

[2] Это было указано еще Корсаком в его много раз цитированной замечательной книге. Но Корсак неправильно относит начало этого процесса к 1825 г. В действительности, процесс этот начался гораздо раньше. Я не знаю, чем руководствовался в своем утверждении Корсак, но что раздача пряжи по домам практиковалась до 1825 г., доказывается уже тем, что около этого года система домашней промышленности во Владимирской губернии была в полном расцвете и решительно преобладала над фабричной. Так, например около 1825 г., на фабрике Посылиных в Шуе было 200 станов, а по деревням пряжи раздавалось на 2 000 станов; у Баранова в селе Иванове на фабрике совсем не было ткацких станов, а по деревням раздавалось пряжи на 400 станов; у Кубасова в том же селе вся пряжа раздавалась по деревням на 500 станов, а на фабрике только набивался миткаль; таких фаб-

никновение этой формы промышленности описывается в этом источнике следующим образом: «Купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить небольшие фабрики собственно для бумажных изделий. Они-то первые, не имея зданий для помещения станков, начали отпускать основу по селениям, и отсюда возник до сих пор существующий обычай раздавать основу по деревням» [1].

Таким образом, фабрика разлагалась и возникала домашняя наемная работа. Не домашняя промышленность порождала фабрику, а, наоборот, фабрика порождала домашнюю промышленность. Но этим дело не кончалось. Крестьянин, получавший от фабриканта работу на-дом, осваивался с производством; пока промысел находился в периоде усиленного роста, спрос на рабочие руки и изделия был велик, а число лиц, знакомых с производством, было ограничено. И вот наш домашний работник превращается в так называемого самостоятельного кустаря, за свой счет приобретающего материал и от себя продающего товар на местном базаре. Домашняя промышленность переходит в «самостоятельное» кустарное производство, — точнее говоря, наемная система домашней промышленности переходит в покупную систему. Цикл развития, повидимому, завершается, причем, странным образом, развитие идет в совершенно обратном направлении сравнительно с предполагаемым обычно: развитие идет не от «самостоятельного» кустаря, через наемную домашнюю промышленность, к фабрике, а, наоборот, от фабрики, через наемную домашнюю промышленность, к самостоятельному кустарю.

Иллюстрацией этого процесса может служить история хлопчатобумажной промышленности села Иванова. Об этом селе существует огромная литература, и его история нам известна во всех подробностях. Иваново и в XVII веке было промышленным селом, но полотняное ткачество развивается в нем после устройства в двадцатых годах прошлого века иностранцем Тамесом в близлежащем селе Кохме полотняной фабрики [2].

рик, совсем не имевших ткацких станов, а раздававших пряжу, в селе Иванове было очень много. См. «О бумажных фабриках во Владимирской губернии», «Журнал мануфактур и торговли» № 2, 1828. «Многие фабриканты имеют при своих фабриках малое только число станов, раздавая пряжу для тканья по деревням крестьянам, работающим на собственных своих станах, и, получая от них сотканные изделия, дают окончательную отделку при фабрике». (Состояние фабрик и заводов во Владимирской губ. в 1828 г., «Журнал ман. и торг.» № 6, 1830 г. Вообще, книга Корсака, которая до сих пор была единственной научной обработкой нашей новейшей промышленной истории, основана на очень скудном историческом материале, и потому в ней нередко встречаются ошибки и неточности.

[1] Записка московского отделения мануфактурного совета. Дело по проекту Зимина об ограждении фабрикантов от потерь при отдаче на-дом крестьянам пряжи, 12 сентября 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] «В 1720 г. в Кохме (в девяти верстах от Иванова) появляется иностранец Тамес. В 1720 г. устроена была Тамесом фабрика, которая послужила основанием и образцом для местной льноткацкой промышленности. Пример Тамеса подействовал благоприятным образом на окрестных обывателей, и вскоре начали заводить здесь такие же фабрики». *Я. Гарелин,* «Город Иваново-Вознесенск», стр. 139. «Тканье холстов и прочих льняных произведений было заимствовано ивановцами от фабриканта Тамеса». («Труды владимирского губернского статистического комитета». Вып. I, стр. 62.)

На фабрике Тамеса ивановцы научились ткать тонкие полотна, и в Иванове образовалось несколько крупных полотняных фабрик, устроенных богатыми местными крестьянами, занимавшимися торговлей. В половине XVIII века на этих фабриках начинают набивать холст разными красками. Так как набоечное искусство очень несложно, то со второй половины прошлого века в Иванове появляются, наряду с крупными набоечными фабриками, и мелкие кустарные набоечные избы. «С 1776 г., — говорит Гарелин, — по Иванову распространялись набоечные заведения у так называемых горшечников или кустарей. Это развитие обязано было началом своим большим фабрикам, которые, не довольствуясь выделкой полотна, ввели у себя существовавшую уже тогда набойку по холсту масляными красками» («Город Иваново-Вознесенск», I, 143).

Переход от набойки по холсту к набойке по бумажным тканям совершился в конце XVIII века. Некий Соков, ивановский крестьянин, работавший на шлиссельбургской ситцепечатной фабрике, выведал у лаборанта фабрики секрет составления красок, вернулся в родное село и устроил набивную фабрику для набойки миткалей. Около того же времени в Иванове распространяется ткачество миткалей — сначала на крупных фабриках, затем на-дому [1].

1812 год, уничтоживший московские фабрики, дал могущественный толчок ивановской промышленности. С этого времени в Иванове быстро распространяется кустарная набойка, а вокруг Иванова, — кустарное ткачество бумажных материй. Я говорил выше, каким выгодным промыслом во второе десятилетие этого века была кустарная набойка ситца [2]. По словам одного исследователя 50-х годов, «промышленность в селе Иванове развивалась совершенно своеобразно и выработала множество

---

[1] Так передает историю возникновения ситцепечатного производства в селе Иванове Гарелин. Полушин, тоже местный старожил, излагает ее иначе. По его словам, начало ситцепечатанья в селе Иванове относится к 1751 г. В этом году крестьянин Григорий Бутримов, узнав у шлиссельбургских фабрикантов секрет крашения миткалей, устроил миткалевую и ситцепечатную фабрику на 100 набивных и ткацких станов. Вторым ситцевым фабрикантом был Иван Грачев, устроивший фабрику в 300 станов как ткацких, так и набивных (*Полушин,* О ситцевой промышленности в селе Иванове в посаде Вознесенском. «Вестник промышленности», т. VII, 1870 г.). Но Борисов, знаток Шуйской старины, оспаривает правильность рассказа Полушина (*В. Борисов,* Исторические сведения о начале заводов и фабрик в г. Шуе и его уезде, «Труды владимирского губернского статистического комитета», вып. IV, 1865 г.).

[2] «Знаменитую эпоху 1812—1822 гг. можно считать для ситценабивной фабрикации Владимирской губернии самой счастливой и благодетельной, особенно для набойщика. В то время набойщик нанимался чуть ли не на вес золота, так тогда ценно было его искусство. Прилежный и ловкий набойщик при помощи своего небольшого семейства мог приготовить в день до 20 штук ситцев, прогаландрировал их у посторонних на машине, где ему складывали ситец в штуки, прессовали, и в таком опрятном виде товар поступал в полное распоряжение набойщика, который получал уже название мелочника, кустарника или горшечника. В первый базарный день этот горшечник продавал свои товары в селе Иванове купцам, приезжавшим из разных мест для покупки ситцев». (*И. Несытов,* Колеристы и набойщики Владимирской губернии, «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 г.», стр. 51. Также *Я. Гарелин,* Город Иваново-Вознесенск, стр. 204.)

условий, позволяющих принять участие в ней и воспользоваться выгодами ее почти всякому трудолюбивому и сметливому человеку, имеет ли он небольшой капитал или даже вовсе не имеет. Всего более способствует этому чрезвычайное развитие кредита и, так сказать, раздробленность ситцевых фабрикаций. Для каждой почти операции этого производства существует отдельное заведение, для нее именно предназначенное. Капитал, необходимый для устройства подобного заведения, так, напр., для постройки избы для заварки и постановки в ней котлов, незначителен» [1].

Самостоятельная набойка, несомненно, широко практиковалась в Иванове в первую четверть этого века; также несомненно, что фабрика была технической школой для набойщика. Отношения фабрики к кустарю в набойном производстве в эту эпоху характеризовались отсутствием соперничества: и фабричная и самостоятельная набойка быстро росли вследствие чрезвычайного спроса на ситцы. Вспомним, что мы говорили раньше о значении этой эпохи в истории нашего фабрикантского класса. Как я указывал, именно в этот «золотой век» из среды кустарей вышло много крупных фабрикантов. Дело обстояло так: из наемных набойщиков, работавших на фабриках, более предприимчивые приобретали самостоятельность, наживались и затем сами начинали нанимать рабочих.

В области бумажного ткачества условия были иные. Самостоятельная набойка могла процветать в ивановском районе в два первых десятилетия нашего века лишь потому, что набойка требует значительного искусства — набойщики были аристократией рабочего класса; число ивановских набойщиков не могло возрастать так же быстро, как возрос спрос на ивановские ситцы [2]. Напротив, ткачество бумажных материй является очень простой и несложной операцией, которой очень легко может научиться всякий крестьянин, издавна привыкший, к тому же, к ткачеству для домашних нужд. По этой причине набойка миткаля сконцентрировалась преимущественно в селе Иванове, а бумажное ткачество распространилось по всем окрестным селам и деревням Владимирской губернии. В бумаготкацком производстве, поэтому же, мы не встречаем ничего подобного процветанию ситценабивной промышленности после «французского года».

В ткацком производстве особенно ярко обнаружился процесс разложения фабрики, распадение ее на более мелкие производительные единицы. Ситцевые же фабрики не распадались, а выделяли из себя самостоятельные промышленные единицы, быстро разраставшиеся и нередко опять принимавшие фабричную форму. Напротив, миткалевые

---

[1] *Власьев,* Село Иваново. «Вестник промышленности», т. III, стр. 16, 1859 г.

[2] «Набойщики — народ этот проворен, изворотлив, смышлен, и редкий из них не знает грамоты и не пишет». О фабричном и мастеровом классе Шуйского уезда. «Владимирские губернские ведомости», № 25, 1847 г. «Между рабочими классами на фабриках первое место занимают набойщики как наиболее образованные. Они живут достаточно и с избытком, но, к несчастью, слишком тратятся на щегольство и разгульную жизнь. Самые же неопрятные и необразованные — ткачи и шпульники». (*В. ...орисов,* О мелочной промышленности в Шуйском уезде, «Владимирские губернские ведомости» № 4, 1843 г.

фабрики несомненно распадались — производство делалось более мелким и имело тенденцию утрачивать фабричную форму.

Как я сказал, отдача бумажной пряжи на-дом (наемное домашнее ткачество) появилась у нас только в конце XVIII века; раньше бумажное тканье производилось исключительно в самом фабричном здании. Первая половина этого века характеризуется борьбой домашнего ткачества с фабричным, закончившейся решительной победой мелкого ткачества. В это время сильно размножились фабричные конторы, — заведения, совсем не занимавшиеся фабричной работой, а лишь раздачей материала по деревням. Так, например, в Шуйском уезде в конце 40-х годов было только 1 200 ткачей на фабриках, а в деревнях работало на фабрикантов до 20 000 ткачей [1]. По расчету владимирского статистика Тихонравова, во Владимирской губернии в начале 50-х годов на бумажных фабриках было 18 000 станков, а по деревням до 80 000 станков, на которых производились бумажные материи по заказам тех же фабрикантов [2].

Что касается до «самостоятельного» кустарного ткачества бумажных материй, т. е. ткачества из собственного материала, то оно никогда не играло господствующей роли, но тем не менее в 30-х и 40-х годах повсюду шло рядом с домашним ткачеством по заказам фабрикантов. Так, например, в интересном статистическом описании Богородского уезда, помещенном в «Журнале мануфактур и торговли» за 1834 г., говорится, что кустарные фабрики бывают двух родов: одни получают материал от купцов или других хозяев, другие же «получают материал в цену и платят за оный выработанными товарами», сохраняя за собой право продавать товар и на сторону [3]. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с тем, что у нас называют «самостоятельным» кустарным производством.

Точно так же и во Владимирской губернии в дореформенное время, наряду с наемными ткачами бумажных материй, существовали самостоятельные ткачи-мастерки, сами покупавшие материал и за свой счет продававшие свои изделия. Вот, например, как описывает их один современник: «К особому разряду фабрикантов принадлежали фабриканты-ткачи или мастерки, которые вырабатывают миткаль иногда одним своим семейством, а иногда и с помощью других... В последнем случае заведения их принимают вид фабричек. Эти мастерки — почти всегда крестьяне, торгующие без всяких свидетельств и платящие только за приезд становому... Миткаль, вырабатываемый этими фабриками, — самого худшего качества. Честность их неудовлетворительна. Они не посовестятся купить у ткача или комиссионера принадлежащий фабриканту товар за полцены и продать его тому же самому фабриканту, которому он принадлежит по праву. Точно так же не посовестятся они взять у фабриканта бумажную пряжу на комиссию для обработки миткаля и не вернуть ее... Миткаль, свой эти мастерки продают в селе Иванове на базаре за деньги, а который получше — променивают на

[1] «О фабричном и мастеровом рабочем классе в г. Шуе и его уезде», «Владимирские губернские ведомости» № 20, 1847.

[2] *К. Тихонравов*, «Владимирский сборник», стр. 11, Москва, 1857 г.

[3] «Статистические сведения по Богородскому уезду в промышленном отношении», «Журнал ман. и торг.». № 1, стр. 21, 1834 г.

бумагу миткалевым фабрикантам. Бумажную пряжу приобретают за деньги, потому что никто им не верит. Фабричные строения у них или бедные, или их и совсем не существует. В последнем случае они работают только в своих избах... Эти мастерки-фабриканты вместе с тем суть и рабочие. Они клеят, снуют и разматывают пряжу по большей части сами с женами и детьми» [1].

Существование самостоятельного ткачества в Иванове облегчалось развитием в этом селе базарной торговли миткалем. «Ивановские базары, — говорит другой современный исследователь, — можно сказать, заменяют для этого края биржу; много торговцев, фабрикантов и промышленников съезжаются сюда только для того, чтобы увидеться между собой и окончить сделки. Здесь, судя по ходу торговли, устанавливается, большей частью, цена на самые важные для местной промышленности статьи — на миткаль, бумагу и пр. Здесь же запасаются ходебщики ситцами. Главный предмет базарной торговли — миткаль... Часть базарного миткаля доставляется крестьянами, успевающими в досужное время выткать своей семьей из купленной за свой счет пряжи несколько кусков миткаля... Кроме того, на базарах по мелочам продается пряденая бумага и красящее вещество для ситцев низших сортов» [2].

В приведенном ранее отзыве о мастерских характерна, между прочим, недоброжелательная нота, которая ясно звучит в характеристике, даваемой самостоятельным ткачам. «Недобросовестность» домашних ткачей была обычным предметом жалоб фабрикантов, причем особенную ненависть фабрикантов вызывали «самостоятельные» ткачи — мелкие мастерки, работавшие из покупного материала. Объясняется это тем, что мелкие производители были опасными конкурентами крупных фабрикантов. Лучшим доказательством разложения крупной фабрики в рассматриваемую эпоху являются жалобы фабрикантов на конкуренцию кустарей.

Но раньше, чем перейти к этим жалобам, остановимся еще на самостоятельных ткачах. Более богатые из этих ткачей иногда достигали действительной самостоятельности. Так, напр., по словам Аксакова, на украинских ярмарках наряду с крупными фабрикантами продавали красный товар также и такие, «которых настоящие фабриканты с презрением называли мастерами, или кустарниками, или самовозами... Крестьяне Московской и Владимирской губерний, работая на фабрикантов на своих домашних станках, наконец, сами покупают пряжу на собственный счет и ткут у себя дома разные низшие бумажные ткани: сарпинку, нанку, холстинку, миткаль, которые отдают потом в краску одного цвета и сбывают это все или сами, или через посредство своих же

---

[1] *Ф. Журов* Миткалевые фабриканты, их ткачи и комиссионеры по Владимирской губернии, «Вестник промышленности», т. I, 1858 г. О самостоятельных ткачах см. также: *И. Лядов*, Рукодельные ремесла, промыслы и торговля жителей Шуи в 1856 году, Владимир на Клязьме, 1876 г. *Журов*, О цене за точу миткаля, «Владимирск. губернские ведомости» № 15, 1857 г.

[2] *Власьев*, Село Иваново, «Вестник промышленности», т. III, стр. 161, 1859 г.

крестьян на разных ярмарках, в том числе на украинских и преимущественно на Крещенской и Коренной». Эти самостоятельные «скачи «сами возят продавать за 1000 верст и более собственные свои домашние изделия, большею частью на собственных лошадях. Некоторые мастера привозят на ярмарку не более трех возов. Иногда какой-нибудь смышленый крестьянин, сам фабрикующий, скупает у своих односельчан, занимающихся с ним одним делом, изготовленные ими товары и вместе со своими везет их на Украину... Эти кустари возбуждают негодование настоящих фабрикантов, потому что, имея у себя товар низкого достоинства, но только на манер хорошего, они продают его низшей ценой, следовательно, сбивают цены» [1].

Таким образом, мелкие производители иногда занимались вместе с тем и торговлей, — и только в этом случае они могли быть действительно, а не только номинально, самостоятельными предпринимателями. Такой кустарь был вместе с тем и мелким скупщиком, торговцем; из таких кустарей выходили впоследствии крупные фабриканты.

Я сказал, что жалобы фабрикантов на кустарей составляли характерную черту николаевской эпохи. Кто бы мог подумать, что борьба крупного и мелкого производств в дореформенной России имела столь отличный характер от той же борьбы в наше время? Фабриканты, вопиющие к правительству о защите их от натиска кустарей — не правда ли, это зрелище для нас довольно непривычное?

В 1823 г. министр финансов Гурьев предложил московскому купеческому обществу высказаться о нуждах купечества и о причинах расстройства промышленности. Общество представило обширную записку, в которой много места отведено жалобам на конкуренцию крестьянской промышленности и торговли. «Дозволение заводить каждому крестьянину, — читаем в этой записке, — фабрики и мануфактуры без платежа за промысел... служит ко вреду устроенных больших фабрик и мануфактур и препятствует улучшению русских изделий, поскольку первые, производя работы свои без правил и соблюдения постановлений, уменьшают вес или меру и доброту своих изделий» [2].

Нам известны несколько проектов фабрикантов, направленных против кустарей; на этих проектах стоит остановиться.

---

[1] *И. Аксаков*, Исследование о торговле на украинских ярмарках, Спб., стр. 20, 163, 1858 г.

[2] «Сборник сведений по ведомству министерства финансов», т. III, 1865 г. «Предположения московского купечества о причинах упадка торговли», стр. 294. В этой записке содержится много других указаний на конкуренцию крестьян. § 39. «Торгующие крестьяне, по великому количеству своему, овладели совершенно многими частями городских промыслов и торговли, коими прежде занимались купечество и посадские». § 42. «От распространения разъездной торговли крестьян по уездам во многих городах торговля купцов вдвое упала или вовсе ослабла, и большая часть оных принуждена выйти из гильдии в мещане». § 45. «Торговля крестьян уничтожает купеческое в России состояние, лишает оное силы... Торгующие же крестьяне уничтожаемое ими купеческое состояние заменить не могут, поелику большая часть их принадлежит помещикам, а потому, будучи подвержены по капиталам своим и личности власти господ, не могут составить настоящих городских жителей и прочных капиталистов»... § 46. «От сего число жителей городских не умножается и оные беднеют» (стр. 296, 297, 298).

Цитированный выше автор (Журов) указывает, что мастерки нередко производят значительные торговые обороты без платежа гильдейских пошлин; это не могло не вызывать у органов министерства финансов опасения фискального свойства. В 1825 г. владимирская казенная палата обратилась с донесением в департамент внутренней торговли, сообщая, что «некоторые крестьяне, не имея фабрик и свидетельств на право торговли, имеют галандренные машины, действующие с помощью двух лошадей, для отделки только ситцев и миткалей другим (очевидно, мелким самостоятельным набойщикам. — *М. Т.-Б.*) и за таковую получают плату довольно немаловажную».

Палата спрашивает департамент, может ли это быть разрешено, а также «можно ли дозволить крестьянам... вырабатывать материи из бумажной пряжи и набивать ситцы, и где должны они означенные материи производить в продажу, в одних ли только своих селениях или по всему уезду» [1].

Департамент высказался вообще против стеснения крестьянской промышленности, но предложил палате взимать с крестьян, имеющих машины, приводимые в движение лошадьми, пошлины по второй гильдии. Вообще, как я говорил выше, министерство финансов не обнаруживало наклонности мешать развитию крестьянской промышленности.

В 1845 г. один гжатский купец, некий Жуков, подал записку императору Николаю Павловичу о «неправильном ходе торговли и промышленности в г. Гжатске и других местах империи». Записка эта была передана по приказанию государя, для рассмотрения министру финансов.

«Неправильность хода торговли», по объяснению Жукова, заключалась в том, что «в уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю, принадлежащую, по всем правам, одним только городам... Сверх того, в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут в Москве основы и уток для выработки миткаля и плисов... при дворах имеют они рабочие светлицы, а за недостатком таковых раздают основу по деревням... а потому фабриканты, старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются, ибо дело их перешло в руки крестьян, которые, заботясь о том только, чтобы сработать выгоднее другого, наперерыв низводят товары на самую низкую степень. Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах кругом Москвы и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде, — там почти все крестьяне или фабриканты, или разносчики... В одном с. Иванове крестьяне привозят на рынок до 50 000 штук миткалей... Теперь прибылых торговцев, вышедших из крестьян и мальчиков, гораздо больше $^2/_3$ против пригородных московских жителей, и все они, по прежней привычке, продолжают руководствоваться обманом».

Чтобы оградить фабрикантов от конкуренции кустарей, Жуков предлагает установить строгий надзор за мелким производством, чтобы

[1] Дело по отношению департамента податей и сборов о доставлении оному мнения о числе крестьянских станов, 1 августа 1825 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

оно не избегало платежа казенных сборов, и вместе с тем назначить законом обязательную ширину и длину ткани, вес ее, качество окраски и пр. Так как крестьяне производили товары низшего сорта, то такие меры должны были совершенно убить кустарную промышленность. Понятно, что министерство финансов энергично восстало против предложений Жукова, направленных одинаково как против самостоятельных мелких мастерков, так и против фабрикантов, раздававших пряжу по домам [1].

В следующем году в министерстве финансов возникает новое дело того же рода — на этот раз по записке одного из крупнейших фабрикантов Владимирской губернии, Я. Гарелина (автора многочисленных сочинений по промышленности села Иванова). Приведем выдержки из этой записки:

«Незаконное производство мануфактурных изделий крестьянами в селе и около села Иванова служит к большим злоупотреблениям... Фабриканты раздают пряжу крестьянам, но крестьяне весьма часто злоупотребляют доверенностью фабрикантов и присваивают себе пряжу, которую продают на рынках, или вырабатывают миткали для собственной продажи в ущерб фабрикантам».

Предложения Гарелина сводились, главным образом, к следующему: запрещению крестьянам, не имеющим права торговли, продавать бумажную пряжу и бумажные изделия; запрещению крестьянам иметь более четырех станов в каждом семействе; установлению обязательности клеймения товаров и «запрещению крестьянам и мещанам, без права на фабричное и торговое производство, иметь цилиндровые машины и набивать на оных другим лицам, не имеющим права на торговлю».

Департамент мануфактур и внутренней торговли, согласно мнению мануфактурного совета, не одобрил этих предложений, и они дальнейшего хода не имели [2].

В 1845 г. владимирский купец Зимин подал министру внутренних дел записку, в которой жаловался на то, что «крестьяне, получившие материал для разматывания или для тканья, не доставляют работы в условленный срок... весьма часто делают значительные провески и порчи... нередко бывает, что запираются в получении данных в задаток им денег... ткачи уверены, что, когда у них в руках материал, фабрикант по необходимости должен сделать им удовлетворение... Предосудительней же всего — проматывают материалы и после по приезде к ним скрывают, не то объявляют, что они заложены... но необходимость заставляет фабриканта материалы выкупать. Все вышеизложенное, кроме упадка коммерческих дел фабрикантов, ввергает самих крестьян в совершенную безнравственность».

Зимин выработал очень курьезный проект закона, долженствовавшего регулировать отдачу работы на-дом. По этому проекту, чтобы иметь право брать работу на-дом, крестьянин должен представить сви-

[1] Дело по отношению канцелярии министра финансов с препровождением выписки из замечаний купца Жукова о злоупотреблениях по фабричной и торговой промышленности, 10 февраля 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[2] Дело по представлению барона Мейендорфа о предположении почетного гражданина Гарелина, 4 ноября 1846 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

детельство от начальства в хорошем поведении; в этом свидетельстве должно быть показано число станов у крестьянина. «Свидетельство хранится у фабриканта, и он на нем отмечает всякую неисправность крестьянина, в каковом случае производится, на основании этих записей, взыскание с неисправного. За провес и порчу материалов крестьянин должен платить вдвое. Крестьянину поставляется в непременную обязанность брать материал не более, как на столько станов, сколько у него имеется в своем доме или светелке, не передавая оный ни под каким видом другим... Воспретить крестьянам, имеющим свои светелки, допускать в оные посторонние работы... Продажа или залог взятого материала должны рассматриваться, как уголовное преступление — воровство или мошенничество... В соблюдение казенного интереса и в отвращение фабрикантам подрыва, воспретить крестьянам, без выдачи на право торговли свидетельств, производить вырабатывание миткаля и прочего в домах и светелках для торговли оными».

Владимирский губернатор, которому этот проект был послан для отзыва, признал его стеснительным для крестьян и для самих фабрикантов, раздающих работу на-дом.

Проект Зимина, очевидно, имел в виду не ограждение интересов этих последних фабрикантов, а совершенное прекращение домашней работы. Сам Зимин, вероятно, был фабрикантом, не практиковавшим этого способа работы, подрывавшего в 40-х годах старинные фабрики. Как и следовало думать, орган московских фабрикантов — московское отделение мануфактурного совета — высказался против всяких мер, стесняющих развитие домашней работы. «Со второго десятилетия этого века, — заявляет отделение в своем отзыве на названный проект, — купечество размножило фабрики, а крестьяне обогатились выгодными работами до того, что начали сами заводить небольшие фабрики собственно для бумажных изделий». Отделение признало проект Зимина стеснительным и выработало свой, который тоже не был утвержден министерством финансов. Дело окончилось изданием 4 ноября 1846 г. закона, давшего возможность фабрикантам, раздающим работу на-дом, защищать судом свои интересы, а именно: фабрикантам было разрешено заключать условия с крестьянами на простой бумаге (а не на гербовой), и эти условия могли быть представляемы в суд [1]. Закон этот практического значения не имел.

Все эти проекты характерны в том отношении, что они свидетельствуют о сильном развитии наемной и покупной домашней промышленности, вытеснявшей фабричное производство. Проекты не получили хода, главным образом, по той причине, что всякое ограничение домашней работы было бы невыгодно самим фабрикантам, раздававшим основы на-дом, и авторы проектов, желая поразить кустарей, попадали в свою же братию — фабрикантов.

Вопросу о мерах против усиливающейся конкуренции кустарей посвящены многие статьи «Журнала мануфактур и торговли» (официального органа департамента мануфактур и внутренней торговли). Так,

[1] Дело по проекту купца Зимина об ограждении фабрикантов от потерь, 12 сентября 1845 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

например, в 1830 г. (№ 10) в статье «О крестьянских фабриках» читаем: «Вопрос о крестьянских фабриках, размножившихся в России, есть один из самых затруднительных к разрешению. Те из фабрикантов, которые не стараются об усовершенствовании своих фабричных изделий или же не довольствуются умеренным барышом, вопиют против свободы, даруемой крестьянам, заниматься фабричным рукоделием, которые все работают дешевле, хоть и не столь добротно. Желая заключить деревенскую фабричную промышленность в некоторые пределы, не совместимые с быстрым ходом нашей промышленности, они хотели бы подчинить ее правительственному надзору, учредить цехи, брак, свидетельствование и проч., — словом, связать ее по рукам и ногам».

Автор статьи высказывается против таких мер, ибо «кому же мы обязаны первоначальным образованием и столь быстрыми удивительными успехами нашей мануфактурной промышленности, если не крестьянам-фабрикантам?» [1].

В отчете министру финансов за 1832 г. департамент мануфактур и внутренней торговли точно так же обращает внимание на то, что «искусство в обработке изделий, приобретаемое в городах, на больших заведениях, переносится в селение простыми работниками, которые начинают работать в домах своих, или за свой счет, или по заказам из чужих материалов» [2].

В донесениях губернских механиков этот вопрос также неоднократно затрагивался. Так, владимирский губернский механик Несытов в донесении департаменту мануфактур и внутренней торговли в 1850 г. сообщает, что миткалевые фабрики Гавриловского посада находятся в упадке, и причиною этого является «размножение тождественных заведений крестьянами Суздальского уезда, которые, имея на своей стороне все выгоды сельских обывателей, могут с меньшим вознаграждением за труд производить миткали, которых цена через это обстоятельство уменьшается, по крайней мере, на 10%» [3].

Точно так же, по словам Несытова, «в Юрьево-Польском уезде бумажное ткачество переходит в руки крестьян и тем в некоторой степени дает этой мануфактурной промышленности менее правильный вид». На то же самое — разорительность для крупных фабрик конкуренции крестьянских фабричек — указывает Несытов и в донесении 1851 г. [4]. В другом месте тот же Несытов признает очень вредным разрешение крестьянам покупать по мелочам бумажную пряжу на сельских базарах [5].

---

[1] Происхождение слова «кустарь», «кустарник» до сих пор остается спорным. Автор цитированной статьи, между прочим, говорит, что «в Москве неизвестно, с чего называют крестьян-фабрикантов кустарниками. Мы старались, — прибавляет он, — избегать сего унизительного, чтобы не сказать ругательного, названия, которое, к сожалению, сделалось почти всеобщим». Таким образом, первоначально с этим названием соединялся уничижительный смысл.

[2] Отчет департамента мануфактур и внутренней торговли за 1832 г. (Арх. д-та торг. и ман.).

[3] «Журнал мануфактур и торговли», 1851 г., ч. III., «О действиях губернских механиков», стр. 32, 58.

[4] «Журнал мануфактур и торговли», 1852 г., ч. III, стр. 73.

[5] «Вестник И. Р. Географического общества», 1858 г., ч. I. *И. Несытов*, Мануфактурная и торговая промышленность города Шуи. Можно приве-

Вообще, развитие нашей бумаготкацкой промышленности в 30-х, 40-х и 50-х годах выражалась, главным образом, в росте мелкого ткачества. Район бумаготкацкого производства быстро распространялся из двух главных центров — Москвы и Шуйского уезда. В конце 40-х годов бумажное ткачество становится преобладающим крестьянским промыслом в большинстве центральных губерний: Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской и др. Распространение промысла совершалось двумя способами: промысел или заносился в новую местность крестьянами, возвращавшимися с ткацких фабрик других губерний, или же он возникал под влиянием устройства в данной местности ткацкой или прядильной фабрики.

Так, например, в Малоярославецком уезде Калужской губернии бумаготкацкий промысел возник в 30-х годах после того, как в 1830 г. в этом уезде была устроена первая бумаготкацкая фабрика Губина. Кустарное ткачество развилось в этой местности так энергично, что фабрика Губина, на которой было около тысячи рабочих, не могла устоять: в 50-х годах она прекратила производство и закрылась[1]. Точно так же тесемочное и ленточное кустарное ткачество возникло в Малоярославецком уезде под влиянием устройства в 1840 г. тесемочной фабрики Малютина. И эта фабрика не выдержала конкуренции кустарей и закрылась в 60-х годах[2].

В Калужской губернии местные исследователи, наряду с ткачами, упоминают и о самостоятельных мастерских. «Ткачеством миткалей занимаются в зимнее время все свободные от других работ крестьяне. Более зажиточные из них отправляются в Москву за пряжею к хозяевам, а весьма много есть и таких, которые покупают ее за деньги. Пряжу эту отдают курчить (проквашивать в мучных отварах), потом разматывают, снуют в основы, которые и отдают по крестьянским избам, готовые миткали отвозят в Москву»[3].

В Егорьевском и Зарайском уездах Рязанской губернии бумажное ткачество возникло в 20-х и 30-х годах; промысел был занесен местными крестьянами, работавшими на московских фабриках, которые, вернувшись на родину в деревню, устроили ткацкие светелки; пряжа, пови-

---

сти и другие свидетельства современников об успешности борьбы кустарей с фабрикантами в николаевскую эпоху. Вот что говорит по этому поводу известный экономист и статистик того времени Неболсин: «Известно, что кустарничество у нас в постоянной вражде с фабриками, и фабрикант с большим неудовольствием следит и смотрит за оборотами кустарника (В 1-м издании «Фабриканта». — *Ред.* Оно так и должно быть по ходу вещей... Фабрикант встречает сильное соперничество в кустарнике, который, приютившись в светлице, безданно-беспошлинно, без машины и рабочих, при свете одной лучины, трудится с семьей своей над отделкой одного какого-нибудь товара... Прямой вывод из этого тот, что если за товар фабрикант не может взять меньше рубля, кустарник будет вполне удовольствован шестью гривнами». «Вестник Географического общества», 1852 г., т. IV, отд. V, Отчет о путешествии в Оренбургский край.

[1] «Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г.», стр. 194.

[2] «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства», 1873 г., Приложение I, стр. 158.

[3] «Мануфактурная и заводская промышленность Калужской губернии». «Журнал мануфактур и торговли» 1858 г., т. IV.

димому, получалась от московских фабрикантов. Но особенное развитие ткацкий промысел в Рязанской губернии получил со времени учреждения в городе Егорьевске Хлудовской бумагопрядильни, вызвавшей устройство множества больших и мелких ткацких фабрик, а также и кустарных заведений, обрабатывающих пряжу Хлудовской фабрики и сделавшихся как бы спутниками последней [1].

Таким же образом возник бумаготкацкий промысел в Тверской губ.; так, например, в Калязинский уезд промысел этот занесен крестьянами, уходившими ткать на московские фабрики: «научившись ткать на фабриках, некоторые стали устраивать свои заведения» [2].

В Костромской губернии «промысел бумажного ткачества возник в 20-х годах этого века, с устройством в крае бумажных мануфактур» [3]. Еще в начале 70-х годов в Костромской губернии имелось не мало «самостоятельных» ткачей-кустарей, покупавших пряжу за собственный счет у фабрикантов и сбывавших миткаль на базарах ситцевым фабрикантам.

Разложение в 30-х и 40-х годах крупного бумаготкацкого производства (превращавшегося преимущественно в наемную систему домашней промышленности, отчасти же в покупную систему, — иными словами, в так называемое самостоятельное кустарное производство), можно доказать и статистическими данными. Вот, например, цифры рабочих на бумаготкацких фабриках и цифры привоза хлопка и бумажной пряжи в Россию.

	Рабочих на бумаготкацких фабриках [4]	Ввоз в Россию хлопка и бумажной пряжи (в тысячах пудов).
1836 г.	94 751	865
1852 г.	81 454	1 960
1857 г.	75 517	2 765

В то время, как размер бумаготкацкого производства в России возрос более чем в три раза, число рабочих на ткацких фабриках сократилось больше чем на 20%. Так как техника ткачества в это время не прогрессировала значительно (переход от ручного к машинному ткачеству совершился позже), то сокращение числа рабочих на фабриках, несомненно, доказывает раздробление производства, терявшего фабричный характер и переходившего в кустарную избу и светелку. Крупное капиталистическое производство решительно теряло свои позиции, а «самостоятельное» кустарное домашнее ткачество, всецело созданное фабрикой, торжествовало победу.

---

[1] «Промышленность государственных крестьян Рязанской губернии», «Журнал министерства государственных имуществ», 1847 г., ч. XXV. «Хлопчатобумажная промышленность в Рязанской губернии», «Журнал министерства внутренних дел», 1861 г., ч. XLVIII.

[2] «Сборник статистических сведений по Тверской губернии», V, 155.

[3] «Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России». Спб. 1872 г., стр. 125. Примеры занесения бумажного ткачества в различные волости Костромской губ., из соседних фабрик, в «Трудах Кустарной Комиссии», вып. IX, XIV, XV и XVII.

[4] По «Отчетам Департамента мануфактур и внутренней торговли» за соответствующие годы (Арх. д-та торг. и ман.).

Таким образом, эволюция бумаготкацкой промышленности в дореформенной России имела обратный характер, сравнительно с новейшей эволюцией. Крупное производство породило мелкое, фабрика превратилась в домашнюю промышленность, кустарное производство. Так называемый самостоятельный кустарь явился последней ступенью эволюции фабричного рабочего, освободившегося от подчинения фабриканту. Но, может быть, развитие бумаготкацкой промышленности имело особый специфический характер и не может считаться типичным для других отраслей производства? Обратимся к фактам.

Тканье грубого холста было исконным занятием русского крестьянина. Казалось бы, уж в области кустарного льняного ткачества фабрика не должна была играть роли. Но это только кажется. В действительности же история тонкого льняного ткачества представляется во всех отношениях аналогичной только что рассказанной истории бумажного ткачества. Кустарное ткачество тонких полотен в Шуйском уезде, как упомянуто, ведет свое начало от устройства Тамесом при Петре I полотняной фабрики в селе Кохме[1]. В важнейшем центре кустарного льняного ткачества, селе Великом, Ярославского уезда, возникновение кустарного ткачества тонких новин также находится в непосредственной связи с устройством, тоже при Петре, фабрики Затрапезного [2]. На дальнейшее развитие ткачества в этом селе оказала крупное влияние фабрика помещиков села Великого, Яковлевых, закрывшаяся в 1842 г. [3]. В другом центре полотняного ткачества Ярославской губернии, селе Никольском, развитие ткачества тонких полотен также вызвано вотчинной фабрикой Салтыковых. Эта фабрика закрылась в начале этого века, и с этого времени в крестьянских избах всего окружающего района быстро распространилось «самостоятельное кустарное ткачество» [4].

---

[1] «Владимирские губернские ведомости» № 12, 1856 г. *В. Борисов.* Село Кохма. «По уничтожению в Кохме полотняной фабрики иностранца Тамеса, там возникла у некоторых торговых богатых крестьян таковая фабрикация собственная».

[2] «Материалы для истории полотняного производства в России». Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов, 1867 г., т. III, стр. 285.

[3] «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности», выпуск VI.

[4] «Исследование о состоянии льняной промышленности в России», стр. 73. Спб. 1847 г. Точно так же описывает возникновение кустарного ткачества широкого полотна в Ярославской губернии и Карнович, известный знаток льняной промышленности и практический деятель 30-х — 40-х годов: «Около 1800 г. начали в помещичьих усадьбах появляться небольшие ткацкие заведения для пятичетвертного полотна: образцом для них служили того же рода заведения Ярославского уезда в селе Никольском, ныне господ Мятлевых, тогда графа Салтыкова. Почти в то же время стали входить в употребление для прядения самопрялки с колесами... Около 1822 г., когда по новому русскому тарифу иностранные полотна были обложены высокой пошлиной по 1 р. 80 к. за фунт, заметным образом из помещичьих усадеб начали перенимать крестьяне прядение на самопрялках, а также тканье на широких ткацких станах, поставленных в особых светелках, пятичетвертных полотен. С каждым годом мастерство совершенствовалось. Число занимавшихся прядением и тканьем полотен умножалось, а плата наемная за тканье и цена полотен понижалась. Теперь около Великого Села на радиусе

То же самое наблюдалось и в Костромской губернии: полотняные фабрики вызвали, или по крайней мере, содействовали развитию кустарного ткачества [1].

Я сказал, что история полотноткацкого производства вполне аналогична истории бумажного ткачества. Действительно, на наших первых огромных полотняных фабриках вся работа производилась в самом фабричном здании. В конце XVIII века старинная фабрика начинает распадаться: фабриканты переходят от фабричного ткачества к раздаче пряжи по домам — домашней системе крупной промышленности. При некоторых медынских парусно-полотняных фабриках еще в 1785 г. число рабочих, работавших у себя на-дому по заказам фабрикантов, превосходило число рабочих в самом фабричном заведении [2]. Мы встречаем указания на раздачу пряжи по деревням костромскими полотняными фабрикантами в интересном рукописном описании Костромской губернии начала этого века. По словам этого описания, «во многих местах Нерехтского уезда находятся в селениях построенные обывателями оных ткацкие светлицы, коих поселяне берут с заводов пряжу и ткут оную». В городе Плессе местный полотняный фабрикант Зубарев «отдает делать фламские полотна и равендук сельским жителям, которые в домах своих имеют собственные свои станы и там оное ткут и тканье доставляют

около 15 верст, а к Ярославлю и Нерехте гораздо более, вся страна, имеющая густое население крестьян, содержит десятки тысяч самопрялок и многие тысячи ткацких станов в деятельной работе, которые снабжают тонким крестьянским полотном обе столицы и многие внутренние губернии на сумму около 1 млн. руб.». «Ярославск. губернск. ведомости», № 20, 1851 г. *Е. Карнович.* Исторический обзор льняной и полотняной промышленности в Ярославской губернии. Перепечатано в «Журнале министерства государственных имуществ», ч. XL, 1851 г.

[1] «Материалы для изучения кустарной промышленности», Спб. 1872 г. стр. 125, 126: «Надо полагать, что устройство в Костроме полотняных фабрик Угличаниновым, Стригалевыми и другими положило основание ткачеству и в Шунгенской волости (Костромского уезда)». «Труды кустарной комиссии», выпуск IX, стр. 2081: «Ткацкий промысел в Новинской волости (Нерехтского уезда) существует с давних времен, перешел от соседних фабрик», вып. XIII, 327. Ткачество полотна Обелевской волости (Нерехтского уезда) «развивалось благодаря соседству фабрик». Дюпинская волость Кинешемского уезда: «Ткут полотна и салфетки. Тканье... занесено рабочими с.-петербургских фабрик», вып. XV, 205. Вычужская волость: «Ткут полотна и салфетки. Этот промысел... развит местными фабрикантами». Вып. XV, 196. Семеновская волость (Юрьевецкого уезда): «Ткут полотна... промысел получил начало лет 44 тому назад со времени устройства прядильных фабрик в Кинешемском уезде», вып. XIV, 119 и т. д. и т. д. Вообще, почти относительно всех волостей различных уездов Костромской губернии, где существует кустарное полотняное ткачество, констатируется, что оно возникло под непосредственным влиянием фабрик. Большую роль сыграли вотчинные фабрики. Так, например, «Ткачество в сельце Апалихах (Костромского уезда) началось еще в XVIII веке; в то время сельцо это, принадлежавшее одному крупному вотчиннику, было местом ссылки, куда свозились из разных имений крестьяне, не платившие оброка, для работ на полотняной фабрике. Крепостная работа этих поселенцев, живших на пайке, продолжалась 40 лет, начиная с 1752 г., в конце же прошлого столетия фабричные постройки стали сдаваться в аренду». IX, 2150.

[2] «Journal von Russland», 1794, B. I, «Die Stadthalterschaft Kaluga», S. 337.

к нему на фабрику». То же самое сообщается и о другом фабриканте г. Плесса, Ермолине [1].

В Ярославской губернии точно так же крупная фабрика начала разлагаться с начала этого века [2].

По словам «Памятной книжки Ярославской губ.» на 1862 г., «льняная промышленность прежде была сосредоточена в руках больших фабрикантов, впоследствии же она мало-помалу перешла в руки крестьян [3].

В 30-х годах этого века обычай раздавать льняную пряжу по домам сильно распространился и во Владимирской губернии [4].

Вместе с тем появилось и кустарное ткачество тонкого полотна из собственного материала. И в данном случае крупное производство породило мелкое, кустарная изба явилась завершением эволюции фабрики [5].

Таким образом возникло домашнее полотняное ткачество. Более зажиточные ткачи покупали пряжу за свой счет и сами сбывали приготовленные изделия, а более бедные получали пряжу от фабрикантов.

---

[1] Описание Костромской губернии, Нерехтского уезда», 1805 (Арх. Имп. вольно-эк. об-ва).

[2] «Многие мануфактуры некоторую часть своих станов имеют по деревням, как то: Ростовская, на которой из числа 113 станов 70 стоят по деревням» *Карл Герман* («Статистическое описание Ярославской губернии». С.-Петербург 1808 г., стр. 119). «Некоторые крестьяне (в Ярославском уезде) берут с полотняных фабрик ткацкие станы с принадлежностями и пряжей в свои дома и ткут фламские и равендучные полотна» («Топографическое описание Ярославской губернии», 1802, Арх. И. в.-э. об-ва). Проф. Исаев излагает историю возникновения наемного домашнего ткачества полотен в Ярославской губернии иначе; по его словам, решающую роль в данном случае сыграло введение машинной пряжи вместо прежней ручной. Пока полотно ткали из ручной пряжи, процветало «самостоятельное ткачество»; введение покупной машинной пряжи (около 50-х годов этого столетия) повело к подчинению ткачей торговцам пряжей. «Технические особенности промысла делали излишним устройство обширных ткацких заведений. Тканье, как и прежде, производилось в крестьянских избах и светелках, но ткачи уже не сами покупали пряжу, а получали ее из контор торговцев» («Труды кустарной комиссии», VI, 672). Но не подлежит сомнению, что работа на-дому в Ярославской губернии началась гораздо раньше 50-х годов. В «Материалах для изучения кустарной промышленности» мы точно так же находим утверждение, что в селе Великом ткачество полотна на-дому по найму начинается лишь с 50-х годов. Это неверно. Наемное домашнее ткачество распространяется в Ярославской губернии уже с начала этого века; по словам «Исследования о состоянии льняной промышленности в России», в начале 40-х годов в селе Великом, наряду с ткачами, работавшими из собственного покупного материала, были и ткачи, бравшие пряжу от заказчика в мотках и работавшие по найму (стр. 80—82). Поэтому введение машинной пряжи могло только упрочить и распространить наемную форму домашней промышленности, но никоим образом не создать ее.

[3] Цитировано по сводной работе кн. Мещерского и Модзалевского «Свод материалов по кустарной промышленности в России», Спб., 1874, стр. 358.

[4] «Владимирские губернские ведомости», № 33, 1855 г. *Несмытов.* Полотняная фабрикация во Владимирской губернии. Также его же «Очерк 25-летия развития мануфактурной промышленности Владимирской губ.), б. г.

[5] По словам г. Харизоменова «раньше всего полотняное производство (в Переяславском у.) возникло в виде ткачества пестряди... Материал для пестряди, в виде основы и утка, ткачи получили от суздальских, юрьевских и ростовских фабрикантов. По всей вероятности, пестрядь работали еще в конце прошлого столетия («Промыслы Владимирской губернии», выпуск V, стр. 104).

Так называемое «самостоятельное» ткачество было сильно распространено в Ярославской губернии, особенно вокруг села Великого. И для полотноткацкого, как и для миткалевого производства, вторая четверть этого века была эпохой энергичного развития кустарной промышленности. О степени разложения прежней фабрики можно судить по тому, что в 1852 г. на всех полотняных и полотнопестрядинных фабриках Владимирской губ. работало 2 977 рабочих, а по деревням на те же фабрики работало 8 579 рабочих[1].

Неудивительно, что и полотняные фабриканты, подобно миткалевым, жаловались на конкуренцию кустарей. В 1835 г. министерство финансов разослало циркуляр всем губернаторам с просьбой указать меры для развития промышленности в городах[2]. Костромской губернатор предложил высказаться по этому вопросу местному купечеству и фабрикантам. В числе причин, вызвавших упадок полотняных фабрик, фабриканты указывали на «распространение фабричных заведений в малом виде между крестьянами, без всякого платежа и браковки выработанных там изделий, почему изделия тех заведений хотя и далеко отстали в качестве от таковых же, вырабатываемых на обширных фабриках, но имеют на своей стороне преимущества дешевизны, которая увлекает большую часть покупщиков... Изделия мелочных заводчиков... по причине дешевизны сходят с рук без затруднения».

Точно так же калужское купечество признало «первою причиною упадка городской промышленности и торговли чрезмерное увеличение числа ходебщиков и разносчиков, отчего купеческое сословие в городах расстраивается, капиталы истощаются, скудеют средства к устройству каких-либо фабричных заведений»[3].

Таким образом, и в области полотняного ткачества, как и миткалевого, в дореформенной России кустарь бил фабриканта. Я не буду останавливаться над историей других отраслей ткацкой промышленности. Суконное ткачество (солдатских и тонких сукон) прошло такой же круг развития, как и миткалевое и полотняное. Солдатское сукно выделывалось в XVIII веке только на крупных фабриках, но уже в начале XIX века вокруг Москвы распространилось домашнее ткачество солдатского сукна, частью по заказам фабрикантов, частью за собственный

---

[1] «Очерк 25-летнего развития мануфактурной промышленности Владимирской губернии» (Несытова), стр. 46.

[2] Поводом к этому циркуляру было выраженное императором Николаем неудовольствие по случаю слабого развития городской промышленности, замеченного им во время его путешествия по России. В числе губернаторских ответов некоторые были очень курьезные — совершенно в духе Щедрина. Вот, например, ответ олонецкого губернатора от 16 марта 1835 г.: «Согласно высочайшего его императорского величества повеления, я склонял и убеждал купечество к учреждению фабрик и ремесел, хотя бы на первый раз для опыта в ограниченном виде; но они решительно отозвались, что, занимаясь коммерцией, свойственной для каждого по оборотам самого ограниченного своего капитала, не находят никаких средств для отделения оного на заведение предполагаемых фабрик» (Дело по высочайшему повелению о мерах к усилению мануфактурной промышленности в городах, 1 января 1835 г. Арх. д-та торг. и ман.).

[3] Дело по высочайшему повелению о мерах к усилению мануфактурной промышленности в городах (Арх. д-та торг. и ман.).

счет крестьян. В 1809 г. в числе поставщиков сукна для казны фигурируют, наряду с крупными фабрикантами, и московские и владимирские кустари [1].

По словам сенатора Аршеневского, большинство московских суконных фабрик занималось только крашеньем и отделкой сукна, а суровье заготовлялось по окрестным деревням [2]. На суконных фабриках XVIII века вся работа по обработке шерсти в сукно — кардование, пряденье шерсти, тканье, крашенье, валянье, ворсование и пр. — производилась на одной и той же фабрике. С начала этого века стали возникать особые фабрики для пряденья шерсти, а также и для окончательной отделки сукна. Это благоприятствовало развитию кустарного ткачества из фабричной шерстяной пряжи. В «Журнале мануфактур и торговли» за 1830 г. мы читаем, что «ткачество прадедамов, прадедамовых платков и некоторых родов средственных сукон производится уже в большом количестве крестьянами деревень Черкизова, Преображенского, Семеновского и других мест Московского и Коломенского уездов. Сему счастливому (sic!) обороту суконделия, — прибавляет автор статьи, — обязаны мы неимоверной дешевизной наших прадедамов».

Как видно из дальнейших объяснений автора, в данном случае мы имеем дело с наемной домашней системой, достигшей такой степени развития, что в некоторых случаях предприниматель-торговец совсем не имел фабричных построек; такие торговцы раздавали всю пряжу крестьянам для обработки, а заготовленное сукно отдавали красить и отделывать в специальные красильни и апретурные заведения.

Любопытны комментарии автора: «Некоторые московские фабриканты вопиют против сего усиливающегося состязания деятельности и происходящего от оного понижения цен; но сочинитель радуется преуспеянию самого хода сей мануфактурности и постепенному раздроблению прежних нажитков малого числа лиц на умеренные выгоды многих трудолюбивых промышленников» [3].

Московское отделение мануфактурного совета в том же году обратилось с официальным «Объявлением» к московским фабрикантам, вызванным, очевидно, все тем же неудовольствием фабрикантов на развитие кустарного ткачества. По словам этого «Объявления», «хотя некоторые капиталисты понесли убытки, строения их опустели и многие заведения ослабли, но зато навык и искусство, приобретенные на них, не только не погибли в народе, а, напротив, более распространились; смышленые мастеровые, оставив упадшие фабрики, водворили промыш-

---

[1] Дело по высочайше конфирмованному докладу о дозволении вольной продажи солдатского сукна, 21 окт. 1809 г. (Арх. д-та торг. и ман.). По словам одного официального доклада того же времени, «выделка сукон, лучшей против армейской доброты, большей частью производится московскими фабрикантами... равно как и подмосковными крестьянами, число станов у которых правительству не известно». «Доклад его императорскому величеству министров внутр. дел и военных и сухопутных сил», «С.-Петерб. журнал», 1808 г., Июль, стр. 55.

[2] О нынешнем состоянии мануфактур в России по сведениям сенатора Аршеневского, «Северная почта», № 22, 1812 г.

[3] «О необходимости разделения работ по производству средственных и легких сукон», «Журнал мануфактур и торговли», № 6, 1830 г.

ленность по селениям, устроив собственные мастерские и увеличив оные своими домашними... Так единожды водворившаяся промышленность никогда не погибает в народе, несмотря на упадок некоторых фабрик» [1].

Возникновение кустарного ткачества и вязанья шерсти иногда непосредственно можно приурочить к фабрикам. Так, в главном центре кустарного шерстяного чулочного производства Владимирской губернии, в селе Пестяках, местный исследователь объясняет происхождение этого промысла «устройством в Пестяках в конце прошлого столетия суконной фабрики. По закрытии ее осталось много шерсти, которая и была куплена по сходным ценам местными крестьянами» [2] (вероятно, торговцами, судя по тому, что в этом промысле решительно преобладала наемная домашняя система). В Симбирской губернии «развитие сукноделия (кустарного) вообще заметно в селениях, находящихся близ суконных фабрик, потому что там можно доставать с фабрик шерсть и пользоваться на фабриках же валкой сукна» [3]. Но вообще суконные фабрики в гораздо меньшей степени подверглись тому процессу раздробления в домашнюю промышленность, который был констатирован нами относительно миткалевых и полотняных фабрик; соответственно этому и кустарные промыслы по обработке шерсти в значительно меньшей степени могут быть приурочены к фабрикам.

Шелковое кустарное ткачество было всецело созданием фабрики. Как известно, этот промысел сконцентрирован в очень небольшом районе преимущественно в нескольких уездах Московской губернии и прилегающих уездах Владимирской. Чем же объясняется такая ограниченность распространения промысла? А тем, что в Московской губернии были устроены еще при Петре крупные шелковые фабрики, из которых крупнейшие, Фряновская и Купавинская, были в Богородском уезде, и поныне остающемся центром кустарного шелкового ткачества. При простоте техники ткачества шелковых материй, промысел этот, очень выгодный, не замедлил переселиться в деревню, вместе с возвращавшимися в деревню рабочими шелковых фабрик. Я уже говорил, что шелковые кустарные ткачи с успехом конкурировали с фабриками уже в конце XVIII века. В начале XIX века кустарное ткачество было сильно распространено в Московской губернии. Я упоминал выше, что по словам одного описания Московской губернии этого времени, в одном Московском уезде у государственных крестьян было около 300 станов для тканья разных шелковых и бумажных материй да несколько сот станков для тканья флера и лент [4]. Аршеневский также говорит о мелких шелковых фабриках, имевших по 1—10 станов и наполнявших в Москве Покровскую слободу и под Москвой Преображенское и Измайловское села. Работа в этих кустарных заведениях производилась

---

[1] «Объявление от московского отделения мануфактурного совета гг. фабрикантам», «Журнал мануфактур и торговли», № 5, 1830 г.

[2] *Н. Дубенский*, О промыслах Владимирской губернии, «Журнал министерства внутренних дел», часть XXXII, 1858 г.

[3] «Материалы для изучения кустарной промышленности», стр. 62.

[4] *Н. Чернов*, Статистическое описание Московской губернии 1811 г., Москва 1812 г., стр. 72.

частью силами только семьи хозяина, частью при помощи наемных рабочих, и притом как по заказам крупных шелковых фабрикантов, так и для «собственного торга» — за свой счет [1]. Следовательно, в данном случае мы имеем дело как с наемной домашней системой, так и с «самостоятельным» кустарным производством.

В 1813 г., в 30 верстах от Москвы, в селе Гребенкове, около тысячи крестьян занимались выделкой шелковых и бумажных материй. Вахонская волость в 80 верстах от Москвы, заключавшая до пяти тысяч душ населения, имела более двух тысяч станов: во многих деревнях крестьяне занимались выработкой разных тканей для московских фабрикантов [2]. В двадцатых и тридцатых годах, когда наша промышленность начала развиваться особенно энергично, возникло множество мелких шелкоткацких фабричек и кустарных изб, некоторые из которых впоследствии превратились в огромные фабрики [3].

В 30-х годах в Московском и Богородском уездах очень распространилась ручная размотка и сученье шелка в крестьянских избах [4]. В Московском и Богородском уездах в 30-х годах «не было избы, где бы у окна не вертелся карась или где бы подчас не выделывали какую-нибудь тафтинку» [5].

Во Владимирскую губернию кустарное шелковое ткачество также было занесено фабричными рабочими. На фабрике Залогиных (бывшей Лазаревых) в числе рабочих был некий Канин, крестьянин Покровского уезда, Владимирской губернии. В 30-х годах он завел ткачество шелковых тканей у себя в деревне: «благодаря Канину и другим рабочим на шелковых фабриках, получило развитие кустарное производство шелковых тканей» [6].

В области пенькового производства домашняя промышленность развилась, главным образом, в первой стадии обработки волокна — прядении. В Калужской губернии, старинном центре фабричного паруснополотняного ткачества, ткачество парусных полотен производилось на самых фабриках, но пряжа заготовлялась преимущественно по деревням отчасти по заказам фабрикантов из их материала, отчасти же за собственный счет крестьян [7]. Прядение канатной пряжи тоже производилось крестьянами на-дому по заказам купцов [8].

В городе Ржеве, Тверской губернии, важнейшим зимним промыслом

---

[1] О нынешнем состоянии мануфактур в России, «Северная почта», № 22, 1812 г.

[2] «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», 1865 г., т. III, стр. 78.

[3] «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. VII, вып. III, стр. 27—28.

[4] О жалобах фабрикантов на карасников (сучильщиков-кустарей), которые утаивали шелк, спрыскивали его, чтобы он был тяжелее, медом и пр., см. «Вторая московская выставка российских мануфактурных произведений в 1855 г.», Спб. 1856 г., стр. 196—198.

[5] «Вторая московская выставка», 209.

[6] «Историко-статистический обзор промышленности в России», т. II, стр. 189.

[7] «О пеньковом производстве в Калужской, Орловской и смежных губерниях», «Журнал мануфактур и торговли», 1851 г., ч. III, стр. 183.

[8] «Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г.», стр. 195.

местных жителей было прядение канатной пряжи, главным образом, по заказам местных канатных торговцев[1]. Наемное домашнее прядение канатной пряжи в 40-х годах сильно развилось в Орловской губернии. По словам современного исследователя, «когда и как установилась здесь эта ветвь значительной городской и сельской промышленности — неизвестно. Полагать надобно, что в Орловском крае канатные заводы точно так же, как в Московском и Рязанском крае нанковые фабрики для ткачей, были основанием тех прядилен, которые первоначально возникли в городах средней и западной полос Орловской губернии, откуда потом перешли и в селения государственных крестьян. Как там вокруг Москвы нанковые фабрики, раздавая бумагу сельским ткачам на-дом, мало-помалу ввели ткачество между крестьянским населением даже в Рязанской губернии, так и здесь канатные фабрики и значительные городские прядильни начали уже раздавать крестьянам-прядильщикам за условленную плату известное количество пеньки и пакли для приготовления из них пряжи»[2].

Точно так же в Арзамасский уезд пенькопрядильный промысел был занесен местными крестьянами, работавшими на канатных заводах соседнего уезда[3].

Я говорил выше (в главе I) о падении паруснополотняных фабрик Калужской губернии; но они оставили после себя след. На месте прежних фабрик возник, хотя и не особенно цветущий, новый кустарный промысел — пряденье и тканье пеньковых тканей для парусов, мешков, брезентов и проч. Центром этого промысла в Медынском уезде явилось село Полотняный завод. Промысел этот развился в 50-х годах нашего века, причем главным деятелем был некий Ерохин — лучший ткач одной из закрывшихся парусных фабрик. Ерохин основал небольшую фабрику и вместе с тем стал раздавать пеньку для пряденья и тканья по домам. Промысел принял характер наемного домашнего производства.

До сих пор я говорил только о текстильной промышленности: в этой области своеобразная эволюция — от фабрики через домашнюю промышленность к «самостоятельному» кустарю, или, точнее, от фабрики через наемную систему домашней промышленности к покупной системе — наиболее очевидна. В других производствах влияние фабрики не так велико. Кустарная обработка металлов, изготовление железных и медных изделий, в гораздо меньшей степени могут быть приурочены к фабрике. Тем не менее, и здесь во многих случаях можно констатировать влияние фабрики. Возьмем, например, всем известную павловскую промышленность. О павловцах, как об искусных замочниках и слесарях, упоминается еще в начале XVII века. Но все исследователи признают, что на развитие павловской промышленности оказал огромное влияние

---

[1] «Состояние мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1845 году», Тверь, 1846 г., стр. 9—11. Перепечатано в «Журнале м-ва внутренних дел», 1847 г., ч. XVIII, под заглавием: «Мануфактурная промышленность Тверской губернии в 1845 г.».

[2] «Промышленность Орловской губернии», «Журнал м-ва госуд. имущ.», 1848 г., ч. XXIX, стр. 206. Также *Волков*, Промышленность Орловской губернии, тот же журнал, ч. XXX.

[3] «Труды кустарной комиссии», VI, стр. 548; вып. II, стр. 49—60.

железный завод, устроенный графом Шереметевым в половине прошлого столетия и прекративший производство в 1770 г. [1]. Помещики села Павлова и после уничтожения завода содействовали развитию павловской промышленности выпиской английских мастеров, обучением рабочих и пр. Большую роль в возникновении промыслов всего павловского района играли и соседние старинные Балашовские заводы. В позднейшее время новые промыслы в этом районе нередко возникали под непосредственным влиянием фабрикантов. Так, отцом ножничного производства в Павлове, по словам г. Лабзина, был петербургский ножевой фабрикант Канапль, «который ездил в Павлово и обучал ножничному делу тамошних более смышленых мастеров, чтобы, за дороговизной петербургской работы, иметь возможность получать более дешевые изделия местной выработки». Этот же фабрикант значительно содействовал также и улучшению техники производства перочинных ножей. Г-н Лабзин прибавляет, что о Канапле павловцы «вспоминают не иначе, как с почетом, а многие чтут его решительно своим благодетелем» [2]. Развитию муромского ножевого производства, центром которого является село Вачи, также сильно содействовала фабрика Кондратова, устроенная в 1831 г. [3]. Кустарное производство проволочных полотен в селе Безводном, Нижегородской губернии, было занесено фабричными рабочими [4]. В Ардовском уезде, Нижегородской губернии, все металлические промыслы имеют отношение к крупной горнозаводской промышленности и к существованию в уезде чугуноплавильных заводов [5].

Важнейшим центром кустарного кузнечного и слесарного производства в Ярославском уезде является село Бурмакино. По словам проф. Исаева, до 30-х годов этого столетия изделия бурмакинских кузнецов были очень грубы и незатейливы, «но с этого времени началось их усовершенствование. Вызвано оно было тем, что помещик Бурмакина, Варенцов, устроил ножевое заведение. Оно существовало недолго и не привило среди крестьян ножевого производства. Косвенно же оно оказало большое влияние: мастерами в заведении были немцы, искусные кузнецы и слесаря. Помещик набирал в работу наиболее способных

---

[1] Первое упоминание об этом я нашел в статье о павловской промышленности в «Журнале мануфактур и торговли» 1846 г., ч. IV. Это же известие повторяется и в большинстве последующих статей и книг, посвященных селу Павлову, о котором существует, как известно, целая литература. См. например, «Описание промыслов государственных крестьян Нижегородской губернии» (Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комитетами и отрядами уравнения денежных сборов государственных крестьян»), вып. I, 1857 г., стр. 64; *А. Смирнов,* Павлово и Ворсма, Спб. 1864 г. стр. 26. *Н. Лабзин,* Исследование промышленности ножевой, замочной и пр., Спб. 1870 г., стр. 5, и многие другие сочинения о павловской кустарной промышленности.

[2] *Лабзин,* Исследование промышленности ножевой и пр., стр. 48.

[3] *К. Тихонравов,* Фабричное заведение стальных изделий в Муромском уезде. «Владимирские губернские ведомости», № 42, 1853. «Занимая значительное число крестьян соседних селений производством стальных изделий на своей фабрике, Кондратов несомненно имел немаловажное влияние на распространение и успех этого производства между крестьянами не только в вотчине князя Голицына, но и в других имениях Муромского уезда».

[4] «Труды кустарной комиссии», IX, 2403.

[5] «Всероссийская выставка 1896 г., Нижегородская губерния», II, стр. 28.

мальчиков, которые и получали там правильное ремесленное образование. Когда заведение было упразднено, то рабочие разошлись по домам и принесли с собой техническую ловкость. Одни из них, сыновья и племянники кузнецов, усовершенствовали производство в прародительских кузницах, другие сами построили кузницы»[1]. С этого времени в Бурмакине начинается производство многих стальных изделий, которые раньше не выделывались вследствие недостатка знания и искусства.

«Нет сомнения, что железоделательные заводы способствовали развитию кузнечного промысла» Слободского уезда Вятской губернии[2]. То же самое мы узнаем и относительно пермских кустарных металлических промыслов.

«История возникновения промысла на том или другом заводе имеет, обыкновенно, общий характер. Родоначальниками промысла являются лица, вывезенные владельцами из средних губерний России с целью обучения ремеслу крепостных людей. В Кыштыме, например, была даже устроена заводоуправлением небольшая гвоздарная фабрика, в которой обучились многие гвоздари»[3].

Тульское железоделательное производство, принадлежащее к числу очень старинных, точно так же развилось под непосредственным влиянием железных заводов, устроенных еще в XVII веке и просуществовавших более 100 лет. «Заводы исчезли, — говорит исследователь тульской кустарной промышленности Борисов, — а знание ремесла осталось»[4].

Многие металлические промыслы этого района и в настоящее время сохраняют непосредственную связь с заводами и фабриками. Так, например, наводильщики в Сергиевской волости Тульского уезда занимаются своим промыслом только по заказам тульских самоварных фабрикантов, дающих им не только материал для обработки, но и самые инструменты. Точно так же кустари, занятые наклепным промыслом, работают только по заказам гармонных фабрикантов[5].

Уральские горные заводы создали вокруг себя очень разнообразную и цветущую кустарную промышленность, обрабатывающую заводский материал. «Нижнетагильское кустарное дело, — читаем в трудах кустарной комиссии, — обязано своим развитием вниманию администрации (заводов) в старые годы... Заводская администрация старалась направить избыток рабочей силы на это дело... и кустарный промысел буквально процветал». То же самое сообщается и о кустарном производстве разных металлических изделий вокруг заводов Воткинского, Редвинского и других[6].

В Красноуфимском уезде медный кустарный промысел возник благодаря существовавшему в прошлом веке, но затем закрывшемуся Суксунскому металлическому заводу. Этим же объясняется происхождение

---

[1] «Труды кустарной комиссии», VI, 709.
[2] Там же, XI, стр. 340.
[3] «Промыслы Екатеринбургского уезда», Екатеринбург 1889 г., стр. 61.
[4] «Труды кустарной комиссии», IX, 2242.
[5] Там же, VII, 892—947.
[6] Там же, XVI, «Кустарная промышленность в связи с Уральским горнозаводским делом», стр. 13—17.

в этом округе и кузнечнослесарного промысла. «Прививка промысла принадлежит также заводу, и развитие его обусловливается тем, что Суксун, будучи главным заводом в округе, занимал в былые времена большое число ремесленников всякого рода, в том числе кузнецов и слесарей... По закрытии механического производства в Суксуне (фабрика сгорела и больше не возобновлялась) большинство работавших на фабрике было уволено за оброки на отхожие работы... Затем до обнародовании свободы и в виду бездействия завода... почти все оставшиеся дома кузнецы открыли свои мастерские»[1].

Гвоздорубный промысел вокруг Бисердского завода возник благодаря устроенной заводом гвоздорубной фабрике, закрытой в 60-х годах[2].

Я мог бы привести еще много примеров эволюции мелкого производства из крупного, кустарной промышленности из фабричной, но и приведенных достаточно. Этой эволюцией вполне объясняется факт, поражавший многих исследователей кустарного производства, а именно вытеснение крупного производства мелким, раздробление промышленности. Нередко оказывается, что в данном промысле лет 40—50 тому назад господствовали более или менее крупные мастерские, а теперь крупных мастерских совершенно не существует, а место их заняли кустарные избы. Так, например, «в первое время после возникновения (в Арзамасском уезде) кузнечный промысел принимал характер маленьких кузнечных фабрик, хозяева которых держали работников и до известной степени эксплоатировали их труд. На кузнице каждого хозяина работало 12—18 работников... Но потом, когда промысел значительно распространился и когда кузнецы хорошо ознакомились с частностями промысла, они стали понемногу выходить из-под хозяйской опеки... и промысел стал вести каждый за свой страх»[3].

История скорняжного промысла в Арзамасском уезде представляется в следующем виде. «В начале скорняжества в селениях только немногие умели работать скорняжный товар, другие, чтобы научиться этому делу, должны были жить у них в работниках, за небольшую плату; таким образом, скорняжный промысел в деревнях имел несколько фабричный характер. Хозяева маленьких фабрик были завалены работой, которую они выгодно исполняли при помощи дешевых работников. Затем, когда скорняжному делу научились многие, число маленьких фабрик стало уменьшаться, рабочие стали делаться самостоятельными хозяевами. Скорняжный промысел, имевший первоначально фабричный вид, стал принимать постепенно кустарный характер, какой он сохранил и до сих пор»[4].

То же самое наблюдается в целом ряде крестьянских промыслов Московской губернии: щеточном, цветильном, шляпном, мебельном и др. По словам профессора Исаева, исследовавшего мебельную промышленность Московской губернии, «история этого промысла блистательно доказывает, что одиночка-столяр не только с успехом выдерживает борьбу

---

[1] «Труды кустарной комиссии», X, 2924, 2979.
[2] «Сборник Пермского земства», 1890 г., № 4 «Гвоздорубный промысел в Бисердском заводе».
[3] Труды кустарной комиссии», IV, стр. 171—172.
[4] Там же, III, стр. 82.

с крупной мастерской, но что сама одиночная изба вышла в некоторых местах из объятий крупной мастерской»[1].

Совершенно верно. Кустарная изба вышла из крупной мастерской, и не только в мебельном промысле, но, как я старался показать, и во многих и очень важных других промыслах. Тем не менее, из этой «блистательной победы» кустаря мы не сделаем того вывода, который делает профессор Исаев, и не заключим о преимуществах кустарной промышленности *в наше время* и возможности для нее *при современных условиях техники* успешно конкурировать с фабрикой.

Итак, промышленный капитал сыграл огромную роль в развитии нашей кустарной промышленности. Происхождение наших кустарных промыслов, как я указывал, двоякое: старинные промыслы возникли из домашнего производства, промыслы более новые — главным образом, из фабрики и крупной мастерской.

Установить более или менее точно, какую роль в нашей кустарной промышленности играют промыслы того или другого происхождения — совершенно невозможно, по отсутствию статистических данных. Только для очень немногих губерний такое сравнение возможно. Наилучше исследована в промысловом отношении Московская губерния; ею мы и займемся.

Значительно большая часть кустарных промыслов Московской губернии (эти промыслы в главной своей массе являются не «самостоятельным» производством, а работой по найму) происхождения очень недавнего, некоторые возникли в конце прошлого века, другие еще позже — в 20, 30, 40-х годах нашего века. Московские земские статистики «обыкновенно» весьма тщательно отмечали историю каждого промысла; посмотрим же, о чем говорят их наблюдения.

Из 141 тыс. крестьян, занятых в мелком товарном земледельческом производстве Московской губернии, не менее 82 тыс. (т. е. около 59% работающих) заняты в промыслах, непосредственно созданных фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промысел, игрушечный, шитье перчаток, щеточный промысел, производство пуховых шляп, канительный, золото-кружевной и другие, более мелкие, промыслы).

О возникновении бумажного, шелкового и шерстяного домашнего ткачества я уже говорил [2]; что касается других промыслов, то история их в общем одна и та же.

Возьмем, например, игрушечный промысел (1 400 кустарей работают из покупного материала; «самостоятельное» производство).

---

[1] «Промыслы Московской губернии», т. I, стр. 30.

[2] Замечу кстати, что история ткацкого промысла изложена в «Земском сборнике» не на основании нового материала, а по Корсаку, и потому самостоятельного значения не имеет и не лишена ошибок.

«История игрушечников Московской губернии, как первоначальных производителей, была такова, что сначала они работали у хозяев в Москве, в качестве наемных работников, потом... отходили от своих хозяев и заводили дело у себя на дому, в деревне. Почти всегда бывало так, что отошедший от хозяина работник первое время сохранял со своим бывшим хозяином деловую связь, т. е. продолжал работать на него товар, так что положение нового

Схема развития — крупная мастерская, наемная домашняя промышленность и так называемое самостоятельное производство — выступает с полной ясностью.

Щеточный промысел (880 работающих; большею частью, сами покупают материалы). Промысел был занесен в конце XVIII века крестьянином, работавшим на одной щеточной мастерской в Москве. Первые основатели промысла имели довольно значительные мастерские. В настоящее время преобладают мелкие заведения [1].

Производство касторовых шляп (480 работающих; преобладающий тип — мелкие мастерские с наемными рабочими; работа из покупного материала). Промысел возник из шляпной фабрики Александрова в 30-х годах этого века. «С течением времени некоторые мастера, обучившись шляпному производству, стали работать шляпы на-дому, но вначале работали исключительно на Иванова (Александрова), получая от него материал. Затем бывшие мастера Иванова (Александрова) стали обращаться в самостоятельных производителей... Шляпное производство, сначала сконцентрированное в обширной мастерской Иванова (Александрова), постепенно децентрализировалось по селениям Кленовской волости» [2]. Итак, опять то же развитие — фабрика, домашняя промышленность, мелкое «самостоятельное» производство.

Шитье лайковых перчаток (3 тысячи работающих; работа по заказам торговцев из их материала). «Лет сто назад помещик Шалашников выстроил завод для выделки тонких кож для перчаток в деревне Языкове.. Обученные девушки шили отчасти в особо устроенном для этого помещении, или же, как впоследствии, получали работу на-дом. Мало-помалу, таким образом, уменье шить перчатки распространилось по окрестностям» [3]. Фабрика породила домашнюю промышленность.

Патронный промысел. Работающих около 9 тыс. (работа отчасти на торговца, по заказам, отчасти «самостоятельное» производство).

«Расспрашивая крестьян о происхождении промысла, — читаем в «Земном сборнике», — мы получали однообразные ответы: приехал в такую-то деревню приказчик от такого-то купца, снял или купил избу и открыл фабричку. Девушек и женщин обучал даром, потом раздавал на-дом все нужные материалы и орудия производства... Бывали и такие случаи. Крестьянин, занимавшийся несколько лет на какой-нибудь патронной фабрике в Москве, решал ехать домой и жить в деревне. Он уговаривался со своим хозяином, что будет на него работать патроны за известную цену... Самостоятельные производители появились в деревне только в более позднее время... Почти фабричная форма, появившаяся в деревнях Московской губернии, породила и самостоятельное мелкое патронное производство» [4].

Опять, следовательно, то же — фабрика, домашняя промышленность, «самостоятельное» кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатом эволюции фабрики.

предпринимателя на первых порах мало разнилось от положения простого рабочего... Но затем, по мере того, как игрушечник знакомился с коммерческой стороной своего дела... его отношения к бывшему хозяину менялись к большой для него, производителя, выгоде». Сборник стат. свед. по Моск. губ., т. VI, вып. II, стр. 5—6.

[1] «Сборн. стат. сведений по Моск. губ.», т. VI, вып. I, стр. 1—6.

[2] То же, т. VI, вып. I, стр. 172—173.

[3] То же, т. VII, вып. II, стр. 170.

[4] То же, т. VII, вып. II, стр. 204, 223, 230.

Точно таким же образом были занесены в селения Московской губернии пуговичный, золотокружевной, бахромный, золотошвейный, позументный, сусальный и многие другие промыслы. Как я сказал, промыслами капиталистического происхождения занято около 59% всех московских кустарей. Каким же образом возникли другие промыслы Московской губернии, дающие занятие остальным 41% кустарей?

Значительная часть этих последних промыслов если не прямо возникла из крупной мастерской, то во всяком случае развилась под непосредственным ее влиянием. Сюда относится, например, мебельный промысел, исследованный проф. Исаевым. Производство дорогой мебели до 50-х годов было сосредоточено в Лигачевском районе в крупной мастерской Зениных, имевших до 70 рабочих. В этой мастерской научились работать дорогую мебель мастера, впоследствии начавшие самостоятельное мебельное производство. Как я говорил выше, проф. Исаев отмечает, что в мебельном промысле крупная мастерская породила мелкие промышленные единицы. То же следует сказать и о металлических промыслах Московской губернии — изготовлении жестяных и медных изделий, подносов, булавок, проволочных сеток и пр. Все эти промыслы в большей или меньшей степени обязаны своим развитием крупным мастерским. То же следует сказать и о портняжном, гребенном, зеркальном, грохотоплетном и пр. промыслах.

Заметим, кстати, что развитию кустарных промыслов оказали огромное содействие и помещики, обучавшие разным ремеслам своих крепостных. Это отмечается относительно мебельного промысла [1], кружевного, перчаточного, плетенья из прутьев и других промыслов Московской губернии.

По словам г. Плотникова, «одной из причин развития кустарных промыслов (в Нижегородской губ.) было воздействие помещиков, старавшихся насаждать в своих вотчинах, особенно многолюдных и малоземельных, какие-либо промыслы. Такие крупные владельцы, как Шереметевы, Салтыковы, Толстые, владея в разных концах России селами, уже отличившимися в той или иной отрасли промышленности, нередко переносили вместе с мастерами этих селений и их искусство в свои более бедные и непромысловые селения. Так, Салтыкову, владевшему одновременно в конце XVII века селом Кимрами и селом Выездной Слободой Арзамасского уезда, приписывают начало сапожного промысла в последнем. Владелец села Богородского Шереметев не только содействовал развитию в своем имении кожевенного производства, но и перенес его в село Юрино, Васильевского уезда, в виде рукавичного промысла» [2].

То же сообщается и относительно промыслов Ярославской губернии. «Развитию кустарной промышленности немало способствовало крепостное право... Помещики отправляли мальчиков для обучения разным мастерствам на фабрики и заводы в Петербург, Москву и другие промышленные города России. Опытность этих мастеров влияла на кустарную промышленность».

---

[1] «Крепостное право не мало способствовало его (мебельного промысла) развитию». *А. Исаев,* Промыслы Московской губернии, I, II.

[2] «Всероссийская выставка 1896 г., Нижегородская губерния» II, стр. 31.

Так, например, на Ухтоме, «если и существуют кустарные промыслы, то потому лишь, что на Ухтоме много помещичьих усадеб и усадеб богатых, а, следовательно, в среде населения найдется немало народу, обученного известным мастерствам бывшими их помещиками»[1].

Вернемся, однако, к Московской губернии.

Какую же роль играют в московской промышленности старинные кустарные промыслы, промыслы чисто «народного» происхождения, не носящие на себе печати ни капитализма ни крепостного права? — Довольно незначительную. К этой категории относятся такие вполне национальные промыслы, как, например, плетение лаптей, прядение льна и шерсти, отчасти вязанье и плетенье чулок, сетей и пр., сапожный и башмачный промысел, скорняжничество, валянье шерсти, бондарный промысел, кожевенный, метельный и пр. Число лиц, занятых в этих промыслах, вряд ли превзойдет 30 тыс. чел., т. е. не достигнет и 25% всего числа московских кустарей.

Итак, в Московской губернии (как и во всем центральном промышленном районе) промыслы более новые, капиталистического происхождения, решительно преобладают над «народными» промыслами, начало которых теряется в дали времен. Разумеется, если бы мы взяли для сравнения не промышленную, а какую-нибудь земледельческую или северную лесную губернию, то результат получился бы иной. Например, в Вятской губернии промыслы «народного происхождения», несомненно, преобладают над капиталистическими[2]. Но для нас важно было не определить в цифрах, какие промыслы в России занимают больше рабочих (такое определение совершенно невозможно по отсутствию данных), а доказать, что господствующее мнение о происхождении кустарной промышленности из домашнего производства в своей категорической форме совершенно неверно, так как оно игнорирует многие весьма важные промыслы чисто-капиталистического происхождения, преобладающие не только в Московской губернии, но и во всем центральном промышленном районе России. Московская же губерния должна была только иллюстрировать этот факт, и для такой иллюстрации она вполне годится.

Я отнюдь не утверждаю, что факт происхождения отдельных промыслов из фабрики не был отмечен в нашей литературе. Напротив, как видно из вышеизложенного, очень многие исследователи неоднократно его отмечали. В. Безобразов в «Общем обозрении выставки 1882 г.» (Спб. 1884 г., стр. 457) прямо заявляет: «Весьма примечательно, что у нас фабрики, в известной степени, содействовали насаждению и развитию кустарных промыслов». Но все же вышеприведенное мнение г. В. В. о «народном» происхождении нашей кустарной промышленности может считаться господствующим.

Корсак видел в раздроблении фабричной промышленности в рассматриваемую эпоху доказательство неприложимости фабричной формы промышленности к хозяйственным условиям дореформенной России. Фабрика

[1] «Вестник ярославского земства», 1875 г., июнь. «Кустарная промышленность в Пошехонском уезде».

[2] См. «Материалы по описанию промыслов Вятской губернии». Вятка 1889—1893 гг., пять выпусков.

XVIII века, по его мнению, была явлением «искусственным», и потому она раздробилась.

Против этого мнения, до сих пор не потерявшего кредита в нашей литературе, я уже возражал во «Введении». Я доказывал, что Петровская фабрика была естественным продуктом экономических и социальных условий тогдашней России.

Последующая эволюция фабрики вполне объяснима тем, что на русских фабриках прошлого века работа производилась не машинами, а руками, техника производства была очень несложна и не требовала обязательно крупной мастерской. Необходимость последней в тогдашней России основывалась не на технических, а на социальных условиях, и, прежде всего, на незнакомстве русского населения с новыми приемами производства и на невозможности перенести в страну новые производства иначе, как в форме фабрик.

Отсюда ясно, что, как только население освоилось с новыми техническими приемами, мелкое производство стало вытеснять крупное. Так как, по чисто техническим условиям, крупное производство не имело значительных преимуществ перед мелким (и на фабрике, и в кустарной избе работа производилась руками, без помощи дорогих приспособлений и инструментов; ручной ткацкий станок, — даже станок-самолет, — стоил так мало, что был вполне доступен всякому крестьянину), то вполне понятно, что фабриканты скоро убедились в невыгодности устройства огромных и дорогих фабричных зданий, когда та же работа могла быть исполнена с таким же успехом обученным рабочим у себя на-дому. Таким образом, фабрика раздробилась в домашнюю промышленность. Мелкое производство оказалось сильнее крупного по той причине, что состояние техники не требовало крупного производства.

Что касается до перехода домашней промышленности в «самостоятельное» кустарное производство, то и этот переход вполне понятен: когда промысел находится в первом периоде своего развития и им занимается немного рук, цена за работу бывает высока, и сбыт изделий совершается без затруднения. В этом периоде домашний рабочий, при удаче, легко может начать работу из покупного материала, продавать изделия на рынке, и, таким образом, наемный рабочий превращается в «самостоятельного» производителя.

Итак, николаевская эпоха может быть по справедливости названа эпохой расцвета нашей кустарной промышленности. Это еще вовсе не значит, чтобы в это время кустарь пользовался большей самостоятельностью, чем раньше или потом. Масса кустарей оставалась в полном подчинении капиталисту. Именно в это время выработались те сложные формы посредничества между потребителем и производителем-кустарем, которые сохранились и поныне. Вот, например, каким образом было организовано кустарное производство в бумаготкацкой промышленности, в которой наемная домашняя система достигла наибольшего развития.

Тканье производилось, обыкновенно, в светелках на 5, 10, 20 и более ткацких станов. Крестьяне, обыкновенно, не ткали бумажных тканей в самой избе вследствие тесноты и закопченности изб, так как у большинства избы были курные. В избах с трубами иногда помещались ткацкие станки. Раньше чем дойти до ткача, материал — бумажная пря-

жа — проходил через несколько рук. Хозяин материала — ситцевый фабрикант или владелец раздаточной конторы — отдавал* пряжу особому комиссионеру «производчику» или подрядчику. Этот производчик или подрядчик, как общее правило, сам ткачеством не занимался и не имел ткацких заведений; но нередко он имел свое собственное сновальное заведение. В таком случае он получал от хозяина неосновательную бумажную пряжу и сновал ее сам. Если же у него не было сновального заведения, то он получал от фабриканта уже готовую основу. Основу и уток подрядчик отдавал «мастерку», занимавшемуся раздачей пряжи по светелкам или по избам отдельных ткачей. Владелец светелки — «хозяин» иногда сам от себя нанимал несколько ткачей и вместе с ними приготовлял миткаль, иногда же места в светелке отдавались ткачами за плату, и тогда «мастерок» непосредственно сносился с ткачами. Изготовляемый миткаль доставался «мастерку», он же передавал его подрядчику, а подрядчик — фабриканту. Плата производилась с веса; фабрикант выдавал бумажную пряжу по весу подрядчику и от подрядчика же получал обратно соответствующее количество миткаля, причем, разумеется, производился вычет на «угар» — потерю пряжи при тканье и пр. Фабрикант знал только подрядчика, подрядчик — только «мастерка», «мастерок» — только «хозяина» (светелочника) или ткачей, с которыми он сносился лично.

Плата, выданная фабрикантом, распределялась между всеми участниками производства, причем подрядчик и «мастерок» вычитали в свою пользу определенную комиссионную плату, а остальное передавали «хозяину» светелки, если он от себя нанимал ткачей, или самим ткачам, если они сами сносились с «мастерками».

Таким образом, было организовано в своей наиболее развитой форме посредничество между собственниками материала и домашними производителями. Иногда тот или другой посредствующий член этой цепи выпадал. Так, например, нередко подрядчик непосредственно сносился со светелочниками или ткачами; в других случаях, хотя и редко, подрядчик имел свои собственные ткацкие светелки и сам ткал миткаль из хозяйского материала. Наконец, иногда фабрикант непосредственно сносился с ткачами, а именно с теми из них, которые жили по соседству с фабрикой. Ткач являлся на фабрику, брал у хозяина основу и уток и ему же обратно приносил миткаль [1].

В такой форме сложилась организация наемного домашнего ткачества бумажных и отчасти шелковых и полотняных материй еще

---

* В 1-м издании «ситцевый или миткалевый крупный фабрикант отдавал». — *Ред.*

[1] Организация домашнего наемного ткачества в николаевскую эпоху описывается, например, в следующих статьях: «Статистические сведения в Богородском уезде», «Журнал мануфактур и торговли», 1834 г., № 1; *А. Заблоцкий,* Обозрение Владимирской губернии, «Журнал м-ва внутр. дел», 1840, часть XXXVI; «Промышленность государственных крестьян Рязанской губернии», «Журнал м-ва госуд. имущ.», 1847, часть XXV; *Я. Соловьев,* Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии», «Влад. губ. вед.», № 28—30, 1854; *Ф. Журов,* Миткальные фабриканты, их ткачи и комиссионеры, «Вестник промышленности», 1858 г., т. I, и во многих журнальных и газетных статьях этого времени.

в 30—40-х годах этого века. Организация эта, при всей своей сложности, настолько удачно служила своим целям, что удержалась почти в неизмененном виде до настоящего времени. Это сложное посредничество указывает на слабость и беспомощность непосредственного производителя, который не имеет доступа не только к рынку, но даже и к руководителю предприятия, собственнику материала.

В начале этого века заработная плата бумажных ткачей, вследствие ограниченности их числа, была высока, но с двадцатых годов, под влиянием быстрого распространения бумажного ткачества в стране и усиления конкуренции ткачей, она начала падать.

Годовая выработка бумажного ткача во Владимирской губернии [1]
(В ассигнациях)

Годы	Миткаль низшего сорта	Миткаль среднего сорта
1808	432 р.	504 р.
1813	359	449
1829 — 1858	125	166

Золотой век набойщиков — первые десятилетия нашего столетия — был золотым веком и ткачей, хотя заработок ткачей никогда не поднимался так высоко, как заработок набойщиков. В 30, 40 и 50-х годах заработная плата бумажных ткачей сильно колеблется, но не обнаруживает наклонности к падению.

Средняя цена, платимая ткачам в Шуе и Суздале за основу в 850 зубьев [2]

(С аршина основы в копейках ассигнациями)

1829 г.	4,46	1834 г.	2,01	1839 г.	3,38	1844 г.	3,63	1849 г.	2,95	1854 г.	2,25
1830 „	4,43	1835 „	2,37	1840 „	3,64	1845 „	3,63	1850 „	2,90	1855 „	1,83
1831 „	3,96	1836 „	3,34	1841 „	2,78	1846 „	2,85	1851 „	2,10	1856 „	3,11
1832 „	3,09	1837 „	3,78	1842 „	2,71	1847 „	2,43	1852 „	3,2	1857 „	4,23
1833 „	2,42	1838 „	3,62	1843 „	2,92	1848 „	2,91	1853 „	2,71	1858 „	4,36

Тем не менее, сравнительно с двадцатыми годами, плата за бумажное ткачество сильно упала. В 40-х годах этот промысел считался мало выгодным занятием. «Крестьянин все еще производит миткаль из пряжи, данной фабричным хозяином, на тех же станах, как и прежде, а между тем получает ныне только от 1¼ до 1½ руб. ассигнациями с 50-аршинного куска, или от 2½ до 3 коп. за аршин, тогда как прежде платили от 6 до 8 руб. за кусок, или от 12 до 16 коп. за аршин. При самом неутомимом прилежании ткач не сработает в день более 15 аршин, и то только летом в долгие дни, зимой же скудная эта прибыль уменьшается еще издержками на освещение, потребное для работы... За всеми вычетами он едва ли приобретет для себя 20 коп. в день. Затем легко

[1] *Ф. Журов*, Ход выработки ручного миткаля во Владимирской губернии. «Вестник промышленности», 1861 г., т. XIV.

[2] *Ф. Журов*, Заметки на статью «Село Иваново» Власьева. «Вестник промышленности», 1859 г., т. IV, стр. 26. Цены относятся к главному сорту миткаля, вырабатывавшемуся в наибольшем количестве.

понять, отчего в фабричных округах возле зажиточного состояния и даже значительного богатства господствует нередко крайняя нищета со всеми жалкими последствиями оной»[1].

Другой современный автор выражается еще решительнее. «Нет никакого сомнения, что промысел тканья бумажных изделий принадлежит к самым невыгодным. Ткачество может существовать, без объединения крестьян, только в тех местах, где земледелие доставляет достаточные средства к содержанию. Суздальский и Юрьевский уезды имеют эти средства. Нельзя этого сказать о Шуйском»[2].

Слабая сторона вышеописанной организации наемного домашнего ткачества заключалась в разобщенности хозяина материала и производителя, постоянно дававшей повод к жалобам фабрикантов на ткачей и обратно. Эти жалобы весьма характерны для рассматриваемой эпохи.

Вот, например, как характеризует домашних ткачей местный автор, державший сторону фабрикантов: «Такие ткачи, пришед в фабричную контору, просят, обыкновенно: «Не пожалуете ли основы?» «Не дадите ли основки?», а иногда и таким тоном, глядя в потолок: «Раздаете ли основы-то?»... Миткаль, приносимый ими в контору, всегда бывает тяжелее и сырее фабричного. Для того, чтобы сделать его тяжелым, они прибегают к разным хитростям; иногда просто напрыскивают его водой и приносят в контору без всякого стыда совершенно мокрым... Улика налицо, а сделать ничего нельзя, потому что деньги всегда за ткачом, а не за хозяином... Не давать же деньги вперед невозможно... Нынешние ткачи не довольствуются этими злоупотреблениями, они уже прямо продают весь товар, основу и уток, без остатка, а деньги пропивают. Взять с них нечего. Таких негодяев всегда довольно, и от них не убережется ни один фабрикант. Грустно уверять в упадке нравственности, но, к несчастью, это правда».

Не лучше оказываются и комиссионеры... «Комиссионеры часто проматывают фабрикантского товара на тысячи рублей. Никакое условие не помогает. Грустно видеть, когда окружной начальник отказывает в иске фабриканту за 25 руб., взятые с мужика. Грустно видеть все эти злоупотребления, но помочь им нечем... Замечательно, что в последнее время народ, занимающийся миткалево-ткацкой промышленностью, становится все хуже и хуже»[3].

По словам владимирского губернского механика Несытова, «раздача бумажной пряжи ткачам и мотальщикам в дома и светелки усилила противосовестные поступки первых: ткачи и мотальщики... утаивают на значительные суммы материал... и употребляют разные средства, увеличивающие вес изделия»[4].

---

[1] *А. Заблоцкий.* Обозрение Владимирской губернии. «Журнал м-ва внут. дел», 1840 г., часть XXXVI, стр. 297.

[2] *Я. Соловьев.* Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губернии, «Владимирские губернские ведомости», № 30, 1854 г.

[3] *Ф. Журов,* Миткалевые фабриканты. «Вестник промышленности», 1858 г., т. I.

[4] «Обозрение фабрик и заводов Владимирской губернии». «Влад. губ. ведомости», № 2, 1848 г.

Так говорили фабриканты и их друзья. С другой стороны, указывалось на тяжелое экономическое положение ткачей. Комиссионеры «понижают цену на работу... С осени, когда начинается ткачество, они объявляют цены весьма высокие. Дают вперед деньги крестьянам на уплату податей или оброка, отпускают им в долг разную провизию, разумеется, с надбавкой против базарных цен. После того как крестьяне, таким образом, войдут в долг, они понижают задельную плату» [1].

Что касается до фабрикантов, то о них один современный автор говорит следующее: «Нам не раз приходилось слышать от ткачей, что и со стороны фабрикантов дело нечисто: например, бумажная пряжа при фабриках хранится всегда в сырых местах, из которых и раздается сыроватая, вытканный же миткаль, принимаемый, как и пряжа, по весу, во всех хорошо устроенных фабричных конторах тщательно просушивается. Обманы, на которые жалуются фабриканты, не могут играть важной роли в промышленном отношении и делать фабрикантам значительный убыток... Бывали и такие случаи, что фабриканты не уплачивали ткачам заработанных денег или выдавали, вместо денег, кульки гнилого ситца. И говорят это, по преимуществу, про более богатых фабрикантов, рассчитывающих на свои капиталы и влияние» [2].

Как бы то ни было, но несомненно, что к концу 50-х годов, когда спрос на ткачей быстро увеличился, благодаря оживлению промышленности, и рабочих рук не стало хватать, система домашнего производства вызвала частые жалобы фабрикантов... «Негодяи»-ткачи, — по энергическому выражению расходившегося защитника фабрикантов, — осмеливались пользоваться выгодным положением рабочего рынка для увеличения своей платы. «При развивающейся ситцевой фабрикации в селе Иванове, — читаем в «Московских ведомостях» (1859 г., № 203), — цены на рабочие руки поднялись до невероятной степени, и в последнее время решительно нет никакой возможности найти рабочих людей за очень хорошую плату как в селе Иванове, так и в Вознесенском Посаде».

Но фабриканты знали средство смирить ткачей и восстановить среди них упавшую нравственность. Средство это, — верное и безошибочное, которым прекрасно умели пользоваться фабриканты на Западе, — заключалось во введении механического ткацкого станка. Цитированный автор, грустивший об испорченности ткачей, в конце статьи делает успокоительное замечание. «Одно средство избежать всех этих неприятностей — механические ткацкие заведения. Дай бог, чтобы все было к лучшему». В другой статье тот же автор выражает надежду на падение ручного ткачества благодаря введению ткацкой машины и торжествующе восклицает: «Тогда этот класс промышленников — ткачей и комиссионеров — естественно будет сожалеть, что своими нечестными и жестоко (sic) вероломными поступками накликал беду, потому что только чрезмерная нечестность ткачей побудила фабрикантов обратиться к механическим станком» [3].

---

[1] *Я. Соловьев,* Обзор хозяйства и промышленности Владимирской губ., «Влад. губ. вед.», № 30, 1854 г.

[2] *Власьев,* Село Иваново. «Вестник промышленности», 1889 г.

[3] *Ф. Журов,* Замечание на статью «Село Иваново» Власьева, «Вестник промышленности», 1859 г., т. IV.

И действительно, механический ткацкий станок уже появлялся на горизонте и грозил полным преобразованием ткацкой промышленности. Первая механическая ткацкая фабрика в Шуе была устроена в 1846 г.[1]. Но вначале ткацкая машина прививалась у нас в хлопчатобумажном производстве крайне туго. В «Обозрении выставки мануфактурных изделий в 1849 г.» читаем, что «машинное ткачество у нас еще можно считать предметом редкости» (стр. 26). До конца 50-х годов ручной труд господствовал в бумажном ткачестве, но машина уже надвигалась и в скором времени должна была вытеснить домашнего ткача.

В суконном производстве паровые ткацкие станки были заведены на многих московских фабриках уже в начале 50-х годов[2], но так как суконное производство в гораздо большей степени, чем бумажное, сохраняло все время фабричный характер, то введение машинного производства в этой области почти не отразилось на положении кустарей.

Иной характер имела эволюция другой отрасли хлопчатобумажной промышленности — ситцепечатанья. Как я сказал, ситцепечатанье появилось в России раньше ткачества бумажных материй, и машина получила господство в ситцепечатаньи раньше, чем в ткацком производстве.

По словам Несытова, историю ситцепечатного производства в селе Иванове можно разделить на четыре периода. Первый период — до 1812 г., когда набоечное мастерство только начало развиваться в Иванове. Второй период 1812—1822 гг., золотой век набойщиков, о котором я уже говорил, когда набойщики без труда наживали целые состояния и когда производилась самостоятельная набойка. Третий период, 1822—1836 гг., характеризуется огромным увеличением числа набойщиков; в одном Иванове их считалось около 7 тысяч. Под влиянием этого задельная плата их сильно понизилась, но заработок набойщиков все еще оставался высоким благодаря увеличению производительности труда набойщика. Производство продолжало оставаться ручным. В 1835 г. в Иванове появились первые цилиндропечатные машины. «Они, как громом, поразили набойщиков и дали им сильно почувствовать, что их самоволие должно быть ограничено этими бичами ручной набивки», — замечает верный друг фабрикантов — Несытов. Машины эти «дали другой такт ивановской ситцевой промышленности».

«Своеволие» набойщиков прекратилось. Машина их быстро усмирила, скрутила по рукам и ногам. Четвертый период — 1836—1855 гг.— характеризуется постепенным вытеснением ручного набойщика машиной. В первое десятилетие этого периода число набойщиков не уменьшалось благодаря огромному росту производства, но «прежде они составляли необходимость на фабрике, а теперь являются подчиненными работе своей и машинам». Задельная плата их и заработок сильно понизились, и вместо прежней сотни рублей ассигнациями (во втором десятилетии этого века) набойщик стал вырабатывать в месяц 10—15 р. сер. при постоянной работе. Во второе десятилетие быстро распространились в

[1] «Первая прядильно-механическая ткацкая мануфактура в г. Шуе». «Владимирские губ. вед.» 1847 г., № 44.

[2] «Замечания о нынешнем состоянии обработки волокнистых веществ в России». «Журнал мануфактур и торговли». 1853 г., часть IV, стр. 15.

Иванове паровые машины и новые усовершенствованные ситцепечатные машины — пирротины.

«С введением в употребление пирротин положение набойщиков сделалось незавидно». Каждая пирротина с помощью двух человек могла набить столько же, сколько набивали 30—50 набойщиков. На фабрике Зубкова в 1840 г. работало круглый год до 250 набойщиков; в 1854 г. их было только 60, несмотря на то, что производство значительно расширилось. Во всей Владимирской губернии в половине 50-х годов осталось не более 2 000 набойщиков. Месячный заработок набойщиков спустился до 5—12 р. сер. Ручные набойщики удержались только в таких операциях, которые требовали особого искусства или почему-либо не могли исполняться машинами, а также на маленьких фабриках, для которых машины недоступны. Дети набойщиков стали изучать другие мастерства, и ручной набивной промысел, так блестяще развившийся в начале этого века, стал приближаться к исчезновению [1].

Таким образом, некоторые промыслы, несомненно, падали уже в николаевскую эпоху под влиянием изменения условий техники. Но, в общем эта эпоха может считаться у нас временем развития кустарной промышленности. На смену падающим промыслам появлялись и быстро росли новые. Так, например, со времени 30-х годов этого столетия в Шуйском и других уездах Владимирской губернии распространяется очень выгодный промысел — овчинно-шубный. «Производство это видимо усиливается и преуспевает, — говорит местный исследователь Лядов, — в течение 5 лет овчинно-шубное производство почти удвоилось по сумме своего оборота» [2]. В короткое время этот промысел сделался после бумаготкацкого самым распространенным в Шуйском уезде [3]. Между овчинниками почти не встречалось бедняков, но, вместе с тем, не встречалось и крупных капиталистов. В других промыслах, несмотря на сильное развитие домашней системы и полную зависимость от скупщиков или торговцев-заказчиков, положение кустарей было сравнительно с последующим временем блестящим. Так, например, в Тверской губернии в 40—50-х годах самым важным кустарным промыслом была ковка гвоздей. Промысел этот был организован совершенно капиталистически. Гвоздари сбывали свои продукты почти исключительно крупным торговцам, от которых они получали и железо. Номинально гвоздари рабо-

---

[1] *И. Несытов*, Колеристы и набойщики Владимирской губернии, «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год». Также (главным образом, по Несытову) *Я. Орелин*, Город Иваново-Вознесенск, стр. 204—207. Власьев приводит следующие цифры примерной выработки набойщика:

1812—1822 г.	1 100—800
1822—1832 г.	800—600
1832—1842 г.	600—400
1842—1852 г.	550—300
1852—1858 г.	500—250

Но эти цифры подвержены сомнению. «Село Иваново». «Вестник промышленности». 1859 г., т. II.

[2] *Лядов*, Овчинно-шубное производство в г. Шуе и его уезде, «Влад. губ. вед.», № 12, 1860 г. Также «Влад. губ. вед.», № 30, 1855 г.

[3] *Дубровотов*, Красносельская волость Вязниковского уезда, «Влад. губ. вед.», № 10, 1866 г.

тали из своего железа, но фактически материал принадлежал купцам, так как гвоздари не пользовались свободой продажи. Дело устраивалось таким образом: каждый гвоздарь знал своего хозяина, которому он сбывал гвозди; хозяин платил ему частью деньгами, частью железом. Таким же образом были организованы и другие металлические промыслы в Тверской губернии [1].

Гвоздари находились в полной зависимости от железных торговцев. «Весь барыш от гвоздей, — говорит современный исследователь, — достается купцам. Интересно познакомиться с этими своего рода факторами; они покупают железо в Нижнем, дома раздают его кузнецам и у кузнецов берут гвозди. Вот и вся деятельность, которая весьма легка и производится лежа на боку. Кузнецам отпускается железо большей частью на-дом с тем, чтобы они доставляли гвозди хозяевам железа, которые сами за них назначают цену. Купец получает барыш при покупке гвоздей у кузнецов процентов 12, да при продаже им железа процентов 20» [2].

Точно так же о ярославских гвоздарях мы читаем следующее сообщение в официальном источнике: «Промысел этот находится в полной зависимости от крупных капиталистов-купцов, которые стесняют до последней степени выручку кустарей тем, что назначают произвольно слишком высокие цены на железо. В особенности в этом отношении стеснены промышленники ярославского уезда, принужденные работать на ярославских купцов-монополистов, — Пастухова и Чапурина. Так, например, пуд лазаревского железа стоит по вольным ценам 1 р. 70 к., а купцы кладут за него при расчете с кузнецами 2 р. 35 к.» [3].

Уломские гвоздари, которых, по словам местного исследователя Носырина, насчитывалось в череповецком районе в 50-х годах до 20 000, не имели и тени самостоятельности и были в полном смысле слова наемными рабочими гвоздарных торговцев [4].

Судя по всему этому, читатель может подумать, что гвоздарный промысел в этот период уже никак не может быть назван цветущим и что положение гвоздаря было очень плохо.

Однако, по сравнению с последующим (да и с предыдущим) временем, положение гвоздаря в николаевскую эпоху представляется блестящим. «Золотым веком ручного гвоздарного производства считают второе, третье, четвертое и пятое десятилетия нынешнего века», — сообщает нам г. Покровский [5].

Все дело в том, что в николаевскую эпоху гвоздарный промысел быстро возрастал: по словам Носырина, в 1820 г. в Уломе выковыва-

---

[1] «Обозрение мануфактурной промышленности Тверской губернии в 1850 г.». «Журнал мануфактур и торговли», 1851 г., часть II.

[2] *Алексей Забелин,* Промышленное движение в Твери. «Вестник промышленности», 1860 г., т. X.

[3] «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству м-ва госуд. имущ.», выпуск II, 1859 г. стр. 130.

[4] Об этом любопытном образчике наемной домашней промышленности см. интересную книгу *Носырина,* Улома и ее металлическое производство, Спб. 1858 г.

[5] «Труды кустарной комиссии», выпуск V, стр. 377.

лось 100 тыс. п. гвоздей, а в 1857 г. — уже 500 тыс. [1], спрос на кузнецов был, следовательно, большой, а производство оставалось ручным. Поэтому, как ни тяжела была зависимость от скупщиков и торговцев, но все же гвоздарю жилось сравнительно недурно. Он еще не знал своего самого опасного конкурента — машины.

Положение слесарей павловского района рисуется совершенно в том же виде... «Большинство павловских мастеров не имеет собственного капитала... Главные покупатели суть павловские торговцы, единицы против массы мастеров; они торгуют материалом, нужным для изготовления ножиков... Часто, или обыкновенно, мастер берет материал на-дом у торговца, которому обязывается за это доставлять изделия за самую низкую цену... Крестьянин покупает материал дорого, а продает дешево». Работающие по заказам жалуются, «что плата их вообще низка, даже непостоянна; за малейшую погрешность в выделке ножиков делают большие вычеты из цены».

Опять-таки, судя по этому описанию, кажется, что павловским слесарям приходится совсем плохо. Но из того же источника мы узнаем, что «крестьяне, занимающиеся слесарством, живут не бедно, отправляют натуральные повинности исправно и уплачивают подати безнедоимочно. Но положение их было бы цветущим, если бы они не находились в совершенной зависимости от павловских торговцев» [2].

И павловские слесаря жили «не бедно» потому, что производство оставалось ручным.

После всего сказанного, нас не должно удивлять, что местности с развитой кустарной промышленностью поражали в николаевскую эпоху видом довольства (разумеется, относительного), резко выделявшегося на фоне общей бедности. Цитированный нами выше автор Соловьев, указывавший на зависимость ткачей от комиссионеров и торговцев, замечает, что Владимирская губерния, если не самая богатая, то одна из самых богатых великорусских губерний. «Назад тому года три, после объезда Смоленской губернии, — говорит он, — я писал: «надо употребить много времени, чтобы в этой, с первого взгляда представляющейся общей, бедности привыкнуть отличать относительную степень богатства». То же самое я могу сказать о Владимирской губернии в противоположном смысле. Здесь надо привыкнуть, чтобы при общем довольстве крестьян отличить относительную степень бедности». Это «довольство» Соловьев ставит в связь с тем, «что фабричное производство вытесняет или, лучше сказать, вытеснило только два рода прежних промыслов — тканье полотна и пряденье льна. Там же, где были водворены другие промыслы, они остаются нетронутыми и в настоящее время. В самом Шуйском уезде существуют другие занятия, недавно там водворившиеся», например, плотничество и овчинно-шубничество [3].

---

[1] *Носырин.* «Улома», стр. 23.

[2] Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян», 1857 г., выпуск I, стр. 64—67.

[3] *Соловьев,* Обзор хозяйства Владимирской губ. «Владимирские губ. вед.», №№ 30 и 31, 1854 г.

Действительно, именно этим и объясняется развитие кустарных промыслов в николаевской России — тем, что с ними не конкурировала фабрика. В этом заключается характеристическая черта эпохи. В это время кустарные промыслы приобрели такое значение, что, например, в Рязанской губернии «быт государственных крестьян и домашнее благосостояние их в малоземельных округах видимо лучше, нежели в многоземельных. Избы у первых в большем порядке; народ населяющий бойчее, деятельнее, щеголеватее, что объясняется тем, что в первых округах сильнее развита промышленность [1].

Развитием крестьянских промыслов, несомненно, объяснялся и замечавшийся в Тверской губ. рост народного благосостояния в николаевскую эпоху. В период времени между 1820—1850 гг. материальное благосостояние Тверской губернии не упало, а скорей возвысилось, что сказывалось в увеличении населения, особенно городского, в расширении торговых оборотов, в улучшении внешней обстановки быта населения, особенно жителей городов и ближайших к ним селений» [2].

---

[1] «Промышленность государственных крестьян Рязанской губ.», «Журнал м-ва госуд. имуществ», 1847 г., часть XXV.

[2] *В. Покровский,* Историко-статистическое описание Тверской губ., стр. 160.

ГЛАВА VIII

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ К ФАБРИКЕ

Протекционисты и фритредеры Александровской эпохи. — Книга Мордвинова. — «Дух журналов». — Восхваление преимуществ земледелия перед фабричной промышленностью. — Распространение фритредерских взглядов в обществе. — Отношения к фабрике славянофилов. — Их симпатии к кустарному производству. — Книга Гакстгаузена. — Идеализация русского промышленного строя. — Неверное представление о строе кустарных промыслов. — Сочувствие крепостному праву и посессионной фабрике. — Своеобразный сен-симонизм. — Взгляды на фабрику западников. — Отношение к фабрике гр. Канкрина и вообще николаевской бюрократии. — Фабричная идиллия 40-х годов. — Различие между теоретическими взглядами и практическим отношением власти к фабрикантам в николаевскую эпоху.

Первые годы царствования Александра I были временем усиления влияния дворянского класса и, вместе с тем, оживления либерального движения в нашем обществе. Общественное мнение в это время представлялось почти исключительно более образованной частью дворянства, и вполне естественно, что при аграрном характере большей части нашего дворянства общественное мнение было мало расположено к таким мероприятиям в пользу фабрикантов, которые существенно затрагивали интересы землевладельческого класса. Тарифная политика последних лет царствования Екатерины и ее преемника привела к сильному вздорожанию мануфактурных изделий, привозившихся из-за границы. Неудивительно, что новая либеральная эпоха, сопровождавшаяся усилением политического влияния дворянства, немедленно выразилась в оппозиции покровительственной политике предыдущего царствования.

Если мы будем просматривать официальный орган министерства внутренних дел начала этого века, «С.-Петербургский журнал», то нас поразит, как много места отводится в этом журнале проповеди учения Смита. Официальные авторы, как мне уже случалось упоминать, называют Смита «великим человеком», признают, что Смитом «постигнута великая истина». «Обязанность правительства, — читаем в том же

органе, — весьма легка. Оно не должно действовать, ему надлежит только не вредить, ему должно только покровительствовать естественной свободе промышленности... Пусть оставит правительство все системы запрещения и одобрения; пусть не связывает оно промышленность постановлениями своими и не думает усилить ее награждением» [1].

В своем «отчете» за 1803 г. министр внутренних дел, граф Кочубей, следующим образом формулировал задачи правительства в области промышленной политики: «Оставлять в свободе частную промышленность; иметь, сколь можно, достоверные об успехах ее сведения; доставлять ей в случаях необходимых нужные пособия; особливо удалять от нее всякое стеснение: в сем состоят общие правила управления сей частью... Россию природа и все обстоятельства призывают предпочтительно к земледелию... Пространство земли, несоразмерное числу жителей... запрещает нам думать о предпочтительном благоприятстве фабрикам над другими отраслями труда народного» [2].

Первым шагом Александра I была отмена указов Павла, запрещавших привоз в Россию большей части заграничных изделий. Я не буду останавливаться на тарифной политике Александра: как известно, несмотря на свои фритредерские симпатии, Александр, примкнув к континентальной системе, был вынужден в 1811 г. издать строго запретительный тариф. Тариф этот был издан на один год, но действие его ежегодно возобновлялось в течение следующих лет вплоть до 1816 г. Дело в том, что фабриканты энергично отстаивали сохранение этого тарифа и домогались даже запрещения привоза тех иностранных товаров, которые были обложены высокой пошлиной. Целый ряд петиций, поданных в это время и исходивших не только от купечества, но и от титулованных дворян-фабрикантов, доказывает, что фабриканты отнюдь не относились пассивно к начинаниям правительства и умели постоять за свои интересы [3]. В самом правительстве Александра были две партии. Министр финансов Гурьев был противником тарифа 1811 г. В 1813 г. он выработал проект нового тарифа, умеренно-покровительственного. В представлении Государственному совету по этому поводу он высчитывал, какие огромные убытки несут русские потребители и казна благодаря существующему тарифу, непомерно повышающему цены всех мануфактурных изделий. «Запретительная система, — заявил Гурьев, — оказывает вред и внутреннему производству, отнимая у промышленников всякое побуждение к соревнованию и к усовершенствованию изделий и возбуждая промышленную спекуляцию» [4].

Напротив, государственный канцлер граф Румянцев, который, пови-

---

[1] «Санктпетербургский журнал» 1804 г. — август. Изложение учения Адама Смита, стр. 133—136.

[2] «Отчет министра внутренних дел за 1803 г.», Спб. 1804 г., стр. 61.

[3] Об этих петициях см. «Сборник свед. и матер. по ведомству министерства финансов», 1865 г., т. III. Ходатайства московских и других русских фабрикантов между 1811 г. и 1816 г.

[4] *Лодыженский*, История русского таможенного тарифа, стр. 172—174.

димому, сам был крупным фабрикантом[1], а также и министр внутренних дел Козодавлев были сторонниками запретительной системы. Румянцев представил императору записку некоторых фабрикантов, в которой заявлялось: «Буде справедливо, что оные запрещенные товары к привозу позволятся, то в нынешнее несчастливое время разорения от неприятеля грабежом и огнем, от разрешения товаров последует заводчикам вторительное разорение... Последние остатки наших сокровищ — серебро и золото — из государства вытащат, и останемся с одними бумагами — за какие же вещи? — не за жизненные, а единственно за тряпки, ничего незначащие!» Румянцев вполне присоединился к мнениям, высказанным в этой записке.

Козодавлев еще энергичнее высказался против всякого облегчения привоза в Россию иностранных фабрикатов. По поводу проекта Гурьева он подал крайне резкую записку императору: «По непеременяющемуся моему образу мыслей, — писал он, — и по откровенности моей, не могу я не признаться, что я иного проекта новому тарифу и не ожидал, как клонящегося к пользе иностранных и к потрясению наших фабрик, — словом, основанного на внушениях чужеземных торговцев... Метафизические рассуждения некоторых экономистов и новых писателей, ополчившихся против системы, принятой Англией в запрещении привозить иностранные изделия, встретил я и в проекте нового тарифа... Проект... полагает обратить Россию к хлебопашеству, забывая, что и хлебопашество без фабрик процветать не может, и что народ, занимающийся единственно земледелием, навсегда остается в нищете и невежестве... Если бы этот тариф мог состояться, то Россия в отношении к фабрикам и промышленности возвратится назад к тому состоянию, из коего извлекла ее рука Петра Великого... Фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданных наших разорятся и придут в нищету; употребленные на разные заведения капиталы, выданные из казны ссуды и все благотворные меры наши обратятся в ничего... Фабриканты солдатского сукна (Da liegt der Hund begraben! Эти фабриканты были почти исключительно дворяне, и многие из них принадлежали к высшей аристократии. В числе крупных суконных фабрикантов мы встречаем имена князей Барятинского, Юсупова, Шаховского, Хованского, Урусова, Вяземского, Лобанова-Ростовского, графов Разумовского, Безбородко, Салтыкова и многих других титулованных особ. — *М. Т.-Б.*) обратят тогда капиталы свои на другие промыслы, особливо же на винные откупы и заводы, которые одни теперь у нас токмо и покровительствуются всячески средними властями; когда же иностранцы увидят, что наши фабрики рушены, тогда обложат свои изделия ценою по своему произволу, и мы будем совершенно в их руках»[2].

Таким образом, среди самого правительства не было согласия по вопросу о тарифной политике. Второе десятилетие этого века был

[1] Говорю, «*повидимому*» потому, что хотя фамилии Румянцевых несомненно принадлежали обширные и разнообразные фабрики в Черниговской губернии, я не мог удостовериться, был ли собственником их государственный канцлер.

[2] *К. Лодыженский,* История русского таможенного тарифа. Прил., стр. 46—48.

любопытной эпохой в истории нашего общественного развития по спорам о протекционизме и свободной торговле, которые чрезвычайно занимали общественное мнение. Так как огромное большинство образованного общества в это время, так или иначе, примыкало к земледельческому классу, то вполне понятно, что протекционисты, или, точнее, сторонники запретительной системы, не могли пользоваться общественным сочувствием. Число брошюр, написанных в защиту действующего тарифа, очень невелико сравнительно с брошюрами и статьями в пользу свободной торговли. Самым замечательным представителем протекционистов был знаменитый либерал и государственный деятель александровской эпохи Мордвинов.

В 1815 г. он выпустил книгу «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России». Книга эта выдержала три издания и является, без сомнения, выдающимся произведением для своего времени.

В начале книги Мордвинов указывает на жалобы публики на дороговизну многих товаров: «Угнетаясь дороговизною цен на сукна и другие к одеянию и прочим удобствам нужные изделия, многие ропщут на сделанное правительством воспрещение привоза товаров сих в Россию. Россия, по мнению этих лиц, должна быть земледельческою державой».

Против этого мнения Мордвинов выставляет совершенно верное положение, что земледельческая страна может прокормить лишь ограниченное число жителей. Для того, чтобы население могло размножаться, необходимо, чтобы труд находил себе приложение в новых занятиях и промыслах: «Введение разнообразных ремесл и искусств есть один из благонадежнейших способов к умножению общественного продовольствия и неоскудному доставлению работ и упражнений для каждого пола и возраста». «Кроме того, — прибавляет Мордвинов, — для развития самого земледелия необходимо распространение фабричного производства».

«Недостаток фабрик в России есть, может быть, главная причина, что земледелие в оной получило самое малейшее усовершенствование; да и может ли оно быть совершенно, когда нет еще у поселянина порядочных ни орудий, ни сбруи, ни прочих принадлежностей хозяйства?»

Развитие неземледельческих промыслов, указывает далее наш автор, особенно важно для России потому, что, благодаря климатическим условиям, наш крестьянин полгода должен оставаться без работы.

«Относительно приспособления производства рукоделий к жилью крестьянскому наверное предположить можно, что чем дальше статья сия могла бы получить усовершенствование, тем многозначительнее открылась бы выработка внутри империи разных фабричных изделий».

«Земледелец без ремесленника есть производитель грубый и неуспешный, обремененный игом трудов, по несовершенству орудий своих... В Англии земледелие оттого в цветущем состоянии, что там фабрики и ремесла в совершенстве... Без ремесл и рукоделий коснеет и само просвещение, и слабы все связи общежития».

Распространение фабрик, замечает Мордвинов, создаст рынок для произведений сельского хозяйства, которые теперь не находят сбыта;

поэтому и землевладельцы заинтересованы в росте промышленности. Кроме того, земледелие выиграло бы и оттого, что капиталы, наживаемые промышленниками, употреблялись бы частью и на сельское хозяйство.

«В цветущем состоянии города нужен и земледелец, и ремесленник, и фабрикант, и заводчик, и купец, но, сравнивая пользу, приносимую земледельцу каждым из последних состояний, должно признать, что фабрикант и заводчик полезнее гораздо купца».

«Народ, имеющий токмо земледельцев и купцов... коснеет в бедности и всяких недостатках и, что важнее всего, не может быть народом свободным, ибо зависит от других держав по удовлетворению первейшим его нуждам; не пользуется политической свободой, нужною всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле... Словом, таковой народ не может быть ни просвещен, ни богат»[1].

Тем не менее, Мордвинов вовсе не безусловный противник свободной торговли. Он соглашается с желательностью такой свободы, но лишь с одним условием — чтобы «все народы, участвующие во внешней торговле, единогласно между собою условились уничтожить все вообще воспретительные по торговле узаконения».

В том же году, как и книга Мордвинова, вышла брошюра «Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры» (Москва, 1815 г.). В предисловии автор указывает на «повсеместное ныне прение о пользе мануфактур», причем из последующего видно, что «прение» это было, преимущественно, словесного характера и не доходило до печати.

«Большая часть публики, — говорит автор, — полагает... что происшедшая с недавнего времени на все иноземные произведения дороговизна дает ей право гласно жаловаться».

«Все почти того мнения, что должно бы непременно паки дозволить привоз всех иностранных изделий, потому что они сделались слишком дороги (стр. 8); что государство, имеющее много земли и, по соразмерности с нею, мало жителей, может с лучшим успехом заниматься земледелием, нежели мануфактурами и ремеслами; что привоз иностранных фабричных изделий надобно бы позволить и потому еще, дабы сохранить соревнование во внутренней промышленности» (стр. 8).

«Главное основание, на коем все прочие мнения утверждаются... есть то, что страна, которая не довольно населена в отношении к занимаемому ею пространству, должна единственно благоприятствовать земледелию, а не фабрикам и заводам, и еще менее тем из них, коих первый материал не домашнего произведения» (стр. 11).

Автор замечает далее, что всего более неудовольствия вызывает непомерное вздорожание сукна, благодаря чему суконные фабриканты

[1] *Мордвинов*, Некоторые соображения по предмету мануфактур в России. Спб., 1815, стр. 8, 22, 24, 36 и др. Кроме этих аргументов, Мордвинов выставляет в защиту запретительной системы и соображения иного рода, а именно, влияние благоприятного платежного баланса на курс ассигнаций. Как известно, одним из важных поводов к переходу русского правительства к запретительной системе была забота о повышении курса бумажных денег.

стали очень непопулярны в публике. Недовольство публики на тариф 1811 г. напоминает то «всеобщее негодование, с каким был встречен указ 1793 г., запрещавший привоз в Россию стеклянных вещей, кожи, шляп, карет, мебели и пр.». Против этих нападок на запретительную систему автор возражает, что причина дороговизны заключается не в тарифе, но в «злосчастном периоде 1812 г., в котором разрушены великие и прекрасные произведения»; разрешение ввоза иностранных изделий, по мнению автора, только увеличило бы дороговизну благодаря падению курса ассигнаций под влиянием неблагоприятного платежного баланса.

«Государство никогда не может быть счастливо, как в то время, когда оно само собою придет в состояние почти совершенно удовлетворять своим потребностям» (стр. 80).

Нападки на тариф 1811 г. приписываются автором «модным возражениям молодых людей, начитавшихся Монтескье, Ад. Шмида (sic) и пр. утверждающих: «В России не должны и не могут быть заводимы фабрики уже потому, что у нас нет особенного для них класса граждан, т. е. фабрикантов». Против этого соображения автор справедливо замечает, что класс фабрикантов образуется тогда, когда будет иметься достаточно фабрик.

Эти две книжки являются важнейшими произведениями русских протекционистов той эпохи[1]. Оба автора признают, что общество относится крайне враждебно к запретительной системе, и указывают причину этой враждебности: вздорожание иностранных товаров, особенно сукна (надо сказать, что русские дворяне той эпохи любили щеголять в костюмах английского сукна). Оба они отмечают и повсеместный интерес к тарифному вопросу. Без сомнения, энергичное общественное движение в пользу тарифной реформы, начавшееся после отечественной войны, свидетельствовало об оживлении нашей общественной жизни вообще. Почему же это движение направилось против запретительной системы? Сторонники идеалистического понимания истории объяснили бы это влиянием западноевропейских идей: идеи Ад. Смита, с которыми познакомилось в это время русское общество, заразили передовые умы нашего общества, и они, увлекшись модной доктриной, стали требовать приложения ее и к России. Как мы видели, именно этим объясняет фритредерские увлечения тогдашнего общества автор «Ответа русского гражданина»; но нетрудно понять классовую

[1] «Краткое рассуждение о торговле» *Васильевского*, Спб. 1808 г., гораздо слабее двух вышеназванных книг. Оно написано в совершенно меркантилистическом духе. В нем доказывается польза выгодного денежного баланса (прилив денег в страну), для чего и предлагается запрещение ввоза иностранных предметов роскоши и обложение высокой пошлиной предметов необходимости. Для улучшения рукоделий автор предлагает организовать надзор цехов за работой мастеров, наказывая дурных мастеров, ввести брак и для фабричных товаров и т. д. Запретительная система защищается и в «Рассуждении о тарифе» (Спб. 1816 г.). Автор особенно настаивает на влиянии благоприятного торгового баланса на курс ассигнаций. Против распространенного в то время взгляда, что фабрики отнимают рабочие руки от земледелия, он указывает на тот факт, что огромное большинство фабричных рабочих в России отнюдь не порывает связи с земледелием и летом возвращается в деревню.

подкладку этих увлечений. Дворянство, оставшееся в массе аграрным классом и привыкшее пользоваться многими иностранными изделиями, не могло сочувствовать запретительной системе, выгода от которой доставалась не ему, а невыгода ложилась всей своей тяжестью на потребителя-дворянина. В качестве аграрной партии, дворянство, в лице своих более образованных представителей, с увлечением восприняло фритредерские идеи западноевропейских экономистов.

Литература фритредерского направления того времени была несравненно богаче и разнообразнее протекционистской. Самым выдающимся писателем фритредерского направления был Шторх, известный экономист и преподаватель политической экономии великим князьям — Константину и Николаю Павловичам. Шторх подробно доказывал в своем курсе политической экономии, вышедшем на французском языке, преимущества земледелия перед фабричной промышленностью. Он предупреждал против всякого ускорения промышленного развития страны путем тарифной политики. Промышленный строй вообще не пользовался его симпатиями, и по этому вопросу, несмотря на весь свой консерватизм, Шторх высказывал даже радикальные мысли. «В истории наблюдается, — говорит Шторх, — замечательное явление: прогресс общества по отношению к росту населения, промышленности и просвещению достигается всегда на счет здоровья, ловкости и понятливости массы народа» [1].

Несочувствие к фабричной промышленности отразилось и на некоторых сочинениях, написанных на тему, заданную Вольноэкономическим обществом в 1812 г. — о средствах отделения в помещичьих имениях земледельцев от фабричных рабочих. По поводу этой темы один автор, фон-Бек, в брошюре, изданной в 1814 г., резко высказался против мысли о преимуществах обрабатывающей промышленности перед земледелием. «Пусть в других странах, — заявляет автор, — которые действительно или мнимо страдают от избытка народонаселения, запирают хилые поколения на фабриках или отсылают их в колонии... пусть там прядут из ваты, хлопка, шелка и даже льна такие тонкие нити, что они получают известную ценность, лишь пройдя через сотни рабочих рук; в России ее здоровый народ еще может беспрепятственно бороздить мать-сырую землю, чтобы добывать из нее нужные для света продукты, оставаясь здоровым душевно и телесно» [2].

Таким же несочувствием к фабрике проникнута и самая выдающаяся работа, написанная на тему Вольноэкономического общества, принадлежащая, по предположению г. Семевского, перу профессора Якоба. По мнению Якоба, Россия — страна непромышленная, и нечего стремиться ускорять развитие в ней фабричной промышленности. Ничто не может быть печальнее положения фабричного рабочего, приученного к какой-либо простейшей операции и вдруг лишающегося заработка вследствие закрытия фабрики. Только такие заводы, которые непосредственно связаны с земледелием или вообще с обладанием землей, необходимы для России [3].

---

[1] *Henri Storch*, Cours d'Economie Politique. Paris. 1823, III, 241.
[2] *Семевский*, Крестьянский вопрос, I, стр. 335.
[3] Там же, стр. 338.

Орган м фритредеров был интересный еженедельный журнал «Дух журналов», издававшийся с 1815 г. до 1820 г. Журнал этот вел в течение всего времени своего существования энергичную кампанию против запретительной системы, имевшую огромный успех в публике. В журнале помещались переводы из сочинений Сея, Бентама, Сисмонди и других современных западноевропейских писателей. Но главный интерес его заключался в оригинальных статьях по экономическим вопросам, написанных очень живо и горячо.

Особенно много статей в защиту свободной торговли мы находим в «Духе журналов» за 1816 г.; в начале этого года в публике распространился слух о намерениях правительства приступить к реформе тарифа. Вышедшая в предыдущем году книга Мордвинова дала благодарный материал для полемики, и в одной из первых книжек журнала мы находим интересную статью: «Рассмотрение книги «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России». Книга Мордвинова подверглась резкой критике. Причина, почему у нас мало фабрик, говорится в этой статье, — заключается не в недостатке покровительства, а в недостатке капиталов. «Капиталы, капиталы, капиталы — вот те волшебные силы, которые и самую дикую пустыню превращают в рай. Один судоходный канал, соединяющий хлебородную губернию с бесхлебной, обогатит первую гораздо надежнее, нежели двадцать промышленных мануфактур» («Дух журналов», 1816 г., часть I, стр. 28).

Отсталость нашего земледелия зависит не от недостатка фабрик, а от недостатка капиталов.

«Если мы будем обрабатывать заграничные сырые продукты, то, платя дорого за худой товар, народ будет беднеть год от году; миллионы обнищают для обогащения нескольких фабрикантов» (стр. 41). Контрабанда усилится, и курс упадет.

«Что крестьяне не оставляют домов и не идут работать на фабрики, за это должно благодарить бога: от этого нравы сохраняются в чистоте, разврата меньше, детей больше, а ремесла те же у них в избах, только не так видны, как в огромных фабриках» (стр. 26) [1].

В следующей книжке журнала помещен ответ и на другую брошюру лагеря протекционистов: «Ответ русского гражданина и т. д.» Эта статья «Сравнение поселянина о пользе фабрик и заводов с пользою земледелия в России» особенно ярко проводит ту мысль, что Россия — страна земледельческая и в фабриках не нуждается.

«Хлебопашество, скотоводство и овцеводство — вот наши промыслы! Они единственно могут доставить нам изобилие» (стр. 5).

«Изобилие процветает всегда в таком государстве, где земледелие в чести» (стр. 7).

---

[1] Против соображений Мордвинова о средствах повысить курс автор статьи выставляет целую программу улучшения денежного обращения (прекращение новых выпусков бумажных денег, увеличение государствен. доходов, погашение государственного долга и т. д.). Автор отрицает, что открытие доступа иностранным изделиям поведет к увеличению закупок этих товаров, так как будет куплено только то, на что имеется спрос, и размер закупок не может не быть ограничен имеющимися покупательными средствами.

«Домашние мелкие фабрики всегда существовать будут как для одежды дому, так и для продажи излишества, но на нарядных фабриках, скопляющих людей в одно место, работник уже не пашет земли, не косит сена, не насаждает, не очищает рощи» (стр. 16).

«Пусть двести фабрикантов ошибутся в своих монополистических расчетах; от этого не омрачится солнце, освещающее Россию, а миллионы будут благословлять царя» (стр. 17).

В одной из позднейших книжек журнала помещена обширная статья «Выгоды свободной торговли», в которой автор говорит о всеобщем сочувствии публики к полемическим статьям в защиту свободной торговли и массе благодарственных писем, получаемых издателями журнала за эти статьи. По мнению редакции, журналу удалось наголову разбить сторонников запретительной системы, в том числе и крупнейшего из них, Мордвинова. Редакция прибавляет, что журнал за эти статьи удостоился даже «благоволения высочайшей особы, которая соизволила объявить нам, что желает числиться между читателями сего журнала».

Автор статьи «Выгоды свободной торговли» делает расчет, сколько теряет Россия благодаря запретительной системе, и приходит к выводу, что потери на одном тонком сукне достигают в год 35 млн. руб. (ассигн.). «Какая страшная потеря (замечает автор) и для чего? — Единственно для обогащения суконных наших фабрикантов» (стр. 108).

В другой статье, посвященной той же теме, «О мануфактурах в России», мы читаем следующую любопытную характеристику мужика и фабричного

«Зайди в избу мужика: тепло, обуто, одето, хотя и в лаптях. Посмотрите же на фабричного: бледно, бедно, босо, наго, холодно и голодно... Может ли такой человек быть счастлив и сохранит ли нравственность? И поневоле предается разврату и злодеянию... Кто из стариков московских не помнит, что у Каменного моста (там была крупная суконная фабрика, основанная еще при Петре) ни днем, ни ночью проходу не было; но Екатерина, истребляя гнездо сие, истребила и злодеяние» (стр. 215).

Эта агитация против запретительной системы, которая, повторяю, велась необыкновенно энергично, с большим полемическим жаром и успела заинтересовать даже высшие правительственные сферы, достигла цели. Вторая мартовская книжка «Духа журналов» оканчивается следующим заявлением редакции: «Теперь можно прекратить все споры о мануфактурах и тарифе. Правое дело восторжествовало! Монополисты побеждены! «Дух журналов» не вотще подвизался. Да здравствует мудрое, благодетельное правительство!»

31 марта 1816 г. был издан новый тариф, в котором, хотя также сохранились запретительные статьи, но целый ряд важных товаров (бумажные, шерстяные ткани средней доброты, сукна, большая часть шелковых тканей и пр.), которые раньше были запрещены к привозу, теперь были допущены со сравнительно очень умеренной пошлиной от 15 до 35% ценности.

Обыкновенно, либеральную тарифную политику Александра припи-

сывают международным отношениям России и обязательствам, принятым ею на себя на Венском конгрессе [1]. Но публицистика этой эпохи доказывает, что в русском образованном обществе в это время возникло весьма энергичное фритредерское движение, основу которого составляло недовольство землевладельческого класса — дворянства — дороговизной туземных фабрикатов. Без сомнения, это движение, имевшее корни всецело в условиях русской экономической жизни, сыграло видную роль в перемене тарифной политики правительства Александра.

Издание нового тарифа могло, конечно, только поощрить «Дух журналов» в его агитации в пользу свободной торговли. В одной из апрельских книжек журнала за 1816 г. делается оценка ожидаемого влияния нового тарифа. По мнению журнала, «те фабрики, которые возникли во время запретительной системы, рушатся непременно». «Многие спекулянты, или, сказать прямым русским словом, грабители, на равнинах общественного благосостояния создавшие огромные свои надежды и богатства на счет бедности народной, падут в прах, из коего им и выходить никогда бы не должно было... Народ отдохнет от тягостей и лишений, которые принужден был терпеть столь долгое время».

Из всей этой фритредерской агитации явственно вырисовывались черты некоторой весьма любопытной теории хозяйственного строя России. Протекционисты признавали необходимость в России фабрик; противники их утверждали, что Россия — страна земледельческая и что фабрики нам не нужны. Но значит ли это, что русский крестьянин ничем не должен заниматься в зимнее время, свободное от полевых занятий? Отнюдь нет, — отвечали наши фритредеры.

«Не заведения фабричных громад в России желать должно, а стараться, сколько возможно, самих земледельцев в свободное время упражнять полезными рукоделиями» (Дух журналов», книга 19 *, 1816 г., стр. 81).

Иными словами, не фабричный рабочий, а крестьянин-земледелец и кустари, — вот чем должен быть в России промышленный производитель по представлению фритредеров той эпохи.

Мнение о нежелательности фабричной организации промышленности и предпочтительности мелкого производства, соединяющего земледелие с обрабатывающей промышленностью, нашло себе полное выражение в любопытной статье «Сравнение состояния мастеровых на фабриках с состоянием земледельца» («Дух журналов», 1818 г., часть III). Приведу обширные выписки из этой статьи.

Автор сравнивает фабричного и земледельца и отдает решительное предпочтение последнему.

«Мастеровой принужден довольствоваться платою, которую ему дает фабрикант и которая бывает, обыкновенно, самая малая, особливо там, где мастеровых слишком много. В Англии плата сия столь мала, что если бы мастеровой не получал сверх оной от своего прихода, вспоможения, в виде милостыни, то ему пришлось бы умереть с голоду».

«Главнейшее преимущество земледельца перед ремесленником есть

[1] См., напр., *Лодыженский*, стр. 178 и след.

* В 1-м издании «книга 15». — *Ред.*

то, что первый несравненно вернее обеспечен в пропитании своем, нежели последний... Даже сукно, колеса и обувь у него свое собственное и своего изделия; а ремесленник все сие должен купить... Земледелец работает не взаперти, как мастеровой на фабрике, но всегда на чистом воздухе.. Житье наших мужиков есть самое беззаботное и счастливое... Самый здоровый и веселый народ есть земледельческий. Фабричные по большей части бывают хворы, чахоточны, калеки, скоро пухнут и преждевременно укорачивают век... Работы земледельца бывают весьма многоразличны и требуют большой внимательности, осторожности и много ума... Никакой народ не бывает смышленнее земледельческого. (Сие объясняет то, чему все иностранцы не могут довольно надивиться в русском народе, а именно, что русский мужик имеет такой природный ум... Пусть русский крестьянин сделается батраком, как иностранный, куда денется тогда его ум!) Напротив, мастеровой на фабрике целый век занимается одною какой-нибудь частицею фабричного производства... Разделение работ много способствует усовершенствованию изделий... но оно делает мастерового машиною; тут ему не о чем рассуждать, нечего соображать... Ум его тупеет, человеческая природа в нем унижается».

Не менее любопытна психологическая характеристика крестьянина и фабричного, которую мы встречаем в той же статье.

«Земледелец зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше... Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный царю... Он привязан к родимой земле своей, которая его возрастила... Мастеровой ничего не ожидает от бога, а всего от машины; и ежели бы господь не насылал на него болезней, то он едва ли бы когда вспомнил о боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, и живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа. Частые мятежи в английских мануфактурных городах служат тому доказательством».

Характеристика любопытного направления александровской эпохи, выразителем которого являлся «Дух журналов», была бы неполна, если бы мы не коснулись отношения этого органа к крепостному праву. Несмотря на свои симпатии не только к свободе торговли, но даже и к политической свободе [1], «Дух журналов» горячо защищал

[1] В 1-й книжке журнала за 1819 год помещена статья «Дух времени», в которой очень красноречиво доказывается, что дух времени требует владычества законов, «коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равно обязательных и для властей, и для подвластных, при которых самовластие иметь места не может»; но «уложение на бумаге есть только мертвая буква... Чтобы оно было всегда в силе, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытие и учредить при нем блюстителей. Многочисленными опытами дознано, что всякое сословие, под влиянием правительства состоящее, не может быть надежным охранителем государственного уложения. Природные блюстители оного суть народные представители. Они суть верные охранители его неприкосновенности... без них никакой новый закон не может быть издан, никакой налог наложен, никакое важное предприятие предпринято... через них народ имеет свой голос, который есть тогда поистине глас божий; при них лич-

крепостное право. В целом ряде статей журнал доказывал, что положение русского крепостного мужика несравненно лучше, чем немецкого и вообще западноевропейского. Сохранение крепостного права, устанавливающего «семейную связь» мужика с помещиком, признавалось журналом желательным прежде всего в интересах самого крестьянина, как гарантия от обезземеливания. Русский крепостной мужик имеет свой клочок земли и пользуется заботами помещика; по мнению журнала, он должен ежечасно благодарить создателя за сохранение крепостного права. «Англичанин едва может пропитать свою душу, евши в полсыта печеный картофель, а русский в сытость и ест и пьет, и веселится иногда... (как мило это «иногда»!..). У нас нет изящных, чудных руководителей, но почти нет нищих; народ живет в довольстве вообще, а не частно» [1].

Совпадение защиты свободной торговли и крепостного права отнюдь не было случайным явлением. И то и другое вызывалось одной причиной: реальными классовыми интересами. Земельное дворянство, не имевшее фабрик, должно было относиться враждебно к запретительной системе; отсюда вытекала и неблагоприятная оценка фабричной системы вообще, и прославление выгод земледелия, противопоставление благополучия нашего мужика крепостного тяжелой жизни пролетария Западной Европы*. С другой стороны, тот же интерес дворянина-помещика побуждал последнего отстаивать крепостное право, на котором основывалось его хозяйство — то самое земледелие, которое признавалось в теории уделом России.

Таким образом, под влиянием вполне понятных экономических интересов, складывалась своеобразная общественная теория, в которой симпатии к западноевропейским идеям (Смит и его школа, а затем Сисмонди были главными авторитетами «Духа журналов») соединялись с не меньшей преданностью таким национальным устоям, как крепостное право и натуральное хозяйство. Единственный род фабрик, который пользовался неизменным сочувствием «Духа журналов», это — небольшие помещичьи фабрики, обрабатывавшие руками крепостных продукты собственного хозяйства помещика [2]. Что касается до крупных капи-

---

ность и собственность каждого останутся неприкосновенными; при них никакое злоупотребление власти не укроется... все делается гласно и пред очами всех... Вот чего требует дух времени! Чего желают народы».

[1] «Дух журналов», 1820 г., Книжка 6, рецензия на книгу «Опыт теории налогов». Прославление крепостного права выражено особенно ярко в статьях «Сравнение русских крестьян с иноземными» («Д. Ж.» 1817 г., книжка 49) и «О рабстве в иностранных европейских государствах». («Д. Ж.» 1818 г., книжка 12). В первой статье доказывается, что всего лучше живется в России крепостным барщинным крестьянам, затем оброчным, а казенным и удельным хуже, чем помещичьим, и указывается на опасность обезземеливания крестьян. Во второй статье благополучие русских крестьян противопоставляется бедствиям немецких.

* В 1-м издании «мужика-крепостного безземельному пролетарию Западной Европы». *ed.*

[2] «Дух журналов», 1817 г., книжка XVIII, «Главные правила для управления большой вотчиной». В этой статье советуется «мужиков своих, даже самых богатых, не пускать в оброк», а занимать их всех в собственном хозяйстве, для чего устраивать небольшие фабрики.

талистических фабрик, то крепостники «Духа журналов» громили их с большой энергией при помощи аргументов, заимствованных у западноевропейских критиков капиталистического строя. В «Духе журналов» нередко помещались статьи, в которых описывалось тяжелое состояние западноевропейского рабочего, особенно английского. Англия была постоянным предметом нападения «Духа журналов». И экономическое, и культурное положение этой страны рисовалось самыми мрачными красками. По поводу волнений английских рабочих в 1819 г. в журнале была помещена обширная статья, в которой доказывалось, что единственная причина этих волнений — бедность рабочих, вызываемая фабриками и конкуренцией машины с ручным трудом. Сисмонди пользовался особенным сочувствием редакции, поместившей перевод некоторых глав его «Nouveaux Principes» [1].

Таким образом, по условиям русской жизни, фритредеры, которые на Западе были идеологами капитализма и буржуазии, у нас, напротив, явились идеологами земельного дворянства и защитниками крепостного права [2]. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. И в Америке, в эпоху междоусобной войны, рабовладельческий юг был твердыней свободы торговли Но и сторонники запретительной системы, защитники фабрик, как, например, Мордвинов, точно так же относились к крепостному праву довольно примирительно. Дело в том, что в это время как земельное, так и промышленное дворянство одинаково было заинтересовано в сохранении этого социального института. Очень многие дворянские фабрики основывались на крепостном труде; но если даже работа производилась в них и по вольному найму, то оброчная система всегда давала помещику возможность выгодно утилизировать своих крепостных. Так, например, как известно, главным основанием богатства графов Шереметевых были оброчные крестьяне таких промышленных сел, как Иваново, Павлово, Ворсма и др. Понятно, что такие помещики отнюдь не были расположены отказываться от своих прав на «крещеную собственность», быстро возраставшую в своей ценности (Шереметевы крайне неохотно отпускали своих крепостных на волю, хотя среди этих крепостных были миллионеры, как, например, многие фабриканты села Иванова; Шереметевы поступали так же, как поступают английские и

---

[1] Свободная торговля защищалась и многими другими авторами этой эпохи например, *К. Арнольдом*, Мнения о системе тарифа в России, Спб. 1816 г.; *Никол. Тургеневым*. Опыт теории налогов, Спб. 1819 г. *Сниткин*, автор магистерской диссертации «Рассуждение, должен ли быть позволен привоз всех иностранных товаров?» (Москва, 1818 г.) высказывается за средний путь: как истый муж науки, он берет себе девизом — aurea mediocritas (золотая середина. — *Ред.*) и заботиться, главным образом, о том, чтобы избежать крайностей. Магистерские диссертации того времени напоминают в этом отношении современные.

[2] Разумеется, не все фритредеры были крепостниками. Шторх и, тем более, Николай Тургенев были энергичными противниками крепостного права, хотя и защищали свободную торговлю. Но они не выражали собой крупного течения русской общественной жизни, каковое, несомненно, выражал «Дух журналов», предпринявший такую энергичную и успешную агитацию в пользу отмены запретительной системы.

американские капиталисты, удерживающие в своих руках городские земли, сколько бы за них ни предлагали — ценность крепостного фабриканта, подобно ценности городского земельного участка, обладала поразительной способностью самовозрастания).

По этой причине как противники, так и защитники фабрик из дворянской среды одинаково дружелюбно относились к крепостному празу, основе своего хозяйственного благополучия.

Фритредерская агитация, как известно, увенчалась кратковременным успехом; во исполнение конвенции России с Пруссией и Австрией по регулированию торговли царства Польского в 1819 г. был издан знаменитый либеральный тариф, устранивший совершенно запретительные статьи и сильно понизивший пошлины на привозные товары. Не буду останавливаться над действием этого тарифа на нашу промышленность; он продержался очень недолго, так как фабриканты, особенно суконные, которых этот тариф очень чувствительно ударил по карману, сумели быстро добиться его отмены, и уже в 1822 г. Россия вернулась к прежней запретительной системе (по тарифу 1822 г. были запрещены к привозу приблизительно те же статьи, что и по тарифу 1816 г.). Этот результат нас отнюдь не должен удивлять, так как фабриканты, хотя и составляли ничтожное меньшинство, тем не менее были крупной общественной силой. Как я говорил, среди них было немало принадлежащих к высшей аристократии; самые богатые помещики (напомним хотя бы графа Шереметева), имевшие обширные владения в великорусских губерниях, были непосредственно заинтересованы в развитии фабричной промышленности, так как их собственные оброчные крестьяне получали свой доход от фабрик. Не может быть сомнения, что русские фабрики, выросшие под покровом запретительной системы, не могли выдержать конкуренции английских фабрикатов, ввоз которых после введения в действие тарифа 1819 г. увеличился в несколько раз, а так как с поддержанием этих фабрик были связаны могущественные интересы, то не удивительно, что общественное мнение, представлявшее интересы земельного и служащего дворянства, оказалось совершенно не в силах отстоять тариф 1819 г., который промелькнул в истории нашей торгово-промышленной политики без всякого следа. Фабриканты были несравненно сильнее заинтересованы в сохранении своих фабрик, чем землевладельцы в понижении цен фабрикатов, и потому фабриканты должны были победить.

Вторая четверть этого века, как известно, была отмечена быстрым ростом нашей промышленности, в особенности хлопчатобумажной. Центральный московский район в эту эпоху сделался огромным промышленным округом, поставлявшим мануфактурные изделия для остальной части России, сохранившей земледельческий характер. Не буду останавливаться на этом пункте и ограничусь следующей цитатой из известной книги Аксакова: «Никакая правительственная мера в России не произвела такого переворота в быту промышленном, как знаменитый тариф 1822 г. Московская, Владимирская, Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ: целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших

сбыта. Украина и Новороссийский край представлялись готовым, обширным рынком» [1].

По словам Гакстгаузена, в 40-х годах «Москва стала центром фабричной деятельности и из дворянского города превратилась в фабричный город. Значительная часть дворянства превратилась в фабричных предпринимателей... Если спросите теперь, — кому принадлежит этот дворец?, то получите в ответ: «фабриканту такому-то», или «купцу такому-то», «а раньше «князю А. или Б. (Studien über die innern Zustände Russlands, I, XIII, 60).

Не удивительно, что господствующее в александровскую эпоху мнение, что Россия — страна земледельческая, должно было смениться иным представлением о России. Промышленные интересы приобрели более важное значение, чем прежде. В эту эпоху у нас появились крупные капиталисты-промышленники, вышедшие, по большей части, из среды кустарей. В дворянских имениях (особенно в 30-х—40-х годах) также усиленно заводились фабрики. Изменение экономического строя не замедлило отразиться и на идеологии эпохи.

Я говорил выше, что для николаевской эпохи особенно характерно разложение старинной фабрики и превращение ее в фабричную контору (что не мешало абсолютному возрастанию числа фабрик). Под влиянием этого идеология эпохи, признавая пользу развития промышленности, преимущественно имела в виду мелкую, сельскую промышленность. В это время окончательно сложилась в руководящих классах нашего общества своеобразная теория, которая заключает в зародышевом состоянии многие черты народничества нашего времени, осложненные, правда, другими, крепостническими элементами. Теория эта, имевшая вполне националистический характер, одинаково разделялась как официальными сферами, так и руководящими органами общественного мнения. В особенности яркое выражение она получила у славянофилов.

В одной из первых книжек «Москвитянина» за 1845 г., когда журнал этот перешел в руки славянофильской группы и редактором был И. Киреевский, помещена статья: «О мануфактурной промышленности России». В этой статье вполне определенно выражен взгляд славянофилов на промышленное развитие России.

Славянофилы отнюдь не отрицают пользы развития промышленности.

«Мануфактурная промышленность, — говорится в этой статье, — имеет то важное значение, что она всегда есть или может служить орудием улучшения быта низших классов народа» (стр. 60).

Но не всякая форма промышленности, по мнению славянофилов, одинаково удовлетворяет народным интересам. Наиболее желательна мелкая сельская (теперь бы мы сказали — *кустарная*) промышленность, которая является особенностью России.

«Промышленная деятельность у нас преимущественно развилась не в городах, как в чужих краях, но в селениях, не истребив тут

---

[1] *И. Аксаков*, Исследование о торговле на украинских ярмарках, Спб. 1858 г., стр. 13.

между производителями чистоты нравов и благодати семейных связей» (стр. 61).

«Сравнивая сие положение нашей промышленности с иностранным, где повсюду интерес производителя падает жертвой интереса производства, нельзя не пожелать сохранить наши сельские промышленные действия, в техническом отношении столь отстающие, но в нравственном столь предпочтительные пред иностранными»... (стр. 62*).

Вполне естественно, что город, городская промышленность и городская жизнь отнюдь не пользуются симпатией таких поклонников патриархальной старины, как славянофилы.

«Для промыслов вовсе не нужна городская жизнь, которая вообще ни в историческом развитии, ни в характере края и народа не свойственна народному русскому быту. Городская жизнь едва ли есть необходимость для развития народа... Народ должен остаться в сельском быту, но в улучшенном, возрастающем состоянии, и продолжать заниматься, как теперь, в семейном кругу ремеслами, промыслами, торговлей и мануфактурной деятельностью, отнюдь не сосредоточивая сих действий, как в чужих краях, в столь часто развратном быту городском» (стр. 63—64).

Итак, повидимому, славянофилы относятся враждебно к фабрике? Не совсем. Признавая преимущества кустарной промышленности по тому влиянию, какое сельская жизнь оказывает на нравственный склад народа, славянофилы в то же время признают необходимость и фабрик — *в городах*. Они отнюдь не враждебны капиталистическому способу производства, но лишь с тем условием, правда, совершенно невыполнимым, чтобы оно сохраняло патриархальный характер. В городах, по мнению автора цитируемой статьи, должны быть сосредоточены крупные фабрики, выделывающие предметы роскоши; в селах же должна остаться мелкая крестьянская промышленность, изготовляющая предметы необходимости.

«Предназначение городской промышленности даже высокое; городские заведения не только должны дать пример общим техническим улучшениям, но и пример благоустройства и нравственного улучшения рабочего класса». «Хозяин фабрики есть отец семейства, работники фабрики — дети его. Из сих взаимных отношений истекают взаимные права и обязанности» (стр. 69). «Уже теперь в Москве и окрестностях считается более 20 первостатейных заведений, которые в отношениях техническом и нравственном должны бы служить примером всей промышленной России. В них более двух тысяч малолетних получают религиозное воспитание, и на сем примере мы можем убедиться, что промышленность России может и должна быть не только способом народного обогащения, но и способом распространения порядка, благоустройства, хороших обычаев и нравственного воспитания» (стр. 70).

Ввиду всего этого автор энергично высказывается в пользу тарифа 1822 г.

Таким образом, по славянофильской теории, и кустарная промышленность, и фабрика могут существовать рядом; но фабрика должна

---

* В 1-м издании «26». — *Ред.*

оказывать морализующее влияние на рабочего — и лишь в этом случае заслуживает одобрения. Кустарное производство является наиболее желательной формой промышленности. Отношение фабриканта к рабочим определяется очень простой формулой: фабрикант — отец, рабочие — его дети. Просто и ясно.

В цитированной статье мало говорится собственно о фабриках и фабричном рабочем. Дополнением к ней может служить ранее помещенная в том же «Москвитянине» статья П. Веретенникова: «О фабричных мастеровых» («Москвитянин», 1841 г.*, часть V).

Автор начинает с противопоставления русского фабричного рабочего западноевропейскому. На Западе, особенно в Англии, «рабочий народ находится в крайней бедности». Что же касается до наших рабочих, то «нет причины предполагать, чтобы они когда-либо доведены были до той степени бедности, которая существует между ними в Англии и иногда во Франции. Чтобы убедиться в справедливости этого мнения, стоит только обратить внимание на то, что собственно фабричных людей, т. е. не имеющих других способов пропитания, в России почти нет. У нас фабричными работами занимаются крестьяне, имеющие землю для пашни и сенокосов... Фабрики у нас способствуют только благосостоянию народному, доставляя средства трудом приобретать деньги для удовлетворения необходимых нужд. Работники из больших** семейств идут в свободное время на фабрики, где получают за труд хорошую плату. Одинокие, устроив хозяйство, берут от фабрикантов основы по домам и зимние месяцы не остаются праздными... Наши фабричные мастеровые ведут себя не только удовлетворительно, но даже хорошо» (стр. 213—214). «Кому не случалось слышать, проезжая мимо фабрик, какими веселыми песнями сопровождается работа наших фабричных. Можно ли где-нибудь, кроме святой Руси, иметь рабочему средства, кроме лучшего хлеба и каши гречневой, употребить в день два фунта говядины? (!!!)».

В конце статьи автор еще раз с ударением повторяет свой тезис: «Положение фабричных у нас в России несравненно лучше, нежели в Англии и Франции», лучше потому, что у нас фабричный рабочий не прерывает связи с земледелием и летом опять превращается в мужика.

Таково было отношение славянофилов к фабрике. Несмотря на предпочтение сельской промышленности, они не решались отнестись с полным отрицанием к такому продукту «гнилого Запада», как наша фабрика. Покровительственная система и тариф 1822 г. всегда защищались «Москвитянином». Отношение этого журнала к нашему купечеству вообще было благосклонное. Торговый капитал, действительно, был таким старинным явлением русской жизни, купец был такой характерной фигурой Московской Руси, что защитники старины не могли не чувствовать к нему некоторой симпатии. В этом смысле характерна статейка Кокорева «Кулак и барышник» («Москвитянин», 1848 г., часть 5). Даже кулак представлялся Кокореву очень симпатичной фигурой, с истинно русскими чертами ума и характера.

---

* В 1-м издании «1842 г.». — *Ред.*

** В 1-м издании «бедных». — *Ред.*

«Русский человек несправедливо заклеймил кулака его не очень лестным прозвищем, — несправедливо потому, что не отдал должной чести труду и деньгам... Кулак — комиссионер, сводчик и довольно горемычный... Истый кулак согласится скорее претерпеть, чем пуститься на плутни (стр. 3, 5, 9)».

«Все есть у кулака, — по мнению Кокорева, — и ум, и знание дела, и добросовестность; и предприимчивость: одного ему нехватает — капитала: на счет кармана маленько того...»

Таким образом, славянофилы, признавая предпочительность кустарной промышленности перед крупными фабриками, в то же время крайне идеализировали эту самую фабрику и наш старинный капиталистический класс купечества и мелких торговцев.

И это вполне понятно. В Москве, которая в это время уже превратилась в центр фабричной промышленности России, нельзя было придерживаться архаического представления александровской эпохи о России, как стране исключительно земледельческой. Промышленные и купеческие интересы были слишком сильны в этом городе, и потому коренные москвичи, идеализировавшие наш национальный хозяйственный строй, не могли относиться совершенно отрицательно к фабрике. Мужичок, работающий нехитрые изделия у себя в избе, был гораздо ближе их сердцу, чем буйный фабричный рабочий; но ведь кроме фабричного рабочего есть еще и фабрикант, сохранивший в николаевскую эпоху все черты «истинно-русского» человека. К этим фабрикантам славянофилы чувствовали инстинктивную симпатию, и потому к фабрике они относились без того категорического осуждения, которое отличало защитников интересов земельного дворянства в александровскую эпоху.

Весьма любопытно, что Пушкин в 30-х годах все еще придерживался взглядов «Духа журналов». Вот, например, что он пишет в своих известных «Мыслях на дороге» (1833 г.):

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы станут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, сколько мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы думаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян? Совсем нет; дело идет о сукнах г. Смита или об иголках г. Джаксона. Кажется, нет в мире несчастнее английского работника: но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию. У нас нет ничего подобного... Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его сметливости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою избу*. Этого нет в чужих краях... Судьба крестьянина улучшается со дня на день»[1].

«Библиотека для чтения», — едва ли не самый распространенный

[1] Сочинения *А. С. Пушкина*, изд. 1882 г., т. V, стр. 222—223.

журнал николаевской эпохи — так же, как и славянофилы, энергично защищала покровительственную систему и признавала необходимость развития фабричной промышленности в России, но вместе с тем, подобно «Москвитянину», отдавала предпочтение кустарному производству перед фабрикой. В этом журнале был помещен перевод известного сочинения гр. Канкрина: «Экономия человеческих обществ», о котором я буду говорить ниже. Русский мужик и его хозяйственное положение идеализировались «Библиотекой для чтения» не менее, чем «Москвитянином». Об этом читатель может судить по следующему образцу.

«Ничто не препятствует русскому мужику наслаждаться счастливым бытом и довольством в жизни. Он имеет участок земли, который возделывали его отец, дед и прадед и который он почитает своей родиной... Нашему мужику недостает только некоторой воздержанности от горячих напитков, строгой нравственности в семейном быту, ясных понятий о своем долге и искусстве; иначе он был бы Крезом перед иностранными крестьянами и блаженнейшим созданием в земледельческом мире (!!!). Народный обычай равного раздела земель между всеми поселянами, жителями одного ведомства, есть признак народного доброжелательства и братского союза, которым можно гордиться и который носит на себе превосходный отпечаток глубокого христианского чувства» [1].

Остановимся теперь на одной замечательной книге, которая сыграла очень крупную роль в истории нашей общественной мысли. Я говорю об известном сочинении прусского сановника Гакстгаузена «Studien über die inneren Zustände Russlands» (Hannover, 1847). Гакстгаузен, человек очень образованный и умный, изъездил в течение года всю Россию, причем пользовался во время своего путешествия особой предупредительностью властей, давшей ему возможность увидеть много такого, что было недоступно обыкновенному путешественнику. Неудивительно, что книга его была явлением, совершенно выдающимся в скудной экономической литературе николаевской эпохи. Книга Гакстгаузена удостоилась одобрения императора Николая, была напечатана на счет сумм, отпущенных русским правительством... и в то же время оказала огромное влияние на выработку того радикально-романтического направления нашей общественной мысли, которому суждено было играть столь широкую роль в нашей истории. Известно, как сильно содействовал Гакстгаузен идеализации русской земельной общины. Герцен познакомился с немецким путешественником еще в Москве, и его поразили «многие взгляды Гакстгаузена на быт наших мужиков, помещичью власть, земскую полицию и управление вообще» [2]. Книга Гакстгаузена разочаровала Герцена, но тем не менее взгляды прусского барона на общину, артель и многие другие особенности хозяйственного строя России были восприняты Герценом и вообще той школой общественных деятелей и публицистов, в которой Герцен и Чернышевский являются самыми яркими именами.

[1] «Библиотека для чтения», 1837 г., книга 6. *Д. Шелехов,* О вольнонаемном труде, стр. 33, 34.

[2] *В. Семевский,* Крестьянский вопрос в России, II, 422.

Подобно славянофилам, Гакстгаузен видит главное преимущество России перед Западной Европой в том, что в России нет пролетариата. «Во всех других странах Европы глашатаи социальной революции ополчаются против богатства и собственности: уничтожение права наследства и равномерное распределение земли — вот лозунг этих революционеров. В России такая революция невозможна, так как утопия европейских революционеров в этой стране получила в народной жизни свое полное осуществление» (Studien. I. XII).

Эта фраза рисует нам всего Гакстгаузена. Западноевропейский консерватор нашел в России панацею от социальных бед, угрожавших Западной Европе. Крепостная Россия Николая I оказалась воплощением мечтаний французских революционеров, и каким удивительным воплощением! Не только не угрожающим гибелью порядку, собственности и монархическим принципам, но, наоборот, являющимся самым крепким оплотом реакционной Европы, страной самой сильной власти и самого образцового порядка.

Такой удивительный строй заслуживает того, чтобы позаботиться о его сохранении. Между тем, введение европейских форм промышленности неминуемо должно повести к его разрушению. И Гакстгаузен высказывается против заимствования западноевропейской промышленности, являясь таким образом plus royaliste que le roi — большим националистом, чем славянофилы. Кустарные промыслы России приводят его в восторг, тем более, что он ошибочно приписывал им артельное устройство. «Промыслы в России, — говорит он, — по большей части принимают общинный характер; жители одной общины делаются, например, сапожниками, другой — кузнецами, третьей — кожевниками и т. д. В этом есть большие преимущества. Так как русские живут большими семьями, то, естественно, возникает семейное разделение труда, столь необходимое для промышленности. Члены общины постоянно помогают друг другу капиталом и трудом, сообща покупают нужные материалы и сообща же продают изготовленные изделия. Общины ремесленников посылают свои товары в город и на рынок и повсюду имеют свои собственные лавки. Они не образуют замкнутых цехов, как немецкие ремесленники, но остаются совершенно свободными в пределах своей общины... В таких общинах не существует никакого цехового или иного принуждения. Это — свободные промышленные ассоциации, напоминающие об ассоциациях сен-симонистов. Такая промышленная организация доставляет этим общинам большие выгоды» (I, стр. 182).

В таких радужных красках рисовалась Гакстгаузену наша кустарная промышленность. (Нечего и говорить, что Гакстгаузен в данном случае, против обыкновения, сделал грубую фактическую ошибку: наши кустари в николаевскую эпоху, как и теперь, не составляли никаких ассоциаций и работали совершенно независимо друг от друга). Не удивительно, что к фабрике он относится весьма неблагосклонно.

«В России ввели западноевропейские предпринимательские фабрики в противоположность национальным фабричным ассоциациям; правительство побуждало дворянство к введению фабрик по заграничному об-

разцу и превращало бояр в фабрикантов, вместо того чтобы поощрять и направлять крестьян к усовершенствованию, внутреннему улучшению и большему распространению национальных фабричных ассоциаций... Почему было невозможно, при большом повиновении и естественной уступчивости русского простого народа, организовать среди государственных, например, крестьян хлопчатобумажную фабрикацию? Техников и управляющих фабриками все равно приходилось выписывать из Англии или Германии... Правительство могло бы устроить здания, выписать машины... дать работникам ткацкие станы, научить их работе при посредстве сведущих руководителей и затем предоставить все дело старинным русским фабричным ассоциациям-общинам. Без сомнения, первое время требовалось бы постоянное руководительство, попечение, строгий надзор и вынужденное послушание, но при большой податливости русских и их технических способностях, дело наладилось бы очень скоро, и эти новые фабрики скоро слились бы с уже существующими старинными русскими промыслами... Введение фабричной системы в современной европейской форме отнюдь не было необходимо для России (понятно, с известными исключениями), и эта система оказала неблагоприятное действие на нравственность средних и достаточных классов. Если бы вместо этого подняли и правильно поставили естественную, уже существующую и рациональную промышленность русских фабричных ассоциаций, снабдили ее машинами новейшего изобретения, то в важнейших отраслях фабричного дела: тканье льна, шерсти, хлопка и шелка, правда, не достигли бы производства модных продуктов, но с успехом добились бы изготовления предметов, удовлетворяющих потребности большей части народа» (I, 184, 189).

Читатель видит, что консервативный прусский барон был большим утопистом. Русский народ покорен и привык к повиновению: вместо того чтобы ожидать распространения фабрик от частных лиц, не лучше ли устроить из государственных крестьян артели, в которых работа будет производиться по команде и под надзором чиновников? Таков своеобразный сен-симонизм Гакстгаузена! Какого рода «фабричные ассоциации» мерещатся Гакстгаузену, об этом читатель может судить из нижеследующего:

«Современная фабричная система в России, во всяком случае, un fait accompli... Можно было иметь многое против ее введения, но теперь приходится позаботиться лишь о том, чтобы организовать ее на более национальных основах и хотя бы отчасти превратить ее в вышеуказанные национальные фабричные ассоциации. В устройстве фабрик, основанных Петром I, как например, фабрика Яковлевых, сказывается правильная национальная мысль. *Петр основал свои фабрики на крепостных отношениях.* Фабрикант имел право пользоваться рабочей силой приписанных к фабрике людей, но, в то же время, он обязан был заботиться о своих людях, их пище, одежде и содержании. Он не имел права прогонять рабочих, когда они были не нужны, но должен был содержать их до смерти. *Этого направления следует держаться до тех пор, пока сохранится крепостное право.* В настоящее время на большинстве фабрик употребляются не крепостные, но вольнонаемные рабочие. *Если бы фабрикантов обязали организовать рабочих по образцу*

общины, принять над ними полное и строгое помещичье попечение и все соединенные с ним обязанности... если бы фабриканты не имели права рассчитывать рабочих помимо известных, законом установленных причин (например, не имели бы права рассчитывать рабочих по случаю старости и болезни), то можно было бы частью избежать многих дурных последствий фабричной системы и, в особенности, избежать развращения фабричного рабочего» (I, 190).

Эта цитата вполне разъясняет сен-симонизм Гакстгаузена. Национально-русская форма фабрики, которой он так сочувствует, не что иное, как посессионная фабрика, основанная на принудительном труде! Не удивительно, что крепостная Россия вызывала такое восторженное отношение к себе нашего своеобразного сен-симониста. Поклонник общины и артели оказывается прежде всего поклонником крепостного права. Враг западноевропейского капитализма, он предпочитает бездушной денежной связи предпринимателя с рабочими (cash nexus — по известному выражению Карлейля) восточноевропейскую власть помещика над крепостными!

Фабрика не пользовалась сочувствием Гакстгаузена и по другой причине. Благодаря фабрикам, крепостное право, по мнению Гакстгаузена, теряло свой человеческий характер. Дворянские имения переходили в руки всяких parvenus, и «старинные узы взаимной любви и верности, сохранившиеся из рода в род, придававшие человеческий или, по крайней мере, сносный характер крепостным отношениям, разрывались. Новые владельцы видели в крепостных только орудия, машины, доставлявшие им деньги» (I, 117) *. Благодаря развитию промышленности и распространению оброчной системы, крепостное право превратилось в России, — по остроумному выражению Гакстгаузена, — в сен-симонизм наизнанку: сен-симонисты требовали, чтобы каждый получал по своим способностям, а владелец оброчных крестьян брал с них по их способностям.

В прежнее время, говорит Гакстгаузен, когда Россия была земледельческой страной, крепостные отношения были «вполне естественным и даже, может быть, необходимым явлением русской жизни». Положение крепостных было сносно, и русская крепостная община представляла собой маленькую самоуправляющуюся республику. С тех пор, как в Россию проникли «западноевропейская культура и промышленность, фабрики и роскошь», — все переменилось. Крестьяне стали работать на фабриках — вместо того, чтобы обрабатывать, как члены общины, свое поле. Крепостное право сделалось противоестественным явлением и «становится все очевиднее и очевиднее, что в современной форме его нельзя удержать и даже вообще сохранить существование этого права. Всякий благоразумный человек в России это понимает, — но как уничтожить или преобразить крепостное право без социальной революции? В этом заключается великий вопрос дня!» (I, 118).

Вместе с тем фабричная промышленность, по мнению Гакстгаузена, затрудняет ликвидацию крепостного права, ибо, благодаря росту фабрик,

---

* В 1-м издании «(I, 171)». — *Ред.*

заработная плата в России повсеместно так поднялась, что землевладелец не может работать наемными рабочими и нуждается в труде своих крепостных (I, стр. XIII). (Невозможность работать наемными рабочими, по причине дороговизны труда, была обычным аргументом крепостников).

Итак, фабрика затрудняет ликвидацию крепостного права. Тезис довольно неожиданный в устах Гакстгаузена, прекрасно понимавшего связь юридических и политических форм с реальными экономическими отношениями. Усвоение западноевропейской промышленности должно повести к усвоению и западноевропейской культуры, как заявлял сам Гакстгаузен. Каким же образом фабрика может поддерживать крепостное право? Но на следующей же странице наш враг фабрик приводит аргумент, в прах побивающий его тезис. «Под влиянием чрезвычайно возрастающей промышленности у низших классов (русского) народа проявляется сильное стремление к умственному развитию» (I, стр. XV). А если так, то не может быть вопроса, в каком смысле влияет развитие промышленности на сохранение крепостного права. Стремление русского народа к просвещению вызывает опасение Гакстгаузена, и он увещевает правительство направить, при помощи церкви, стремление простого народа к образованию по должному руслу.

Нельзя отрицать, что все воззрения Гакстгаузена очень последовательны и складываются в стройную систему. Идеализатор русской общины ясно понимал, что проникновение западноевропейских хозяйственных форм и западноевропейского просвещения несовместимо с сохранением любезных ему особенностей русского социального строя, и потому даже энергичнее славянофилов отстаивал самобытность России и восставал против каких бы то ни было заимствований с Запада.

Гакстгаузен является наиболее ярким представителем воззрений, господствовавших в консервативных кругах русского общества николаевской России. Большинство наших руководящих экономистов того времени высказывалось, приблизительно, в том же смысле. Так, например, профессор с.-петербургского университета И. Горлов точно так же признавал, что у нас «только раздробленная промышленность существует в очень обширном виде и значительно укоренилась в народе... До настоящей мануфактурной системы — factory system — еще далеко, и мы не полагаем, чтобы эта система могла составить благоденствие народа со своими огромными фабриками, со своим народонаселением мастеровых, со своими законами о бедных, со своим богатством фабрикантов и убогостью, невежеством рабочих. Защитники мануфактурной системы видят только ее одну блестящую сторону, увлекаются примером Англии, с ее огромным производством, но они забывают, что бедность и невежество людей, которые работают эти сокровища, подвергают опасности искусственное существование той же Англии» [1].

Другой известный экономист 40-х—50-х годов — Тенгоборский, член Государственного совета и один из авторов либерального тарифа 1857 г.,

[1] *И. Горлов,* Обозрение экономической статистики России, Спб. 1849 г., стр. 201.

пишет в своей известной книге: «Etudes sur les forces productives de la Russie» (Paris, 1852): «Кустарная промышленность приняла национальный характер, она приспособлена к нравам и обычаям нашего рода, способствует патриархальной организации наших сельских общин — этому основанию нашего общественного строя, не отнимает рабочих рук у земледелия, не мешает семейной жизни крестьянина, не влечет за собою крупных неудобств и гибельных последствий скопления и концентрации рабочего класса в больших городах, не вызывает образования пролетариата — этой язвы современных обществ; эта промышленность прежде всего и больше всего заслуживает сохранения и особенной поддержки» (II, стр. 196).

В «Журнале министерства народного просвещения» за 1849 г. (№ 3) помещена статья Н. Жеребцова: «О двух современных экономических вопросах», написанная совершенно в духе Гакстгаузена. Автор говорит, что на Западе пролетариат — язва государства; на Западе передовые люди мечтают устроить хозяйство по системе «общинности». «Эта идея, — заявляет автор, — народившаяся в восторженных головах на западе Европы, как отдаленная цель, практически существует на востоке». По мнению автора, не только крестьянское землевладение, но и вся крестьянская промышленность характеризуется «общинностью». По-видимому, автор (совершенно неправильно) полагает, что кустарное производство имеет артельный характер.

Совсем иначе относились к фабрике западники этой эпохи. «Русский социализм» — община и артель — далеко не вызывал в них в сороковых годах того восторженного чувства, какое отличало отношение славянофилов к этим бытовым явлениям русской жизни. Западники признавали, «что русская община спасает интересы народа в настоящую минуту и дает ему средство бороться с несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общинным владением они не признавали никакого всесветного экономического принципа, который был бы годен для всякого хозяйства. Временное значение артели и общины западники подтверждали примером точно таких же установлений, являвшихся у всех первобытных народов, и думали, что с развитием свободы и благосостояния русский народ и сам покинет эту форму труда и общежития. Убеждения эти принадлежали и современной им экономической науке, которая, вместе с ними, признавала общинный порядок... не более, как мероприятием против голода со стороны нищенствующего, младенческого народного быта и не позволяла им питать никаких надежд на приобретение им в будущем какого-либо политического и экономического значения. В таком виде представлялся западникам «русский социализм» [1].

Вполне естественно, что и фабричная промышленность представлялась западникам в ином свете, чем славянофилам. Один из выдающихся членов кружка «идеалистов тридцатых годов» — Огарев, имевший в одном из своих имений бумажную фабрику, был до такой степени увлечен мыслью о благодетельности фабрик для сельского населения,

---

[1] *П. Анненков,* Воспоминания и критические очерки, отд. III, 128.

что во всех своих имениях хотел учредить, «по мере сил применяясь к требованиям разных округов, фабрики, основанные на вольном труде, которые дали бы крестьянину возможность находить всегда заработок».

«Как я люблю этот народ, — писал Огарев одному приятелю, — как бы мне хотелось, чтобы они почитали меня за друга, который им желает добра и сделает им его. Может быть современем, устроивши фабрику, я похлопочу о комитете поощрения фабрик и заводов. Вот новые прожекты. Не знаю, понравятся ли, но я их вижу теперь сквозь призму энтузиазма» [1].

Либеральные журналы: «Телескоп», «Московский наблюдатель» (при Белинском), «Отечественные записки», панаевский «Современник» мало высказывались по этому вопросу. В «Отечественных записках» в 1849 г. (т. LXV) помещено описание с.-петербургской выставки мануфактурных изделий, причем восхваляются успехи нашей фабричной промышленности и выражается им полное сочувствие. Вместе с тем в журнале появлялись статьи фритредерского направления (напр., в 1851 г., т. LXXIV, статья «Изменения в торговом положении Англии»).

В «Современнике» в 1847 г. мы находим превосходные статьи В. Милютина по поводу книги А. Бутовского «Опыт о народном богатстве». В этих статьях содержится резкая критика учения Смита с точки зрения Сисмонди и западноевропейских социалистов. Но для нас статьи эти не представляют большого интереса. В 1851 г. (книга 5)* в «Современнике» была помещена обширная статья П. А.: «Историческое значение капитала», в которой доказывалось на примере Англии культурное значение капитала, причем автор замечает, что «перед голой истиной распадаются в прах все предположения, будто бы успехи просвещения и богатства доставляют выгоды только некоторым». Вообще, ни «Современник», ни «Отечественные записки» не относились враждебно к развитию фабричной промышленности в России.

Перейду теперь к отношению правительства Николая I к фабричному вопросу. Лучшим источником для ознакомления со взглядами на фабрику правящих сфер крепостной эпохи являются сочинения министра финансов Николая I — Канкрина.

Наиболее характерно в этом отношении его главное сочинение «Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften» (Stuttgart, 1845 г.), которое было в извлечении переведено в следующем же году в «Библиотеке для чтения» Сенковского. Приведу некоторые выдержки из этого сочинения.

«Работник в семейной промышленности, — пишет Канкрин, — находится, без сомнения, в самом счастливом положении: мастерская фа-

---

[1] *П. Анненков*, Идеалисты тридцатых годов. «Вестник Европы», 1883, апрель, стр. 512. В одной заграничной брошюре; «Крещеная собственность» (1853 г.) Герцен говорит о вреде фабрик для народа; но, повидимому, он имел в виду только фабрики, основанные на крепостном труде. См. *Семевский*, Крестьянский вопрос, II, 442.

* В 1-м издании «книга 7». — *Ред.*

брикация дает обществу всего более опоры. Фабричная же промышленность производит наиболее, но и порождает величайшую нищету. Когда в Европе существовало почти исключительно мастерское производство... тогда государство имело поруку против приращения пролетариев и нищих; между трудящимися состояниями господствовало какое-то добронравие, приличие, высокое самосознание... Но все это изменилось с того времени, когда фабричное производство получило столь многое и распространилось в ужасающих размерах. Страшно посмотреть, до чего дошло это в некоторых ветвях фабрик у различных народов, и еще страшнее подумать до какой степени оно еще может дойти... Здесь открывается обширное поле для размышлений: как помочь злу, как его облегчить? К сожалению, бедствие не уменьшает числа пролетариев, ограничение фабрикации его увеличивает; новые пути сбыта почти невозможны; добровольная денежная помощь не приносит большой пользы, и, таким образом, все средства оказываются слабыми и притом временными» («Библиотека для чтения», 1846 г., т. LXXVI. «Экономия человеческих обществ», гр. Канкрин, стр. 16).

Министр финансов Николая I говорит языком Сисмонди или народников нашего времени. Послушаем его дальше:

«Машины произвели дешевизну и увеличили потребление, не дав собственно людям ни более богатства, ни более счастия... они делают неверным существование трудящегося класса и часто повергают его в бедствия».

«Несмотря на необходимость в предпринимателях, чтобы дать ход делам общественным, они все же могут считаться угнетателями работников, которых принуждают трудиться в свою пользу; это всегда удобоисполнимо, и, таким образом, слабые и убогие по большей части делаются жертвами сильных и богатых».

Это звучит даже социалистически. Машины — враги трудящегося класса! Предприниматели — угнетатели работников! Слабые и убогие — жертвы сильных и богатых! Почему же, однако, министр крепостной эпохи так отрицательно относится к фабрикам? Потому, что «фабричное производство порождает в низшем классе безнравственность, унижение, тупость, бунты, домогательство высшей платы».

Последний аргумент звучит некоторым диссонансом в устах защитника «слабых и убогих». Во всяком случае ясно, что Канкрину, как и славянофилам, фабрика несимпатична по соображениям «морального свойства».

Но эти же соображения заставляют Канкрина относиться иначе к русским и западноевропейским фабрикам. Западноевропейский пролетариат совершенно справедливо внушает ему только недоверие. Совсем иное — русские фабричные рабочие.

«В России фабричные и другие работники приходят из селений, что, между прочим, имеет то величайшее достоинство, что препятствует чрезмерному умножению городского фабричного сословия, которое при застое в работах впадает в нищету. Крестьянин в таком случае возвращается в деревню и, если даже ничего не выработал и не уплатил податей, то имеет, по крайней мере, кров и ежедневную пищу: фабрич-

ное сословие не соединяется, чтобы вынудить увеличение платы... Оставление работы, смятения не улучшают состояния работников фабричных и еще менее ограждают их от несчастного состояния; такие беспорядки весьма обеспокаивают жизнь общественную, а всего опаснее то, что невозможно предвидеть, как далеко может зайти в своем озлоблении такой народ при подобных обстоятельствах» («Библиотека для чтения», 1846 г., т. LXXVIII).

Итак, преимущество русского фабричного перед западноевропейским в том, что у нас нет фабричного пролетариата, склонного ко всякого рода «смятениям». Так как капитализм, естественно, приводит к образованию такого пролетариата, то, понятно, консервативный министр Николая I не мог сочувствовать развитию у нас крупной капиталистической промышленности.

Известно, что Канкрин был противником железных дорог, которые, по его мнению, только «подстрекают к частым путешествиям без всякой нужды и, таким образом, увеличивают непостоянство духа нашей эпохи». «Мы смотрим, — замечает он далее, — на умножающееся число железных дорог, как на истинный недуг века; однако же, от них происходит и польза: именно та, что несметные капиталы погибнут, распадутся между низшими классами, а там отчасти образуют новые капиталы. Таким образом, человечество освободится от излишних капиталов, а это необходимо, дабы уравновесить великую несоразмерность богатства».

«Нет сомнения, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы для положения преграды слишком великому и неравномерному их накоплению... чтобы восстановить нравственность от чрезмерных богатств и дурных от этого последствий, чего ужасающий пример представляют нам римляне в последние времена своего существования... Чрезмерность накопления капиталов сопровождается вредом для общества (т. LXXVI,* стр. 44, 1846 г.).

Все это достаточно обрисовывает отношение графа Канкрина, как частного лица, к развивавшейся фабрике. Мы сейчас увидим, как отражались взгляды Канкрина на практической деятельности министерства финансов.

Взгляды на фабричный вопрос другого замечательного государственного деятеля николаевской эпохи, гр. Киселева, были вполне сходны со взглядами Канкрина. «Я всегда полагал и полагаю, — пишет Киселев в одной официальной записке, — что для России важнейшая фабричная промышленность есть та, которая, находясь в связи с произведениями местной почвы, процветает от земли» [1].

Итак, бюрократией николаевской эпохи фабрика признавалась опасным продуктом с «высшей» политической точки зрения. Для бюрократии того времени деревенский кустарь был несравненно симпатичнее, чем «развращенный» фабричный пролетарий. Только связь русского фабрич-

---

* В 1-м издании «т. LXXVIII». — *Ред.*

[1] *Заболоцкий-Десятковский,* Граф П. Д. Киселев и его время. Спб. 1882 г. II, 200.

ного с деревней несколько смягчала отвращение бюрократии к этому типу, с которым соединялось представление о всяких ужасах в Западной Европе. Господствовавшая в официальных сферах доктрина отнюдь не благоприятствовала крупным фабрикам и весьма одобрительно относилась к мелкому, «народному производству». В начале 40-х годов в официальном органе департамента мануфактур и внутренней торговли, «Журнале мануфактур и торговли», была помещена любопытная статья, характеризующая взгляды тогдашней администрации на фабричные порядки. Некий фабрикант Жуков, «глубоко проникнутый сознанием цели правительства обеспечить положение многочисленного сословия полезных государству фабричных рабочих», представил в департамент подробное описание порядков на своей фабрике, и департамент решил напечатать в своем журнале это описание во всеобщее сведение, «как достойный подражания пример».

В чем же были заслуги Жукова? В том, что он обратил особое внимание «на нравственность рабочих». Для отвращения рабочих от «порчи нравов» на его фабрике было поставлено в обязанность, «чтобы, по истечении нескольких лет, каждый из рабочих непременно отправлялся в дом свой в деревне, под опасением высылки с фабрики. Эта мера (поясняет Жуков) приносит нравственности рабочих величайшую пользу потому, что посредством ее фабричный: 1) не перестает сознавать себя крестьянином; 2) поддерживает с благочестием обязанности сына, мужа и отца; 3) не прилепляется к столичной роскоши; 4) возобновляет в деревне понятие о необходимости непрерывного труда и умеренности в пище, питье и одежде; 5) вообще приносит из деревни примеры покорности, смирения и одобрения, являя себя довольным и счастливым в настоящем своем положении на фабрике...» При увольнении рабочих по праздникам с фабрики, все они обязаны: 1) «быть у обедни, 2) после обедни, отлучась со двора, им не позволено ходить ни поодиночке, ни толпами, для того, чтобы в первом случае всякий из них имел свидетеля своему вне фабрики поведению, а в последнем случае большинство партии не могло внушить им ни малейшей мысли о превосходстве перед кем бы то ни было в силе физической. Если же, по приказанию моему, и отправляются куда рабочие в значительном числе, то всегда сопровождает их или старший, или приказчик» [1].

За поведением рабочих на фабрике учрежден самый строгий надзор, «делающий известным всякий добрый и худой поступок рабочего». Особые «старшие» из отставных унтер-офицеров ежедневно ведут журнал о поведении каждого рабочего, причем каждый рабочий, открывший какой-либо предосудительный поступок своего товарища, «непременно вознаграждается или единовременной выдачей суммы, соразмерной важности открытия, или прибавкой жалованья... Доноситель же остается неизвестным рабочим». Все эти меры, по словам Жукова, привели к тому, что его рабочие даже на улице отличались от других рабочих «своей

---

[1] «О внутреннем устройстве и управлении табачной фабрики г. Жукова», «Журнал мануфактур и торговли», 1840 г., ч. I.

скромной и довольной физиономией, а более — по той радушной готовности и осторожности, с которыми уступают они дорогу проходящим».

Такова была неподражаемая, «истинно-русская», фабричная идиллия 40-х годов. Читая статью Жукова, не верится, что это написано серьезно; и однако, несмотря на детскую наивность почтенного «мануфактуриста», все это было вполне серьезно, печаталось в официальном органе, в пример прочим. Фабричным рабочим рекомендовались умеренность в пище, питье и одежде, «непрерывный» труд, скромность, смирение и довольство своим положением. Таков был идеал, но действительность — увы! — никогда не соответствует идеалу, и мы сомневаемся, чтобы сам Жуков достиг блестящих результатов в нравственном воспитании рабочих, о которых он сообщал департаменту.

Соображения Жукова не так уже устарели, как может показаться с первого взгляда, и необходимость связи фабрики с деревней находит и поныне, как известно, много горячих сторонников. Тем поучительнее познакомиться с генезисом этих взглядов в николаевскую эпоху, когда они высказывались с полным простодушием и откровенностью.

Теперь является очень любопытный вопрос: как же отразилась в николаевскую эпоху антипатия правящих сфер к фабрике и капитализму и симпатия к «народной промышленности» на практической политике правительства? Мы видели, что николаевское правительство не препятствовало развитию кустарного производства — и только. Никакого содействия развитию последнего оно не оказывало, если не считать разных мер министерства государственных имуществ, не имевших никакого практического значения. Зато оно сделало очень много для поддержания фабрик. Интересы фабрикантов *на практике* находили себе как в Канкрине, так и в прочих правительственных лицах этой эпохи самых горячих защитников. Достаточно вспомнить историю фабричного законодательства того времени, чтобы вполне убедиться в этом. Самая ничтожная мера, принимаемая в интересах рабочих, всегда обставлялась таким образом, что лишалась практического значения — из опасения как-нибудь затронуть интересы фабрикантов.

Запретительный тариф, прямая денежная помощь фабрикантам и заводчикам, устройство дорого стоящих образцовых заведений (вроде Александровской мануфактуры) — все это шло непосредственно на пользу фабрикантов.

Чем же объясняется такое несоответствие слова и дела? А тем, что реальная политика диктуется не моральными соображениями и симпатиями тех или иных правящих лиц, а реальным соотношением общественных сил. Канкрин не симпатизировал фабрикам и фабрикантам, и, тем не менее, управляемое им министерство верно отражало интересы фабрикантов; так оно и должно было быть. В николаевскую эпоху крепостная Россия начинает перестраиваться на капиталистический лад, соответственно этому усиливается влияние капиталистического класса — и это не могло не отражаться на промышленной политике правительства Николая I.

Еще* большее значение в том же смысле имело то обстоятельство, что интересы государственного казначейства настоятельно требовали поднятия производительности народного труда, развития производительных сил страны, — иначе говоря, развития промышленности. Политика покровительства крупному капиталистическому производству, которой традиционно держалось наше правительство, диктовалась, прежде всего, интересами государственного казначейства. Классовые интересы крупных промышленников играли роль второстепенную. Правительство, стремившееся к увеличению политического и экономического могущества России, не могло не стремиться к развитию главного источника экономической мощи — промышленности. И потому фабрика, несмотря на антипатию к ней правящих сфер николаевской России, была предметом их самых заботливых попечений.

* Абзац этот в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОРЕФОРМЕННАЯ ФАБРИКА

ГЛАВА

РАЗВИТИЕ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Влияние реформы 19 февраля на различные отрасли фабричной промышленности. — Вызванный этой реформой рабочий кризис. — Периодические колебания нашей промышленности. — Упадок ярмарочной торговли. — Промышленные кризисы. — Мнение Н-она о связи кризисов с неурожаями. — Рост чугуноплавильного производства. — Отчего зависит промышленный подъем новейшего времени. — Современный промышленный кризис. — Его причины. — Движение курсов биржевых бумаг. — Дисконтный процент. — Откуда явилась нужда в деньгах. — Застой в разных отраслях промышленности зимой 1899—1900 г. Состояние железоделательной промышленности. — Вопрос о рынке для русской промышленности. — Рынок в стране с развивающимся денежным хозяйством. — Рост числа фабричных рабочих в России. — Концентрация производства. — Что тормозит в России успехи капиталистического производства.

Несмотря на то, что ликвидация вотчинной фабрики началась задолго до великого дня 19 февраля, уничтожение крепостного права не могло не вызвать временного кризиса в нашей фабричной промышленности. Более всего пострадали те производства, в которых преобладал крепостной труд. Я уже говорил, что поразительно медленное развитие чугуноплавильного и вообще горного дела на Урале непосредственно вызывалось крепостной организацией как частных, так и правительственных заводов в этой области, организацией, доходившей до крайних пределов в смысле стеснения свободы деятельности рабочего. Рабочий, получавший даровой провиант и все содержание от заводской администрации, которая удерживала в повиновении многочисленное рабочее население заводов и понуждала его к труду мерами крайней строгости, совершенно отвык от свободной деятельности и первое время после освобождения совсем потерял голову. Получивши возможность бросить тяжелую заводскую работу, с которой соединялось столько ненавистных воспоминаний в прошлом, рабочие целыми массами бросали заводы и переселялись в другие губернии. Так, например, из Богослов-

ского округа (Пермской губернии) из всего числа населения около 10 000 д. обоего пола ушло около трех тысяч взрослых мужчин, т. е. около $^3/_4$ всего мужского рабочего населения. Бывших заводских рабочих так тянуло бросить постылые заводы, что усадьбы, дома и огороды продавались совершенно за бесценок, а иногда и отдавались задаром[1]. С Березовского завода за одно лето ушло до 800 лучших рабочих, с Миасских золотых приисков — около 2 000 семейств[1] и т. д. и т. д. Заводы внезапно лишились очень значительной части рабочих рук, а заменить ушедших рабочих новыми было невозможно, так как населенных мест вблизи не было и страна представляла собой почти необитаемую тайгу. Заработная плата сразу поднялась в несколько раз и все-таки не могла притянуть рабочих на заводы.

Результатом такого положения дел явилось значительное сокращение производства. Многие заводы долгое время не могли оправиться от удара, нанесенного им реформой, а некоторые совсем прекратили действия. Так, Кувшинский завод выплавлял чугуна[2]:

1858 г.	476 тыс. пудов
1862 „	313 „ „
1868 „	353 „ „

Верхнетуринский завод в 1858 г. выплавил 457 тыс. п., а в 1868 г.— 256 тыс. п., Баранчинский в 1858 г. — 407 тыс. п., а в 1868 г. — 316 тыс. п., Нижнетуринский в 1860 г. — 150 тыс. п., а в 1868 г. только 64 тыс. п., Верхнебаранчинский с 1865 г. совсем прекратил производство. Выплавка чугуна в Уральской области сократилась на многие годы, и вместе с тем сократилась выплавка чугуна во всей России.

Производство чугуна

Годы	(В тысячах пудов[3]) Урал	Вся Россия (включая Финляндию)	Годы	(В тысячах пудов[3]) Урал	Вся Россия (включая Финляндию)
1860 г. . . .	14 513	20 468	1863 г. . . .	11 921	17 027
1861 „ . . .	14 226	19 451	1865 „ . . .	12 329	18 281
1862 „ . . .	10 467	15 268	1867 „ . . .	12 399	17 553*

[1] *В. Безобразов,* Уральское горное хозяйство. «Труды комиссии для пересмотра податей и сборов», XIII, ч. 5, стр. 104, 150, 238.

[2] *В. Безобразов,* Уральское горное хозяйство, стр. 72.

[3] «Материалы для истории и статистики железной промышленности в России. Общий обзор». Спб. 1896 г., стр. 25.

* В 1-м издании имеются еще данные за 1864 и 1866 гг. и таблица имеет следующий вид:

Производительность чугуна

	(В тысячах пудов) Урал	Вся Россия (включая Финляндию)		(В тысячах пудов) Урал	Вся Россия (включая Финляндию)
1860	14 513	20 468	1864	12 533	18 301
1861	14 226	19 451	1865	12 329	18 568
1862	10 467	15 268	1866	12 580	18 568
1863	11 921	17 027	1867	12 399	17 553 — *Ред.*

Из этих цифр видно, что реформа 19 февраля нанесла тяжелый удар нашей железоделательной промышленности; уральское горное хозяйство, благодаря усиленной правительственной опеке и чрезвычайному применению принудительного труда, оказалось почти неспособным перейти к новым началам производства с вольнонаемными рабочими. Я говорил выше, каким тормозом для развития нашей горной промышленности являлось крепостное право. Устранение этого тормоза на первых порах привело к противоположному результату. Раньше выплавка чугуна у нас почти не возрастала, а после 1861 г. стала прямо падать. Тем не менее, последующая история нашего горного дела вполне доказала, каким важным стимулом производства явились новые экономические условия, созданные великой крестьянской реформой и всем, что за ней последовало — постройкой железнодорожной сети, удешевлением и облегчением кредита, распространением акционерных компаний, вообще перестройкой нашего хозяйства на западноевропейский, иначе говоря, капиталистический образец.

Фабричная промышленность гораздо менее пострадала от реформы, благодаря тому, что крепостной труд на фабрике уже естественно отмирал к эпохе юридической его отмены. Только на фабриках солдатского сукна, принадлежащих, как и раньше, преимущественно дворянам, крепостной труд находил весьма значительное применение. Упадок старинных посессионных и вотчинных суконных фабрик начался задолго до крестьянской реформы. Изменившаяся техника производства требовала свободного рабочего, и фабрики, продолжавшие держаться обязательного труда, не выдерживали конкуренции новых, капиталистических, фабрик. Так, в Калужской губернии уже с конца 30-х годов число суконных фабрик стало сокращаться. В 1839 г. в этой губернии было 15 суконных фабрик, из которых 11 принадлежали дворянам. В 1848 г. в губернии остаются только 4 фабрики, причем размеры производства на купеческой фабрике Александрова во много раз превосходили производство всех трех остальных, вместе взятых. В 1861 г. в Калужской губернии уже совершенно не остается дворянских фабрик — дворянские фабрики прекращают действие, а вместо них возникает несколько купеческих фабрик[1].

В Симбирской губернии до 60-х годов значительно преобладали вотчинные дворянские фабрики, основанные на крепостном труде. В 1860 г. из 30 суконных фабрик этой губернии только две принадлежали купцам. Крестьянская реформа нанесла тяжелый удар вотчинным фабрикам этой губернии. К концу 60-х годов в руках дворян осталось только 8 фабрик, на 10 дворянских фабриках производство совсем приостановилось, другие были отданы в аренду купцам, зато число купеческих фабрик возросло до десяти[2].

Воронежская губерния в конце XVIII и начале XIX века была одним из важных центров фабричного производства сукна в России. В это время Воронеж был фабричным городом. По словам местного

[1] «Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г.», «Обозрение фабрично-заводской промышленности Калужской губ.».

[2] «Симбирский сборник», т. II, 1870 г., «Суконные фабрики и шерстомойки Симбирской губернии».

исследователя Веселовского, «в ту пору Воронеж, по справедливости, можно было считать городом фабричным. Вся его предгорная часть была усеяна фабричными постройками»[1]. К 1856 г. в Воронеже осталось только три фабрики, а к середине 60-х годов — ни одной. Воронежское суконное производство, основанное всецело на принудительном труде, пало, главным образом, вследствие конкуренции московских купеческих фабрик, работавших вольнонаемными рабочими. Освобождение крестьян нанесло только последний удар падающей промышленности.

Такую же картину постепенного падения представляет и фабричное суконное производство города Казани. Как известно читателю, в городе Казани существовала еще со времени Петра огромная посессионная фабрика, первоначально принадлежавшая Микляеву, а затем перешедшая к Осокину. Эта фабрика начинает быстро падать с 40-х годов: в 30-х годах на ней работало около 1 000 человек, в половине 50-х — 450 человек, а в 60-х — 260 человек. Ценность производства сократилась в такой же пропорции[2].

Точно так же совершенно упали помещичьи суконные фабрики в Орловской и Смоленской губерниях и значительно сократились в числе в Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Самарской, Полтавской, Харьковской и Подольской губерниях[3]. Наряду с этим появились новые суконные фабрики, принадлежавшие купцам. Главным центром суконного производства стала Москва и Московская губерния. В Московской губернии было издавна много вотчинных и посессионных фабрик, но наряду с этим в этой местности еще в крепостную эпоху возникло много крупных капиталистических фабрик, которые еще задолго до реформы начали вытеснять старинные фабрики с принудительным трудом. Реформа только ускорила гибель старинных фабрик, не сумевших приспособиться к новым условиям производства. Вообще суконное производство несомненно испытало сильное потрясение от крестьянской реформы, как можно видеть из нижеследующих цифр[4]:

Годы	Число фабрик	Число рабочих	Ежегодное производство на сумму (в тыс. руб.)
1860	432	94 721	26 204
1863	365	71 797	26 083*

[1] «Памятная книжка Воронежской губ. на 1865—1866 гг.», стр. 50.
[2] «Памятная книжка Казанской губернии на 1863 г.».
[3] «Историко-статистический обзор промышленности России», Спб. 1886 г. «Шерстяные изделия», 152.
[4] Историко-статистический обзор промышленности России, «Шерстяные изделия», стр. 139.

* В 1-м издании:

Годы	Число фабрик	Число рабочих	Ежегодное производство на сумму (в тыс. руб.)
1858	423	97 163	2 794
1859	419	99 091	24 615
1860	432	94 721	26 204
1863	365	71 797	26 083 — *Ред.*

На другие отрасли промышленности освобождение крестьян повлияло слабее, так как в них в меньшей степени применялся крепостной труд. Тяжелый кризис хлопчатобумажного производства первой половины 60-х годов был вызван не крестьянской реформой, а совершенно иной причиной — огромным сокращением подвоза хлопка, благодаря американской междоусобной войне. И у нас, как и в других странах, хлопок и бумажная пряжа неимоверно возросли в цене, а цена тканей поднялась гораздо меньше [1].

Затруднения, пережитые хлопчатобумажной промышленностью, повели к временному оживлению льняной. В течение первой половины 60-х годов возникает целый ряд крупных механических льнопрядилен (к 1866 г. таких льнопрядилен считалось 20); вместе с тем расширилось производство полотняных фабрик. По словам Л. Весина, «наступление американской междоусобной войны и польского восстания вывело наши льнопрядильни из критического положения, в котором они находились» [2].

На шелковую промышленность крестьянская реформа оказала очень незначительное действие, так как в этой области работа и до реформы производилась почти исключительно вольнонаемными.

Привоз в Российскую империю по европейской границе шелка-сырца пряденого и крученого (в пудах) [3]

1859	7 319
1860	6 501
1863	7 129

Перейдем теперь к рассмотрению развития нашей промышленности в пореформенное время. Общее представление о ходе этого развития можно получить из нижеследующей таблицы и диаграммы (см. табл. на стр. 244).

Теперь я попрошу у читателя немного внимания и терпения.

Эта таблица и прилагаемая диаграмма могут дать довольно отчетливое представление о ходе нашего промышленного развития после крестьянской реформы.

Верхняя черная линия на прилагаемой диаграмме выражает собой изменение числа рабочих на фабриках (необложенных акцизом) в 50 губерниях Европейской России. Известно, что официальные сведения о числе фабричных рабочих крайне неточны и неполны; действительное число рабочих, без сомнения, значительно превышает показываемое в отчетах. Тем не менее, общая цифра рабочих за разные годы все же является очень верным показателем роста нашей крупной промышленности, как в этом можно убедиться из рассмотрения соответствующей кривой на нашей диаграмме.

Эта кривая обнаруживает три ясно обозначенных колебания. Одна волна достигает своей вершины в 1873 г.; затем следует небольшое падение, и число рабочих не растет до 1877 г.; с этого года начинается новое поднятие; в 1882 г. волна достигает апогея. В течение

[1] О хлопчатобумажном кризисе 60-х годов интересные данные у Я. Гарелина. Гор. Иваново-Вознесенск, II, стр. 25—27.

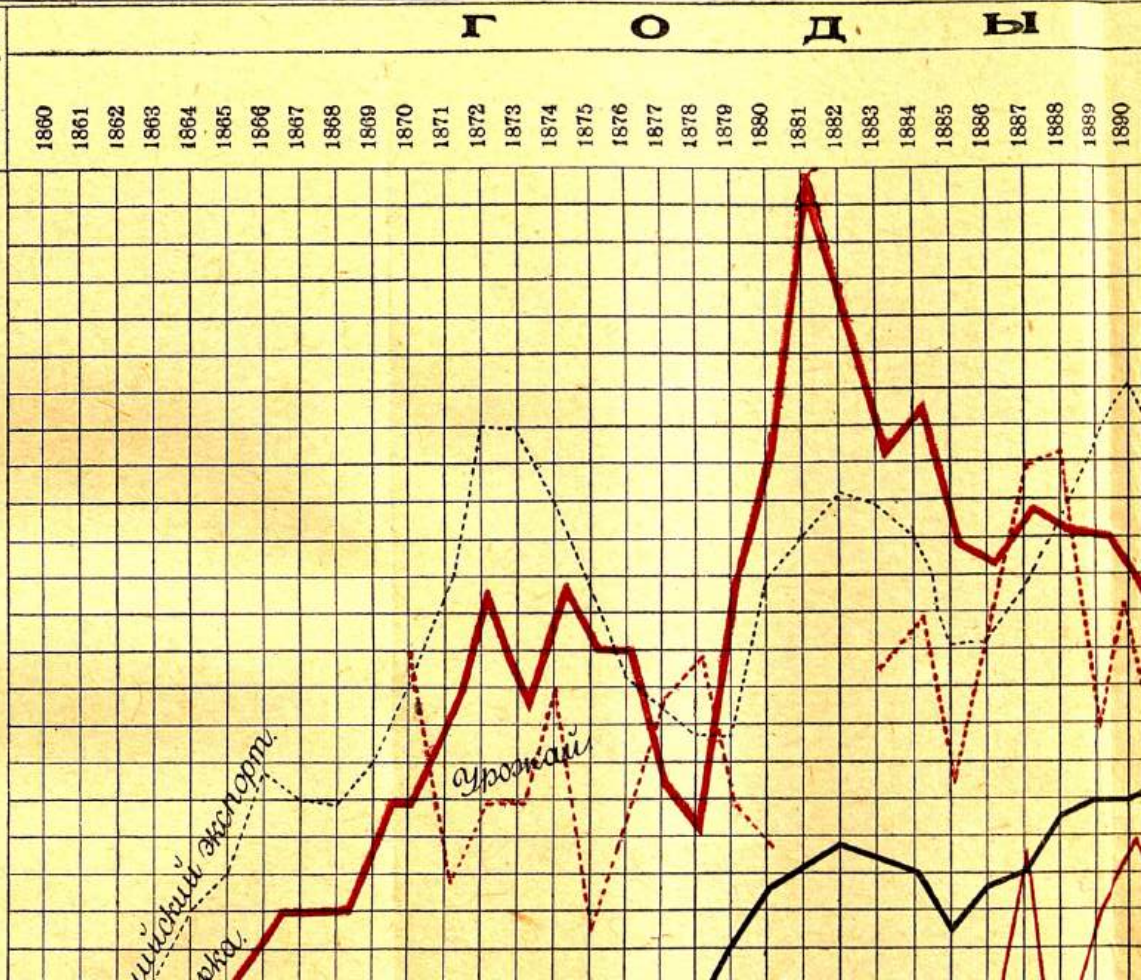
[2] «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, стр. 24.

[3] «Историко-статистический обзор промышленности России», т. II, «Шелковые ткани», стр. 195.

Годы	Количество иностранного и среднеазиатского хлопка, поступившего на внутреннее потребление Рос. империи (кроме Финляндии) в тыс. пуд.[1]	Количество иностранной бумажной пряжи, поступившей на внутреннее потребление Рос. имп. (кроме Финляндии) в тыс. пудов[1]	Количество чугуна, выплавляемого в Рос. имп. (включая Финляндию) в тыс. пудов[2]	Число (в тысячах) рабочих на фабриках и заводах, не обложенных акцизом, в 50 губерниях Европейской России[3]	Общий сбор хлебов в 50 губ. Европейской России до 1894 г. в миллионах четвертей, после 1894 г. в десятках миллионов пудов[4]	Ценность привоза товаров на Нижегородскую ярмарку в милл. руб.[5]
1860	2 840	145	20 468	—	—	105
1861	2 643	142	19 451	—	—	98
1862	850	97	15 268	—	—	103
1863	1 033	68	17 027	358	—	103
1864	1 637	105	18 301	355	—	111
1865	1 591	117	18 281	381	—	113
1866	2 952	130	18 568	397	—	127
1867	3 298	184	17 553	407	—	128
1868	2 556	160	19 807	414	—	126
1869	3 208	171	20 104	428	—	144
1870	2 801	254	21 949	442	280	143
1871	4 165	293	21 933	463	217	158
1872	3 606	319	24 375	492	240	178
1873	3 530	323	23 484	498	240	158
1874	4 666	343	23 213	487	270	180
1875	5 216	372	26 061	501	206	170
1876	4 708	340	26 957	491	237	169
1877	4 435	161	24 403	500	269	146
1878	7 183	508	25 476	559	280	142
1879	6 449	881	26 413	608	242	181
1880	5 743	577	27 364	648	229	200
1881	9 086	387	28 662	668	—	246
1882	7 755	361	28 237	682	—	224
1883	8 949	235	29 407	669	276	201
1884	7 373	172	31 106	665	293	206
1885	7 574	180	32 206	616	247	186
1886	8 388	177	32 484	635	289	184
1887	11 257	229	37 389	657	330	193
1888	8 362	281	40 716	707	334	190
1889	10 429	281	45 180	716	261	187
1890	11 483	238	56 560	720	293	181
1891	10 406	164	61 340	738	229	168
1892	13 797	127	65 432	742	266	144
1893	11 327	138	70 141	860	378	167
1894	15 399	148	81 347	—	380	187
1895	11 475	135	88 665	—	268	176
1896	12 861	117	98 951	—	273	177
1897	15 110	127	114 782	1 124	227	165
1898	16 803	165	135 636	—	263	156
1899	—	—	165 156	—	302	173

[1] (примеч. 1, 2, 3, 4 и 5 относятся к таблице на стр. 244. — *Ред.* Количество иностранного хлопка и пряжи определялось по ежегодным изданиям департамента таможенных сборов — «Государственная внешняя торговля России в разных ее видах» (за прежние годы) и «Обзор внешней торговли России» (за последние годы). До 1890 г. среднеазиатский хлопок, ввозимый через порты Каспийского моря, включался в статистических изданиях д-та таможенных сборов в общую сумму азиатского хлопка; с этого года среднеазиатский хлопок не включается в эту сумму и регистри-

Рабочие (в тысячах)	Хлопок (в сотнях тысяч пудов)	Чугун (в милл пудов)	Нижегородская ярмарка (в милл. пудов)
120	200	200	240
114	190	190	228
108	180	180	216
102	170	170	204
96	160	160	192
90	150	150	180
84	140	140	168
78	130	130	156
72	120	120	144
66	110	110	132
60	100	100	120

следующих трех лет число рабочих падает. Следующее поднятие начинается с 1887 г., причем голод 1891 г. вызывает только легкую приостановку поступательного движения: число рабочих быстро растет и наиболее значительный рост замечается в последние годы — за 1893 г. и особенно после 1893 г.

руется особо. Чтобы определить общий привоз в Россию среднеазиатского хлопка до 1890 г. (не только через Каспийское море, но и сухим путем), я прибавлял к общей сумме азиатского хлопка, по данным д-та, таможен. сбор., отправку хлопка по Оренбургской ж. д. со станции Оренбург (цифры отправки я выбрал из ежегодных отчетов Оренбургской ж. д. за время 1877—1889 гг.). Для определения же привоза среднеазиатского хлопка в Россию с 1890 г. я пользовался цифрами, приводимыми в «Обзорах внешней торговли», и суммировал эти цифры с цифрами очищенного пошлиной иностранного хлопка за соответствующие годы. Замечу кстати, что при сличении с подлинными «Обзорами» сводного издания д-та таможен. сбор. — «Статистические сведения о внешней торговле России» (Спб. 1896 г.) обнаружилось, что в этом последнем издании все цифры подвоза хлопка и пряжи за 1861—1869 гг. показаны неверно и, кроме того, встречаются грубые опечатки для последующих годов.

[2] До 1875 г. — по «Материалам для истории и статистики железной промышленности России. Общий обзор железной промышленности», Спб. 1896 г. От 1875 г. — по «Сборникам статистических сведений о горнозаводской промышленности России» за соответствующие годы. Цифра 1898 г. взята из «Вестника финансов» 1899 г. № 21, стр. 524. Цифра 1899 г. взята из «Железного дела России в 1899 г.», А. Матвеева.

[3] Цифры за 1863—1865 гг. взяты из «Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов» за соответствующие годы, причем из общих итогов сборника вычтены цифры рабочих Сибири, Кавказа, Финляндии и Царства Польского. От 1866 по 1877 гг. включительно цифры имеют лишь приблизительный характер и получены следующим образом. В «Ежегодниках министерства финансов» печатались в выпусках (I, VIII и XII) цифры рабочих за соответствующие годы, но не по всем родам производства, а лишь по главнейшим. Чтобы получить приблизительные цифры рабочих *по всем производствам*, я прибавлял к общим цифрам фабричных рабочих в «Ежегодниках» число рабочих в недостающих производствах, вычисляемое следующим образом: я брал цифры рабочих по этим производствам в 1865 и 1878 гг., путем сложных процентов определял, сколько рабочих было в данном производстве в данном году, предполагая, что число рабочих возрастало равномерно. Предположение это, разумеется, условно, но возможная отсюда погрешность не особенно важна, так как число рабочих, вычисляемых таким образом лишь приблизительно, не превышало 20% всего числа рабочих, в большинстве же случаев было менее.* Нужно иметь также в виду, что нерегистрированные производства относились, главным образом, к мелким промыслам, связанным с земледелием, которые мало подпадают влиянию периодических колебаний промышленности. Поэтому предположение о равномерном возрастании числа рабочих в этих производствах из года в год вероятнее, чем предположение, что число рабочих в нерегистрированных производствах изменялось так же, как и в регистрированных; во всяком случае, из научной осторожности, не желая искусственно усиливать периодические колебания числа рабочих, я должен был остановиться на первом допущении, как менее благоприятном для тех выводов, к которым я прихожу. Я указываю на все это ввиду того, что мой прием вызвал возражения г. Каблукова, не понявшего, что прием этот продиктован научной осторожностью, заставляющей ученого избегать всяких произвольных допущений, благоприятных для защищаемых им тезисов. Цифры за 1878—1884 гг. взяты из официальных «Сведений о фабричной и заводской промышленности Российской империи» за соответствующие годы, полученных мною из статистического отделения департамента торговли и мануфактур. Эти цифры имеют тот

Верхняя красная кривая означает собой движение ярмарочной торговли в Нижнем. До половины 80-х годов эта кривая колеблется так же, как и кривая рабочих; начало 70-х и еще более — 80-х годов выражается в ней резким поднятием, а половина 70-х и 80-х годов — падением. Две волны выражены гораздо сильнее, чем в кривой рабочих. Совпадение колебаний обеих кривых, полученных совершенно из разных источников,

---

недостаток, что в них включены отчасти и рабочие по мелким производствам (благодаря этому число рабочих за каждый год немного увеличено, на десять — двадцать тысяч). Наконец, цифры от 1885 г. и дальше взяты из ежегодно выходящих «Сводов данных о фабрично-заводской промышленности России», издание департамента торговли и мануфактур. Цифры за 1892 и 1893 гг. пришлось опять вычислять, так как в «Сводах» за эти годы в общий итог включены и рабочие на горных заводах и заведениях, обложенных акцизом**. Чтобы получить цифру рабочих в предприятиях, не обложенных акцизом и не принадлежащих к числу горных заводов, я вычитал из общей суммы рабочих число рабочих на горных заводах и предприятиях, обложенных акцизом. Подобные операции мне пришлось производить и для получения рабочих за 1897 г. Числа же рабочих за 1894—1896 гг. отсутствуют в моей таблице потому, что за эти годы соответствующие данные совсем не публиковались департаментом торговли и мануфактур. Я должен был ограничиться в этой таблице цифрами рабочих только указанной в тексте категории (на фабриках и заводах, не обложенных акцизом и не принадлежащих к числу горных заводов) по отсутствию данных рабочих других категорий за прошлые годы. Отсюда видно, сколько труда пришлось потратить на составление приводимого в тексте ряда цифр, и все-таки цифры получились не вполне надежные. Значение их для определения действительной численности рабочих за каждый отдельный год не велико: далеко не все рабочие регистрировались. Но, как увидим ниже, для характеристики *относительных изменений* числа рабочих за разные годы они вполне пригодны.

Быть может не лишне сделать несколько замечаний о нашей фабричной статистике вообще. Во-первых, что следует разуметь под «фабрикой» и «заводом», к которым относятся приводимые в таблице цифры? С 1885 г. основанием для различения фабрики и завода от мелкого кустарного и ремесленного заведения в нашей официальной статистике служит ценность производства: заведения, производящие на сумму в 1000 р. и более, признаются крупными и включаются в итог фабрик и заводов, производящие на меньшую сумму не включаются в итог и относятся к мелким заведениям. До 1885 г. не проводилось такого различия между фабриками и мелкими промышленными заведениями. Мелкие заведения, как общее правило, не включались в итог фабрик, но нельзя точно определить, каким признаком руководствовались официальные статистики при различении крупных и мелких заведений. Можно думать, что мелкие заведения за прежние годы менее выделялись из общего итога, чем теперь. За 1878—1884 гг., как сказано, мелкие заведения отчасти вошли в этот итог; благодаря этому число рабочих за эти годы в общем итоге увеличено, но незначительно — не более, как на 20 тысяч. Необходимо иметь в виду также следующее: цифры рабочих до 1861 г., помещенные в этой книге на стр. 66, несравнимы с приведенными в таблице, так как первые относятся ко всей Российской империи, кроме Царства Польского и Финляндии и, кроме того, они включают в себя рабочих на свеклосахарных заводах и табачных фабриках; цифры же в таблице относятся только к 50 губерниям Европейской России, и рабочие на свеклосахарных заводах и табачных фабриках в них не включены.

* (к прим. 3) Слова от «Нужно иметь также в виду» до слов «для защищаемых им тезисов» в 1-м издании отсутствуют. — *Ред.*

** (к прим. 3) Слова от «Чтобы получить цифру» до слов «торговли и мануфактур» в 1-м издании отсутствуют. — *Ред.*

урожай 1878 г. был очень хорош, но зато урожай 1879 г. был ниже среднего. Время от 1882—1886 гг. было эпохой депрессии; между тем, только один год (1885) этой эпохи был неурожайным, а 1884 и 1886 гг. никак нельзя назвать неурожайными, и все-таки промышленность была в застое. Напротив, неурожайная эпоха начала 90-х годов едва была в силах ненадолго приостановить рост общей цифры рабочих и хлопчатобумажного производства.

Если мы обратимся к кривой выплавки чугуна, то тут мы не заметим уж ровно никакой связи между колебаниями урожая и состоянием производства. Эта кривая вообще колеблется крайне мало и только на самом конце рассматриваемого периода необыкновенно быстро идет кверху. Поразительное развитие чугуноплавильного производства, начиная с 1888 г., очевидно, находится вне всякого влияния урожаев.

Остановимся* более подробно над последним пятилетием. Как мы увидим ниже, последние годы были временем небывалого подъема нашей промышленности, завершившимся крахом и промышленным кризисом. Могут ли этот подъем и кризис объясняться влиянием урожаев? Очевидно, нет. Подъем начинается в особенно резкой форме в 1897 г. Известно, что 1897 г. был голодным годом. По данным Центрального статистического комитета, «сбор хлебов в 1897 г. был ниже среднего на 15,2%» [1]. Однако, несмотря на голод, подъем промышленности продолжает нарастать с ускоренной быстротой как в течение 1897 г., так и следующего 1898 г. Этот последний год, по характеристике Центрального статистического комитета, по урожаю «может быть отнесен к числу средних» [2]. Темп подъема продолжает ускоряться и достигает лихорадочной быстроты в 1899 г. В конце этого года следует кризис и промышленный застой, продолжающийся поныне. Быть может, этот кризис был вызван неурожаем? Обращаемся к тому же источнику. «Сбор 1899 г... превышает средний сбор за пятилетие на 13,7%... и должен быть признан вполне удовлетворительным» [3]. Итак, небывалый по своим размерам промышленный подъем происходил у нас в годы неудовлетворительного или среднего урожая, а кризис произошел в год хорошего урожая. Факты русской жизни, как видит читатель, жестоко надсмеялись над теорией г. — она, являющегося, кстати сказать, выразителем в данном случае взглядов, господствующих как в нашей экономической литературе, так и среди людей практики. Ученое доктринерство легко гармонирует с узкостью кругозора, свойственной практическим людям. Истинная наука одинаково далека как от того, так и от другого.

Посмотрите на три кривые: черную — рабочих, пунктирную черную — английского экспорта и пунктирную красную — урожая. Какие кривые колеблются более сходно — русских рабочих и английского экспорта или же русских рабочих и русского же урожая? Иными словами, чему более соответствуют колебания числа русских фабричных рабочих — мировым колебаниям капиталистической промышленности (кривая английского экспорта) или колебаниям русского урожая? Я полагаю, что

* Абзац в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

[1] «Статистика Российской империи. Урожай 1897 г.» II, стр. 3.
[2] «Урожай 1898 г.», II, стр. 4.
[3] «Урожай 1899 г.», II, стр. 9.

ответ ясен: не может быть сомнения, что колебания нашей промышленности никоим образом не могут быть объяснены колебаниями урожаев.

Из всего этого, разумеется, не следует, что урожай не играет никакой роли в состоянии нашей промышленности. Нет, на некоторые роды производства урожай, несомненно, влияет очень сильно. Нельзя сказать, чтобы годичные колебания хлопчатобумажного производства всецело обусловливались колебаниями урожая; но что эти последние являются одним из существенных факторов первых, в этом легко убедиться из той же диаграммы, если только не забывать, что, во-первых, влияние урожая сказывается, главным образом, в следующем календарном году, и, во-вторых, кривая ввоза хлопка не есть еще кривая хлопчатобумажного производства, почему многие неправильные скачки этой кривой не выражают собой таких же изменений производства. Зато на другие производства урожай почти не влияет; к числу таковых относится, как видно из нашей диаграммы, одна из важнейших отраслей нашей промышленности, значение которой должно все расти и расти: чугуноплавильное производство и, вообще, добыча металлов.

От чего же в таком случае зависят волнообразные колебания нашей промышленности? Как я говорил, уже из того, что эти колебания, в общем, совпадают с колебаниями английской промышленности, должно заключить, что причины их не местного характера. В развитии нашей промышленности отражается периодичность, свойственная капиталистическому производству всего мира. Чередование эпох оживления и застоя промышленности является в нашем пореформенном хозяйстве таким же типичным явлением, как и в других капиталистических хозяйствах. Именно этой причиной, — периодичностью развития, свойственной капиталистическому производству, — и вызываются правильные волнообразные колебания числа рабочих на наших фабриках и оборотов на Нижегородской ярмарке.

Тяжелый мировой кризис 1857 г., пронесшийся ураганом по всей Западной Европе и Северной Америке, отразился, хотя и значительно слабее, и в России. Конец 50-х годов был отмечен у нас банкротствами банков, акционерных предприятий, торговых и промышленных фирм, застоем торговли и сокращением производства — обычными симптомами промышленного кризиса. Вот что пишет об этом один современный русский писатель: «Образовалась акционерная игра, слава богу, продолжавшаяся недолго, в которую вдались и учредители, и акционеры еще тогда, когда действия обществ ничем не доказывали на практике выгодности затеянных предприятий. Сначала казалось, что акционерные дела идут весьма хорошо, и публика обратилась к ним с необыкновенным доверием. Акции всех обществ весьма легко перепродавались на бирже и часто заменяли наличные деньги или облигации. Но скоро все изменилось. Невыгодный баланс (обычное явление в эпоху, предшествующую промышленному кризису; подробнее об этом см. мою книгу «Промышленные кризисы» — *М. Т.-Б.*) произвел невыгодный курс и вызвал большой спрос монеты... Банки перестали выдавать ссуды под недвижимые свободные имения и дома. Акции потеряли свою ценность и не могли уже попрежнему заменять денежных знаков. С одной стороны, недостаток в деньгах мгновенно и быстро усилился, а с другой —

потеря ценности акций заставила акционеров обратить внимание на действия правлений, — и тогда открылись их ошибки, злоупотребления и даже иногда расхищения акционерных капиталов... Последствием всего этого было почти полное уничтожение цен на акции. Акции многих обществ не покупались и не принимались в платежи ни по каким ценам, тогда как собранные на эти начальные предприятия с 1856 г. суммы простирались свыше 150 млн. р. с.... Недостаток денег сделался повсеместным. Все это совокупно отразилось на всех других отраслях промышленности, особенно на мануфактурных, и произвело повсеместный в государстве застой торговли... Этот застой торговли отражается на множестве различных мелких промышленностей, с коими сопряжена торговля этими товарами. Если бы правительство не открыло для купечества кредит в московской конторе Коммерческого банка на более льготных основаниях, то банкротства от совокупности всех описанных обстоятельств произошли бы весьма значительные и многочисленные, и внутренняя торговля наша была бы потрясена весьма сильно» [1].

Это описание вполне воспроизводит обычную картину торгово-промышленного кризиса. Более подробное описание действия кризиса конца 50-х годов на русскую промышленность мы находим у В. Безобразова: «Оживление промышленных и коммерческих дел, с окончанием восточной войны, было для всех так очевидно, что нет надобности доказывать его... Коренное оживление наших промышленных и коммерческих дел принадлежит к 1854—1857 гг. Оно началось еще до заключения мира, Оно проявилось чрезвычайным усилением фабричной деятельности, преимущественно в северной промышленной полосе, необычайной бойкостью оборотов на всех внутренних ярмарках, быстрым увеличением сбыта как отечественных, так и иностранных мануфактурных товаров... Апогей этого движения внутри России был в 1855 и 1856 гг., о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорили как о золотом времени. И простые рабочие, и фабричные, и фабриканты, и купцы всюду говорили нам об этом времени, «мы тогда озолотились»; фабрики не успевали подготовлять товаров, строились новые фабрики и расширялись старые, цена на все товары и заработки росла непомерно... После промышленного оживления настала другая эпоха, с совершенно противоположными признаками: всеобщий промышленный и коммерческий застой, дающий положению наших дел с 1858 и 1859 гг. характер кризиса. Уже с 1858 г. начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются внутри России в значительный кризис. С начала этого года начинают раздаваться жалобы на слабость сбыта, на накопление непроданных товаров, с 1858 г. начинаются плохие ярмарки, состояние которых с тех пор не улучшается, а с каждым годом ухудшается. Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать: оно слишком всем известно; немногие из акционерных предприятий уцелели, и то почти исключительно те, которые существовали до войны. Место безграничного увлечения акционерным делом засту-

[1] *А. Шипов,* Как и отчего исчезли у нас деньги, Спб. 1860 г., стр., 33 — 34.

пила или настоящая паника, или полнейшее равнодушие... Но акционерный кризис действовал более или менее на поверхности общества и на верхушках народного хозяйства. Во всем внутреннем его организме произошли затруднения гораздо более глубокие, более продолжительные и более опасные. Как внутреннее промышленное оживление, о котором мы говорили, составляло главный характер первой эпохи испытанного нами переворота, так промышленный и коммерческий застой, поразивший наше народное хозяйство во всех внутренних центрах производительности и на всех внутренних рынках, представляет собой самую серьезную сторону второй или, лучше сказать, нынешней эпохи кризиса» [1].

Я не буду дольше останавливаться над описанием кризиса конца 50-х годов, так как описание отдельных моментов нашей промышленной истории не входит в задачу этой книги. Приведу только несколько цифр, из которых читатель может судить об акционерной горячке, предшествовавшей кризису:

Капитал вновь основанных акционерных компаний [2]

Годы	В млн. руб.	Годы	В млн. руб.
1856	15	1858	51
1857	300	1859	57

Начало 70-х годов было эпохой самой безумной учредительной горячки в Западной Европе, особенно в Австрии и Германии. За этой горячкой последовал знаменитый венский биржевой крах в мае 1873 г., а затем кризис распространился и на Соединенные штаты и охватил собой почти всю Европу. Точно так же и у нас в 1870—1872 гг. замечалось значительное расширение производства, а затем последовали кризис и банкротства торгово-промышленных предприятий. По словам Я. Гарелина, «конец 1872 г. и начало 1873 г. были ознаменованы банкротствами... Такой ход торговли объясняется не конкуренцией с иностранными фабрикантами. Главная причина плохой торговли заключалась в том, что ситцев было наработано громадное количество, и их нужно было сбыть во что бы то ни стало» [3].

Макс Вирт дает такое описание действий мирового кризиса 1873 г. на русскую торговлю: «Прежде всего банкротства разразились в метрополии русской торговли — в Нижнем-Новгороде. Уже в конце августа сделалось известным, что трое купцов оказываются несостоятельными на сумму в 1 170 000 руб. Торговцев, оказавшихся несостоятельными на более мелкие суммы, было очень много... Из Одессы извещали о многих крупных и мелких банкротствах, вызвавших среди тамошних коммерсантов настоящую панику, так что деньги совсем исчезли из обращения. В числе фирм, обанкротившихся в Одессе, была одна, пассив которой простирался до 1½ млн. руб.; другая оказалась не-

[1] *В. Безобразов.* О некоторых явлениях денежного обращения в России, Москва, 1863 г., II, стр. 24.

[2] *Безобразов,* II, стр. 22. В журналах того времени, особенно «Вестнике промышленности» и «Экономическом указателе», содержится богатый материал по истории кризиса 1857 г. в России.

[3] *Я. Гарелин,* Город Иваново-Вознесенск, II, стр. 60.

состоятельной на 1 200 000 руб. В остальных банкротствах пассивы колебались между 100 000 и 1 млн. рублей. Перепуганные банки, которые перед этим щедро расточали направо и налево свой кредит, стали усиленно стягивать обратно выданные ими ссуды и этим только усилили общее смятение»[1].

В своем отчете за 1876 г. московское отделение совета торговли и мануфактур указывало на печальное положение торговли и промышленности московского района. О размерах кризиса можно судить по росту несостоятельности в районе московского коммерческого суда.

Годы	Число несостоятельностей	Общий пассив
1874	68	5 313 тыс. руб.
1875	56	10 900 „ „
1876	113	31 495 „ „

Общее положение рисуется в отчете такими словами: «В настоящее время можно сказать без преувеличения, что нет ни одной фирмы в Москве, которая не понесла бы более или менее значительных убытков и не была бы вынуждена к более или менее значительному сокращению своих оборотов»[2].

По объяснению отчета, кризис был вызван следующими обстоятельствами: в начале 70-х годов фабричное производство значительно расширилось, благодаря быстрому развитию железнодорожной сети. Предложение скоро обогнало спрос, но расширение кредитных продаж давало возможность фабрикантам сбывать товар продавцам. Спекуляция удерживала товарные цены от падения, и производство продолжало расти, несмотря на все увеличивавшуюся трудность продавать товар потребителям. Неурожаи 1872 и 1875 гг. дали толчок кризису: цены мануфактурных товаров быстро упали, производство сократилось и последовал целый ряд банкротств, от которых особенно пострадали мануфактурные фирмы.

Внутренний обозреватель «Вестника Европы» очень верно отмечает важнейшую причину, вызвавшую сначала расширение, а затем сжатие нашего внутреннего рынка в 70-х годах. И то и другое объяснялось влиянием на народный спрос постройки железных дорог. В период железнодорожной строительной горячки конца 60-х и начала 70-х годов на постройку железных дорог было израсходовано больше миллиарда рублей. Более всего дорог строилось в 1868—1871 гг. Затем постройка вдруг упала, и хотя в 1873 и 1874 гг. она опять увеличилась, но в следующие годы стала решительно уменьшаться.

Параллельно с этим изменялся спрос на товары. Пока железные дороги усиленно строились, спрос на товары был боек, когда постройка сократилась — упал и спрос.

«Громадный оборот железнодорожного строительства везде вызывал кризисы, независимо даже от политических обстоятельств... У нас же, в стране крайне медленного экономического развития, он представлял нечто вроде того «золотого дождя», какой явился в Германии пятью

[1] «История торговых кризисов», 1877 г., стр. 475.
[2] «Вестник Европы», 1877, XII, Внутреннее обозрение.

миллиардами франков французской контрибуции. Ведь основной капитал наших железных дорог — 1 544 млн. кред. руб. — также недалек до пяти миллиардов франков. И... сокращение строительства повлияло и у нас на возникновение чего-то вроде краха» [1].

Что касается до конца 70-х годов, то эта эпоха вполне имела характер спекулятивной и учредительной горячки. Ярмарка 1878 г. по размеру привоза была самой низкой в 70-х годах, но зато по спросу на товары она была наилучшей. Благодаря тому что товаров было подвезено мало, а спрос на товары сильно оживился после окончания турецкой войны, товарные цены чрезвычайно поднялись. «Нижегородская ярмарка 1878 г. разыгралась необыкновенно блистательно во всех отношениях. Подобной ярмарки не запомнили в летописях Макария. Сбыт всех товаров был необыкновенно бойкий; почти по всем отраслям спрос превышал предложение. В особенности были хороши расчеты; все продажи делались за наличные, все уплаты по прежним обязательствам производились с величайшей исправностью. В наличных деньгах было неслыханное изобилие». Все это «усилило до-нельзя возбуждение в нашем промышленном мире... Это возбуждение, какого давно не запомнят в нашей промышленности, необыкновенное усиление производства на всех прежних фабриках и заводах и расширение новых достигли своего апогея в середине 1879 г., и он (апогей) продолжался до 1880 г.» [2].

О степени торгового оживления этой эпохи можно судить по тому, что, по словам Безобразова, прибыли торгово-промышленных фирм в эту эпоху достигли огромных размеров. По официальным отчетам некоторых акционерных обществ, прибыли их за этот период достигли 40, 50 и даже 70% на акционерный капитал.

«Чрезвычайное усиление производства, начавшееся еще в 1878 г., продолжалось в зимнем фабричном периоде 1879—1880 гг. Это усиление было таково, что хлопчатобумажная промышленность, всего более подвергшаяся промышленному возбуждению этой эпохи, расширилась на 900 тыс. (и, может быть, до 1 млн., как исчисляли знающие люди) вновь поставленных в 1879 г. прядильных веретен. Это расширение, когда все количество веретен исчислялось у нас до $3\frac{1}{2}$ млн., дает понятие о том необыкновенном полете, который приняла вся наша промышленность в эту эпоху, хотя хлопчатобумажное дело превзошло в этом отношении все прочие» [3].

Такое возбуждение должно было неизбежно повести к реакции. Ярмарка 1880 г. уже обнаружила превышение предложения товаров сравнительно со спросом. По словам Безобразова, она была «пестрой»: хорошей для одних товаров и дурной для других. Тем не менее, как видно из вышеприведенной диаграммы, толчок 70-х годов был так си-

[1] «Вестник Европы», 1877, XII, Внутреннее обозрение, 802. Сходным образом объясняет кризис половины 70-х годов и И. Блиох в своем известном сочинении «Влияние железных дорог на экономическое состояние России», Спб. 1878, том V. Теми же причинами — периодичностью расширения железнодорожной сети — вызывалась в значительной мере периодическая смена оживления и застоя промышленности в Западной Европе и Америке. См. мою книгу «Промышленные кризисы».

[2] *В. Безобразов*, Народное хозяйство России, I, стр. 277.

[3] *Безобразов*, I, стр. 279.

лен, что ярмарка 1881 г. оказалась наивысшей по размерам подвоза. Ярмарка этого года вообще была хорошей. Счастливой развязке ее очень помог хороший урожай 1881 г. Период конца 70-х и начало 80-х годов характеризуется Безобразовым следующим образом: «Затишье и почти застой в промышленных предприятиях до войны; чрезвычайное промышленное возбуждение, начинающееся с конца войны в 1877 г. и достигающее своего апогея в конце 1879 г.; реакция против этого возбуждения, возникающая в начале 1880 г. и продолжающаяся приблизительно до второй половины 1881 г.; оживление дел с середины 1881 г.».

Основной причиной промышленного возбуждения конца 70-х годов Безобразов считает усиленные выпуски кредитных билетов на военные расходы.

«В сравнении с этой силой все прочие факторы имели только второстепенное и подчиненное значение; они только видоизменяли и усложняли действие главного агента, то усиливая его, то отчасти ему противодействуя, но в общем результате все эти факторы (урожаи, повышение хлебных цен, политические события и пр. — *М. Т-Б.*) не могли ни уравновесить действия этой главной силы, ни даже изменить его общее направление». В частности, урожаи, по мнению Безобразова, играли некоторую роль в этой смене возбуждения и застоя, но роль безусловно подчиненную. Различие эпох промышленного возбуждения конца 50-х и 70-х годов, по объяснению Безобразова, заключалось в том, что в 50-х годах спекуляция направилась преимущественно на устройство новых акционерных предприятий и имела более биржевой характер, чем в конце 70-х годов. Эта последняя эпоха особенно характеризовалась «лихорадочным усилением производства по издавна существующим отраслям промышленности, преимущественно фабричной».

Я никак не могу согласиться с Безобразовым, что усиленные выпуски бумажных денег были главнейшей причиной спекулятивной горячки конца 70-х годов. Эти выпуски могли только содействовать оживлению промышленности. Продолжительный застой половины 70-х годов привел к сокращению предложения товаров, сравнительно со спросом, что и обнаружилось на ярмарке 1878 г. Результатом этого явилось повышение товарных цен; заключение мира дало толчок к промышленному возбуждению, всегда наступающему после периода депрессии. Вообще очень трудно приурочить к отдельным причинам периодическую смену периодов оживления и застоя, наблюдающуюся во всех капиталистических странах. Застой, можно сказать, сам рождает оживление, а оживление благодаря перепроизводству, приводит к застою. Конец 70-х и начало 80-х годов отличаются усилением производства, развитием торговых оборотов и оживлением спекуляции не только в России, но и в других странах; в Североамериканских соединенных штатах, Англии, Франции, Германии. Точно так же во всем капиталистическом мире половина 80-х годов была эпохой промышленного застоя.

В 1882 г. в Париже разразился крах Бонгу, а в Соединенных штатах в 1884 г. повторился железнодорожный крах, подобный краху 1873 г., но только в более слабой форме. Годы 1882—1886 повсюду отмечаются сокращением производства и торговым застоем. Точно так же и у нас после ярмарки 1882 г. последовал целый ряд неудач, подвоз това-

ров падал, производство сокращалось. Начался тяжелый промышленный застой, продолжавшийся до 1887 г.

О застое* начала 80-х годов имеются весьма интересные сведения в обширной статье С. Приклонского, помещенной в «Деле» за 1883 г. Привожу обширные выдержки из этой статьи.

«Зимой 1880—1881 гг. рабочие во всех отраслях промышленности были поставлены в самое бедственное положение. В Петербурге крупные заводы, особенно механические, стали распускать рабочих... Так, например, на огромном заводе Берда, где прежде работало 3—4 тысячи человек, теперь осталось 1 000 рабочих, на Александровском заводе вместо 800 осталось 350 рабочих, на Сампсониевском вместо 1 200—1 500—только 450 человек; на заводе Нобеля вместо 900—1 200—около 600; на остальных механических заводах точно так же произошло значительное уменьшение числа рабочих. Вообще миллионные обороты заводов сократились почти наполовину.

По словам С. Приклонского, промышленный застой начался в Московской губернии еще с весны 1880 г., причем застой принял более острую форму после Нижегородской ярмарки этого года. С зимы 1880—1881 г. во всем Московско-Владимирском районе произошло сильное сокращение числа рабочих. Особенно пострадали мелкие фабрики, многие из которых принуждены были ликвидировать дела. В Александровском уезде Владимирской губернии от кризиса жестоко пострадала шелковая ткацкая промышленность. «В январе 1881 г. из 165 карасников — владельцев промышленных заведений, занятых размоткою шелка, — 50 совсем прекратили работу, а остальные более или менее значительно сократили производство, так что в одном этом промысле осталось без работы более 9 000 человек». Цены на рабочие руки в мелких заведениях так понизились, что, например, плата девушек-размотчиц упала с 18—25 руб. за зиму до 6—8 руб. за тот же срок. В Иваново-Вознесенске число безработных также было весьма велико. «Средней руки фабриканты вследствие промышленного застоя сократили размер рабочей платы. Крупные фабриканты не хотели открыто последовать примеру их и старались достигнуть уменьшения заработной платы путем увеличения штрафов, которые были доведены до величайшей строгости. Долгое время фабриканты не решались сократить числу рабочих... но, наконец, они не выдержали, и даже такие солидные фирмы, как наследники Саввы Морозова, стали распускать рабочих... Положение фабричных рабочих было до такой степени тяжело, что, несмотря на затруднительность и даже полную невозможность найти работу на фабриках, которые тяготились слишком большим составом рабочих команд, все-таки нередко бывали случаи забастовок... На известной ярцевской фабрике Хлудова, в Духовщинском у., к январю 1881 г. уже две тысячи рабочих получили расчет и оставили фабрику, крайне недовольные мерами, принятыми фабричной администрацией с целью сокращения заработной платы... В Костромской губернии зимою 1880—1881 г. фабриканты сократили число рабочих на одну треть. Отчаяние в среде рабочего населения, по

---

* Со слов «О застое начала 80-х годов» в 3-м издании вставлено 7 абзацев, до слов «кризис ухудшил положение рабочих» (стр. 259). — *Ред.*

словам «Московского телеграфа», было так велико, что требовалось особое искусство при расчете рабочих, чтобы дело не дошло до беды». В посаде Клинцах, Черниговской губернии, число рабочих на фабриках было сокращено на 40%, а заработная плата была понижена на 30—50%. «В Твери на фабриках Морозова и Берга часть рабочих была распущена, а остальным сокращена заработная плата на 20%... В Ржеве, по случаю остановки пряжи пеньки, до 12 тысяч прядильщиков были обречены на полуголодное существование... В селе Павлове многочисленные кустари, занимающиеся замочно-ножевым производством, вынесли много тяжелых лишений по случаю безработицы». Недельный заработок кустарей упал с 2 р. 50 к. до 60 — 80 к. Работы были сокращены и на Мальцевских заводах.

«После значительного сокращения работ и понижения заработной платы зимою 1880—1881 г. положение рабочих, занятых неземледельческой промышленностью, нисколько не улучшилось до настоящего времени. Правда, под влиянием преувеличенных известий об урожае, промышленность несколько оживилась осенью 1881 г., и вместе с тем последовало незначительное повышение заработной платы; но это улучшение в быте рабочего населения продолжалось самое короткое время и скоро опять сменилось прежней безработицей. Под влиянием понижения заработной платы в 1882 г. произошел ряд стачек фабричных рабочих, не имевших, однако, благоприятных результатов для рабочих, так как рабочий рынок был переполнен предложением труда».

Застой 1882 г. охватил еще больший район, чем застой предыдущего года. Так, в 1882 г. тяжело пострадала промышленность Царства Польского. В Варшаве летом 1882 г. было около 20 000 безработных; безработица в самой тяжелой форме отмечалась во всех промышленных центрах Северо-западного края и Царства Польского.

В Московско-Владимирском районе промышленный застой продолжал усиливаться, причем кустарная промышленность страдала от него еще сильнее, чем фабричная.

Свою интересную статью г. Приклонский заканчивает следующим замечанием: «Неизвестно, долго ли еще протянется тот промышленный кризис, который вызвал сокращение работ и уменьшение заработка почти по всем производствам. До сих пор не видно впереди окончания теперешнего тягостного для всех, а особенно для рабочего класса, положения дел... Теперешнее положение рабочих тяжело, а вследствие этого и все недостатки рабочего быта выступают теперь с поразительной рельефностью и невольно останавливают на себе внимание и общества, и правительства. Этим, без сомнения, объясняется то обстоятельство, что в наиболее тяжелую для рабочих годину у нас появились первые труды по исследованию положения фабричных работников и, вместе с тем, сделан первый опыт ограждения рабочих интересов путем фабричного законодательства... Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вдруг вырос из земли и предстал пред нашими глазами в то время, когда продолжительный промышленный кризис ухудшил положение рабочих» [1].

[1] Дело 1883, № 1. «Хроника рабочего труда в России», С. Приклонского.

Застой продолжался, как сказано, до 1887 г. Корреспонденты московского земства указывали, что зима 1886—1887 г. была чрезвычайно тяжелой для промышленного населения и отличалась крайним упадком фабричных заработков крестьян. «Цены на труд и спрос на рабочие руки упали; многие фабрики стали; другие сократили производство», — этими словами характеризуется «Ежегодником московского земства» фабричная промышленность Московской губернии в конце 1886 г. Застой в делах был так силен, что многие фабричные, совершенно отвыкшие от земледелия, вернулись в деревню и взялись за соху. В некоторых местностях «фабричное производство почти что приостановилось, весь фабричный народ жил дома без заработка»[1].

Новая эпоха промышленного оживления начинается с 1887 г.*. В начале 90-х годов следует заминка, соответствующая мировому застою начала 90-х годов. С 1895—1896 гг. во всем капиталистическом мире начинается небывалый подъем. То же наблюдается и у нас.

Периодические колебания нашей промышленности имели своей причиной у нас, как и в других капиталистических странах, периодическое создание нового основного капитала. Периоды промышленного подъема были периодами грюндерства, периоды застоя — периодами падения учредительства. Эту периодическую смену подъема и упадка грюндерства можно ясно подметить в истории нашей акционерной промышленности. Так, в интересной статье «Обзор деятельности акционерных предприятий в России»[2] находим следующую характеристику периодической смены эпох акционерного грюндерства в России:

«В 1850 и 1851 гг. совсем не было основано акционерных обществ, и число последних начинает увеличиваться только с 1853 г., причем в 1857 и 1858 гг. учредительская деятельность достигла своего апогея за весь этот период. В то время, как в 1851—1855 гг. учреждено было только 18 акционерных обществ, с капиталом в 16,4 млн. руб., за пятилетие 1856—1860 гг. число учрежденных обществ повысилось до 108, а капитал их до 317 млн. руб. В следующем пятилетии 1860—1865 гг. учредительская деятельность снова уменьшается... Учредительская деятельность, охватившая Западную Европу в конце 60-х годов и с новой силой вспыхнувшая в первой половине 70-х годов, сопровождалась оживлением акционерной деятельности и в России... На один трехлетний период 1871—1873 гг. приходится 227 акционерных обществ с капиталом

---

[1] «Статистический ежегодник московского губернского земства», 1887. «Кустарные отхожие и фабричные промыслы», стр. 18. Промышленный застой 80-х годов подробно описан также в нескольких «Внутренних обозрениях» «Русской мысли» в 1882 г.

* После слов «с 1887 г.» в 3-м издании большое изменение: от слов «В начале 90-х годов» до слов «железоделательное производство юга России» (стр. 261 настоящего издания) заменяют стр. 325—329 1-го издания, из которых несколько отрывков помещено в 3-м издании: 1) от слов: «Так, слабое развитие чугуноплавильного производства» до слов «1895 г. — 555» (конец таблицы, стр. 326—327 1-го издания), помещено в 3-м издании стр. 363—364, а в настоящем издании стр. 281, причем таблица в 3-м издании отсутствует; 2) от слов «В мою задачу не входит» до слов «хотя и с колебаниями расти» (стр. 327—329 1-го издания) помещено на стр. 364—365 3-го издания, а в настоящем издании стр. 281—282. — *Ред.*

[2] «Вестник финансов», 1900, № 29.

в 347 млн. руб. С этого времени учредительская деятельность понемногу падает... В 1879 г. в падении учредительской деятельности наступает перерыв, продолжающийся до 1881 г., но после того понижательное движение вновь усиливается, и решительный поворот в этом отношении наступает только с 1889 г., который служит началом небывалого еще в России оживления акционерной деятельности». В той же статье приведена заимствованная из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» следующая любопытная статистика вновь основанных в России акционерных компаний:

Годы	Число вновь основанных акц. компаний	Годы	Число вновь основанных акц. компаний
1856	8	1869	21
1857	14	1870	33
1858	41	1871	60
1859	28	1872	61
1860	17	1873	106
1861	8	1874	50
1862	6	1875	48
1863	9	1876	41
1864	10	1877	25
1865	11	1878	13
1866	18	1879	20
1867	12	1880	30
1868	20	1881	45

Вторая половина 80-х годов была отмечена промышленным застоем. В связи с этим нарицательный капитал вновь основанных в России акционерных компаний был (в тысячах рублей):

За 1880 — 1884 . . . . 231 575
„ 1885 — 1889 . . . . 175 360

В течение последнего десятилетия акционерные предприятия получили чрезвычайное развитие. Однако, первая половина 90-х гг. отмечена падением учредительства, быстро возрастающего в конце 90-х годов. Вот соответствующие данные о числе вновь основанных акционерных компаний в России:

Годы	Число вновь основанных акц. компаний	Годы	Число вновь основанных акц. компаний
1889	29	1894	47
1890	39	1895	86
1891	24	1896	120
1892	31	1897	118
1893	50	1898	153

Наиболее резко выразился этот подъем в горнозаводской промышленности. Уже со второй половины 80-х годов начинает быстро расти железоделательное производство юга России. Старинные уральские заводы, игравшие такую первенствующую роль в горнозаводской промышленности крепостной России, все более и более теряют свое прежнее значение. Выросшие на почве крепостного права, они оказались мало приспособленными к новым хозяйственным условиям России. Зато с изу-

мительной быстротой возникло огромное горнозаводское производство в Донецком бассейне. Это производство, организованное вполне на крупно-капиталистический лад, составляет новейший и самый пышный цветок российского промышленного капитализма. Важнейшим фактором развития донецкой горнозаводской промышленности была постройка донецкой железнодорожной сети и в особенности Екатерининской дороги, соединившей в 1884 г. криворожскую руду с донецким углем.

До 1887 г. на юге России работало только два железоделательных завода — Юза и Пастухова. С этого года заводы начинают расти, как грибы. За короткое время возник целый ряд чудовищных чугуноплавильных заводов: Александровский, Каменской, Гданцевский, Дружковский, Петровский, Донецко-юрьевский, Никополь-мариупольский, Таганрогский и др. Число рабочих на чугуноплавильном заводе Юза — около 10 тысяч человек, на прочих — немногим меньше.

В 1899 г. на юге было 17 больших чугуноплавильных заводов с 29 действующими доменными печами и 12 с вновь строящимися [1].

Все эти заводы работают, главным образом, по казенным заказам и притом преимущественно железнодорожный материал. Тем не менее, вокруг них быстро появились более мелкие заводы, перерабатывающие железо в разные изделия. Так, Александровский завод вызвал устройство 4 более мелких заводов (трубчатых и механических); рядом с Новороссийским заводом основан литейно-механический завод; другой механический завод возник на станции Дебальцево, и образовалась целая сеть заводов в разных пунктах Александровского уезда. По словам г. Рагозина, таких маленьких заводов (маленьких, разумеется, сравнительно с вышеназванными гигантами заводского мира) в 1895 г. насчитывалось не менее 100 [2].

Вот как характеризуется развитие южнорусской металлургической промышленности в интересных статьях «Вестника финансов» за 1896 г.

«Южнорусская железоделательная промышленность в настоящее время переживает самый горячий момент своего развития. Капиталы, затрачиваемые в это дело, с каждым годом прибывают; заводы с громадным производством растут с такой быстротой, которая мало свойственна нашей отечественной предприимчивости... Там, где 3—4 года тому назад и не помышляли о какой-либо промышленной деятельности, теперь выстроили заводы с доменными печами, производительность которых достигает 10 000 пудов в сутки на каждую» [3].

Весьма характерно, что южнорусские заводы устроены преимущественно на иностранные капиталы. «Из существующих предприятий, — читаем далее [4], — чисто русскими можно назвать только два: Сулинский

---

[1] *Б. Ф. Брандт*, Иностранные капиталы. Спб. 1889, часть II, стр. 61.

[2] *Евг. Рагозин*, Железо и уголь на юге России, Спб. 1895, стр. 71. Эта книга имеет интерес, как результат личных наблюдений автора, хотя к данным, сообщаемым им, нужно относиться с большой осторожностью. Автор, горячий протекционист, защищает интересы крупных заводчиков, отождествляя с этими интересами «благо России».

[3] «Вестник финансов», 1896 г., № 22. «Очерки южнорусской металлургической промышленности».

[4] «Вестник финансов», 1897 г., № 17, стр. 263.

завод Пастухова и Александровский Брянского общества. Прочие же или принадлежат целиком иностранцам, или же вперемежку с русскими. Так, завод Новороссийского общества (Юза) принадлежит англичанам, Гданцевский — французам, Днепровский Южнорусского общества — бельгийцам (главный акционер — Коккериль), Дружковский Донецкого общества — французам» и т. д.

На заграничных рынках акции этих заводов, приносивших огромные дивиденды, от которых давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли так высоко, что достаточно было прибавить к названию фирмы слова «днепровской» или «донецкой», чтобы рассчитывать на легкий сбыт акций за границей *.

За короткое время цена на угольные земли в донецком районе поднялась со 100—150 руб. за десятину до 200—300 и даже 400 руб. за дес. Были случаи продажи по 500—600 руб. за дес. «Промышленное настроение, — читаем в «Вестнике финансов» № 33 за 1897 г., — проникло во все слои населения юга России, отодвинув на второй план другие интересы. В последнее время рост промышленности отмечается не десятилетиями, но двумя-тремя годами. За два года юг России положительно изменил свою физиономию в промышленном отношении». Возник целый ряд новых рудников и заводов; из последних можно указать завод Донецкого общества близ станции Дружковки, обширный железоделательный завод Русско-бельгийского общества близ Волынцева, металлургический завод Угре близ Таганрога, завод Донецко-юрьевского общества близ Луганска, и т. д., и т. д. В Харькове возник огромный паровозный и машиностроительный завод. Машиностроительные заводы строятся и в других городах южной России: Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Мариуполе. «Промышленность и торговля юга России так растет, что ни железные дороги, ни южные порты не успевают удовлетворять требованиям промышленности и торговли» ** [1].

Главным предметом изготовления южнорусских заводов являются рельсы и железнодорожные принадлежности. Заводы при самом своем возникновении запасаются казенными заказами на несколько лет. Казна является важнейшим покупателем этих заводов (более старые из последних возникали при непосредственной денежной поддержке казны: частью в виде единовременной ссуды при устройстве заводов, частью — денежной премии с пуда выделываемых рельс). Теперь казенная поддержка выражается в заранее обеспеченных казенных заказах.

---

* В 1-м издании после этого напечатано: «И это не удивительно, так как южнорусские заводы сплошь и рядом в 10 лет погашают полностью весь затраченный капитал. Новороссийский завод Юза дает чуть не 100% барыша, Брянское общество в 1895 г. получило 30%, Днепровский завод Южнодніпровского общества дал в 1894 г. 20%, в 1895—30%, в 1876 (вероятно 1896. — *Ред.*) — 40% чистой прибыли и т. д., и т. д.». — *Ред.*

** В 1-м издании после этого напечатано: «На южнорусских заводах» техника металлургического дела прогрессирует весьма успешно» — заводы следят за всеми новостями техники, постоянно улучшают техническую постановку, что при колоссальных барышах легко выполнимо. Так напр., Александровский завод на улучшение технической стороны дела в 1896 г. ассигновал 1 300 000 руб. Днепровский завод ежегодно затрачивает на этот же предмет от 250 до 500 тыс. руб. — *Ред.*

[1] «Вестник финансов», 1897 г., № 33, стр. 474.

Таким образом* эти необыкновенные успехи, по установившейся у нас терминологии, «искусственны». Это нисколько не подрывает их значения, ибо казна не перестанет строить железные дороги (наша железнодорожная сеть еще только в начале) и, следовательно, не перестанет нуждаться в рельсах и железнодорожных принадлежностях; значит, и рынок для нашей металлургической промышленности не исчезнет. Но, кроме того, на южнорусских заводах растет, хотя и более медленно, изготовление «торгового железа»: разных железных изделий для широкого рынка.

В настоящее время изготовление железа не для железнодорожных надобностей отступает на задний план, потому что спрос на железнодорожные изделия, вследствие быстрой постройки железных дорог, еще недавно превышал предложение, и цены на рельсы и железнодорожные принадлежности были очень высоки. На пуде рельс заводы еще очень недавно зарабатывали чистого барыша 50 — 70 коп. Понятно, что заводы преимущественно и выделывали рельсы; но падение цены рельс принудит заводы обратить больше внимания на изготовление «торгового железа».

В общем рост нашего чугуноплавильного производства за последние годы был чрезвычайно велик, как можно убедиться из нижеследующих данных.

Выплавка чугуна (в миллионах пудов [1])

Годы	Соединенные штаты	Англия	Германия	Россия	Франция	Бельгия
1886	352,3	454,6	215,3	32,5	92,0	42,8
1899	844,2	576,7	489,8	165,2	156,6	74,4

За 13 лет выплавка чугуна в России увеличилась почти в пять раз. Даже абсолютно увеличение выплавки чугуна в России за это время (132,7 млн. пуд.) превосходит увеличение выплавки в любой европейской стране, кроме Германии. В 1886 г. на долю России приходилось менее 3% мировой выплавки чугуна, и Россия стояла позади не только Соединенных штатов, Англии и Германии, но и Франции, Бельгии и Австро-Венгрии. В 1899 г. на долю России приходится уже почти 7% мировой выплавки чугуна, и Россия стоит в Европе позади только Англии и Германии; Францию, Бельгию и Австро-Венгрию Россия уже обогнала.

К сожалению, мы не располагаем общими статистическими данными об общем росте нашей промышленности за последние два года (1898 и 1899), когда темп подъема сделался лихорадочно быстр. Последние общие данные относятся к 1897 г. Но и по ним можно судить о силе новейшего промышленного подъема. Нижеследующая поучительная таблица дает отчетливое представление о ходе нашей промышленности за

---

* Отрывок от слов «Таким образом» до слов «В интересном докладе г. В. Михайловского» (стр. 266 наст. изд.) заменяет около 3 страниц в 1-м издании, представляя собою в основном новый материал по сравнению с имеющимся в 1-м издании. — *Ред.*

[1] *А. Матьеев*, Железное дело в России в 1899 г. Спб., 1900, Таблица 1.

десятилетие 1887—1897 гг. (данные относятся ко всей Российской империи кроме Финляндии [1]).

Группы производств	Число фабрик и заводов			Ценность выработанных продуктов и изделий в тысячах рублей			Число рабочих		
	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.
Волокнистые вещества	2 847	3 025	4 449	463 044	621 929	946 296	399 178	497 940	642 520
Питательные продукты	14 508	13 607	16 512	375 286	399 700	648 116	205 223	216 834	255 357
То же без мукомольн. производства	9 229	10 181	10 588	225 826	247 260	454 155	176 849	137 451	207 582
Животные продукты	4 425	3 450	4 238	79 495	78 422	132 052	38 876	44 223	64 418
Обработка дерева	1 093	1 151	2 357	25 688	38 876	102 897	30 70.	39 413	86 273
Писчебумажные производства	242	343	532	21 030	27 529	45 490	19 451	33 803	46 190
Химические производства	588	683	769	21 509	39 560	59 555	21 104	28 382	35 320
Керамические производства	2 380	2 031	3 413	28 965	34 472	82 580	67 346	75 474	143 291
Горная и горнозаводская промышленность	2 656	3 482	3 412	153 012	249 168	393 749	390 915	461 455	544 333
Металлические изделия	1 377	1 822	2 412	112 618	171 140	310 626	103 300	132 003	214 511
Производства, не вошедшие в предыдущие группы	772	799	935	50 852	74 201	117 767	41 887	52 867	66 249
Итого по всем группам	30 883	30 333	39 029	1 334 499	1 734 997	2839 144	1 318 048	1 582 904	1 098 262
То же без мукомольн. производства	25 603	26 907	33 105	1 185 03	1 532 557	2 550 1	1 289 67	1 553 521	2 050 487

Легко заметить, что наиболее быстрый подъем начинается после 1893 г. Так, за 6 лет 1887—1893 гг. число рабочих на фабриках и заводах возросло на 264 856, а ценность производства—на 400 498 тысяч рублей. Напротив, за 4 года 1893—1897 число рабочих возросло на 515 358, а ценность производства на 1 104 147 тысяч руб. За первое шестилетие средний годовой прирост рабочих равнялся приблизительно 44 тысячам, а ценности производства — 67 млн. руб. За второе четырехлетие средний годовой прирост рабочих уже достигал 129 тысяч, а ценности производства — 276 млн. рублей.

С 1893 г. наблюдается быстрый подъем во всех отраслях производства. Особенно бросается в глаза огромный рост ценности вырабатываемых продуктов в обработке металлов в горном деле. Число горнозаводских рабочих возрастает, однако, гораздо слабее, чем можно было бы ожидать. Причина этого лежит в быстром росте производительности труда именно в этой отрасли промышленности. Новые южные металлургические заводы требуют несравненно меньшего числа рабочих для производства опре-

[1] По «Своду данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», 1900. Сильное увеличение суммы производства и числа рабочих в производствах по обработке дерева с 1896 г. объясняется, главным образом, более полной регистрацией лесопильных заводов.

деленного количества металла, чем старинные заводы на Урале, хозяйство которых сложилось на принудительном труде и до сих пор не может вполне освободиться от остатков крепостного права. Вполне возможно, что технический прогресс на уральских заводах поведет к значительному сокращению спроса на труд со стороны этих заводов, ибо, повторяю, спрос этот, в современных размерах, в значительной мере основывается на отсталости техники уральского металлургического дела.

Итак, промышленное развитие последних годов характеризовалось весьма энергичным подъемом, особенно сильным в обработке металлов и горном деле. Как выше сказано, наша железоделательная промышленность (важнейшая отрасль горного дела) работает преимущественно железнодорожные принадлежности. Отсюда выясняется основная причина промышленного подъема конца 90-х годов. Причина эта заключалась, главным образом, в усилении железнодорожного строительства, к которому присоединилась учредительская горячка, особенно развившаяся за 1898—1899 гг. Усиление железнодорожного строительства началось с 1893 г., причем с 1896 г. расширение железнодорожной сети идет лихорадочным темпом. Вот соответствующие данные за 1891—1899 гг.[1]

Годы	Вновь открыто железных дорог (верст)	Годы	Вновь открыто железных дорог (версты)	Годы	Вновь открыто железных дорог (версты)
1891	118	1894	2 117	1897	2 314
1892	490	1895	1 839	1898	2 865
1893	1 691	1896	2 272	1899	4 692

В интересном докладе г. В. Михайловского, прочитанном в 1897 г. в статистическом отделении московского юридического общества, «Развитие русской железнодорожной сети», сгруппировано очень много данных, ярко обрисовывающих «бесприме ную в нашей экономической истории железнодорожную горячку». Как казна, так и частные общества строили дороги с лихорадочной быстротой. Министерство финансов было буквально завалено проектами новых железнодорожных линий. В продолжение последних 7 лет наша железнодорожная сеть выросла более, чем на половину. Ни в одной европейской стране, в период самого оживленного ж.-д. строительства, постройка дорог не шла так энергично. Так, за последнее пятилетие средняя длина ежегодно открываемых железных дорог в России составляла 2 812 верст, а в Германии, — в период железнодорожной горячки 1870—1880 гг., — открывалось, средним числом, 1 496 километров, во Франции за то же время — 837 километров, в Англии за 1840—1850 гг. — 931 километр и т. д. Еще недавно наша железнодорожная сеть уступала по протяжению французской и английской, не говоря уже об американской и немецкой. Теперь же наша сеть уступает только американской*.

[1] «Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России», Спб. 1900, Изд. м-ва путей сообщения. Эти данные относятся ко всей Российской империи, включая Финляндию.

* В 1-м издании «немецкой и американской». — *Ред.*

Железнодорожная горячка* последнего времени была значительно сильнее знаменитой горячки 70-х годов, как можно видеть из нижеследующих данных.

Вновь открыто железных дорог

(в верстах)

1870 г.	2 960	1873 г.	1 879
1871 „	2 426	1874 „	1 697
1872 „	831	1875 „	759

В первом издании настоящей работы я указал, чем должен завершиться весь этот удивительный подъем. «Мы идем к промышленному кризису», — писал я в начале 1898 г., в период наибольшего оживления промышленности и биржевых вакханалий, когда самая мысль о кризисе казалась, как людям практики, так и доктринерам народничества, нелепой [1]. И, действительно, кризис наступил.

Чрезвычайно поучительно развитие этого кризиса. Промышленный подъем конца 90-х годов имел, как известно, мировой характер и был особенно резко выражен в Германии и Соединенных штатах. Предшествующая эпоха промышленной депрессии закончилась в 1895 г. Застой торговли всегда приводит к скоплению в банках свободного ссудного капитала и понижению ссудного процента. Низкий ссудный процент поощряет спекуляцию и благоприятствует грюндерству, устройству новых предприятий, расширению основного капитала общества. Вытекающее отсюда оживление промышленности ведет к уменьшению свободного ссудного капитала и повышению ссудного процента, что заканчивается кризисом. Таков естественный механизм периодической смены подъема и упадка, оживления и застоя, прилива и отлива капиталистической промышленности, согласно теории кризисов, данной мною в книге «Промышленные кризисы».

Посмотрим же, как изменялся ссудный процент за рассматриваемое время на важнейших рынках Западной Европы.

Средние учетные нормы в процентах [2]

Годы	Париж	Лондон	Берлин	Годы	Париж	Лондон	Берлин
1895	2 20	2,00	3,15	1898	2,20	3 26	4,23
1896	2,00	2,48	3,65	1899	3,06	3,75	4,98
1897	2,00	2,78	3,84				

И в Лондоне, и в Берлине учетный процент повышается с удивительной правильностью вплоть до 1899 г. В Париже также наблюдается повышение учетного процента за два последних года. Тем не менее, вплоть до 1897 г. учетный процент в Западной Европе оставался низким,

---

* Отрывок от слов «Железнодорожная горячка» до конца главы заменяет собою стр. 335—359 1-го издания, где автор полемизирует с народниками по вопросу о росте числа фабричных рабочих (эта полемика в несколько иной редакции имеется и в 3-м издании) и о роли крупного капитала в торгово-промышленном обороте России (и эта полемика в несколько иной редакции имеется в 3-м издании). — *Р. д.*

[1] См. первое издание «Русской фабрики». Спб. 1898 г., стр. 325.

[2] *Г. Е. Афанасьев*, Денежный кризис, Одесса, 1900, стр. 2.

что указывало на обилие свободного капитала. Это обилие свободных капиталов на западноевропейском рынке и явилось основной причиной того широкого притока в Россию иностранных капиталов, которое было таким выдающимся фактом нашего промышленного развития последних лет. Отлив капиталов из стран старинной капиталистической культуры в более юные капиталистические страны есть постоянное явление, сопутствующее периодическим эпохам промышленного подъема. Благоприятные фазисы промышленного цикла всегда сопровождаются подобной эмиграцией капиталов, являющейся одним из самых могучих факторов распространения капиталистического производства по всему земному шару. Вопрос этот, в применении к руководящей капиталистической стране, Англии, разобран мною в названной работе «Промышленные кризисы», к которой я и отсылаю интересующегося читателя.

Точных статистических данных о размере прилива за последние годы иностранного капитала в Россию не существует. По расчету г. Брандта, основной капитал иностранных акционерных предприятий *только* в металлургической и каменноугольной промышленности достигал в 1897 г. 167 683 554 руб., а весь капитал тех же предприятий (облигационный, запасной, резервный и пр.) равнялся в том же году 223 483 861 руб.[1]. Основные капиталы всех бельгийских предприятий в России достигали к 1 января 1899 г. 339 843 500 фр.[2]. По этим данным можно судить, какими крупными цифрами выражается участие иностранных капиталов в нашей промышленности. Большая часть этих сотен миллионов иностранных капиталов была помещена в России за самые последние годы — после 1894 г. Денежная реформа, проведенная с таким успехом г. Витте, в огромной мере облегчила приток иностранных капиталов в Россию, устранив колебания русской валюты. В этом привлечении иностранных капиталов и заключалась главная задача реформы.

Итак, тесная связь между общим промышленным подъемом последнего времени в богатых капиталистических странах Запада и подъемом у нас не подлежит сомнению. Мы втянуты в круговорот мирового капиталистического развития; мы составляем часть огромного капиталистического целого, и законы целого управляют и этой частью. Наша капиталистическая промышленность испытывала и раньше, как мы видели, периодические колебания. Но так как значение промышленности в русском хозяйственном укладе в настоящее время чрезвычайно возросло, то соответственно возросло и значение этих колебаний.

Целый ряд конверсий, совершенных нашим финансовым ведомством в первой половине 90-х годов, находился в связи со значительным понижением в России ссудного процента. Конверсии эти, установившие для России норму доходности государственных процентных бумаг, не очень отличавшуюся от западноевропейской (около 4%), явились существенным стимулом последовавшей затем учредительной горячки, ибо наши капиталисты, помещавшие раньше деньги в государственные процентные бумаги, не могли удовлетвориться таким невысоким, сравнительно

[1] «Иностранные капиталы», II, стр. 235.
[2] «Вестник финансов», 1899, № 40.

с обычными огромными барышами наших промышленников, процентом. Замечу, кстати, что конверсии государственных процентных бумаг были и в Западной Европе в тесной связи с промышленными горячками и кризисами.

Как показывает опыт западноевропейских стран, промышленным кризисам, обыкновенно, предшествуют биржевые кризисы. То же самое наблюдалось у нас. Биржевая спекуляция начинает развиваться на петербургской бирже с конца 1893 г. Курс биржевых бумаг стал быстро возрастать, причем максимум был достигнут около 1896 г. Вот, например, средние годовые курсы на петербургской бирже акций некоторых важнейших кредитных, торгово-промышленных предприятий и железных дорог за 1891—1896 гг. [1].

Коммерческие банки

Наименование		1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
С.-Петербургский учетный и ссудный . . .	в.	627	567	499	665	910	858
	н.	540	445	434½	466	620	630
С.-Петербургский международный	в.	533	465	512	683	770	712
	н.	437	420	435	486	615	618
Русский для внешней торговли	в.	298	291	331	466	550	555
	н.	238	249½	270½	327	420	468
Волжско-камский . . .	в.	766	812	920	1 050	1 400	1 375
» »	н.	700	690	790	890	1 000	1 195
Русский торгово-промышленный	в.	255	255	260	368	455	388
	н.	215	200	227	280	335	320

Промышленные предприятия и железные дороги

Наименование		1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
Российская бумагопряд. мануфактура	в.	200	150	200	225	350	360
	н.	170	150	160	200	250	330
I Российское страховое общество	в.	1 220	1 210	1 240	1 500	1 625	1 600
	н.	1 050	1 125	1 100	1 210	1 380	1 510
Путиловские заводы . .	в.	—	—	79	180	194	147½
» »	н.	—	—	64½	75	118	112
Брянск. рельсопр. заводы I вып.	в.	127	100	133	389	580	557
	н.	112	74	92	133	365	452
Русско-балтийский вагоностроит. завод . . .	в.	—	—	—	1 525	2 500	2 275
	н.	—	—	—	750	1 360	1 900
Юго-восточные железн. дороги	в.	175¾	160	176¼	192¼	200½	194
	н.	124½	128¾	150¾	162	178	163

Курсы большинства бумаг падают в 1892 г. (голод в России и начало промышленного застоя во всем мире). К 1893 г. курсы некоторых бумаг падают, других повышаются. В 1894 г. картина биржевого мира резко меняется. Курсы всех бумаг делают огромный скачок кверху. Произо-

[1] По данным «Обзора вексельных курсов, учетного процента и цен государственных и частных бумаг... за 1896 г.». Буквы «в» и «н» в приводимой таблице означают высший и низший курсы.

шла полная перемена биржевого настроения. Биржевая спекуляция расправила крылья и смело устремилась вперед. 1895 год был еще лучше предшествовавшего. Огромные состояния наживались биржевой игрой. Всякий петербуржец легко мог убедиться, без помощи каких бы то ни было таблиц, в быстром развитии биржевой игры. Достаточно было пройти мимо здания петербургской биржи, вокруг которой в начале 90-х годов не замечалось никакого движения и площадь перед которой представляла собой подобие пустыни, и посмотреть на нескончаемый ряд экипажей, который теперь стоял у подъезда биржи в часы биржевых собраний, чтобы убедиться в происшедшей перемене. Страсть к биржевой игре охватила обширные круги общества; официальная биржа не могла вместить всех желавших принять участие в биржевой вакханалии, и некоторые модные рестораны гостеприимно открыли свои двери для биржевых игроков, для которых на официальной бирже не находилось места.

Уже в 1896 г. на бирже стала чувствоваться реакция. При сравнении курсов биржевых бумаг за 1896 и 1895 гг. видно, что многие бумаги несколько понизились в цене. В 1896 г. был момент резкого падения курсов, биржевого кризиса. Но так как общее состояние промышленности в это время отнюдь не благоприятствовало распространению кризиса, — промышленный подъем только начинался и темп его быстро нарастал, — то падение биржевых курсов произвело лишь мимолетное впечатление на внебиржевые сферы. Люди практики, со своей обычной ограниченностью кругозора, не обратили никакого внимания на этот первый раскат приближавшейся грозовой тучи.

«Биржевой кризис 1896 г., — писал я в 1898 г. в первом издании «Русской фабрики», — обнаружившийся преимущественно на петербургской бирже, быть может, возвещает, хотя и отдаленно, начало реакции» [1]. И будущее вполне оправдало мои слова. Обратимся к движению курсов акций банков за последующие годы: 1897, 1898 и первую половину 1899 г. [2].

Курсы акций на с.-петербургской бирже

		1896 г.	1897 г.	1898 г.	Январь — июнь 1899 г.
С.-Петербургский учетный и ссудный банк	в.	858	729	755	809
	н.	630	630	645	687
С.-Петербургский международн.	в.	712	649	635	597
	н.	618	538	555	528
Русский для внешней торговли	в.	555	460	445	450
	н	468	3.5	385	399
Волжско-камский	в.	1 375	1 325	1 300	1 260
	н.	1 195	1 2 0	1 207	1 180
Русский торгово-промышленный	в.	3 8	385½	383	381
	н.	320	315	327½	330

[1] «Русская фабрика», 325.

[2] Данные за 1897 — 1899 гг. взяты из «Сводных балансов акционерных банков», изданных комитетом съезда представителей акционерных банков под редакцией А. К. Голубева.

Курсы большей части банковых акций с колебаниями опускаются. Очевидно, 1896 г. был годом перелома в движении биржевой спекуляции. За предшествовавшее трехлетие биржа была настроена крайне сангвинически. Повышательное движение решительно торжествовало. После 1896 г. начинает одерживать верх тенденция к понижению, причем в 1897 г. последовало резкое падение, а за последующие два года тенденция не определена. Курсы большинства банковых акций стоят в первой половине 1899 г. значительно ниже, чем в 1896 г.

Поучительно сравнить это медленное понижательное движение биржевых курсов за трехлетие 1896—1899 гг. с выше отмеченным столь же медленным, но неуклонным повышением на важнейших рынках Западной Европы учетного процента. И то и другое было вызвано одной причиной: уменьшением свободного незанятого капитала, который перестал с прежним обилием притекать в банки и на биржу.

Биржевая реакция нисколько не отражалась на общем ходе промышленности. В то время как на бирже оживление ослабевало, в промышленности оживление росло и росло. Все эти явления вполне закономерны и представляют собою естественные моменты развития промышленных кризисов. Кризис, который всем казался таким неожиданным, в действительности подготовлялся в течение целого ряда лет.

Уже с конца 1898 г. в России начинает чувствоваться значительное стеснение в деньгах. Деньги внезапно становятся «дороги»! При том незнакомстве с явлениями денежного обращения, которое господствует в широкой публике, неудивительно, что разные беззаботные публицисты, вроде гг. Шарапова, Оля и др., подняли вопли о недостатке денег в обращении. Золотая валюта явилась козлищем отпущения. И, действительно, факт значительного «вздорожания» денег был налицо.

Официальный дисконтный процент [1]

1898 год

	Париж	Лондон	Берлин	Петербург (6-месячные векселя)
Июль	2	2½	4	5½
Август	2	2½	4	5½
Сентябрь	2	2½—3	4—5	5½
Октябрь	3	3—4	5—5½	5½—6½
Ноябрь	3	4	5½—6	6½
Декабрь	3	4	6	6½

1899 год

	Париж	Лондон	Берлин	Петербург (6-месячные векселя)
Январь	3	4 —3½	6—5	6½ 6
Февраль	3	3½—3	5—4½	6
Март	3	3	4½	6
Апрель	3	3	4½	6
Май	3	3	4½—4	6—5½
Июнь	3	3—4	4½—4	5½ 6

[1] *Афанасьев*, 3.

Всякому сколько-нибудь образованному экономисту известно, что повышение дисконтного процента (в чем и видят «вздорожание» денег) отнюдь не равнозначаще с уменьшением или недостаточностью денег в обращении. Высота учетного процента зависит от спроса и предложения ссудных капиталов. Высокий учетный процент указывает на то, что спрос на ссудный капитал высок сравнительно с предложением этих капиталов, — и только. Количество денег в обращении здесь решительно не при чем. Золотая валюта лишь постольку виновата в повышении у нас учетного процента в 1898—1899 гг., поскольку она явилась одним из могущественных факторов небывалого подъема нашей промышленности, что, в свою очередь, усиливало в огромных размерах спрос на капитал.

Итак, уже с конца 1898 г. на русском рынке начинает чувствоваться сильное стеснение в деньгах. Учредительская горячка предшествовавших лет повела к тому, что возникло множество предприятий, почти не обладавших никаким собственным капиталом и существовавших лишь при помощи кредита. Вот как описывает грюндерство подобного рода г. Афанасьев, близко знакомый с делами этого рода по своей должности управляющего конторой Государственного банка в Киеве.

«Мне приходилось наблюдать эти образовавшиеся предприятия, и я могу представить следующую схему их образования. Несколько лиц обладают капиталом в 200 т. р. Нужно для постройки завода составить капитал в 500 т. р. Процедура составления его такова: пишется устав и посылается на утверждение в министерство. Устав утвержден с тем, что общество может начать действовать с того момента, как оно внесет паевой капитал в Государственный банк. Учредители обращаются в какой-либо банк и просят ссудить им на один день недостающую сумму в 300 т. р., которую тот же банк внесет за счет учредителей в Государственный банк».

«Итак, паевой капитал «собран». Получается удостоверение об этом от Государственного банка и шлется депеша министру. Теперь учредители могут собрать общее собрание и выбрать правление, которому поручается получить из Государственного банка внесенный туда складочный капитал. Его получает тот же банк, который и вносил его. Но теперь владельцы акций, они же и учредители, могут получить в каком-либо банке под акции известную ссуду, скажем, в размере 40%. Вот еще 200 т. р. готовы; далее, они могут в долг заказать машины для завода и для этого получить кредит в заграничном заводе в 100 т. р. Далее, есть еще возможность продать сахар будущего производства и получить, скажем, за 100 т. пуд., по рублю на пуд, 100 т. р. и употребить эту сумму на авансы земледельцам за свеклу. Таким образом, хозяин завода в 500 т. р. имеет в действительности только 200 т. р., а остальные все в кредите. Таких предприятий в области сахарной промышленности образовалось не мало, и все они построены были на расчете, что, во-первых, прибыль сахарного дела покроет проценты на занятый капитал и даст средства амортизировать и капитал, а во-вторых, на легкости и дешевизне кредита. В некоторых случаях этот расчет увенчался успехом и соблазнил других предпринимателей. Но очевидна вся шаткость такого положения. Вздорожал капитал, а, следовательно,

и кредит, — и картина меняется: вместо дохода получается минус, положение предприятия становится затруднительным, а кредитоспособность его хозяев уже исчерпана и новых займов уже делать нельзя. Напротив, заимодавцы (преимущественно, банки) начинают сокращать тот кредит, который оказывали, так как начинают чувствовать страх перед шатким положением предприятия»[1].

Совершенно так же обстояло дело и в других отраслях промышленности. Всем известно, что важнейшей операцией большинства петербургских и московских банков сделалось так называемое «финансирование» разных торгово-промышленных предприятий, снабжение их денежными средствами в виде ссуд под залог их акций и реализование этих акций. Дисконтная операция отступила на задний план перед этими новыми, более выгодными операциями, благодаря которым банки приняли самое близкое участие в грюндерстве.

Сводные балансы акционерных банков краткосрочного кредита[2] (в тысячах рублей)

	Петербургские банки		Московские банки	
	Учет	Ссуды	Учет	Ссуды
К 1 января 1896 г. . . .	86 819	155 014	32 82	64 987
„ „ 1899 „ . . .	170 584	177 786	78 435	85 273
„ 1 июля 1899 „ . . .	171 162	157 010	88 065	77 002

Значительно большая часть этих ссуд выдавалась под весьма ненадежное обеспечение в виде акций и облигаций разного рода торгово-промышленных предприятий. Ненадежность этого обеспечения стала ясно чувствоваться при ухудшении настроения биржи, которое особенно усиливается с лета 1899 г. Ради собственной безопасности банки были принуждены прибегнуть к сокращению ссуд этого рода; в июле 1899 г. ссуды под залог процентных бумаг значительно сокращаются. Отказ в кредите явился тяжелым ударом для многих предприятий, державшихся только кредитом, и вот в августе следуют первые крупные крахи — Дервиза и Мамонтова, двух крупнейших предпринимателей, обороты которых считались десятками миллионов и которые принимали участие в самых разнообразных предприятиях, преимущественно железнодорожных и машиностроительных. Эти крахи вызвали панику на бирже и в конце сентября последовало общее крушение биржевых ценностей. Особенно резко было это крушение в «черный день» петербургской биржи — 23 сентября. Официальный дисконтный процент поднялся в сентябре (за 6-месячные векселя) до 7, а в декабре даже до 7½. Усилия министерства финансов прекратить панику на денежном рынке и восстановить доверие на бирже оказались совершенно тщетными. Курсы большинства акций продолжали с колебаниями падать в течение последней четверти 1899 г. и первой половины 1900 г., после чего на бирже наступило некоторое улучшение.

---

[1] *Афанасьев*, 29.
[2] *Афанасьев*, 13.

Курсы акций коммерческих банков на с.-петербургской бирже [1]

		1899 год						1900 год					
		Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь
Учетный и ссудный	в.	700	687	685	684	693	679	665	658	640	582	545	504
	н.	652	654	640	670	669	635	645	632	575	554	500	467
Международный	в.	523½	502	485	460	466	458	430	429	420½	406	392	365
	н.	460	485	440	450	450	434	420	417	409	390	350	337
Русский для внешн. торг.	в.	400	383	376	360	362	354	341	345½	331½	323	313	286
	н.	350	361	346	343	350	325	332	327	317½	312	287	251
Волжско-Камский	в.	1 203	1 190	1 201	1 210	1 240	1 240	1 233	1 228	1 250	1 245	1 170	1 150
	н.	1 150	1 180	1 180	1 193	1 210	1 210	1 215	1 216	1 230	1 170	1 160	1133
Русский торг.-пром.	в.	332	283	276	235	253½	250½	245	244½	248	239	232	220
	н.	260	270½	235	247	234	225½	224	229	226	227	210	204½

Несмотря на то, что биржевая паника сопровождалась крушением нескольких промышленных фирм (особенное значение имело банкротство огромного вагоностроительного завода «Феникс»; всего же за время кризисов обанкротилось три вагоностроительных завода), первое время преобладало мнение, что переживаемый Россией кризис не есть торгово-промышленный, а лишь биржевой. Мнение это особенно усердно поддерживалось министерством финансов в его официальных органах: «Торгово-промышленной газете» и «Вестнике финансов», а также в газете «Новое время». Даже наличность денежного кризиса решительно отрицалась. Предполагалось, что биржевые крахи суть результат зловредной спекуляции немногих биржевых дельцов, для обуздания которых принимались самые энергичные меры. Однако, остановить понижательную тенденцию на бирже не удалось. Несостоятельности учащались и охватывали все более и более обширные сферы, далеко распространившись за пределы биржевой публики.

Зима 1899—1900 г. была посвящена ликвидации предшествовавшего промышленного подъема. Из всех концов России приходили известия о застое торговли, банкротствах, безработице. Приведу некоторые из этих известий.

В очень тяжелой форме промышленный застой выразился в Лодзи и в северо-западном промышленном районе, особенно в Белостоке, где жестоко пострадала ткацкая промышленность. Так, «Северо-западное слово» сообщало из Белостока: «Фабрики, за немногими исключениями, прекратили работы; многие рабочие бродят по городу в поисках за заработками или хлебом. Неоднократно уже поднимался вопрос об облегчении участи рабочего люда, но до сих пор остается открытым. Вообще, текущий год для Белостока — тяжелый год. Нужна помощь основательная; нужно облегчить бремя кризиса для многих сотен людей, оставшихся без работы, а стало быть и без хлеба».

По словам «Края», местное общество в Белостоке было озабочено в январе «вопросом о воспособлении местным фабричным рабочим, которые в количестве до 2 000 человек остались без работы вследствие настоящего финансового кризиса» («Северный курьер» 30 янв. 1900).

В Лодзи кризис выразился в очень острой форме. «Лодзь в на-

[1] По «Сводным балансам акционерных банков».

стоящее время переживает промышленный кризис, отражающийся не только на мелких, но и на крупных фабрикантах» — читаем в «Русских ведомостях». «С покупательских рынков почти ежедневно приходят известия о прекращении платежей. Многие фабрики сокращают производство и увольняют рабочих. В особенности кризис отразился на ткачах, работающих у себя на-дому для фабрик. Лодзинская еврейская община сочла необходимым ассигновать 20 000 рублей на вспомоществование оставшимся без работы ткачам-евреям. Настоящий кризис вызвал среди лодзинцев мысль учредить под надзором фабричной инспекции общество, которое поставило бы своею задачею оказывать материальную поддержку временно остающимся без работы».

«Сыну отечества» писали из Лодзи в начале 1900 г. о промышленном кризисе такие строки: «Кризис, как разрушительный ураган, пронесся над Лодзью. Он никого и ничего не миновал, всех и все задел: до одних он чуть-чуть дотронулся и особенного вреда им не причинил, других сильно изуродовал, а многих раздавил и похоронил под развалинами. Это целое поле битвы. Стоит только пройтись по Петроковской улице, присмотреться к этим сосредоточенным, мрачным лицам, с блуждающими взглядами, чтобы увидеть, сколько пострадавших... Да, все суетливые, мрачные с опущенными вниз головами господа — люди, закрывшие или закрывающие фабрики и фабрички — все они блуждают, как тени, и не могут еще опомниться от постигшего их удара. А куда делись рабочие закрывшихся фабрик? — Никуда они не делись, они тоже толпятся на лодзинских улицах. Из них более 2 000 с семьями зарегистрировано образовавшимся бюро еврейского благотворительного общества, которое старается облегчить их участь.

Застой торговли все усиливался в Лодзи вплоть до мая, когда прекратила платежи с пассивом в 3½ миллиона рублей одна из крупнейших бумагопрядильных фабрик края (фабрика И. Бари). По поводу этого банкротства «Северо-западное слово» сообщало, что от него пострадали преимущественно банкиры и прядильщики. «Этот крупный крах, — писала газета, — произвел в промышленных сферах громадную сенсацию, укрепив наших фабрикантов в печальном убеждении, что воцарившийся уже более года у нас весьма серьезный торгово-промышленный кризис еще не так скоро минет. Результатом этого убеждения является крайняя воздержанность при заключении торговых сделок и сокращение до minimum'а своего производства. Многие фабриканты, напуганные перспективой дальнейшего ухудшения дел, совсем приостановили работы до более благоприятного времени. Усилению кризиса соответствует крайнее вздорожание дисконта. Это обстоятельство убивает всякую предприимчивость. Всякая попытка смелого фабриканта открыть фабрику, прядильню и т. п. разбивается о крайнее недоверие банкиров и дисконтеров, в услугах которых, увы, редкий лодзинский производитель не нуждается».

Застой торговли был так велик, что газеты отмечали случаи голодной смерти. Так, в местной газете «Rozwòj Lodzki» читаем следующее:

«На-днях на улице замечена была молодая женщина, не более 21 года. Она шла, шатаясь как пьяная, возбуждая насмешки прохожих, и у нее едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ела уже

7 дней. В тот же день упал без чувств на улице мужчина, оказавшийся ткачом, лишившимся работы. Он не ел несколько дней и не имеет даже своего угла. Тогда же на улице были подобраны совершенно истощенный от голода 12-летний мальчик, девушка 21 года и 55-летний старик. В один день подобрано на улице 5 человек! Сколько же их осталось незамеченными, голодающих дома и не решающихся, а, может быть, не имеющих уже сил выходить на улицу? Лодзи, как и многим другим промышленным центрам, пришлось пережить всю тягость кризиса, сократившего работу на фабриках и заводах и выбросившего на улицу целые толпы лишенных заработка и хлеба людей. В том же положении находится и Белосток и его фабричный район». В июне «Северный курьер» сообщал, что, по словам польских газет, берлинские капиталисты решили изъять свои капиталы, вложенные ими в лодзинские промышленные предприятия. Переживаемый Лодзью промышленный кризис был настолько тяжел, что, по словам «Гацефиры», один из лодзинских раввинов начал собирать пожертвования для отправки разорившихся еврейских купцов и оставшихся без работы рабочих в места их прежнего жительства.

Почти столь же тяжелая была первая половина 1900 г. и для Варшавы. Так, по словам «Волыни», «в начале этого года вся коммерческая Варшава была напугана целым рядом крахов очень солидных и пользовавшихся полным доверием фирм». В мае, после непродолжительного затишья, крахи снова возобновились с прежней силой, причем, по словам польских газет, падают преимущественно крупные фирмы.

В важнейшем вслед за Москвой центре хлопчатобумажной промышленности Московско-Владимирского района, г. Иваново-Вознесенске, застой торговли обнаружился с осени 1899 г. «С.-Петербургские ведомости» сообщали, что в г. Иваново-Вознесенске «фабрики и заводы с 1 октября сократили свою работу и лишний контингент рабочих увольняют на все четыре стороны... «Иди, мол, батюшка, — спокойно приговаривает богатый фабрикант, — ты мне теперь не нужен, дела тихи»... Да, это — факт, что дела в торгово-промышленном мире тихи, вследствие чего волей-неволей фабриканты и сокращают работу на фабриках. Вопрос этот, — как сообщают «Сев. Краю», — служит злобой дня в торговом мире: все в один голос говорят, что денег нет, платежи туги. Все удивляются, что деньги как будто бы куда-то исчезли. Этот денежный кризис в особенности тяжело отзывается на тех предприятиях, которые так или иначе пользуются кредитом или построены на нем».

Из Нижнего-Новгорода «Волгарь» сообщал в конце 1899 г., что в это время в нижегородский биржевой комитет поступали в большом количестве жалобы на неплатеж денег разными пароходовладельцами за аренду судов, за взятые материалы и пр. «Причиной такого явления, по словам «Волгаря», считается общий упадок в делах судоходства — кризис, особенно рельефно выразившийся в навигацию этого года по случаю безработицы и, главным образом, чрезвычайного падения фрахтов на Волге».

«Нижегородская биржа — пульс волжской промышленности — переживает крайне тревожное состояние: колеблются и падают финансовые столпы, дела которых до сего времени считали непоколебимыми, про

мелких пароходчиков уже и говорить нечего: «пролеты» их проходят почти незамеченными» («Новое время»).

«Нижегородский листок» писал в феврале 1900 г., что «начавшийся осенью прошлого года промышленный кризис коснулся и Нижнего. Осенью усиленно сокращали штат рабочих на Сормовских заводах и на заводе Доброва и Набгольц; сокращение это продолжалось до доброй половины зимы. Рассчитывали рабочих и на заводе Курбатова. К заводскому кризису присоединился ряд крахов в пароходном мире, благодаря которым остались без работы целые группы судовых рабочих, как, например, масленщики, кочегары, слесаря и т. п. И рабочий люд вполне основательно и справедливо назвал нынешнюю зиму «тяжелой». Без средств и без помощи извне рабочий люд, предоставленный исключительно самому себе, в течение нескольких месяцев безработицы «спустил» все и увяз в долгах. Первое веяние весны оживило рабочую массу. Каждый день у садика против биржи, у гостиниц Обжорина и Готовкина, на Нижнем базаре, можно встретить толпы безработных, чуть не «христа-ради» умоляющих взять «на ремонт», — для мелких слесарных работ на пароходах. У большинства вытянутые лица, подтянутые животы, прикрытые жалкими лохмотьями. Но пароходчики в нынешнем году не особенно спешат с ремонтом, и масса переживает мучительные дни томления и ожиданий».

Из Тулы «Орловский вестник» писал в конце апреля, что «положение рабочего населения г. Тулы становится все более и более тягостным. Фабрики и заводы сокращаются или вовсе приостанавливают свою деятельность, уменьшается точно так же спрос на рабочие руки: напротив, количество последних увеличивается. Многие рабочие давно уже перезаложили свои более или менее ценные вещи, даже кое-что и из домашнего скарба, чтобы только не остаться без хлеба».

По словам «Каспия» (ноябрь 1899 г.), денежный кризис в Баку отразился сильно на всех предприятиях. «Так, например, на механических заводах заказов или нет, или же имеются в половинном размере. Помимо того, и по исполненным заказам заводы часто не получают денег. Такое положение вызвало сокращение штатов мастеровых, и в настоящее время в городе масса безработных слесарей и токарей». Те же вести шли из Баку и по сведениям «Прид. Кр.». «В Баку, — пишет названная газета, — чуть ли не ежедневные банкротства».

В Донецком районе, где грюндерская горячка была особенно сильна, так же сильна была реакция. По словам «Одесского листка», с сентября по март в этом районе прекратили платежи 18 бельгийских предприятий, преимущественно переделочных. Пассив их доходил до 4½ млн. рублей. Вздорожание угля еще более затруднило металлургические заводы, сокративши производство. По сообщению «Приднепровского края» из Мариуполя (январь 1900 г.), «с прекращением работ на мариупольских заводах, несколько тысяч рассчитанных рабочих, за неимением заработка, разошлись с заводов и увеличили собою толпу голодающего пролетариата».

В конце 1899 г. кризис чрезвычайно обострился в Киеве в сахарной промышленности. Банкротство нескольких крупных сахарных заводов вызвало панику среди сахарозаводчиков, домогавшихся одно время

даже государственной помощи. По словам доклада правления Волжско-Камского банка, стеснение в Киеве было едва ли не сильнее, чем в Петербурге и Москве («Биржевые ведомости», 10 апреля 1900 г.).

Известия о промышленном застое, подобные вышеприведенным, поступали изо всех крупных промышленных центров России в течение всей прошлогодней зимы. Положение ухудшалось, как выше сказано, вплоть до лета; весной последовал целый ряд крупных банкротств. Некоторые из них особенно выделились своими размерами, как, например, банкротство торгово-промышленной фирмы И. Паллизен с пассивом около 7 млн. руб. и банкирской конторы А. И. Кутузова с пассивом в 6 млн. рублей. Эта банкирская контора принимала самое деятельное участие в грюндерской горячке последнего времени. Обанкротилось также несколько других менее крупных банкирских контор.

Резкое падение товарных цен последовало значительно позже биржевых крахов; в 1900 г. цены большинства предметов фабрично-заводской выработки стояли ниже, чем в предшествовавшем году, несмотря на повышение цены на уголь и некоторых сырых продуктов. На Нижегородской ярмарке 1900 г. обнаружилось значительное падение некоторых сортов железа.

«Котельное железо, — читаем в «Промышленном мире» 1900 г. № 37, — понизилось так чувствительно, как этого давно уже не бывало с уральским железом, а именно — на 20 к. в пуде. Причины такого понижения, по мнению железоторговцев, кроются в ощущаемом избытке этих сортов на рынке и отмечавшемся еще с конца прошлого года, когда, собственно, и началось падение цен. В свою очередь, причины переполнения рынка котельным железом объясняются слабым на него спросом со стороны фабрик и заводов, куда, главным образом, и идет этот сорт железа, ввиду общего промышленного затишья и, в частности, благодаря приостановке фабричного строительства, вызванного неблагоприятным положением денежного рынка, стеснением кредита и т. п.».

В периодическом издании уполномоченных Съезда уральских горнопромышленников «Железное дело России в 1899 г.» содержится любопытная характеристика влияния переживаемого кризиса на железоделательную промышленность России. По словам этого издания, движение цен на железо в 1899 г. имело следующий характер: «В первом периоде (с начала года до осени) почти для всех рынков (России) и для всех сортов чугуна и железа были высокие, более или менее твердые цены. Для некоторых же сортов железа, как, например, балки и котельное железо, цены с самого начала года крепли и достигли высоких размеров. Сортовое и кровельное железо и чугун-сырец не сходили со своих цен, установившихся еще в предшествовавшем году. Во втором же периоде года (с осени) произошел поворот, цены стали падать и притом для тех сортов, которые пользовались особенным спросом, наступило перепроизводство. Среднесортное железо слегка поддалось в цене, почти то же самое и тонкие листы котельного, а кровельное удержалось в своей позиции. Чугун тоже несколько подешевел и вообще весь рынок получил понижательную тенденцию»[1].

[1] «Железное дело России за 1899», стр. 28, 29.

В 1900 г. цены железа испытали дальнейшее и значительное падение (при одновременном повышении до весны 1900 г. цен железа на иностранных рынках). На падение цен многих сортов железа повлияло сокращение строительства в конце 1899 г. и в 1900 г. Так, этой причиной было вызвано крайне удрученное состояние железного рынка на Кавказе, возникшее под влиянием реакции в нефтяной горячке предшествовавших лет. В общем, помянутое издание приходит к такому заключению: «Переживаемый кризис оказывается чрезвычайно сильным и есть даже основание предполагать, что следствия его будут гораздо значительнее, чем это можно было ожидать, так как совершившиеся фиаско, не особенно пока многочисленные, могут повлечь за собою дальнейшие крахи — и даже крахи таких предприятий, в основе которых имеются задатки прочного и верного существования. А так как с существованием заводов неразрывно связаны не только интересы капитала, в них затраченного, но и интересы применяющейся на них рабочей силы, интересы потребителей их производства, а также интересы тех отраслей промышленности, продукты которых металлургические предприятия сами потребляют, то очевидно, что последствия кризиса, если только он примет большие размеры, могут быть громадными и крайне серьезными» [1].

Итак, в 1899—1900 гг. Россия, несомненно, пережила промышленный кризис. Кризис этот еще далеко не закончился, предстоящая зима, вероятно, будет не менее тяжела, чем прошлая, тем больше, что все заставляет ожидать промышленной депрессии во всем капиталистическом мире [2]. Промышленный цикл мирового капиталистического хозяйства вступает в свою неблагоприятную фазу. Период небывалого подъема, начавшийся с 1895 г., приходит или уже пришел к концу, и предстоящие 2—3 года будут, по всей вероятности, отмечены в капиталистических странах Западной Европы и в Северной Америке тяжелым промышленным застоем. У нас кризис начался несколько раньше и, выразившись в очень острой форме, быть может, будет раньше и ликвидирован.

Переживаемый нами промышленный кризис может служить прекрасной фактической иллюстрацией к моей теории кризисов. Все фазисы этого кризиса протекают в полном согласии с моими теоретическими построениями. Задолго до начала кризиса я указал на неизбежность его наступления; дальнейшее развитие кризиса вполне подтвердило мое теоретическое предвидение. Автор вышецитированной интересной и дельной брошюры о современном кризисе, г. Афанасьев, повидимому, не знакомый с моей теорией, дает на основании фактического изучения объяснение кризису, во всем согласное с моим объяснением кризисов вообще. А именно, он приводит в связь подъем промышленности последнего времени с необыкновенным обилием капитала на биржах всего мира, выражением чего служил низкий дисконтный процент. Быстрое расширение производства повело к поглощению этого свободного капитала, и дисконтный процент повысился. Таким образом, возникла так называемая «дороговизна денег», точнее говоря, дороговизна ссудного

[1] «Железное дело в России за 1899 г.», стр. 37.
[2] Писано в 1900 г.

капитала, поведшая к сокращению кредита и крушению всех малосолидных предприятий, основанных исключительно на кредите.

«Кризис наступил вследствие того, — говорит г. Афанасьев, — что большой и быстрый рост промышленности потратил огромное количество капиталов, превратив оборотные капиталы в основные. Этот недостаток оборотных капиталов стал замечаться не в текущем только году, а давал себя знать исподволь путем дисконта» [1].

Это объяснение вполне укладывается в мою теорию кризисов. Теория эта может быть разъюмирована следующим образом: «Подъем промышленности вызывается тем, что скопившиеся за предыдущие годы денежные капиталы, представляющие собой покупательную силу в связанном состоянии, расходуются и создают новый спрос на товары. Поэтому цены повышаются. Повышение цен, при благоприятном положении рынка, быстро переходит разумные границы и вырождается в спекуляцию, за которой следует крах. Но даже если повышение цен не настолько значительно, чтобы вызвать крах, реакция неизбежно должна наступить. Действительно, ранее накопленный капитал должен же быть когда-нибудь израсходован... Действие всего механизма можно сравнить с работой паровой машины. Роль пара в цилиндре играет накопление свободного денежного капитала; когда давление пара на поршень достигает известной предельной нормы, сопротивление поршня преодолевается, поршень движется, доходит до конца цилиндра, для пара открывается свободный выход, и поршень возвращается в прежнее положение. Точно так же скопляющийся свободный денежный капитал, достигнув известных размеров, проникает в промышленность, движет ее, расходуется, и промышленность приходит опять в прежнее состояние... Естественно, что при таких условиях кризисы должны повторяться периодически. Капиталистическая промышленность должна постоянно проходить один и тот же круг развития... Повышение дисконтного процента, наблюдающееся, обыкновенно, к концу промышленного подъема, является верным признаком того, что свободного ссудного капитала в стране слишком мало для нужд промышленности. В это время, ко всеобщему удивлению, оказывается, что деньги внезапно «вздорожали»; на самом деле дорожают не деньги, а ссудный капитал, и дорожает он потому, что на ссудном рынке осталось мало свободного незанятого капитала... Чередование оживления и застоя промышленности находится в непосредственной связи с расширением основного капитала страны. Годы подъема промышленности суть вместе с тем годы создания нового основного капитала» [2].

Легко видеть, до какой степени объяснение г. Афанасьевым современного русского кризиса укладывается в общую теорию кризисов, данную в моей книге. Все фазисы развития переживаемого кризиса могли быть предвидены на основании теории, так как развитие это шло необыкновенно типично и закономерно.

Современный кризис, вероятно, прекратит споры о том, капиталистическая ли страна Россия или нет. Когда я указал в первом издании

---

[1] «Денежный кризис», 30.

[2] «Промышленные кризисы», изд. второе, стр. 171—173.

«Русской фабрики» на то, что и в России наблюдается чередование оживления и застоя торговли, в зависимости не от урожаев, а от фазисов промышленного цикла, мое указание было встречено недоверием или резким отрицанием. Но переживаемый нами, после прекрасного урожая 1899 г., промышленный кризис является достаточно красноречивым ответом русской жизни доктринерам народничества...

Вернемся, однако, назад — к общей характеристике промышленного развития России в пореформенную эпоху. Еще недавно самый факт успехов нашей капиталистической промышленности упорно отрицался влиятельной экономической школой, наиболее видными представителями которой являются гг. В. В. и Николай — он. Теперь этот факт вряд ли будет оспариваться даже ими. Особенно быстрым темпом растет наша промышленность за последнее десятилетие. Не подлежит сомнению, что одним из важных факторов этого быстрого роста является таможенная политика последнего времени.

Так, слабое развитие чугуноплавильного производства вплоть до 1887 г. и последующий быстрый рост его в значительной мере объясняются тарифными причинами. В 1887 г. значительно повышена пошлина на чугун, железо и сталь (по тарифу 1868 г. чугун был обложен небольшой пошлиной в 5 коп. с пуда, но, фактически, значительно большая часть всего ввоза иностранного чугуна в Россию поступала беспошлинно, благодаря предоставлению железным дорогам права беспошлинного привоза из-за границы рельс и других железнодорожных материалов, а также льготам по беспошлинному привозу чугуна, установленным в пользу разных заводов. С 1881 г. все эти льготы были отменены, а пошлины на чугун были постепенно повышаемы и в 1887 г. дошли до 25 к., в 1891 г. до 30 к. золотом с пуда по морской границе и до 35 к. по западной сухопутной). Резкое поднятие выплавки чугуна немедленно вслед за повышением пошлины находилось в несомненной связи с этой последней причиной. То же самое можно сказать и о некоторых других горнозаводских производствах, особенно каменноугольном, в котором наблюдается значительное увеличение добычи угля после повышения пошлины на иностранный уголь в 1886 и 1887 гг.

В мою задачу не входит рассмотрение и критика нашей таможенной политики. Замечу только, что из факта быстрого роста нашей промышленности в новейшее время было бы очень ошибочно делать огульное заключение в пользу господствующей у нас таможенной системы. В таких сложных вопросах, как связь между системой тарифа и состоянием промышленности, прежде всего, не нужно упускать из виду, что post hoc далеко еще не есть propter hoc. Что протекционизм далеко не всесилен и не обладает чудодейственной силой создавать новые отрасли производства, лучшим доказательством этому служит наша промышленная история.

Чугуноплавильное производство принадлежало у нас искони к наиболее покровительствуемым и опекаемым правительством. В дореформенной России ввоз чугуна был запрещен и, сверх того, правительство жертвовало громадные денежные суммы на поддержание частных горных заводов. И, тем не менее, эта отрасль промышленности находилась в полнейшем застое вплоть до освобождения крестьян. Протекционизм

не только не развивал, но скорее убивал наше железоделательное производство, приводя к повышению цен на железо и к полному застою техники. После освобождения крестьян, в период почти полного отсутствия тарифной охраны, чугуноплавильное производство развивалось, хотя и очень медленно. Наконец, со второй половины 80-х годов начинается поразительно быстрое развитие этого производства. Наши протекционисты видят причину медленности роста выплавки чугуна в 60-х и 70-х гг. в отсутствии таможенной охраны. По их мнению, если бы наше правительство тарифами 1857 и 1868 гг. не свернуло с истинного пути протекционизма и не сделало некоторых опасных уступок «либералам»-фритредерам, то в настоящее время Россия, по степени развития своей промышленности, представляла бы собой чуть ли не вторую Америку. Но почтенные апологеты крупного капитала упускают из виду, что беспошлинный привоз в Россию рельс и железнодорожных принадлежностей благоприятствовал быстрой постройке сети железных дорог, а именно, в расширении нашей железнодорожной сети и *заключается главнейшая причина развития нашей промышленности.*

Доказательством того, что новейший промышленный подъем вызван *не только* таможенными переменами, является его общий характер. Бумаготкацкая промышленность от них нисколько не выиграла, так как и до этих перемен пошлины на большинство хлопчатобумажных тканей (особенно низших сортов) имели почти запретительный характер. Известно, что коренной недостаток протекционизма заключается в том, что, «поощряя» одну отрасль промышленности, он задерживает развитие других. Так и в данном случае. В 1887 г. была повышена пошлина на хлопок-сырец и на бумажную пряжу. Повышение обложения хлопка содействовало росту хлопководства в наших среднеазиатских владениях, но могло только затруднить развитие бумагопрядения и ткачества. А повышение обложения пряжи должно было неблагоприятно повлиять на бумаготкацкую промышленность. Тарифом 1891 г. пошлина на хлопок еще повышена; тем не менее, хлопчатобумажное производство продолжало, хотя и с колебаниями, расти. Быстрый рост производства отмечается во всех отраслях промышленности в таблице на стр. 342 (в настоящем издании стр. 265. — *Ред.*).

Чем же вызывается этот рост? Главнейшим моментом его явилось, как уже сказано, *коренное изменение условий транспорта* под влиянием постройки сети железных дорог. Влияние расширения железнодорожной сети на развитие товарного обмена вряд ли может быть преувеличено. Всякая новая железнодорожная линия есть новый обширный рынок, открывающийся для русской промышленности, так как рынком для товаров могут служить только другие товары. В другом месте (в книге «Промышленные кризисы») я подробно развивал теорию рынков, которая мне кажется единственно возможным базисом для построения общей теории капиталистического процесса. Согласно этой теории, капиталистическое производство само создает для себя рынок. Единственным условием, требующимся для создания нового рынка, является пропорциональное распределение производства. Правда, это единственное условие составляет вместе с тем чрезвычайно важное препятствие для роста капиталистического производства, ибо полная пропорциональность

распределения производства недостижима в капиталистическом хозяйстве, и даже достижение той грубой и несовершенной пропорциональности, которая требуется, чтобы рост капиталистического производства не прекратился, встречает значительные затруднения. Однако, в одном случае затруднения эти чрезвычайно сокращаются. Это именно тогда, когда капиталистическое производство растет в среде натурального хозяйства. Представим себе, например, что общественное производство слагается из двух отраслей производства: производства сукна и производства хлеба. Если продукты обеих отраслей предназначаются исключительно для сбыта, то в таком случае равенство спроса и предложения обоих товаров, устойчивость их цен возможны лишь в случае пропорционального изменения размера производства каждого продукта. Для того, чтобы нашелся добавочный рынок для удвоенного количества сукна, нужно соответствующее увеличение производства хлеба. Если же производство сукна вырастет без соответствующего роста количества производимого хлеба, то цена сукна понизится — произойдет перепроизводство сукна. Так как производители сукна и хлеба не находятся ни в каком соглашении друг с другом и не могут контролировать производства своих товаров, то нет основания ожидать, чтобы расширение производства сукна сопровождалось пропорциональным расширением производства хлеба. Правда, цена является регулятором капиталистического производства и восстановляет, в конце-концов, известного рода грубую пропорциональность в капиталистическом хозяйстве. Но регулятор этот весьма несовершенен и восстановление пропорциональности нередко достигается путем сокращения производства. В случае непропорционального роста производства сукна последует падение его цены, и производство сократится. Неорганизованность производства явится, таким образом, прямым тормозом его роста.

Предположим теперь, что суконное производство имеет капиталистический характер и продукты его предназначаются для сбыта, в то время как в земледелии преобладает натуральное производство. В этом случае рост суконного производства отнюдь не требует соответствующего роста изготовления земледельческих продуктов. Для того чтобы расширился сбыт сукна, необходимо, чтобы земледелец в силу тех или иных причин стал обменивать большую часть своего хлеба на сукно. Эта необходимость обмена возрастающего количества хлеба на сукно может возникать из самых разнообразных причин: например вследствие упадка домашней промышленности, доставлявшей крестьянину предметы одежды. Рост суконного производства может при этом совершаться при отсутствии роста общей суммы производимых земледельческих продуктов; рынок для сукна будет возрастать вследствие того, что все большая часть земледельческих продуктов будет вовлекаться в обмен, хотя общая сумма производства земледельческих продуктов будет оставаться стационарной или даже падать.

Далее, в случае преобладания натурального хозяйства природные производительные силы страны остаются на низкой ступени развития, остаются мало использованными населением. Поэтому они допускают значительное расширение производства. Так, например, пока население редко и хлеб производится преимущественно для собственного потребле-

ния, производство земледельческих продуктов в случае надобности (а такая надобность возникает, например, при расширении сферы меновых отношений) легко может быть увеличено. Расширение производства хлеба, как товара, поступающего в обмен на сукно, не наталкивается в этом случае на такие препятствия, как расширение капиталистического земледелия в странах старинной культуры.

Эти два момента: 1) возможность роста товарного обмена при стационарном или даже сокращающемся производстве и 2) большая легкость расширения производства, в силу чисто естественных условий, и составляют основные преимущества капиталистической промышленности в молодых странах с преобладающим натуральным хозяйством сравнительно с капиталистической промышленностью старых капиталистических стран. По этой причине условия рынка несравненно больше благоприятствуют росту капиталистической промышленности в России, чем в старых капиталистических странах Запада.

Сравним, для примера, действие новой проводимой линии железной дороги в России и в Англии. В России новая железнодорожная ветка открывает новый рынок для капиталистической промышленности. Крестьяне, жившие в районе этой ветки, быть может, раньше не покупали фабричных продуктов; теперь же они получают возможность приобретать эти продукты в обмен на свои изделия. Тот рынок, которого Англия ищет за тысячи верст в отдаленных странах Африки или Азии, открывается для русского фабриканта в непосредственном соседстве, благодаря проведению новой железнодорожной линии.

Напротив, в Англии новая железнодорожная линия не открывает никакого нового рынка, ибо население соответствующего района и раньше участвовало в товарном обмене. Капиталистическая промышленность старой капиталистической страны может расти, так сказать, только за свой собственный счет, в то время как юный капитализм растет и за счет других, вытесняемых им, форм хозяйства.

Именно в этом различии и лежит ключ к пониманию того перемещения капитала из старых стран в новые страны, которое является таким могучим фактором распространения капиталистического способа производства по всему земному шару. У нас долгое время господствовало представление, будто росту капиталистического способа производства в России препятствует недостаток рынка. Этот взгляд является типичным примером, к каким несообразностям может приводить плохо понятая теория. Теоретическим опровержением этого взгляда является теория рынков, основания которой изложены выше. Фактическим же опровержением его является общеизвестный факт притока в Россию иностранных капиталов. Действительно, если бы в России рынок для продуктов капиталистической индустрии был ограниченнее, чем в Западной Европе, то поток капиталов должен был бы направляться из России в Западную Европу, ибо капитал, как и всякий товар, ищет наиболее выгодного рынка. Высокая норма прибыли, господствующая в России, является неоспоримым доказательством несостоятельности вышеназванного взгляда. Только крайняя степень доктринерства, игнорирующего

реальные факты жизни, могла вызвать мнение об отсутствии рынка для продуктов капиталистической индустрии в той стране, в которой барыши крупных капиталистов промышленных предприятий достигают иногда 100% в год (как это имело место по отношению к некоторым металлургическим заводам Донецкого бассейна) и где 20% дивиденда не представляют ничего исключительного для акционерных предприятий. Не подлежит ни малейшему сомнению, что ни в одной европейской стране рыночные условия не складываются так благоприятно для роста капиталистической промышленности, как в России, и доказательством этого является то, что ни одна европейская страна не представляет собой такого заманчивого места для помещения иностранных капиталов, как Россия. Высокая норма прибыли в России непререкаемо свидетельствует об обширности русского рынка.

Эта высокая норма прибыли всегда соответствует первым шагам капиталистического производства и зависит, главным образом, от того, что пока капиталистическое производство не становится господствующей формой промышленности, до тех пор прибыль капиталистического производителя заключает в себе долю ценности, извлекаемой не только из производственного процесса (как в развитом капиталистическом хозяйстве), но также и из процесса продажи. Так, например, огромные барыши наших металлургических заводов основываются не на крайней эксплоатации занятых в металлургических заводах рабочих (или, по крайней мере, не только на этой эксплоатации), но, главным образом, на крайней эксплоатации покупателя. Население обложено своего рода данью в пользу немногих крупных капиталистов, — в этой дани, платимой всеми покупателями, без различия класса и общественного положения, кроется источник этих колоссальных барышей. Но откуда же возникает необходимость для покупателя уплачивать эту дань? Почему цена на чугун так мало соответствует его относительной трудовой ценности? Потому что количество чугуна, имеющегося на русском рынке, слишком мало сравнительно со спросом на этот продукт. Предложение продуктов нашей капиталистической индустрией далеко не достигает спроса — рынок слишком мало заполнен этими продуктами, — это дает возможность продавать эти продукты по цене, дающей огромные барыши.

Русский промышленный капитал питается не только соками эксплоатируемых им рабочих, но и соками других, не-капиталистических производителей, прежде всего земледельца-крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по цене вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвуют в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлургических заводов, чем их собственные рабочие.

В этой возможности стричь овец, так сказать вдвойне жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов. В России продавец-капиталист находится в привилегированном, монопольном положении, которое не может не утратиться с дальнейшим ростом капиталистического производства. Рынок для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнее в таких странах, в которых, как в России, при обилии

естественных богатств масса населения еще не порвала с прежними архаическими формами хозяйства.

Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени. В нашей металлургической промышленности повторяется теперь то же, что раньше имело место в других отраслях производства, освободившихся теперь от владычества иноземного капитала и ставших достоянием «отечественных» капиталистов. Наиболее прочно укоренившеюся отраслью капиталистической индустрии может считаться у нас хлопчатобумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы и др.) выступают, обыкновенно, во главе «всероссийского» купечества во всех тех случаях, когда наш отечественный торговопромышленный капитал обращается за какой-нибудь новой поддержкой к государству. Однако, и в этой, казалось бы, вполне национальной отрасли нашего капитализма пионерами и «насадителями» явились те же иностранцы. Не восходя уже в глубь времен, к началу нашей хлопчатобумажной промышленности в конце прошлого века, еще так недавно полновластным владыкой хлопчатобумажного прядильно-ткацкого производства был немецкий выходец Л. Кноп. В интересной брошюре «Контора Кноп и ее значение» (Спб. 1895) сообщается много весьма любопытных подробностей о совершенно исключительной роли этой конторы в нашем мануфактурном мире в течение нескольких десятилетий. Контора Кноп была долгое время почти единственным посредником по приобретению из Англии хлопчатобумажных прядильно-ткацких машин, и на этом основалось ее значение. Почти все хлопчатобумажные фабрики центрального промышленного района России были выстроены конторой Кноп, владелец которой скоро сделался важнейшим акционером целого ряда фабрик.

Устройство и оборудование новых фабрик производилось при посредстве этой конторы весьма просто. Процесс заказа и сооружение фабрики, обыкновенно, происходили так:

«Надумал фабрикант строить ту или иную фабрику, — читаем в названной брошюре, — и является с почтительным видом в контору, куда уже ранее наведывался, будут ли с ним иметь дела и впредь. Одного его имени конторе достаточно, чтобы тотчас справиться: какая у него фабрика, не было ли провинности по отношению конторы, сколько у него и у его жены денег, где положены, сколько его фабрика приносит дохода или убытка. Само собою разумеется, что такой фабрикант удостоится приема только в том случае, когда справка благоприятна».

«Окончательные переговоры вел сам Роман Романович (управляющий конторой) и окончательная резолюция его выражалась словами: «Хорошо, мы тебе построим фабрику». Обрадованный фабрикант в таких случаях иногда осмеливался заметить, что он-де слышал о кое-каких новостях или усовершенствованиях и просит, чтобы это было введено в новую фабрику, но всегда получал сердитый ответ: «Это не твое дело, в Англии лучше тебя знают».

«Таким образом, фабрика заказана, заказчик получал свой номер в списках конторы, и тогда контора сообщала своему агентству в Англии, что для такого-то номера в России следует оборудовать такую-то фа-

брику... Получив из Англии все чертежи и указания как по расположению машин и орудий, так и по их движению, контора отсылает их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручают все это вновь назначенному ею же самою директору... Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директора и механиков фабрик, но и от конторы Кноп. По делам своим они переписывались лично каждый со своим заводом» [1].

Кроме участия в качестве пайщика или акционера во многих фабриках, фирма Кноп имеет свои собственные, в том числе первую в России по технической высоте и размеру производства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словам Шульце-Геверница, Кренгольмская бумагопрядильня — величайшая в свете. Она имеет более 400 000 веретен и представляет собой, по словам того же автора, «уголок Англии на русской почве» [2]. Шульце-Геверниц полагает, что издержки производства в Кренгольме не выше, чем на германских фабриках. Вообще кренгольмская мануфактура в техническом отношении не уступает лучшим германским бумагопрядильням.

Все эти факты приводят Шульце-Геверница в несколько восторженное состояние, и он помещает в своих содержательных этюдах о русской промышленности настоящий дифирамб Кнопу, видя в его деятельности опровержение мнения Ницше об измельчании современной породы людей. Но даже при вполне хладнокровной оценке роли Кнопа нельзя не признать эту роль весьма выдающейся в деле «европеизирования» нашего доморощенного, грубого и неповоротливого капитализма. Англичане, которых выписывал Кноп, сыграли роль шведов, которые учили русское войско победам. Московские фабриканты и русские техники мало-по-малу начинают усваивать высшую капиталистическую культуру, представителями которой на русской почве являлись полуграмотные и пьянствовавшие кноповские мастера-англичане, и фирма Кноп утратила свое полновластное владычество в главной твердыне нашей национальной промышленности — хлопчатобумажной индустрии.

Металлургическое производство юга является самым новейшим продуктом нашего капитализма, и здесь еще полновластно царят иностранцы. Без помощи иностранного капитала криворожским рудам еще долго пришлось бы мирно покоиться под черноземными полями Приднепровского края. Точно так же в металлургическом деле Донецкого бассейна пионером является англичанин Юз, стоящий и поныне во главе железоделательной промышленности южного района. Чем энергичнее будет притекать в Россию иностранный капитал, тем скорее мы выйдем из теперешнего состояния превышения спроса на продукты капиталистической промышленности сравнительно с предложением их. Наш рынок слишком мало еще использован капитализмом и потому опасаться хро-

[1] «Контора Кноп и ее значение», стр. 35, 36, 39.

[2] *Шульц - е ернщ,* Крупное производство в России. Перевод Б. А. Авилова. 1899, стр. 39.

нического перепроизводства, которое одно время выступило грозным призраком на западноевропейском горизонте, нет никаких оснований.

Правда, прилив иностранных капиталов покончит в более или менее близком будущем с той своеобразной и приятной для пораженного ею больного болезнью, которую Роза Люксембург метко назвала «гипертрофией прибыли». Этой болезнью наш отечественный капитал страдает так давно, что ее стали считать почти неизлечимой. Современный кризис и падение цен железа начинают, однако, подавать надежду на прекращение этой болезни. Во время летнего совещания горнопромышленников юга с министром земледелия и государственных имуществ горнопромышленники заговорили о перепроизводстве в России железа и необходимости поддержать их барыши при помощи средства, так удачно действующего в сахарной промышленности, — нормировки производства и вывозных премий. Но можно быть уверенным, что государство откажет в своей помощи мерам, направленным к поддержанию цены железа на теперешней ее ненормальной высоте, ибо, во-первых, казна сама является крупнейшим потребителем железа, а во-вотрых, дороговизна железа, как хорошо известно нашему финансовому ведомству, является одним из могущественных тормозов нашего промышленного развития. Нормировка чугуноплавильного производства явилась бы существенной задержкой дальнейшего роста нашей промышленности, и потому вожделения горнозаводчиков не могут рассчитывать на удовлетворение.

Вернемся, однако, к статистической характеристике промышленных успехов последнего десятилетия. Еще не так давно в нашей прогрессивной печати господствовали самые странные теории относительно характера нашего промышленного развития. Так, целый ряд писателей — гг. В. В., Николай — он, Карышев, Каблуков и др. — отстаивали с большим жаром поразительное положение, будто число фабричных рабочих в России по отношению ко всему населению (г. Каблуков утверждал даже, что и абсолютно) падает. По обыкновению, припутали Маркса и приписали ему чудовищный закон, по которому рост промышленности сопровождается уменьшением доли населения, занятого промышленным трудом (причем, однако, забывали указать, какие доли населения растут на счет этой падающей доли промышленных рабочих). В первом издании «Русской фабрики» я должен был отвести не мало места опровержению этого вполне самобытного тезиса. Я указал (и надеюсь, доказал), что в основании его лежит целый ряд статистических ошибок. Г. В. В. сравнивал за разные годы данные, относившиеся к различным группам фабричных рабочих. Гг. Николай — он и Карышев сравнивали с числом фабричных рабочих за новейшие годы данные, выражавшие за прошлые годы число фабричных рабочих *плюс* горнозаводские *плюс* кустари. Но всех превзошел г. Каблуков, поместивший на стр. 12 своей книги «Об условиях развития крестьянского хозяйства» две цифры фабричных рабочих в 1865 г., расходившиеся более чем на 100 процентов, и не заметивший противоречивости этих цифр. Дальше идти было некуда.

Быть может, по этой причине после появления книги г. Каблукова полемика по данному вопросу затихла, и главный автор означенного тезиса, г. В. В., в весьма недвусмысленных выражениях отказался от

него в «Сыне отечества» и признал ошибку Николай — она. Ввиду этого я не считаю себя обязанным воспроизводить перед читателем мою полемику по данному вопросу с г. Николай — оном, которая имелась в первом издании настоящей работы [1], ибо спор наш повидимому кончен, и названный тезис может считаться окончательно опровергнутым.

Действительно трудно было бы поддерживать этот тезис ввиду тех цифр о росте наших фабрично-заводских рабочих, которые были приведены выше на стр. 342 *. Прирост рабочих за десятилетие 1887—1897 гг. определяется, на основании этих данных, следующими цифрами:

Группы производств	В процентах
Волокнистые вещества	+ 69
Питательные продукты	+ 24
Животные продукты	+ 66
Обработка дерева	+181 [2]
Писчебумажные производства	+137
Химические производства	+ 67
Керамические производства	+113
Горная и горнозаводская промышленность	+ 39
Металлические изделия	+1 7
Производства, не вошедшие в предыд. группу	+ 58
Итого по всем группам	+ 59

Эти цифры не требуют комментариев. Нет ни одной группы производства, в которой бы процент прироста рабочих не был значительно — иногда во много раз — выше процента прироста населения (население Российской империи за десять лет должно было возрасти, приблизительно, процентов на 13—15).

Но цифры фабрично-заводских и горных рабочих еще отнюдь не исчерпывают числа рабочих, занятых в крупном производстве. Прежде всего к ним следует присоединить рабочих, занятых в чрезвычайно важной отрасли нашей капиталистической индустрии, которой принадлежит руководящая роль в развитии нашего капитализма вообще, — в железнодорожном транспорте. Получаем следующие цифры:

Годы	Число горнозаводских и фабрично-заводских рабочих	Число рабочих на железных дорогах [3]	Итого	Прирост
1887	1 318 048	218 077	1 536 125	
1897	2 098 262	414 152	2 512 414	64%

Средний ежегодный прирост рабочих в крупном капиталистическом производстве и железнодорожном транспорте почти достигает, таким

[1] Интересующегося читателя отсылаю к первому изданию «Русской фабрики», прениям в Вольно-экономическом обществе по поводу моего доклада, изданным под заглавием «Статистические итоги развития русской промышленности», и моим двум полемическим статьям по поводу «Русской фабрики» в 1-й, 2-й и 3-й книжках «Начала» (1899).

* В настоящем издании стр. 265. — *Ред.*

[2] Сильное увеличение числа рабочих по обработке дерева объясняется увеличением регистрации в 1896 г. лесопильных заводов.

[3] По «Статистическому сборнику министерства путей сообщения», вып. LVII. Рабочие на Закаспийской дороге не включены в итог.

образом, за десятилетие 1887—1897 гг. 6½% в год (т. е. раз в пять выше процента прироста населения).

Если вспомнить, что наибольший рост нашей промышленности происходил за два последних года (после 1897 г.), то нужно признать, что к настоящему времени число рабочих в крупном производстве и железнодорожном транспорте приближается, по официальным данным, к 3 миллионам; но так как официальные данные о числе рабочих, как давно известно и как определенно указывается в последнем «Своде», далеко отстают от действительности, то действительное число рабочих на фабриках, заводах, рудниках и железных дорогах должно теперь значительно превосходить 3 миллиона. Но, разумеется, эта цифра далеко не выражает собой всего числа рабочих в крупном капиталистическом промышленном производстве вообще, так как в нее не входят рабочие в строительном производстве: штукатуры, плотники и пр., число которых должно быть громадно (вероятно, более миллиона), рабочие в водном и сухопутном нежелезнодорожном транспорте, по нагрузке судов, рабочие на рыболовных тонях и многие другие.

Имея в руках эти данные, странно вспомнить то еще очень недавнее время, когда мои гораздо более скромные расчеты вероятного прироста фабричных рабочих вызывали такое ожесточенное отрицание. Действительность далеко превзошла мои ожидания.

То же следует сказать и по другому вопросу, по которому мне приходилось полемизировать с г. Карышевым — по вопросу о концентрации производства. И эту полемику я не воспроизвожу в настоящем издании ввиду того, что г. Карышев, выступивший в «Русском богатстве» (№ 11, 1894 г., «Народнохозяйственные наброски») с утверждением, что у нас наблюдается не концентрация, а раздробление производства, впоследствии сам отказался от этого тезиса (ср. его статью в «Известиях Московского сельскохозяйственного института», 1898, кн. I — «Материалы по русскому народному хозяйству»). Г-н. Карышев вдался даже в противоположную крайность: при помощи столь же неудачных статистических сопоставлений, на основании которых он в 1894 г. утверждал огромный рост мелких фабрик, он стал в 1898 г. утверждать, будто в России происходит «значительное сокращение числа мелких фабрик» и будто число фабрик в России быстро падает.

И в том и в другом случае г. Карышев был одинаково неправ. Само собой разумеется, что он грубо заблуждался, когда утверждал, что «размножение числа промышленных единиц направилось (в России), главным образом, в сторону развития мелкого типа предприятий, расширение размера крупных заметно начало приостанавливаться, и в результате получилось мельчание средних размеров производства» («Русское богатство», № 11, 1894 г., стр. 25). Но и новейшие его утверждения столь же далеки от истины. Изменение средних цифр рабочих или суммы производства на одну фабрику не дает правильного представления о размерах концентрации в тех случаях, когда эти средние слагаются из весьма разнородных величин.

Единственное средство поближе подойти к занимающему нас вопросу — это не довольствоваться выводом «средних», а разбить производство на группы приблизительно сходных по размерам предприятий

и посмотреть, как изменяется каждая группа за соответствующие годы. Работа эта очень кропотливая, так как приходится суммировать длинные ряды цифр рабочих на отдельных предприятиях. Нижеследующие данные относятся к хлопчатобумажному производству.

Хлопчатобумажные фабрики, имеющие более 100 рабочих, в пятидесяти губерниях Европейской России [1]

Годы	Разряды фабрик. По 5 тыс. рабочих и более		От 1 до 5 тыс. рабочих		От 500 до 1 тыс. рабочих		От 100 до 500 рабочих		Всего	
	число фабрик	число рабоч.	число фабрик	число рабоч.	число фабрик	число рабоч.	число фабрик	число рабоч.	число фабрик	число рабоч.
1866	—	—	26	40 844	27	18 059	115	23 097	168	82 004
1879	1	8 946	40	83 583	44	32 591	118	28 212	203	153 332
1894	8	54 981	60	119 013	48	33 462	108	27 050	224	234 506

Эта таблица бросает яркий свет на внутренние изменения нашей хлопчатобумажной фабричной промышленности по мере ее роста. Читатель видит, что число рабочих, занятых на крупных хлопчатобумажных фабриках, возросло за 28 лет почти в три раза, а число самих фабрик увеличилось менее чем на 50%. При этом число наименее крупных фабрик (от 100 до 500 рабочих) несколько сократилось, а сумма занятых на них рабочих немного возросла. Более значителен рост фабрик с 500—1 000 рабочих; число их и сумма занятых на них рабочих возросли больше чем в полтора раза. Крупные фабрики, от 1 до 5 тысяч рабочих, по своему числу более чем удвоились, а по количеству рабочих почти утроились. Наконец, огромных фабрик с 5 тысячами рабочих и более в 1866 г. совсем не было, в 1879 г. такая фабрика была только одна, а в 1894 г. их было уже восемь. Количество рабочих на крупных фабриках за 15 лет—1879—1894 гг. — *увеличилось более чем в шесть раз.*

В 1866 г. на долю фабрик, имеющих более 1 000 рабочих, приходилось 49% всего числа рабочих, в 1897 г. — 60%, а в 1894 г.— 74%. На долю средних и мелких фабрик, имеющих менее 500 рабочих, в 1866 г. приходилось 28% общей суммы рабочих, в 1879 г. — 18%, в 1894 г. — 12%. Концентрация производства шла настолько энергично и быстро, что в 1894 г. на 68 крупных фабриках было почти втрое более рабочих, чем на 156 остальных.

К сожалению я не мог настолько же детально анализировать изменение размера фабрик в других производствах. Концентрация производ-

[1] Составлена для 1866 и 1879 гг. по данным П. Масленникова. — «К вопросу о развитии фабричной промышленности в России». («Записки императорского русского географического общества, по отделению статистики», т. VI). Для 1894 г. — по «Перечню фабрик и заводов в России», Спб. 1897 г. Подсчет фабрик и рабочих по «Перечню» сделан для меня А. М. Роговиным. Необходимо оговориться, что общие итоги «Перечня» не вполне сравнимы с итогами обычной фабрично-заводской статистики, так как в «Перечне» многие фабрики совсем пропущены, и вообще общая сумма рабочих значительно уменьшена. Но для сравнения распределения рабочих по отдельным группам эти данные все же годятся, так как указанные пропуски касаются, главным образом, мелких фабрик, не включенных в приводимую в тексте таблицу.

ства во всех важнейших отраслях нашей капиталистической промышленности, во всяком случае, не подлежит сомнению. Вот, например, данные о концентрации углепромышленности юга России [1].

Добыча угля (в сотнях вагонов) копями, отправляющими в год

Годы	Вся добыча каменного угля в сотнях вагонов	5 тысяч вагонов и более	5—1 тысяч	1 тыс. до 300 вагонов	300—100 вагонов	100—30 вагонов	Менее 30 вагонов
1882—1883	891	388	344	112	27	7	3
1883—1884	961	446	362	112	31	8	2
1884—1885	1 078	535	379	173	22	7	1
1885—1886	1 298	605	547	113	27	5	2
1886—1887	1 430	713	423	207	57	26	6
1887—1888	1 458	713	473	193	43	27	9
1888—1889	1 911	1 011	573	181	89	44	14
1889—1890	1 969	1 123	504	170	122	40	10
1890—1891	2 061	1 434	293	153	138	37	6
1891—1892	2 533	1 948	207	234	105	32	6
1892—1893	2 801	2 184	260	253	69	32	4
1893—1894	2 147	2 481	286	268	88	20	4
1894—1895	3 348	2 641	358	233	87	24	5

В 1882—1883 гг. добыча угля на крупных копях с производством более 5 тысяч вагонов в год составляла немного более 40% всей годовой добычи, а в 1894—1895 гг. — уже 79%. За 13 лет—1882—1894 гг. добыча угля на крупных копях возросла почти в семь раз, на средних копях (1—5 тысяч вагонов в год) осталась почти без перемены, на мелких (менее 1 тысячи вагонов) увеличилась немного больше чем в два раза. В 1882—1883 гг. мелкие копи поставляли 17% всей годовой добычи угля, а в 1894—1895 гг. — только 10%.

Некоторое представление о концентрации производства в нашей фабрично-заводской промышленности вообще может дать таблица (см. стр. 377 *), заимствованная мною у г. Ильина [2].

Из этой таблицы видно, как энергично шла концентрация производства в течение всего рассматриваемого времени. Быстрее всего росли и по числу, и по количеству рабочих, и по сумме производства огромные фабрики, имевшие более 1 000 рабочих. В 1866 г. на этих фабриках находило занятие 27% всего числа рабочих на крупных фабриках, в 1879 г. — 40%, в 1890 г. — 46%.

В 1879 г., по расчету г. Ильина, крупные фабрики, имевшие не менее 100 рабочих, составляли 4,4% всех промышленных предприятий, регистрируемых как «фабрики и заводы» нашей фабричной статистикой; на долю этих крупных фабрик приходилось 66,8% всего числа фабрично-заводских рабочих. В 1890 г. крупные фабрики составляли уже 6,7% всех «фабрик» «и заводов» и на их долю приходилось 71,1% всех фабрично-заводских рабочих.

---

[1] «Вестник финансов», № 51, 1895 г.

* Повидимому стр. 380, а в настоящем издании стр. 294. Таблица составлена Туган-Барановским по данным таблицы из книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (Соч., т. III, изд. 2-е, стр. 397. — *Ред.).*

[2] «Развитие капитализма в России», Спб. 1899, стр. 403. (Соч. В. И. Ленина, изд. 2-е, т. III, стр. 397. — *Ред.).*

К сожалению, для самого новейшего времени нельзя привести столь же детальных данных о ходе концентрации производства. Приходится довольствоваться грубым сравнением изменения среднего количества рабочих на одно промышленное предприятие по материалам «Свода данных о фабрично-заводской промышленности за 1897 г.».

Род производства	Среднее число рабочих на 1 промышленное предприятие	
	1887 г.	1897 г.
Обработка волокнистых веществ	140	144
Питательные вещества (без мукомольного произв.)	19	20
Животные продукты	8	15
Писчебумажное производство	81	86
Химическое производство	36	46
Керамическое производство	28	42
Горная и горнозав. промышленность	147	160
Металлические изделия	75	89
Произв., не вошедш. в предыдущ. группы	54	71
Все роды произв. (кроме мукомольного)	50	62

Во всех отраслях производства констатируется рост рабочих на одно предприятие, что указывает на концентрацию производства [1].

Предприятия в 50 губерниях Европейской России с оборотом [2]

Годы	1 миллион рублей и более		От 1 млн. до 2 0 тыс. рублей		От 250 тыс. до 150 тыс. рублей		От 100 тыс. до 10 тыс. рублей		Менее 1 тысячи рублей		Всего	
	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)	Число предприятий	Год. оборот (в млн. руб.)
1886	561	2 465	1 850	787	4 194	580	44 489	1 117	65 517	250	116 611	5 198
1887	645	3 560	2 055	912	4 414	612	45 157	1 136	68 661	257	120 932	6 476
1888	741	3 972	2 163	931	5 577	629	48 055	1 191	71 058	276	126 594	6 999

О значении крупного и торгового и промышленного капитала в нашем торгово-промышленном обороте вообще можно судить из нижеследующих любопытных цифр, относящихся к гильдейским торговым и промышленным предприятиям, не обложенным акцизом.

---

[1] Как ни плохо обработаны данные «Свода», все же они могут служить для общего ориентирования в направлении нашего промышленного развития. Но, разумеется, большого доверия к данным подобного рода как к показателю степени концентрации иметь нельзя.

[2] По «Статистическим результатам раскладочного и трехпроцентного сборов» за соответствующие годы. К сожалению, группировка предприятий по размерам оборотов после 1888 г. прекращена, почему можно сделать сравнение только за трехлетие.

Крупные фабрики Европейской России, имеющие не менее 100 рабочих, по 71 производству, о которых существуют сведения за 1866 г.

Годы	Фабрика с 1 000 и более рабочих				Фабрика с 500—999 рабочими				Фабрика с 100—499 рабочими				Всего			
	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тысячах рублей	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тысячах рублей	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тысячах рублей	Число фабрик		Число рабочих	Сумма произв. в тысячах рублей
	Всего	Из них с паровыми двигателями			Всего	Из них с паровыми двигателями			Всего	Из них с паровыми двигателями			Всего	Из них с паровыми двигателями		
1866	42	35	62 801	52 877	90	68	59 867	48 359	512	204	109 061	99 830	644	307	231 739	201 066
1879	81	76	156 760	170 533	130	119	91 887	117 830	641	354	141 727	201 542	852	549	390 374	489 905
1890	99	99	213 333	253 130	140	140	94 305	148 546	712	455	156 699	186 289	951	694	464 337	587 965

Из этих цифр можно составить вполне определенное представление о строе нашей торговли и промышленности. Обороты огромных предприятий с годовым оборотом более 1 млн. руб. каждое достигали в 1886 г. 47% всех оборотов гильдейских предприятий, а в 1888 г. — 55%. Число таких предприятий составляло около ½% всех гильдейских предприятий. Средние и мелкие предприятия, с оборотом менее 100 тыс. руб. в год, по своей численности составляли более 90% всего числа предприятий; между тем, оборот их не превышал в 1886 г. 26% всех торговых оборотов гильдейских предприятий, а в 1888 г. — 21%. На долю ничтожного числа миллионных предприятий приходится более половины всего гильдейского торгового оборота.

Все эти данные достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что вопрос о том, «быть или не быть» капитализму в России, давно решен жизнью. Быстрые успехи капиталистической индустрии в России за самое последнее время (особенно во второй половине 90-х годов) не представляют собой ничего удивительного. Как я говорил выше, Россия, во многих отношениях, представляет крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности. Огромные и далеко еще не исчерпанные и даже почти не обследованные минеральные богатства, эксплоатация которых на юге России началась только на наших глазах; колоссальная территория, слабо заселенная и представляющая достаточный простор для внутренней колонизации; многочисленное население, быстро переходящее от натурального к денежному хозяйству и замкнутое таможенной системой в самодовлеющий рынок, мало доступный для капиталистической индустрии других стран, — все это создает такие благоприятные условия для русской капиталистической промышленности, которых лишена любая капиталистическая страна Западной Европы. Казалось бы, — где и развернуться капитализму, как не в России? Факт развития в России капиталистического хозяйства кажется настолько естественным, что он почти не требует объяснения.

Гораздо труднее объяснить, — почему успехи русского капитализма до последнего времени были так невелики? Почему Россия и теперь так далеко отстает от всех других капиталистических стран? Словом, что задерживает рост нашего капитализма?

Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру, но он и предполагает культуру. Так, бросается в глаза низкая степень производительности труда в России. Несмотря на то, что русский рабочий получает гораздо меньше западноевропейского, труд в России обходится едва ли не дороже, чем на Западе. Шульце-Геверниц, внимательно изучивший этот вопрос, приходит к заключению, что еще и теперь по отношению к русской промышленности остается справедливым замечание Гакстгаузена — «рабочие руки дороги в России» («La main d'oeuvre est chère en Russie») [1]. Так, например, по словам Шульце-Геверница, в Англии на 1 000 веретен приходится 3 рабочих, в России же, по расчету Менделеева, — 16,6 рабочих. Поэтому, получая в 4 раза высшую плату, английский рабочий обходится дешевле фабриканту, чем

[1] «Крупное производство в России», стр. 93.

русский рабочий. «Все компетентные люди, — говорит тот же автор, — считают главной причиной медленной эксплоатации выдающихся естественных богатств России незысокое качество русского труда». Низкая заработная плата, длинный рабочий день и безгласность рабочего составляют отличительную черту строя русской промышленности сравнительно с Западом. Именно в этом и заключается одна из важнейших причин технической отсталости русской промышленности.

Невежество и безграмотность русского рабочего составляют не менее сильный контраст с интеллигентностью рабочего Запада. Столь же велико различие между русским и западноевропейским капиталистом в отношении предприимчивости, знания дела и готовности стать выше рутины. Дороговизна капитала в России есть также одно из следствий некультурности русской жизни, ибо иностранные капиталы быстро восполнили бы недостаток капиталов на русском рынке, если бы иностранных капиталистов не отпугивали многие особенности наших внутренних порядков. Административная регламентация и мелочные стеснения, на которые наша промышленность наталкивается на каждом шагу, вызывают огромное трение, которое существенно тормозит поступательный ход нашей промышленности.

Еще до настоящего времени сохранила свое полное значение та оценка условий русской жизни, задерживающих наше промышленное развитие, которая была дана более 40 лет тому назад величайшим русским экономистом Н. Г. Чернышевским в статье «Суеверие и правила логики» («Современник», 1859). Эти условия нашей общественной жизни Чернышевский определил одним словом «азиатство».

«Азиатство», а отнюдь не недостаток рынка, мешает нам подвигаться столь же быстро по пути промышленного прогресса, как, например, Германия.

Но хотя «азиатства» еще очень много в русской жизни, все же мы европейцы, и будущее принадлежит не «азиатству». Наша культурная отсталость уменьшается благодаря развитию того же капитализма. Никакие китайские стены не могут задержать проникновения к нам, вместе с западноевропейскими формами производства, и западноевропейской культуры. И, поэтому, наш прогноз таков: успехи русской капиталистической индустрии за последнее время являются только слабыми начатками того могущественного развития русского капитализма, которое предстоит в будущем.

ГЛАВА II

НОВЕЙШЕЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Проекты комиссии при с.-петербургском генерал-губернаторе и при министерстве финансов под председательством Штакельберга. — Отношение фабрикантов петербургских и центрального района к законодательной охране малолетних рабочих. — Отзывы разных лиц: Хлудовых, графа Баранова и других.— Проекты 70-х годов. — Постановление съезда машиностроителей 1875 г. — Закон 1882 г. — Последующие законы. — Связь их с промышленным кризисом 80-х годов. — Почему московские фабриканты противятся законодательному ограничению времени работы, а петербургские настаивают на таковом. — Ходатайство лодзинских фабрикантов 1891 г. — Отношение Московского общества содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности к нормировке рабочего дня. — Закон 2 июня 1897 г.

Новейшая история наших фабричных законов начинается с навсегда незабвенной эпохи 60-х годов.

С 1859 г. в канцеляриях различных ведомств стал усиленно разрабатываться вопрос о средствах недопущения к фабричной работе детей и ограничения рабочего дня несовершеннолетних. Особая комиссия при с.-петербургском генерал-губернаторе собрала в 1859 г. сведения о малолетних рабочих на петербургских фабриках и выработала «Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде». Эти правила по всему своему духу не имеют ничего общего с проектом Закревского (о котором я говорил в I части, глава V), хотя их разделяет промежуток всего в несколько лет. Проект Закревского имел вполне крепостнический характер; петербургский проект, напротив, блещет гуманностью и заботливостью об интересах рабочих.

Проект прежде всего указывает меры предосторожности, которые должны применяться фабрикантами для предупреждения несчастных случаев с рабочими, и предъявляет к фабрикантам различные гигиенические и санитарные требования. Квартиры рабочих должны быть опрятны, сухи, просторны, с температурой воздуха 13—15° по Реомюру, помещения для мужчин, женщин и детей должны быть отдельны.

Наибольшее значение имеет статья проекта, не дозволяющая принимать на фабричную работу детей моложе 12 лет и ограничивающая

рабочее время несовершеннолетних от 12 до 14 лет десятью часами в суткй. Ночная работа несовершеннолетних до 16-летнего возраста запрещалась. Для надзора за исполнением закона проект предполагал назначить особый инспекторат, имеющий право посещать фабрики во всякое время дня и ночи, требовать сведения о плате рабочим, условиях найма и пр. За неисполнение предписаний закона фабриканты уплачивают штрафы.

Этот любопытный проект интересен также и тем, что он был выработан при участии петербургских фабрикантов, трое из которых вошли в состав комиссии. С фактами такого рода нам придется считаться неоднократно и ниже: крупные петербургские фабриканты поддерживают многие меры законодательной охраны рабочих, в то время как московские и провинциальные фабриканты энергично им противодействуют.

Комиссия осмотрела петербургские фабрики, и оказалось, что на бумагопрядильных из 8 209 рабочих — 616 малолетних в возрасте 8—14 лет. На шести бумагопрядильнях работа шла днем и ночью, на шести — только днем. На последних как взрослые, так и дети работали по 14 часов в сутки. По словам комиссии, «дети показывали, что в последние часы работы, к вечеру, они бывают до того утомлены, что работают бессознательно, едва держатся на ногах и, возвращаясь домой, не в силах бывают ужинать, а спешат скорее заснуть» [1]. Неудивительно, что при такой непосильной работе «дети, работающие на бумагопрядильнях, вообще бледны, имеют вид изнуренный, малы ростом, так что 11- и 12-летним, пробывшим 2—3 года на фабрике, часто на вид нельзя дать более 7 или 8 лет».

Как же отнеслись к проекту комиссии петербургские фабриканты? Комиссия предложила бумагопрядильным фабрикантам два вопроса: 1) не находят ли они возможным не принимать на фабрику детей моложе 10 лет и 2) можно ли прекратить ночную работу малолетних. На первый вопрос шесть фабрикантов ответили утвердительно, пять — отрицательно. Против ночной работы малолетних высказались все бумагопрядильные фабриканты С.-Петербурга, кроме двух. Один фабрикант заявил, что «хорошо было бы на все фабрики без исключения наложить запрет ночью работать». По словам комиссии, «многие фабриканты сознают, что ночная работа не только вредна для здоровья детей и взрослых, но невыгодна для самого производства, потому что: 1) ночью нельзя иметь достаточного надзора за рабочими; 2) работники не имеют надлежащего внимания к работе; 3) произведения выделываются ночью хуже, чем днем, нитки на прядильнях обрываются чаще; 4) машины портятся скорее и служат меньшее время в тех фабриках, где действуют непрерывно; 5) ночная работа требует лишних издержек на отопление и освещение и 6) освещение фабрики ночью увеличивает опасность пожара» (Объяснительная записка, 57).

Правила о работе малолетних, выработанные комиссией, были сообщены всем директорам бумагопрядилен в С.-Петербурге и уезде,

---

[1] «Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде, 1860 г. Объяснительная записка», стр. 19.

а также директорам всех значительных ткацких фабрик. Возражение против правил комиссии последовало только от одного бумагопрядильного фабриканта.

Одиннадцать бумагопрядильных и ткацких фабрикантов обещали сократить работу на своих фабриках до требуемой комиссией нормы, «имея в виду, что в то же время последует совершенное запрещение столь вредной для рабочих вообще, для женщин и особенно для малолетних, ночной работы на всех бумагопрядильнях и ткацких в С.-Петербурге и уезде»». Этим одиннадцати фабрикантам принадлежало 494 640 веретен из 578 515 веретен на всех петербургских бумагопрядильнях [1].

Проект комиссии был предложен затем на рассмотрение владельцев других петербургских фабрик; из 22 фабрикантов только 4 не согласились с проектом. Таким образом, огромное большинство крупных петербургских фабрикантов находило для себя выгодным законодательное регулирование работы малолетних.

Так как рассматриваемый проект возник в эпоху либеральных веяний 60-х годов, то и правилам, выработанным комиссией, была придана самая широкая гласность. Проект был разослан губернаторам с просьбой собрать отзывы о нем всех компетентных и заинтересованных лиц. Для нас важны, главным образом, мнения фабрикантов. Петербургские фабриканты, как сказано, одобрили проект. Иначе отнеслись к нему провинциальные фабриканты.

Так, братья Хлудовы, владельцы одной из крупнейших бумагопрядилен России (Егорьевского уезда, Рязанской губернии), нашли крайне стеснительным предполагавшееся в проекте запрещение ночной работы для малолетних, ввиду того, что с прекращением детской работы должны остановиться занятия и взрослых рабочих. «Притом, — заявили Хлудовы, — дети, лишась заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать во вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере своей избы».

Как вам нравится эта фраза о «вредной праздности» детей до 12-летнего возраста и здоровом помещении фабрики? Нужно знать условия работы на наших фабриках того времени, весь ужас положения несчастных детей, лишенных всякой защиты и отданных в полное распоряжение фабриканта, заставлявшего их зарабатываться прямо на смерть, чтобы вполне оценить цинизм подобного заявления.

Тульские фабриканты и заводчики также не нашли возможным ограничивать работу малолетних старше 12 лет. «Применение этой меры, — говорили они, — с одной стороны, в высшей степени неблагоприятно отразится на ходе фабричной промышленности, а с другой — не принесет никакой пользы и малолетним, так как развитие сил их, при легкости работы, не может пострадать от ее продолжительности».

Опять подобная же циничная ссылка на интересы рабочих для оправдания вполне очевидных собственных интересов.

---

[1] «Проект. Объяснительная записка», стр. 59.

Тверской хлопчатобумажный фабрикант Шилов высказался против ограничения работы малолетних во имя «свободы народного труда». Этот аргумент, очевидно, был заимствован с Запада. Известно, как эксплоатировалась в интересах фабрикантского класса «свобода труда» буржуазными экономистами Западной Европы того времени.

Еще большую оппозицию со стороны фабрикантов встретило предположение комиссии учредить особый правительственный фабричный инспекторат. По мнению Хлудовых «надзор за фабриками должен быть вверен самим фабрикантам» (!!). Московские фабриканты Савва Морозов, Солодовников, Третьяков, Прохоров и др. увидели в предложении комиссии оскорбительное для их чести недоверие к фабрикантам. По их мнению, персонал, надзирающий за фабриками, должен быть подчинен мануфактурному совету, его московскому отделению и местным мануфактурным комитетам — иначе говоря, тем же фабрикантам. Тверские фабриканты высказались совершенно в том же смысле.

Известный владелец целого заводского округа, Мальцев, также признал назначение правительственной инспекции стеснительным для фабрикантов.

В особенности пугало всех фабрикантов предоставляемое инспектору право во всякое время дня и ночи посещать фабрику. «Фабрика есть дом трудолюбия, — заявляли тверские фабриканты, — ночная ревизия фабрик похожа на следствие и может подать повод ко всевозможным притеснениям со стороны ревизоров и даже материальным ущербам со стороны фабриканта... Под именем фабрик и заводов следует также разуметь дом, квартиру, гостиницу, судно, корабль и пр., где закон охраняет спокойствие трудящегося, отдыхающего, ликующего гражданина, знатного и незнатного, богатого и бедного. Что же такое фабрика и фабрикант? Неужели они суть место беззакония и личность, требующая внезапных следований?» — восклицают совершенно зарапортовавшиеся фабриканты.

Мануфактурный совет высказался совершенно в том же духе, как и фабриканты, — против правительственной инспекции фабрик.

Что касается отзывов административных лиц, то они были весьма разнообразны. Лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, барон Ливен, предлагал вообще запретить ночные работы. Напротив, владимирский губернатор был всецело на стороне фабрикантов. «Запрещение принимать малолетних на фабрики, — замечает он, — поставит их в положение непроизводительных членов семейства (это детей до 12-летнего возраста!). Если доселе чувство любви родительской не ограждало малюток от посылки на фабрику, то нет никакого основания предполагать, что запрещение приема на фабрику вдруг разовьет это чувство и побудит родителей содержать малолетков на своем иждивении... Напротив, естественно, что они будут употреблены на работы и ближе всего по той же отрасли промышленности, но только в заведениях, ускользающих от контроля, или на которые не распространяется запрещение. В настоящем случае такими заведениями будут ручные станки в светелках и избах... Остается только рассмотреть, легче ли и менее ли вредны для здоровья работы в светелках и избах, чем на фабриках? Люди, близко знакомые с делом, утверждают, что первые

несравненно тяжелее и вреднее для малолеток, чем работа на механических фабриках... При запрещении найма на фабрику малолетние увеличат собою только число работающих по найму в светелках и избах, а что те и другие и сырее и смраднее самых посредственных фабричных мастерских, в том не может быть ни малейшего сомнения для тех, кому хотя однажды случалось бывать в них во время работы».

Указание владимирского губернатора на то, что условия работы в кустарных мастерских еще хуже, чем на фабриках, было совершенно верно. Но отсюда следует вывод не о нежелательности ограничения работы малолетних на фабриках (как утверждал губернатор), а обратный — о необходимости распространить ограничительные правила для детской работы на все промышленные заведения как крупные, так и мелкие. Но для владимирского губернатора, защищавшего интересы фабрикантов, ссылка на кустарные заведения была только предлогом отклонить всякое вмешательство правительства в отношения фабрикантов к рабочим.

Любопытен отзыв тверского губернатора, графа Баранова, весьма характерный для рассматриваемой эпохи. Излагая мнение фабриканта Шилова, выступившего в защиту «свободного народного труда», граф Баранов делает следующие замечания: «Фабрикант хлопчатобумажный, следовательно протекционист, живущий не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающийся удержания ее на бесконечное время, возвышает голос о свободе народного труда! Такие тартюфовские приемы неизвинительны, потому что известно, что ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, а заботятся единственно о своем кармане. Если же их производства и разливают в народе деньги, то, очевидно, им тут хвастаться не следует, что они благодетели народа, они просто эксплоататоры его сил и способностей, эксплоататоры в полном смысле этого слова, так как вовсе не заботятся ни о здоровьи, ни о нравственности рабочих. Развратнее фабричного населения и молодежи, более коротающей свою жизнь, нигде нет. Медицинской помощи в большей части случаев нет, школ также, а где и есть те и другие, то заводятся без всякого сочувствия, только для виду... Правительство должно принять меры против всех содержателей ремесленных заведений, похожих на американские плантации, и против самих родителей, также похожих на американских плантаторов. Освобождение крестьян из крепости помещика, естественно, влечет за собою освобождение рабочих из крепости хозяев. Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя с виду и очень покорные рабы».

Если вспомнить, что эта тирада против «эксплоататоров» и «плантаторов» принадлежит губернатору, то нельзя не подивиться, какое это было либеральное время — даже губернаторы заговорили слогом народных трибунов.

Большинство других губернаторов высказалось против введения особой фабричной инспекции, рекомендуя поручить это дело такому испытанному органу надзора, как местная полиция. Что же касается графа Баранова, то он предлагал, чтобы рабочие выбирали из своей среды особых депутатов — представителей, с которыми должны были

сноситься фабричные инспектора. «Фабриканты не хотят знать, — заявляет Баранов по поводу их боязни инспекции, — что нигде в целом мире так не уважается законом гражданская личность человека и его свобода, как в Англии, что нигде не предоставлено столько свободной деятельности каждому гражданину, как там, и что однако же там давно уже учреждены инспектора для фабрик... Фабриканты не желают никаких инспекторов, а желают вверить надзор своей же братии»[1].

Проект комиссии при с.-петербургском генерал-губернаторе был положен в основу работы другой комиссии, учрежденной также в 1859 г. при министерстве финансов. Этой последней комиссии, под председательством Штакельберга, поставлена была очень широкая задача: переработка всего нашего ремесленного и фабричного законодательства. Комиссия выработала проект нового устава о промышленности, причем проектировала очень широкие реформы, — между прочим, уничтожение цехов. Я остановлюсь только на предположениях комиссии относительно фабричного законодательства в строгом смысле слова. Комиссия Штакельберга в общем относилась еще сочувственнее к рабочим, чем учрежденная при с.-петербургском генерал-губернаторе. Наиболее важные изменения и нововведения комиссии в фабричном уставе касаются работы детей и несовершеннолетних и промышленного суда.

По проекту нового фабричного устава, на фабрики не допускаются дети, не достигшие 12-летнего возраста. Несовершеннолетние от 12 до 18 лет не должны быть в работе более 10 часов в сутки; им запрещается ночная работа. Ответственность за неисполнение этих правил возлагается на хозяев промышленных заведений (§§ 112—114 исправленного проекта).

Для надзора за промышленными заведениями назначается особый правительственный инспекторат, снабженный всеми полномочиями, необходимыми для фактического существования надзора (§§ 116—121).

Для разрешения споров и несогласий, возникающих между хозяевами промышленных заведений и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленных судов избираются от хозяев и рабочих той местности, в которой находится суд, в равном числе от тех и других. Правом выбора пользуются все рабочие, имеющие не менее 21 года, занимающиеся не менее 1 года работой в данной местности и не опороченные по суду или общественному приговору. Могут быть избираемы рабочие, имеющие не менее 35 лет от роду, занимающиеся в данный момент работами не менее 5 лет, умеющие читать, писать и не опороченные по суду или общественному приговору. Председатель суда избирается членами суда или из своей среды или из лиц посторонних. Суд ведает в числе прочих дел и рассмотрением просьб о вознаграждении рабочих за увечья, делами о стачках между рабочими против хозяев, или между хозяевами против рабочих, о штрафах и взысканиях за неисполнение хозяевами промышленных заведений предписанных правил, как то: несоблюдение постановлений о ночных ра-

[1] Все вышеприведенные отзывы разных лиц о проекте комиссии 1859 г. взяты из «Трудов комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабрик и ремесл», т. II, приложение XV.

ботах, работе малолетних, неограждении опасных частей механизмов и пр. Точно так же суд ведет все споры между хозяевами и рабочими относительно несоблюдения условий найма (§§ 136, 138, 154, 161, 185).

Наказание за стачки рабочих оставлено проектом в прежнем размере (зачинщики—арест от 3 недель до 3 месяцев, прочие—от 7 дней до 3 недель); но вместе с тем проект устанавливал меры взысканий и за стачки хозяев, направленные к понижению заработной платы (§ 269).

Комиссия решительно высказалась за исключение статьи 1865 Уложения о наказаниях, согласно которой неповиновение рабочих фабричной администрации приравнивалось к восстанию против властей, правительством установленных. По мнению комиссии, «случаи восстания или неповиновения, о коих говорит статья 1865 Уложения о наказаниях (по уложению 1845 г. ст. 1791), могли возникать лишь из принудительных отношений рабочих к владельцам или управляющим... С уничтожением крепостного и посессионного права владения людьми, возможность преступления первого рода устраняется сама собою, а следовательно, упомянутая статья 1865 не должна уже иметь места в законодательстве»[1] (хотя статья эта относилась не только к обязанным рабочим, но и к рабочим по вольному найму. — *М. Т.-Б.*).

В этом заключались важнейшие предположения комиссии Штакельберга в области фабричного законодательства. Как видно, комиссия наметила очень широкие реформы, некоторые из которых далеки от своего осуществления и в настоящее время. Укажу хотя бы на предположенный комиссией промышленный суд, члены которого должны были избираться в равном числе как из хозяев, так и из рабочих. Идея такого суда была заимствована комиссией из французских conseils des prudhommes. Но русский проект отличался более демократическим духом, чем французский оригинал. Так, по французскому закону того времени, президент и вице-президент суда назначались императором, по русскому же проекту — председатель выбирался самими членами суда. Затем секретарь французского conseil des prudhommes назначался префектом; в русском проекте суд совершенно не зависел от администрации.

Ограничение работы несовершеннолетних десятью часами в сутки заимствовано комиссией из знаменитого английского билля 1847 г. о 10-часовом рабочем дне. Этим биллем установлен 10-часовой рабочий день также и для женщин. Русский проект в этом отношении стоял ниже закона 1847 г., совершенно отказываясь от законодательной охраны взрослых женщин. Но зато, по английскому закону, на фабрики допускались дети от 8 до 13 лет с работой в 6½ часов в сутки; по проекту же комиссии, дети до 12-летнего возраста совсем не имели права работать на фабрике.

Одним из очень существенных преимуществ проекта комиссии, сравнительно с нашим последующим фабричным законодательством, было распространение правил охраны рабочих не только на одни крупные фабрики, но и на все как крупные, так и мелкие, промышленные заведения с участием наемных рабочих. Благодаря этому, мелкие ремесленные и кустарные мастерские, на которых, как известно, эксплоатация

[1] «Труды комиссии», I, стр. 482.

труда принимает наиболее тяжелые для рабочего формы, подчинялись общему фабричному надзору; между тем в настоящее время мелкая промышленность, наиболее нуждающаяся в таком надзоре, в большинстве случаев совершенно от него ускользает.

Но проекту комиссии не суждено было осуществиться: фабриканты отнюдь не были расположены допускать столь широкое ограничение свободы эксплоатации народного труда. Энергичным противником проекта выступил орган московских фабрикантов — московское отделение мануфактурного совета. Особенно резко высказывалось отделение против введения фабричной инспекции, которой фабриканты боялись пуще огня. «Учреждение инспекции, — заявляло отделение, — вместо ожидаемой пользы принесет вред тем, что уничтожит всякую связь между хозяевами и рабочими, послужит поводом к злоупотреблениям и увеличит число жалоб». Точно так же отделение возражало и против многих частностей организации промышленного суда. Между прочим, оно настаивало, чтобы председателем суда был непременно один из представителей хозяев. 18-летний возраст охраняемых рабочих, по мнению отделения, был слишком высок; эту норму следовало бы понизить до 15-летнего возраста. Исполнение санитарных и гигиенических мер, проектированных новым промышленным уставом, отделение находило крайне неудобным для хозяев.

Судьбу проекта легко было предвидеть. Он был благополучно положен под сукно, как и многие другие «благие начинания» 60-х годов. Фабриканты победили, но нельзя сказать, чтобы работа комиссии осталась совсем безрезультатной. Некоторые частности проекта комиссии Штакельберга были осуществлены очень скоро. Так, в новом Уложении о наказаниях 1866 была выпущена статья 1865 старого Уложения, против которой возражала комиссия. Мысль о недопущении к фабричным работам детей до 12 лет и ограничении времени работы несовершеннолетних была брошена в общество и не пропала.

История 70-х годов представляет нам ряд попыток административных сфер осуществить эту мысль, но попытки эти разбивались о сопротивление фабрикантов. Одна комиссия за другой при разных учреждениях вырабатывала правила законодательной охраны малолетних рабочих, но, по каким-то таинственным причинам, все эти проекты постигает одна судьба: они проходят несколько инстанций, одобряются подлежащими ведомствами и... остаются без движения. Так, комиссия под председательством генерал-адъютанта Игнатьева, учрежденная в 1870 г., выработала проект устава о найме рабочих, согласно которому наем в работу детей до 12 лет запрещался, работа несовершеннолетних 12—14 лет была ограничена 8 часами днем и 4½ часами ночью, а для возраста 14—17 лет 10 часами днем, или 4 часами днем и 4 часами ночью. Вместе с тем предполагалось составить правила о содержании промышленных заведений, устройстве при фабриках больниц, об обязанностях хозяев относительно помещения, содержания, образования несовершеннолетних рабочих и пр. Проект этот восходил на рассмотрение Государственного совета, но законодательной санкции не получил. В 1872 г. проект Игнатьева был переработан в министерстве внутренних дел, но не получил дальнейшего хода. В 1874 г. для рассмотрения

того же вопроса — условий найма рабочих и прислуги — была образована новая комиссия под председательством статс-секретаря Валуева. В состав этой комиссии вошли, кроме представителей администрации, дворянства и земства, также представители фабрикантов и заводчиков. Эти последние высказались против немедленного законодательного определения рабочих часов несовершеннолетних рабочих. Проект большинства комиссии (меньшинство составилось, главным образом, из заводчиков и фабрикантов) понижал, сравнительно с проектом Игнатьева, возраст охраняемых рабочих с 17 до 16 лет, но зато сокращал время для работы детей 12—14-летнего возраста до 6 часов, а от 14 до 16-летнего возраста — до 8 часов в сутки. Проект поступил на рассмотрение Государственного совета, но не был утвержден. Чем же вызывались неудачи, постигавшие проекты ограничения работы малолетних? Исключительно сопротивлением фабрикантов, и, главным образом, московских, с московским отделением мануфактурного совета во главе.

В 1869 г. московское отделение мануфактурного совета занялось детальным рассмотрением вопроса о работе малолетних и решительно высказалось против проекта комиссии Штакельберга. По мнению отделения, «единственное изменение в существующем порядке, которое не стеснило бы фабрикации, могло бы быть допущено исключительно при постановлении следующего правила: «Не дозволяется допускать к работам малолетних, не достигших 11-летнего возраста. Малолетние от 11 до 15 лет не должны находиться на дневной работе более 10 часов в сутки... когда же работа производится днем и ночью, малолетние от 11 до 15-летнего возраста не должны заниматься ею в течение суток более 8 часов»[1].

В 1871 г. тот же вопрос рассматривался комиссией московского биржевого общества; комиссия подвергла игнатьевский проект устава о найме рабочих резкой критике и повторила, без всяких изменений, предложение 1869 г. московского отделения мануфактурного совета.

Новый проект министерства внутренних дел 1872 г. точно так же встретил возражения биржевого старшины московской биржи, Найденова. Проект был рассмотрен в особом совещании постоянной комиссии московского биржевого общества и членов биржи, заводчиков и фабрикантов; совещание высказалось против проекта. «Столь крупный переворот, как проектированный, — заявило совещание, — может бесспорно причинить в промышленном деле большие затруднения... Неизбежное при этом во многих случаях уничтожение ночных работ, при значительности затрат на устройство фабрики, равно как и возвышение заработной платы, вследствие уменьшения числа малолетних (где без них нельзя обойтись) и замены их взрослыми, повлечет за собой неминуемо чувствительное увеличение стоимости обработки, и тем повлияет даже на цену самих произведений в интересах иностранной конкуренции»[2].

Аргументы патриотического свойства — интересы отечественной промышленности и т. п. — были обычным и безошибочным средством для

---

[1] *Андреев*, Работа малолетних в России и Западной Европе, Спб. 1884, стр. 28.

[2] Там же, стр. 32.

московских фабрикантов направлять правительственную политику по желательному для них руслу.

Проекту валуевской комиссии также не суждено было осуществиться благодаря оппозиции фабрикантов с московскими во главе. В особом мнении меньшинства повторялись обычные ссылки на интересы промышленности, которые, якобы, пострадают от «столь крупного переворота», и предлагались полумеры, лишавшие предполагавшуюся охрану малолетних всякого практического значения.

Однако, все это объясняет, почему проекты ограничения работы малолетних не могли получить осуществления в течение 70-х годов; но нужно объяснить также, почему эти проекты тем не менее постоянно возникали.

А потому, что законодательного ограничения работы малолетних требовали могущественные интересы. Я говорил об отношении петербургских фабрикантов к проекту Штакельберга. В 1867 г. Кольбе, управляющий крупнейшей русской бумагопрядильней и бумаготкацкой — Кренгольмской мануфактуры, имевшей до 6 тысяч рабочих, 240 тысяч веретен и 1 647 механических ткацких станков, — вошел к правительству с ходатайством о законодательном установлении законной длины рабочего дня. Интересна мотивировка Кольбе: «Когда результат зимних ярмарок, — пишет Кольбе, — оказывается хорошим, то работы, в особенности в малых заведениях, производятся или днем и ночью, или одна денная работа увеличивается до 14, даже до 15 часов. Увеличение задельной платы отвлекает рабочих от других занятий, даже от полевых работ. Если после этого ярмарка в Нижнем окончится с неблагоприятными видами для сбыта пряжи, то на осеннее и зимнее время отпускается половина рабочих... При хороших видах для сбыта пряжи с работой днем и ночью в прядильнях, обыкновенно, образуется через 6 или 8 месяцев излишество пряжи и потому — заминка в цене на оную. Малые производители по недостатку средств вынуждены бывают спускать свой товар с убытком и вредят этим не только себе, но и всем другим основательным прядильщикам». Мелкие фабриканты, — поясняет дальше Кольбе, — легко могут прекратить работу, когда обнаружится перепроизводство, но для крупных фабрик это невозможно.

Ввиду всего этого Кольбе ходатайствовал об издании закона, запрещающего работу на фабриках детям до 10-летнего возраста, об ограничении рабочего дня для детей 10—13-летнего возраста восемью или десятью часами, а для несовершеннолетних 13 — 17 лет и женщин — двенадцатью часами в сутки.

Подобного же рода ходатайства поступали и от других фабрикантов. Так, в 1875 г. особая комиссия от Рижского биржевого комитета и Рижского технического общества признала желательным, чтобы дети принимались на фабрики лишь по достижении 10-летнего возраста с максимумом 6 часов работы до 13 лет и 12-часовой до 17 лет, с запрещением им ночной работы.

Гораздо любопытнее обсуждение вопроса о рабочем дне на съезде машиностроителей в 1875 г. в С.-Петербурге. Один из членов съезда, крупный заводчик Голубев, заявил, что сокращения числа рабочих часов требуют прежде всего интересы самих хозяев. Он высказался в пользу

сокращения рабочего дня до 8 часов для взрослых рабочих, при том условии, чтобы число рабочих дней в году было не менее 300. С Голубевым согласился и докладчик съезда по данному вопросу, Зверинцев [1].

Другой крупный заводчик, Нобель, возражал против законодательного установления 8-часового рабочего дня, но вполне признавал желательность сокращения числа рабочих часов. По заявлению Нобеля, на его петербургских заводах раньше работали 14 часов, затем стали работать 12 часов; в начале 70-х годов работа была сокращена до 10½ часов в день, причем число праздников, по взаимному соглашению его с рабочими, было уменьшено. Результат оказался вполне благоприятный с точки зрения хозяйских интересов. «Если другие начнут работать 11 часов, я буду работать 10 часов», — заявил Нобель [2].

В результате съезд ходатайствовал (почти единогласно), «чтобы число действительной работы в день для поденных или урочных работ на всех фабриках, заводах и ремесленных заведениях было сокращено до 10 часов в сутки»... с тем условием, чтобы число обязательных праздников вместе с тем было сокращено с воскресеньями до 65 дней в году.

Затем съезд ходатайствовал о скорейшем издании закона о работе малолетних и несовершеннолетних [3].

На первом Всероссийском торгово-промышленном съезде 1870 г. была принята резолюция, благоприятная охранению работы малолетних; а именно: съезд постановил выразить желание, «чтобы проектированное в новом уставе о фабричной и заводской промышленности ограничение числа рабочих часов для взрослых и малолетних и самое допущение последних к работе было согласовано с узаконениями, составленными в последнее время по этому предмету в других государствах». Но на этом же съезде раздавались энергичные голоса против законодательной охраны рабочих. Так, известный Скальковский заявил, что «на Западе возможно ограничить работу малолетних, у нас же нет... В России подобная мера была бы стеснительна и отразилась бы тяжело на самом рабочем классе, который чрезвычайно беден». По мнению Скальковского, дети занимаются на наших фабриках только легкими, неутомительными работами. На фабриках дети находятся в лучших условиях, чем у себя в деревне.

Горячую тираду в защиту «свободы народного труда» (читай — свободы капиталистической эксплоатации) произнес фабрикант Сыромятников. Но большинство, состоявшее, кстати сказать, из лиц, никакого отношения к промышленности не имевших — профессоров, чиновников и, вообще, разного рода «интеллигентов» — всецело стояло на стороне законодательной охраны рабочего [4].

Во всяком случае, как видно из предыдущего, многие фабриканты признавали такую охрану вполне соответствующей их интересам. Вы-

[1] «Труды съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей», 1875 г., стр. 110—111.

[2] «Труды» (см. предыд. примеч.), II, 3 заседание 4 отделения», стр. 39.

[3] «Труды», II, Журнал общих собраний, стр. 65, 66.

[4] «Протоколы и стенографические отчеты заседаний Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и пр., 1870 г.», Спб. 1872.

дающуюся роль в деле осуществления этой охраны сыграло Петербургское императорское русское техническое общество. В 1874 г. председатель постоянной комиссии по техническому образованию Технического общества, Е. Андреев, обратил внимание комиссии «на два существенно важных препятствия к развитию у нас образования в среде рабочего класса: первое, состоящее в чрезвычайной продолжительности рабочего дня для взрослых рабочих, второе — в слишком раннем возрасте поступления детей на фабрики и мастерские»[1]. Комиссия, по предложению Андреева, разослала фабрикантам предложенные им вопросные пункты, имевшие целью выяснить распространение на фабриках детской работы и условия этой работы. Ответы были получены от 135 фабрикантов.

Оказалось, что на большинстве фабрик работали дети, иногда даже моложе 10-летнего возраста. Число рабочих часов для детей было такое же, как и для взрослых, и достигало на некоторых фабриках пятнадцати часов, а на одной даже семнадцати часов в сутки.

Понятно, что при такой, поистине, ужасной работе фабричные дети оказались, вообще, страдающими малокровием и разного рода специальными фабричными болезнями.

Собранный материал был передан для рассмотрения особой комиссии из членов общества, некоторых административных лиц и фабрикантов. Эта комиссия выработала проект закона о малолетних рабочих, в основание которого были положены следующие начала: 1) «чтобы дети обоего пола до наступления 12-летнего возраста вовсе не были допускаемы ни на какие работы на фабриках, заводах или ремесленных заведениях, 2) чтобы во всех производствах или частях производства, признаваемых вредными или опасными для совершеннолетних вообще, не были допускаемы лица, не достигшие 17 лет, без различия пола»[2].

Рабочий день для малолетних 12—15 лет, по проекту комиссии, должен быть ограничен пятью часами дневной работы. Ночная работа может быть разрешена только в некоторых особо поименованных производствах. Необходимо при этом, по мнению комиссии, стремиться к тому, чтобы и работа взрослых была ограничена десятью часами[3].

По инициативе Андреева состоялась и вышеизложенная резолюция съезда машиностроителей 1875 г. Нельзя не отметить, что в том же смысле ходатайствовало и земство. Так, в 1874 г. владимирское губернское земство постановило ходатайствовать о запрещении принимать на фабричные работы детей до 14-летнего возраста и об ограничении времени работы на фабриках несовершеннолетних 14—17-летнего возраста восемью часами в сутки[4]. В 1877 г. при владимирской губернской земской управе была образована особая комиссия для разработки вопроса «о неправильном отношении фабрикантов к фабричным рабочим». Комиссия выработала тщательно составленные правила внутреннего распорядка фабричной работы и отношений рабочих к хозяевам (между прочим, комиссия признавала необходимым, чтобы рабочие получали не

[1] *Андреев*, Работа малолетних в России и Западной Европе, 43.
[2] Там же, стр. 51.
[3] Там же, стр. 54.
[4] «Владимирский губернский земский сборник», 1874, VII, стр. 394.

реже раза в месяц заработную плату, «чтобы фабричные рабочие свободны были покупать потребные им припасы и материалы, где пожелают», и пр.[1].

Наконец, 1 июня 1882 г. в министерство Бунге, через 23 года после первого возбуждения в наших правительственных сферах вопроса о регулировании фабричного труда малолетних, был издан закон, запрещавший на фабриках, заводах и мануфактурах работу детей до 12 лет от роду (ст. 1). Работа малолетних в возрасте 12—15 лет была ограничена 8 часами в сутки; ночная работа малолетних была запрещена, точно так же, как работа в воскресные и праздничные дни (ст. 2 и 3). На владельцев заведений возлагалась обязанность предоставить возможность малолетним рабочим, не кончившим курса в низших народных школах, поступать в таковые, а для надзора за исполнением закона был назначен особый правительственный инспекторат (ст. 5, I отд. и ст. 1, 6, II отд.).

Чтобы не затруднить хозяев слишком резким переходом к новым условиям работы, закон предоставил министру финансов, по соглашению с министром внутренних дел, допускать в течение двух лет, по введении в действие закона, отступления от новых правил работы малолетних (отд. IV).

Закон 1882 г. имел огромное принципиальное значение. Несмотря на противодействие московских фабрикантов, правительство сделало первый шаг в области ограждения интересов рабочих. Фабричный инспектор — эта новая фигура на фабрике — должен был внести новые начала в отношения хозяев к рабочим.

Как же отнеслись к этому законодательному акту фабриканты? Очень различно. Представители петербургских бумагопрядилен подали в министерство финансов отдельное заявление, в котором заявили, что, по их мнению, «вполне настало время и у нас ввести фабричные правила, ограничивающие время работы; ночные работы в бумагопрядильнях и ткацких мануфактурах вовсе не нужны; новые постановления должны бы подчинить все мануфактуры одному и тому же правилу относительно продолжительности работы, чтобы поставить их в одинаковые условия конкуренции... они убеждены, что не следует вовсе допускать к работе детей моложе 12 лет... и предлагают, чтобы дети 12—15 лет работали по 6 часов... По субботам фабрики должны останавливаться не в 7 часов, а в 5 часов... следует вовсе запретить ночную работу женщинам и подросткам до 18 лет. Вообще, работа на фабриках не должна быть более 70 часов в неделю»[2].

Таким образом, петербургские бумагопрядильщики шли значительно дальше закона 1882 г. — они признавали для себя выгодным совершенное запрещение ночной работы женщин, ограничение работы малолетних 12—14 лет 6 часами в сутки, а взрослых мужчин — 70 часами в неделю. Вообще, из 48 бумагопрядилен, давших отзыв на запрос департамента торговли и мануфактур относительно неудобств немедленного применения всех постановлений закона 1 июня, 18 из них заявило, что «неудобств от предполагаемых мер не предвидится», 3 — прямо выска-

[1] Владимирский губернский земский сборник», 1878, XII, стр. 28.
[2] *Андреев*, приложение, стр. 8.

зались за «обязательное запрещение фабричной работы до 12-летнего возраста», 4 — высказались за запрещение ночной работы вообще (т. е. и взрослых рабочих) ввиду того, что она «1) вредна как в физическом, так и в нравственном отношении и *не особенно производительна*, а 2) *часто влечет чрезмерное производство с неминуемыми кризисами*» [1].

Остальные бумагопрядильщики высказались против запрещения ночной работы, а также и против недопущения к работам детей до 12 лет. Отзывы такого рода исходили *почти исключительно из среды фабрикантов центральных губерний*.

Итак, мы видим знакомое нам разделение фабрикантов на две группы — петербургских и московских. Петербургские требуют ограничения работы малолетних и даже нормирования труда взрослых мужчин, московские протестуют против вмешательства правительственной власти в их отношения к рабочим и энергично стоят за «свободу труда».

Остановимся теперь на причинах этого постоянно обнаруживающегося антагонизма интересов петербургских и московских фабрикантов. Почему петербургские фабриканты выступают сторонниками, а московские противниками фабричного законодательства?

Основной причиной этого, по моему мнению, является различие заработной платы в петербургском и московском районах. Известно, что заработная плата в петербургском районе значительно выше, чем в московском — примерно на одну треть и даже более. Центральный промышленный район населен настолько густо, что значительная часть его жителей уходит на отхожие заработки в другие губернии. Московские и владимирские фабрики никогда не страдают недостатком рабочих рук. Напротив, факт дальнего отхода из Ярославской, Костромской, Тверской и других центральных губерний доказывает, что местные заработки не удовлетворяют спросу на них населения.

Петербургский район расположен на слабо населенной окраине России. Значительная, если не большая, часть рабочего населения Петербурга — крестьяне более или менее удаленных промышленных губерний. Очевидно, для того, чтобы привлекать рабочих из этих губерний, Петербург должен давать им большую плату, чем та, которую они получают у себя на месте.

Это различие заработной платы неизбежно приводит к различию в технике производства. Петербургские фабрики, как общее правило, снаряжены гораздо лучше в техническом отношении, чем московские и вообще фабрики центрального района. Но более совершенная техника предъявляет и большие требования к рабочему. Малопроизводительная ночная работа может быть выгодна на московских фабриках при низкой заработной плате; при более высокой петербургской плате ночная работа оказывается невыгодной. Поэтому на петербургских фабриках преобладает дневная работа, на московских — работа круглые сутки.

Чем выше заработная плата, тем выгоднее замена рабочего машиной. Петербургский фабрикант может найти выгодным замену малолетних рабочих механическими приспособлениями при машинах благодаря

---

[1] *Андреев*, приложение, стр. 6.

сравнительной высоте заработной платы петербургского района; московскому фабриканту такая замена может грозить крупным убытком вследствие дешевизны труда в центральном районе.

Если далее мы примем в расчет конкуренцию петербургских и московских фабрик, то нам будет понятно, почему петербургские фабриканты нередко прямо настаивали на ограничении законодательным путем продолжительности рабочего времени. Московские фабрики, непрерывно работающие круглые сутки, пользующиеся крайне дешевым трудом, подрывают производство петербургских фабрик с более коротким рабочим днем и более высокой заработной платой. Законодательное сведение московского рабочего дня до уровня петербургского весьма существенно улучшило бы условия конкуренции Петербурга с Москвой, и потому Петербург выступает с гуманными проектами охраны рабочего, а Москва упорно противится таковым проектам [1].

Вновь учрежденной инспекции пришлось много бороться с фабрикантами, чтобы добиться от них исполнения требований закона. По словам фабричного инспектора московского округа, г. Янжула, «некоторые фабриканты и директора иронизировали по поводу введения в действие закона и мер контроля со стороны небольшого, вероятно, инспекторского персонала, причем прямо даже указывали на возможность тех или иных уловок — даже при достаточном контроле — для избежания закона... Другие выражали твердое убеждение, что дело никогда не дойдет до конца и что правительство непременно отменит закон ранее вступления его в силу, что правительство слишком будто бы покровительствует интересам рабочих, забывая фабрикантов, которые терпят и без того большие неприятности и неудобства и т. п.» [2].

И нельзя не сказать, что ирония фабрикантов была вполне основательна. Инспектора по своей малочисленности не имели физической возможности не только осуществить действительный контроль за исполнением закона на всех фабриках своего округа, но даже осмотреть последние. Так, например, г. Янжул успел ознакомиться, ко времени представления своего первого отчета, лишь с 174 фабриками из 1 500, бывших в его округе. Отчет владимирского фабричного инспектора г. Пескова составлен на основании осмотра всего 71 заведения, в число которых входили к тому же некоторые ремесленные. Понятно, что при таких условиях фабриканты могли совершенно игнорировать закон.

Скажу несколько слов о положении нашего рабочего класса, как оно обнаружилось в отчетах фабричных инспекторов. Я не буду, разумеется, подробно останавливаться на этом вопросе, которому предполагаю посвятить особую работу. Отчет г. Янжула за 1884 г. сообщает поразительные факты. Трудно поверить, если бы не несомненные доказательства, до каких размеров удлинялся рабочий день взрослых и мало-

---

[1] Мое объяснение причин различного отношения петербургских и московских фабрикантов к фабричному законодательству принимается и г. Литвиновым-Фалинским в его книге «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России», стр. 114—115. Вообще, во всех существенных пунктах объяснения факторов, создавших наше фабричное законодательство, Литвинов-Фалинский строго следует моей книге, не цитируя ее ни разу.

[2] *Янжул*, Фабричный быт Московской губернии, Спб. 1884 г., XIX.

летних на некоторых фабриках. На рогожных фабриках работа шла, обыкновенно, от 16 до 18 часов в сутки, без всяких смен. На сон, еду, отдых рабочему *оставалось не более 6—8 часов в сутки*. И такой поистине ужасной работой были заняты не только взрослые мужчины и женщины, но и дети, из которых многие не достигали и 10 лет от роду! По словам г. Янжула, на рогожных фабриках встречались малютки не старше трех лет от роду, работавшие вместе со своими матерями. Неудивительно, что, — по выражению одного из хозяев рогожной фабрики, — к весне (летом работа прекращалась) все рогожники до того ослабевали, что их «и ветром качало» [1].

Почти так же продолжительна была работа и в булочных; наиболее же частым термином в Московской губ. являлся 12-часовой рабочий день, но во многих случаях рабочий день удлинялся до 13, 14, 15, 16 часов и даже выше (как, например, на указанных рогожных фабриках).

К этому нужно прибавить, что число рабочих дней в году на большинстве фабрик было очень велико. Воскресная работа представлялась явлением самым обычным. Отношения хозяев и рабочих характеризовались крайним произволом со стороны хозяев. Хозяева включали в рабочий договор такие пункты, которые лишали рабочего всякой свободы. Система штрафов была развита до виртуозности. Самый размер штрафов нередко совсем не определялся заранее; в правилах многих фабрик г. Янжул встретил лаконическую статью: «Замеченные в нарушении фабричных правил *штрафуются по усмотрению хозяина*» — и только. Положение хозяина и рабочего на фабрике г. Янжул характеризует следующим образом: «Хозяин фабрики — неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по-своему; рабочие ему обязаны «*беспрекословным повиновением*», — как гласят правила одной фабрики» [2].

Фабриканты считали себя вправе, вопреки закону, запрещающему самовольно понижать рабочую плату до истечения срока договора, уменьшать плату рабочим во всякое время, когда им вздумается. Штрафы с рабочих, взимавшиеся по самым разнообразным поводам, поступали в полное распоряжение хозяина; общая сумма их достигала на некоторых фабриках нескольких тысяч рублей в год и являлась немаловажным источником дохода для хозяина.

Кроме того рабочие страдали от крайней неопределенности сроков расплаты. Сроки выдачи платы рабочим, обыкновенно, совершенно не определялись в рабочем договоре, и хозяин выдавал деньги рабочим по своему усмотрению: два раза в году (на пасху и рождество), три раза, четыре или чаще. Рабочие должны были выпрашивать у фабриканта *заработанные ими деньги*, как особую милость. На некоторых фабриках практиковался даже такой порядок: деньги совсем не выдавались в течение года (до окончания срока найма) рабочему на руки; если они ему были нужны для уплаты податей, то отсылались прямо волостным старшинам или старостам [3].

---

[1] *Янжул*, Фабричный быт Московской губернии, стр. 44.
[2] Там же, стр. 83.
[3] Там же, стр. 91.

Понятно, что при таких порядках рабочий мог существовать, только кредитуясь в фабричной лавке, неоплатным должником которой он состоял весь год. В конце года, когда производился расчет, из его заработка вычитался долг лавке, и после года работы ему иногда приходилось получить в свою пользу наличными деньгами круглую сумму в несколько рублей. Фабричные лавки давали такой крупный доход фабрикантам, что некоторые фабрики ставили в условие найма рабочих обязательство брать припасы не иначе, как от хозяев. По словам г. Янжула, большая доля барыша некоторых фабрикантов вытекала именно из продажи товаров из фабричных лавок, а не из фабричного производства (стр. 108).

Нечего и говорить, что санитарные и гигиенические условия работы и жизни на фабрике были (таковыми, впрочем, они остаются и теперь) ужасны. Только на некоторых фабриках были особые спальни — но что за спальни! Мужчины, женщины, дети спали вповалку на нарах, без различия пола и возраста в сырых, душных и тесных казармах, иногда в подвалах, иногда в каморках, лишенных света. Но на большинстве фабрик и таких спален не было. Рабочие после 12, 13 и 14-часовой дневной работы располагались спать тут же, в мастерской на станах, столах, верстаках, на полу, подложивши под голову какую-нибудь рваную одежду. И это практиковалось нередко в таких мастерских, пребывание в которых, благодаря употреблению различных ядовитых красок и химических веществ, даже в рабочее время было далеко не безопасно!

За законом 1882 г. последовал ряд других. 12 июня 1884 г. был издан закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках и заводах, о продолжительности их работы и фабричной инспекции; в этом же году министром финансов, по соглашению с министром внутренних дел, были составлены правила о производствах, в которых допускается ночная работа детей в возрасте от 12 до 15 лет, а также правила о производствах, в которых работа малолетних до 15-летнего возраста безусловно воспрещается. 19 декабря 1884 г. была обнародована, утвержденная министром финансов по соглашению с министром внутренних дел, инструкция чинам фабричной инспекции и правила относительно выполнения постановлений закона владельцами промышленных заведений. 3 июня 1885 г. вышел весьма важный закон, воспрещающий для женщин и подростков, не достигших 17-летнего возраста, ночную работу на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках (в виде опыта на 3 года). Наконец, 3 июня 1886 г. был обнародован закон о найме рабочих на фабрики и заводы, а с 1 октября того же года вошли в действие особые правила о надзоре за фабричными заведениями и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.

Результаты этой энергичной законодательной работы были очень велики: отношения хозяев и рабочих подверглись весьма тщательной регламентации, надзор фабричной инспекции сделан более действительным, ночная работа женщин и детей в важнейших отраслях промышленности уничтожена. Если сравнить историю закона 2 июня 1882 г. с последующей законодательной деятельностью в той же области, то происшедшая перемена бросается в глаза: на выработку закона 1882 г., представлявшего меру весьма безобидную и почти не затрагивавшую

интересов фабрикантов, потребовалось более 20 лет. Законы 1885 и 1886 гг., в несравненно большей мере задевавшие интересы фабрикантов, были обнародованы с совершенно исключительной для наших канцелярий быстротой. Очевидно, произошла какая-то перемена в общественных условиях, определяющих ход нашей законодательной машины. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Я уже неоднократно указывал на противоположность интересов московских и петербургских фабрикантов в деле законодательного регулирования фабричной работы. Издание закона 1882 г. было победой петербургских фабрикантов над московскими. Медленность выработки этого закона всецело объясняется тем, что закону противодействовали могущественные интересы московских фабрикантов. Но ведь московские фабриканты должны были еще более противиться законам 1885 и 1886 гг. Почему же эти законы были обнародованы с такой быстротой?

Я уже говорил раньше, что начало и середина 80-х годов в России, как и в других странах, были временем полного промышленного застоя. За промышленным оживлением конца 70-х годов последовал кризис, особенно тяжело отразившийся на хлопчатобумажной промышленности. Работа на бумаготкацких и бумагопрядильных фабриках повсеместно была сокращена, рабочие целыми тысячами увольнялись с фабрик — число рабочих на многих фабриках было сокращено наполовину, некоторые фабрики совсем приостановили работу. Это обстоятельство и послужило ближайшим поводом к изданию новых фабричных законов.

В 1883 г. многие бумагопрядильные и другие фабрики Петербурга сократили работу и отпустили значительную часть рабочих. Это дало повод с.-петербургскому градоначальнику Грессеру пригласить прядильных фабрикантов для выяснения причин сокращения работ. Приглашенные фабриканты объяснили, что сокращение производства вызывается кризисом. Единственным средством для устранения кризиса, по мнению фабрикантов, являлось «повсеместное запрещение ночных работ». Ввиду этого они подали 25 января 1884 г. Грессеру прошение, в котором ходатайствовали об издании закона, запрещающего ночные работы несовершеннолетним и женщинам «с тою целью, чтобы содействовать сокращению производства, которое достигло в последнее время столь значительных размеров, что переполнились товаром все рынки».

Грессер вполне согласился с мнением петербургских фабрикантов и передал их прошение в министерство финансов. Прошение поступило на рассмотрение московских фабрикантов в лице их органа — московского отделения совета торговли и мануфактур. Как и следовало ожидать, отделение признало предполагаемую меру «крайне неудобной». Ночная работа составляла постоянную принадлежность московских фабрик, и московские фабриканты не были расположены от нее отказаться.

В особой комиссии при министерстве внутренних дел, образованной для рассмотрения этого вопроса, под председательством бывшего директора департамента полиции, а затем товарища министра внутренних дел, сенатора Плеве, московские фабриканты высказались против запрещения ночной работы, которая, по их мнению, приведет к тому, что в Петербурге, Прибалтийских губерниях и Царстве польском возникнут новые прядильные и ткацкие фабрики, снабженные машинами новей-

шей конструкции, что должно повести к ухудшению условий конкуренции фабрик центральной России.

Между тем промышленный кризис, в связи с полным отсутствием правительственного надзора за отношениями хозяев к рабочим, повел в конце 1884 и начале 1885 г. к волнениям рабочих на некоторых крупных фабриках Московской и Владимирской губернии.

Дело двинулось. Несмотря на оппозицию московских фабрикантов, 3 июня 1885 г. был издан закон о воспрещении ночной работы женщин и детей в некоторых важнейших производствах: хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном, а через год еще более важный закон о найме рабочих на фабрики и заводы. Вместе с тем был значительно расширен штат фабричных инспекторов.

Совпадение времени издания названных законов с эпохой промышленного застоя было отнюдь не случайно. Застой, во-первых, уменьшил силу сопротивления московских фабрикантов. По словам Безобразова, «промышленные обстоятельства времени требовали по многим отраслям промышленности сокращения производства для пользы самих фабрикантов... В 1886 г. была вовсе прекращена ночная работа почти на всех крупных мануфактурах в подмосковных губерниях. Если бы в 1886 г. ход промышленных дел был боек, то ночная работа, на дозволенных законами условиях, не прекратилась бы. После оживления спросов и торговли в 1887 г. многие фабриканты уже помышляли о возобновлении ночной работы»[1]. Г-н Песков сообщает еще более интересные наблюдения по этому пункту. «Огромное большинство фабрикантов и директоров, — говорит он, — с которыми мне приходилось беседовать во время моих поездок по фабрикам, выказывали желание, чтобы правительство повсеместно воспретило на фабриках ночную работу. По их мнению, при нынешнем промышленном кризисе от отмены ночной работы скорее нужно ожидать оживления промышленной деятельности, чем упадка ее, ибо в настоящее время немалое число фабрик средней величины прекращают свою деятельность единственно только потому, что при нынешнем плохом сбыте товара они являются просто лишними, так как весь спрос в избытке удовлетворяют действующие теперь день и ночь фабрики. По отмене же ночной работы на первое время неизбежно последует, конечно, уменьшение количества производимых фабрикатов и явится некоторый недостаток в предложении; но пока действующие ныне фабрики не увеличат опять размеров своего производства... недостаток этот будет восполняться бездействующими теперь фабриками. А тем временем, может быть, пройдет господствующий теперь промышленный кризис — и фабрики эти будут продолжать свою работу, несмотря на расширение деятельности, теперь работающих им в ущерб, фабрик. Таково, повторяю, общее мнение фабрикантов»[2]. Во-вторых, кризис повел к рабочим волнениям.

Эти последние* повели к изданию другого, еще более важного

[1] Наблюдения и соображения В. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений, стр. 6.

[2] «Фабричный быт Владимирской губернии», Спб. 1884, стр. 59—60.

* Отрывок со слов «Эти последние повели к изданию» до слов «своеволия и насилия» (стр. 317 настоящего издания) в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

фабричного закона — 3 июня 1886 г. Инициатива издания этого закона принадлежала министру внутренних дел графу Толстому. В отношении министру финансов от 4 февраля 1885 г. (№ 281) граф Толстой сообщил, что «исследование местными властями причин означенных стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открывал широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов, и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоразмерно высокие штрафы, ввиду временного упадка промышленной деятельности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в расчетах задельной платы...». «Совокупность всех изложенных и многих других причин влекла за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость для прекращения их прибегать к содействию войска, — писал граф Толстой, — в достаточной степени свидетельствовала о настоятельности приступить к составлению, в развитие действовавшего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях».

Отношение это повело к образованию комиссии под председательством сенатора Плеве, которая и выработала проект закона, вскоре рассмотренный Государственным советом и высочайше утвержденный 3 июня 1886 г. При обсуждении закона в Государственном совете указывалось, между прочим:

«Волнения в среде фабричных рабочих Московской и Владимирской губерний и произведенные ими на некоторых фабриках беспорядки с очевидностью раскрыли многие неприглядные стороны фабричного быта, причем причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели вовсе случайного характера, а обусловливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими. Хозяева некоторых фабрик, пользуясь выгодами своего положения, не стесняются нарушать условия, заключаемые с нанятыми ими людьми, и прибегают к разным средствам для извлечения преувеличенных выгод. Уменьшение рабочей платы, в противность заключенным договорам, производится или открыто, или путем сокращения числа часов и дней работы в неделю. Затем вычеты и штрафы с рабочих, обращаемые фабрикантами в свою пользу, достигают в некоторых случаях огромных размеров, составляя в общей сложности до 40% выдаваемой заработной платы. Наконец, возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа им этих предметов по высоким ценам встречаются как заурядные явления. Такое положение вещей, естественно, влечет

за собою весьма вредные последствия для успехов промышленности и прямо отражается на фабрикантах, ведущих дело добросовестно. Не имея возможности соперничать с лицами, удешевляющими выделку произведений путем притеснения рабочих, такие фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще прискорбнее оказывается положение рабочих. Угнетенные до крайности безвыходною задолженностью хозяину, они нередко бывают поставлены в невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточные средства на личное пропитание. Возникающее отсюда раздражение против фабрикантов, при трудности для темного люда отыскивать законным образом защиту своих прав, постоянно поддерживает в рабочих склонность искать восстановления этих прав путем стачек и беспорядков, сопровождающихся грубыми проявлениями своеволия и насилия»[1].

Закон 1886 г. 2 июня имел еще большее значение, чем закон предыдущего года о запрещении ночной работы. Действительно, этот закон коренным образом изменил условия найма рабочих и самое положение рабочего на фабрике, совершенно уничтожил прежнюю неограниченную «свободу труда» и сделал фабричного инспектора весьма влиятельной фигурой на фабрике.

Наиболее существенные постановления закона 1886 г. были следующие. Закон строго определил порядок и условия найма рабочих, а также и расторжение рабочего договора. Выдача заработной платы рабочим должна производиться не реже одного или двух раз в месяц (смотря по условиям договора) (п. 12). Расплата с рабочими, вместо денег, купонами, хлебом, товаром и иными предметами воспрещается (п. 14). При производстве рабочим платежей не дозволяется делать вычеты на уплату их долгов (п. 15). Заведующему фабрикой воспрещается взимать с рабочих проценты за деньги, выданные им в ссуду (п. 16). Запрещается взимать с рабочих плату за врачебную помощь, освещение мастерских и пользование орудиями производства (п. 17). Договор найма может быть расторгнут заведующим фабрикой в случае «дерзости или дурного поведения рабочего, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц, принадлежащих к составу фабричного управления» (п. 20). Рабочему предоставляется требовать расторжения договора в случае неполучения платы, побоев, тяжких оскорблений, нарушения условий по снабжению рабочих пищей и помещением, а также вследствие работы, разрушительно действующей на его здоровье (п. 13 и 21).

Вместе с тем закон 1886 г., будучи вызван рабочими волнениями, значительно усиливает уголовную репрессию за таковые. Виновные в стачке приговариваются: подстрекатели — к заключению в тюрьме от 4 до 8 месяцев, а прочие участники — к заключению в тюрьме от 2 до 4 месяцев (III, п. 2). В случае насилия и угроз другим рабочим, не участвовавшим в стачке, а также повреждения фабричного имуще-

---

[1] Ср. составленную на основании официальных источников книгу г. *Литвинова Фалинского*, Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, Спб. 1900, стр. 61.

ства, наказание подымается для подстрекателей до тюремного заключения от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, для прочих — от 4 до 8 месяцев (III, п. 4). За самовольный отказ от работы до истечения срока найма виновный подвергается аресту до 1 месяца (IV, п. 1). За умышленное повреждение орудий производства — аресту от 3 месяцев до 1 года (IV, п. 2).

Для надзора за соблюдением на фабриках порядка и благоустройства закон создал, в более промышленных местностях, особый орган — фабричные присутствия, из представителей местной администрации, суда, фабричного инспектора, земства и городских управлений. Этим присутствиям предоставлено, в числе прочего, право издавать обязательные постановления «о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работы и при помещении их в фабричных зданиях, а также в отношении врачебной помощи рабочим» (Правила, 5).

Обязанности фабричной инспекции по надзору за фабриками сильно расширены. На инспекцию возложено, кроме общего наблюдения за исполнением закона, также «рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка, составляемых фабричными управлениями для руководства рабочих» (Правила, 7, п. в); принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими (7, п. 2); возбуждение преследования судебным порядком виновных в нарушении правил (7, п. д).

В тех губерниях, в которых действуют фабричные присутствия, наем рабочих должен совершаться лишь на основании утвержденных присутствием расчетных книжек (п. 23—25); открытие при фабриках лавок для продажи товаров рабочим дозволяется лишь с разрешения инспекции (п. 28). Штрафы могут налагаться только по указанным в правилах поводам (п. 30—39). Самые размеры штрафов утверждаются фабричными инспекторами, утверждающими также правила внутреннего распорядка на фабриках (п. 29). За нарушение фабрикантом всех этих правил он подвергается определенным денежным взысканиям в размере до 300 рублей [1].

Таким образом прежняя свобода капиталистической эксплоатации сменилась тщательной регламентацией взаимных отношений фабриканта и рабочего. Внешние формы рабочего договора в очень существенных пунктах изъемлются из свободного соглашения договаривающихся сторон. Правительственный инспектор определяет внутренний распорядок фабричной жизни, и фабрикант отступает, в некоторых отношениях, на задний план.

Столь крупное ограничение прав фабрикантов не могло не вызвать неудовольствия последних. Началась глухая борьба между фабричной инспекцией и фабрикантами. По словам В. Безобразова, «в кругу владельцев промышленных заведений новые законодательные и административные распоряжения по фабричной части вызвали много неудовольствий и даже ропота. При наших объездах фабричных местностей, — продолжает Безобразов, — мы слышали в этом кругу, за весьма немногими исклю-

[1] П.С.З., Собрание, III, т. VI, 3769.

чениями, только более или менее горькие жалобы на новые порядки. Эти жалобы нам приходилось слышать даже со стороны самых добросовестных хозяев и распорядителей... недовольны и раздражены новыми порядками даже и те, которые гораздо ранее старались добровольно ввести у себя сущность новейших требований законов и администрации... Вообще, резко отличаются в этом отношении Московская и Владимирская губернии, в которых введены правила 3 июня 1886 г., от губерний, в которых правила эти еще не действуют... В первых губерниях замечается несравненно больше неудовольствия против новых порядков, чем во вторых. Положительное раздражение и ропот можно найти только в первом разряде губерний» [1].

Фабриканты заявляли Безобразову, что «новые фабричные постановления составлены в духе неприязни или антипатии к высшему капиталистическому классу и в духе пристрастного покровительства нанимаемым, низшему рабочему классу». С этим заявлением, до известной степени, соглашается сам Безобразов. По его мнению, сравнение закона 3 июня 1886 г. с законом 12 июня того же года о найме на сельские работы показывает, как различно относится законодатель к фабрикантам и сельским хозяевам. Последний закон имеет в виду охранить интересы нанимателей, а закон 3 июня — рабочих.

Это в известной мере справедливо. Фабричное законодательство было выгодно только для немногих крупных фабрикантов, фабрики которых вполне стояли на уровне современной техники; для всех прочих фабрикантов фабричные законы были крайне стеснительны. Тем не менее несправедливость утверждения, будто закон 3 июня ограждает интересы только рабочих, очевидна [2]. Достаточно обратить внимание на характер карательных мер за нарушение закона: фабриканту угрожает только легкое денежное взыскание — до 300 руб., а рабочему во многих случаях тюремное заключение. За самовольный отказ от работы рабочий подвергается аресту до 1 месяца, а фабрикант — только гражданской ответственности за неисполнение договора. Стачка хозяев не наказуема, а наказание за стачку рабочих сильно повышено. Закон прибегает к строгим взысканиям с фабрикантов лишь в том случае, когда их действия угрожают опасностью общественному порядку. Так, например, если некоторые действия фабриканта вызывают на фабрике волнения рабочих, то фабрикант может быть приговорен к аресту до трех месяцев и лишен права заведывания фабрикой.

Запрещение ночной работы женщин и малолетних не вызывало большой оппозиции фабрикантов до тех пор, пока продолжался промышленный застой. Но с оживлением торговли московские и владимирские фабриканты почувствовали всю горечь новых постановлений. Московская консервативная печать, — в особенности «Современные известия», — видела в законах 1882, 1885 и 1886 гг. чуть ли не социализм. Началась усиленная агитация против новых законов. Министр Бунге, виновный в издании этих законов, подвергся обвинениям в непонимании

---

[1] *В. Безобразов,* Наблюдения и соображения, стр. 8—10.

[2] На это было указано в свое время во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы», 1886 г., октябрь.

условий русской жизни, доктринерстве, увлечении тлетворными западноевропейскими теориями.

Оставление Бунге своего поста оживило надежды фабрикантов.

Московское отделение общества для содействия промышленности и торговли явилось выразителем пожеланий московских фабрикантов и в марте 1887 г. подало, одно за другим, два ходатайства новому министру Вышнеградскому об изменении порядка правительственного надзора за фабриками.

«С самого начала применения нового фабричного закона, — говорится в первом ходатайстве московского отделения, — возникли между фабрикантами и инспекцией разногласия и пререкания, которые, обостряясь все более и более, не могли пройти бесследно во взаимных отношениях хозяев и рабочих... Полемические статьи в газетах, официальные жалобы на фабричную инспекцию вследствие ее излишней требовательности, совершенно несогласной с законом, не приносящей никакой пользы рабочим, в защиту которых она, как будто, выступает, но только стесняющей и фабрикантов и рабочих и затрудняющей самое производство, породили вид какой-то борьбы между инспекцией, как бы защитницей рабочих, и хозяевами фабрик, как бы их эксплоататорами в самом крайнем смысле этого слова».

«...Воззрения инспекции на взаимные отношения между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложном представлении противоположности интересов сторон... Московское отделение, напротив, видит в сотрудничестве хозяев и рабочих на фабриках союз, основанный на сходстве интересов и различии способностей, дополняющих одно другое» [1].

Отделение приводит 20 обвинительных пунктов против фабричной инспекции, на которых мы останавливаться не будем.

Когда Вышнеградский в том же году посетил нижегородскую ярмарку, «всероссийское купечество» подало министру обширную докладную записку, содержавшую перечень всех пунктов неудовольствия со стороны купечества финансовой политикой Бунге и вместе — программу требований от нового финансового курса. В числе этих пунктов было и указание на «неудовлетворительность как нового фабричного закона, так и его исполнителей». Министр вполне согласился с такой неблагоприятной оценкой фабричных законов Бунге и дал обещание немедленно же приступить к исправлению этих законов [2].

И министр сдержал это обещание. 24 апреля 1890 г. вышел новый акт фабричного законодательства, в существенных пунктах изменивший ненавистные московским фабрикантам законы 1882 и 1885 гг. Ночная работа малолетних 12—15 лет была вновь дозволена в стеклянном производстве; фабричной инспекции предоставлено право разрешать воскресную и праздничную работу малолетним. Ночная работа женщин и подростков от 15 до 17 лет также могла быть разрешаема в некоторых случаях фабричным присутствием, а где нет таковых — губернатором. Министру финансов, по соглашению с министром внутренних дел,

[1] «Наша фабрично-заводская промышленность», Москва 1894 г., стр. 61—64.

[2] «Русский вестник», 1887 г., т. 190, «Современная летопись».

предоставлено допускать в течение известного срока к фабричным работам и детей от 10 до 12 лет[1].

Таким образом, закон 24 апреля представлял административному усмотрению все то, что при Бунге решалось самим законом. Московские фабриканты могли вновь ввести ночную работу для женщин и детей, не делая перерывов даже по праздникам; все зависело от усмотрения фабричной инспекции и высшей местной администрации.

Мы не можем судить о практических последствиях закона 1890 г., так же, как и предшествовавших законов 1885 и 1886 гг., так как последние печатные отчеты фабричных инспекторов относятся к 1885 г. Мы не знаем, как пользовались губернаторы и фабричные присутствия своим правом дозволять воскресную и праздничную работу малолетним, ночную работу женщинам и подросткам. При существующем порядке все определяется усмотрением администрации. От нее зависит ослабить или усилить действие закона, свести на практике эти законы к нулю или сделать из них действительное средство охраны рабочего. Общее направление деятельности министерства финансов после Бунге и изменение личного состава фабричной инспекции вызывает опасение, что первое гораздо чаще имело место, чем второе.

Одним из очень немногих печатных источников, касающихся практического применения новых фабричных законов, является интересная книга помощника владимирского фабричного инспектора г. Микулина «Очерки из истории применения закона 3 июля 1886 г.» (Владимир 1893 г.). До какой степени право свободного договора фабричного рабочего с хозяином до введения новых законов являлось фикцией, можно видеть из того, что до 1886 г. в условия рабочего договора включались иногда пункты такого рода: рабочий обязуется не оставлять работу до истечения срока договора, под опасением уплаты штрафа вдвое против наемной платы за все недожитое время, а фабрикант оставляет за собой право уволить рабочего «по непредвиденным обстоятельствам» во всякое время, уплатив ему деньги по день действительного служения. В особенности велик был произвол фабриканта в деле наложения штрафов. Фабриканты штрафовали рабочих, за что им вздумается и в любых размерах. Поводы к штрафам были крайне разнообразны и иногда довольно курьезные: так, например, рабочие облагались штрафами за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за «сборище нескольких человек в одну кучу» и т. п.

Инспекции пришлось вести упорную борьбу с фабрикантами. По словам г. Микулина, большинство крупных и средних фабрикантов отнеслись к закону «явно враждебно, не желая соглашаться ни с одним из его основных положений и требуя предоставления им полной свободы, существовавшей до сих пор в отношении условий, предлагаемых ими при найме своим рабочим»[2]. Особенно отстаивали фабриканты право, под видом штрафов, произвольно понижать заработную плату. Убедившись в серьезном намерении инспекции настаивать на исполнении закона, фабриканты стали прибегать к самым разнообразным уловкам,

---

[1] П.С.З., Собрание, III, т. X, 6743.
[2] *А. Микулин*, стр. 55.

чтобы провести инспектора. «Во исполнение требований закона относительно регулярной и своевременной выдачи денег, таковая записывалась аккуратнейшим образом в надлежащие книги, но фактически не выдавалась; в обход положения закона, воспрещающего производить рабочим расплату товаром и иными предметами, такие, если и производились, то записывались выданными чистыми деньгами; обходя требование закона отпускать харчи из лавки лишь по ценам, утвержденным инспекцией, отпускаемые рабочим харчи записывались в расчетные книжки общими суммами без обозначения каждого предмета в отдельности и его цены... не желая лишиться штрафных денег с рабочих, штрафы записывались фабрикантами, как бы выданные чистыми деньгами, или же, например, вместо штрафа за прогул рабочему записывалось неполное количество рабочих дней»[1].

Г-н Микулин приводит разнообразные уловки фабрикантов для присвоения себе штрафных денег. Одна уловка такого рода (основанная на неправильной расценке работы) повела к крупным волнениям рабочих, потребовавших вмешательства вооруженной силы; только после этого неправильные расценки были уничтожены.

Контроль фабричной инспекции чрезвычайно затруднялся тем, что все рабочие, подававшие жалобы инспекторам, как общее правило, увольнялись с фабрики хозяином. При этом фабриканты ввели обычай оповещать другие соседние фабрики об увольняемых рабочих; уволенный рабочий лишался возможности найти работу и на соседних фабриках. Таким путем фабриканты держали в страхе своих рабочих и препятствовали им разоблачать злоупотребления хозяев.

Со всем этим инспекция упорно боролась, и многие злоупотребления хозяев были устранены. Без сомнения, закон 3 июня 1886 г. улучшил положение рабочего на фабрике, но в какой мере — сказать невозможно по отсутствию данных.

В 1893 г. и правила 3 июня 1886 г., возбудившие ожесточенную вражду фабрикантов и реакционной печати, были изменены, правда, в малосущественных пунктах, в интересах фабрикантов; но основания их остались нетронутыми. Я не буду останавливаться на других второстепенных актах нашего фабричного законодательства и перейду к последнему и самому важному из них. До 1897 г. наше фабричное законодательство, подобно английскому и многим другим, нормировало рабочее время только детей и женщин; 3 июня этого года вышел чрезвычайно важный по своему принципиальному значению закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня взрослых рабочих. Сущность нового закона заключается в следующем: для всех фабрик и заводов Европейской России устанавливается максимальный рабочий день в $11\frac{1}{2}$ часов в сутки. Если работа хотя отчасти захватывает ночное время, она не должна продолжаться более 10 часов. Работа в воскресенье и особо именованные праздничные дни запрещается. Из действия* закона изъ-

[1] *А. Микулин*, стр. 70.

* Отрывок со слов «Из действия» до конца абзаца в 1-м издании отсутствует. Вместо него напечатано: «Значение этих постановлений ослабляется (во многих случаях практически сводится к нулю) разрешением сверхурочных работ и отсутствием карательных мер за нарушение закона». — *Ред.*

емлются лишь фабрики и заводы, принадлежащие морскому и военному министерствам.

Подробная юридическая оценка этого законодательного акта, равно как и изданных в развитие его «Правил», не входит в нашу задачу. Нам интересна в данном случае общественная обстановка, при которой создался этот закон.

Я говорил выше, что уже в 1867 г. управляющий Кренгольмской мануфактурой ходатайствовал о законодательном ограничении рабочего дня на фабриках. В 1875 г. съезд машиностроителей выработал проект законодательного ограничения рабочего дня 10 часами. В 1883 г. некоторые петербургские бумагопрядильные фабриканты опять возбудили ходатайство об ограничении рабочего времени. Однако, все эти ходатайства не привели ни к какому практическому результату вследствие сопротивления московских фабрикантов всякому сокращению рабочего дня. В 1894 г. ходатайства о сокращении рабочего дня опять возобновились, и притом от фабрикантов нашей польской окраины — Лодзи. Известно, каким опасным конкурентом для Москвы являлась и является Лодзь. На лодзинских фабриках рабочий день всегда был значительно короче, чем на московских, и почти не практиковалась ночная работа. Понятно, насколько выгодно было бы Лодзи повсеместное запрещение в России ночной работы и сведение продолжительности рабочего дня до уровня Лодзи. И вот, мы видим, что в 1894 г. «Лодзинское отделение общества для содействия русской промышленности и торговле» выработало проект законодательной нормировки рабочего времени на фабриках, заводах и ремесленных заведениях России. Согласно этому проекту, ночная работа должна быть запрещена во всех промышленных заведениях, кроме особо поименованных, на которых по характеру производства работа должна итти непрерывно. Время действительной работы не должно превышать в рудниках и копях — 10 часов в сутки, на фабриках, обрабатывающих металлы, — 11 часов, на прочих — 12 часов в сутки. При работе в две смены (кроме тех случаев, когда работа может итти круглые сутки) работа каждой смены не должна превышать 9 часов [1].

По словам фабричного инспектора Петроковского округа, г. Рыковского, большинство фабрикантов Петроковской губернии, сокративших рабочий день с 13 до 12 часов, заявили ему, что выработка товаров уменьшилась от этого лишь на 2,7%, а на одной крупной фабрике, благодаря улучшению машин и ускорению их движения, выработка даже увеличилась на 2,3—7,3%. По мнению г. Рыковского, «все русские фабриканты могли бы без особенного труда сократить на 1—2 часа практикующийся 13—14-часовой рабочий день и увеличить производительность своих фабрик, если бы они обратили более внимания на технику своих производств» [2].

Предложение Лодзи возбудило общее внимание нашего промышленного мира. В 1895 г. московское «Общество для содействия улучше-

[1] «Труды общества для содействия русской промышленности и торговле», 1895 г., ч. XXIII. «Проект законодательной нормировки рабочего времени».

[2] Там же, ч. II. «Проект законодательной нормировки рабочего времени», стр. 137.

нию и развитию мануфактурной промышленности» образовало комиссию, которая попыталась выяснить вопрос о желательности нормирования рабочего времени в прядильно-ткацком производстве путем опроса членов общества и посторонних фабрикантов и фабричных инспекторов. Полученные ответы крайне любопытны и характерны. Они показывают, насколько мысль о необходимости сокращения рабочего времени назрела даже среди старинных врагов фабричного законодательства — московских фабрикантов. Приведем некоторые из этих отзывов.

Ткацкий фабрикант г. Гусев заявил, что законодательное запрещение ночной работы и регулирование времени работы вполне желательно: «Малосильные фабриканты будут, конечно, говорить, что сокращать невыгодно, надо сокращать дело, но такие фирмы, хотя и необходимы в смысле развития отечественной промышленности, в то же время эксплоатацию свою развивают неправильно, и если бы такие фирмы сократились, то от этого едва ли кому было худо; рабочий там вырабатывает минимальное содержание, товар публика получает сомнительный, да и откуда идут фальсификации, как не от таких фирм»[1].

По мнению директора бумагопрядильной фабрики г. Федорова, «необходимость сокращения числа рабочих часов на фабриках вызывается прежде всего выгодами фабрикантов. В настоящее время бумагопрядильное производство достигло такого развития, что от рабочего требуется не сила, а понимание и ловкость — качества, которые будут у рабочего, стоящего на высшей ступени, чем рабочий настоящего времени. Уровень рабочего должен быть поднят настолько выше, чем теперь, насколько выше наш рабочий рабочего времен крепостного труда. Как уничтожение крепостного состояния выразилось в улучшении мануфактурной промышленности, так улучшение рабочего быта вызовет подъем и улучшение ее в настоящее время» («Труды», стр. 20).

По словам помощника директора прядильно-ткацкой фабрики г. Зотикова, «при таком продолжительном рабочем дне, как 12 часов в сутки, чрезвычайно трудно, а в иных случаях и невозможно поддерживать в рабочих строгое отношение к своей работе; при этом очень трудно достигнуть выработки изделий высокого качества» (стр. 23). Поэтому, г. Зотиков предложил ограничить максимальный рабочий день для мужчин 11 часами, для женщин 10½ часами.

Один фабричный инспектор в своем отзыве заявил, что нормирование рабочего дня «косвенным образом должно будет содействовать техническому прогрессу производства, ибо многие фабрики роковым образом будут принуждены обратить особое внимание на усовершенствование технической стороны производства» (стр. 44). По его словам, между выработкой рабочих, работающих 12 и 9 часов, большой разницы не замечается. Крупнейшие бумагопрядильные и льнопрядильные фабрики в районе инспектора уже ввели по собственному почину 18-часовую работу, вместо 24-часовой.

По словам г. Голгофского, директора бумагопрядильни, «большинство фабрикантов, если не все, готовы ввести на своих фабриках 18-часо-

[1] «Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности». «Труды прядильно-ткацкого отдела комиссии по вопросу о нормировке рабочего времени». Москва 1896 г., стр. 19.

вую работу (в 2 смены), но при разбросанности наших фабрик и слабой солидарности между самими фабрикантами соглашение их в этом направлении едва ли легко и скоро состоится, почему повсеместное проведение в жизнь новых положений может быть осуществлено только обязательным для всех правительственным законоположением» («Труды», стр. 67).

Значительное большинство опрошенных фабрикантов (центрального района) высказалось за уничтожение законодательным путем ночной работы, введение 18-часовой в две смены и сокращение дневной до 11 часов, но с тем условием, чтобы переход к новым условиям работы был рассрочен, по крайней мере, на 5 лет. Председатель комиссии, производившей это обследование, г. Алянчиков, один из директоров Никольской мануфактуры Морозовых, закончил следующими словами свое резюме отзывов опрошенных лиц: «Кто близко стоит к фабричному народу, тот знает, какая разница во всем обиходе иметь рабочего бодрого и развитого хоть немного, или переутомленного тупицу, который буквально не понимает иногда самого простого приказания, ломает машину, портит и мешает материал, суется куда не следует, увечится, пьянствует, прогуливает и составляет предмет неисчислимых хлопот, требует усиленного надзора, всякой переписки и надзора, хотя получает меньше жалованья и работает больше времени за него» («Труды», стр. 8).

Но были, разумеется, и другие голоса, протестующие против вмешательства правительственной власти в фабричные распорядки.

Так, один из представителей фабричной администрации, г. Савельев, представил обширный доклад по данному вопросу, в котором предсказывает всякие ужасы от сокращения рабочего дня. По его расчету, сокращение времени работы на один час принесет России убыток в 140 млн. руб. (Как это напоминает знаменитый, осмеянный Марксом, расчет английского экономиста Сениора о разорительности для английских фабрикантов перехода к 11-часовой работе: как видно, и фабриканты и их защитники — одни и те же, в какой бы стране они ни находились.) Г-н Савельев протестовал против сокращения времени работы, «ибо от убавки часа и даже трех часов рабочий не получит значительного облегчения (?!), так как он живет в невозможно плохих гигиенических условиях и страдает от автоматизма работы, шума, что все вместе взятое гораздо более значит, чем собственно мускульное утомление работою... Одним сокращением рабочего дня, этим пресловутым урегулированием рабочих часов, с отменою ночных часов, не поможешь горю». Вместо этого автор рекомендует улучшить жилища и питание, «дать правильное упражнение мускулатуре, моцион на свежем воздухе в специально устроенных зале и коридорах»[1].

Г-н Савельев — большой шутник: на том основании, что одного сокращения рабочего дня недостаточно для существенного улучшения положения рабочего, он высказывается против всякого сокращения времени работы, предлагая взамен этого устроить какие-то залы и коридоры для прогулок (!!!). Но когда же будут рабочие гулять в этих залах, когда у них не остается времени даже для спанья?

[1] «Труды прядильно-ткацкого отдела», стр. 113.

Согласно с заключением председателя, прядильно-ткацкий отдел признал нужным ходатайствовать перед правительством об издании закона, запрещающего ночную работу на всех прядильных и ткацких фабриках и устанавливающего для двух смен работу в 18 часов в сутки, а односменную в 10 часов для взрослых и 6 — для малолетних, причем переход от существующего поряда к новому должен совершиться постепенно в течение 5 лет («Труды» , стр. 127).

В общем собрании общества резолюция прядильно-ткацкого отдела была изменена, и общество постановило ходатайствовать о законодательном запрещении ночной работы, ограничении максимального рабочего дня для всех вообще производств 12 часами, а для некоторых и 11 часами (механическое прядение, ткачество и др.), но при этом кустарные ткацкие заведения (с числом рабочих менее 50 человек) должны быть изъяты из действия закона о нормировке, а самый срок прекращения ночных работ продолжен до четырех лет[1].

Комиссии прядильно-ткацкого отдела были доставлены очень любопытные данные о результатах сокращения времени работ на разных фабриках. На прядильных сокращение часов работы заметно улучшило качество товара, но количество часовой выработки пряжи увеличилось мало. Напротив, на ткацких фабриках, по показаниям фабрикантов, сокращение рабочего времени оказало огромное влияние на количество часовой выработки товара.

Род фабрик[2]	Число станов	Работа прежде	Работа теперь	Процентное увеличение часовой выработ. на стан
Бумаготкацкая	2 889	24	11	20
»	721	24	12	21
»	644	13	12	3
»	676	24	13	27
»	590	24	13½	24
»	717	24	12	23
»	1 258	24	13	15
Шелкоткацкая	1 110	13	11½	14
Шерстоткацкая	1 000	13	12	8

В некоторых случаях сокращение времени работы совсем не уменьшило общей выработки товара, и фабрикант остался в чистом барыше (так как при меньшем времени работы разные вспомогательные расходы уменьшаются).

Целый ряд фабрик центрального района, и притом самых крупных, по собственной инициативе сократил продолжительность своего рабочего дня. По словам г. Алянчикова, «86% всех веретен крутильных, 77,6% приготовительных машин прядильных и 78,4% ткацких станов уже перешли добровольно на более короткое время, и нет ни одного примера, когда бы совершился поворот под влиянием убеждения в невыгодности сделанного шага; были отдельные незначительные случаи обратного перехода, но лишь из желания воспользоваться случайным

[1] «Труды торгово-промышленного съезда 1896 г.», III, вып. V, стр. 227—228.

[2] Вычислено по «Сведениям», помещенным в приложении к «Трудам прядильно-ткацкого отдела».

благоприятным положением рынка. Приведенные цифры так велики, что если переход, ими указываемый, совершился добровольно, то нечего и сомневаться в возможности его для остальной небольшой части, под условием предоставления ей необходимого времени на подготовку. Самая важная, однако, статья — это прядильные веретена; но и тут уже 43% сдвинулись с места, а 12% на пути к перемене; следовательно, опять остается меньшая половина»[1].

Вопрос о влиянии сокращения времени работы на производительность труда был исследован в 1896 г. департаментом торговли и мануфактур через фабричных инспекторов. Отзывы старших фабричных инспекторов оказались в общем весьма благоприятными для такого сокращения. Так, например, владимирский старший фабричный инспектор сообщает: «Резюмируя все вышеизложенные цифровые данные, равно как и те мнения директоров фабрик, с которыми приходилось по этому поводу говорить, можно сделать следующие выводы: 1) Переход от суточной работы к денной или сменной 18-часовой несомненно повышает производительность труда рабочего в единицу времени. 2) Такое же повышение замечается и при сокращении дневной работы, в особенности при переходе с 13½ часов на 12 или 11. 3) Сказанное увеличение производительности далеко не одинаково для разных производств, которые могут быть в этом отношении разделены на 3 группы: а) в первой будут те фабрики, в которых главное значение имеет совершенство машин, рабочий же стоит на втором плане, — таковы, прежде всего, прядильные фабрики и затем ткацкие, б) во вторую категорию должны быть отнесены такие, в которых совершенство и быстрота хода машин имеют приблизительно одинаковое с рабочим значение, — таковыми следует признать отдельные красильные, ситценабивные и тому подобные заведения, в) наконец в третью следует поместить такие производства, в которых личный труд рабочего, степень его бодрости, внимания и умение имеют первостепенное значение, — таковы, например, некоторые отделения механических заводов, стеклянные и т. п. 5) Принимая во внимание только что указанные подразделения, можно считать, что продуктивность труда рабочего в единицу времени, происходящая вследствие отмены ночных работ при переходе на 18-часовую работу, или вследствие сокращения дневного труда на 1—2 часа, возрастает приблизительно следующим образом:

Для прядильных фабрик	на 3— 5%
» ткацких	» 7—10%
» красильно-набивных и механич. заводов	до 15%

Для остальных, в которых преобладает ручной труд, — в еще большей степени, не поддающейся, однако, учету[2].

По данным других фабричных инспекторов, сокращение времени работы влияет еще сильнее на производительность труда. В Московской губернии рабочий день был сокращен на 15 фабриках. При этом на ков-

[1] «Труды высочайше утвержденного Всероссийского торгово-промышленного съезда», 1896 г., III, вып. V, стр. 234.

[2] «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих», изд. д-та торг. и ман., Спб. 1896 г., стр. 49.

ровой фабрике Русской мануфактуры, шерстоткацкой Бутикова, меднолитейном заводе Краснова работа была сокращена с 12 до 11 часов в день, и общая выработка рабочего не понизилась, а на первой фабрике даже повысилась. Прядильно-ткацкие фабрики товарищества Реутовской мануфактуры и Высоковской мануфактуры перешли от 24-часовой к 18-часовой работе. Часовая выработка возросла на 16—20%. Переход других фабрик с 13 к 12-часовой работе, с 24 к 22 часам, с $11\frac{1}{2}$ и 11 — к 10 часам работы не сократил общей выработки рабочего. В Волынской губернии переход двух писчебумажных фабрик Дитятковского товарищества с двух смен, по $11\frac{1}{2}$ часов каждая, к трем сменам, по 8 часов каждая, привел к увеличению производительности труда на 25%. «Заработная плата рабочего осталась прежняя, так как фабрика платит поденно, и рабочий за 8 часов работы получает столько же, сколько получал прежде за $11\frac{1}{2}$ часов»[1]. Фабрика джутовых мешков Одерфельда в Ченстохове перешла с $11\frac{1}{2}$ часов к двухсменной работе 18 часов в сутки. Результаты оказались вполне благоприятны как для хозяев, так и для рабочих. «Обе стороны выиграли: производство выиграло в количественном и качественном отношении, накладные расходы распределяются на большее число единиц товара, достигнута экономия в смазке и отоплении; рабочие выиграли в отношении здоровья, *причем заработок их увеличился*»[2]. В Тверской губернии писчебумажная фабрика Кувшинова перешла от 24-часовой двухсменной работы к 24-часовой трехсменной (т. е. от 12 часов к 8 часам для каждой смены). Средняя месячная выработка рабочего почти не изменилась.

Подобные же примеры повышения производительности труда при сокращении времени работы, которое нередко оказывается выгодным для самих фабрикантов, приводится фабричными инспекторами и других округов. Тем не менее, большая часть московских хлопчатобумажных фабрикантов все еще продолжает держаться двухсменной работы, от 24 до 18 часов в сутки, как видно из нижеследующих цифр, приводимых г. Ланговым[3].

Число рабочих на фабриках

	Однокомплектных	Двукомплектных
С.-Петербургская губ. (текстильная промышленность)	83%	17%
Московская губ. (хлопчатобумажная промышленность)	31%	69%
Петроковская губ. (текстильная промышленность)	80%	20%

Петроковские фабриканты, в огромном большинстве, были прямо заинтересованы в запрещении ночной работы. Я уже говорил о ходатайстве лодзинских фабрикантов; что касается петербургских, то они

[1] «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих», изд. д-та торг. и ман., Спб. 1896 г., стр. 54.
[2] Там же, стр. 134.
[3] *Ланговой*, Нормирование продолжительности рабочего времени на фабриках, Спб. 1897 г., стр. 12.

пошли еще дальше своих польских собратьев. В 1896 г. владельцы петербургских бумагопрядилен ходатайствовали о немедленном воспрещении всем фабрикантам работать свыше, средним числом, 11 часов с небольшим в сутки[1]. Для московских фабрикантов такой быстрый переход к дневной работе, понятно, был бы очень убыточен. Этим и объясняется, почему московское «Общество для содействия развитию мануфактурной промышленности» предлагало растянуть на 4 года срок введения закона о прекращении ночной работы. Но многие московские фабриканты, как я говорил, были против какого бы то ни было законодательного ограничения рабочего дня.

Судя по прецедентам, можно было опасаться, что выработка закона о нормировке рабочего времени затянется у нас еще на долгий срок. Однако эти опасения не оправдались. Последовали известные стачки рабочих на петербургских фабриках в мае 1896 г. и январе 1897 г.; 2 июня 1897 г. был издан закон, нормирующий рабочий день.

Закон этот явился компромиссом между требованиями петербургских и московских фабрикантов. Он сократил рабочий день почти до нормы, предлагавшейся петербургскими фабрикантами, но, в интересах московских фабрикантов, не воспретил ночной работы, а лишь ограничил ее 10 часами. Таким образом, закон 2 июня, опасаясь нарушить интересы более отсталых московских фабрикантов, далеко не удовлетворил даже ходатайства московского «Общества для содействия развитию мануфактурной промышленности», не удовлетворил требований более передовых московских же фабрикантов.

Несмотря на свое огромное* принципиальное значение, закон 2 июня 1897 г. заключает в себе столько существенных недостатков, что практическое значение его подлежит серьезным сомнениям. Недостатком закона является сохранение ночных работ, хотя не только петербургские, но даже и многие московские фабриканты высказывались в пользу запрещения ночной работы. В своем настоящем виде закон может повести к тому, что фабрики, работавшие раньше только днем, перейдут к работе круглые сутки с двойной сменой, что отнюдь не может считаться шагом вперед в нашем фабричном деле. Так как по закону ночным временем признается время от 10 часов вечера до 4 часов утра, то закон особенно благоприятствует 18-часовой двухсменной работе, что также не может быть признано согласным с требованиями гигиены, ибо, в действительности, ночь продолжается дольше шести часов. Затем бросающимся в глаза недостатком закона является отсутствие указания в нем на карательные меры за его нарушение. Не подлежит сомнению, что действительное ограничение продолжительности рабочего дня $11\frac{1}{2}$ часами в сутки было бы существенным выигрышем для рабочего класса, ибо обычная продолжительность рабочего дня на наших фабриках значительно больше. Так, например, по некоторым — весьма, впрочем, ненадежным — расчетам, в Московской губернии у 67,3% всех фабричных рабочих рабочий день был до введения закона 1897 г. более

---

[1] *Ланговой*, стр. 13.

* Отрывок со слов «Несмотря на свое огромное» до конца главы в 1-м издании отсутствует. — *Ред.*

продолжителен, в Петербургской — у 56%. В других губерниях (кроме Польши и прибалтийских провинций) рабочий день во всяком случае был не короче. Поэтому практическое значение закона 1897 г. не подлежало бы спору, если бы постановление закона о предельной норме рабочего дня не парализовалось отсутствием мер наказания и разрешением сверхурочных работ. Циркуляр министра финансов от 14 марта 1898 г., разрешивший в неограниченном размере сверхурочные работы, почти лишает закон 1897 г. всякой силы.

Подведя итог сказанному выше об условиях развития нашего фабричного законодательства, нельзя не прийти к заключению, что особенностью русского фабричного законодательства явилась выдающаяся роль при выработке фабричных законов соображений политического и полицейского характера. Все наши важнейшие фабричные законы возникли под непосредственным влиянием соображений этого рода. Нельзя не признать чрезвычайно занимательным в этом случае тот факт, что инициатива издания весьма важных фабричных законов нередко принадлежала у нас министерству внутренних дел в лице его различных органов. Другим существенным фактором нашего фабричного законодательства явилась конкуренция московских и петербургских фабрикантов, причем петербургские фабриканты были сторонниками государственного вмешательства, а московские — противниками его. Причины этого различия выяснены выше. Наконец, могущественный толчок к изданию наших основных фабричных законов был дан промышленным кризисом и застоем первой половины восьмидесятых годов.

ГЛАВА III

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Влияние реформы 19 февраля на заработную плату. — Повышение платы и последующее падение ее. — Рабочие на Ивановских фабриках по отзыву Я. Гарелина. — Сравнение заработной платы в Шуйском уезде в 50-х и 80-х годах. — Падение реальной заработной платы. — Заработная плата на московских фабриках. — Изменение заработной платы в новейшее время. — Современный фабричный рабочий по исследованиям г. Дементьева и других московских земских статистиков. — Обособление фабричных рабочих в особый общественный класс. — Обследование г. Шестаковым рабочих на фабрике Цинделя. — Связь с землей. — В чем эта связь заключается у различных групп рабочих. — Значение этой связи с землей.

Реформа 19 февраля создала совершенно новые условия рабочего рынка. Первым последствием освобождения был упадок всех фабрик и заводов, основанных на крепостном труде. Закрепощенные фабричные рабочие, получивши свободу, или уходили с фабрик, или, если оставались, то лишь на условии значительного повышения заработной платы.

По словам г. Голубева, «в первый же год по освобождении крестьян рабочие руки вздорожали; сельское население показало очевидное стремление удалиться из фабричных центров и городов в деревню. Фабрикантам приходилось увеличивать издержки производства, возвышать заработную плату; но и на увеличение ее рабочие не поддавались; лучшие из них, работавшие по 10 и 15 лет на фабриках и скопившие копейку, уезжали в деревню. Притом крестьяне промышленных подмосковных губерний, как известно, перешедшие на наименьшие земельные наделы, старались в первые годы по освобождении самостоятельно заняться издавна знакомым им производством»[1].

Но такое благоприятное для рабочих положение рынка длилось недолго. Уже через несколько лет, по словам того же Голубева, «сельское население вновь, и в большей против прежнего степени, начало обращаться к фабричному труду, отчего произошло понижение заработной платы».

---

[1] *А. Голубев,* Пряжи и ткани из хлопчатой бумаги, стр. 98. «Историко-статистический обзор промышленности России».

Денежная заработная плата после крестьянской реформы сильно повысилась, но еще более значительное повышение цен на предметы потребления рабочего повело к падению реальной платы рабочего.

По вопросу об изменении положения рабочего класса в пореформенное время для нас очень ценны указания Я. Гарелина, бывшего в прежнее время одним из крупнейших фабрикантов села Иванова и лучшего знатока местной промышленной истории. Приведу поэтому обширную выдержку из его неоднократно цитированной книги «Город Иваново-Вознесенск».

«Блестящая пора больших заработков у ивановского рабочего кончилась с введением в дело машин. Пока машин не было или они являлись отдельными нововведениями, рабочий, можно сказать, царил на фабрике, — от него зависело, работая хорошо, получать большие деньги и доставлять в то же время и хозяину порядочный барыш или, разозлившись на хозяина, портить ему товар и все-таки не оставаться в накладе в случае расчета, потому что он мог тотчас же явиться к конкуренту своего прежнего хозяина и доставить тому возможность одержать верх над последним. При прежней разрозненности и непонимании хозяевами общности интересов, это была весьма обыкновенная вещь. Правда, от рабочего требовалась, прежде всего, честность, но это понятие всегда условное, тогда в особенности являлось условным. Словом, хозяин был тогда в известной тягостной зависимости от рабочего. Но вот являются машины и мало-помалу завладевают всем делом. Рабочим пришлось уже не хозяйствовать, а стать в подчинение к бездушным машинам, с которыми разговоров вести, конечно, невозможно было и которые, вдобавок, срабатывали по меньшей мере в десять раз больше, чем могли сделать все рабочие, находящиеся на фабрике. Таким образом, в фабричном производстве стали царить машины, успеху которых немало содействовало и то обстоятельство, что время их окончательного введения на фабриках совпало с временем освобождения крестьян из крепостной зависимости и, следовательно, с временем наибольших хлопот для всех освобожденных от крепостного права. Рабочий сделался теперь вполне зависимым от машины. Начинается совершенно новая эпоха в его жизни» [1].

По расчету Я. Гарелина, денежная заработная плата во всех видах труда повысилась к началу 80-х годов, сравнительно с концом 50-х годов, на 15—50%. Между тем цена ржаной муки в Иваново-Вознесенске за то же время возросла на 100%, масла коровьего — на 83%, мяса — почти на 220%. Ткачи на механических станках в 1858 г. зарабатывали в месяц от 10 до 16 руб. сер. В 1882—1883 гг. те же ткачи получали 12—18 руб.; их денежный заработок поднялся всего на 15% — гораздо меньше, чем поднялась цена хлеба. «Возможно ли жить хотя бы порядочно при таких условиях!» — замечает по этому поводу Гарелин.

Не нужно забывать, впрочем, что первая половина 80-х годов, к которой относятся замечания Гарелина, была эпохой промышленного застоя и сокращения спроса на труд. Этот застой достиг таких размеров, что даже вызвал в Московской губернии, как я упоминал выше, возвра-

[1] *Гарелин*, Город Иваново-Вознесенск, ч. II, стр. 100.

щение местных фабричных рабочих к обработке земли. То же самое наблюдалось и во Владимирской губернии. «За последние 5 лет, — говорит Гарелин, — здесь замечается поворот в пользу обработки земли. В прежнее время, когда работа на фабриках доставляла заработок несравненно больший, чем обработка земли, что объяснялось дешевизной хлеба и настойчивой потребностью в рабочих руках на фабриках, земледелие в окрестностях города (Иваново-Вознесенска) было почти совсем заброшено, и городские земли давали маленький доход. Но за последнее время цены на хлеб повысились, между тем заработная плата на фабриках упала очень низко, возделывание полей является весьма выгодным, и начинается опять поворот к земледелию» [1].

Этот «поворот к земледелию» был временным явлением, всецело вызванным промышленным кризисом. Вторая половина 80-х годов и особенно 90-е годы характеризуются усиленным бегством мужика из деревни в город.

Остановимся, однако, подробнее над вопросом об изменении заработной платы в пореформенную эпоху. Я приводил цифры заработной платы в разных родах труда на хлопчатобумажных фабриках Иваново-Вознесенска. В прилагаемой таблице читатель найдет заработную плату на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда [2]. Для удобства сравнения я сопоставил среднюю месячную плату рабочих в Шуйском уезде во второй половине 50-х годов и в 1883 г. [3].

	1856—1858 гг. Р. К.	1883 г. Р. К.	Увеличение в процентах
Прядильщики	14 58	16 25	+ 12
Присучальщики	5 50	10 89	+ 98
Ставильщики	3 50	5 63	+ 61
Трепальщики	7 00	10 00	+ 43
Банкаброшницы	6 00	9 50	+ 58
Ленточницы	5 50	8 00	+ 45
Мотальщицы	9 00	11 25	+ 25
Ткачи механические	11 25	11 67	— 4
Ткачи ручные	6 67	6 37	+ 4
Сновальщики ручные	6 04	9 50	+ 57
Набойщики	9 67	12 74	+ 32
Растиральщики	0 98	1 60	+ 63
Резчики	10 83	18 62	+ 72
Клеильщики	7 08	12 00	+ 69
Кузнецы	9 17	23 54	+ 157
Слесаря	12 17	21 09	+ 73
Столяры	11 25	28 68	+ 155

По всем отраслям труда, кроме ручного ткачества, наблюдается повышение платы. Размер повышения различен. Сильнее всего повысилась плата столяров и кузнецов — более чем вдвое. В других родах

[1] *Гарелин*, ч. II, стр. 70.

[2] Эти данные извлечены из отчета фабричного инспектора Владимирского округа *П. Пескова*, Фабричный быт Владимирской губ., Спб. 1884.

[3] Заработная плата присучальщикам, ставильщикам, банкаброшницам, ленточницам, мотальщицам, трепальщикам взята из показаний Гарелина (таблица стр. 203), плата прочим рабочим по данным Бабурина (та же таблица).

труда повышение было далеко не так значительно и, в среднем, вряд ли достигало 50%. Особенно бросается в глаза ничтожное увеличение платы самой многочисленной группы рабочих — ткачей и прядильщиков. Плата ручных ткачей даже упала.

Сопоставим изменение денежной заработной платы с изменением цены хлеба:

Годы	Средняя цена пуда ржаной муки в Москве[1]	Увеличение
	Р. К.	
1856 — 1858	0 56	95%
1881 — 1883	1 09	

Цена хлеба повысилась гораздо значительнее, чем заработная плата огромного большинства рабочих. Принимая цену хлеба показателем покупательной силы денег, следует заключить, что к началу 80-х годов *реальная заработная плата рабочих на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда понизилась, в общем, не менее чем на 20—30%.*

Как мы видели, это подтверждается и показанием такого компетентного автора, как Гарелин. Сильнее всего упала заработная плата ручных ткачей; реальная плата механических ткачей и прядильщиков должна была сократиться почти вдвое. Заработок фабричных мастеровых — кузнецов и столяров — быть может, возрос*.

Итак, мы имеем перед собой важный факт уменьшения реальной платы фабричных рабочих в Шуйском уезде за два первых десятилетия после крестьянской реформы. Сравнение статистических данных о заработной плате и ценах хлеба приводит к тому же выводу, к которому пришел и Гарелин на основании личных наблюдений.

Однако, не нужно преувеличивать размеры этого явления. Во-первых, начало 80-х годов было эпохой промышленной депрессии, и это могло оказать известное действие на заработную плату (хотя, как увидим ниже, кризис повлиял в начале 80-х годов, главным образом, на сокращение числа занятых рабочих, а не на падение их платы). Во-вторых, важно иметь в виду, что заработная плата изменялась далеко не одинаково в различных местностях. В Шуйском уезде как старинном центре хлопчатобумажного производства изменение заработной платы могло итти и не совсем так, как в других местах. В крепостную эпоху заработная плата в Иванове и окрестностях стояла значительно выше, чем в других, менее промышленных, районах. В новейшее время положение изменилось. Из отчета владимирского фабричного инспектора, г. Пескова, мы узнаем, что «по всем занятиям заработок в Шуйском уезде стоит ниже заработка в остальных частях Владимирской губернии. Причина тому, надо полагать, заключается в избытке в Шуйском уезде предложения рук, происходящем от сравнительно большого числа в этом

[1] По «Хлебопекарному промыслу в Москве». Для 1881—1883 гг. взята цена обыкновенной муки.

* В 1-м издании: «Фабричные мастеровые—кузнецы и столяры—удержали в начале 80-х годов свой реальный заработок на той же высоте, как и в 50-х годах; их заработок быть может даже возрос». — *Ред.*

уезде и в соседнем с ним — Ковровском — жителей, исключительно живущих одним только фабричным трудом, а также, сколько мне известно, и большей бедностью их в сравнении с жителями остальных местностей губернии»[1].

Итак, Шуйский уезд, выделявшийся раньше зажиточностью населения и высокой заработной платой, в 80-х годах выделялся в другом отношении: бедностью жителей и низкой заработной платой. Поэтому мы имеем полное основание принять, что в других уездах Владимирской губернии понижение реальной заработной платы во всяком случае не было столь значительно; к сожалению, по отсутствию подходящего цифрового материала, вопрос этот не может получить статистического освещения.

Перейдем теперь к Московской губернии. У меня нет заслуживающих доведения данных о заработной плате на московских хлопчатобумажных фабриках в николаевское время *.

Средняя месячная плата вольнонаемного рабочего в Москве в 30-х—40-х годах была никак не менее 30 руб. ассигн. (см. ч. I, гл. VI **). В начале 80-х годов на текстильных фабриках Московской губернии взрослый рабочий вырабатывал 12½—20 руб.[2]. Это указывает на

[1] «Фабричный быт Владимирской губернии», стр. 81.

* В 1-м издании после этого напечатано: «Поэтому для сравнения приходится взять те роды труда, относительно которых таковые данные имеются, — суконное производство. Но и тут материал, которым я располагаю, крайне ничтожен. Я должен ограничиться сравнением изменения заработной платы на двух фабриках, о которых мне уже приходилось говорить выше, а именно: по фабрикам Рыбникова (Чудинской) и Бабкиных (Кунавинской).

Средняя месячная заработная плата на Чудинской фабрике Рыбникова.

	1834 г. (ассигнации)	1883 г.	Уменьшение в %
	Р. К.	Р. К.	
Ткачи	26	19 50	25
Понсучальщики	8	4 50	44
Трепальщики	20	7 75	61
Сновальщики	21	17 50	17
Красильщики	24	11 50	52
Суконовалы	22 50	10 50	53

Средняя месячная заработная плата на Кунавинской фабрике Бабкиных (вольные рабочие).

	1834 г. (ассигнации)	1883 г.	Уменьшение в %
	Р. К.	Р. К.	
Ткачи	36 —	17 —	53
Прядильщики	32 50	20 —	38

Пуд ржаной муки за 1831—1835 гг. стоил в Москве 1 р. 93 к. (ассигнациями), за 1881—1883 гг. — 1 р. 25 к. Цена хлеба понизилась на 36%. Понижение денежной заработной платы (не нужно упускать из виду, что для 1834 г. цены выражены в ассигнациях) было в общем значительнее падения цены хлеба. При этом необходимо принять во внимание, что для 1834 г. на Чудинской фабрике показана плата посессионным рабочим». — *Ред.*

** В 1-м издании: гл. V. — *Ред.*

[2] «Фабричный быт Московской губ.», стр. 110—111.

Месячная заработная плата на хлопчатобумажных

Роды труда	Прядильные фабрики: Кокушкина р.	к.	Гарелина р.	к.	Каретниковой р.	к.	Средняя плата р.	к.
Прядильщики	15	25	13	50	20	—	16	75
Присучальщики 1-е	9	35	10	14	13	75	11	65
Присучальщики 2-е	8	—			12	25	10	3
Трепальщики	9	5	9	25	11	25	10	—
Сортировщики	5	7	—	—	9	37	5	37
Холстовщики	7	25	—	—	7	—		12
Крутильщики	—	—	—	—	5	—	5	—
Банка-брошн.	—	—	8	38	10	63	9	50
Ленточницы	—	—	7	85	8	13	8	—
Моталки	—	—	—	—	11	25	11	25
Ватерщики	—	—	4	75	9	—		87
Ставильщики	5	63	—	—	—	—	5	63
Съемщики	—	—	5	5	—	—	5	5
Тазовщики	3	75	—	—	—	—		75
Слесаря	2	37	—	—	25	—	4	62
Ученики	7	1	—	—	—	—	7	2
Токари	—	—	—	—	19	37	19	37
Столяры	24	37	—	—	2	0	8	68
Ученики	8	75	—	—	—	—	8	75
Кузнецы	10	2	—	—	0	—	6	56
Молотобойцы	16	12	—	—	12	50	14	31
Маляры	—	—	—	—	13	12	18	12
Паяльщики	—	—	—	—	45	—	25	—
Газовщики	12	50	—	—	11	0	12	50

Роды труда	Ткацкие фабрики: Кокушкина р.	к.	Посылина р.	к.	Гарелина р.	к.	Зубкова р.	к.	Гандурина р.	к.	Каретниковой р.	к.	Терентьева р.	к.	Небурчилова р.	к.	Бр. Калужских р.	к.	Средняя плата р.	к.
Ткачи механические	8	84	—	—	11	15	15	50	15	—	16	—	10	—		75	8	13	11	67
Сновальщики	12	96	—		16	62	20	—	10	50	—	—	15	50	12	—	16	12	16	81
Шахтовальщики	15	36			18	47	—	—	11	50	24	87	15		17	—	24	16	18	30
Пробирщики	23	9	—	—	1	75	0	—	—		13	1	15	—	12	0	6	50	14	55
Подавальщики			—	—	10	75	6	50	—	—	5		4	—	4	—	3	—	5	37
Бердовщики	—	—	—		—	—			—	—	—	—	—		10	—	—	—	20	—
Ремизолакировщики	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—		—		22	50	—	—	22	50
Размеряльщики			—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	7	0	—	—	7	50
Складальщики	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	—	—	14	—
Ручные ткачи	—	—	8	75	—	—	—	—	—	—	—	—	4		—	—	—	—	6	37
Ручные сновальщики	—	—	9	50	—				—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	50
Моталки и цевочн.	7	29	—	—	9	33	11	—	0	75	8	18	—	—	10	50	6	25	9	—
Кленильщики	—	—	12		—	—			—	—	—	—			—	—	—	—	12	—
Курчаки	—		9	—	—	—			—	—	—	—			—	—	—	—	9	—
Слесаря	—	—	—		—	—	—	—			—	—			—	—	12	50	12	50
Кузнецы	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	17	50	11	50
Молотобойцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	1	—

фабриках Шуйского уезда в 1883 г.

Роды труда	Ситцепечатные фабрики																															
	Полушина		Напалковых		Зубкова		Куваевой		Гандурина		Новиковой		Каретниковой		При Шуйской мануфактуре		Покушкина		Грубчева Василия		Рубчева Ивана		Посылина		Обойная Шеколдина		Средняя плата	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Красильщики	11	25	—	—	—	—	9	75	—	—	—	—	11	87	12		—	—	5	50	14	—	—	—			11	39
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75
На суш. и крахм. барабанах	5	62	5	—	—	—	[illegible]	75	6	—	9	—	9	97	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	45
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25	5	62	7	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	04
На печатн. машине	11	25	—	—	—	—	17	50	—	50	11	50	—	—	15	50	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	61
Мальчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	7	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
В отбельной	10	62	—	—	10	50	2	0	—	—	—	—	10	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	67
Малолетние	—	—	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	5	1[illegible]	7	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	54
Женщины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	33
Рисовальщики	—	—	—	—	55	16	[illegible]	[illegible]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	24
Ученики	—	—	—	—	4	—	[illegible]	[illegible]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
Граверы	50	—	30	—	94	—	1[illegible]	50	46	—	25	50	—	—	62	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54	07
Чернорабочие	11	25	1[illegible]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	2
Ученики	—	—	—	—	9	—	[illegible]	5	4	—	5	—	—	—	—	—	3	50	—	—	—	—	—	—	—	—	6	25
Раклисты	100	—	—	—	45	—	64	58	85	63	66	—	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	72	45
Ручные набойщики	—	—	—	—	12	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	12	—	12	21	14	—	12	74
Ученики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	[illegible]	50	—	—	—	—	7	50
Резчики	—	—	—	—	20	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	50	—	—	1[illegible]	5[illegible]	—	—	18	62
Рабочие в лаборат.	—	—	10	—	—	—	1	1	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	11	60
„ в заварке	—	—	11	—	11	70	—	—	—	—	10	0	—	—	—	—	8	50	7	—	11	75	—	—	—	—	10	08
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	25
Рабочие в запарке	11	25	—	—	—	—	12	—	—	—	11	50	—	—	12	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	35
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	6	25	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
В зрельной	—	—	—	—	10	50	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	25
Сшивальщики	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	6	50	—	—	—	—	—	—	—	—	8	50
Малолетние	—	—	—	—	6	80	—	—	—	—	—	—	4	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	52
На галандрах	—	—	—	—	—	—	[illegible]	7	—	—	8	50	—	—	15	—	10	—	8	50	12	50	—	19	50	11	98
Малолетние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	25	6	—	—	50	—	—	—	—	6	25
Грунтовальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	23	—	—
Скатывальщики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	75	7	75	
Слесаря	—	—	—	—	—	—	22	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	50
Ученики	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—

понижение не только денежной, но и реальной заработной платы в Московской губернии.*

Подтверждением этого служит вышеприведенный отзыв Гакстгаузена о высоте заработной платы в России сравнительно с платой германского рабочего. Не может быть сомнения, что современная плата фабричного рабочего в России гораздо ниже, чем в Западной Европе. В настоящее время Россия выделяется среди всех других стран Европы не высокой, но низкой платой. Если сколько-нибудь доверять цифрам заработной платы, принимаемым Гакстгаузеном (по его словам, обыкновенный рабочий получал в России в 40-х годах около 1 руб. в день, прядильщик — 1½ руб., ткач — 2 руб. ассигнац.), то факт весьма значительного понижения реальной заработной платы в России следует признать весьма вероятным.

Можно было бы предположить, что понижение заработной платы во Владимирской и Московской губерниях всецело зависело от промышленного кризиса начала 80-х годов. Но это не так. По компетентному свидетельству г. Дементьева, «на крупных мануфактурах (а все приведенные данные о заработной плате относятся к таковым) кризис отразился преимущественно в сокращении работы с безостановочной посменной — день и ночь — на одну денную, т. е. выразился уменьшением числа рабочих, но не уменьшением заработной платы оставшихся на фабриках... на заработок рабочих, получающих плату сдельно, кризис нигде никакого влияния не оказал, потому что уменьшилось лишь количество рабочих, но не расценка работ. Несколько попыток фабрикантов уменьшить последнюю приводили к таким крупным столкновениям их с рабочими, что пришлось оставить»[1]. Заработная плата под влиянием промышленного застоя в конце концов понизилась, но это понижение произошло *после 1883 г.* — в 1884 и 1885 гг., что и повело к известным волнениям рабочих в Московской и Владимирской губерниях.

Итак, следует признать, что после освобождения крестьян заработная плата фабричных рабочих изменялась в другом направлении, чем раньше. В крепостную эпоху заработная плата росла, после освобождения падала. И это вполне понятно. Быстрое развитие капитализма, разрушение старинных бытовых устоев русского хозяйственного строя — не могли повести к другим последствиям. В следующей главе я буду подробно говорить о характерном для пореформенной эпохи падении кустарных промыслов под влиянием конкуренции крупных фабрик. Диференциация деревни, уменьшение земельной обеспеченности мужика, благодаря быстрому росту населения, исчезновение во многих местах подсобных заработков, раньше дававших крестьянину возможность пополнять дефициты своего бюджета, — все это не могло не по-

---

* Эта фраза в 1-м издании отсутствует. Вместо нее напечатано: «Так как цена хлеба понизилась за это время немного более, чем на ⅓, то следует признать, что и в Московской губернии со времени николаевской эпохи реальная заработная плата упала. К сожалению статистические данные, которыми я располагаю, так скудны, что я должен признать этот вывод только вероятным». — *Ред.*

[1] *Е. Дементьев.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, Москва, 1897 г., изд. 2-е, стр. 120.

нать мужика из деревни. Рост отхожих промыслов, как я буду говорить ниже, наблюдается в новейшее время во многих частях России. Как ни быстро увеличивался спрос на рабочих, благодаря развитию крупной промышленности, предложение рабочих рук росло еще быстрее. В результате получилось падение заработной платы и ухудшение условий труда.

Первая четверть века после великой реформы 19 февраля была для России в экономическом отношении тем же, чем были 20-е и 40-е годы для Англии. Развитие капиталистического производства и вытеснение ручной домашней работы машинной работой на фабрике вызвало в Англии такой же кризис, какой перенесла и Россия. В другом месте (в книге «Промышленные кризисы в современной Англии») я подробно описывал тяжелое положение английского рабочего класса (особенно ручных ткачей-кустарей) во второй четверти этого века. «Как общее правило, в Англии, в течение первой половины XIX столетия понижалась заработная плата всех рабочих, работа которых не требовала долгого предварительного обучения. Развитие капитализма вызвало образование избыточного населения, которого не знала Англия прежнего времени. Сельские рабочие, которые должны были бросить земледелие, мелкие производители, которые не могли выдержать конкуренции с крупным производством, рабочие, вытесненные машинами, представители всевозможных профессий, процветавших при прежнем порядке, и неприспособленные к новым хозяйственным условиям — вся эта масса рабочего люда лишилась своих прежних заработков и должна была устремиться в те отрасли промышленности, которые были для всех доступны. Образование избыточного населения, выбитого из обычной колеи, составляет необходимое следствие всяких крупных промышленных переворотов» [1].

Все это столь же применимо к пореформенной России, как и к Англии первой половины века. И в России сельское население после освобождения крестьян стало уходить от земли, и в России крупное производство вступило в жестокую борьбу с мелким; торжество фабрики над кустарем у нас, как и на Западе, не могло не выразиться падением заработной платы фабричного рабочего, тем более, что условия самозащиты фабричного рабочего у нас совершенно иные.

Итак, капитализм приводит только к обнищанию народной массы, ухудшению положения производителя? Действительно, опыт всех капиталистических стран, так же, как и теория, показывает, что *первые стадии* развития капиталистического производства сопровождаются ухудшением положения трудящегося класса. То же происходило и у нас. История идет не по розам. Но тот же опыт, равно как и теория, не менее убедительно говорит, что единственное средство улучшить положение рабочего заключается *в дальнейшем развитии капиталистического производства*. Англия пережила тяжелые кризисы в эпоху борьбы машинного и ручного производства, но когда переходный период кончился,

---

[1] «Промышленные кризисы в современной Англии», Спб. 1894 г. стр. 67—68.

и машина победила в важнейших отраслях труда, когда кустари перестали конкурировать с фабрикой нищенской заработной платой, тогда и положение рабочего класса стало улучшаться [1].

«Мы страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточности такого развития». Эта знаменитая фраза Маркса неоднократно цитировалась в нашей литературе, — и, действительно, она наилучшим образом характеризует в сжатой форме положение всех стран, находящихся на первых стадиях капиталистического развития. Единственное спасение от всех зол капитализма заключается в его дальнейшем развитии.

В какой же стадии находится Россия, — пережила ли она уже самое тяжелое в этом переходном периоде или самое худшее для нее еще впереди? Первое представляется более вероятным. В прилагаемой таблице (стр. 342—343. — *Ред.*) сопоставлена плата рабочих в Московской и Владимирской губерниях за 1883 и 1896 гг.: за первый год — по отчетам фабричных инспекторов гг. Янжула и Пескова, за второй — по данным вышедшего в 1896 г. издания департамента торговли и мануфактур — «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в двадцати наиболее промышленных губерниях Европейской России». Эти последние данные доставлены также старшими фабричными инспекторами. Чтобы сделать цифры заработной платы в 1883 и 1896 гг. сравнимыми между собой, я выбрал из отчетов гг. Янжула и Пескова и названного издания те фабрики и те роды труда, которые приводятся как за 1883, так и за 1896 гг. Таких фабрик оказалось очень немного, но зато приводимые цифры можно сравнивать, не рискуя сопоставить совершенно разнородные и несравнимые между собой величины.

Из приводимой таблицы видно, что денежная заработная плата почти по всем родам труда повысилась в среднем на 10—15%.

Этот вывод * можно проверить данными, приводимыми в исследовании г. Шестакова. Рабочие на мануфактуре т-ва Эмиль Циндель (Москва, 1900) [2].

Средний годовой заработок 1 мужчины на фабрике Циндель

Годы	Руб. коп.
1886 — 1890	236 60
1891 — 1895	231 60
1896 — 1898	247 30

Незначительность увеличения заработка объясняется, по словам г. Шестакова, тем, что за два последних года на фабрике произошло значительное изменение состава рабочих — было привлечено к работе много чернорабочих, труд которых оплачивается гораздо ниже, и были отменены выше оплачиваемые сверхурочные часы. Поэтому правильнее взять для сравнения 1886—1896 гг.

---

[1] Это признает и Энгельс, в предисловии ко второму изданию своей известной книги: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England».

* Отрывок со слов «Этот вывод» до слов «почти вдвое» (стр. 341) отсутствует. — *Ред.*

[2] *Шестаков*, стр. 3.

Средний заработок мужчины

1886 г.	235 руб.
1896 г.	270 „

Увеличение достигает 15%, т. е. детальные данные г. Шестакова для одной фабрики вполне подтверждают выводы, полученные нами из приведенного сопоставления заработных плат на разных фабриках. Повышение заработных плат за десятилетие 1886—1896 гг. было, во всяком случае, невелико. Гораздо значительнее плата повысилась после 1896 г. «В 1895—1896 гг., — сообщает г. Шестаков, — поденная плата на фабрике, в среднем, равнялась 59,65 коп., по данным же 1898—1899 гг. она равняется уже 67,2 коп. Таким образом, на протяжении последних трех лет поденная заработная плата увеличилась на 7,55 коп., или почти на 13%»[1].

Ввиду этого можно думать, что к концу 90-х годов, сравнительно с началом 80-х, денежная плата фабричных рабочих в Московском районе повысилась на 20—25%. Но Московский район не принадлежит к числу тех, в которых рост промышленности за последнее время был особенно силен. В быстро развивающихся промышленных центрах юга заработная плата, повидимому, возросла гораздо более. Это констатируется на основании личных наблюдений г. Брандта в его книге: «Иностранные капиталы». Примером может служить изменение заработной платы на Юзовском заводе. В 1884—1885 гг. заработная плата на этом заводе по многим отраслям труда спускалась до 30—40 коп. в день и ни в какой отрасли не превосходила 3 р. 70 к. в день. В 1897 г. низшая плата (чернорабочих) на том же заводе не спускалась ниже 70 коп. в день, а высшая достигала 6 руб. Средний заработок рабочих на этом заводе равнялся в 1897 г. для рабочих по производству капитальных сооружений — 89 коп. в день, для рабочих поденных — 92 коп. и для сдельных — 1 р. 34 к.[2]. Средний месячный заработок по всему заводу равнялся 27 руб. 35 коп. на человека. Повидимому, денежная заработная плата на железоделательных заводах юга возросла со времени начала восьмидесятых годов почти вдвое.

Все это побуждает нас признать, что, в общем, за новейшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась. Размер этого повышения, разумеется, определить невозможно *.

В задачу этой книги не входит характеристика современного положения нашего фабричного рабочего. Чтобы осветить этот предмет с такой полнотой, которой он заслуживает, потребовался бы целый том, который я и предполагаю выпустить в свет в ближайшем будущем. Поэтому я совсем не буду касаться условий труда на наших фабриках в настоящее время и скажу только несколько слов о связи нашего фабричного рабочего с земледелием.

---

[1] *Шестаков*, стр. 3.

[2] *Брандт*, т. II, стр. 264, 252.

* В 1-м издании вместо этого напечатано: «Между тем, цена хлеба со времени 80-х годов упала — повидимому реальная заработная плата возросла. Говорю «повидимому» потому, что статистический материал, на котором приходится основывать заключение, слишком недостаточен для каких-либо категорических заключений». — *Ред.*

Месячная зара

Роды труда	Владимирская губерния																								
	Бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики																								
	1883										1896										1883		1896		
	Собинская мануфакт.		Саввы Морозова		Викулы Морозова		Гарелина		Асафа Баранова		Собинская мануфакт.		Саввы Морозова		Викулы Морозова		Гарелина		Асафа Баранова		Средняя плата		Средняя плата		Увеличение или уменьш. в проц.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Прядильщики . .	19	32	20	74	—	—	13	50	22	—	19	20	22	92	—	—	18	72	22	20	18	89	20	76	+10
Присучальщики . .	—	—	12	57	14	37	10	12	11	50	—	—	15	48	12	36	13	18	11	52	12	14	13	13	+ 8
Трепальщики . .	9	50	10	37	9	62	9	25	12	50	9	44	12	24	11	40	10	74	13	20	10	25	11	40	+11
Сортировщики . .	—	—	—	—	8	87		—	7	50	—	—	—	—	11	40	—	—	9	—	8	18	10	20	+25
Холстовщики . .	7	87	9	62	10	75	—	—	12	50	12	60	10	06	10	06	—	—	12	—	10	19	11	18	+10
Банкоброшницы . .	11	54	11	37	—	—	8	37	9	—	9	72	11	88	—	—	14	07	11	88	10	7	11	89	+18
Ленточницы	9	63	10	62	9	62	7	37	6	88	5	52	11	40	11	64	11	82	12	96	8	92	10	67	+19
Моталки . .	—	—	9	12	—	—	—	—	16	6	—	—	8	77	—	—	—	—	14	16	12	69	11	46	—10
Ватерщицы	7	44	8	65	—	—	—	—	—	—	9	7	14	4	—	—	—	—	—	—	8	4	11	73	46
Ставильщики . .	—	—	9	6	—		6	88	6	—	—	—	12	60		—	11	34	8	28	7	31	10	77	+48
Съемщики .	—	—	4	50	—	—	5	50	—	—	—	—	9	96	—	—	9	24	—	—	5	—	9	60	+92
Тазовщики .	—	—	6	36	7	97	—	—	9	—		—	9	60	9	60		—	9	60	7	78	9	60	+23
Ткачи . . .	11	85	—	—	18	50	11	15	15	37	15	33	—	—	22	72	11	66	13	50	14	22	15	80	+11
Сновальщики . .	17	24	—	—	—	—	16	32	—	—	16	92	—	—	—	—	16	56	—	—	16	78	16	74	—
Шлихтовальщики . .	29	77	—	—	—	—	18	47	30	40	19	32	—	—	—	—	20	64	23	52	26	21	21	16	—19
Пробирщики	—	—		—	—	—	10	75	6	85	—	—	—	—	—	—	13	80	15	36	8	8	14	58	+66

ботная плата

Роды труда	Московская губерния. Бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики. 1883: Реутовская мануфакт. Р.	К.	Балашинск. мануфакт. Р.	К.	Раменская мануфакт. Р.	К.	Измайловск. мануфакт. Р.	К.	1896: Реутовская мануфакт. Р.	К.	Балашинск. мануфакт. Р.	К.	Раменская мануфакт. Р.	К.	Измайловск. мануфакт. Р.	К.	1883 Средняя плата Р.	К.	1896 Средняя плата Р.	К.	Увеличение или уменьшение в проц.
Сортировщики	11	—	11	—	12	25	—	—	10	32	13	80	17	52	—	—	11	41	13	88	+21
Трепальщики	10	50	12	50	14	25	12	—	10	32	14	70	18	—	12	—	12	31	13	77	+12
Холстовщики	10	25	12	—	12	62	13	50	9	60	12	50	16	8	13	20	12	9	12	84	+ 6
Барабанщики	—	—	12	—	12	62	—	—	—	—	17	50	19	—	—	—	12	31	18	2[illegible]	+49
Точильщики	12	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	12	—	13	—	+ 8
Ленточницы	8	12	—	—	9	25	—	—	8	88	—	—	12	—	—	—	8	62	10	44	+21
Банкоброшницы . . .	8	—	8	74	9	75	—	—	10	30	10	—	13	20	—	—	8	83	11	16	+26
Прядильщики	20	—	20	75	20	—	18	—	20	50	23	—	24	72	24	—	19	68	23	5	+17
Присучальщики . . .	11	50	15	12	12	50	11	—	14	50	14	70	16	44	14	—	12	53	14	91	+19
Моталки	—	—	—	—	9	50	10	—	—	—	—	—	9	40	11	50	9	75	10	45	+ 7
Шлихтовальщики . . .	—	—	—	—	27	50	—	—	—	—	—	—	32	—	—	—	27	50	32	—	+16
Ткачи	—	—	—	—	17	50	17	—	—	—	—	—	21	—	16	50	17	25	18	7	9

Что такое современный фабричный рабочий в России—крестьянин, сидящий на земле и восполняющий недостатки в своем земледельческом хозяйстве случайной работой на фабриках, или же пролетарий, тесно связанный с фабрикой и живущий продажей своей рабочей силы? Обычный ответ гласит, что у нас не существует фабричного пролетариата. Наш фабричный не похож на западноевропейского — у него всегда есть свой кров, своя земля, куда он может вернуться в случае нужды. Даже «вываривaясь в фабричном котле», мужик остается тем же мужиком, покорным «власти земли».

Недавно вышедшая превосходная книга г. Дементьева совершенно опрокидывает это воззрение. Г. Дементьев произвел, по поручению московского губернского земства, тщательное обследование фабрик и фабричных рабочих в трех уездах Московской губернии: Серпуховском, Коломенском и Бронницком. Результаты этого обследования, по справедливому замечанию автора, приложимы, с небольшими, быть может, поправками, ко всему промышленному району центральной России[1].

К чему же пришел г. Дементьев? Он сам следующим образом формулирует главнейший результат своей работы: «Не предположительно наше мнение и не случаен наш вывод из ряда цифровых данных, заставляющий опровергать ходячее представление об отсутствии у нас специального класса фабричных рабочих, потерявших уже всякую связь с землей. Нет сомнения, класс этот еще не велик. Но дело не в численности, а в условиях, быстро создающих его, со всеми неразрывно связанными с этим последствиями»[2].

По обследованию г. Дементьева, сокращение числа рабочих в летнее время на небольших фабриках, пользующихся исключительно ручным трудом, действительно объясняется уходом значительной части рабочих на полевые работы. Но зато сокращение рабочих на крупных фабриках, пользующихся машинами, зависит совсем от других причин — и, главным образом, от повышения цены на рабочие руки летом. Фабрики предпочитают усиленно работать зимой при низкой плате рабочим и сокращать производство летом, в период высокой заработной платы.

Число рабочих, уходящих на полевые работы с фабрик (за исключением рогожных), по расчету г. Дементьева, для взрослых рабочих составляет 14,1% всех рабочих, для несовершеннолетних — 11,9%. По отдельным родам производства процент рабочих, бросающих фабрику летом, очень различен. Так, среди ручных бумажных ткачей только 18% работают круглый год на фабрике. Мелкие бумаготкацкие фабрики совсем перестают летом работать. Почти то же следует сказать и о шелкоткацких. На кожевенных и овчинно-дубильных заводах покидает завод для полевых работ до 53,7% рабочих. Из рабочих на фарфоровых и фаянсовых фабриках фабрику покидает около 1/3 рабочих. Из ткачей на суконных фабриках уходит на полевые работы 37,7%. Но здесь уже ясно сказывается влияние машинного производства: уходят исключительно ручные ткачи; из ткачей же, работающих на самоткацких станках, *на полевые работы не уходит никто*. «На бумагопрядильных же

---

[1] *Дементьев*, Предисловие к первому изданию.
[2] *Дементьев*, Предисловие ко второму изданию.

и ткацких фабриках, работающих исключительно паровою силою, число рабочих, не порвавших связи с землей, во всех занятиях, кроме ткацкого, колеблется лишь от 4 до 7%. И если мы видим увеличение численности рабочих этого рода среди самоткачей до 129, то это только потому, что почти на всех самоткацких фабриках есть известное количество запасных ткачей, не только малолетних или подростков, но и взрослых».

На красильных и ситценабивных фабриках значение машины как фактора, порывающего связь фабричного рабочего с землей, также очевидно. А именно, на ручных фабриках этого рода около 36% взрослых рабочих уходит на полевые работы, на механических — только 8%. Из числа фабричных мастеровых — литейщиков, маляров, кровельщиков, паяльщиков и пр. — только 3,3% еще уходит в деревню.

Все эти данные приводят г. Дементьева к следующему заключению. «Во-первых, что с фабриками, работающими механическою силою, неразрывно связано отчуждение рабочих от земли, во-вторых, что на тех же, работающих механической силой, фабриках это отчуждение тем значительнее, чем большую специализацию представляет то или другое занятие... Важнейшая причина, заставляющая рабочих порывать связь с землей, это — переход от ручного производства на механическое» [1].

Но из этих 14% рабочих, на время покидающих фабрику (если включить и рогожные фабрики, то процент рабочих, покидающих фабрику, увеличится до 18), не все уходят на столь продолжительные сроки, чтобы действительно не порывать связи с землей. 12% всех рабочих, уходящих с фабрик, уходит всего на срок 1—4 недели, 14% на срок 4 — 6 недель и остальные 74% — на срок более продолжительный, причем наибольшее число (около 30%) на срок 2 — 3 месяца.

«В настоящее время лишь по очень немногим производствам фабрики сохраняют свой прежний, обычный когда-то для наших фабрик, характер заведений, где население работало лишь в течение того времени в году, которое остается от главного их занятия — земледелия. Такой характер сохраняют рогожные фабрики, на которых рабочие остаются преимущественно полгода и во всяком случае не более 8 месяцев. Такой же характер сохранили еще мелкие фабрики, стоящие на рубеже кустарных заведений, каковы мелкие ткацкие, канительные, фарфорово-живописные и т. п. Но как только эти же фабрики расширяются до более крупных заведений, хотя и ведущих свое производство исключительно ручным трудом, так тотчас же начинает замечаться влияние капитализма: на крупных ткацких фабриках четвертая часть рабочих уже вовсе не уходит на полевые работы и круглый год остается на фабриках; еще сильнее в этом смысле влияют фарфоровые и, в особенности, ситценабивные фабрики. Переход ручного производства в механическое и неразрывно связанная с ним концентрация его в крупные промышленные заведения тотчас разобщает рабочих с землей настолько, что рабочие, уходящие на полевые работы, составляют здесь лишь исключение» [2].

---

[1] *Дементьев*, стр. 4—11, 26.
[2] *Дементьев*, стр. 36—37.

Г. Дементьев делает любопытные указания относительно мер, которые принимались и принимаются крупными фабрикантами для того, чтобы оторвать рабочего от земли, сделать его профессиональным рабочим, исключительно посвящающим себя фабрике. Так, на многих фабриках рабочий, оставлявший фабричную работу зимой, не терял заработной платы, в летнее же время уплачивал высокий штраф (доходивший до месячной заработной платы и более). Но во многих отраслях труда подобные стеснительные меры, насильственно привязывающие рабочего к фабрике в летнее время, совсем перестали практиковаться уже в начале 80-х годов, — очевидно, потому, замечает г. Дементьев, что в этих отраслях труда «фабрика уже выработала себе специальных рабочих и заставила их забыть связь с землей».

Интересна характеристика современного фабричного рабочего, даваемая г. Дементьевым. «Какие бы причины ни способствовали преобразованию прежнего земледельца в фабричного рабочего, но эти специальные рабочие уже существуют. Они только числятся крестьянами, но связаны с деревней лишь податями, которые вносятся ими при перемене паспортов, ибо на самом деле они не имеют в деревне ни хозяйства, ни сплошь и рядом даже дома, обыкновенно, проданного. Даже право на землю они сохраняют лишь юридически, и беспорядки на фабриках в 1885—1886 гг. на многих фабриках показали, что эти рабочие сами считают себя совершенно чуждыми деревне, точно так же, как крестьяне деревни, в свою очередь, смотрят на них, потомков своих односельцев, как на чуждых пришельцев. Перед нами, следовательно, уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющих своего крова, не имеющих фактически никакой собственности, — класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день. И он образовался не со вчерашнего дня. Он имеет уже свою фабричную генеалогию и для немалой своей части насчитывает уже третье поколение»[1].

Г. Дементьев опросил поименно 18 576 рабочих, и оказалось, что у 55% отцы работали на фабриках. А так как число рабочих у нас быстро растет, и состав рабочего класса должен по необходимости пополняться выходцами из деревни, то столь значительный процент рабочих, во втором поколении работающих на фабриках, указывает на редкость обратного возвращения из фабрики в деревню. Раз мужик попал на фабрику — он уже на ней и остается, и не только он сам, но и его дети «вываривaются в фабричном котле». Земля теряет над ними свою власть, и из земельного собственника он превращается в пролетария.

К сходным результатам приводит и сравнение возраста поступления рабочих на фабрику, произведенное профессором Эрисманом для фабричных рабочих Московской губернии. Оказывается, что только около 9% рабочих, взятых для сравнения, поступили на фабрику по достижении 25-летнего возраста, в малолетнем же возрасте поступило на фабрику 63%, или почти $^2/_3$ всех рабочих. Это наблюдение заставляет Эрисмана заключить: «Мы здесь имеем дело, в огромном боль-

[1] *Дементьев*, стр. 46.

шинстве случаев, с настоящим рабочим сословием, так сказать, с исконными, а не случайными фабричными рабочими»[1].

Несмотря на это, около 94% фабричных рабочих Московской губернии состоит из крестьян. Но, очевидно, эти крестьяне, числящиеся «земледельцами», на самом деле являются тем избыточным населением, которое деревня выбрасывает из тесных рамок сельского мира; для многих из этих «крестьян» их принадлежность к крестьянскому миру выражается лишь подневольным положением по отношению к сельскому обществу, круговой ответственностью по податям, зависимостью в получении паспорта и пр.

Впрочем, в некоторых уездах Московской губернии крестьяне составляют не такой значительный процент фабричных рабочих. Так, в Богородском уезде рабочие не-крестьяне достигают почти 1/4 всех рабочих. Этот факт заставляет г. Погожева «признать несомненный факт существования в России довольно многочисленного пролетариата[2]. Эти рабочие не-крестьяне в весьма значительной мере потомки тех посессионных фабричных, о которых мне приходилось говорить в главе III первой части этой книги. Но действительная численность фабричного пролетариата, как сказано, далеко превосходит численность рабочих не-крестьян.

Чтобы вполне оценить значение приведенных данных, нужно иметь в виду, что наблюдения г. Дементьева относятся к 1884—1885 гг. С тех пор много воды утекло; машина сделала гигантские успехи, концентрация производства пошла вперед, мелкие полукустарные заведения совершенно отступили на задний план перед огромными механическими фабриками. Если в начале 80-х годов менее 1/5 фабричных рабочих уходило на полевые работы, то теперь, без сомнения, таких рабочих гораздо менее.

Впрочем, нельзя не согласиться* с г. Авиловым, указавшим в интересной работе «К вопросу о связи с земледелием наших фабричных рабочих», что возвращение на полевые работы является еще недостаточным критерием для определения степени прочности связи фабричного рабочего с землей. Связь эта может выражаться и действительно выражается самыми разнообразными способами: посылкой денег фабричного рабочего в деревню, содержанием семьи в деревне, наконец, возвращением в деревню, в случае временной безработицы, болезни, увечья или

---

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Санитарный отдел, т. IV, ч. I, стр. 289.

[2] Там же, том III, в. XI.

* Отрывок со слов «Впрочем нельзя не согласиться» до конца главы заменяет конец главы в 1-м издании, который мы приводим: «Обособление фабричных рабочих как особого общественного класса, не имеющего ничего общего с земледельческим классом, подвинулось теперь гораздо дальше, чем во время обследования г. Дементьева. И потому выводы этого автора, чтобы соответствовать современному положению дела, должны быть усилены — то, что только создавалось 15 лет тому назад, теперь стало совершившимся фактом — мы имеем многочисленный фабричный пролетариат, только номинально принадлежащий к крестьянскому классу, только номинально обладающий земельной собственностью, в действительности же столь же мало обеспеченный в своем существовании и столь же далекий от земли, как и фабричный пролетариат Западной Европы». — *Ред.*

старости. Не подлежит сомнению, что в этой форме связь с землей нашего фабричного рабочего в значительном большинстве случаев еще не порвалась и еще долго не порвется. Шульц-Геверниц установил, на основании изучения условий жизни рабочих на фабриках, любопытную схему, каким образом происходит разрывание связи с землей и превращение крестьянина, случайно работающего на фабрике, в настоящего фабричного пролетария. На первой стадии связь с землей еще очень велика. Фабричные рабочие (к этому типу принадлежат преимущественно мелкие фабрики, расположенные по деревням) не имеют особых спален и столовых на фабриках, спят, где попало, в самых рабочих помещениях и едят пищу, приносимую из дому. Контингент рабочих составляется из крестьян близких к фабрике деревень. Это еще в полном смысле слова мужики, исконные земледельцы, загнанные нуждой в несвойственную им и тягостную для них обстановку фабричной жизни, которую они покидают при первой возможности, чтобы вернуться к земле. На второй стадии связь с фабрикой уже интимнее, а с землей слабее. Рабочие живут в особых фабричных казармах, столуются артелями и нередко уходят с фабрик на полевые работы. Семья их остается в деревне, где, главным образом, сосредоточены их помыслы и симпатии. На третьей стадии и на фабрике начинает появляться семейная жизнь, рабочие начинают индивидуализироваться, оставлять артели, чтобы харчиться с женой; появляются семейные спальни. Но связь с деревней не прекращается окончательно — рабочие посылают деньги в деревню, имеют там свое хозяйство, нередко возвращаются на побывку домой, отсылают детей. Наконец, на четвертой стадии фабричный рабочий становится полным пролетарием, живущим постоянно при фабрике на наемной квартире или в фабричной каморке со всей своей семьей.

Все четыре стадии этого процесса существуют одновременно в различных фабриках и отраслях промышленности, причем, чем крупнее фабрика и чем большую роль играет в ней применение машины, тем ближе она к четвертой стадии. Наиболее типичной для современного русского фабричного является, повидимому, третья стадия. В цитированной работе г. Шестакова имеются весьма интересные наблюдения по этому пункту.

На ситценабивной фабрике Цинделя в Москве, которую описывает г. Шестаков, в 1898 г. было 2 553 рабочих. Поименному опросу было подвергнуто 1 417 мужчин. Оказалось, что 94,2% их — крестьяне (процент крестьян на фабрике Цинделя совпадает, таким образом, со средним для фабрик Московской губернии). 87% рабочих оказалось не старше 40 лет. На долю рабочих старше 45 лет приходилось лишь 6,8% рабочих. Очевидно, и на русских фабриках, как и на английских, рабочему старше 45 лет крайне трудно найти работу на фабрике [1].

Из числа крестьян-рабочих на фабрике Цинделя безземельных было немного более 9%, но из числа последних немного менее половины (3,82% всего числа крестьян-рабочих) сохранили еще некоторую связь с деревней в форме владения в деревне избой или постройками.

Что касается крестьян-рабочих, имеющих наделы, то их связь с де-

[1] См. мою книгу «Промышленные кризисы», 1900, заключение.

ревней еще не порвалась и выражается в том, что их семьи владеют землей в деревне и в большинстве случаев ведут земледельческое хозяйство. Но хозяйство это весьма жалкое. В среднем выводе рабочие, имевшие наделы в деревне, владели в ней на едока: 0,57 десятины земли, $^1/_7$ лошади и менее $^1/_7$ коровы. 22,7% рабочих-крестьян, имевших надел, совсем не имело скота: ни коровы, ни лошади, 14,3% тех же рабочих не вело самостоятельного хозяйства и сдавало землю в аренду.

Общее число не ведущих самостоятельного сельского хозяйства (включая сюда не-крестьян, безнадельных и сдающих наделы в аренду) равнялось 26,7% всего числа рабочих, причем не-крестьян, как сказано, было 5,8%, безнадельных было 8,6%, а сдающих наделы в аренду — 12,3% всех рабочих. Никакой связи с деревней не имело 10,8% рабочих не-крестьян или крестьян, не имевших в деревне ни надела, ни построек. У 15,9% рабочих связь с деревней сохранилась в весьма ограниченном виде. Эти рабочие не вели самостоятельного сельского хозяйства, но владели в деревне постройками или землей. У остальных 73,3% рабочих связь с землей была гораздо сильнее: они были не только мелкими, вернее, ничтожными землевладельцами, но и, через посредство своих семей, земледельцами, хотя опять-таки, разумеется, в самых ничтожных размерах. Но личного участия в полевых работах огромное большинство фабричных рабочих не принимало; на полевые работы уходит только 12,6% рабочих-крестьян. Этот процент, отнесенный ко всему числу рабочих (крестьян и не-крестьян), дает 11,9% рабочих, уходящих на полевые работы. Таким образом, мы получаем следующее статистическое выражение степени связи с землей рабочих на фабрике Цинделя:

1. Уходящие на полевые работы и ведущие самостоятельное сельское хозяйство	11,9%
2. Не уходящие на полевые работы, но ведущие при посредстве семей самостоятельное сельское хозяйство	61,4%
3. Не ведущие самостоятельного сельского хозяйства, но сдающие наделы в аренду	12,3%
4. Не имеющие надела, но имеющие постройки в деревне	3,6%
5. Не имеющие с деревней никакой связи	10,8%
Итого	100%

Рабочие первой, довольно немногочисленной, категории еще наполовину земледельцы; рабочие второй, наиболее многочисленной, категории сами являются постоянными фабричными рабочими и не знают или отвыкли от земледельческого труда, но семьи их живут сельским хозяйством и земледельческие интересы сохраняют для них свое значение; рабочие третьей категории совершенно отстали от земледелия, но еще получают от него некоторые доходы (или расходы, если арендная плата не покрывает лежащих на земле повинностей) и владеют земельной собственностью; рабочие четвертой категории порвали и с сельским хозяйством и с землевладением, но сохраняют свой угол в деревне, где могут найти приют в случае нужды; наконец, последняя группа представляет уже пролетариев pur et simple.

По всей вероятности, данные на фабрике Цинделя типичны для московского района (подтверждением этого может служить близость

процента крестьян на фабрике, процента рабочих, отцы которых работали на фабрике, и процента уходящих на полевые работы к установленным гг. Дементьевым и Эрисманом для более обширных фабричных районов Московской губернии). Если так, то следует признать, что связь с землей фабричного рабочего хотя и ослабевает, но все еще велика.

Эта связь является пока экономически необходимой, и поэтому она так упорно держится. Пока заработная плата нашего фабричного рабочего так ничтожна, что содержание семьи при фабрике для него невозможно, до тех пор связь с деревней не может не сохраняться. Но, с другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что эта связь является, в свою очередь, одной из причин, обусловливающих низкий уровень заработной платы нашего фабричного рабочего; на Западе фабрикант оплачивает все содержание рабочей семьи, у нас же, благодаря связи рабочего с землей, фабрикант оплачивает только часть расходов по содержанию семьи рабочего, а остальные покрываются самостоятельным хозяйством семьи рабочего.

Таким образом, «связь с землей» — и причина и следствие низкой заработной платы. Отсутствие строгой диференциации между земледельческим и промышленным трудом составляет, далее, одну из могущественных причин невысокого уровня производительности труда русского рабочего, что в свою очередь является моментом, препятствующим повышению заработной платы. Содержание двух самостоятельных домашних хозяйств, — одно — в деревне, другое — на фабрике,— представляется само по себе крупным экономическим злом для рабочего и источником многих лишних расходов, тяжело ложащихся на его скудный бюджет.

К этим экономическим невыгодам господствующего у наших фабричных рабочих строя домашнего хозяйства (отец на фабрике, а семья в деревне) прибавляются огромные неудобства чисто морального свойства. Только крайне низкий уровень потребностей и привычка все претерпевать позволяют русскому рабочему мириться с таким порядком вещей, при котором семейные узы почти лишаются морального содержания и превращаются в почти исключительно экономическую связь [1]. Чем более русский рабочий будет чувствовать себя человеком и чем менее безгласным рабочим скотом, тем тягостнее и невыносимее ему будет эта связь с деревней. Полный разрыв этой связи поэтому неизбежен, и чем скорее он произойдет, тем лучше. Но связь может порваться лишь тогда, когда заработная плата рабочего достаточно повысится, чтобы дать ему возможность содержать свою семью около себя.

Повидимому, получается такой безвыходный круг: для повышения заработной платы необходимо прекращение «связи с землей», а для прекращения «связи с землей» необходимо повышение заработной платы. Но это противоречие не неразрешимо. Оно, как и многие другие противоречия русской жизни, может и будет решено дальнейшим экономическим развитием России.

---

[1] В небольшом очерке г. Вересаева «В сухом тумане» талантливо изображены неразрешимые конфликты, которые возникают на этой почве.

ГЛАВА IV

БОРЬБА ФАБРИКИ С КУСТАРЕМ

Изменение условий конкуренции фабричной и домашней промышленности в новейшее время. — Сокращение числа домашних рабочих в хлопчатобумажном производстве. — Падение ручного ткачества в разных отраслях труда. — Раздробление производства — чем оно вызывается. — Металлические кустарные промыслы. — Гвоздарный промысел. — Павловские замочники. — Почему в Павлове кустарная мастерская становится мельче, а в Загарье крупнее. — Упадок лесных промыслов. — Значение вздорожания сырья. — Гончарничество. — Щеточный промысел Московской губ. — Развитие новых промыслов под влиянием фабрики. — Экскурсия в область английских экономических отношений. — Английские кустарные промыслы. — Сходство положения английского и русского кустаря. — Взгляды англичан на способы борьбы со злом домашней системы. — Бегство мужика из деревни в город. — Чем оно вызывается по отзывам местных наблюдателей. — Влияние отхода на экономическое положение населения в Костромской губ. — Отход и грамотность в Костромской и Ярославской губерниях.

В дореформенной России фабрика не только не замещала кустарной избы, но, наоборот, очень энергично содействовала росту кустарного производства. Мелкое производство даже вытесняло крупное; это, впрочем, отнюдь не означало торжества «народной» промышленности над капиталистической, так как и та и другая имели капиталистический характер: на фабрике производством управлял промышленный капитал, а в кустарной промышленности — торговый капитал. И торговый капитал в ту эпоху нашей истории оказывался сильнее промышленного, побеждал его; капиталист находил для себя выгоднее руководить только сбытом продуктов, заведывать *рынком*, оставляя самый процесс производства в избе производителя. Я указывал выше, что успехи кустарной промышленности всецело обусловливались техникой производства: в то время машина почти не проникала в важнейшие отрасли народного труда. Отсюда, естественно, получается вывод, что перемена условий техники, введение в производство машины должны были повлечь за собой и изменение формы промышленности. Фабрика должна была получить перевес над кустарной избой. Этим в общих чертах и харак-

теризуется новейшая эволюция нашей кустарной промышленности. В настоящей главе я постараюсь очертить эту эволюцию, обрисовать борьбу фабрики и кустаря, как она наблюдается в наше время.

Разложение старинной ручной фабрики наблюдалось особенно рельефно в ткацкой промышленности. На ткацких фабриках XVIII века,— полотняных, шелковых, бумажных, — работа производилась на ручных станках при ничтожном употреблении машин. Только суконное фабричное ткачество имело более машинный характер. Поэтому и суконные фабрики гораздо меньше, чем полотняные, бумажные и шелковые, подверглись процессу разложения или раздробления на мелкие производственные единицы. Миткалевое ткачество развилось во второй четверти этого века с поразительной быстротой во всем центральном промышленном районе. Бумаготкацкие фабрики во многих случаях превратились в простые фабричные конторы — заведения исключительно посреднического характера, совсем не занимавшиеся производством, а только раздававшие основы и уток домашним ткачам и принимавшие от них готовый товар. Точно так же тканье шелковых и полотняных материй на-дому и в светелках в николаевскую эпоху было гораздо распространеннее фабричного ткачества. Суконная фабрика лучше удержала свои позиции благодаря техническим преимуществам фабричного производства сукон, на котором уже в то время находили себе значительное применение машины.

Новый фазис промышленной эволюции обозначился ранее и сильнее всего именно в бумаготкацком производстве. Если не забыл читатель, уже в конце 50-х годов фабриканты, жалуясь на утаивание материала ручными ткачами, грозили им механическим станком, который положит конец «злоупотреблениям» непокорных кустарей. Это время настало очень скоро. Механический ткацкий станок появляется во Владимирской губернии уже в 40-х годах, но только в 60-х и 70-х годах механическое ткачество бумажных материй начинает принимать размеры, серьезно угрожающие кустарному ткачеству. В 1866 г. в России было только 42 механических бумаготкацких фабрики, в 1876 г. — уже 92. Общее представление о переменах в формах бумаготкацкой промышленности можно получить из нижеследующих цифр.

Число рабочих на хлопчатобумажных фабриках в 50 губерниях Европейской России [1]

Годы	Работающих в фабричном здании	На-дому
1866	94 566	66 178
1879	162 691	50 152
1894 — 1895	242 051	20 475

Мы видим, что число регистрируемых рабочих в фабричном здании быстро растет, а число регистрируемых рабочих на стороне — столь же

[1] Вычислено для 1867 и 1879 гг. по данным П. Масленникова, К вопросу о развитии фабричной промышленности России, а для 1894—1895 гг. — по «Перечню фабрик и заводов», Спб. 1897 г. (Последний подсчет сделан для меня А. М. Роговиным).

быстро падает. В 1866 г. цифра регистрируемых домашних рабочих достигала 70% работающих в фабричном здании, а в 1894—1895 гг. домашние рабочие составляли только 8% этих последних. До 60-х годов домашняя система разлагала фабрику. С этого времени фабрика стала замещать домашнюю промышленность.

Все местные исследователи уже с конца 60-х годов отмечают падение миткалевого ткачества. Но вплоть до 80-х годов мелкое кустарное ткачество еще преобладало над фабричным. Так, по расчету московских статистиков, в конце 70-х годов в Московской губернии из всех тканей, производимых ручным способом, 20% вырабатывалось на фабриках и 80% — в светелках, в избах крестьян. Но уже в это время в некоторых местностях кустарное ткачество было совершенно убито машинным. Так, по словам г. Вернера, «в Серпуховском и Коломенском уездах еще двадцать лет тому назад почти во всяком крестьянском доме работали миткаль; в настоящее время там нет ни одного миткалевого стана» [1].

По словам другого исследователя, г. Погожева, «в 1880—1881 гг. в Можайском уезде... из прежних 29 мастерков (в 1871 г.) осталось ровно втрое меньше, необходимо притом заметить, что даже эти мастерки уцелели лишь благодаря тому, что многие из них, оставив убыточную выработку дешевых бумажных материй... стали вырабатывать полушелковые ленточки» [2].

В Дмитровском уезде в 1871 г. было 158 ручных ткацких фабрик, на которых работало почти 1 300 чел.; в половине 80-х годов число таких фабрик сократилось до 27. «Два местных ткацких фабриканта в прежнее время имели несколько фабричек в разных селениях, а теперь и тот и другой предпочли выстроить по одной небольшой самоткацкой фабрике... Из прежних 158 бумаготкацких фабрик... не менее 30 фабричек заведомо для соседей прекратилось более 10 лет тому назад. Другие же фабрички частью превратились в обыкновенные ткацкие конторы, раздающие крестьянам работу на-дом; частью, как предполагают местные жители, работают... в значительно меньших размерах» [3].

Точно так же в Можайском уезде большинство прежних мастеров, закрыв свои фабрички, частью стали работать в качестве простых ткачей в светелках у других более счастливых мастеров, частью брать основы на-дом и работать у себя в избе, или же раздавать бумажные основы своим односельчанам по домам [4].

Относительно Волоколамского уезда г. Погожев замечает: «По словам многих весьма крупных мастерков, мелкой промышленности из года в год становится все труднее бороться с механическими фабриками, работающими и дешевле и быстрее ручных ткачей» [5].

Если мы будем просматривать московский Статистический ежегодник, то натолкнемся на многочисленные факты упадка кустарного

---

[1] «Сборн. стат. свед. по Моск. губ.», т. VII, вып. III, стр. 9, 51.
[2] Там же, Отдел санит. стат., т. III, вып. VI, Можайский уезд, стр. 8.
[3] Там же, вып. VII, Дмитровский уезд, стр. 5.
[4] Там же, т. III, вып. VI, Можайский уезд, стр. 8.
[5] Там же, Санит. отд., т. III, вып. VI, Волоколамский уезд, стр. 72.

ткачества в 80-е и 90-е годы. Так, в Ежегоднике за 1887 г. читаем: «Кустарный промысел, в недавнее еще время сильно развитый в разнообразных видах в уезде, находится на степени полного падения, особенно резко выдающегося в ручном ткачестве. В редкой мастерской не найти несколько станов, не только не заправленных, но сложенных, как никуда негодная рухлядь. Число мастерских год от году уменьшается. Цена на кустарные изделия сбита до-нельзя. Так называемые мастерки, работающие на хозяев, когда работают, когда нет. Статистика убавившихся в сравнительно небольшой период времени рабочих рук, кормившихся прежде кустарным промыслом, могла бы наглядно показать, как сильно и, кажется, бесповоротно пал этот важный в крестьянском быту промысел... Ручное ткачество в Озерецкой волости с 2 000 станов упало до 1 100 станов. И это сокращение занятых рук, без преувеличения, простирается на все роды кустарного промысла, сопутствуемое понижением заработной платы, достигающей крайнего минимума, дальше которого идти некуда»[1].

Относительно Бронницкого уезда в Ежегоднике за 1890 г. находим следующее сообщение одного корреспондента-крестьянина, хорошо знающего, по словам редакции Ежегодника, местные условия: «В нашей местности имеются более или менее крупные кустари (ткачество бумажных материй), и все они в настоящее время остались как рак на мели, товар их вовсе с рук нейдет... Столбовым фабрикантам товара их и даром не надо. Вследствие сего невольно пришлось им на время прикончить свой кустарный промысел, да и ткачам неохота на них почти даром работать»[2].

Характерно, что, как отмечают составители Ежегодника, в крупном фабричном ткачестве за зиму 1889/1890 г. дела шли прекрасно: падение мелких кустарных фабричек и светелок вызывалось, следовательно, исключительно неспособностью кустарного ткачества конкурировать с фабричным, а отнюдь не застоем ткацкой промышленности вообще.

По словам г. Вернера, подробно исследовавшего в 1890 г. промыслы Богородского уезда, кустарное ткачество во многих местах еще держится, но «что конкуренция (кустарного ткачества с фабричным) закончится полным торжеством фабричного ткачества, едва ли в настоящее время можно сомневаться. Беседуя с фабрикантиками, поверяя их расчеты... мы убеждаемся, что хозяйчики и местные фабриканты не имеют от производства никакой предпринимательской прибыли и довольствуются в большинстве случаев только тем, что члены их семейства имеют постоянную работу на фабрике»[3].

Голодные годы 1891 и 1892, когда все хозяйство страны испытало тяжелое потрясение, отразившееся и на обрабатывающей промышленности сокращением спроса на мануфактурные изделия, особенно кре-

---

[1] «Статистический Ежегодник московского губернского земства», 1887 г., Промыслы, стр. 26.
[2] Там же, 1890 г., Промыслы, стр. 6.
[3] Там же, 1890 г., Промыслы Богородского у., стр. 39.

стьянского потребления, всею своею тяжестью обрушились на мелких хозяйчиков-кустарей. В Ежегоднике за 1893 г. читаем: «В бумаготкацком производстве уже давно ведется борьба между крупными и мелкими предпринимателями, разумеется, к невыгоде мелких; такие критические моменты, как только-что пережитые 1891 и 1892 годы, бывают решительными для многих мелких предпринимателей; этим и объясняются, повидимому, разноречивые сообщения наших корреспондентов, говорящих, что одни фабриканты совсем прикрыли свои фабрики, у других дела шли плохо, у третьих (более состоятельных) удовлетворительно» («Ежегодник», Промыслы, стр. 6) [1].

Итак, в Московской губернии исход борьбы крупного машинного ткачества с мелким кустарным уже определился с полной ясностью: торговая капиталистическая организация мелкого ткачества, в николаевскую эпоху победоносно вытеснившая во многих пунктах фабрику, теперь оказывается несостоятельной и уступает место фабрике, вооруженной механическим ткацким станом. Это вполне понятно. Каким образом может конкурировать с машинным ткачом кустарь, когда ткачество гладких бумажных материй на паровом станке в 20 слишком раз производительнее ручного? [2].

Таким образом, промышленное объединение рабочих на фабрике заменяет собой торговое их объединение. Капитализм вступает в свою высшую фазу. То же самое замечается и в других центрах бумаготкацкого производства. Во Владимирской губернии в течение 70-х и 80-х годов победа бумаготкацкой фабрики над кустарем была, повидимому, еще решительнее, чем в Московской губ. Так, относительно миткалевого ткачества в Александровском у., г. Харизоменов сообщает: «По отзывам ткачей, это производство в последнее время быстро клонится к упадку». Раздача пряжи по домам прекращается по невыгодности ручного ткачества и светелки закрываются, «тканье миткаля бросают, находя невыгодным конкурировать с самоткацкой фабрикой... За миткалем теперь сидят только женщины» [3]. В прежнее время миткалевое производство существовало в 40 селениях Александровского уезда, в начале 80-х годов только в 15. В Покровском уезде замещение кустарного миткалевого ткачества фабрикой совсем закончилось — в этом уезде, по словам Пругавина, производство миткаля на ручных станках совершенно изчезло [4].

---

[1] В «Статистическом ежегоднике» за 1895 г. отмечается то же явление — идущее все вперед поглощение бумажного кустарного ткачества фабричным машинным. Так из Бронницкого уезда сообщают, что «работа нанки и сарпинки заметно уменьшается, так как заработная плата уменьшилась». Из Верейского уезда: «Плата мастерам, в сравнении с прошлым годом, понижена, хотя товар шел довольно ходко, не хуже прошлого года». Из Дмитровского у.: «Бумажный товар был в ходу... хозяева получили барыша больше, да с рабочими-то поделиться не желали, ибо их стало очень много; а притом машины. Сколько они заменяют рабочих рук — определить трудно». Все это дает основание составителю статьи сделать заключение: «Общая болезненная напряженность промысла в его борьбе с механическим станком продолжается». «Стат. ежег.», 1895 г., Промыслы, стр. 11—13.

[2] «Стат. Ежегодн. по Моск. губ. 1895», Промыслы, стр. 9.

[3] «Промыслы Влад. губ.», вып. V, 1884 г., стр. 219.

[4] Там же, вып. IV, 1882 г., стр. 70.

Точно так же, по словам Я. Гарелина, и в Шуйском у.: «ручная выделка миткаля почти прекратилась вследствие того, что: 1) развелось большое число механических ткацких фабрик и 2) плата за ручную выделку миткаля упала до такой степени, что работать совершенно было невозможно» [1].

Во всей Владимирской губернии в 1882 г. механических станов бумажных материй было 17 871, а в 1890 г., по расчету г. Свирского — 26 690; таким образом, за 8 лет число механических станов *увеличилось* почти *на 50%* [2]. Ручные ткацкие фабрики и фабричные конторы не исчезли, но число их быстро сокращается. Так, со времени 1882 г. число станов на ручных фабриках *уменьшилось* к 1890 г., по расчету того же автора, *на 64%*. Преимущества механического ткачества так велики, что, по словам г. Свирского, «становится непонятным, как наряду со столь могущественным соперником до сих пор может существовать этот падающий промысел (ручное ткачество). Обстоятельство это, — продолжает г. Свирский, — объясняется отчасти тем, что существуют некоторые сорта тканей, производство которых на механических станах или затруднительно, или маловыгодно. Кроме того, одна из главных причин, поддерживающих ручное производство, — это чрезвычайно малый заработок, которым довольствуются ткачи-кустари» [3].

В третьем центре бумаготкацкого производства—Костромской губернии — наблюдается буквально то же самое. Уже с начала 60-х годов ручное ткачество в Костромской губернии стало падать. «После 1860 г., особенно же в последние годы, — читаем в местном статистическом издании, — ручная выделка бумажных изделий очевидным образом стала клониться к упадку вследствие введения на большой части здешних фабрик механического ткачества» [4].

Так, в Одолевской и Новинской волостях (Нерехотского у.) «ткачеством занимались прежде на домах; но с появлением и развитием фабричного производства большинство стало уходить на фабрики». В селе Кощееве (того же уезда) «исстари было развито ручное ткачество миткалей. Но так как это занятие за последнее время значительно упало с усилением механического производства фабрик в соседних местностях, то почти все свободные люди в крестьянских семействах устремились на эти фабрики» [5].

В Ширяихской, Горковской и Горкинской волостях преобладающим промыслом было раньше ручное ткачество миткалей, но в 20 последних лет ручное ткачество значительно сократилось здесь вследствие развития механического производства соседних фабрик» [6].

---

[1] *Я. Гарелин*, Город Иваново-Вознесенск, часть II, стр. 60.

[2] *В. Ф. Свирский*, Фабрика и заводы Владимирской губ., издание Владимирской губернской земской управы, Владимир, 1890 г., стр. 19.

[3] Там же, стр. 27.

[4] «Материалы для статистики Костромской губ.», III, стр. 70.

[5] Там же. Издание Костромского губернского статистического комитета, вып. IV, 1881 г., стр. 49, 14.

[6] Там же, стр. 43. О том же самом сообщается и в «Трудах куст. ком.». Приведем несколько примеров из Нерехотского уезда, Костр. губ. Шеряихской волости: «Ручное ткачество, с развитием по соседству ткацких фабрик заметно упадает». Горковская волость: «Вследствие увеличения числа ткацких

Очень промышленную часть Костромской губернии составляет так называемый Вичугский район — юго-западная часть Кинешемского у. В этом районе также было констатировано в начале 80-х годов сильное уменьшение раздачи основ крестьянам по домам [1]. Домашнее ткачество в этом районе «заметно падает в последнее время. Некоторые только специальности остаются в руках кустарей, именно более толстые и разнообразные по цвету материи; все же более тонкие и одноцветные материи становятся достоянием механического производства...» [2]. В Яковлево-Середском районе (Нерехотском у.) ручное миткалевое ткачество совсем упало и промысел этот, «по словам местных производителей, держится последние годы» [3].

В Медынском уезде, Калужской губ., бумажное ткачество еще не так давно было самым распространенным промыслом. Но уже в конце 70-х годов сообщали из этого уезда: «Промысел этот в здешней местности падает и падает с заметной быстротой: число станков, работавших даже в прошлом (1878 г.), было на $^1/_3$ более настоящего» [4].

Точно так же падение кустарного миткалевого промысла отмечалось и в Тверской губернии [5]; в Рязанской губ. [6], — читаем в местном статистическом сборнике, — «открылись большие фабрики, и кустарному производству изделий был нанесен смертельный удар; кустари должны были покинуть свои светелки и поступить рабочими на фабрики. Только в Егорьевском у. и отчасти в Касимовском ткачеству удалось сохранить домашний вид производства». Относительно Самарской губернии мы имеем указание на падение процветавшего раньше женского кумачевого промысла; падение это было вызвано, главным образом, «невыгодностью производства ручных кушаков ввиду конкуренции с ними тонких фабричных» [7].

Относительно сарпиночного производства Саратовской губ. г. Харизоменов сообщает следующее: «Не может подлежать сомнению, что сарпиночное производство в форме домашней системы крупного производства продержится недолго, уступив свое место фабрике с паровым двигателем и механическими ткацкими станками. Ткачи одноцветных материй будут сосредоточены на фабрике, а кустарное производство

фабрик ручное ткачество падает». Игнатовская волость: «Ткачество на фабрикантов падает вследствие увеличения числа фабрик и уменьшения заработной платы». Кузнецовская вол.: «По случаю развития фабрик ткачество все уменьшается, ибо не может конкурировать с машинной работой». Ногинская вол.: «Промысел этот (ткацкий) с развитием ткацких фабрик заметно приходит в упадок». (Вып. XIII, стр. 326, 330, 334, 340, 344).

[1] «Матер. для стат. Костр. губ.», выпуск VI, стр. 10.

[2] Там же, стр. 12, 87.

[3] Там же.

[4] «Труды куст. ком.», II, 1879 г. «Калужская губ.», стр. 18.

[5] «Ткацкий промысел вообще падает. В прежнее же время он был значительно развит. Так, в деревне Непейно до введения машин было до 1 000 станов». («Сборник стат. свед. по Тверской губерн и, Калязинский уезд», 1890 г., стр. 156). В селе Семеновском и его окрестностях в 1851 г. было 450 бумажных ткачей, в 1863 г. — 360, а в конце 70-х годов — только 240. («Историко-статистическое описание Тверск. губ.» В. Покровского. Тверь, 1879 г. III, стр. 84.)

[6] «Сб. стат. свед. по Рязанской губ.», 1892 г., т. XI, стр. 263.

[7] «Сб. стат. свед. по Самарск. губ. Николаевский у.», 1889 г., стр. 125.

останется только для ткачей разноцветных материй, заказчиком которых будет та же фабрика... Необходимость перехода к фабричной форме обусловливается и тем еще обстоятельством, что в последнее время... кустари, находя ничтожным 20—30-копеечный дневной заработок ткача, бросают станки»[1]. Факты промышленной эволюции Саратовской губ. дают основание г. Харизоменову заметить, что «домашняя система крупного производства есть переходная ступень к строго фабричному производству в одном здании, снабженному усовершенствованными техническими орудиями».

Итак, относительно направления новейшей эволюции бумажного кустарного ткачества не может быть сомнения: все наблюдатели свидетельствуют в один голос, что в настоящее время быстро происходит превращение домашней промышленности в фабричную. При этом кустарное ткачество гладких и одноцветных бумажных материй местами почти вымерло, местами вымирает; в особенности это следует сказать о миткалевом ткачестве, которое во многих местах перешло уже на фабрику, в других же доживает свои последние дни. Недалеко то время, когда ручной миткалевый ткач будет у нас такой же редкостью, как и в Западной Европе. Кустарное ткачество узорчатых и разноцветных материй еще упорно борется с фабрикой, черпая силы в ничтожной оплате труда кустаря. Дальнейший прогресс техники должен привести большинство и этого рода ткачей на фабрику.

Перейдем к другим отраслям текстильной промышленности. Я говорил, что суконная фабрика, вследствие большей сложности производства сукон, гораздо менее бумаготкацкой подвергалась вышеописанному процессу разложения. Шерстяное ткачество поэтому является, сравнительно, мало распространенным кустарным промыслом. В суконном ткачестве более, чем в каком-либо другом, нашли себе применение машины, как это можно видеть из нижеследующих данных, относящихся к московским фабрикам конца 70-х годов.

Процент механических фабрик в общем числе фабрик

Суконное производство	75,7	Бумаготкацкое	16,4
Шерстяное и полушерстяное . .	33,3	Шелковое	1,5

«Это обстоятельство, — по словам земского сборника, — не могло не оказать влияния на ткацкий промысел: во всей губернии мы не встречаем нигде выработки тонких сукон на-домах или в светелках, такая же участь скоро постигнет кустарную выработку шерстяных тканей»[2].

Во Владимирской губернии, в Александровском уезде, имеется обширный район кустарного производства сукон, так называемых «опаринских». История этого промысла рельефно очерчена г. Харизоменовым. Она сводится к следующему: фабрика шаг за шагом оттесняла кустаря от высших сортов товара к низшим, благодаря постоянному удешевлению продукта (вследствие технических усовершенствований фабричного про-

[1] *С. Харизоменов,* Обозрение земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 г. в Саратове, стр. 110, 114.

[2] «Сб. стат. свед. по Моск. губ.», VII, вып. III, стр. 8—9.

изводства), с одной стороны, и вздорожанию сырья, с другой. Немецкие сукна, которые раньше вырабатывались кустарями, теперь производятся только на фабриках. Но, с другой стороны, та же фабрика вызывает образование и новых промыслов: так, убивши ткачество немецких сукон, она развила в той же местности пряденье суконной «кромки» — грубой пряжи для покромок тонких сукон. Впрочем, и этому новому промыслу грозит падение: машина быстро вытесняет в этой области ручной труд, и в близком будущем кустарям придется, по мнению г. Харизоменова, или бросить свои избы и пойти на фабрику, или же заняться другими промыслами, которым еще не в такой степени грозит конкуренция машины [1].

В Костромской губернии одним из самых старинных промыслов Кинешемского уезда была выделка так называемых «решемских» сукон, расходившихся исключительно среди крестьянского населения. Этот промысел возник вне всякого влияния фабрики и долгое время «процветал». Но уж в половине 70-х годов мы узнаем о его упадке, вызванном, главным образом, «увеличившимся производством и дешевизной тонких фабричных сукон» [2], а также вздорожанием шерсти и конкуренцией других шерстяных изделий.

Валянье сапог из шерсти принадлежит к числу распространенных крестьянских промыслов. В Ярославской губернии и в этой области кустарь страдает от конкуренции машины. Так, в Ярославском уезде сапоговаляльный промысел за последнее время «уменьшается потому, что в некоторых местах заведены машины для битья шерсти... крупные производители при селе Макарове устроили паровые заведения» [3].

В крестьянском потреблении до сих пор преобладают самодельные сукна, приготовляемые для нужд семьи из собственной шерсти. Как известно, обработка шерсти, обыкновенно, производится в этом случае особыми странствующими или оседлыми ремесленниками-шерстобитами. Интересно, что и в этом промысле чувствуется влияние машин. Так, в Нижегородском уезде в течение 80-х годов стали возникать в деревнях особые шерстобитные заведения с машинами, «которые значительно уменьшили как число кочующих шерстобитов-семеновцев, так и заработки их» [4]. То же самое отмечается в кустарной обработке шерсти и в Вятской губернии.

«Появление машин и крупных заведений уже наступает. Так, недавно по деревням Верхосунской волости... один предприниматель возил машину и бил шерсть для желающих; затем в с. Архангельском, Нолинского уезда, богатый крестьянин Тураев устроил крупное сапоговаляльное заведение, в котором круглый год работают до 70 наемных рабочих» [5].

Точно так же в Спасском уезде, Казанской губернии, земские исследователи отмечают, что шерстобитный промысел значительно сократил-

---

[1] «Промыслы. Влад. губ.», II, стр. 70, 146.
[2] «Материалы для стат. Костр. губ.», III, стр. 81.
[3] «Обзор Яросл. губ.», 1896 г., II, стр. 6.
[4] «Нижегородский сборник», VII, 1887, стр. 234.
[5] «Материалы по описанию промыслов в Вятск. губ.», I, 1889. Кустарная переработка шерсти», стр. 87.

ся по причине введения в употребление шерстобитных машин конных и водяных»[1].

В Полтавской губернии «распространение крупных сукновален значительно подрывает мелкую промышленность и понижает заработки представителей личного труда»[2].

Шелкоткацкое производство имеет совсем иной характер, чем суконное. Мы видели, что процент фабрик с механическими станками в шелкоткацком производстве Московской губернии конца 70-х годов был ничтожен. В этой отрасли промышленности ручной труд гораздо легче может конкурировать с машинным. Неудивительно поэтому, что еще в 70-х годах в шелковом ткачестве кустарное производство (преимущественно в светелках) царило неограниченно. «Только шелковое производство, — читаем в земском сборнике Московской губ., — по своим техническим условиям гарантирует на более или менее продолжительный срок приготовление тканей ручным способом»[3]. Но жизнь не оправдала этих надежд.

Уже в 1885 г. г. Дементьев сообщает о падении шелкового кустарного ткачества в Коломенском уезде.

«Не беремся утверждать, что кустарное шелкоткачество исчезло в уезде вполне, но заметим, однако, что везде при многократных распросах мы всегда получали ответ, «что это дело прикончилось», фабриканты уже не раздают более основ... Мелкое ткачество падает... В течение 3 — 4 последних лет закрылось 13 светелок с 194 ткацкими станками... Нам не раз приходилось слышать в селах от стариков о множестве брошенных шелкоткацких станков; так, например, в селе Протопопове было несколько шелкоткацких фабричек и почти в каждом доме был ткацкий стан; число последних в селе превосходило 100, а теперь здесь давно уже нет ни одного»[4].

Относительно Серпуховского уезда г. Дементьев отмечает в 1888 г., что из 36 светелок с 501 станом, зарегистрированных в 1878—1879 гг., в 1887 г. осталось только 14 светелок с 261 станом. «Едва ли не в той же мере, — заключает он, — т. е. наполовину, пало и кустарное ткачество (разных, преимущественно бумажных материй) в собственном смысле: по крайней мере, объезжая уезд, мы на каждом шагу находим мелкие конторы для раздачи основ кустарям, уже по нескольку лет прекратившими свои операции... падение, повидимому, относится главным образом к ткачеству полубархата»[5].

В «Статистическом ежегоднике» за 1887 г. сообщается, что ткацкий промысел во всех его видах быстро падает. В Подчерковской волости, занимающейся преимущественно изделиями бахромы, галунов и позументов, за четыре года — 1882—1886 гг. — производство сократилось

---

[1] «Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губ.», Уезд Спасский, 1892 г., стр. 110.

[2] «Кустарные промыслы Полтавской губ.», Полтава, 1885, вып. II, Сукновальство, стр. 22.

[3] «Сб. стат. свед.», т. VII, вып. III, стр. 9.

[4] «Сборник стат. свед. по Моск. губ.», Отдел санитарной стат., т. III, вып. XIII. «Коломенский уезд», стр. 4—6.

[5] Там же, вып. XV. Серпух. уезд, стр. 6.

на 794 стана. Ручное ткачество в Озерецкой волости упало с 2 000 станов до 1 100 станов («Ежегодн.» промыслы, стр. 26).

В «Статистическом Ежегоднике» за 1892 г. читаем следующее сообщение из Гребневской волости Богородского уезда: «Товары, которые вырабатывались кустарями и давали заработок односельцам, как-то: атлас, люстрин, фуляр, тафта и пр., теперь стали работать немцы на самоткацких станках, причем работают преимущественно женщины» («Ежегодн.» промыслы, стр. 6). По этому поводу составители «Ежегодника» замечают, что кустарная промышленность «падает в конкуренции с капиталистическим производством». Московские статистики забывают, что домашняя система крупной промышленности, господствующая в кустарных промыслах, есть такая же капиталистическая форма промышленности, как и вытесняющая ее фабрика, но только без технических преимуществ последней.

В 1892—1893 гг. сокращение мелкого шелкового ткачества продолжалось, отчасти благодаря вздорожанию сырого материала — шелка. «К весне шелк сильно вздорожал, поэтому мелкие мастерки прикончили работы у себя на-дому, у крупных же фабрикантов дела шли хорошо» [1]. Корреспонденты «Ежегодника» указывают, что от вздорожания шелка пострадали именно мелкие фабриканты, а крупные, имевшие большие запасы шелка, на этом даже нажились.

«Ежегодник» за 1895 г. отмечает, что «с введением механических самоткацких станков и для шелковых материй ручное шелковое ткачество начинает падать, но есть очень много таких шелковых материй, которые на механическом станке работаться не могут» (стр. 11).

Да, пока такие материи есть, но с каждым шагом техники фабрика идет вперед и захватывает все новые области кустарной промышленности. И не нужно быть пророком, чтобы с уверенностью предсказать не в очень отдаленном будущем падение важнейших отраслей шелкового кустарного ткачества. К этому выводу приходит такой компетентный исследователь кустарной промышленности, как г. Харизоменов: «Окончательная победа крупной промышленности над мелкой, — пишет он по поводу мелкоткацкой промышленности Александровского уезда, — объединение работников, рассыпанных по многочисленным светелкам, в стенах одной шелковой фабрики, составляет лишь вопрос времени, и чем скорее наступит эта победа, тем лучше для ткачей» [2].

В канительном промысле точно так же машина бьет кустарей. Так, по сообщениям начала 90-х годов, в Рождественской вол. Бронницкого уезда «ручной труд в канительном производстве заменен машинным; содержатели все поставили волочильные паровые машины... Замена ручного труда машинным вряд ли ограничится одной Рождественской волостью» [3].

Льняное и пеньковое производства в значительно меньшей степени приняли фабричный характер, так как сырой материал в этом случае добывается в собственном хозяйстве крестьянина, почему обработка

[1] «Ежегодник за 1893 г.», Промыслы, стр. 1.
[2] «Промыслы Влад. губ.», III, стр. 125.
[3] «Статистический ежегодник Московской губ. за 1895 г.», Промыслы, стр. 3.

льна и пеньки была исконным домашним производством нашего мужика, занимавшим в свободное зимнее время рабочие силы его семьи. И теперь домашнее ткачество для нужд семьи, без сомнения, далеко превосходит по своим размерам промышленное ткачество. Но для нас имеет важность только кустарное ткачество, работа для сбыта, так как лишь с последней непосредственно конкурирует фабрика. Что касается кустарной обработки льна и пеньки, то разнообразные промыслы, относящиеся сюда, в очень различной степени пострадали от конкуренции фабрики. Полотняное ткачество (особенно выделка средних сортов полотна) быстро теряет кустарный характер и переходит на фабрику. Уже в 60-х годах в Костромской губернии почти исчезло кустарное пряденье льна; полотно ткалось кустарями почти исключительно из фабричной пряжи по заказам фабрикантов. В 70-х годах и кустарное полотняное ткачество начало клониться к упадку благодаря развитию механического ткачества на фабриках. Только в некоторых местностях (напр., Шунгенской волости) кустарное ткачество полотен держится довольно прочно, благодаря особому искусству кустарей [1]. Но в этой местности кустари страдают от конкуренции фабрик и понижения цены полотна.

Совершенно такими же чертами характеризуется кустарное полотняное ткачество Костромской губернии и в «Трудах кустарной комиссии». В Кинешемском уезде (Николаевской волости) «промысел (льноткацкий) положительно падает; причин тому много: недостаток материала, его дороговизна, соперничество фабрик, низкие цены производства, кулачество скупщиков и т. д.» [2]. В Шунгенской волости «в прежнее время... крестьяне устраивали сообща светелки... С течением времени светелки стали разрушаться — новых совсем не строят, да и старые плохо ремонтируют. За последние десять лет разрушено до 20 светелок... крестьяне стали находить несравненно выгоднее ткать в своих домах... Ткачеству конкурируют устроенные при фабриках паровые самоткацкие станки. Очевидно, что ручная работа, хотя бы и на самолетах, с машиной конкурировать не может и, как только не будет спроса на нее, должна пасть, как пало ткачество в соседних волостях: Апраксинской, Кариковской, Корниловской и др. Ткачество будет существовать только до той поры, пока хозяева не найдут возможным заменить его паровой силой» [3].

В центре полотняного производства Ярославской губ. — селе Великом — кустарному ткачеству был нанесен сильный удар устройством в 1872 г. в этом селе фабрики Локалова с механическими станами. Мелкие кустари прекратили работу. Несмотря на временное оживление кустарного ткачества в конце 70-х годов, под влиянием общего промышленного подъема и усиления спроса на полотно, промысел, по словам г. Исаева, клонится к упадку. По справедливому замечанию г. Исаева, верным признаком упадка является значительное понижение заработка ткачей.

Теперь в ткацком промысле Ярославской губернии мы видим, с одной стороны, кустаря, работающего на контору, с другой — крупные

[1] «Материалы для стат. Костр. губ.», III, 76. «Статистический временник», III, стр. 128.
[2] «Труды куст. ком.», XV, 175.
[3] Там же, IX, 2083, 2041.

фабрики с новейшими машинами и приспособлениями. «Обе эти формы, в которых воплощается ткацкая промышленность Ярославского уезда, — говорит г. Исаев, — далеко неодинаково жизненны. Первая форма отживает свой век, и это отживание чувствует не только кустарь, зарабатывающий меньше, чем ткачи предшествующего поколения, но и владелец конторы. Он чувствует всю тяжесть соперничества фабрики. Он знает, что борьба эта не равна, что в недалеком будущем фабрика станет в этой отрасли единственной формой производства». Контористы сами признают необходимость устройства самоткацких фабрик. «Несколько таких изменений — и в исследуемой области не останется ни одного ткача-кустаря. Производство полотна в Ярославском уезде постигнет такая же участь, какая постигла хлопчатобумажную промышленность во Владимирской губернии» [1].

В Ростовском уезде Ярославской губ. «громадное в прежнее время производство льняной пряжи и тканей... год от году все более и более упадает и в последнее время... количество изделий по этому производству для продажи сократилось наполовину против количества, поступавшего в продажу лет 20 тому назад» [2]. Причина этого сокращения заключается в распространении фабричного полотна, вытесняющего кустарное.

Многочисленные данные относительно упадка кустарного полотняного ткачества в Ярославской губернии за последнее время мы находим в интересной работе г. Кириллова: «Отхожие промыслы крестьян Ярославской губ.» (издание ярославского статистического комитета). Из всех волостей, где развито полотняное ткачество, корреспонденты сообщают о его упадке. Так, в Красносельской волости ткацкий промысел начался исстари, но теперь падает вследствие конкуренции фабрик и помешать этому падению нечем». В Крестобогородской волости «ткацкий промысел падает вследствие уменьшения спроса на продукты ручного ткачества». В Мереевской волости «промысел падает вследствие конкуренции фабрики». В знаменитом селе Великом «промысел ручного ткачества упадает вследствие возникновения паровых фабрик» и т. д. и т. д. Все это дает основание г. Кириллову* сделать заключение: «Ткачество, которым промышляет большая часть крестьян Ярославского уезда, теперь, с увеличением фабрик, совершенно убито» [3].

Во Владимирской губернии механический ткацкий станок также повел к сокращению ручного полотняного ткачества. За время 1882 — 1890 гг. число полотняных механических станов в этой губернии возросло почти на 72% (всего их было в 1882 г — 685, а в 1890 г. — 1 117), за то же время число ручных станков на фабриках сократилось на 27,5% (в 1882 г. их было 639, а в 1890 г. — только 464), но в действительности уменьшение было гораздо больше, так как многие из оставшихся ручных станков находились в бездействии. Число ку-

---

[1] «Труды куст. ком.», VI, стр. 692, 693.

[2] *А. Титов*, Статистико-экономическое описание Ростовского уезда, *В. Безобразов* («Народное хозяйство России», часть II, приложение, стр. 95).

* В первом издании «Свирщевскому». — *Ред.*

[3] «Обзор Ярославской губернии», выпуск II, Ярославль, 1896 г., стр. 9, 17, 18, 20, 4.

старей, ткачей, работавших на стороне, не на фабриках, достигло в том же году 2 213 человек[1]; таким образом, по числу рук кустарное производство полотна в 1890 г. все еще преобладало над механическим; но промысел быстро клонится к упадку, и механический станок с такой быстротой завоевывает почву, что время полного исчезновения ручного ткачества полотна во Владимирской губ. не за горами.

Разумеется, в губерниях менее промышленных, в которые механический ткацкий станок еще не успел проникнуть, кустарная обработка льна продолжает держаться прочно. Но не может быть сомнения, что участь льноткацкого промысла и в таких губерниях не будет иной, чем в губерниях центрального района. Весь вопрос только во времени: чем быстрее будет итти промышленное развитие России, тем быстрее будет развиваться фабрика на счет кустарной избы.

Что касается пряденья льна для сбыта, то оно в еще большей мере, чем ткачество, имеет фабричный характер. Ручная льняная пряжа почти не употребляется в центральном районе для изготовления полотна, предназначенного для продажи. Полотно, изготовляемое кустарями, выделывается почти исключительно из машинной пряжи. Ручное пряденье сохраняется только для целей домашнего потребления, так как машинная пряжа стоит немногим больше сырого льна, и труд пряденья совершенно не окупается.

Изготовление пеньковых тканей в еще большей степени, чем льняных, имеет характер семейного производства для собственных нужд крестьянина. Но там, где оно принимает характер кустарного промысла, оно не менее льняного страдает от конкуренции фабрик. Так, например, в Медынском уезде, Калужской губернии, «пеньковому промыслу, при его настоящем положении, грозит неминуемый упадок под влиянием фабричной выделки тех же изделий, продаваемых дешевле ручных»[2]. Очень распространенным промыслом является крученье канатов, веревок и вязанье рыболовных сетей. Этот промысел широко распространен в местностях, лежащих по берегам судоходных рек и озер. Машина получила еще очень небольшое применение в производствах этого рода, но тем не менее кустари уже начинают чувствовать ее властную руку. Так, канатопрядильный промысел принадлежит к числу крупнейших и старейших в Горбатовском уезде Нижегородской губернии. Этот промысел был очень распространен и в г. Нижнем, где в 60-х годах существовало множество мелких прядильных заведений. «Жители Нижнего занимаются преимущественно прядением канатов и веревок», — в такой наивной форме характеризовалась нижегородская промышленность в одной книжке 60-х годов. Теперь же в Нижнем мелких прядильных заведений совсем нет — их место заняло несколько крупных канатных фабрик. То же самое наблюдается и в деревнях Горбатовского уезда.

Лет 20 тому назад горбатовский прядильный промысел находился в «цветущем» состоянии; теперь он падает, а в будущем грозит умень-

---

[1] Все эти цифры взяты у *В. Свирского*, Фабрики и заводы Владимирской губернии, 32, 33.

[2] «Труды кустарной комиссии», II, 59.

шиться еще более, если не уничтожиться окончательно. Главная причина уменьшения горбатовского промысла заключается, по словам местных исследователей, в конкуренции канатных фабрик, которые в последнее время стали появляться в разных местах России, вытесняя горбатовские изделия. Только мелкая снасть, производимая и на фабриках ручным способом, еще долго останется в руках кустарей [1].

Крупные канатные фабрики развиваются и в Кунгурском уезде Пермской губ. [2].

Вязанье сетей в гораздо меньшей степени страдает от фабричной конкуренции. Нищенский заработок, получаемый кустарями от этого промысла, мешает проникновению в это производство машины. Исследователи этого промысла, обыкновенно, указывают на крайне низкую заработную плату кустарей, работающих сети по заказам крупных торговцев, но сравнительно редко упоминают о вторжении в этот промысел фабрики. Тем не менее отдельные указания на последнее встречаются и здесь. Так, в Спасском уезде, Казанской губ., «производство уров (род рыболовных сетей)... в настоящее время значительно пало, вследствие замены уров сетями из машинной веревки, которые хотя и дороже, но значительно прочнее» [3]. Красноперов сообщает в «Русском богатстве», что осташковская ручная сеть вытесняется машиной.

«В Риге я уже не нашел и следа осташковской сети... Иностранная машинная сеть вытеснила осташковскую в течение последнего пятилетия на всем побережье Рижского залива, но дальше, в глубь России, еще не пошла... Машинная фильдекосовая сеть отличается чрезвычайной прочностью и легкостью» [4]. Тем не менее, повторяю, в общем промысел этот держится очень стойко и сохраняет характер типичного кустарного промысла: производство исполняется без помощи машин, производитель получает нищенскую плату и находится в полной кабале у скупщика-торговца, снабжающего его сырым материалом. Участие наемного труда в этом промысле вообще незначительно. Производство имеет вполне семейный характер: кустари не держат рабочих и учеников. Что же способствует такой чистоте «народного» типа этого промысла? А то, что ученики и наемные рабочие «здесь положительно немыслимы, если обратить внимание на годовую заработную сумму этих кустарей» [5]. Иными словами, «слабость наемного элемента» вызывается упадком заработков кустаря.

Обратимся теперь к очень распространенному промыслу в лесных местностях: плетенью рогож и тканью рогожных кульков. Казалось бы,

---

[1] «Труды куст. ком.», VIII, стр. 1236, 1237, 1262. На это же указывают и другие исследователи. «Будущее (канатного) промысла непривлекательно» («Нижегородский сборник», 1890 г., IX, стр. 19). «По общим отзывам лиц, занимавшихся исследованием канатно-прядильного производства, в общем промысел этот заметно клонится к упадку», (*М. Плотников*, Кустарные промыслы Нижегородской губ., стр. 258).

[2] «Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губ.», Пермь, 1896 г., стр. 162, 163.

[3] «Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губ.», Уезд Спасский, 1892 г., стр. 109.

[4] «Русское богатство», 1894, июнь. *Красноперов*, Промыслы осташей.

[5] «Нижегородский сборник», IX, стр. 222.

уж этот промысел может не опасаться крупного производства, так как машина не находит никакого применения в этой примитивной промышленности. Тем не менее этот промысел принадлежит к числу падающих, главным образом, вследствие трех причин: 1) конкуренции с рогожными кулями холщевых и джутовых мешков, изготовляемых фабричным способом; 2) конкуренции крупных кулеткацких мастерских, возникающих в последнее время; 3) повсеместного вздорожания леса, удорожающего сырой материал. Так, в Спасском уезде, Казанской губ., «кулеткацкое производство в последние годы сильно сократилось... рогожные кули заменены мешками из холста и джутовой ткани... На сокращение производства повлиял также недостаток липы и дороговизна мочала... Тканье цыновок почти совсем прекратилось по причине отсутствия своего леса и дороговизны покупного мочала» [1]. В Козьмодемьяновском уезде той же губернии кулеткацкий промысел «падает, главным образом, потому, что в употребление входят мешки холщевые» [2]. В Лукояновском уезде Нижегородской губернии «в силу того, что в настоящее время рогожные кули стараются заменить более выгодными холстяными или дерюжными... кустари-рогожники должны терять энергию и надежду на хороший сбыт своих изделий... И действительно, подрыв этот уже кое-где выступил наружу, как бы в свидетельство того, что промысел этот отжил век... В Мадаевской волости, бывшей когда-то одной из населеннейших и промышленных, в настоящее время рогожный промысел прекратился... Одной из причин упадка промысла служит недостаток и дороговизна материала» [3].

В Костромской губернии рогожное производство падает вследствие вздорожания леса [4]; то же самое сообщается и о Пермской губернии [5], Вятской [6]. В двух последних губерниях возникли крупные рогожные и кулеткацкие мастерские, захватившие производство в свои руки.

Теперь я остановляюсь на одном любопытном явлении, крайне характерном для морфологии описанного процесса. Смысл очередной эволюции заключается в превращении мелкого производства в крупное. Между тем, более детальное изучение морфологических изменений кустарного производства, при его превращении в фабричное, обнаруживает, на первый взгляд, парадоксальный факт: одновременно с ростом фабричного производства в сохраняющихся кустарных производственных единицах наблюдается не концентрация производства, а, наоборот, раздробление его. Мы увидим ниже, что факты этого рода повторяются в самых разнообразных производствах. Остановимся пока на бумаготкацкой промышленности.

Московский земский статистик г. Вернер отмечает, что параллельно

---

[1] «Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губ.», уезд Спасский, стр. 109.

[2] «Материалы и пр.», Козьмодемьяновский уезд, стр. 86.

[3] «Нижегородский сборник», 1890 г., вып. IX, стр. 389. По той же причине промысел падает и в Ардатовском уезде. «Нижегородский сборник», VIII, стр. 46.

[4] «Материалы для' саат. Костр. губ.», III. 88.

[5] «Сборник пермского земства», 1889 г., № 6, стр. 22, 71.

[6] «Статистическое описание Орловского уезда Вятской губ.», Вятка, 1876, стр. 168, 230—242.

с ростом крупных промышленных предприятий, фабрик наблюдается сокращение мелких фабричек, светелок, и переход кустарного ткачества из светелок в избу. «С развитием ткачества, — говорит г. Вернер, — увеличивается число более или менее самостоятельных производителей, работающих не у владельца светелки, а в собственных домах; самые промышленные единицы становятся мельче, и большая часть населения находит возможным вести самостоятельное дело или вступать в непосредственные отношения с работодателями» [1].

В местностях с большим количеством крупных фабрик больше и одиночных производителей; где крупных фабрик меньше, там меньше и одиночных кустарей, работающих в этом случае в маленьких фабриках-светелках. Но этого мало: не только при размещении в пространстве можно заметить, что рядом с фабрикой идет и кустарная изба, и исчезает светелка, но то же самое замечается и во времени при развитии фабричной формы производства. Так, в Волоколамском уезде распространение механического ткачества на фабриках привело к тому, что одни мастерки вынуждены были «значительно сократить размеры своего производства и понизить до невероятного минимума заработную плату ручных ткачей, тогда как другие, закрывая свои фабрички и раздавая основы на-дом крестьянам-ткачам, получают немалую прибыль, пользуясь дешевой рабочей силой». «Такую фабричную контору, — говорит г. Погожев, — устроить гораздо дешевле и выгоднее, чем выстроить и поддерживать отдельную фабричку» [2]. При сравнении числа рабочих, занятых на мелких фабричках в 1871 и 1879 гг., оказывается, что среднее число рабочих на одну фабричку уменьшилось — *фабрички сделались мельче.*

Мелкие фабрикантики предпочитают раздавать работу кустарям непосредственно по избам, вместо того чтобы сосредоточивать ткачей в светелках. Г. Погожев объясняет раздробление кустарного производства желанием мастерков-светелочников избежать платежа земских налогов, установленных по несоразмерно высокой оценке ткацких светелок. Однако, как мы увидим ниже, совершенно подобное же явление наблюдается в весьма многих промыслах, *где происходит превращение кустарного производства в фабричное.* Такое общее явление не может вызываться случайной местной причиной, указываемой г. Погожевым.

Я уже говорил выше, что и в Дмитровском уезде наблюдается то же самое: светелки сокращают производство, но параллельно растет число отдельных ткачей, работающих на-дому. Во Владимирской губернии распадение светелок обозначилось еще ярче. По словам В. Пругавина, «не подлежит сомнению факт постепенного уменьшения количества светелок в этом районе» (Александр. у.). «По рассказам старожилов, — замечает далее Пругавин, — в первое время существования промысла (бумаготкацкого) производство бумажных тканей сосредоточивалось, главным образом, на фабриках и светелках — на домах работало очень мало». В начале же 80-х годов число станов в избах вдвое превышало число станов в светелках. «Особенно сильно уменьшилось число ткацких

---

[1] «Сборник стат. сведений по Моск. губ.», т. VII, вып. III, стр. 10.
[2] Там же, Отд. санит. стат., Волоколамский у., стр. 71.

светелок в окрестностях города Александрова, причем решающее значение в этом деле имела бумаготкацкая фабрика Баранова»[1].

В Костромской губернии «число светелок с упадком ручного тканья бумажных изделий значительно уменьшилось в последнее время и большая часть крестьян работает теперь на-дому»[2].

Аналогичные примеры раздробления кустарного производства, одновременно со стягиванием его на крупные фабрики, мы увидим ниже. Чем же вызывается такое, на первый взгляд, странное явление? Ведь, если забыть, что мелкие фабрички распадаются на отдельные кустарные избы в тех именно промыслах, которые доживают свои последние дни в качестве кустарного производства и не сегодня-завтра примут форму крупных фабрик, то легко заключить отсюда о торжестве «народной» промышленности над капиталистической и провозгласить победу кустаря над фабрикой. Между тем, эта кажущаяся победа мелкого производства представляет собой в действительности доказательство его неспособности конкурировать с крупным иначе, как понижением выручки производителя*. Дело вот в чем. Крупное машинное производство борется с кустарным дешевизной продукта. Каждый новый шаг машинной техники знаменует собой и падение цены продуктов. Так как техника ручного производства не прогрессирует, то удешевление продукта влечет за собой и уменьшение выручки производителя. Чем больше промысел страдает от конкуренции машины, тем меньше выручают кустари. Наконец, цена продукта падает так низко, что мелкие мастерки, находившие раньше возможным устраивать небольшие мастерские (светелки) и нанимать от себя рабочих (или сдавать эти мастерские в наем последним, как это нередко практикуется во Владимирской губернии), прекращают производство, так как их предпринимательская выручка не окупает расходов по содержанию мастерской. Иногда предпринимательская прибыль совсем исчезает (см., напр., приведенное на стр. 363 показание г. Вернера), светелка закрывается, а ткачи начинают работать на-дому за нищенскую плату, из которой ничего нельзя выкроить в пользу мелкого предпринимателя; производство раздробляется, но именно потому, что растет крупное производство — фабрика, уничтожающая мелкие мастерские и загоняющая кустарей в избу, из которой более счастливые из них затем переходят на фабрику, а прочие остаются беспомощными жертвами sweating system — системы выжимания пота, которая безраздельно царит в нашей так называемой кустарной промышленности.

В кустарной обработке шелка в Александровском уезде наблюдается то же явление: усиление конкуренции крупного производства — фабрики (а также и другие причины) приводит к измельчанию мелких кустарных заведений.

По словам В. Пругавина, «на основании рассказов старожилов, можно заключить, что в первое время возникновения промысла (мотания

[1] «Промыслы Влад. губ.», I, стр. 34, 36, 39.
[2] «Материалы для статистики Костромской губ.», III, стр. 70.
* В первом издании «победа мелкого производства в действительности есть его умирание». — *Ред.*

шелка) в Александровском уезде существовало много мотальных светелок со значительно большим числом наемных рабочих, чем в настоящее время. Словом, производство тогда имело более крупный размер, чем теперь»[1].

Подобное же измельчание кустарного производства наблюдается и в позументом промысле, сильно страдающем от фабричной конкуренции.

«Многие из прежних мастерков, вырабатывавших позумент и галун, в настоящее время или совершенно прекратили производство, или же работают уже без участия сторонних наемных рабочих, а некоторые из мастерков теперь превратились в простых ткачей, работающих по фабрикам. Так... из 81 позументной фабрички (в 1871 г.) в настоящее время прикончились лет 7 — 10 тому назад около 14 фабричек, на которых прежде работало слишком 900 человек. Из этих 14 мастерков — четверо работают на фабрике Ижванова вместе со своими семьями; на трех фабричках производство прекращено вследствие смерти первого основателя; остальные 7 мастерков работают только своей семьей, без найма сторонних рабочих»[2].

Полотняные ткацкие светелки также раздробляются благодаря конкуренции фабрики. В Шунгенской волости (в центре кустарного ткачества Костромской губернии) «число светелок, несмотря на развитие ткачества, в последнее время сократилось; новых светелок уже не строят, старых не исправляют... Значительнейшая часть станов помещается уже на-домах, но общая цифра станов в волости, во всяком случае, от этого, не уменьшилась»[3]. В другой волости, Челпановской, кустарное ткачество полотен «сократилось почти наполовину», причем особенно уменьшилось производство в светелках. «Много светелок стало уже пустыми», а в других часть станов не работает. В Башутинской волости «число работающих станов сократилось в местной светелке с 80 станов до 18». Положение кустарного полотняного ткачества в Костромской губернии в начале 80-х годов дало основание местному статистику г. Пирогову сделать заключение, что «вообще ткацкие светелки представляют отживающую форму в ряду промышленных заведений»[4].

В селе Великом в 50-х и 60-х годах крестьяне устраивали для тканья светелки. «Светелки были необходимы потому, что возвышение запроса на полотна и заработок ткачей побуждало многих нанимать 2—3 рабочих, а для 3—4 станов в избе не было места. В последние 8 лет мы замечаем обратное движение: у кого есть светелка, тот работает в ней; вновь же светелки не строятся, и не строятся потому, что недостаточный заработок делает невыгодным наем рабочих; разрушилась светелка — и ткач переносит стан в избу»[5].

В тесной связи с домашним ткачеством стоит красильный промысел — окраска в разные цвета самодельных крестьянских тканей. Вполне

[1] «Промыслы Влад. губ.».
[2] «Сборник стат. свед. по Московской губ.», Санитарн. отдел, Дмитровский уезд, стр. 5.
[3] «Материалы для стат. Костромской губ.», IV, стр. 228, 231, 232.
[4] «Труды куст. ком.», VI, стр. 674.
[5] Там же.

естественно, что промысел этот повсеместно падает. В нем наблюдается также раздробление производства.

«По словам промышляющих, хотя число красильных заведений 10 — 15 лет тому назад было почти такое же, как ныне, но зато количество работающих в этих заведениях было гораздо значительнее настоящего... Прежде в каждом красильном заведении были наемные рабочие; ныне же в большинстве случаев обходятся без них»[1].

Итак, распадение производства наблюдается почти во всех отраслях кустарного ткачества и связанных с ним промыслов.

Перейдем теперь к другой обширной группе промыслов — обработке металлов. Здесь процесс поглощения кустаря фабрикой подвинулся далеко неодинаково в различных производствах. В одних он подвинулся уже очень далеко, в других только начинается. Так, кустарная ковка гвоздей находится в последней стадии падения. Этот промысел, как известно, был сильно распространен в обширном районе, охватывавшем Новгородскую, Тверскую, Нижегородскую, Ярославскую губернии с прилегающими местностями. Я говорил выше о «процветании» гвоздарного промысла в николаевскую эпоху. Пока русскому гвоздю не пришлось столкнуться с машинами, промысел быстро развивался, сохраняя характер типичной капиталистической домашней промышленности. Скупщик держал в полной своей власти кустаря, но так как на продукт кустаря имелся постоянный и все возраставший спрос, то и число кустарей возрастало и заработок их не падал. Это дало основание г. В. В. произнести патриотическую тираду в своей книге «Судьбы капитализма в России» об удивительных качествах нашего самобытного кустарного гвоздя, не боящегося никакой иностранной конкуренции. Однако, г. В. В. оказался плохим пророком. Уже в 70-х годах на рынке появляется машинный гвоздь и быстро вытесняет ручной. Уже в 1875 г. тверское земство, усиленно боровшееся в то время с капитализмом и насаждавшее всевозможные артели, должно было приступить к ликвидации гвоздарных артелей, ссылаясь на невозможность ручному гвоздю конкурировать с машинным[2]. И, действительно, гвоздарный промысел, занимавший раньше первое место в ряду промыслов Тверского уезда, начиная с 70-х годов, быстро падает, благодаря машинному гвоздю. «Многие гвоздари прекратили производство и стали искать заработков на тверских фабриках»[3], — читаем в «Земском сборнике».

По словам г. Покровского, относящимся к концу 70-х годов, «современное положение гвоздарного ручного производства представляет его нам в состоянии довольно сильного упадка»[4].

В 80-х и 90-х годах промысел упал еще сильнее[5], как можно судить по нижеследующим данным:

---

[1] «Нижегородский сборник», 1890 г., IX, стр. 27.
[2] «Сборник материалов для истории тверского земства», том II, Тверь 1884, стр. 407.
[3] «Сборник материалов для статистики Тверской губ.», III, 1876, стр. 52 за 1876 г.
[4] «Труды куст. ком.», V, 377.
[5] «Сборник стат. свед. по Тверской губернии. Тверской уезд», 1893, стр. 177.

Число кузниц и рабочих в четырех важнейших центрах гвоздарного промысла в Тверском уезде (в селах Васильевском и Михайловском и в деревнях Орудово и Яковлево) [1].

	1851 г.	1880 г.	1892 г.
Число кузниц	157	96	69
Рабочих	1 248	689	378
На одну кузницу рабочих	8	7	5

Число кузниц все падает; в еще большей степени уменьшается число рабочих.

«Коренные кузнецы-мастера, — читаем в «Земском сборнике», — перестают ковать гвозди и ищут заработка на стороне. Упадок промысла обусловливается причинами, с которыми трудно бороться. Машинные гвозди вытесняют ручной гвоздь и удерживают этот вид кустарного промысла от окончательного упадка только вследствие недостаточно усовершенствованной техники в производстве машинных гвоздей... Есть еще работы, для которых требуется исключительно ручной гвоздь» [2].

Падение гвоздарного промысла в 70-х и 80-х годах отмечается во всех центрах этого производства. Так, в Ярославской губернии «гвоздарное дело в последние (конец семидесятых годов) годы стало значительно падать: спрос на ручные гвозди уменьшается, к тому же и гвозди вырабатываются хуже, чем прежде. Опасным соперником кузнецов-гвоздарей явился на рынках машинный гвоздь. В самом центре кустарного промысла, в Уломе, стали появляться более сильные капиталисты по гвоздарному промыслу, которые склоняются к тому мнению, чтобы, стянув кустарей-гвоздарей к центру производства, настроить заводов с паровыми машинами для обработки и производства гвоздей. В последнее время немало уже выстроено в Пришекснинской области железорезных паровых заводов, режущих железо на прутья, а затем они раздаются кустарям для выделки из них гвоздей» [3].

В Нижегородском уезде «еще в конце 70-х годов строились новые шиповки (гвоздарные кузницы)... начиная же с 1880 г., мы видим обратное. Шиповки закрываются одна за другой. Подобный упадок производства кузнецы объясняют, главным образом, сильной и успешной конкуренцией машинного гвоздя... Сами кузнецы при постройках начинают употреблять не свой гвоздь, а машинный» [4].

За время 1882—1887 гг. в нескольких селениях Нижегородского уезда 16 шиповок прекратили работу, и число кузнецов уменьшилось на 240 чел. Кузнецы должны были покидать деревню и отправляться в отход. «Шиповки мало-по-малу закрываются, и толпы невольно праздных кузнецов отправляются в Нижний в надежде найти в нем хотя бы какой-либо заработок» [5].

---

[1] «Сборник стат. свед. по Тверск. у.», вып. II, стр. 291—292 и «Труды ком.», V, 376.

[2] «Сб. стат. свед. по Тверской губ.», VIII, вып. I, стр. 177.

[3] «Вестник ярославского земства», 1880 г., март — апрель. «Кузнецы-гвоздари Пошехонского у.», стр. 161, 162.

[4] «Нижегородский сборник», т. VII, 1887 г., стр. 190, 198, 211.

[5] Там же.

О гвоздарном промысле в Арзамасском уезде в конце 70-х годов читаем в «Трудах кустарной комиссии»: «Лет 10—15 назад гвоздарный промысел был выгоднее, чем теперь. В то время еще не вошел в употребление машинный гвоздь, который своей дешевизной и чистотой внешней отделки в настоящее время вытесняет постепенно русский доморощенный гвоздь. Многие кузнецы были вынуждены прекратить производство... Какая будущность предстоит кузнечному промыслу? (замечает автор цитируемой статьи г. Карпов). Мне кажется, что местный кузнечный промысел (выковка гвоздя) рано или поздно должен прекратиться, главным образом, вследствие конкуренции машинного гвоздя»[1].

В Горбатовском уезде «кузнечный промысел с каждым годом падает... Главная причина этого — дороговизна углей и конкуренция машинного гвоздя[2].

Относительно положения этого промысла в 90-х годах мы имеем сведения по Тверской (см. выше) и Нижегородской губерниям. Промысел находится в крайнем упадке. Так, по сообщениям из Арзамасского уезда, промысел этот, существовавший почти во всех селениях Ивашкинской волости, «в течение последних 8 лет прекратился по причине появившегося в продаже машинного английского гвоздя, против которого ручной гвоздь как по цене, так и по достоинству, конкурировать не может»[3]... В Нижегородском уезде «гвоздарный промысел, по общим отзывам, в настоящее время находится в упадке». Корреспонденты земства называют его «умирающим промыслом»[4].

Причина повсеместно отмечаемого упадка гвоздарного промысла, дававшего раньше занятие многим десяткам тысяч гвоздарей, заключается не только в конкуренции машинного гвоздя, но также и во вздорожании угля (древесного). Мне еще придется указывать на значение этого второго факта, вздорожания топлива и сырья, в эволюции нашей кустарной промышленности. Гвозди с каждым годом дешевеют благодаря конкуренции фабрики, а стоимость производства ручного гвоздя повышается благодаря вздорожанию угля; как же существовать промыслу при этих условиях?[5].

Упадок гвоздарного промысла сопровождался и раздроблением производства. Так, мы видели, что в Тверском уезде в 1851 г. на одну гвоздарную кузницу приходилось 8 рабочих, в 1880 г.—7, а в 1892 г.—только 5. Точно так же в Нижегородской губ. в 30-х — 40-х годах гвоздарные кузницы имели характер небольших артельных фабричек. В настоящее же время число рабочих на гвоздарных кузницах значительно сократилось[6]. С другой стороны, раньше гвоздарное производство со-

---

[1] «Труды куст. ком.», IV, 1880, стр. 173.
[2] Там же, 1883, IV отдел, стр. 248.
[3] «Сельско-хозяйств. обзор Нижегородской губ. за 1892 г.», вып. III, стр. 79.
[4] Там же, стр. 86.
[5] Эволюция гвоздарного промысла недурно описана в статье г. Фомина «Очерк истории гвоздарной промышленности в России». («Записки харьковского университета 1897 г.».)
[6] См. «Нижегородский сборник», т. VII, стр. 198. «Труды куст. ком.», IV, 171.

средоточивалось в небольших мастерских, теперь же главную роль играют крупные гвоздарные заводы (главным образом, в Виленской, Лифляндской, Московской и Петербургской губерниях). Раздробление кустарного гвоздарного производства является, таким образом, не более, как обычным симптомом поглощения кустарного промысла фабрикой.

В гвоздарном промысле крупное производство — фабрика — уже одержало полную победу над кустарем. В других промыслах по обработке металлов мы наблюдаем тот же процесс на различных стадиях. В некоторых производствах он почти так же подвинулся, как и в гвоздарном, в других еще только вначале, и мелкое производство (в форме домашней капиталистической системы) держится еще весьма прочно. Возьмем, например, косный промысел Владимирской губ., сосредоточенный в деревне Харитоново. До 60-х годов промысел этот быстро развивался подобно гвоздарному. С этого времени начинается упадок промысла, зависящий, с одной стороны, от вздорожания угля, с другой — от конкуренции машинной рижской косы. Число кузнечных заведений в Харитонове уменьшилось (в начале 80-х годов) с 55 до 12[1]; теперь, вероятно, косное производство в этой деревне совершенно прекратилось. Фабрика убила кустарную мастерскую. Точно так же «ковка топоров в Ржевском уезде Тверской губ. падает сильно и переходит в Осташков... Многие из мастеров пошли в работники к своим односельчанам или к фабриканту топоров Мосягину в городе Осташкове»[2].

Кузнечно-слесарному промыслу в Суксуне (Пермск. губ.), по словам местного исследователя, г. Манохина, грозит близкая гибель. Кузнецам придется бросить свои кузницы и отправиться в отхожие промыслы[3]. «Кузнечному промыслу в г. Тихвине в будущем предстоит уничтожение» благодаря тому, что «те изделия, которые изготовляются кустарями... вскоре перейдут в руки заводчиков»[4]. Металлические промыслы села Безводного (Нижегор. губ.), вытягивание проволоки и тканье металлических полотен, также страдают от фабричной конкуренции[5]. Кустарное латунномедное производство Лаишевского уезда Казанской губ. (выделка медных украшений) не может конкурировать с более дешевыми фабричными изделиями[6].

В других случаях кустарное производство металлических изделий еще почти не встречает соперничества фабрики. Так, например, интересный кузнечно-слесарный район представляет Бурмакинская волость

---

[1] «Труды куст. ком.», X, стр. 2885.
[2] «Статистическое описание Ижевского у. Тверской губ.», 1885, стр. 130.
[3] «Труды куст. ком.», X, стр. 3017.
[4] «Труды куст. ком.», VIII, 1403.
[5] «Нижегородский сборник», VII, стр. 339, также «Всероссийская выставка 1896 г. Нижегородской губ.», вып. II, стр. 16. На то же указывается в «Отчетах и исследованиях по кустарной промышленности в России» (изд. мин-ва госуд. имущества): «В последнее время железотягольное производство (в селе Безводном) стало сокращаться ввиду появления в продаже железной проволоки заводской выделки... Будущность большинства кустарных промыслов села Безводного не обеспечена: за исключением цепного дела и выделки уды, остальные производства, рано или поздно, получат фабричный характер» (том I, стр. 186, 190).
[6] «Материалы для сравн. оценки земельных угодий в уездах Казанской губ.», Уезд Лаишевский, 1889, стр. 114.

Ярославского уезда. Здесь выделывают самые разнообразные железные изделия: принадлежности конской сбруи, кольца, пряжки, оконные задвижки, скобки и пр. За 5 лет с 1875 по 1880 г. число слесарей и кузнецов возросло на 10% [1]. По словам г. Исаева, бурмакинские кустари еще не страдают от конкуренции фабрики. Тем не менее, и здесь отмечается одно обстоятельство, угрожающее будущности промысла, а именно — вздорожание угля, находящееся в непосредственной связи со вздорожанием леса. За 30 лет цена угля удвоилась и продолжает расти. Вздорожание угля вызывает тревожные опасения г. Исаева за будущность промысла. Но если вспомнить, что бурмакинцы отнюдь не обладают талисманом против вторжения в их производство машин, то трудно усомниться в том, что в более или менее близком будущем и бурмакинцы придут в положение гвоздарей, принужденных бросать свои шиповки и устремляться неизвестно куда в отхожие промыслы.

И, действительно, из «Обзора Ярославской губ.» 1896 г. мы узнаем, что бурмакинские промыслы уже падают вследствие понижения цены изделий [2].

В знаменитом селе Павлове, центре слесарного производства, Горбатовского у. Нижегородской губ., в некоторых производствах господствует уже фабрика, в других держится кустарная изба. Так, в ножевом и перочинном промысле «борьба ведется уже между мелкою и крупною мануфактурою, а не между мануфактурой и чисто-кустарной формой производства» [3].

На фабрике столовых ножей Кондратовых (в селе Ваче) до 400 рабочих. На этой фабрике применены машины к разным операциям ножевого производства. В перочинном промысле господствуют мелкие мастерские с наемными рабочими, но есть и довольно крупные фабрики. Что касается самого важного в селе Павлове — замочного промысла, то его эволюция очень интересна и поучительна. По словам г. Потресова, изучившего на месте этот промысел, «кардинальным фактом в истории замочного промысла является уменьшение как числа мастерских с наемными рабочими, так и числа занятых в них рабочих». В 1880 г. в Павлове было 217 мастерских с наемными рабочими (по данным г. Григорьева), в 1890 г. — только 155 таких мастерских, между тем как число замочников без наемных рабочих значительно возросло. В мастерских с наемными рабочими работало в 1880 г. 528 рабочих, в 1890 г. — 345 рабочих. «Что число мастерских с наемными рабочими стало меньше, чем было 15—20 лет назад, это — единогласный отзыв всех спрошенных мною жителей», — замечает г. Потресов (доклад С.-Петерб. ком. о ссудо-сбер. кассах, 1895 г.).

По словам г. Потресова, спрошенные кустари объясняют этот факт таким образом: «На вопрос, почему перестали держать рабочих, ответ был таков: не из чего держать рабочего, рабочему нужно и передышку дать, и кормить его надо, нужно, чтобы хозяйство исправно было, а у нас что? Не из чего попользоваться».

---

[1] «Труды куст. ком.», VI, стр. 711 и след.
[2] «Обзор Ярославской губ.», II, стр. 11.
[3] «Материалы для оценки земель Нижегородской губ.», вып. VII, стр. 63.

Образцовое во всех отношениях исследование г. Потресова вполне выясняет основные причины уменьшения наемного элемента в замочном производстве. Это — падение цен на замки (отчасти тому же результату содействовало и изобретение нового способа пайки). Как естественное следствие этого падения, является ухудшение положения кустаря и невозможность для него содержать наемных рабочих*.

Почему же падает цена замка? Вследствие вытеснения с рынка павловского ручного замка машинным. Павловский замок, по словам г. Потресова, теряет один рынок за другим. Крупные замочные фабрики Западного края бьют павловского кустаря дешевизной продукта и заставляют его распускать рабочих и работать без помощи наемного элемента.

В замочном, как и в гвоздарном, промысле следует отметить то важное обстоятельство, что фабрика, вытесняющая кустарную мастерскую, отнюдь не всегда вырастает из местной же кустарной промышленности. Фабрика появляется нередко совсем в другом конце государства: в Ковне, Риге, Петербурге; кустарь этой фабрики никогда не видал, но зато он отлично чувствует ее влияние по падению цены его собственного продукта. На рынке появляется новый, фабричный, продукт, и кустарь изнемогает в борьбе с грозной силой, выражающейся в невинном виде улучшенного и удешевленного гвоздя или замка. Эта борьба живых людей—кустарей где-нибудь в центре России и фабричных предпринимателей на какой-нибудь русской окраине или за границей — является, кстати сказать, прекрасной иллюстрацией того *фетишизма товарного производства*, о котором говорит Маркс в первом томе «Капитала». Один товар борется с другим; полем сражения для них является рынок, иногда одинаково далекий от мест производства—какая-нибудь Малороссия или далекая Сибирь. Рынок не знает ни кустаря, ни фабриканта, а только замок одного или другого качества. Но за каждым из этих замков скрываются люди, известные социальные группы и отношения; в действительности борьба идет между живыми людьми, и победа машинного замка знаменует собой победу нового социального строя.

В металлических кустарных промыслах Богородского уезда, по исследованию г. Вернера в 1890 г., наблюдается развитие крупного производства. «Как в Загарьи, так и в Гуслицах число мастерских несколько уменьшилось; уменьшение это произошло в первом из этих районов отчасти от перехода кустарных заведений в крупные, отчасти вследствие сокращения самых мелких заведений, вынужденных прекратить производство. Во втором районе наряду с сокращением числа самых мелких заведений возникли и крупные. В общем кустарные мастерские стали крупнее[1].

Итак, в металлических промыслах Богородского уезда наблюдается обратное явление сравнительно с отмеченным в павловской замочной промышленности: производство в кустарных мастерских не только не

---

* После слов «наемных рабочих» в первом издании: «А профессор Яроцкий в этом обстоятельстве видит доказательство «восстановления чистой формы кустарной промышленности». Еще одна такая победа кустаря — и он перейдет на фабрику». — *Ред.*

[1] «Статистический ежегодник Московской губ. 1890», Кустарные промыслы Богородского уезда, стр. 19.

раздробляется, а становится крупнее. Чем же это объясняется? А тем, что поглощение мелкого производства крупным может совершаться двояким образом: во-первых, крупное производство — фабрика — может возникать независимо от местного кустарного производства и затем, вызывая понижение цен товара, действовать угнетающим образом на кустарные промыслы, производящие аналогичные продукты; промысел в этом случае раздробляется и в конце концов нередко уничтожается. Таким путем исчезает, например, гвоздарный промысел в Тверской, Ярославской и Нижегородской губерниях. Фабрики, убивающие этот промысел, выросли отнюдь не из гвоздарных кузниц, а возникли совершенно независимо от них, совершенно в других географических пунктах России, и связь между ними и гвоздарным кустарным промыслом устанавливается лишь при посредстве рынка. Раздробление промысла знаменует собой невозможность для кустарной мастерской с наемными рабочими конкурировать с фабрикой, исчезновение предпринимательской прибыли кустаря. То же самое происходит и в том случае, когда фабрика, хотя и выросшая из местного кустарного производства, уже достигла крупных размеров, заменила ручной труд машинным и привела к такому падению цены товара, при котором кустарю «не из чего содержать рабочих». В таком положении находятся владимирские, московские, костромские светелочники-мастерки. Светелки пустеют потому, что ручного кустаря бьет машина и загоняет его или на фабрику, или в собственную избу.

Во-вторых, крупное производство может возникнуть из самой кустарной промышленности путем естественной эволюции последней. Если промысел не страдает от конкуренции фабрик, то более крупные кустарные мастерские, пользуясь выгодами крупного производства, вытесняют мелкие; производство принимает все более крупные размеры, и кустарная мастерская превращается в фабрику. Таким образом возникли ножевые фабрики в павловском районе. В этом случае кустарное производство концентрируется, и среднее число рабочих на одну мастерскую возрастает — промысел не отмирает, но переходит в высшую форму.

Иначе говоря, концентрация или раздробление кустарной мастерской зависит от уровня техники в фабричном производстве. Если превосходство фабрики не очень велико, то кустарная мастерская постепенно вырастает в фабрику. Если же превосходство это огромно, то кустарная мастерская распадается, и промысел отмирает.

Павловским замочникам грозит участь ярославских и нижегородских гвоздарей (если не возникнет, к их счастью, фабричное производство замков в Павлове); напротив, загарские и гуслицкие медники Богородского уезда не страдают от конкуренции фабрики и потому их мастерские могут беспрепятственно расти и превращаться в небольшие фабрички, чтобы затем стать настоящими фабриками.

Таким образом, хотя и разными путями, совершается превращение кустарного промысла в фабрику.

В общем же нельзя не признать, что в обработке металлов кустарное производство держится сильнее, чем в текстильной промышленности, хотя и здесь уже начался и более или менее подвинулся процесс поглощения мелкого производства крупным.

Промыслы по обработке кожи в еще меньшей степени стянулись в крупные заведения. Но конкуренция крупного производства чувствуется и здесь. Так, кожевенный промысел Пошехонского уезда, Ярославской губернии, очень пострадал от устроенных в городе Пошехонье кожевенных заводов; число кустарей-кожевников в деревнях сократилось [1]. В Ростовском уезде той же губернии промысел приготовления кожаной обуви падает вследствие распространения среди крестьян московских кожаных изделий [2]. Точно так же и в Нижегородской губернии кожевенный промысел падает вследствие конкуренции отчасти крупных петербургских кожевенных заводов, отчасти местных [3]. В важнейшем центре кустарного сапожного производства—селе Кимрах—крупное производство быстро развивается. Уже в половине 70-х годов в Кимрах появились машины; в 1876 г. в селе было более 100 строчильных машин [4]. Крупные капиталисты Кимр держат в руках все кимрское сапожное производство; работа происходит частью в мастерской хозяина, частью на-дому. Число наемных рабочих в мастерских увеличивается. Обычные спутники развития крупного производства наблюдаются и в кимрском районе: многие сапожники бросают свой промысел вследствие незначительности заработной платы и уходят на заработки в города [5].

Кустарные сапожники заштатного города Черниговской губернии, Коропа были «стерты с лица земли Варшавою» [6] (сапожными изделиями крупных варшавских мастерских). Промысел совершенно упал, и «дальний отход получил громадное развитие».

Перейдем теперь к самой разнообразной группе промыслов, занимающей более всего рук,—промыслам по обработке дерева. Промыслы этого рода принадлежат к самым старинным. Они повсеместно распространены, особенно в лесных губерниях. Машина почти не проникла в производства этого рода; казалось бы, кустарное производство именно в этой области должно стоять наиболее прочно. И, однако, почти отовсюду мы узнаем, что лесные и деревообрабатывающие промыслы находятся в упадке — и по одной причине: вследствие вздорожания сырого материала — леса.

В некоторых случаях и деревообрабатывающие промыслы страдают от конкуренции машин. Так, ящичный промысел в Клинском уезде, Московской губ. «с каждым годом падает вследствие крупных машинных мастерских в Москве» [7]. Точно так же кустарное производство ящиков в Ярославском уезде «губится производством их на паровых лесопильнях» [8]. Колесный промысел села Плотинского Макарьевского

---

[1] «Вестник ярославского земства», 1875, июнь. Кустарная промышленность в Пошехонском уезде.

[2] *Безобразов*, Народное хозяйство России, II, Приложения, стр. 96.

[3] «Всероссийская выставка 1896 г. Нижегородская губерния», II, стр. 16.

[4] «Сборник материалов для статистики Тверской губ.», III, стр. 84.

[5] «Сборник статистических сведений по Тверской губ. Калязинский у.», стр. 147. «Сельско-хозяйственный обзор Тверской губ. за 1894 г. Промыслы», стр. 3.

[6] «Земский сборник Черниговской губ.», 1891, № 6—7, стр. 163—164.

[7] «Стат. ежег. Моск. губ. за 1895 г.», Промыслы, стр. 2.

[8] «Обзор Яросл. губ.», II, стр. 4.

уезда падает благодаря устройству в селе Лыскове специальных колесных заведений [1]. Дужное производство Нижегородского уезда «падает с каждым годом и на поднятие его нет надежды», причем одной из причин этого падения является «усиленная конкуренция привозных в Нижний дуг» (вероятно, продукт крупного производства) [2]. Но случаи такого рода не часты; общая же причина упадка промыслов иная: истощение и вздорожание леса.

Возьмем, например, богатую лесом Нижегородскую губернию. Лесные промыслы Ардатовского уезда, «издавна развившиеся вследствие бывшего обилия леса, теперь падают, с одной стороны, от недостатка последнего, а с другой — от повышения цены на лесные материалы». Так, к числу промыслов, падающих по указанной причине, относятся лапотный, колесный, санный, бондарный, решетный, производство кошелей, деревянной посуды и других. Отзывы местных исследователей об этих промыслах можно резюмировать словами одного из них, г. Комарова: «Производство всех означенных деревянных изделий заметно клонится к упадку, и недалеко, быть может, то время, когда означенный промысел прекратит свое существование» [3].

То же самое констатируется и в других уездах Нижегородской губернии: Васильевском, Княгининском, Лукояновском, Нижегородском и др. «Промысел обречен на гибель», «промыслу грозит уничтожение», — такими выражениями характеризуется положение деревообрабатывающих промыслов местными исследователями.

В Смоленской губ. бондарный промысел «сильно падает, благодаря вздорожанию леса» [4]. В Самарской губ. деревообрабатывающие промыслы «с каждым годом все более и более сокращаются в своих размерах, главным образом, вследствие недостатка и дороговизны сырых материалов» [5]. В Костромской губ. «приготовление деревянных изделий вообще падает в последнее время по случаю возвышения цен на лесной материал» [6]. В Ярославской губернии «приготовление всех вообще изделий из леса заметно уменьшается по случаю уменьшения леса и дорогой цены оного» [7]. В Тверской губ. промыслы бондарный, смолокуренный, плетение корзин и др. сократилось от дороговизны материала [8]. «В качестве обычного мотива упадка промысла приводится недостаток материала для изделий — преимущественно лесного, служившего основой для промыслов. Даже в Осташковском у., наиболее лесистом сравнительно с остальными, ощущается теперь нужда в лесном материале» [9].

В Казанской губернии бондарный промысел «в настоящее время приносит мало выгод... как на главную причину упадка указывается

---

[1] «Нижегородский сборник», X, стр. 230.
[2] Там же, VII, стр. 301.
[3] Там же, VIII, стр. 193.
[4] «Сборн. стат. свед. по Смол. губ., Вяземский уезд», стр. 149.
[5] «Сборн. стат. свед. по Самарской губ., Ставропольский у.», стр. 175.
[6] «Материалы для стат. Костр. губ.», III, стр. 87.
[7] «Обзор Ярославской губ.», II, 89.
[8] «Сельско-хоз. обзор Тверск. губ. за 1894 г.», Промыслы, стр. 2—6.
[9] Там же, стр. 2.

на понижение цен на готовые изделия и на повышение цен на покупной лес»[1].

Отзывов такого рода можно было бы привести очень много, но и сказанного довольно для обрисовки основной тенденции. Деревообрабатывающие промыслы падают почти повсеместно — и не от конкуренции крупного производства, а, главным образом, от вздорожания сырья.

По этой же причине падают угольный, дегтярный и смолокурный промыслы. Дегтярный промысел, впрочем, страдает и от конкуренции продукта крупного производства — нефти.

Вятская губ., в качестве лесной губернии, казалось бы, должна была менее всего страдать от истощения лесов. Однако, вздорожание леса весьма осязательно чувствуется и здесь. Промысел по сухой перегонке дерева в Вятской губ. «постепенно клонится к упадку». Смолодегтярный промысел в той же местности сильно страдает от конкуренции нефти. «Над смолодегтярным делом приходится поставить крест»[2], по выражению вятского земского статистика г. Кучина.

Мне остается очень немного сказать о других промыслах. Так, промыслы по обработке глины в большинстве случаев сохраняют характер мелкого производства; конкуренция фабрики в этой области выражается, главным образом, в конкуренции фарфоровой и металлической посуды — продукта крупного фабричного производства, с глиняной, изготовляемой попрежнему ручным способом мелким производителем-кустарем. Так, в некоторых селениях Ардатовского уезда гончарный промысел падает потому, что «все более и более распространяющееся употребление чугунной, металлической и фарфоровой посуды намного сокращает спрос на гончарные изделия». Промысел дает ничтожный заработок, и крестьяне его не бросают окончательно только по неимению других, более выгодных, заработков и по доступности сырого материала — глины. В таком же положении находится гончарный промысел и в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Лет двадцать тому назад промысел был в цветущем состоянии; теперь же принадлежит к числу падающих благодаря развитию фабричного производства глиняной посуды в Боровицком уезде Новгородской губернии[3]. В Гжельском районе горшечное производство, имевшее кустарный характер, в настоящее время почти совершенно вытеснено фарфоровой и фаянсовой промышленностью, сконцентрированной на крупных фабриках[4]. В Ростовском уезде Ярославской губернии гончарный промысел сокращается вследствие истощения глины и вздорожания леса[5]. Этот промысел точно так же падает и в Рыбинском уезде[6]. Но вообще гончарный промысел принадлежит и по настоящее время к числу очень немногих, в которых действительно господствует «самостоятельное производство» (что объясняется доступ-

---

[1] «Материалы для сравн. оценки угодий Казанской губ., Спасский у.», стр. 108.

[2] «Промыслы Вятской губ.», III, 189.

[3] «Сборник статистических сведений по Тверской губ.», III, 117.

[4] «Статистический ежегодник Московской губернии за 1890 г. Промыслы Богородского уезда», стр. 12.

[5] *В. Безобразов,* Народное хозяйство России, II. Приложения, стр. 96.

[6] «Обзор Ярославской губернии», II, стр. 37.

ностью сырья и примитивностью техники производства). Для будущности гончарного промысла гораздо опаснее непосредственной конкуренции фабрики вздорожание топлива[1].

Остановимся на тщательно исследованном щеточном промысле Московской губ. Сравнение этого промысла в 1879 г. (год первого обследования) и в 1895 г. (год последнего обследования) приводит к очень любопытным выводам. Промысел за это время значительно распространился, число лиц, занимающихся им, возросло с 835 до 1 424 человек, т. е. более, чем на 70%. В 1879 г. 56 щеточных заведений работали без помощи наемных рабочих, в 1895 г. число таких заведений равнялось 185. Число мастерских с наемными рабочими в 1879 г. составляло около $^2/_3$ всех мастерских, а в 1895 г. — около 40%. Число крупных мастерских, имеющих более 10 рабочих, сократилось вдвое. Средняя величина промышленной единицы в 1879 г. была 5,5 работников, а в 1895 г.—4,7 работников. Иными словами, промысел раздробился, производство приняло более семейный характер.

Казалось бы, эти данные свидетельствуют о торжестве чистого «народного» типа кустарного производства в щеточном промысле. На самом же деле мы имеем дело с совершенно обратным. По словам местного исследователя, г. Руднева, измельчание щеточного промысла сопровождалось распространением в нем работы из чужого материала, по заказам крупных производителей, многие из которых перебрались в Москву и перенесли туда свои мастерские. Промысел стал доступен малосостоятельным семьям именно потому, что он потерял всякое подобие самостоятельного производства. Положение производителя при этом ухудшилось. Иными словами, и в щеточном производстве мы наблюдаем много раз констатированное нами явление: кажущееся торжество семейного производства над капиталистическим оказывается верным симптомом торжества капиталистической промышленности[2].

Итак, упадок наиболее важных кустарных промыслов под влиянием развития крупного производства и вздорожания сырья представляется в общем несомненным. Но не нужно представлять себе слишком шаблонно, схематически процесс промышленной эволюции, приводящий к победе более совершенных в техническом отношении форм промышленности — к победе фабрики над примитивным мелким производством на-дому. Взаимодействие фабрики и кустарного производства и теперь, как и прежде, выражается не только в поглощении последнего первой.

По справедливому замечанию г. Харизоменова, фабрика в «большинстве случаев, убивая одну отрасль кустарного промысла, параллельно развивает другую... Если суконная фабрика убила (в Опаринской волости) домашнее производство немецких сукон, то та же фабрика дала опаринцам «кромку», — следовательно, развила новую отрасль домашнего суконного производства»[3]. Почти на наших глазах в селе Кимрах возникла новая отрасль сапожного производства — выделка так называе-

---

[1] См. «Сельско-хозяйственный обзор Тверской губернии, за 1894 г.», Промыслы, стр. 2.

[2] О щеточном промысле в 1895 г., см. «Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г.», Щеточный промысел, С. Руднева.

[3] «Промыслы Влад. губ.», II, стр. 146.

мого гамбургского товара благодаря устройству вблизи Кимр большого кожевенного завода, открывшего выделку кожи по новому способу[1]. Красноперов в «Сборнике пермского земства» отмечает тот же факт относительно кожевенных промыслов. «Кожевенное кунгурское производство, — говорит он, — есть типичный выразитель идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности... Кому не доводилось слышать, что между крупной и мелкой промышленностью существует антагонизм, что фабрика поглощает и поглотит кустарную промышленность... а здесь, наоборот, мы видим, что фабрика вступает в правильный союз с кустарной промышленностью, имея целью не подавление этой промышленности, но развитие ее сил»[2].

Вокруг крупной промышленности г. Кунгура группируется целый ряд кустарных промыслов, как-то: отделка кож, шитье кожаной обуви, изготовление шпильки для сапог, деревянных сапожных колодок, приготовление золы для кожевенных заводов и пр.

Факт развития некоторых кустарных промыслов под влиянием фабрики отмечен Красноперовым совершенно верно, но его комментарии свидетельствуют только об обычной недальновидности наших народников. Из того, что фабрика порождает кустарные промыслы, Красноперов заключает, что никакого антагонизма между этими формами промышленности не существует. Последнее совсем неверно: вызывая новые промыслы на одной стадии промышленного развития, фабрика на следующей стадии вступает с ними в борьбу и уничтожает их, создавая новые промыслы, которым предстоит погибнуть под влиянием конкуренции крупного производства в следующей стадии и т. д. и т. д. Таким образом, фабрика и крупное производство неуклонно идут вперед и завоевывают одну отрасль промышленности за другой, несмотря на возникновение под влиянием фабрики новых мелких промыслов.

В то время, как одни промыслы исчезают или исчезли, их место занимают другие; так, например, во Владимирской губернии, где фабрика особенно энергично вытесняет кустаря из более важных старинных промыслов (как, например, ткацкий), развивается валяльный промысел, в некоторой, хотя и далеко неполной, степени заменяющий первые[3]. К числу развивающихся промыслов принадлежит в некоторых местностях и овчиношубное производство (хотя в Ярославской губ. оно быстро падает). В Московской губернии в некоторых деревнях распространяется патронный промысел (выделка папиросных гильз); то же самое констатируется и относительно Тверской губернии. Некоторые металлические промыслы и теперь, как и прежде, группируются вокруг крупных фабрик и заводов и развиваются вместе с ростом фабричного производства[4]. Сапожный и портняжный промыслы также развиваются во многих пунктах, удаленных от крупных центров производства. В Костромской губернии, в Кинешемском уезде, до 60-х годов было развито кустарное ткачество сукна; с этого времени суконное ткачество стало падать благодаря конкуренции фабрик; взамен этого стал быстро распространяться

[1] «Отчеты и исследования по кустарной промышленности России», I, 225.
[2] «Сборник пермского земства 1889 г.», № 6, стр. 3—4.
[3] Промыслы Влад. губ., II, стр. 271.
[4] См. «Труды кустарн. ком.», XIV, стр. 474.

новый сапоговаляльный промысел. В 1895 г. в Кинешемском уезде считалось уже до 5 000 рук, занятых валяльным промыслом. Впрочем, в настоящее время валяльное производство утрачивает кустарный характер и стягивается в крупные заведения. По словам местного исследователя, «исчезают более мелкие заводы и на счет их расширяются крупные». Можно было бы привести много примеров кустарных промыслов, которые не только не падают, но, видимо, растут, или даже возникают вновь в тех или иных местностях.

В общем промышленная эволюция России * идет следующим образом. Общий объем промышленности быстро растет и все большая доля населения отвлекается от земледелия к промышленности. Чем крупнее производство, тем рост его совершается энергичнее. Повидимому, число кустарей у нас сокращается. Но ничего не было бы невозможного, если бы количество их даже росло и в то же время фабрика энергично вытесняла и поглощала кустарные промыслы. Это могло бы зависеть от того, что на месте исчезающих промыслов возникают новые, с ко-

---

* Отрывок со слов «В общем промышленная эволюция» до слов «Куда же бежит мужик из деревни» (стр. 394) заменяет следующий отрывок из первого издания: «но не может быть никакого сомнения, что эти промыслы по своему экономическому значению и числу рук, которым они дают занятия, далеко отстают от исчезающих или исчезнувших промыслов. Что кустарная промышленность в настоящее время в общем падает — об этом не может быть серьезного спора.

Доминирующим фактом экономической эволюции новейшего времени является победоносное шествие по стране крупно-капиталистического фабричного производства. Кустарь не может выдержать конкуренции фабрики и должен сложить свои нехитрые орудия. Чем же он заменяет исчезающие промыслы, которые составляли такую существенную статью в его более чем скромном бюджете. В деревне ему делать нечего — земля отнюдь не может восполнить образующую убыль доходов кустаря-земледельца. И вот мужик ударяется «в отход». Рост отхожих промыслов отмечается во многих местах России; особенное внимание было обращено на этот предмет тверскими статистиками благодаря тому, что в Тверской губернии отход увеличился в огромных размерах, как можно видеть из нижеследующих цифр.

Количество выданных волостными правлениями паспортов:

Уезды	1887 г.	1895 г.	% общ. увеличения	% годичного прироста
Старицкий	21 981 / 1 832	38 761	76	9,5
Ржевский	11 942 / 1 884	20 084	68	5,2
Новоторжский	17 006 / 1 883	29 933	76	6,9
Калязинский	26 654 / 1 881	31 879	31	4,4
Тверской	33 361 / 1 883	35 667	7	0,5
Зубцовский	16 610 / 1 883	22 994	38	5,5
Бежецкий	27 682 / 1 885	38 384	39	4,3
Вышневолоцкий	12 987	19 803	53	5,3

Особенно знаменательно увеличение отхода женщин — наиболее консервативного и устойчивого элемента деревни. «Безусловно каждое сообщение корреспондентов, — читаем мы в том же обзоре, — констатирует дальнейшее расширение отхода». — *Ред.*

торыми фабрика пока не конкурирует и которые она иногда непосредственно поддерживает, давая им материал для обработки, удешевляя разного рода средства производства, создавая иногда усиленный запрос на те или иные предметы ручной выделки и пр. Сила кустарной промышленности в России, представляющей типичную форму, со всеми ее ужасами, так называемую sweating system, заключается в безграничной эксплоатации рабочего, которую она допускает. Именно поэтому не только в России, но и на Западе, так называемая домашняя промышленность обнаруживает, в ущерб интересам рабочего класса, значительную живучесть. В некоторых отношениях домашняя промышленность более передовых стран Запада даже еще успешнее отстаивает свое существование, чем русская кустарная промышленность. Так, например, в Англии в некоторых отраслях промышленности наблюдается положительный рост работы на-дому в ущерб фабрике. Объясняется это тем, что различие между условиями труда на фабрике и на-дому в Англии несравненно больше, чем в России. В силу этого своеобразное преимущество домашней работы — крайняя дешевизна труда — в Англии является более могучим орудием конкуренции домашней промышленности с фабрикой, чем в России.

Раз мы коснулись этого вопроса, то нужно остановиться на нем подробнее. Самый факт устойчивости домашней системы выжимания пота не подлежит сомнению. Об этом свидетельствуют многие английские фабричные инспектора в своих ежегодных отчетах. Так, в отчете за 1894 г. указывается на возрастание домашних рабочих в некоторых отраслях труда в Стокпорте. В Дёндоне фабричный инспектор предписал фабриканту перестроить мастерскую; вместо этого хозяин распустил рабочих и стал давать работу на-дом. В Сванси, Кардиффе в портняжном промысле число рабочих, работающих на-дому, возрастает. Наряду с этим в других центрах быстро растет на счет ремесла фабричное производство. По словам Макдональда, одного из сотрудников Бутса, организатора известного статистического обследования Лондона, результаты которого были опубликованы в книге «Life and Labour of the People of London», «общая тенденция портняжного промысла в Лондоне идет в двух определенных и противоположных направлениях: первая тенденция — к высокоорганизованной специализированной фабричной системе, вторая — к старой домашней промышленности XVIII века».

Почему же одновременно растет на счет ремесла и фабрика, и домашняя работа? (Замечу, что то же наблюдается, как показала последняя промышленная перепись, и в Германии: ремесло падает, а на месте его растет фабрика и домашняя система. Только в текстильной индустрии Германии падает и домашняя система, вытесняемая фабрикой.) Потому, что и машина, и домашняя система являются различными методами достижения одной и той же цели: понижения издержек производства и повышения прибыли. Машина является методом понижения издержек производства путем повышения производительности труда; домашняя система выжимания пота — методом понижения издержек производства путем увеличения эксплоатации рабочего. Результат, с точки зрения капиталиста, один и тот же — увеличение барыша; с точки же

зрения всего общества — диаметрально противоположный. В первом случае производительность труда повышается, во втором — понижается.

Таким образом, в капиталистическом хозяйстве имеются тенденции, прямо задерживающие промышленный прогресс: стремление к достижению наибольшей прибыли может поддерживать такие формы промышленности, сохранение которых и с технической и с общественной точек зрения является одинаково нежелательным. Ядовитый продукт капитализма — домашняя система выжимания пота — обнаруживает чрезвычайную живучесть и задерживает увеличение производительности труда, заменяя таковое увеличением эксплоатации рабочего.

Я не буду останавливаться над характеристикой условий работы наших кустарей. Всем известно, что нищенская плата, непомерно продолжительный рабочий день и крайняя эксплоатация детского труда являются характерными, отличительными чертами нашей кустарной промышленности. Не менее известно, что так называемый самостоятельный кустарь в действительности находится в полной зависимости от посредника — мастерка, светелочника, скупщика, — который из него выжимает буквально все соки, практикуя в самых широких размерах наглый обман, плутовство, расплату не деньгами, а товаром по непомерно высокой цене, закабаление кустаря в неоплатного должника и пр. и пр. Приведу характеристику кустарных ткачей из «Сборника статистических сведений по Московской губернии». Характеристика эта приложима, в общем, ко всей нашей кустарной промышленности, как это известно всем знакомым с делом.

«Обязательного времени для начала и окончания работ в светелках нет... Продолжительность рабочего дня, за исключением перерывов на отдых и на принятие пищи, колеблется между 14 и 15 часами в сутки... Но во время великого поста, когда мастерок торопит рабочих... работы продолжаются 16 и 17 часов в сутки, не исключая праздничных дней; в эту пору нередко в 3 часа утра можно застать в светелке ткачей, а до 12 часов ночи работает большинство... Дети с 6—7-летнего возраста засаживаются мотать шпули для ткачей... Заработки ткачей, вырабатывающих бумажные ткани на ремизных станках, колеблются между 14 и 30 коп. в день... чистый заработок ткача будет 5 р. 10 к. в месяц... Безвыгодность промысла увеличивается еще тем, что ткачи почти никогда не получают свой заработок наличными деньгами, а принуждены набирать его провизией по возвышенной цене». Между тем, «на самоткацких фабриках средний заработок как мужчины, так и женщины равняется 13—14 руб. в месяц»[1].

Повторяю, совершенно сходными чертами характеризуются и другие кустарные промыслы. В русской экономической литературе не существует разногласия относительно того, что современное положение кустарей крайне тягостно. Но многие думают, что из этого тягостного положения есть легкий выход: нужно только организовать кустарей в артели, облегчить сбыт кустарных изделий при помощи земских складов, удешевить кредит при помощи кустарных банков, — и дело в

[1] «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. VII. вып. III.

цляпе. Наша точка зрения иная. Мы не отрицаем, что означенные меры могут улучшить положение той или иной более сильной экономически группы кустарей. Поэтому мы не против этих мер — мы стоим за них. Но мы глубочайшим образом убеждены, что никакие артели, склады и банки не в силах существенно улучшить положенке массы кустарей, ибо все зло коренится не в чем ином, как в самом существе кустарной промышленности. Только превращение кустарной промышленности в фабричную покончит с эксплоатацией кустарей всякого рода торговыми посредниками. Но, разумеется, такое превращение совершится еще очень не скоро; и понятно, пока кустарная промышленность существует, нужно принимать меры помощи кустарям, несмотря на сознание, что значение этих мер ограничено, подобно тому, как, раз существует нищенство, — нужно помогать нищим.

Чтобы убедиться в неизбежной связи домашней системы промышленности с угнетением, эксплоатацией и выжиманием пота из рабочего, достаточно сравнить положение кустарей у нас и на Западе. Кажется, трудно найти две европейские страны, до такой степени несходные между собой, как Россия и Англия. А между тем, изучение английской кустарной промышленности показывает, что английские кустари многими чертами поразительно напоминают своих русских собратьев. Такая же организация промысла, такая же зависимость от скупщика, такая же бедность, такая же беспомощность, такой же непомерно длинный рабочий день и даже такая же невежественность.

Для примера остановимся на некоторых кустарных промыслах Англии, которым посвящено прекрасное исследование Джона Бернетта «Report as to the Conditions of Nail-makers and Chain-makers in South Staffordshire and South Worcestershire» (1886). Эти промыслы были также изучены комиссией палаты лордов, исследовавшей в конце 80-х годов так называемую sweating system (см. особенно «Third Report from the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System», 1889), и королевской комиссией по вопросам труда (см. «Second Report of the Royal Commission of Labour», 1892). Все эти исследования вполне сошлись по своим результатам, и благодаря им организация и весь строй обследованных кустарных промыслов—гвоздарного и цепного промысла в центре Англии — выяснились с совершенной полнотой.

Гвоздарный промысел является одним из самых старинных в Стаффордшире. В течение многих столетий этот промысел процветал в селениях, окружающих Бирмингам. В настоящее время он находится в упадке по той же причине, которая вызвала упадок кустарного гвоздарного производства и в России: благодаря вытеснению ручного гвоздя машинным. В 1830 г. в центральных графствах Англии считалось не менее 50 000 ручных гвоздарей. Около этого времени в гвоздарное производство начала проникать машина. Число ручных гвоздарей стало сокращаться. В 1866 г. их насчитывалось не более 20 000. Затем число их продолжало уменьшаться, но уже не столь быстрым темпом. К концу 80-х и к началу 90-х годов их насчитывалось около 15 000. Машина захватывает все новые области гвоздарного дела, но до настоящего времени существуют некоторые сорта гвоздей, которые выделываются исключительно руками.

Во всяком случае, ручные гвоздари, хотя и сильно сократились по своей численности, все же существуют в Англии. Целые селения в окрестностях Бирмингама занимаются исключительно ручным гвоздарным промыслом. Само собою разумеется, эти гвоздари не имеют своей земли и своих домов; они живут в наемных коттеджах, при которых, обыкновенно, имеются небольшие огороды. В огородах разводятся овощи, — главным образом, картофель. Большинство гвоздарей держит мелкий скот — особенно, свиней. Летом гвоздари занимаются иногда земледельческими работами по найму, например, косьбой сена.

Железо для гвоздей гвоздари получают от iron-masters — хозяев-заказчиков, имеющих склады железа и гвоздей, от посредников-факторов, по местному выражению — «фоггеров» (foggers), или же покупают его сами. Последнее бывает редко, но все же бывает.

Что же такое представляет собою «хозяин»? Хозяин, это — важный барин, фабрикант или крупный торговец гвоздями. На гвоздарных фабриках выделываются машинами, как сказано, далеко не все сорта гвоздей. Гвозди ручной выделки куются для фабрикантов в кустарных кузнях.

«Фоггер» — мелкий капиталист, торговый посредник, то, что у нас называется «скупщик», «хозяйчик», «кулак». Иногда фоггер имеет свою кузню и даже сам работает в ней; но чаще всего он не принимает никакого участия, в производстве. Большинство фоггеров — местные лавочники, трактирщики или просто скупщики гвоздей. Иногда они сами покупают железо, иногда же берут его у хозяев. Во всяком случае они не комиссионеры хозяев. Они сами от себя раздают железо гвоздарям и получают от них гвозди. Гвозди они перепродают, обыкновенно, хозяевам, но иногда продают их и на сторону.

Вот эти-то фоггеры и являются настоящей язвой мелкого гвоздарного промысла. Гвоздари относятся к ним прямо с ненавистью. Само собою разумеется, что фоггер должен давать меньшую плату за ковку гвоздей, чем хозяин, — иначе, какая ему была бы выгода перепродавать гвозди? Но этого мало: фоггер, обыкновенно, норовит еще притеснить и надуть своего клиента-кустаря. Самый примитивный вид надувательства, вполне бесцеремонный и даже наивный по своей простоте, — фальшивые весы. На плутни с весами указывал целый ряд свидетелей, опрошенных комиссией палаты лордов. Само собою разумеется, что такие грубые приемы надувательства, легко допускающие проверку, не ускользают от внимания гвоздарей. Но клиенты фоггеров не из числа людей, умеющих и имеющих возможность защищать свои интересы. Они прекрасно видят плутни фоггера, но принуждены их терпеть, так как иначе фоггер откажется иметь с ними дело.

Другой обычный способ притеснения фоггерами кустарей — расплата не деньгами, а провизией, мукой, вообще, товарами из лавки. Truck-sistem строго запрещается и преследуется английскими законами. Но как уследить за мелкими сделками, совершающимися tête-à-tête между фоггером и его жертвой, в особенности, когда эта жертва менее всего склонна выводить на чистую воду незаконные приемы фоггера? Дело устраивается таким образом: фоггер платит кустарю наличными деньгами, но

с одним условием — жена гвоздаря должна покупать всю провизию в лавке фоггера. А цены в этой лавке значительно выше обычных. Опять-таки кустари прекрасно понимают всю незаконность требований фоггера, но та же властная сила нужды заставляет их молчать.

Затем, железо, которое дают фоггеры, самого худшего качества, а цену за него они ставят, как за хорошее. Нередко они прямо дают один номер железа вместо другого к большому убытку кустаря.

Само собою разумеется, что фоггеры не признают обычных нормальных цен на работу, господствующих в данный момент. Крупные капиталисты-хозяева платят по так называемым «price-lists», — нормальным ценам, установленным по соглашению хозяев с рабочими. Для фоггера нормальных цен не существует: он имеет дело не с рабочими как общественной группой, а с каждым из них в отдельности и устанавливает плату для каждого кустаря отдельно.

Но если фоггер до такой степени притесняет кустаря, то что же заставляет последнего обращаться к нему? Нужда. Дело в том, что крупные капиталисты-хозяева не любят иметь дело с плохими рабочими, с пожилыми, одиночками. Они предпочитают получать гвозди большими партиями. Затем, крупные заказчики нередко сокращают свои заказы, если сбыт гвоздей по тем или иным причинам идет плохо. Этим и пользуются фоггеры. Гвоздарю нужен заработок, а работы нет — фабрикант не дает заказов. К кому обратиться? К фоггеру, который тут же под боком, в деревне. Самое лучшее время для фоггера, это — застой торговли. Тут-то он и развивает свою деятельность. Гвоздари наперерыв ищут работы, крупные хозяева ее не дают, так как давать обычную плату рабочим им невыгодно: цены на гвозди низки, а платить ниже нормальной цены нельзя (хозяева имеют дело со многими рабочими; сделки с ними совершаются открыто; понижение платы могло бы натолкнуться на сопротивление рабочих). Приходится обращаться к фоггеру, который не смущается никакими нормальными ценами и всегда готов дать работу, но уж, разумеется, по такой цене, которую находит для себя выгодной.

Все плохие рабочие, старики, женщины легко становятся добычею фоггера. Крупные хозяева нередко жалуются, что фоггеры, продавая гвозди на сторону, сбивают цены. Тем не менее, сами хозяева охотно прибегают к услугам фоггеров, дают им заказы и покупают у них гвозди.

Фоггеры занимаются далее скупкой гвоздей небольшими партиями у тех кустарей, которые, не получая заказов со стороны, сами покупают железо и куют из него гвозди. Наконец, кустари прибегают к услугам фоггера нередко и потому, что магазин гвоздарного торговца или гвоздарная фабрика расположены далеко от деревни, а тащить на себе тяжелые связки железа и гвоздей не легко, особенно для женщины. Фоггер же помещается ближе и поэтому, как ни ненавидят его кустари, а все же приходится к нему обращаться.

Посмотрим же, каково положение этих кустарей. Вот как характеризует его Бернетт: «Заработки гвоздарей чрезвычайно низки... а рабочий день чрезвычайно продолжителен, и в этом последнем отношении не замечается никаких попыток к урегулированию. Санитарные условия

домов и мастерских — самые ужасные; общий строй жизни — крайняя нищета и бедность; значительная часть их живет прямо впроголодь».

По словам Бернетта, обычный заработок женщин (значительная часть гвоздарей — женщины) 2 шилл. 6 пенс. — 5 шилл. в неделю. 2 шилл. 6 пенс. — на наши деньги около рубля — менее 20 коп. в день за работу, превышающую 12 час. в сутки. Совсем как у нас!

Известно, какое значительное повышение заработной платы наблюдалось в Англии за последние 50 лет. В гвоздарном промысле мы видим обратное. Заработная плата, по словам Бернетта, со времени сороковых годов не только не повысилась, но даже значительно упала.

Гвоздари Стаффордшира отличаются невежеством, — значительная часть их совсем не умеет читать и писать. Еще одна характерная черта: хотя они живут в стране железа, но по бедности почти не употребляют на своих весах железных гирь, а довольствуются... камнями.

Казалось бы, при той ненависти, какую внушает стаффордширским кустарям торговый посредник, скупщик, они могли бы так или иначе избавиться от него, хотя бы путем стачек. Заметьте, что фоггеры не только притесняют кустарей — их не любят и солидные хозяева, так как фоггеры не только сбивают плату за труд, но и за товар. Какой огромный прогресс мы видим во всех областях общественной жизни Англии за последние 50 лет! Английские рабочие в начале 40-х годов и в конце этого столетия — ведь это прямо два разных мира! Чего только не достиг за это время английский рабочий! И участия в политической жизни страны, и завершения своей экономической организации, и создания колоссальных кооперативных предприятий, охвативших собою миллионы населения; наконец, как результат всего этого, он достиг несомненного и весьма заметного улучшения своего экономического положения — повышения заработной платы и сокращения времени труда.

Но вот перед нами английский кустарь. Заработок его со времени 40-х годов не повысился, а понизился. Число рабочих часов такое же, как и раньше, быть может, даже больше, чем раньше. По словам Бернетта, кустари работают от 12 до 14 часов в сутки — вряд ли их рабочий день мог когда-либо быть продолжительнее. Избавиться от торгового посредника кустарь оказывается не в силах. По словам Бернетта, «за исключением truck-system (которая теперь развита меньше) «фоггер» нашего времени тот же, что и «фоггер» 46 лет тому назад; его отталкивающие черты скорее ухудшились, стали резче за это время».

Чем же объясняется тягостное положение, можно сказать, полная беспомощность гвоздарей? Пусть ответит нам тот же беспристрастный и компетентный наблюдатель, от которого я заимствовал большинство приведенных фактов, — Бернетт.

«Для гвоздарей, — говорит он, — работающих в своих маленьких кузницах с раннего утра до поздней ночи, всякие союзы крайне затруднительны. Каждый думает только о себе и своей семье и не заботится о других. Индивидуализм процветает среди них в полной силе. Они изолированы друг от друга во время работы и за прилавком магазина должны вступать в изолированные сделки с теми, кто платит им за труд и нанимает их. Капиталист может пользоваться одним рабочим против другого, и по этой причине цены на труд определяются ожесто-

ченной конкуренцией из-за куска хлеба. Эта конкуренция есть несомненный и необходимый результат домашней системы промышленности (small domestic workshop system), в которой лежит корень многих, если не всех зол, от которых страдает гвоздарь. Когда люди работают друг около друга на фабрике, это, естественно, ведет к какому-нибудь прямому или непрямому соглашению между ними» (Report, 10).

Но, может быть, придавленность гвоздарей объясняется вовсе не самым существом домашней формы промышленности; может быть, Бернетт не прав, указывая именно на эту форму промышленности, как на источник всех или почти всех зол, от которых страдают гвоздари? Гвоздарное производство — падающий промысел. С гвоздарем конкурирует машина. Не от этого ли зависит угнетенное положение рабочих? Прибегнем к experimentum crucis. Возьмем кустарный же промысел, но развивающийся, не боящийся машины. Таким промыслом является цепной промысел в том же Стаффордшире.

Промысел этот — сравнительно недавнего происхождения. Он появляется в Стаффордшире в первых десятилетиях этого века. Как прежде, так и теперь, цепи изготовляются почти исключительно руками. Только очень толстые цепи сгибаются машинами. Число кустарей-цепочников не только не сокращается, но быстро возрастает. За последние 20 лет, по расчету Бернетта, число цепочников более чем удвоилось. Этот быстрый рост объясняется тем, что цепной промысел раскинут по тем же деревням, что и гвоздарный, многие гвоздари, принужденные бросить гвоздарную работу, становятся цепочниками. Экономическая организация промысла совершенно та же, что и гвоздарного промысла. Работа производится цепочниками в таких же маленьких кузнях при коттеджах, по заказам хозяев или фоггеров, которые также давят кустарей. Цепной фоггер ничем не лучше гвоздарного фоггера: те же отталкивающие черты ничем не обуздываемой эксплоатации труда; такие же убогие, жалкие жилища; такие же полуразвалившиеся, тесные кузницы; тот же непомерно продолжительный рабочий день и такая же нищенская рабочая плата. Никакого существенного различия в положении гвоздарей и цепочников не замечается.

В производстве цепей около половины рабочих работают в домашних мастерских, половина—на фабриках. Интересно сравнить положение тех и других. Обратимся к отчету Бернетта. «Что касается цепных фабрик, — говорит он, — то о них много говорить не приходится. Санитарные условия на них вообще хороши, заработная плата такова, что рабочие могут прилично жить, а число рабочих часов умеренно... Фабричный цепной рабочий физически представляет собою совершенно иной тип, чем гвоздарь или цепочник в мелком производстве. Это различие физического сложения сразу бросается в глаза и зависит, без сомнения, от меньшей продолжительности труда, большей платы и высшего уровня жизни». Бернетт приводит для сравнения описание одной цепной фабрики. Рабочий день на этой фабрике не превышает 9 час., а по понедельникам и субботам бывает значительно короче. Средняя заработная плата — 25 и 30 шилл. в неделю.

Но разве нельзя ничем помочь кустарям? Почему кустари не образуют рабочего союза, почему они не пробуют прибегнуть к помощи

кооперации и устройству кооперативного магазина для сбыта своих изделий или кооперативной мастерской? Все это было перепробовано — и неудачно. Рабочие союзы не могут объединить кустарей вследствие их изолированности. Рабочий союз предъявляет довольно тяжелые требования к своим членам. Во-первых, члены должны делать денежные взносы в кассу союза, а откуда взять на это деньги, если заработка едва хватает на полуголодное существование? Во-вторых, союз требует, чтобы члены его не брали работы ниже определенной платы. Последнее требование является непреодолимым препятствием для организации гвоздарей и цепочников. Все попытки поднять заработную плату оказывались безуспешными, потому что среди кустарей всегда находились многие, которые соглашались работать за меньшую плату, работать на каких угодно условиях, лишь бы не умереть с голоду.

Что касается кооперации, то она оказывается столь же мало применимой к кустарному производству. Сердобольные люди, сочувствующие тяжелому положению кустарей, но мало понимающие практические трудности кооперации, рекомендуют ее кустарям. Но люди-практики и сами кустари не считают подобные предложения серьезными. О кооперативных предприятиях среди кустарей толковали уже много лет назад. Одна кооперативная мастерская, действительно, возникла, но успеха не имела и продержалась недолго. Кооперация наталкивается, как на стену, на недоверие кустарей друг к другу.

Однако, если положение фабричных рабочих настолько лучше положения кустарей, почему же кустари не идут на фабрику? По очень многим и весьма разнообразным причинам. Во-первых, и это самое главное, потому, что на фабрику их не берут. Хозяева предпочитают давать работу на-дом. Огромное преимущество домашней работы, с точки зрения предпринимателя, заключается в том, что при домашней работе можно легко расширять и сокращать производство. Иными словами, когда спрос на товар падает, хозяин может оставить рабочих без работы. На фабрике это гораздо труднее, так как фабрика не может долгое время стоять праздно, иначе капитал, затраченный на фабрику, не будет давать никакого дохода. Чем более крупные суммы затрачены на фабрику, тем убыточнее для хозяина прекращение производства, — во многих случаях фабриканты по целым годам работают прямо в убыток, потому что прекращение работы было бы еще убыточнее. При домашнем производстве предприниматель не имеет никакого основного капитала, — он легко может сокращать и даже прекращать производство. Легко понять, что эта выгода домашнего производства с точки зрения капиталиста есть огромная невыгода с точки зрения рабочего. Затем, хозяин нередко предпочитает давать работу на-дом потому, что такой способ найма рабочего облегчает понижение заработной платы и удлинение рабочих часов. На фабрике фабрикант подчиняется фабричным законам, а при работе на-дому он не стеснен ничем.

Существует много других причин, поддерживающих раздачу работы на-дом. Доступ на фабрику очень труден для кустаря. На фабрику попадают только самые лучшие рабочие. Работа на фабрике не имеет ничего общего с работой на-дому, — для кустаря, привыкшего к домаш-

ней работе, фабрика часто бывает недоступна уже потому, что он не знает фабричной работы. Для женщин гвоздарные и цепные фабрики совсем закрыты. Но нельзя отрицать и того, что известным препятствием для распространения фабричного производства является не желание многих кустарей идти на фабрику. Они предпочитают жить нищенской жизнью в деревне, к которой привыкли с детства, работать в своих маленьких кузнях, начинать и кончать работу, когда заблагорассудится. Работа на фабрике отталкивает многих кустарей своей железной дисциплиной. Призрак свободы, который они видят в своих коттеджах, кажется им привлекательнее той реальной, хотя и ограниченной свободы, которую они могут получить на фабрике.

Как же относятся сами рабочие, в лице своих наиболее интеллигентных представителей, к домашней промышленности? Пускай говорят они сами.

Вот, например, показания перед комиссией палаты лордов Джиггинса, секретаря федерации рабочих союзов «Midland Counties Trade Federation».

В. — Чем вы недовольны? дурным устройством кузницы? — О. — Нет, мы недовольны домашней работой вообще. — В. — Вы против домашней работы? — О. — Да. — В. — Потому что маленькие мастерские находятся в худших санитарных условиях? — О. — Потому, что конкуренция сильнее в домашних мастерских, чем на фабриках. На фабрике дают бо́льшую плату, чем в домашних мастерских. — В. — Думаете ли вы, что сами рабочие предпочли бы работать на фабриках, а не в домашних мастерских? — О. — Да, я так думаю. — В. — Думаете ли вы, что независимость, доставляемая работой у себя, свобода работать как хочешь и когда хочешь, не соблазняет многих держаться за эту систему? — О. — Да, соблазняет людей без принципов (unprincipled men). — В. — Почему вы называете их людьми без принципов? — О. — Потому что, если человек не боится подрывать работу своего соседа, значит он не имеет принципов. — В. — По вашему мнению, большинство рабочих так же охотно работало бы на фабриках, как у себя на-дому? — О. — Да, теперь. Раньше они были другого мнения. — В. — Стремитесь ли вы к абсолютному уничтожению этих семейных мастерских? (absolute abolition of these family workshops). — О. — Да. — В. — Вы думаете, для промышленности вообще и для рабочих в частности лучше, чтобы работа совершалась на фабриках? — О. — Да я думаю, что это лучше для всего общества.

А вот показания Томаса Гомера, президента Society of the small Chain-mackers. (У Гомера есть своя небольшая кузня. В союзе, председателем которого он состоит, около 500 членов кустарей-цепочников.):

В. — Каково ваше мнение относительно выгод или невыгод домашних мастерских сравнительно с фабриками? — О. — Прежде фабрик было очень мало. Я могу припомнить только одну фабрику, и цепочники в то время были очень враждебно настроены по отношению к фабрикам. Они боялись, что фабрики им повредят. Но потом большинство, по крайней мере, убедилось, что фабрика гораздо лучше того порядка вещей, когда работа производится на-дому.

Интересно ознакомиться с мнением людей, которые, не принимая участия в промысле, в то же время близко его знают и с полным доброжелательством относятся к интересам рабочих. Вот показания местного священника, м-ра Райлетта.

В. — Думаете ли вы, что было бы полезно тем или иным способом остановить всю эту систему домашней промышленности и превратить ее в фабричную? — О. — Разумеется. Если бы можно было сделать нечто подобное, это было бы огромным выигрышем и для рабочих, и для промышленности. — В. — Если я понимаю вас, вы хотите заменить работу в мастерских работой на фабрике? — О. — Да. — В. — И для этого вы хотите запретить отдельному лицу работать у себя на-дому и давать работу членам своей семьи? — О. — Да, в этих промыслах. — В. — Имеете ли вы в виду эти промыслы или всякие производительные занятия? — О. — Я имею в виду всякие производительные занятия. — В. — Вы думаете, что единственное средство помочь этим людям заключается в содействии организации фабрик на месте мастерских, благодаря чему рабочим будет легче вступать в союз друг с другом и охранять свои интересы: они будут в лучших санитарных условиях... и избавятся от посредников и форгеров. — О. — Да [1].

Я прошу у читателя извинения за эту длинную экскурсию в область английских отношений в книге, посвященной явлениям русской жизни. Но, быть может, читатель согласится со мной, что эта экскурсия не лишена интереса именно с русской точки зрения. Поэтому продолжаю говорить об Англии.

Как средство борьбы с домашней промышленностью, представители рабочего класса, дававшие показания перед комиссией палаты лордов, рекомендовали подчинить ее фабричному законодательству. Правда, эта мера, с английской точки зрения, представляется весьма крайней: приходится вторгаться в частные дома, запрещать людям делать то, что они хотят, в своей собственной семье. Священник Райлетт заметил по этому поводу: обыкновенно проводят различие между лицом, работающим с помощью своей семьи, и нанимающим рабочих со стороны. Я не вижу основания для такого различия. Я думаю, что лицо, работающее с помощью своей семьи, должно подчиняться совершенно таким же правилам по отношению к урегулированию часов работы, как и работающее с помощью наемных рабочих [2].

После всего сказанного нас нисколько не должна удивить позиция, занятая по данному вопросу радикальным меньшинством королевской комиссии по вопросам труда. Меньшинство это, во главе которого стоял знаменитый организатор стачки лондонских докозых рабочих в 1892 г. Том Мэн, отнеслось к домашней работе с резким отрицанием.

«Сотни тысяч семейств (занятых в домашней промышленности),— читаем в отчете меньшинства, — образуют одну из самых подавленных и деморализованных общественных групп. Основная причина исключительной придавленности рабочих в этих промыслах заключается, по нашему убеждению, в господстве в них системы раздачи работы на-дом. Не рекомендуя фактического запрещения домашней работы, мы считаем делом высочайшей важности, чтобы все практически осуществимые средства были применены для предупреждения распространения таких работ. Между тем, в настоящее время работа на-дому особо поощряется законом. Предприниматель, раздающий на-дом работу, избегает обязательств, лежащих на фабриканте» (Final Report, 129).

---

[1] Third Report on the Sweating System.
[2] Там же.

Большинство комиссии в своем докладе совсем не касалось вопроса о домашней работе; но меньшинство предложило подчинить фабричному законодательству домашнюю работу по найму и сделать предпринимателя ответственным за нарушение закона. Если рабочий на-дому работает больше определенного законом времени, отвечать должен раздатчик работы, так же, как за нарушение фабричных часов отвечает не рабочий, а фабрикант. Чарльз Бутс, автор замечательного труда «Life and Labour of the People of London», предложил еще более радикальную меру: сделать ответственным за всякое нарушение законов о работе хозяина того дома, где живет дамашний рабочий. Во всяком случае, решительные законодательные меры против раздачи работы на-дом признавались меньшинством комиссии безусловно необходимыми. «Но деморализующее действие домашней работы (demoralising effects of home work), — читаем далее в докладе,—требует по нашему мнению более, нежели изменения в законе. Мы советуем, чтобы власти делали всяческие усилия для задержки развития этой работы». Члены меньшинства вполне одобрили постановления лондонского полицейского управления, внесшего в договоры о поставке ему сукна пункт, по которому сукно обязательно должно быть изготовляемо на *фабрике* поставщика. Подобные же пункты включает в договоры о поставке и английское министерство торговли — Board of Trade: «Поставщик обязуется, чтобы все предметы, указанные в этом контракте, были изготовлены на его собственной фабрике и чтобы работа отнюдь не давалась на-дом рабочим. За нарушение этого пункта... поставщик обязуется уплатить штраф в 100 ф. ст.». Совет лондонского графства также запрещает в своих контрактах, под угрозою штрафа, поставлять продукты домашней работы. «Мы советуем, — заявляет по этому поводу меньшинство комиссии, — чтобы такое условие включалось во всякий общественный договор о поставке и чтобы за выполнением его строго наблюдалось» [1].

Это длинное отступление в область английских экономических отношений должно было показать читателю, как трудно улучшить положение кустарей даже в такой стране, как Англия. Если даже в Англии многие приходят к убеждению, что не существует иного средства борьбы со злом «светинга», кроме уничтожения работы на-дому, то можно быть уверенным, что столь же трудной задача эта окажется и для нас.

Падение заработков наших кустарей, характерное для последнего времени, вызывает рост «отхода» — оставление крестьянином деревни и удаление его для работы в другие места — преимущественно в город. Рост отхода отмечается во многих местах России. В Тверской губернии отход в течение 90-х годов возрос по всем уездам, причем особенно знаменательно увеличение отхода женщин — наиболее консервативного и устойчивого элемента деревни. «Безусловно каждое сообщение корреспондентов, — читаем в земском сборнике, — констатирует дальнейшее расширение отхода».*

[1] Об отношении передовых элементов английского общества к домашней системе можно судить по фабинской брошюре «Sweating — Its Cause and Remedy». Эта брошюра имеется и в русском переводе под заглавием «Рабочая кабала в Англии» Спб. 1900. В ней указаны и меры борьбы со злом «светинга».

Куда же бежит мужик из деревни? На фабрики и в город. «Перспектива стать половым, приказчиком, лакеем кажется даже заманчивой перед тяжкой долей земледельца, обремененного непосильными платежами...»

По словам земского корреспондента, священника Аничкина, «промышленники хоть иногда и в убытке работают, но все бредут: в городе лучше житье». Другой корреспондент говорит: «Обучение грамоте уничтожает местные промыслы, так как грамотные бегут на легкий заработок». По словам третьего, «многие живут в городах на заработках потому, что считают для себя за бесчестье жить в деревне или у помещиков в работниках» [1]. Отход женщин вообще растет быстрее, чем мужчин. В прежнее время, по словам «Обзора», «отцы, мужья, сыновья и братья по нигали за одним посылать в неизвестные дальние края своих жен, дочерей и сестер на заработки» [2], но теперь началось повальное бегство из деревни, и понятие о «зазорном» изменилось.

Нельзя не согласиться с исследователем промыслов Старицкого уезда В. Гурвичем, что громадное преобладание (в Старицком уезде) отхожих промыслов над местными знаменует собой «коренной переворот в условиях пореформенного хозяйства... Большинство отходящих на сторону промышленников несет свой труд в столицы, которые являются у нас, как известно, главными центрами крупного производства.... Таков характер отхожих промыслов не в одном Старицком уезде Тверской губ., а и в большинстве ее уездов... После этого едва ли можно согласиться с утверждением известной школы русских экономистов, проповедующей, что капитализм у нас — наносное явление, что главной основой нашей экономической деятельности продолжает будто бы оставаться мелкое самостоятельное производство» [3].

За короткое время 1893—1897 гг. отход из Тверской губернии увеличился, судя по количеству выданных паспортов, на 15½%. В Смоленской губернии в 1875 г. было выдано около 100 000 паспортов, а в 1895 г. — уже 140 330. В Калужской губернии число выбранных паспортов в 1885 г. было 179 148, а в 1895 г. — 220 510 [4]. В Псковской губернии выдавалось ежегодно в 1865—1875 гг. — 11 716 мужских паспортов, а в 1896 г. было выдано 45 973 тех же паспортов. *

Точно так же в Новгородской ** губернии растет отход по мере упадка кустарных промыслов [5]. Отход увеличивается и в Смоленской губернии, и в Орловской [6]***.

«Главными причинами, вызывавшими и вызывающими ежегодно от-

---

[1] «Сельско-хоз. обзор Тверск. губ. за 1896.», Промыслы, стр. 6, 7.
[2] «Сельско-хоз. обзор Тверск. губ. за 1894», Промыслы, стр. 13.
[3] «Сборник стат. свед. по Тверской губ.», IV, стр. 137—138.
[4] Энциклопедический словарь Ефрона, полутом 54. Статья Л. Кирилова. — «Отхожие промыслы».
* В первом издании этот абзац отсутствует. — *Ред.*
** В первом издании «Нижегородской». — *Ред.*
[5] Нижегор. сборник, VIII, стр. 5.
[6] «Отхожие промыслы в Смоленской губ.», Смоленск, 1896. «Сельско-хоз. обзор Орловской губ. за 1891 г.», вып. II, стр. 189—193. *** После этого в первом издании приводятся данные об отходничестве в Псковской губернии, вошедшие в предыдущую вставку (см. прим. выше — *Ред.*).

ход населения на сторону, — читаем в недавно вышедшей книге псковского статистического отделения «Промыслы крестьянского населения Псковской губернии» (1898), — являются: малое развитие или полное отсутствие местных заработков и избыток рабочих рук, постоянно усиливающийся вследствие естественного прироста населения, в связи с малоземельем и высокими арендными ценами... Земледелие многим стало представляться рискованным. Приходилось завидовать рабочему, ранее проторившему себе дорогу в Петербург, и вот в последние годы мы видим не только усиление отхода в тех местностях, где он раньше представлял обычное явление, но и возникновение отхода там, где его прежде не было».

Главным местом отхода для мужчин служит Петербург. В Петербурге псковичи «обыкновенно поступают в качестве чернорабочих на различные фабрики и заводы, или же поступают в дворники, ломовые и легковые извозчики». Уходят также торговать в разнос, но любопытно, что за последнее время отход на фабрики стал вытеснять торговый отход: «привычного к отходу вязовца (Вязовская волость — центр торгового отхода) с каждым годом стала все более захватывать петербургская фабрика, и подсчет отхожих рабочих по видам занятий по всей вероятности покажет, что эта волость, прежде занимавшаяся сплошь торговлей, половину отхожих рабочих в настоящее время посылает на петербургские фабрики, заводы и другие места» [1].

В местностях, в которых отхожие промыслы были исконным занятием деревенского населения, отход, естественно, не может увеличиваться с такой быстротой, как там, где отход является новинкой. Так, в Костромской губернии, в которой еще в XVIII веке отхожие промыслы были сильно развиты, отход в одних уездах возрастает, в других нет. В некоторых уездах отход не может возрастать уже потому, что и так «все взрослое мужское население «до выгребу» находится на стороне» [2]. Тем не менее, даже в таких исстари отхожих губерниях, как Ярославская, в некоторых уездах наблюдается сильное увеличение отхода. Так, в Ростовском уезде за время 1862—1879 гг. число отхожепромышленников выросло с 11 тысяч почти до 20 тысяч, т. е. приблизительно на 80% [3]. Такое значительное увеличение отхода находится в непосредственной связи с крайним упадком в этом уезде кустарных промыслов. Вообще же в Ярославской губернии, по словам г. Кирнлова,* с конца 70-х годов «отхожие промыслы не только не уменьшились, но приняли еще более широкие размеры, которые увеличиваются с каждым годом» [4].

Весьма интересно, что в Ярославском уезде за последнее время замечается изменение рода отхода: раньше уходили преимущественно в

---

[1] «Промыслы крест. населения Псковской губернии», стр. 1, 3, 9, 14.
[2] «Материалы для статистики Костр. губ.», VIII. *Д. Жбанков*, Бабья сторона, стр. 31.
[3] *А. Титов*, Статистико-экономическое описание Ростовск. у., Безобразов, II, стр. 105.
* В первом издании А. Свирщевского. — *Ред.*
[4] «Обзор Ярославской губ.», вып. II. «Отхожие промыслы крестьян». Ярославль, 1896, стр. 1.

Питер для услужения в мелочные лавки, трактиры и пр., теперь же все больше и больше привлекает крестьянское население фабрика. По словам местных корреспондентов, «отход на заработки, особенно фабричные, увеличивается с каждым годом», «на фабричные работы, как лучше оплачиваемые, начинают переходить от других видов отхода»; «фабричным промыслом, по выгодности заработка от него, крестьяне увлекаются все более и более с каждым годом и оставляют другие промыслы»[1].

Мы не будем останавливаться на сложном вопросе, как влияет распространение отхода, бегство мужика из деревни в город, на весь строй деревенской жизни. Приведем только несколько метких и любопытных характеристик отхода костромского исследователя, г. Жбанкова.

«Не один заработок увлекает родителей (отдающих своих детей в Петербург для обучения ремеслам), но и сравнительная легкость столичной работы: «И нам-то привычным тяжело становится, не под силу ворочать в деревне; ворочаешь, ворочаешь, а все ни сыт, ни голоден в деревне-то», — постоянный ответ родителей на вопрос, почему они так усиленно провожают своих детей в Питер. Многие мальчики сами настаивают, чтобы родители отправили их в Питер; случается даже, что родители провожают сына на сторону против своего желания, во избежание могущих быть потом упреков и ссор: мне несколько раз приходилось слышать сетование юношей на своих родителей за то, что их не отпустили в свое время в Питер. Вообще здешняя молодежь очень охотно идет в Питер».

«Раз мальчик обучился в Питере, он уже неуклонно будет ходить на сторону; большая легкость и выгодность столичного промысла, полное незнакомство у всех молодых питерщиков с земледельческими работами, всевозможные прелести столичной жизни и, наконец, привычка и пример уходящих товарищей, — все это заставляет каждого чухломца и солигаличанина подыматься весной и плыть по течению обширной волны, направляющейся отсюда в Питер, Москву и другие центры... оказывает влияние на отход и мотивы высшего порядка. Питерщики гораздо развитее живущих здесь, разговор их нередко не отличить от городского, обращение, скопированное со столичного мещанства, уменье танцовать, щеголеватый костюм и т. д. Здешний прекрасный пол положительно предпочитает питерщиков, и женихам, постоянно живущим здесь, даются, обыкновенно, худшие невесты, несмотря даже на то, что они могут жить зажиточнее питерщиков. Все деревенские жители называются серыми и, что странно, нисколько не обижаются на это название и сами называют себя таковыми, сетуя на родителей, не отдавших их учиться в Питер».

«Крестьяне отхожих волостей Чухломского, Солигалицкого и Галицкого уездов в общем живут гораздо зажиточнее и чище оседлых крестьян. Дома, одежда, привычки, — одним словом, весь склад жизни в какой-либо Костромской оседлой волости отстал в своем развитии на добрых полсотни лет против соседней Карцовской (отхожей) волости. Самовары составляют принадлежность всякой бедной избушки, даже бобылки, а в средних домах по 2 и 3 самовара... Для одежды редко употребляются ткани домашнего производства... На мужчинах жилетки, пиджаки, пальто...

[1] «Обзор Ярославской губ.», II, стр. 21.

летом постоянно встречаются привезенные из Питера дождевые зонтики... В половине домов вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья»[1].

И последнее далеко не фраза, как читатель может убедиться из нижеследующей поучительной таблицы[2].

Уезды Костромской губернии	Число паспортов, выдан. в 1880 г. на 100 ч. насел.	Число грамотных новобранцев на 100 ч. насел. в том же году	Уезды Костромской губернии	Число паспортов, выдан. в 1880 г. на 100 ч. насел.	Число грамотных новобранцев на 100 ч. насел. в том же году
Чухломский .	33,6	74	Юрьевецкий .	6,4	33
Солигалицкий .	26,5	59	Макарьевский .	6,0	21
Галицкий . .	24,7	53	Кинешемский .	4,3	29
Кологривский .	15,3	43	Нерехтский . .	2,5	35
Буйский . . .	10,7	38	Варнавинский .	1,3	17
Костромской .	8,8	42	Ветлужский . .	0,3	22

Подобная же связь* грамотности с развитием промышленности и особенно отхода обнаруживается и при сравнении всех земских губерний России вообще. По числу грамотных новобранцев земские губернии располагаются в следующем порядке[3]:

Губернии	Проц. грамотн. новобранцев в 1896 г.	Губернии	Проц. грамотн. новобранцев в 1896 г.
Ярославская	85,5	Нижегородская	50,7
С.-Петербургская (без столицы)	80,5	Таврическая	47,9
Тверская	73,2	Орловская	44,1
Владимирская	71,0	Астраханская	43,1
Костромская	63,7	Вятская	42,9
Московская	62,9	Смоленская	42,6
Калужская	61,0	Рязанская	42,0
Тульская	59,4	Симбирская	41,0
Новгородская	55,0	Саратовская	40,7

В остальных губерниях процент грамотных новобранцев менее 40. Мы видим, что наибольшее число грамотных наблюдается в Ярославской губернии — губернии с наиболее энергичным отходом. Вообще же промышленные губернии стоят по грамотности значительно выше земледельческих.

По отдельным уездам Ярославской губернии наблюдается такое же соответствие между грамотностью и отходом, как и для Костромской губернии. По словам г. Свирщевского, «если вглядеться в цифры (грамотности новобранцев по уездам) и сопоставить их с данными о развитии

---

[1] «Материалы для стат. Костромск. губ.», VIII. «Бабья сторона», стр. 24, 25, 27, 66—68.

[2] «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. VII. Жбанков, Влияние отхожих заработков на движение населения Костромской губернии, стр. 26 и 34.

* Отрывок со слов «Подобная же связь» и до слов «споров в нашей литературе» (стр. 398) в первом издании отсутствует. Вместо этого: «По мере роста отходов растет и число грамотных». Вот вам статистическая иллюстрация по вопросу о значении «города» и «деревни».— *Ред.*

[3] *А. Р. Свирщевский*, Несколько статистических данных о народном образовании в Ярославской губернии, 1898.

отхожих промыслов в различных местностях Ярославской губернии, то обнаруживается любопытное совпадение наибольшей грамотности с наибольшим развитием отхода... первый по развитию отхода — уезд Угличский, в течение 1892—1894 гг. не дал ни одного неграмотного новобранца... Напротив, уезды Мологский, Ярославский и Пошехонский, отличающиеся наименьшим развитием отхода, доставили наибольший процент неграмотных новобранцев. Отмеченное совпадение не является какой-либо случайностью, а представляет собой выражение тесной причинной связи между совпавшими явлениями, объясняющей, между прочим, и то высокое место, которое Ярославская губерния занимает среди других губерний Европейской России по степени распространения грамотности в населении. Отхожие промыслы, особенно по таким специальностям, как торговая и трактирная деятельность... издавна привили ярославскому крестьянину сознание практического значения грамотности и, таким образом, послужили естественным, в самой крестьянской среде зародившимся основанием и стимулом к ее развитию и распространению. Просветительная деятельность земств, городов и правительства шла только навстречу народному сознанию, только удовлетворяла уже созревшие в населении потребности, а не вызывала и насаждала их»[1].

Это последнее наглядно иллюстрируется тем любопытным фактом, что первая по грамотности Ярославская губерния по числу учебных заведений на 100 человек населения занимает пятое место, причем впереди ее стоят такие малограмотные губернии, как Олонецкая и Казанская. Очевидно, экономические причины оказывают на распространение грамотности более могущественное влияние, чем число образовательных учреждений.

Значение отхода в деле распространения грамотности является хорошей статистической иллюстрацией к вопросу о роли «города» и «деревни», который вызывает столько споров в нашей литературе.

«Перспектива стать половым, приказчиком, лакеем кажется даже заманчивой перед тяжкой долей земледельца, обремененного непосильными платежами». Это говорят не книжные люди, не теоретики, не «марксисты»*, а земские корреспонденты, близко стоящие к мужику и не зараженные никакими новейшими тлетворными идеями. Их отзывы нельзя заподозрить в тенденциозности — а, между тем, трудно ярче обрисовать притягательную силу города и причины, побуждающие мужика бежать из родной деревни в чужой и неизвестный город.

---

[1] *А. Р. Свищевский,* Несколько статистических данных о народном образовании в Ярославской губернии, стр. 2.

* Слова «не марксисты» в первом издании отсутствуют. — *Ред.*

ГЛАВА V

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ К ФАБРИКЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Фритредеры 60-х годов. — Отличие их от фритредеров крепостной эпохи. — Отношение к фабрике. — Симпатии к капитализму. — Взгляды «Современника» на фабрику и кустарное производство. — Книги Корсака и Флеровского. — Артельные увлечения. — Обсуждение фабричных вопросов на I всероссийском торгово-промышленном съезде. — Взгляды «Отечественных записок» 70-х годов. — Отношение к фабрике г. Михайловского. — Книга г. В. В. «Судьбы капитализма в России». — Народничество. — Г. Николай — он и г. В. В. — Почему народничество не имеет у нас успеха. — Отношение к капитализму различных направлений русской жизни. — Классовое представительство аграрных интересов. — На чем основывается промышленная политика новейшего времени.

Последние годы дореформенной эпохи отмечаются в нашей экономической литературе оживлением старого спора о свободной торговле и протекционизме. Журналы конца 50-х годов полны статьями, написанными за и против свободной торговли. Все либеральные журналы более или менее сочувствовали свободной торговле или, по крайней мере, понижению ввозных пошлин на иностранные фабрикаты. Особенно энергичную фритредерскую агитацию вел «Экономический указатель», журнал известного экономиста Вернадского. Протекционизм защищался «Вестником промышленности» — органом, специально посвященным промышленным интересам. Полемика эта сама по себе не особенно интересна, так как аргументы как фритредеров, так и протекционистов были весьма мало оригинальны и заимствовались из западноевропейской литературы того времени. Тем не менее, споры о свободной торговле весьма рельефно обрисовали любопытное новое течение в нашей жизни, на котором нельзя не остановиться.

В этом смысле весьма поучительно сравнить фритредеров 50-х и 60-х гг. с фритредерами александровской эпохи. Фритредеры начала века соединяли увлечение свободной торговлей с не менее ревностной приверженностью к нашим исконным особенностям: крепостному праву, мелкому производству и земледельческому строю вообще. Капитализм менее

всего пользовался их сочувствием. Их авторитетом из западноевропейских писателей был суровый критик капиталистического строя—Сисмонди.

Фритредеры 50-х годов представляли собой совершенно иное течение русской жизни. Достаточно сказать, что как «Дух журналов» любил цитировать Сисмонди, так «Экономический указатель» усиленно переводил Бастиа и преклонялся перед ним. Бастиа воплощал для «Экономического указателя» самое прогрессивное и передовое, чего достигла экономическая наука. Идеалы «Экономического указателя» не имели ничего общего с русскими самобытными устоями. К крепостному праву либеральные экономисты этого журнала относились с такой же решительной враждой, как и крайние радикалы той эпохи. Они горячо защищали свободную торговлю, но по иным мотивам, чем экономисты «Духа журналов».

«Дух журналов» относился с решительным отрицанием к капиталистическому производству вообще и фабричному в частности. По мнению «Духа журналов», Россия должна оставаться страной земледельческой, какой она была искони; фабричная промышленность, насаждаемая покровительственными пошлинами, может повести только к «порче нравов» и разрушению патриархального строя, сложившегося веками.

Вернадский, Горлов, Бутовский, Бунге и другие более или менее горячие защитники свободной торговли в эпоху 50-х и 60-х гг. не только не считали капиталистическое производство злом, но, напротив, принадлежали к поклонникам капиталистического строя. Свобода торговли пользовалась их сочувствием как одно из проявлений промышленной и торговой свободы, которая так необходима для промышленного и культурного прогресса каждой страны. Защищая свободу торговли, они отнюдь не желали задержать промышленное развитие России и навсегда оставить ее земледельческой страной. Напротив, по их мнению, возможно большее развитие иностранной конкуренции должно более всего благоприятствовать развитию русской промышленности, страдавшей от монопольной власти туземных фабрикантов над внутренним рынком.

Отношение к фабрике этих новейших фритредеров было совершенно иное. Они были чужды принципиальной враждебности к капиталистическому производству, которая отличала фритредеров «Духа журналов». Фабрика в их глазах была наиболее прогрессивной формой промышленности, развитие которой в России было вполне желательно, но только развитие «естественное», не основанное на устранении международного соперничества. Протекционизм, по их мнению, не мог повести к созданию в России вполне жизнеспособного фабричного производства. Только потому они и восставали против протекционизма, а отнюдь не вследствие симпатии к мелкому производству, вытесняемому фабрикой.

Я говорил выше, что в николаевскую эпоху господствующее отношение к фабрике как правящих сфер, так и наиболее влиятельной части общества было чисто отрицательное. И Канкрин, и славянофилы, и присяжные представители экономической науки, как Горлов и Тенгоборский, признавали кустарную промышленность во всех отношениях заслуживающей большего сочувствия, поощрения, чем фабричная.

Буйный фабричный рабочий заслонял в глазах министра финансов императора Николая все огромные технические преимущества фабрики.

Если мы будем сравнивать различных писателей фритредерского направления 60-х годов по их отношению к фабрике, то мы заметим между ними очень характерное различие. Писатели, начавшие свою литературную деятельность в николаевскую эпоху, еще не могут вполне освободиться от недоверия к фабрике. Мелкий производитель кустарь все-таки кажется им более надежным общественным элементом, чем фабричный рабочий. Напротив, более молодые и более передовые писатели совершенно чужды антипатии к фабрике и капиталистическому производству вообще.

Так, например, я цитировал выше (стр. 236) рассуждения Тенгоборского о преимуществах кустарного производства перед фабричным, как избавляющего Россию от «язвы пролетариата». Ввиду этого, — замечает Тенгоборский, — кустарная промышленность заслуживает особого поощрения. Вернадский перевел на русский язык сочинение Тенгоборского «Etudes sur les forces productives de la Russie», но к цитированному месту сделал следующее характерное примечание: «Сознавая справедливость многих из замечаний автора, нельзя, однако, с ним согласиться в окончательном заключении. Сельская промышленность имеет также много невыгод и уступает городской; в техническом отношении она производит и менее, и хуже городской, и потому уже особого покровительства не заслуживает. Насколько рабочий занят земледелием, настолько он теряет в мастерстве, и его обеспечение терпит настолько, насколько он менее производит на фабрике»[1].

В другом месте Тенгоборский опять касается «язвы пролетариата», указывая на выгоды, происходящие от соединения русскими крестьянами земледелия с промысловыми занятиями. К этому месту Вернадский прибавляет: «Если земледелец на фабрике — плохой работник, то и фабричный за сохою — также плох. И совершенство, и успех не в соединении занятий, а в их разделении»[2].

Тенгоборский указывает, что Россия не может быть страной мануфактурной: «Так как Россия не в состоянии сравниться или превзойти другие страны на поприще мануфактурной промышленности и не имеет всех условий, потребных для того, чтобы сделаться страной мануфактурной, то мы должны преимущественно стараться о распространении тех отраслей промышленности, которые наиболее соответствуют положению нашей страны в высшей степени земледельческой, и наилучше могут быть соединены с нашей сельской промышленностью... вообще должно поощрять те отрасли промышленности, для которых наша почва производит в изобилии сырой материал. Это общее правило свойственно всем странам, но в особенности России» (Тенгоборский, стр. 19).

Это дает повод Вернадскому вполне определенно разъяснить различие своей точки зрения — прогрессивного фритредера «эпохи великих реформ» от воззрения фритредера крепостной эпохи: «И то и другое требует более положительных доказательств, нежели приводит

[1] О производительных силах России *Л. Тенгоборского*. Спб. 1858, стр. 10.

[2] Там же, стр. 18.

автор: затруднения для мануфактурной деятельности в России находятся не столько в природе страны, сколько в ее теперешнем положении, которое может со временем измениться. Знания и капиталы приобретаются, общественное положение лиц изменяется, а потому можно согласиться с автором только в смысле настоящего положения вещей. Автор ясно увлекается здесь заранее задуманной идеей. Осуждать страну на один только род промышленности, и притом отдалять всякую перемену в этом роде покровительством, значит искажать научные положения. Политическая экономия не учит возделывать свое, а то, что по расчету лица предпринимающего наиболее выгодно ему,— свое ли суровье для производства, или чужое. Она требует только, чтобы не толкать производителя, или его силы, в противную от общих выгод сторону, т. е. не давать искусственного направления труду, а в этом отношении может грешить одинаково и льняное, и бумажное производство» [1].

Интересно сравнить также перемену во взглядах Горлова. В конце 40-х годов Горлов высказывался совершенно в духе Гакстгаузена и Тенгоборского: «Мы не полагаем, чтобы (фабричная) система могла составить благоденствие народа со своими огромными фабриками, со своим народонаселением мастеровых, со своими законами о бедных, со своим богатством фабрикантов и убогостью, невежеством рабочих» (цитировано выше на стр. 95 *). В конце 50-х годов, в «Началах политической экономии» (Спб. 1859) Горлов высказывается по тому же поводу уже гораздо умереннее.

«Противники народных промыслов утверждают совершенно неосновательно, что только бумажные или шелковые фабрики ведут к промышленному успеху и образованию. Мы полагаем, что собственно народному образованию они даже менее способствуют, чем мелкая производительность и ремесленность, и что кожевник, имеющий собственное заведение, находится в лучшем положении к приобретению образования, чем работник, нанимающийся на бумажной фабрике. В отношении к материальному благосостоянию крестьян и вообще рабочего класса существование больших фабрик, снабженных дорогими механизмами, не всегда желательно, ибо с ними не могут соперничать простые крестьянские заведения, и потому падают, а крестьяне из независимых содержателей превращаются в простых работников» [2].

Итак, крупные фабрики «не всегда желательны». Это совсем не похоже на категорическое осуждение фабричной системы, высказанное тем же Горловым десять лет раньше. Из других мест книги Горлова видно, что вообще взгляды автора сильно изменились. Как известно, Горлов, подобно прочим либеральным экономистам того времени, горячо ратовал против общинного землевладения. Начало частной собственности на землю казалось ему гораздо лучше гарантирующим экономический прогресс, чем общинная собственность. Возражая против защитников общинного владения, Горлов не пугается даже «призрака пролетариата». Страхи перед пролетариатом Горлов прямо называет «оптическим обманом» [3].

[1] *Тенгоборский*, Примечанче на стр. 19.
* В нашем издании, стр. 77 *Ред.*
[2] *Горлов*, I, 397.
[3] Там же, 260.

От всего этого веет совершенно новым духом. Фритредеры 60-х годов не имели такой резкой классовой окраски, как фритредеры Александровской эпохи. Относительно последних не может быть никакого сомнения, интересам какого класса они служили. Горячая защита таких противоположных по своему внутреннему смыслу вещей, как свобода торговли и крепостное право, ярко обнаруживала дворянский характер всего течения. «Дух журналов» защищал интересы аграрного дворянства, — это вполне ясно. Что же представляли собой фритредеры «эпохи великих реформ?»

Чтобы понять внутренний смысл фритредерского движения шестидесятых годов, нужно вспомнить общественно-экономическую обстановку того времени. В конце 50-х годов закладывался фундамент новой России, России буржуазной и капиталистической, сбросившей с себя узы крепостного права, которые она переросла. Постройка железных дорог, преобразование системы кредита (точнее говоря, создание частного банкового кредита, так как дореформенная Россия почти не знала частных банков), устройство множества новых акционерных компаний для самых различных целей выдвинули у нас новые общественные элементы: финансовых дельцов, аферистов, биржевых игроков, вообще всякого рода искателей легкой и быстрой наживы. Конец 50-х годов имел характер спекулятивной и биржевой горячки, доходившей до настоящего ажиотажа. Выкуп крестьянских земель выбросил на рынок огромные капиталы, быстро перешедшие из рук дворянства в руки всякого рода денежных и финансовых дельцов. Спекулятивная горячка того времени охватывала далеко не одних профессиональных биржевиков. По словам В. Безобразова, «горячечное промышленное возбуждение направилось к созданию новых предприятий, новых отраслей производства... преимущественно в кругу людей (устроителей акционерных компаний), совершенно чуждых коммерческому делу»... «Спекулятивное возбуждение (конца 70-х годов) ограничилось коммерческой общественной средой, которая при всех своих увлечениях все-таки несравненно более умела, опытна и благоразумна, чем была та общественная среда (дворянская, чиновная, военная, интеллигентная и пр.), которая бросилась в промышленную спекуляцию после первой Восточной войны» [1].

Вот эта-то разнообразная по своему составу общественная среда составила главное ядро фритредерской либеральной партии того времени; она преклонялась перед буржуазным строем Западной Европы и горячо сочувствовала всякой свободе, особенно же свободе в области промышленности и торговли. Фритредеры 60-х годов, вроде названных либеральных экономистов, выражали собой не столько интересы аграрного класса (хотя и эта нотка весьма нередко слышалась в статьях «Экономического указателя» [2]), сколько интересы финансового и биржевого

[1] *Безобразов,* Народное хозяйство России, I, 312.

[2] В обширных статьях *А. Байкова* — «Вопросы о свободе торговли» постоянно указывается на земледельческий характер России. «При свободе торговли положение государств земледельческих самое выгодное, и, следовательно, Россия, как представительница этих государств, при осуществлении идеи о свободе торговли имела бы если не первенство, то, по крайней мере, огромный вес в системе мировой промышленности и торговли... Две крайние точки в системе современной производительности Европы сост...

мира. «Экономический указатель», так энергично ратовавший за свободу торговли, отводил видное место на своих столбцах биржевой хронике и отчетам о деятельности акционерных компаний, давал советы, какие акции следует приобретать, и вообще тесно примыкал своими статьями к биржевому миру.

Вполне понятно, что о принципиальной вражде к фабрике у этих фритредеров нового типа не могло быть и речи. Суровые крепостники николаевской эпохи, относившиеся весьма недоверчиво ко всему, не укладывавшемуся в узкие рамки бюрократической регламентации, и стоявшие прежде всего на страже порядка, не могли сочувствовать капиталистическому строю и фабрике; биржевые дельцы 60-х годов и их идеологические выразители — либеральные экономисты, преклонявшиеся перед гениальной мудростью Бастия, не могли относиться к фабрике с осуждением. Отстаивая свободу торговли, они направляли свои стрелы не против капиталистического производства, а именно в его защиту.

Новая классовая окраска фритредерского движения обнаружилась сочувственным отношением к этому движению некоторой части купечества. Известно, что именно с 60-х годов у нас начинает быстро развиваться экспортная торговля хлебом. Экспортная торговля могла только выиграть от расширения ввоза в страну иностранных товаров. Экспортеры должны были сочувствовать свободной торговле, и, действительно, одесское отделение коммерческого совета решительно высказалось в пользу свободной торговли [1].

Остановимся теперь на позиции, которую заняли в шумных спорах за и против свободной торговли [2] лица, одинаково чуждые интересам как биржевиков и экспортных торговцев, так и фабрикантов — радикалы «Современника». Это последнее направление с отвращением относилось к биржевой вакханалии рассматриваемой эпохи; освободительные идеалы Западной Европы были им гораздо ближе, чем либеральным апологетам капитала, вроде Вернадского, Горлова и др. Какова же была их позиция по отношению к фабрике и капиталистическому производству вообще.

В 1857 г. в «Современнике» появился довольно обширный разбор книги одного из наиболее видных протекционистов того времени — А. Шипова: «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России». Разбор этот, принадлежащий, без сомнения, перу Н. Чернышевского, дает вполне определенный ответ на наш вопрос.

ляют два государства — Россия и Англия; первая, в полном смысле слова, земледельческая держава, вторая — мануфактурная. Обширность России, качество земли ее, делают ее обильным, можно сказать, неисчерпаемым источником сельских произведений.., обрабатывание этих самых произведений, сообщение им первой, необходимой для употребления, формы должно быть естественным занятем России». «Экономический указатель», 1857, т. I, стр. 416, 439.

[1] Об этом см. *К. Скальковский* и *Д. Краевский*, Стоит ли поощрять русскую промышленность? Спб. 1866, стр. 15, 29.

[2] О протекционистах, органом которых, как я сказал выше, был, главным образом, «Вестник промышленности», я ничего не говорю, потому что их общественная позиция как защитников интересов фабрикантов была вполне ясна и никакого недоразумения возбуждать не могла.

«У нас вообще очень мало развита терпимость мнений, — заявляет автор разбора.—Так, например, по вопросу о свободной торговле, из ученых, держащихся мнения, что протекционная система невыгодна, многие воображают, что противное мнение могут утверждать только люди, имеющие в виду свой личный интерес, а не общую пользу; они даже готовы все человечество и в умственном и в нравственном отношении делить на две половины ради одного того, как думают люди о свободной торговле; одна половина человечества — люди честные, умные, ученые, это все те, которые думают, что тариф должен быть понижен; другая половина — невежды, корыстолюбцы, это все те, которые думают, что должны быть охраняемы тарифом наши мануфактуры» [1].

Каково же отношение автора к свободной торговле и протекционизму? Он поясняет это цитатой из книги экономиста 50-х годов Журавского: «Описание Киевской губернии». «По нашему мнению, — писал Журавский, — надобно более иметь в виду пользу значительного класса промышленников, заинтересованных в сохранении и процветании отечественных фабрик, нежели выгоды потребителей фабричных произведений, составляющих самый малочисленный, а вместе и достаточный класс нашего населения... Для фабричного производства Киевской губ. нужно до 21 000 рабочих; приобретаемая каждым из них плата имеет прямое влияние на благосостояние как самих работающих, так и семейств их; следовательно, полагая средним числом до пяти душ на семейство каждого работающего, можно заключить, что до 100 000 душ заинтересованы в фабричном производстве одной губернии. Предположивши теперь, что вследствие свободного привоза заграничных фабричных изделий, дешевых, прочных и красивых, подобные же изделия здешних фабрик будут вытеснены из торговли, а вместе с тем закроются и самые фабрики, тогда, конечно, многие из питающихся теперь от фабрик лишились бы куска хлеба, ничего не выигравши от свободного привоза, ибо простой народ почти вовсе не потребляет фабричных изделий. Вся выгода была бы на стороне достаточных классов» (там же, стр. 51).

Однако, это не решает окончательно вопроса, — нужны ли России фабрики, или нет. В ответ на это автор разбора опять отсылает к Журавскому: «Как в сельском хозяйстве важное место занимает вопрос о преимуществах больших или малых хозяйств, так и в фабричной промышленности представляется тот же вопрос: какая фабрикация, большая или малая, полезнее для производителей и для потребителей?». Приведя в пример костромские полотна, лионские шелковые изделия, голландские кружева и пр., Журавский замечает: «Все это — произведения домашней фабрикации, показывающей, что при благоприятных обстоятельствах ловкость человеческих рук и при самых простых снарядах может с выгодою соперничать с многосложными и дорогими машинами больших фабрик. И если ручное производство по сю пору так мало облегчено и распространено, так мало сделано успехов в искусственном отношении, то это оттого, что все усилия ученых и техников нашего времени направлены на изобретение и улучшение больших машин, слу-

[1] «Современник», 1857 г., том LXIII. Рецензия на книгу *Шипова*, стр. 48.

жащих для фабричного производства. На мелких фабрикантов никто из них не удостаивает обратить внимание, никто не подумает, какими бы средствами сократить ручную работу, улучшить употребительные доныне снаряды и машины, ввести новые, сделать доступную для каждого семейства в малом размере выработку предметов, возможную доныне только для больших фабрик. Между тем, этот предмет заслуживает особенного внимания по огромному числу заинтересованных в нем семейств и представляет обширное поле изобретательности первоклассных умов; изобретения, подобные самопрялке, сделавшейся общеупотребительной у простого народа, могут быть важнее всяких усовершенствований фабричных машин. По крайней мере, это справедливо относительно нашего отечества, где большая фабрикация по сю пору обращается в пользу достаточного класса производителей-капиталистов и не менее достаточного класса потребителей их произведений, как-то: сахара, тонких сукон и полотен, столового белья, шелковых изделий, табаку, сигар и т. п.; все эти предметы или не нужны, или недоступны по цене нашему простому народу, т. е. более $^3/_4$ всего населения государства» (там же, стр. 53).

По поводу этих слов Журавского автор рецензии замечает: «Признаемся, что в вопросе о свободной торговле и национальном фабричном производстве мнение Журавского кажется нам совершенно справедливым. Признаемся, что мы в этом случае всегда готовы стать на стороне той партии, которая успеет доказать, что ее решение вопроса сообразнее с народным благосостоянием. Признаемся также, что до сих пор не видим, чтобы та или другая партия успела положительным образом доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствах подобного рода. Признаемся также что решениям той или иной партии мы предпочитаем совершенно иное решение, предложенное Журавским в последнем из приводимых нами отрывков. Смысл этого отрывка таков: больше, нежели о возрастании фабричного производства, больше, нежели об увеличении заграничной торговли, надобно заботиться о развитии домашней выделки фабричных изделий. Для этой выделки надобно желать прямого покровительства. Что касается вопроса о том, полезно ли прямое покровительство фабрикам, то при разрешении его надобно было бы иметь в виду не столько отношение наших фабрик к заграничному производству подобных товаров, сколько отношение к благосостоянию класса людей, находящих на них работу, и еще более отношение фабрик к домашней выделке фабричных изделий» (там же, стр. 56—57).

В этом характерном отрывке вполне ясно выражается отношение «Современника» к фабрике и мелкому кустарному производству. «Современник» не был безусловным противником фабрики, так как и фабрика дает заработок населению, но он решительно предпочитал ей кустарную промышленность. Политический радикализм 60-х и (как увидим ниже) 70-х годов по своей экономической программе не очень далек от точки зрения «Духа журналов» и Канкрина.

Само собою разумеется, экономические идеалы Канкрина и Чернышевского были так же различны, как их политические идеалы. Но при оценке современной экономической действительности Чернышевский по

многим вопросам мог подать руку Канкрину. Кустарное производство находило себе защитников в них обоих*.

Таким образом, в 60-х годах наблюдается по отношению к фабрике следующая общественная группировка: буржуазное течение, включавшее в себя как фритредеров, так и протекционистов, относилось с полной симпатией к фабрике и было на стороне полной экономической европеизации России. Напротив, радикально-утопическое течение, великим представителем которого был Чернышевский, относилось к фабрике отрицательно и во имя интересов труда стояло за сохранение отсталых экономических форм крепостной России.

Тем не менее, существовал один пункт, по которому наблюдалось почти полное согласие всех прогрессивных элементов той эпохи, именно — преклонение перед принципом ассоциации или артели, как формы будущего социального строя. Отношение Чернышевского к этому вопросу достаточно известно. Но идеей артели увлекались в 60-е годы далеко не одни крайние радикалы. Увлечение это, можно сказать, было всеобщим. Различие между радикальными и либеральными элементами заключалось лишь в том, что радикалы требовали государственной помощи артелям, а либералы возлагали все свои надежды на частную инициативу в этой области и, оставаясь верными себе, протестовали против всякого насильственного вмешательства государства.

Возьмем, например, книгу либерального экономиста — ныне члена Государственного совета — г. Ф. Тернера: «О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния» (Спб., 1860 г.). В этой книге мы находим следующие характерные строки: «В настоящее время мы вступаем на новое поприще в жизни нашего отечества. Народ, освобождаясь от тех оков, которые связывали его свободную промышленную деятельность, вместе с тем, приобретает и ответственность о своем благосостоянии. С развитием городского и фабричного населения, численность коего, вследствие предстоящей реформы, должна развиться в весьма обширных размерах, настоящий момент представляется нам самым благоприятным для введения тех учреждений для рабочего класса, которые оказались столь полезными в других странах — учреждений, которые, бросив корни на нашей почве, будут развиваться наравне с развитием рабочего сословия и могут принести поэтому самые благотворные плоды, предупредив самый зародыш пауперизма в будущем... Мы находим в нашем отечестве весьма важные элементы, могущие служить полезным основанием вновь вводимым учреждениям, которые во многих случаях будут только развитием и усовершенствованием уже *существующих у нас* народных обычаев. Мы видели, что главным основанием и главною силою всех существенных учреждений на пользу рабочего сословия является ассоциация. А именно идея ассоциации весьма распространена уже у нас в народных обычаях, являясь во множестве разнообразных проявлений, особенно же в артелях... Как ни судить о несколько коммунистической примеси к экономическому элементу ассоциаций в наших артелях, — главное все же то обстоятельство, что ассоциация составляет начало, сродственное нашему

---

* В первом издании: «Мелкое производство, патриархальный строй находил защитников в них обоих». — *Ред.*

народному и национальному быту. Если, несмотря на все те огромные затруднения, которые представляла свободному передвижению личностей и свободному употреблению труда прежняя паспортная система и допотопное начало круговой поруки, не говоря уже о крепостном праве, люди все же сходились на общую работу, на ассоциацию своего труда, то нельзя ли надеяться, что впоследствии, когда все эти преграды падут, ассоциационное начало разовьется еще гораздо больше в России, и на нем основутся все те полезные учреждения, в которых мы видим залог будущего самостоятельного обеспечения работника, будущего благосостояния рабочего класса? Содействовать этому развитию могли бы с пользою образованные классы своими советами, указаниями... Высшие образованные классы, особенно же самый промышленный класс, принесли бы значительную пользу развитию благосостояния в среде низших классов своих соотечественников, содействуя развитию в среде их разумного ассоциационного движения» [1].

Замечательная книга Корсака: «О формах промышленности в Западной Европе и России» (Москва, 1861 г.), которую мне приходилось уже много раз цитировать, точно так же проникнута верой в полную осуществимость в России артельной организации производства. Корсак был чужд славянофильского увлечения экономическим строем России. С беспристрастием истинного ученого он указывает на неправильность идеализации нашего кустарного производства, при котором производитель является таким же слугою капиталиста-заказчика, как и фабричный рабочий. «Домашняя форма производства, — замечает Корсак, — не есть исключительное достояние России: она была везде в известную эпоху экономического развития и даже в настоящее время сохранилась во многих странах Европы почти в том же виде, как и в России. Она всегда была свойственна некоторым отраслям промышленности, которые поэтому трудно поддавались фабричному производству» (Корсак, 304). С тонким тактом Корсак противопоставляет кустарную промышленность как домашнюю систему крупного капиталистического производства ремеслу и мелкому самостоятельному производству на-дому (там же, стр. 17). Огромные технические преимущества фабрики встречают у Корсака вполне верную оценку. И тем не менее наш автор не решается признать неизбежность развития фабричной системы. Я уже упоминал в начале этой книги, что политика Петра подверглась резкому осуждению Корсака за то, что Петр устраивал в России фабрики, а не артели кустарей. Свою книгу Корсак заканчивает совершенно в духе той эпохи: указанием на огромную роль в деле преобразования нашей кустарной промышленности — ассоциации, артели.

«Даже на Западе, в центре фабричного производства, где фабрики поглотили уже родственную им мелкую промышленность, где мелкие производители не имеют того выгодного положения, в каком могут быть наши крестьяне, есть, однако, возможность даже простым работникам пользоваться всеми выгодами фабричного производства на правах самостоятельных хозяев. Возможность эта заключается *в кредите и ассоциации* мелких ремесленников, в общественных мастерских и общественных

[1] *Тернер*, стр. 303, 304, 317, 318.

машинах. Мы вполне согласны, что нынешняя фабрика — совершеннейшая в экономическом отношении форма производства в настоящее время; но думаем также, что ее всепоглощающее могущество опасно, а за неимением его сообщать ей это подавляющее влияние посредством внешней помощи и вызывать его искусственно — еще опаснее. Неужели те невыгодные стороны, которыми отличается мелкое домашнее производство, неразлучны с ним и чужды только одной фабрике, и неужели фабричная форма не имеет, в свою очередь, темных сторон другого рода? Последние известны каждому, и говорить о них считаем излишним... Фабричные отрасли домашнего производства, которые теперь имеют вид самой вредной и невыгодной во всех отношениях так называемой домашней системы, при помощи ассоциации домашних работников, при помощи кредита и устройства общественных мастерских, могли бы явиться в виде новой фабричной формы со средствами настоящей и с благодетельными результатами, которых последняя лишена; эта новая форма могла бы таким образом быть противодействующей силой темным сторонам современного фабричного производства. В ремесленных отраслях ассоциации для оптовой покупки материала и для продажи изделий пособие кредита, распространение усовершенствованных орудий, обучение, выставки и пр. могли бы спасти бедных ремесленников от убийственного влияния кулаков и барышников и победить тот застой и ту рутину, которые составляют теперь характер домашней промышленности. Мы согласны, что все это — трудные задачи, что, может быть, придет когда-нибудь время, когда они сами-собою найдут счастливое разрешение, но достигнуть цели длинным путем страданий и тяжелых кризисов, и достигнуть ее кратчайшей и безопасной дорогой — не одно и то же»[1].

И этой верой в артель была проникнута не только литература того времени — ее разделяли и правительственные сферы. Вот, например, как высказалась по этому пункту комиссия по пересмотру уставов фабричного и ремесленного под председательством Штакельберга: «Что прежнее наше промышленное устройство представляло много стеснительных уродливых сторон, что, покровительствуя меньшинству капиталистов и хозяев, оно шло наперекор интересам рабочего люда — это не подлежит сомнению. Но затем, с устранением стеснений и запрещений, какие именно формы следует придать нашей промышленности, какие именно требования рабочего класса желательно поддержать авторитетом закона?.. Существование промышленных артелей и ремесленых союзов доказывает, что наш народ не чужд понятий о преимуществах ассоциации в деле приложения труда. Но такие артели и союзы, сколько известно, возникли лишь в немногих торговых и промышленных центрах. Правда, что до сих пор общественные условия не благоприятствовали делу ассоциации в среде рабочего класса и что теперь только можно надеяться на более удовлетворительные в сем отношении результаты. Но во всяком случае рабочий класс не вдруг, может быть, нападет на счастливую мысль соединить свои разрозненные силы и денежные средства там, где ассоциация труда и капитала особенно применима по размерам и свойству предприятия. Притом же в этой

[1] *Корсак*, стр. 308, 310.

форме производства важна не одна материальная сторона. Рабочая ассоциация была бы полезна в особенности у нас не потому только, что при такой организации работ люди могли бы с меньшими усилиями и затратами производить больше и лучше. Ассоциация обещала бы и ту несомненную выгоду, что рабочие, связанные общностью интересов, могли бы основательно судить о своих нуждах и пользах в деле промышленности. В среде промышленных обществ, если бы таковые возникли, вырабатывались бы беспристрастные, здравые понятия о промышленных интересах и средствах к их упрочению» [1].

Это всеобщее увлечение ассоциацией и артелью было навеяно, без сомнения, Западом. Достаточно вспомнить западноевропейскую литературу того времени, равно как и практические последствия кооперативного движения в Англии, Германии и Франции, чтобы понять, почему русские прогрессисты 60-х годов с таким жаром отстаивали идею артели. Но по той же самой причине, — потому что это увлечение не имело корней в условиях русской действительности, несмотря на все разглагольствования о необыкновенной склонности русского мужика к артелям, — оно осталось в России практически совершенно бесплодным. Всеобщие восхваления артелей не создали ни одной прочной артели и не повели к возникновению кооперативного движения, сколько-нибудь похожего на западноевропейское. Индивидуалистический Запад с его иными политическими и общественными формами оказался гораздо более приспособленным для восприятия артельного начала, чем общинная Россия [2].

В конце 60-х годов вышла сильно нашумевшая в свое время книга Н. Флеровского: «Положение рабочего класса в России» (Спб. 1869 г.). Книга эта произвела на публику сильное впечатление безотрадной картиной жизни русского мужика и рабочего на всем протяжении России, которую сумел развернуть автор. Научного значения книга Флеровского совершенно лишена, так как представляет собой чрезвычайно хаотическое собрание фактов весьма различного достоинства, сопоставляемых без всякой критической оценки и даже без общего плана. Тем не менее, в свое время она несомненно влияла на умы. Трудно разобраться в выводах Флеровского, так как, повидимому, они не были ясны ему самому. Во всяком случае ясно, что важнейшие причины, к которым сводит Флеровский причины бедности русского рабочего человека, это — тяжесть налогов и особенно недостаток земельной обеспеченности. «Что касается общих мер, — говорит автор в «заключении», — то, конечно, прежде всего наше внимание должно обратить на себя отношение к земле. Тут мы видим, что наш крестьянин обнаружил несравненно более такта и здравого чувства, чем западноевропейский. Он нашел великую истину, которой западноевропейский работник никогда не понимал. Он постиг, что прежде всего надобно позаботиться о том, чтобы ни одного земледельца не лишить собственного хозяйства. Вести собствен-

[1] «Труды комиссии», Спб. 1863, I, стр. 221, 226, 227.

[2] В мою задачу не входит рассмотрение весьма любопытного артельного движения нашего общества 60-х и 70-х годов. Истинный характер этого движения, принявшего на практике вполне буржуазный характер, разъяснен в интересной статье А. П-ра: «Нов. сл.», 1897, ноябрь.

ное хозяйство — не шуточное дело, к нему нужно приспособиться, привыкнуть с малых лет. Западноевропейскому пролетарию не скоро это удастся, может быть, никогда не удастся, и на почве Западной Европы мы можем снова увидать римские латифундии... Наш крестьянин достиг того, о чем напрасно вздыхают и американец, и англичанин, и всякий земледелец, достаточно умный, чтобы понимать неудовлетворительность мелкой собственности... Пока вся земля будет предметом собственности, до тех пор будет существовать и крупная и средняя собственность; произвести самое выгодное экономическое положение можно только при всеобщем распространении безоброчного общинного владения» (Флеровский, стр. 476, 482, 487).

Таким образом, для Флеровского аграрный вопрос заслонял все остальное. Развитие фабричной промышленности в центральном районе, по его мнению, не только не привело к улучшению экономического положения населения, но, наоборот, только усилило крайности богатства и бедности. «Промышленная Россия,—это страна бедности и богатства; тут одно семейство зарабатывает триста рублей в год, а рядом другое умирает с голоду. Нигде борьба за существование не вызывает таких отчаянных усилий, как в промышленных губерниях; тут всякий пускает в ход все средства, старается взять и искусством, и трудом, и умом, и борьбой... Здесь составляются артели, стачки, здесь пробуются все средства, которыми можно бороться с капиталом и усилить свои доходы... Но если они (рабочие промышленного района) более смелы в жизненном бою, то и условия этого боя для них более тягостные; они имеют дело с богатыми и могущественными капиталистами и еще более богатыми и более могущественными землевладельцами... Может ли быть цветущее промышленное население там, где земледелие плохо, где земля без удобрения дает плохие урожаи, а для удобрения мало скота, и на каждое вакантное место в промышленности являются три кандидата из земледельцев?» (стр. 357 — 359).

Сравнение двух уездов Нижегородской губернии — Ардатовского с крупными чугуноплавильными заводами и Горбатовского с мелкой кустарной промышленностью, — приводит Флеровского к заключению, что мелкая промышленность гораздо лучше обеспечивает население, чем крупная. Это дает повод к следующей красноречивой тираде нашего автора: «Неужели можно равнодушно смотреть на то, что машины — этот важнейший благодетель человеческого рода, это плодоносное оружие, которое дает рабочему возможность при несравненно меньших усилиях производить не только вдвое и втрое, но иногда во сто раз более, — эти машины делаются бичом для рабочего класса? Не только для работников, для целых местностей оказывается более выгодным производить мало и дорого, чем производить много и дешево» (Флеровский, стр. 385).

Таким образом, Флеровский, еще больше чем Чернышевский, усматривал одну отрицательную сторону в развитии фабричной промышленности. За аграрным вопросом Флеровский, как и другие его современники, совсем не видел рабочего вопроса. Вообще, я должен оговориться, что фабрика вплоть до последнего времени очень мало обращала на себя внимание нашего общества, особенно прогрессивной его части. Об общине у нас накопилась огромная и в высшей степени интересная

и характерная литература; о фабрике написано гораздо менее, и то, что написано, имеет премущественно фактический и описательный характер, а следовательно, для нас в данном случае представляет мало интереса.

Отношение либералов к фабричному вопросу весьма рельефно выразилось на дебатах первого всероссийского торгово-промышленного съезда, устроенного по случаю всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. Протоколы этого съезда очень живо воспроизводят ту, уже довольно отдаленную от нас, эпоху. Медовый месяц либерализма уже кончился, но либеральное настроение общества не только не ослабело, а скорее усилилось. Славословие свободе промышленности и торговли занимает видное место в прениях съезда.

Приведу некоторые выдержки из речей на первом заседании съезда. Г. Скальковский внес предложение, чтобы железные дороги, проходящие по местностям, богатым каменным углем, непременно употребляли для топлива каменный уголь, а не дрова, «для того чтобы спасти остатки лесов». В ответ на это предложение чиновник министерства финансов фон-Бушен произнес следующую тираду: «Я полагаю, что первое и главное условие для развития всякой промышленности, — есть свобода! (Непременно! браво!). Повторять здесь подобную аксиому, как ту, что свободный труд только производителен, что промышленность должна иметь полный простор, чтобы брать и употреблять в дело тот материал, который выгоднее и дешевле и который поэтому может служить для удешевления самого произведения, — совершенно излишне. (Верно! браво!) Я не разделяю мнения о том, чтобы съезд фабрикантов, который хлопочет о нуждах фабрикантов, должен был выразить свою деятельность в том, чтобы просить подвергнуть отдельные отрасли промышленности регламентации. Всякая регламентация вредна вообще в промышленном деле, и чем ее меньше, тем для дела лучше» (Протоколы, стр. 16).

Г. Вешняков высказался не менее решительно: «Прошли те времена, когда промышленное законодательство во всех почти странах заключало в себе не только определение общих условий существования в государстве фабричной и ремесленной промышленности, но и стеснительные ограничения относительно права заниматься тою или другою отраслью труда и предписания относительно обязательного размера, вида, качества и даже цены изделий. Ныне *свобода труда, свобода промышленности* сделались девизом современного промышленного прогресса»[1].

При обсуждении вопроса об улучшении экономического положения рабочих один из ораторов Ю. Шрейер особенно настаивал на распространении у нас среди рабочих ссудо-сберегательных касс. Он указывал на пример Пруссии, «где рабочие достигли благосостояния, благодаря усилиям только одного человека, это — Шульце-Делича. Кому случалось быть в Пруссии, тот не мог не подивиться колоссальным результатам, добытым одним человеком, который посвятил целую жизнь, целые десятки лет на то, чтобы улучшить положение рабочих, и положение это в Пруссии представляется весьма и весьма отрадным. Я имел случай,—

[1] «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, 1870 г.», Спб. 1872 г., стр. 8.

прибавляет оратор, — 6 или 7 лет тому назад видеть, до какого рода самостоятельности и развития успел Шульце-Делич довести своими трудами рабочих. Я полагаю, что русский народ не так неразвит, чтобы при появлении, может быть, даже не такого даровитого деятеля, как Шульце-Делич, но все-таки, при доброй воле, можно достигнуть весьма существенных результатов»[1].

Очень интересную речь сказал другой оратор съезда, Мясоедов, который, между прочим, заявил следующее: «Девятнадцатый век есть век рабочих, — сказал знаменитый английский муж Гладстон. И действительно, нужно сознаться в том, что участь рабочих и вообще все вопросы, касающиеся их существования и устройства, начинают приобретать все больше и больше влияния на всю цивилизацию. Но вместе с этим возрастающим влиянием развиваются другие явления, которые прежде, без сомнения, существовали и существуют давно, но не проявлялись прежде с такой настойчивостью и энергией, как в настоящее время: это — борьба капитала с трудом. Она происходит вследствие того, что труд, по мере того, как приобретает некоторые права, начинает доказывать, что он прямо эксплоатируется капиталом... Но если на Западе можно говорить вообще о рабочих, где есть особое сословие рабочих, то это совершенно немыслимо в России, где они в совершенно другом положении, нежели в западных государствах. У нас, собственно говоря, нет рабочего класса. У нас есть работники на фабриках, есть рабочие, занимающиеся вне времени, занятого земледелием, ремеслами».

«Вот весь контингент нашего рабочего сословия. Главной причиной того, что рабочий класс у нас не может представляться в том виде, как на Западе, есть то, что у нас нет пролетариата, что составляет предмет зависти всех иностранных государств. У нас та среда, которая составляет рабочий класс, вся почти занимается земледелием. Следовательно, у нас нет здесь двух классов, а являются просто два разряда рабочих, из которых один работает на фабриках, а другой у себя в деревнях, преимущественно в тех местностях, где земледелие не представляет достаточного обеспечения в средствах жизни, и где, вследствие этого, жители должны прибегать для увеличения своих заработков к другим хозяйственным ремеслам и промыслам...» Переходя к рабочим, занимающимся в деревне, Мясоедов говорит: «Кустарники, несмотря на то, что пользуются кажущейся самостоятельностью вследствие того, что каждый имеет свой дом, а многие — даже земельные наделы, эксплоатируются не только в такой же степени, как рабочие на фабриках, но, может быть, еще хуже... Избавить этих кустарников от рук капиталистов и кулаков можно только одним способом: с одной стороны, доставив им возможность чисто самостоятельного труда путем устройства таких учреждений, которые доставили бы им возможность получать дешевый кредит или те денежные средства, которые необходимы для закупки сырых продуктов, с тем, чтобы они могли избавиться от получения этих предметов от торговцев в натуре, а с другой стороны, доставив им возможность ближайшего сбыта этих предметов производства. Средством, и могучим средством, можно считать то, которое служило

[1] «Протоколы заседаний», VI отд., стр. 91—92.

началом разрешения этого вопроса на Западе, это — ассоциация, артель...» Свои предложения Мясоедов формулировал так: «чтобы съезд обратился к правительству с ходатайством о том, чтобы были разработаны артельные начала или чтобы были составлены узаконения, специально определяющие начала, на которых могли бы создаваться у нас хозяйственные или промышленные артели, а равно и положения, определяющие права их как относительно участников в предприятии, так и относительно посторонних лиц» [1].

В этом смысле состоялась и резолюция съезда: съезд признал желательным, «чтобы в видах возможности улучшения быта рабочего населения в России распространением так называемых хозяйственных и промышленных артелей, каковы: общества потребителей, ссудо-сберегательные общественные кассы, товарищества взаимного кредита, общества, имеющие целью оптовую закупку сырых продуктов для их обработки и сбыта произведений, и общества для производства предметов промышленности — было произведено правительством исследование этого вопроса и издано нормальное положение, определяющее права и юридическую организацию таких артелей» (17 резолюция съезда, б).

Остановимся теперь на отношении к фабрике и рабочему вопросу самого влиятельного органа 70-х годов «Отечественных записок». В февральской книжке журнала за 1868 г. была помещена обширная статья З. Елисеева*, «Производственные силы России». Эта статья содержит в себе много поучительного для характеристики взглядов журнала. Автор статьи полагает, что «если фабрики, по словам фабрикантов, приходится содержать на народные деньги единственно для того, чтобы они бросили кое-какие объедки нескольким тысячам работающего у них народа, то гораздо лучше для этой цели учредить прямой налог на народ. Он будет и гораздо умереннее того, что переплачивает народ за товар фабрикантам, и падет на него гораздо равномернее и, наконец, пропитывать народ будет сытнее... Как ни трудно пропитываться мужику в неплодородных губерниях и как ни скудно его пропитание, но он имеет то преимущество, что относительно своего пропитания он стоит все-таки на своих ногах. Он не отвыкает от крестьянского труда, способен ко всем черным работам, имеет здоровые и крепкие руки! Когда земля будет не в состоянии пропитывать его, он пойдет на крестянские же заработки в другие губернии; в случае окончательного истощения земли он может переселиться в губернии плодороднейшие и многоземельные на тот же крестьянский труд. Россия ведь не Англия! В ней пока столько земли, что всякая крестьянская сила для нее приобретение, находка, а не бремя. Фабричный — совсем другое дело. Это уже некоторым образом барин. Если он долго и постоянно работает на фабрике... он делается совсем неспособным к крестьянскому труду... Он остается годен только для фабрики. Мало-по-малу, таким образом, формируется целое народонаселение местности, в котором все лучшие силы привлекаются денежным заработком на фабрику» [2].

---

[1] «Протоколы заседаний», VI отдел, стр. 95, 96, 101, 102 и 103.
* В первом издании «Г. З. Елисеева». *Ред.*
[2] «Производительные силы России», стр. 457.

«Какая, спрашивается, участь готовится народонаселению, воспитанному для такого фабричного дела, благосостояние которого поставлено в полную зависимость от чужеземного продукта, а самое существование — от размеров тарифа? Сегодня нет хлопка, шелка на рынке, завтра половина фабрик останавливает свою работу; остальные при множестве лишних рабочих рук дают рабочему столько, чтобы он не умер с голоду. И целые волости, как пишет князь Мещерский, разоряются вконец или вымирают. Такова перспектива существования всех фабрик и рабочих, занимающихся производством ситца и шелка в наших близстоличных губерниях... В настоящее время фабрики истощили, выродили и сделали никуда негодными еще не очень значительные массы народа. Что кризис фабричный, в случае закрытия всех фабрик в нескольких местностях, перенесется народом без особенного бедствия, это лучше всего доказывается опустением Московско-Петербургского шоссе с открытием Николаевской жел. дороги. Извозом, и исключительно одним извозом, жило на шоссе, по всей вероятности, около миллиона народа, если не более. Когда открылась железная дорога, на шоссе работы не осталось почти никакой. Все, занимавшиеся извозом, лишились своего прежнего пропитания, — пострадали, но ничего... по миру не пошли. Мало-по-малу стали приучаться к земледелию, приучаться к другим заработкам, и вы можете ехать по шоссе и удостовериться, что бывшие извозчики живут не хуже крестьян в других деревнях. Так точно перенесло бы крушение крепостных фабрик и теперешнее население, около них питающееся. Но так ли легко через 100 лет перенесется этот кризис, — мы сказать не можем»[1].

Это рассуждение чрезвычайно любопытно. Автор идет гораздо дальше Чернышевского в осуждении фабрик. Чернышевский признавал известную пользу за фабриками, потому что, как-никак, а все же они доставляют заработки населению. Елисеев не признает и этого. По его мнению, если бы фабрики в России были закрыты, то питающееся от них население легко нашло бы себе другие занятия; он поясняет это крайне неудачной ссылкой на гибель извозного промысла на С.-Петербургско-Московском шоссе после проведения железной дороги. Но если так, то, значит, промышленные кризисы, замещение рабочего машиной и вообще все ужасы фабричной системы далеко не так ужасны. Если рабочий всегда может найти себе работу, то что же гонит его на фабрику? Желая доказать ненужность фабрики, Елисеев незаметно для самого себя становится на крайне оптимистическую точку зрения, которая приличествовала бы разве какому-нибудь Бастиа.

Тем не менее, Елисеев не делает отсюда вывода о желательности немедленного закрытия всех фабрик. Для этого он был слишком практичный человек. Елисеев советует путем соответствующей торгово-промышленной политики направить наше промышленное развитие по более «естественному» руслу. Так, «мы думаем, — говорит он, — что правительство имеет всю возможность рядом мер способствовать, с одной стороны, усилению, улучшению нашего льняного и пенькового производства, стеснению хлопчатобумажного производства в местах, неблагоприят-

[1] «Производительные силы России», стр. 460, 461.

ных для него по природным условиям, привлечению капиталов из этого производства, одних — к производству льняному и пеньковому, других — к заведению фабрик в местах обработки отечественного хлопка, и усилению разведения сего последнего и т. п. Усиление льняного и пенькового производства даже посредством усиленного тарифа имело бы ту выгоду, что тариф этот не ложился бы так тяжело на народ, как тариф хлопчатобумажных изделий, потому что в льняном и пеньковом производстве была бы сильная внутренняя конкуренция, которой нет и не может быть в хлопчатобумажном деле. Усиление льняного и пенькового производства усилило бы, может быть, удвоило и утроило бы земледельческое разведение льна и пеньки в России. Таким образом, деньги от русской промышленности шли бы, как то и должно быть, на поддержку отечественного земледелия, а не американского»[1].

В заключении Елисеев замечает: «Если благодетельный тариф поддержит старые наши крепостные фабрики и заводы и даст вместе с тем возможность таковым же размножаться без числа и на будущее время, то нет сомнения, что в течение недолгого времени мало-по-малу все северное народонаселение превратится в закрепощенное к фабрикам и заводам. Это, конечно, даст обеспеченное положение всем более или менее значительным землевладельцам северных губерний и вообще капиталистам, но убьет во всех отношениях всякую будущность у крестьянского населения этих губерний и отнимет у государства миллионы полезных членов в жертву частному корыстолюбию»[2].

В другой статье «Отечественных записок» (1870, январь), «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?» разъясняется характер рабочего вопроса в России: «В России вопрос о рабочих совершенно игнорируется. Мы знаем пока этот вопрос только по его состоянию и движению на Западе, но западная разработка вопроса не только не выдвигает для нас нашего собственного, домашнего рабочего вопроса, а, напротив, дает фальшивое освещение делу и, так сказать, затирает его. Бытовое положение наших рабочих и западных весьма различно. Западный рабочий большей частью безземельный и бездомный батрак, — наш рабочий имеет землю и хозяйство. Это заставляет наших патриотов потирать от удовольствия руки и указывать на положение нашего рабочего как на завидное в сравнении с западным пролетарием. Положение, если хотите, действительно завидное в этом отношении. Во-первых, нам нет нужды так тяжело задумываться над положением нашего рабочего класса, как задумываются на Западе; не нужно приискивать точки опоры для развития его материального благосостояния. Эта точка опоры — кусок земли и хозяйство — у него есть; нужно только позаботиться о том, чтобы его не спихнули с этого фундамента его благосостояния разные его благожелатели. Во-вторых, как бы ни были тяжки и неблагоприятны условия его настоящего существования, мы, пока он твердо сидит на этом своем фундаменте, можем смотреть на них, как на временные и поправимые. Но это никак не дает нам права игнорировать эти условия, смотреть на них как на ничтожные и прославлять его положение

[1] Там же, стр. 466.
[2] «Производительные силы России», стр. 492.

как блаженное потому только, что у него есть клочок земли. Напротив, мы должны тщательно всматриваться в условия, в которые поставлен наш рабочий. Ибо условия эти могут быть так неблагоприятны и, день ото дня ухудшаясь все более и более, могут сложиться, наконец, таким роковым образом, что сорвут его и с его фундамента. Вопрос не в том только: есть у рабочего надел земли или нет, а и в том: обеспечивает ли его та земля, которою он владеет, в его существовании или не обеспечивает?.. Нужно предварительно исследовать, насколько поземельный участок в действительности облегчает зависимость нашего крестьянина от капитала, от случайных заработков, и всегда ли облегчает... Вот корни русского рабочего вопроса, в которые до настоящего времени пристально никто не заглядывал»[1].

Итак, наш рабочий вопрос заключается, главным образом, в сохранении полного земельного обеспечения крестьянина. *Рабочий* вопрос подменяется *крестьянским* вопросом, как будто это одно и то же. *Рабочий* отождествляется с мелким собственником.

В наиболее категорической форме отрицательное отношение к фабрике и капиталу вообще проявилось в статьях Михайловского. Михайловский пошел гораздо дальше Елисеева, который со своей практической сметкой не решался доходить до крайних выводов исповедуемой им теории. «Представляя элемент труда в обществе, — говорит Михайловский в одной статье, — народ не имеет в своих руках орудий производства. Их предлагает ему нужный человек и за это получает львиную долю продукта. Дело, значит, только в том, чтобы сосредоточить орудия производства в руках представителей труда. Все, становящееся поперек дороги к этой цели — будь это свобода, промышленность, железная дорога, грандиозный финансовый план, самоуправление — подлежит уничтожению, которое будет и выгодно и справедливо. Истинная свобода, правильно-организованная, полезная промышленность, не шулерская финансовая комбинация, нужная железная дорога, истинное самоуправление — не могут стоять в противоречии с интересами народа, или, что то же, труда... Когда у нас заходит речь об организации народного труда, раздаются, обыкновенно, голоса, громко и с азартом отрицающие государственную помощь... Они раздаются в стране... где огромные суммы из взыскиваемых с податных сословий, т. е. почти исключительно с труда, уходят на субсидии и гарантии капиталистам-предпринимателям. Эти привилегии, субсидии и гарантии никем не опротестованы, протесты считаются даже идиллиями, тогда как при малейшем намеке на государственную помощь труду поднимаются азартные крики. Можно помочь крестьянскими деньгами и г. Губонину, и г. Варшавскому, и кому угодно, но только не крестьянам. Тут мы начинаем взывать о свободе, невмешательстве, о «казенной» организации труда, о самопомощи и о других прекрасных вещах. И в этом хоре не отказывается принять участие и литература, журналистика». (Из лит. и журн. заметок 1872 г. Соч. Михайловского, изд. 1896 г., т. I, стр. 660).

Итак, необходима «организация народного труда» на казенные средства. На какие же элементы должна опереться эта организация?

[1] «Отчего трудно поправляться нашему рабочему», стр. 497, 498.

Быть может, на фабричных рабочих? Совсем нет. «У нас существует мнение, — замечает Михайловский, — что наш фабричный рабочий гораздо развитее, гораздо выше, если не в нравственном, то, по крайней мере, в умственном отношении, нежели крестьянин. Это мнение решительно ни на чем не основано. Оно держится едва ли не потому только, что нечто подобное действительно имеет место в Западной Европе. Но если на Западе до некоторой степени действительно существует указанное отношение между крестьянством и фабричным рабочим, то оно обязано своим происхождением отнюдь не фабричному режиму, а влияниям совершенно иного свойства, каких у нас и в помине нет, именно влиянию широкой политической жизни, которая, естественно, концентрируется в городах и едва достигает деревень» (там же, стр. 681).

Затем Михайловский цитирует речь одного из ораторов торгово-промышленного съезда, Губина, заявившего, что «слово *рабочий* нельзя понимать у нас в том смысле, как за границей. У нас нет, или очень мало, таких рабочих, которые бы родились на заводе... У нас рабочие не составляют рабочего сословия», и замечает по этому поводу: «Указанный г. Губиным общеизвестный факт громадной важности должен бы был лечь в основание всех прений о русском рабочем вопросе... Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербугом... существуют деревни, жители которых живут на *своей* земле, жгут *свой* лес, едят *свой* хлеб, одеваются в армяки и тулупы *своей* работы, из шерсти *своих* овец. Гарантируйте им прочно это *свое*, и русский рабочий вопрос решен. А ради этой цели можно все отдать, если как следует понимать значение прочной гарантии. Скажут: нельзя же вечно оставаться при сохе и трехпольном хозяйстве. Нельзя. Но из этого затруднения существуют два выхода. Один, одобряемый практической точкой зрения, очень прост и удобен: поднимите тариф, распустите общину, да, пожалуй, и довольно, — промышленность, наподобие английской, как гриб, вырастет. Но она съест работника, экспроприирует его. Есть и другой путь, конечно, гораздо труднее, но легкое разрешение вопроса не значит еще правильное. Другой путь состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде. Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины» (там же, стр. 703).

Не менее интересна и поучительна другая статья Михайловского, относящаяся к 1873 г. Михайловский замечает, что органы самого различного направления, как, например, консервативный «Гражданин» и либеральные «Петербургские ведомости», одинаково признают желательным экономический прогресс страны, «требуют развития кредита в России, радуются умножению акционерных компаний, с торжеством указывают на развитие отечественной промышленности и т. д.». «Петербургские ведомости» решились даже одобрить решение правительства (до сих

пор, кстати сказать, неосуществившееся) «отказаться от устарелой системы законодательного рассмотрения уставов новых акционерных обществ и заменить ее более скорой системой нотариального разрешения». Это дает повод Михайловскому к следующим любопытным размышлениям. «Кредит, промышленность, эксплоатация природных сил страны — все это вещи сами по себе прекрасные... Но тем не менее, все эти прекраснейшие сами по себе вещи, если они направлены не ко благу непосредственно трудящихся классов, а ко благу пирамидального целого, дают прискорбнейшие результаты... Развитие кредита в нашем отечестве, если он не будет особыми путями направлен ко благу народа, даст только средства обирать народ. Всякому известно, что когда акционерная компания берет на себя какое-нибудь производство, то она разоряет в районе своих действий все мелкие хозяйства и вводит нищету... Поэтому всякому понятно, что вся публицистика, ратующая за развитие кредита в нашем отечестве, за умножение акционерных обществ в России, за развитие отечественной промышленности — ратует за гибель и нищету русского народа» (там же, стр. 833, 834).

Таким образом, мы имеем перед собой экономическую программу, в которой «развитие отечественной промышленности» прямо объявляется равносильным «нищете и гибеле русского народа». Единственным средством спасения русского народа от «гибели» является, следовательно, прекращение промышленного развития России.

Если сравнить рассуждение Михайловского о фабричном рабочем и крестьянине с таковыми же рассуждениями «Духа журналов», то сходство окажется весьма значительным. Я уже отмечал, что Чернышевский, в вопросе о крупном и мелком производстве, оказался в полном согласии с господствовавшими воззрениями консервативных экономистов крепостной эпохи. Как видно из приведенных цитат, передовые публицисты 70-х годов пошли еще дальше своих предшественников, и Михайловский прямо и открыто заявил себя противником экономического прогресса страны. Дальше идти было некуда.

Эта своеобразная позиция наших передовых деятелей того времени, заставившая их защищать экономическую реакцию, очень поучительна и вполне понятна. Экономические условия русской жизни того времени были таковы, что тем, кому были дороги интересы трудящегося люда, трудящийся люд представлялся не иначе, как в образе мужика, и рабочий вопрос отождествлялся с крестьянским вопросом. А так как экономическое развитие ухудшало условия существования мужика и превращало значительную часть крестьянства из мелких собственников в пролетариев, то нашим прогрессистам ничего не оставалось, как признать наш рабочий вопрос консервативным и предать анафеме экономический прогресс. Единственным выходом из этого положения — горячей преданности прогрессивным идеалам при убеждении, что экономический прогресс страны каждым своим шагом затрудняет осуществление этих идеалов — являлась утопия. Передовые деятели того времени были осуждены благодаря своей точке зрения всего ожидать от государственной власти; только государство могло бы, по их представлению, изменить ход нашего промышленного развития — дать торжество тем началам, которые погибали при новых хозяйственных усло-

виях, созданных крестьянской реформой, и задержать развитие капитализма. Но можно ли было рассчитывать, что государственная власть возьмет на себя осуществление такой экономической программы? Здесь и начиналась утопия.

Главным образом в «Отечественных записках»* были напечатаны статьи г. В. В., вышедшие потом отдельной книжкой под заглавием «Судьбы капитализма в России». Книга эта представляет собой, несмотря на свои слабые стороны, несомненно выдающееся произведение. Хотя попытка г. В. В. доказать невозможность развития капиталистического производства в России закончилась полнейшей неудачей, тем не менее уже одно то, что В. В. сделал эту попытку и дал стройную теорию, выражавшую в законченной форме господствовавшие экономические воззрения того времени, выделяет г. В. В. из всех русских экономистов 70-х и 80-х годов.

Теория г. В. В. настолько общеизвестна, что вряд ли необходимо подробно излагать ее содержание. Г. В. В. исходит из определенной теории рынков, которую он приписывает Родбертусу, хотя она принадлежит Сисмонди. Вообще эрудиция является слабым пунктом г. В. В., экономическое образование которого весьма скудно. Но нельзя отрицать острого ума в его даже самых рискованных построениях.

По мнению г. В. В., для развития капиталистического производства необходим внешний рынок по той причине, что прибавочная ценность не может быть реализована внутри того же капиталистического хозяйства, в котором она возникла. Внешний рынок недоступен для произведений русской фабричной промышленности, ибо русская промышленность не может конкурировать благодаря своей технической отсталости на свободном рынке с капиталистической промышленностью более передовых стран Запада. Только под охраной таможенных пошлин русская фабрика может влачить свое жалкое существование. Но таможенный тариф не в силах доставить нашей капиталистической индустрии необходимые условия ее дальнейшего роста — внешнего рынка.

«Нет ничего легче, — пишет г. В. В., — как принять явление местное или частное за общечеловеческое, увидеть закон там, где есть лишь одна из форм его проявления. Так, например, в промышленной области мы встречаемся на Западе с рядом грандиознейших фактов и безобразнейших явлений. С одной стороны, беспримерное увеличение производительности труда как результат организации крупного производства; с другой — извращенное направление этой увеличенной производительности, вызвавшее в конце концов обезземеление народа, пауперизм, эмиграцию и вырождение рабочего. Такое извращение произошло потому, что развитие общественной формы труда было произведено капиталистическим путем, и везде, где повторится процесс в той же форме, явятся в более или менее резком виде те же и результаты. Спрашивается: есть ли необходимость для России повторять всецело историю западного промышленного развития? В чем нужно видеть закон: в развитии ли крупной промышленности, каким бы способом оно ни произо-

* Отрывок от слов «Главным образом в «Отечественных записках» до конца главы в первом издании отсутствует. Словами «здесь и начиналась утопия» заканчивалось первое издание «Русской фабрики». — *Ред.*

шло, или же в обобществлении труда не иначе, как *капиталистическим способом*, в неизбежности народному производству пройти сквозь тиски капиталистического?... Историческая особенность нашей крупной промышленности состоит в том, что ей приходится расти в то время, когда другие страны достигли уже высокой степени развития. Это приводит к двум последствиям: во-первых, она может пользоваться всеми формами, выработанными Западом, не переползая черепашьим шагом с одной ступени на другую, т. е., повидимому, имеет возможность развиваться очень быстро, во-вторых, ей приходится конкурировать с опытными, давно установившимися в промышленном отношении странами, а соперничество с таким противником может совершенно заглушить слабые ростки вновь возникающего капитализма» [1].

По мнению г. В. В., характерной особенностью русского капитализма, сравнительно с западноевропейским, является то, что наш капитализм охватывает, главным образом, область сбыта, а не производство продуктов. Производство остается мелким, и сила капитала сказывается лишь в том, что этот мелкий производитель попадает в полную зависимость от капиталиста-торговца. Поэтому наш капитализм не исполняет той исторической миссии, которую он уже отчасти выполнил на Западе — воспитания непосредственных производителей, приучения их к коллективному труду, выработки их классового самосознания. Не имея положительных сторон своего западноевропейского собрата, русский капитализм с избытком обладает его отрицательными сторонами — не создавая новых форм производства, он вызывает обеднение массы мелких производителей, продолжающих попрежнему работать в своей избе.

«Не имея возможности развиваться так, как требует этого природа капитализма, последний как появился, так и останется (в России) гостем, привлеченным почти насильно, чувствующим себя не дома и поэтому не могущим оказывать здесь того громадного влияния на все сферы жизни, какое он имел в стране своего естественного зарождения и процветания. Бок-о-бок с ним будет существовать мелкое производство, будет продолжаться национальный процесс развития общественной формы труда, тихое, естественное течение которого было лишь слегка взволновано вмешательством крупного капитала... А если капитализация туземного производства пойдет таким черепашьим шагом, то есть надежда повернуть весь процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей» [2].

В подтверждение всего этого г. В. В. приводит весьма разнообразную, но абсолютно никуда негодную статистику. Сопоставляя за разные годы цифры рабочих, относившиеся не к одним и тем же, а к различным производствам, г. В. В. пришел к странному выводу о сокращении в России числа фабричных рабочих. Тезис этот, как я уже указывал выше, утвердился в нашей экономической науке и держался вплоть до выхода первого издания «Русской фабрики». Но, несмотря на столь продолжительное существование означенного тезиса, ошибочность его легко могла бы быть обнаружена при самом его возникновении, если бы

---

[1] *В. В.*, Судьбы капитализма в России, Спб. 1882, стр. 13—14.
[2] Там же, стр. 73.

сам г. В. В., равно как и все его последователи и критики того времени не были людьми совершенно незнакомыми с фабричной статистикой России.

Впрочем, статистические промахи г. В. В. нисколько не подрывают значения его труда, которое заключалось в выдвинутой г. В. В. своеобразной теории экономического развития России. После всего сказанного в настоящей книге мне нечего доказывать несостоятельность этой теории. Теория рынков, которая является фундаментом всего научного здания, воздвигнутого г. В. В., совершенно фантастична и не выдерживает серьезной критики. Если же отбросить эту теорию, то никаких теоретических аргументов в пользу невозможности развития в России крупного капиталистического производства в столь нашумевшей книге г. В. В. найти невозможно. Остается статистика г. В. В., которая, как сказано, если что-либо и доказывает, то разве полное незнакомство автора «Судеб капитализма» со статистикой.

Весьма любопытно впечатление, которое книга г. В. В. произвела на общество. Впечатление это было, несомненно, очень сильно, и «Судьбы капитализма в России» в течение ряда лет были книгой, вызывавшей более всего споров среди нашей интеллигенции. Отношение критики к книге было в общем весьма благосклонно; оно было бы еще благосклоннее, если бы г. В. В. не выразил в предисловии к «Судьбам капитализма» некоторых взглядов, решительно расходившихся с тем течением нашей общественной мысли, самым ярким выразителем которого является Чернышевский. Г. В. В., будучи непримиримым врагом капитализма на русской почве и крайним утопистом в области понимания хозяйственного процесса, в некоторых других отношениях обнаружил весьма оппортунистические взгляды. «Вместе с невозможностью развития в России капиталистического производства, — писал г. В. В., — теряет свои корни и подражание истории политического развития Запада; последнее должно пойти у нас много отличным путем... Если в России нет господствующего капиталистического производства, то нет класса, подобного либеральной европейской буржуазии, нет естественной опоры политической свободе».

Крайне характерно отношение к «Судьбам капитализма» Михайловского. С точки зрения Михайловского, самым большим грехом г. В. В. является его слишком снисходительное отношение к капитализму. Г. В. В. допускает, что на Западе капитализм исполнил великую историческую миссию, — Михайловский недоволен таким признанием положительных сторон капитализма. «Выходит, — ядовито замечает Михайловский, — что если бы русский капитализм исполнял свою «историческую роль», свою «прямую задачу», иначе говоря, если бы он вваливал в фабричный котел все больше народу, то г. В. В., пожалуй, и ничего бы против него не имел. Но наш капитализм «не распространяет воспитательного влияния крупной организации производства». Откуда, однако, эта уверенность, что фабричный котел имеет действительно благодетельное воспитательное влияние? Г. В. В. обладает этой уверенностью, обладает до такой степени, что не считает нужным как-нибудь мотивировать ее, обосновать в глазах читателей... В сущности, «общественная форма труда» при господстве капитализма сводится к тому, что несколько сот

или тысяч рабочих точат, вертят, накладывают, тянут, бьют и совершают еще множество других операций в одном помещении. (И только? Непонимание Михайловским общественного значения капиталистической формы производства достигает во всей этой тираде поистине геркулесовых столбов. Можно думать, что Михайловский никогда и не слыхал о существовании такой например, книги, как «Капитал» Маркса. — *М. Т.-Б.*). Правда, мы видим иногда на Западе такую солидарность между рабочими, какую мудрено встретить у нас, но это объясняется отнюдь не непосредственно условиями труда в фабричном котле, а развитием просвещения и политической жизни... Если капитализм и имеет какую-либо общественно-историческую задачу или миссию, так разве только отрицательную. Допуская же, вместе с г. В. В., что миссия эта состоит именно в воспитании рабочих для общественного труда, надо будет, кажется, признать, что капитализм в Европе не исполняет своей «прямой», своей «главнейшей общественно-исторической задачи» [1].

Эта тирада обрисовывает нам всего Михайловского. Его утопизм возвышается до полного игнорирования результатов европейской культуры и европейской мысли новейшего времени. Конечно, образованный человек Запада, как бы враждебно он ни относился к капиталистическому строю, затруднился бы выступить с категорическим заявлением, что «если капитализм и имеет какую-либо миссию, то разве только отрицательную». Это уже пахнет настоящим Востоком!

Впрочем, статьи г. В. В. встретили и более сильную критику. Очень интересна в этом смысле статья г. Русанова: «Против экономического оптимизма», появившаяся в «Деле» за 1880 г. (№ 12). «Для России рынка не хватит, — комментирует г. Русанов взгляды г. В. В. — Были бы охота да уменье, а то можно запрудить русскими изделиями Среднюю Азию, благо здесь конкурентов не бог знает сколько. Все порывания на Восток, все экспедиции, отправляемые туда, встречают одобрительные кивки русских капиталистов и торговцев, которые хлопочут только о том, чтобы узнать поскорей о судьбе подобных экспедиций. Очевидно, Drang nach Osten не лишен для нас, русских, того же смысла, какой имело открытие новых земель для западноевропейцев... Русский капитал забирает и может забрать окончательно в свои руки 10-миллионную армию кустарей. Независимый кустарь есть в настоящее время почти такая же небывальщина, как жар-птица... Кустарь, мелкий ремесленник — вот основная ячейка нашего капитализма... Стоит послушать, что говорят исследователи кустарной промышленности, чтобы убедиться, в какой степени эта промышленность является не самостоятельным хозяйством мелких производителей, а одним из видов работы на кулака, наживающего капиталы, подобно заправскому фабриканту. Между современным типом кустарной промышленности и капиталистической формой производства существует положительная аналогия. Кустарная промышленность превращается во внешнее отделение фабрики: кустарь очень часто обрабатывает за низкую заработную плату материал, вручаемый ему благодетельными предпринимателями, у себя на-дому. Коли хотите, г. Колупаеву

[1] «Отечественные записки», 1883, т. 269. Письмо в редакцию Постороннего.

это еще более на-руку. Он не должен тратиться на устройство помещения для работы, на покупку рабочих инструментов... Объединение рабочих-кустарей в мануфактуре — вот естественная форма русского капитализма в ближайшем будущем... Как-никак, а зависимым положением от скупщиков десяти миллионов кустарей нельзя игнорировать, строя оптимистические иллюзии о хилости нашего капитализма... Раз мы заводим у себя последние механические изобретения Западной Европы, потребное количество продуктов будет добываться трудом одного, положим, человека, вместо шести: пять человек будут лишены работы, хотя не потеряют чувства голода и т. п. Что станется с ними? Несомненно, им придется вытерпеть ужаснейший ряд лишений, который, естественно, сблизит их между собою и сотрет, словно губка мел, последние остатки полусознательного отношения к действительности. Это объединение, этот трезвый взгляд на прелести возникающего русского капитализма, сословное самосознание, — все это подвинет их к практическому решению вопроса относительно народного благосостояния. И несомненно, что тогда решать вопрос будут... на основании слов трудящегося человека, тщетно ищущего исхода из своего невыносимого положения и не находящего ничего, даже работы. Вот это объединение и трезвый взгляд на вещи, формируемые ходом жизни в том сословии, которое составляет жизненный нерв государства в смысле его прочности, в сословии непосредственных производителей, и будут «приобретения», полученные обществом от русского капитализма, развившегося до крупно-капиталистической формы производства».

Г. Русанов останавливается на своеобразной аргументации г. В. В., отрицавшего возможность развития крупного производства в России на том основании, что «идеал (капиталистического хозяйства) — кучка фабрикантов и землевладельцев, командующих среди необъятного пространства (например, России) там и здесь сравнительно небольшими группами рабочих, и миллионы эмигрирующих — представляет до того нелепую и безобразную картину, что нет возможности смотреть на нее иначе как на логическое последствие каких-либо нелепых посылок». На это г. Русанов отвечает следующим образом: «То, что автор называет «безобразной картиной», разыгрывалось по всей Европе: повсюду исчезли самостоятельные производители, во многих местах они эмигрировали... Спора нет, что существование промышленного резерва — картина «безобразная», но разве она от этого менее действительна? Если она «нелепа», то ведь это значит, что нелепые вещи совершаются в действительности... Автор хотел подорвать кредит того положения, будто все страны непременно должны прогнаться сквозь строй капитализма, а вместо этого на лире благородных чувств побряцал о невозможности «нелепых» картин. Думать так можно только тому, кто верует в гегелевскую разумность существующего... Возможность для России пользоваться механическими изобретениями самой последней конструкции не отнимет у капитализма почвы для развития, а, напротив, облегчит ему переход к машинной промышленности, ибо фабриками и заводами немногих центров безжалостно раздавит 10-миллионную толпу теперешних кустарей, которые к тому времени войдут в состав мануфактуры, а частью будут, может быть, работать попрежнему в пользу капиталиста

у себя на-дому. Мы не хотим этим сказать, что нам следует опустить руки, предоставя случаю, времени и враждебным влияниям судьбы народа, но именно указываем, что «хилость» русского капитализма более чем сомнительна, что капитализм — опасный враг народного благосостояния и что с ним придется посчитаться крепко».

Точка зрения г. Русанова весьма близка к экономическим взглядам другого экономиста 80-х годов — г. Николай — она *, выступившего в октябре 1880 г. в журнале «Слово» с обратившими на себя общее внимание «Очерками нашего пореформенного общественного хозяйства», переизданными затем в дополненном виде в 1893 г. Эта работа долгое время считалась у нас образцом статистического искусства и знания. Но позднейшая критика обнаружила, что статистика г. — она, несмотря на свой более научный вид, столь же неудачна, как и статистика г. В. В. Отличительной чертой статистических построений обоих этих авторов — и даже г. — она еще более, чем г. В. В., — является крайне некритическое отношение к статистическим источникам, к которым они прибегают, соединенное с весьма небрежным пользованием этими источниками. Оба они не только верят любой цифре, помещенной в официальных изданиях, как бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядом не вникают в имеющиеся в этих самых источниках разъяснения относительно того, что именно изображают эти цифры. Поэтому они нередко сравнивают абсолютно несравнимое. Получаются фантастические статистические построения, дошедшие до своего апогея в трудах профессоров Карышева и Каблукова [1].

Ввиду этого о статистике г. — она лучше умолчать. Теория же г. — она представляет большой интерес. На первых же страницах своего труда г. — он ясно высказывает свою точку зрения: «Принцип манифеста (19 февраля) — наделение крестьян землею или, выражаясь шире, доставление самим производителям орудий труда для наибольшего развития производительности, а, следовательно, для развития условий, наиболее обеспечивающих экономический рост всего народа, принцип этот... стоял в безусловном противоречии с принципом, на котором зиждется хозяйственный строй западноевропейских государств. Крымская война заставила Россию сблизиться с Западной Европой, а, следовательно, с ее хозяйственными условиями; в результате у нас явилась борьба двух хозяйственных форм... Развитие одной формы все более и более сближает производителя с произведенным продуктом; развитие другой, — как раз наоборот, — все более и более отдаляет продукт от производителя. Словом, одна форма совершенно исключает другую... Манифест 19 февраля придерживается первой формы, так как в ней видит залог развития. Казалось, что для капиталистической формы у нас и места нет. Но это только так казалось. В действительности же она тотчас по провозглашении законодателем первой формы вступила с ней в борьбу» [2].

---

* Ниже всюду «г. — он». — *Ред.*

[1] См. первое издание «Русской фабрики» и прения по моему докладу «Статистические итоги промышленного развития России», также г. Ильина — «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России».

[2] «Очерки нашего общественного пореформенного хозяйства», 1893 г. стр. 2—3.

Характер этой борьбы и ее возможные результаты рисуются г. — ону в значительно ином виде, чем г. В. В. А именно: г. В. В. полон твердой уверенности в призрачности успехов нашего капитализма и стремится внушить эту уверенность и своим читателям; г. В. В. страдает, по верной характеристике г. Русанова, непоколебимым «экономическим оптимизмом»; напротив, г. — он смотрит на экономический процесс России весьма мрачно.

«Приложению капитала к земле, исполнению его исторической миссии у нас мешает «Положение», наделившее производителей орудиями труда, капиталистическому же хозяйству способствует вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность. Эти два взаимно уничтожающих направления и составляют источник всех тех противоречий, с которыми нам приходилось встречаться. Течение капиталистическое, однако, видимо пересиливает. Все данные говорят в пользу того, что все бóльшая и бóльшая часть производителей экспроприируется» («Очерки», 71).

Г. — он признает, подобно г. В. В., что капиталистическое производство на Западе исполнило и исполняет важную историческую миссию — обобществления труда. В России же капитализм принесет собой только разрушение. «Голод есть непосредственное последствие несоответствия формы, которую приняла наша промышленность за последнее тридцатилетие. Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем, унаследованный нами... вместо всего этого мы стали на путь, совершенно противоположный» («Очерки», 322). «Задача, которую предстоит решить русскому обществу, с каждым днем усложняется. С каждым днем захваты капитализма становятся обширнее, и, вместе с тем, число занятых рабочих и средства для их существования уменьшаются. Народное производство уступает место капиталистическому... русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло воспользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ... Общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства... научное земледелие и современную крупную промышленность нам приходится привить к общине... Для общественно-хозяйственной организации иного пути нет: или развитие, или вырождение и смерть... Не остается иного средства... как направить все усилия на объединение земледелия и обрабатывающей промышленности в руках непосредственных производителей, на объединение не на почве мелких, разрозненных производительных единиц — что было бы равносильно «увековечению всеобщей посредственности», — а на почве создания крупного общественного, обмирщенного производства» («Очерки», 344, 345, 346).

Г. В. В. и Николай — он являются типичными представителями того направления в нашей литературе, которое отрицает какие бы то ни было положительные стороны в развитии на русской почве капиталистического хозяйства. В этом заключается сходство г. В. В. и г. — она. Но по своим положительным идеалам, г. В. В. и г. — он существенно различаются

друг от друга. А именно: г. — он, вместе с Михайловским, Русановым и др., выражал собой демократически-протестующее течение русской общественной мысли, лишенное какой бы то ни было резкой классовой окраски, а вместе с тем и реальной связи с какими-либо практическими экономическими задачами.

Направление это отражало идеалы и настроения нашей так называемой интеллигенции, своеобразной общественной группы, созданной русскими условиями, не примыкающей прочным образом ни к какому экономическому классу и потому в известной мере свободной от классовых интересов. Отцом этого направления можно считать Чернышевского. Общественными идеалами этого направления были наиболее прогрессивные идеалы Запада. И если представители этого направления являлись у нас нередко идеализаторами русских хозяйственных особенностей, то это объяснялось отнюдь не приверженностью наших идеалистов к этим особенностям и не национальными предрассудками. Нет, идеализация общины, артели и непримиримая вражда к капитализму явились у этого направления следствием незрелости наших экономических отношений, позволившей искренно верить, что община и артель могут непосредственно превратиться в «высшую форму» хозяйства.

В новейшее время самым блестящим выразителем этого идеалистического и утопического течения можно считать Михайловского. Не будучи экономистом и, вообще не обладая охотою и привычкою к строгому научному мышлению, Михайловский доходит, как мы видели, до крайних пределов утопизма; ему ничего не стоит одним махом порешить вопрос о капитализме, не только в русской, но и западноевропейской жизни. Но уж одна решительность его приговоров наводит на мысль, что ни о какой классовой подкладке идеалов Михайловского и говорить нечего. Если Михайловский предпочитает крестьянина-собственника пролетарию, фабричному рабочему, то это отнюдь не потому, чтобы душе Михайловского интересы крестьянина были почему-либо ближе, чем интересы рабочего. Михайловский одинаково мало знает как тех, так и других. Предпочтение же его крестьянину объясняется моментами совсем иного рода, а именно: Михайловский полагает, — быть может и ошибочно, — что его собственный общественный идеал может быть лучше осуществлен крестьянином, чем рабочим. И если бы Михайловский убедился, что для осуществления этого идеала фабричный рабочий является более подходящим общественным элементом, он, без сомнения, не затруднился бы перенести свои симпатии этому последнему.

Что касается г. — она, то он, подобно Михайловскому, прежде всего, утопист. Все построение его знаменитых «Очерков» свидетельствует об этом утопизме. Он приводит нескончаемые ряды цифр для доказательства своего тезиса, что «капиталистическое течение пересиливает» в России. И вдруг, в результате статистического анализа, долженствующего доказать рост нашего капитализма, получается призыв к «русскому обществу» создать «крупное, обобществленное, обмирщенное производство». Откуда возьмутся в русском обществе силы для этого создания? Почему русское общество пожелает приняться за это создание? Какими средствами последнее может быть осуществлено? В какой мере проект создания «обмирщенного» производства согласуется с полити-

ческими, правовыми, культурными и иными условиями русской жизни? Всем этим г. — он нимало не интересуется.

Но, будучи чистым утопистом по своим практическим пожеланиям, г. — он нередко совершенно трезво смотрит на действительность. Он не отрицает роста нашего капитализма, упадка промыслов и крестьянского хозяйства вообще. Оптимизмом по отношению к действительности г. — он всего менее грешен. Он даже грешит обратным: он слишком ортодоксально-марксистски изображает борьбу крупного и мелкого производства, преувеличивает во многих отношениях влияние капитализма на разные стороны нашей хозяйственной жизни.

Совсем иное течение нашей общественной мысли представляет г. В. В. Идеалы г. В. В. отнюдь не отличаются таким широким полетом, как идеалы г. — она или Михайловского. Мы видели, что в предисловии к «Судьбам капитализма» г. В. В. самым решительным образом отказывается от всяких несбыточных мечтаний. В «Очерках теоретической экономии» г. В. В., не обинуясь, называет «практические заключения» г. — она «утопией» [1]. Стремление г. — она подорвать веру в политику «малых дел» — в частности в поднятие крестьянского хозяйства путем кредита (по мнению г. — она, кредит способствует только развитию кулаков, «но никак не может служить производителю, будь этот производитель единичным лицом или общиной». К крестьянскому банку г. — он относится совершенно отрицательно) встречает энергичную отповедь г. В. В. Для этого последнего «малые дела» — излюбленная стихия. Идеалы его очень узки и близки к действительности. Известно, что г. В. В. присваивает себе и своему направлению название «народнического» (от которого открещивался г. Михайловский). Уже этим названием г. В. В. желает подчеркнуть, что по своим положениям и идеалам он близок к «народу», — иначе говоря, к крестьянству, которое олицетворяет народ в глазах г. В. В. И действительно, нельзя не признать, что практическая политика народников направления г. В. В. является попыткой создать общественную программу на базисе практических реальных нужд крестьянского хозяйства. Практическое значение этой программы отчасти подрывается ходом экономического развития России, уменьшающим жизнеспособность хозяйства среднего крестьянина. Крестьянский банк, кустарные банки, ссудо-сберегательные товарищества, артели, земские склады и музеи, земские агрономы и пр. и пр. разнообразные меры помощи крестьянину, выдвигаемые народниками, конечно, имеют известное значение. Отрицать это можно только с узко доктринерской точки зрения. Но не нужно также и преувеличивать важность этих мер, играющих, во всяком случае, второстепенную роль в ряду факторов, определяющих экономическое положение того общественного элемента, для которого меры эти предназначены — среднего крестьянства.

Во всяком случае, по своим ближайшим целям направление, представляемое г. В. В., оказывается, повидимому, весьма жизненным. А так как среднее крестьянство, идеологическим выразителем интересов которого является наше народничество, составляет большинство русского населения, то, казалось бы, народничество должно было бы быть самым

[1] «Очерки теоретической экономии», 1895, стр. 219.

влиятельным направлением русской жизни. Однако, этого, несомненно, нет. Напротив, народничество быстро утрачивает у нас кредит и почти лишилось уже всякого влияния среди нашей интеллигенции. В то время, как утопическое направление Михайловского и г. — она обнаруживает большую живучесть и продолжает господствовать над умами значительной части нашей интеллигенции, г. В. В. стоит теперь совершенно одиноко. В чем же причина этого странного неуспеха направления, выступающего под флагом ближайших экономических нужд большей части русского населения?

Причина эта, по моему мнению, заключается в том, что общий строй русской жизни не благоприятствует успеху слишком трезвенных, реалистических программ. Если бы народники имели возможность обратиться со своей проповедью «малых дел» непосредственно к крестьянству, то я не сомневаюсь, что проповедь эта была бы услышана. Но в том-то и дело, что, по нашим условиям, г. В. В. приходится обращаться с этой проповедью не к крестьянству, а к интеллигенции, которая ничего общего с крестьянством не имеет. Трезвенность г. В. В. отталкивает интеллигента тем более, что если по своим практическим задачам народничество весьма реалистично, то по своему пониманию процесса хозяйственного развития России оно весьма утопично.

Если г. — он является утопистом в области хозяйственной политики, то г. В. В. — не меньший утопист в области теории хозяйственного процесса. Г. В. В. не видит вполне очевидного факта огромных успехов капиталистического хозяйства России и склонен начисто отрицать их, обладая совершенно непоколебимым оптимизмом. Эта непоколебимая вера в силу «малых мер» и закрывание глаз перед событиями и процессами огромной важности не мешало бы успеху г. В. В. перед крестьянской аудиторией, которая ради хотя бы и незначительной пользы малых мер простила бы г. В. В. огромные промахи его теории. Но для интеллигенции общая несостоятельность теоретической конструкции г. В. В. в связи с его политическим оппортунизмом выступает на первый план и заслоняет реалистические элементы его экономической политики.

Г. г. В. В. и Николай — он могут считаться таким образом выразителями двух различных общественных направлений нашей жизни, общим для которых является отрицательное отношение к капитализму, а различием — оппортунизм одного направления и радикальный утопизм другого. Оба эти направления имеют резко выраженный демократический характер и этим отличаются от других направлений нашей жизни, к рассмотрению которых мы переходим.

Буржуазно-либеральное направление никогда не играло у нас большой роли, что и понятно, ибо наша буржуазия не имела основания быть либеральной по той простой причине, что и при господстве казенщины ей жилось отлично. Органом этого направления может считаться, в известной мере, «Вестник Европы». Говорю «в известной мере», потому что направление этого журнала столь же мало обладает резкой классовой окраской, как и направление Михайловского и его единомышленников. «Вестник Европы» гораздо более либерален, чем буржуазен. Он отражает собой не интересы какого-либо определенного экономического класса, а взгляды и общественные идеалы культурной и либе-

рально настроенной части наших имущих классов вообще. Буржуазность же «Вестника Европы» сказывается лишь в том, что он вообще стоит на стороне господствующего экономического порядка и лишен принципиальной враждебности капитализму. «Вестник Европы» всегда давал энергичный отпор посягательствам фабрикантов на карманы потребителей, боролся с протекционизмом, отстаивал фабричное законодательство. Экономическая программа «Вестника Европы» тем отличается от программы народников, что с точки зрения «Вестника Европы» и крупное капиталистическое, и мелкое ремесленное, кустарное или крестьянское производства одинаково имеют право на существование и развитие. Между тем как гг. В. В. и — они заявляют себя «истинными» марксистами, «Вестник Европы», в лице своего главного экономиста г. Слонимского, вел и ведет принципиальную борьбу с Марксом и марксизмом. Это различие весьма характерно. Г. Слонимский совершенно чужд отрицательного отношения к современному экономическому строю в его основаниях. Его идеал — западноевропейский буржуазный строй, а средством осуществления этого строя в России является реформа нашего законодательства в либеральном духе. Отстаивая фритредерство в области международной экономической политики, «Вестник Европы» выступает энергичным защитником фабричного законодательства и борется с законодательными и иными мероприятиями, направленными к удовлетворению классовых интересов крупных фабрикантов. По своей экономической программе «Вестник Европы» занимает середину между направлением так называемых катедер-социалистов, господствующим в Германии, и чистыми фритредерами, имеющими теперь какое-либо значение на континенте только во Франции. Главнейшей же задачей нашего времени «Вестник Европы» признает для России не экономические, а политические реформы — и в этом резко расходится с народничеством.

Что касается чисто классового течения, враждебного протекционизму и фабрике, то оно могло исходить только от аграрного класса. И действительно, в среде нашего землевладельческого класса не прекращалась оппозиция не только протекционизму, но и всему новейшему направлению нашей торгово-промышленной и финансовой политики. Достаточно напомнить о том упорном сопротивлении денежной реформе, имевшей целью ускорить капиталистическое развитие России, которое пришлось преодолеть нашему министерству финансов. Ярким образчиком этой чисто аграрной оппозиции росту промышленного капитализма является, например, известное ходатайство Императорского вольно-экономического общества по поводу пересмотра таможенного тарифа в 1890 г. Это ходатайство дышит духом фритредерских журналов начала века. Приведу для образчика некоторые выдержки из этого любопытного документа.

«С политической точки зрения не расчет насаждать капиталистические и демократизирующие производства, в ущерб искони народным консервативным, как не расчет распложать массы негодных к исполнению воинской повинности безземельных и бездомных людей, которым терять нечего и которые давно не пользуются у нас доброю славою. Уже в 1812 г., по свидетельству очевидцев, простолюдины Московской губернии считались самыми развратными в России людьми. Достаточно и в наше время просмотреть списки бессрочно отпущенных и запасных

нижних чинов, чтобы подметить весьма характерный факт: в ту пору, как тамбовские земледельцы возвращаются с военной службы большей частью унтер-офицерами, ефрейторами, фельдфебелями и вахмистрами, московские фабричные чуть не поголовно оказываются в разряде штрафованных. Общеизвестны притом и факты разрушения семейных начал в фабричном нашем населении, и факт непомерного пьянства в его среде... В начале семидесятых годов было дознано, что когда железные дороги упразднили гужевой промысел, то коломенские и серпуховские извозчики в большинстве ушли на фабрики, распились, обеднели, тогда как тульские, орловские и курские купили на вырученные за лошадей деньги землю и всецело отдались сельскому хозяйству... Тарифы с бессрочно-высокими ставками равносильны систематическому разорению потребительских масс, при котором самый рост народного богатства становится физической невозможностью». Эти и другие подобные соображения названного удивительного «ходатайства», не делающего во всяком случае чести Вольно-экономическому обществу, приводят Общество к заключению, что «не только не усматривается повод к дальнейшему повышению таможенных пошлин, но наступила пора принять почин и в таможенном разоружении» [1].

Само собою разумеется, что подобного рода «ходатайства» не получили удовлетворения. Тариф 1891 г. был торжеством протекционистов. За протекционистов была вся консервативно-националистическая печать с «Московскими ведомостями» во главе. Однако, хотя влияние классовых интересов фабрикантов на направление нашей торгово-промышленной политики не подлежит спору, было бы большой ошибкой считать эти классовые интересы единственной или даже главной причиной усиления протекционизма в новейшее время. Вопрос этот, по плану настоящей работы, относится ко второму тому «Русской фабрики»; тем не менее замечу уже и теперь, что и в новейшее время, как и при возникновении нашей фабричной промышленности при Петре I, русское правительство, поощряя рост фабричного производства, руководилось, главным образом, так называемыми «государственными» соображениями — т. е. стремлением увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства. Рост производительных сил есть единственно возможная опора политического могущества. Поэтому усиление националистического направления не может не сопровождаться в стране с юной и неокрепшей промышленностью усилением покровительства национальной промышленности. В этом росте национализма, а не в усилении влияния чисто классовых интересов фабрикантов, и следует видеть важнейшую причину того поворота нашей торгово-промышленной политики, которым были ознаменованы восьмидесятые годы.

Эти беглые замечания о роли нашей фабрики и промышленного капитализма в строе русской общественной жизни далеко не исчерпывают, разумеется, затронутых мною вопросов. Дальнейшее развитие и обоснование сказанного в этой главе отлагается мною до второго тома «Русской фабрики», с выходом которого я постараюсь не замедлить.

---

[1] «Ходатайство Императорского вольно-экономического общества об изменениях в русском таможенном тарифе», Спб. 1890 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства III
Предисловие к третьему изданию 3
Из предисловия к первому изданию 4

ВВЕДЕНИЕ

Фабрика в XVIII веке. Важность торгового капитала в экономическом и обществ нном строе Московской Руси. — Торговый капитализм и петровские фабрики. Фабриканты из купеческого класса. — Экономическая и социальная необходимость торгово-промышленной политики Петра. — Невозможность капиталистической фабрики в петровскую эпоху. — Трудность доставать рабочие руки. — Закрепощение фабричного рабочего. — Последствия этого. — Сокращение привилегий фабрикантов по мере роста дворянского влияния. — Лишение фабрикантов права покупки крестьян к фабрикам. — Изменение сословного состава фабрикантского класса. — Противоположность интересов дворянства и купечества в екатерининской комиссии. — Враждебное отношение к купцам-фабрикантам дворянства и среднего купечества. — Домогательства купечества. — Отношение к фабрикантам правительства. — Усиление враждебного фабрикантам течения при Екатерине. — Защита дворянством свободы крестьянских промыслов. — Быстрый рост фабричной и кустарной промышленности во второй половине XVIII века.— Отсутствие антагонизма между фабрикой и кустарем в это время 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дореформенная фабрика

Глава I

Развите промышленности в дореформенной России. Возникновение у нас хлопчатобумажного производства. — Его необыкновенно быстрый рост. — Причины этого. — Капиталистический характер нашего хлопчатобумажного производства и его связь с бумагопрядильным производством Англии. — Слабость правительственной поддержки. — Промышленный кризис конца 30-х годов. Кризис полотноткацкого производства 30-х — 40-х годов. — Размеры этого кризиса. — Освобождение суконной промышленности от подчинения государству. — Рост числа фабричных рабочих и концентрация производства до 40-годов; изменение направления развития после этого времени. — Железоделательная промышленность и ее застой. — Связь с крепостным правом 49

Глава II

Фабрика с наемным трудом. Разрешение императором Павлом покупки к фабрикам крестьян. — Ничтожные последствия этой меры. — Значение

Стр.

вольнонаемного труда в различных отраслях фабричного производства дореформенной России. — Преобладание свободного труда в новых фабриках и принудительного труда в старых. — Окончательное запрещение покупки к фабрикам крестьян. — Развитие новой капиталистической фабрики. — Относительное сокращение числа дворянских фабрик. — Состав фабричных рабочих. — Кабальные рабочие. — Фабричная работа питомцев воспитательного дома. — Изменение состава фабрикантского класса. — Новый капиталист — крестьянский выходец. — Фабриканты и кустари. — Крепостные фабриканты. — Отношение правительства к развитию капитализма в крестьянской среде 69

Глава III

Вотчинная и посессионная фабрика. Вотчинная фабрика. — Уменьшение числа фабрик с принудительным трудом в 30-х и 40-х годах. — Рабочие из дворовых и крепостных крестьян. — Отношение правительства к вотчинным фабрикам. — Посессионная фабрика. — Элементы, из которых образовался класс посессионных фабричных рабочих. — Положение рабочих на различных посессионных фабриках. — Мероприятия правительства по отношению к посессионным фабрикам. — Проект министерства внутренних дел 1811 г. — „Положения" важнейших посессионных фабрик. — Изменение взглядов правительства на желательность сохранения посессионных фабрик. — Неудобства посессионного владения. — Упадок посессионной фабрики. — Законодательные меры. — Ликвидация посессионного фабричного владения. — Положение бывших фабричных крестьян при переходе в свободное состояние . . 84

Глава IV

Волнения посессионных фабричных рабочих. Волнения рабочих на разных фабриках. — Большая Ярославская мануфактура. — Частичные успехи рабочих. — Фабрика Осокина. — Упорство рабочих. — Жестокие наказания рабочих. — Волнения на Фряновской и Купавинской фабриках. — Красносельская фабрика. — Попытка устройства производительной ассоциации. — Другие примеры волнений. — Отношение к ним центральных и местных властей 112

Глава V

Дореформенное фабричное законодательство. Проект 1811 г. учреждения особого сословия фабричных мастеровых. — Жалобы фабрикантов на оставление крепостными работ. — Проект 1832 г. кн. Голицына. — Сочувственное отношение Голицына к рабочим. — Оппозиция проекту московских и петербургских фабрикантов. — Закон 1835 г. — Меры министерства финансов к улучшению положения фабричных рабочих. — Оппозиция фабрикантов. — Полный неуспех этих мер. — Первый закон, ограничивавший работу малолетних 1845 г. — Его странная судьба. — Проект кн. Щербатова. — Проект гр. Закревского. — Правила Закревского для фабричной работы в Москве. — Отношения к этим правилам мануфактурного совета и министерства финансов. — Дальнейшая судьба этих правил 131

Глава VI

Заработная плата. Заработная плата на посессионных текстильных фабриках в Московской, Ярославской и Владимирской губерниях в 1803 г. — Фряновская фабрика. — Купавинская фабрика. — Большая Ярославская мануфактура. — Плата рабочим на владимирских хлопчатобумажных фабриках в 50-х годах. — Повышение заработной платы во всех отраслях труда, кроме хлопчатобумажного производства. — Мнение Гакстгаузена о заработной плате в России. — Причины высокого уровня платы фабричных рабочих в николаевской России 145

Стр.

Глава VII

Фабрика и кустарная изба. Связь между фабричной и кустарной промышленностью. — Возникновение кустарной промышленности под влиянием фабрики. — Кустарная набойка и ткачество в селе Иванове. — Превращение фабрики в фабричную контору. — Рост „самостоятельного" кустарного производства. — Значение в этом отношении фабрики. — „Самостоятельные" ткачи-кустари в Иванове. — Базарная торговля миткалем. — Жалобы фабрикантов на „недобросовестность" домашних ткачей. — Попытки фабрикантов задержать развитие домашнего ткачества. — Отношение министерства финансов к кустарной промышленности. — Закон 1846 г. относительно раздачи работы на-дом. — Развитие кустарного ткачества в николаевскую эпоху. — Распадение полотняных фабрик. — Жалобы полотняных фабрикантов на конкуренцию кустарей. — Распадение суконных и шелковых фабрик. — Кустарная обработка пеньки. — Роль фабрики в развитии кустарных промыслов по обработке металлов. — Наблюдаемое во многих промыслах раздробление производства. — Развитие кустарных промыслов Московской губернии. — Роль крепостного права в развитии кустарных промыслов. — Эволюция отдельных отраслей промышленности — бумаготкацкой и ситцепечатной. — Общая характеристика состояния кустарного производства и его внутреннего строя в николаевскую эпоху 166

Глава VIII

Отношение общества и литературы к фабрике. Протекционисты и фритредеры александровской эпохи. — Книга Мордвинова „Дух журналов". — Восхваление преимуществ земледелия перед фабричной промышленностью. — Распространение фритредерских взглядов в обществе. — Отношение к фабрике славянофилов. — Их симпатии к кустарному производству. — Книга Гакстгаузена. — Идеализация русского промышленного строя. — Неверное представление о строе кустарных промыслов. — Сочувствие крепостному праву и посессионной фабрике. — Своеобразный сен-симонизм. — Взгляды на фабрику западников. — Отношение к фабрике гр. Канкрина и вообще николаевской бюрократии. — Фабричная идиллия 40-х годов. — Различие между теоретическими взглядами и практическим отношением власти к фабрикантам в николаевскую эпоху 207

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пореформенная фабрика

Глава I

Развитие фабричной промышленности в новейшее время. Влияние реформы 19 февраля на различные отрасли фабричной промышленности. — Вызванный этой реформой рабочий кризис. — Периодические колебания нашей промышленности. — Упадок ярмарочной торговли. — Промышленные кризисы. — Мнение г. — она о связи кризисов с неурожаями. — Рост чугуноплавильного производства. — Отчего зависит промышленный подъем новейшего времени. — Современный промышленный кризис. — Его причины. — Движение курсов биржевых бумаг. — Дисконтный процент. — Откуда явилась нужда в деньгах. — Застой в разных отраслях промышленности зимой 1899—1900 гг. — Состояние железоделательной промышленности. — Вопрос о рынке для русской

Стр.

промышленности. — Рынок в стране с развивающимся денежным хозяйством. — Рост числа фабричных рабочих в России. — Концентрация производства. — Что тормозит в России успехи капиталистического производства 239

Глава II

Новейшее фабричное законодательство. Проекты комиссий при с.-петербургском генерал-губернаторе и при министерстве финансов под председательством Штакельберга. — Отношение фабрикантов петербургских и центрального района к законодательной охране малолетних рабочих. — Отзывы разных лиц: Хлудовых, графа Баранова и других. — Проекты 70-х годов. — Постановление съезда машиностроителей 1875 г. — Закон 1882 г. — Последующие законы. — Связь их с промышленным кризисом 80-х годов. — Почему московские фабриканты противятся законодательному ограничению времени работы, а петербургские настаивают на таковом. — Ходатайство лодзинских фабрикантов 1894 г. — Отношение московского общества содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности к нормировке рабочего дня. — Закон 2 июня 1897 г. 297

Глава III

Заработная плата. Влияние реформы 19 февраля на заработную плату. — Повышение платы и последующее падение ее. — Рабочие на иваковских фабриках по отзыву Я. Гарелина. — Сравнение заработной платы в Шуйском уезде в 50-х и 80-х годах. — Падение реальной заработной платы. — Заработная плата на московских фабриках. — Изменение заработной платы в новейшее время. — Современный фабричный рабочий по исследованиям г. Дементьева и других московских земских статистиков. — Обособление фабричных рабочих в особый общественный класс. — Обследование г. Шестаковым рабочих на фабрике Цинделя. — Связь с землей. — В чем эта связь заключается у различных групп рабочих. — Значение этой связи с землей 331

Глава IV

Борьба фабрики с кустарем. Изменение условий конкуренции фабричной и домашней промышленности в новейшее время. — Сокращение числа домашних рабочих в хлопчатобумажном производстве. — Падение ручного ткачества в разных отраслях труда. — Раздробление производства — чем оно вызывается. — Металлические кустарные промыслы. — Гвоздарный промысел. — Павловские замочники. — Почему в Павлове кустарная мастерская становится мельче, а в Загарье крупнее. — Упадок лесных промыслов. — Значение вздорожания сырья. — Гончарничество. — Щеточный промысел Московской губ. — Развитие новых промыслов под влиянием фабрики. — Экскурсия в область английских экономических отношений. — Английские кустарные промыслы. — Сходство положения английского и русского кустаря. — Взгляды англичан на способы борьбы со злом домашней системы. — Бегство мужика из деревни в город. — Чем оно вызывается по отзывам местных наблюдателей. — Влияние отхода на экономическое положение населения в Костромской губ. — Отход и грамотность в Костромской и Ярославской губерниях 351

Стр.

Глава V

Отношение общества и литературы к фабрике в новейшее время. Фритредеры 60-х годов. — Отличие их от фритредеров крепостной эпохи. — Отношение к фабрике. — Симпатии к капитализму. — Взгляды „Современника" на фабрику и кустарное производство. — Книги Корсака и Флеровского. — Артельные увлечения. — Обсуждение фабричных вопросов на первом Всероссийском торгово-промышленном съезде. — Взгляды „Отечественных записок" 70-х годов. — Отношение к фабрике г. Михайловского. — Книга г. В. В. „Судьбы капитализма в России". — Народничество. — Г. Николай — он и г. В. В. — Почему народничество не имеет у нас успеха. — Отношение к капитализму различных направлений русской жизни. — Классовое представительство аграрных интересов. — На чем основывается промышленная политика новейшего времени 393